

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

XLV

1931

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLV

1931
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. А. Л. Толстая. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНИИ.	5
2. М. А. Алдановъ. — БѢГСТВО.	55
3. В. Сиринъ. — ПОДВИГЪ.	149
4. Г. Газдановъ. — ИСЧЕЗНОВЕНІЕ РИКАРДИ.	186
5. Н. Н. Берберова. — СТИХОТВОРЕНІЯ.	212
6. Ант. Ладинскій. — СТИХОТВОРЕНІЯ.	214
7. Г. Раевскій. — СТИХОТВОРЕНІЯ	216
8. Ю. Мандельштамъ. — ЭЛЕГИЯ.	217
9. Влад. Смоленскій. — ГИБЕЛЬ (стих.).	219
10. Б. К. Зайцевъ. — ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА (Продолженіе).	220
11. С. І. Гессенъ. — БОРЬБА УТОПИИ И АВТОНОМИИ ДОБРА ВЪ МИРОВОЗЗРѢНІИ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО И ВЛ. СО- ЛОВЬЕВА.	271
12. М. В. Вишнякъ. — ИЗЪ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ	306
13. С. Н. Николаевъ. — КОНЕЦЪ КОМУЧА.	333
14. П. М. Биццли. — U. S. E.	362
15. Ст. Ивановичъ. — СОЦІАЛИЗМЪ ПРОТИВЪ РЕВОЛЮЦИИ.	389
16. К. І. Зайцевъ. — СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНАГО КРѢПОСТНОГО СТРОЯ ВЪ РОССИИ.	416
17. Н. Лугановъ. — ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ (Нап.-соціалисты).	446
18. Г. П. Федотовъ. — ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕЙ РОССИИ	475
 КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.	
19. В. Вейде. — ОБЪ ИСКУССТВѢ БЮГРАФА.	491
20. А. А. Кизеветтеръ. — НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО СО- ЦІАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.	495
 21. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
М. Цетлинъ. — Ант. Ладинскій: Черное и Голубое.	508
Ю. Сазонова. — Мих. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.	509
Г. Адамовичъ. — Леонидъ Леоновъ: Соть.	512

Ал. Новикъ. — В. Сиринъ: Защита Лужина.	514
М. Цетлинъ. — Иванъ Лукашъ: Пожаръ Москвы.	517
А. Кизеветтеръ. — Бар. Б. Э. Нольде: Далекое и близкое. . .	518
М. Вишнякъ. — М. А. Алдановъ: Портреты.	519
А. Аргуновъ. — С. П. Мельгуновъ: Трагедія адмирала Колчака.	522
Д. Чижевскій. — Гр. П. Бобринскій: Старчикъ Григорій Ско- ворода.	529
С. I. Гессенъ. — Russian Schools and Universities in the World War.	531
К. Н. Гулькевичъ.—Arrangement et Accord du 30 juin 1928.	534
В. А. Мякотинъ. — С. И. Тхоржевскій: Пугачевщина въ по- мѣщицкѣй Россіи.	536
П. Прокофьевъ. — «Теорія равновѣсія и матеріалистическая діалектика»	539
Списокъ новыхъ книгъ.	542
Объявленія.	544

Изъ воспоминаній

I.

КАКЪ Я РОДИЛАСЬ.

Воскресенье. Уроковъ нѣтъ. Накинувъ халатъ и всунувъ ноги въ теплые, войлочные туфли, я бѣгу въ дѣвичью къ нянѣ. На столѣ кипитъ маленькій мѣдный самоваръ, въ углу передъ образами горитъ лампада. Въ комнатѣ очень жарко, но мнѣ спросонья холодно и я съ наслажденіемъ пью горячій чай.

— Вареньица не хочешь-ли? — спрашиваетъ няня.

— Нѣтъ, не хочу, ты лучше Расскажи что-нибудь!

— Ну, чего рассказывать! — У няни грубый, рѣзкій голосъ, но я у нея въ гостяхъ, она мнѣ рада и старается говорить мягче:

— Рассказывать-то нечего.

— Ну, няня, милая, про Алешу.

Няня глубоко вздыхаетъ.

— Алеша ангелъ былъ, царство ему небесное, — говорить няня и крестится. Ужъ такой ребенокъ былъ, такой ребенокъ... Глаза умные, ясные... Эхъ, и вспоминать-то не хочется. Все англичанки эти.. (няня терпѣть не могла Соннъ и гувернантокъ и всегда ревновала къ нимъ всѣхъ насъ). — Воздухъ, воздухъ!

Няня хватается себя за грудь и изображаетъ, какъ гувернантки задыхаются.

— Вотъ онѣ графиню только сбивали... Вѣтеръ холодный, прямо навстрѣчу, развѣ такъ можно? Вотъ и простудили ребенка. Жили, жили безъ воздуха, до ста лѣтъ доживали... Когда умеръ Алеша, ты совсѣмъ маленькая была, глупая. Смѣешься, радуешься, думаешь кукла... А онѣ лежитъ въ гробикѣ, какъ живой...

Няня всхлипываетъ, достаетъ изъ кармана сборчатой ситцевой юбки платокъ и вытираетъ покраснѣвшіе глаза.

— Да ну тебя, только разстроила.

Она привстаетъ и наливаетъ себѣ чашку чаю. Чашка у нея большая, голубая, на ней написано «съ днемъ ангела».

— Лучше чай пей.

Няня молча пьетъ дымящійся чай съ блюдечка, дуется и громко глотаетъ. Миѣ разскажъ про Алешу не нравится, грустно какъ-то и стыдно, что я могла смѣяться, когда Алеша умеръ.

— На все воля Божья. Алешѣ и Ванечкѣ не далъ Богъ жить, а вотъ тебя какъ мать рожать не хотѣла, а ты ишь какая выросла...

— Какъ не хотѣла, разскажи, няня!

— Вотъ надоѣла, все ей знать надо.

— Ну, няня, пожалуйста!

Няня допиваетъ чай, переворачиваетъ чашку на блюдечко и фартукомъ утираетъ ротъ.

— Такъ вотъ, не хотѣли тебя графиня рожать, да ч все. -- (Нянюшка изъ почтенія называла мою мать «они»). — Въ это время, помню, у графини съ графомъ большіе нелады были. Графиня все плакала, а графъ такой серьезный, бывало, пройдетъ, брови сдвинуты, даже страшно. Все одни въ кабинетѣ сидѣли или уйдутъ куда-нибудь, долго ихъ нѣтъ. А графиня все плачетъ. Потомъ узнала графиня, что беременна. «Левочка, — кричитъ, — не хочу, не хочу рожать, ты бросить насъ хочешь, уйти!» А графъ все что-то уговариваютъ. Конечно, я съ маленькими тутъ же, все слышу. Это господа всегда думаютъ, что мы ничего не понимаемъ, а мы во всемъ какъ есть, бывало, разбираемся: кто съ кѣмъ поссорился, да кто въ кого влюбился... Потомъ поѣхали Софья Андреевна въ Тулу къ акушеркѣ выкидышъ дѣлать. А акушерка говоритъ: «Нѣтъ, графиня, кому другому съ удовольствіемъ сдѣлала бы, но вамъ, хоть озолотите, не стану. Случится что — бѣда!» Поѣздила, поѣздила графиня въ Тулу, такъ ничего и не вышло. А ужъ чего-чего не дѣлали: и ноги въ кипятки, опускали, и ванную принимали, да такую горячую, что терпѣть невозможно. А то, бывало, влѣзутъ на комодъ и давай оттуда прыгать, даже страшно станеть! «Что вы, говорю, Софья Андреевна, дѣлаете, развѣ можно, вѣдь вы можете такъ свою жизнь загубить». «Не хочу, говоритъ, няня, рожать, графъ меня больше не любитъ, бросить насъ, уйти хочется!» А сама все прыгаетъ. Ну, не могло ничего — родила.

Тоска сжимаетъ сердце, въ носу шекочетъ, но няня этого не замѣчаетъ и продолжаетъ свой разсказъ.

— Вотъ тебѣ родиться, и графъ ушелъ. Нѣтъ его! Графиня плачетъ. Къ ночи пришелъ, и ты родилась. Помирились. Родилась ты здоровая, большая, волосы черные, глаза не разберешь какіе, а большіе. Въ домѣ всѣ радуются, что дѣвочка; давно не было дѣвочекъ, все мальчишки.

Самоваръ то затихаетъ, то опять начинается шумѣть. Няня встаетъ и прикрываетъ его крышкой. На душѣ у меня немножко проясняется. Я довольна, что всѣ обрадовались моему появленію на свѣтъ и съ нетерпѣніемъ жду продолженія разсказа.

— Ну, няня, что же дальше?

— Да ничего.

— Какъ ничего? Говори же, что дальше?

Няня снова садится и начинается перетирать посуду.

— Дальше! Не захотѣла тебя кормить графиня, вотъ что. Ужъ очень ей все постыло было. Съ графомъ все нелады шли. Чудилъ онъ въ ту пору. То работать уйдетъ въ поле съ мужиками съ утра до ночи, то сапоги такаетъ, а то и вовсе все отдать хочетъ. Графинѣ это, конечно, не нравилось. Жили, жили, наживали, опять же дѣти маленькія... Ну, графиня на зло графу, знала, что онъ этого не любить, и взяла тебѣ кормилицу. Здоровая была баба, толстая.

Въ няниномъ тонѣ чувствуется явное недоброжелательство. Мнѣ дѣлается безконечно грустно. Я стараюсь незамѣтно смахнуть слезы.

— Вотъ тебѣ и разъ! — вскрикиваетъ сердито няня. — Что же это такое? Знала-бъ я, что ты такая нюня, нипочемъ не стала бы разсказывать!

II. - III.

.....
.....

IV.

НАША СЕМЬЯ.

Лѣтомъ мы жили въ Ясной Полянѣ. Въ началѣ сентября переѣзжали въ Москву, гдѣ малыши должны были учиться. Братья ходили въ лицей и гимназію, у меня была англійчанка, и я училась дома.

Отецъ и старшія сестры до поздней осени оставались въ Ясной Полянѣ, а иногда уѣзжали туда ранней весной, хотя мать очень не любила съ ними разставаться. Она увѣряла, что безъ ея заботъ, безъ повара, безъ хорошей пищи отецъ непременно заболѣетъ, что сестры не сумѣютъ заботиться о немъ такъ, какъ она, что живутъ они въ грязи, безъ прислуги и, вообще, надѣлаютъ массу глупостей.

Съ тѣхъ поръ какъ себя помню, отецъ постоянно страдалъ отъ болѣй въ желудкѣ. То у него дѣлались запоры, то расстройство, особенно его мучила изжога. Чего только ни прописывали ему врачи: и соду, и толченый уголь, и магнезію и различныя минеральныя воды — ничто не помогало. Иногда у отца болѣла печень, но сильныхъ припадковъ я не помню. Мать рассказывала, что раньше онъ страдалъ ужасно. Бывало, она просыпалась отъ его ужасныхъ криковъ. Одинъ разъ, прибѣжавъ въ залу, она увидѣла, что отецъ катается по полу въ страшнѣйшихъ мученіяхъ. Мама всегда заботилась, чтобы пища для отца была легкая и вопросъ питанія возвела чуть ли не въ культъ.

Ежедневно вечеромъ приходилъ къ ней поваръ Семенъ Николаевичъ, и они долго обсуждали меню. Къ обѣду подавалось четыре блюда: супъ мясной для всѣхъ, для Л. Н. и для сестеръ — вегетарьянскій. Если на третье зелень, на второе что-нибудь болѣе питательное, — рисовыя котлеты или макароны съ сыромъ. Сладкое также въ зависимости отъ состоянія желудка Л. Н. и маленькихъ: кисель съ миндальнымъ молокомъ, компотъ, трубочки со сливками или блинчики съ вареньемъ.

Если Л. Н. чувствовалъ себя почему-либо слабымъ, мама и Семенъ Николаевичъ, какъ заговорщики, рѣшали тайкомъ подлить въ грибной супъ немного бульона. Когда мама была занята, Семенъ Николаевичъ клалъ ей на письменный столъ меню, написанное въ сшитой имъ самимъ длинной тетрадкѣ. Здѣсь, кромѣ ежедневныхъ записей обѣдовъ

и завтраковъ встрѣчались цѣлыя разсужденія: «у Ванечки болитъ животикъ, сдѣлай ему куриныя котлеты и бульонъ», «Свари жиденькой смоленской каши на грибномъ бульонѣ къ завтраку Льву Николаевичу, онъ что-то жаловался на боль въ желудкѣ», «Къ обѣду гости. Купи въ Охотномъ ряду рябчиковъ, брусники, да поищи хорошей цвѣтной или брюссельской капусты».

Поваръ Семень Николаевичъ понималъ мою мать съ полуслова. Искусство кухни было доведено до совершенства. Каждый вечеръ, передъ сномъ, мама любовно обдумывала чѣмъ кого кормить. Въ этомъ была ея радость и гордость.

А отецъ стремился свести свои потребности къ минимуму, ему не надо было ни поваровъ, ни лакеевъ. Вырвавшись одинъ съ сестрами въ Ясную Поляну, онъ наслаждался свободой, пользуясь услугами какой-нибудь деревенской бабы, которая не имѣла понятія о кулипаріи, отрубила головки у спаржи, но зато не примѣшивала мясного бульона къ грибному супу.

Помню, у нихъ жила грязная и глупая баба Анисья, въ послѣдствіи отличалась въ деревнѣ тѣмъ, что воровала у крестьянъ овецъ. Ее поймали и, сдѣлавъ обыскъ въ погребѣ, нашли нѣсколько овечьихъ хвостовъ и головъ. Крестьяне не стали ее судить, а сами расправились съ ней: нацѣпили ей головы и хвосты и повели по деревнѣ. Бабы били въ косы, мужики ругались, ребятишки улюлюкали.

У отца и сестеръ она была за повара. Сестры рассказывали, что однажды, проходя мимо кухни, отецъ окликнулъ ее:

— Анисья, а Анисья!

— Что вы, Левъ Николаевичъ?

— Знаешь что, ты на Семирамиду похожа...

— Да ну!.. — радостно воскликнула Анисья.

Съ этого дня такъ и прозвали ее Семирамидой.

Я была тогда еще маленькой, мало что понимала, но мнѣ казалось, что отецъ и сестры, уѣзжая въ Ясную, веселились какъ школьники, очутившись безъ надзора старшихъ. Они писали бодрія письма и когда, наконецъ, семья снова соединялась, много рассказовъ ихъ мы слышали о пребываніи въ Ясной Полянѣ. Помню рассказъ съ томъ, какъ тетюшка Татьяна Андреевна пріѣзжала къ нимъ въ гости. Они ее кормили вегетарьянской пищею, которую она терпѣть не могла.

Однажды къ обѣду отецъ и сестры притащили живую курицу, привязали ее къ ножкамъ стула, гдѣ должна была сидѣть тетенька, и положили къ ей прибору большой ножъ.

Тетушка не могла понять, къ чему все это было сдѣлано.

— Ты вѣдь хотѣла курицы, — сказалъ ей отецъ, — а у насъ нѣтъ никого, кто рѣшился-бы ее зарѣзать, вотъ мы тебѣ все и приготовили...

Мать считала, что дѣтей надо учить. Для этого мы жили въ Москвѣ. Отецъ считалъ, что дѣтей не надо заставлять учиться, а надо воспитывать въ простой, трудовой жизни. Поскольку сами дѣти хотѣли бы приобретать знанія, они сумѣли бы это сдѣлать. Тратились большія деньги на преподавателей, учебныя заведенія, но учиться никто не хотѣлъ.

Малыши чувствовали несогласіе родителей и невольно брали отъ каждаго то, что было понятнѣе и что больше нравилось. То, что отецъ считалъ образованіе необходимымъ для каждаго человѣка и самъ до конца дней старался пополнить свои знанія, мы пропускали мимо ушей, улавливая лишь, что онъ былъ противъ ученія. То, что мама говорила о необходимости имѣть много денегъ, чтобы хорошо одѣваться, держать лошадей, устраивать приемы и балы, вкусно ѣсть, намъ нравилось. Но ея требованія работать и кончать учебныя заведенія были уже непріятны. Мы не задумывались надъ всѣмъ этимъ, а жили какъ было проще и легче.

А между тѣмъ нѣкоторымъ изъ насъ ученье давалось легко. Миша былъ исключительно способнымъ мальчикомъ, Таня его очень любила и рассказывала мнѣ о немъ. Одинъ разъ Таня поѣхала съ нимъ, совсѣмъ еще маленькимъ, на станцію Ясенки. Миша вывалился изъ саней, должно быть ушибся, но ничего не сказалъ. Таня удивилась, что онъ неподвижно лежитъ въ снѣгу и позвала его: «Миша, вставай!» — Нѣтъ, я полежу. — Таня испугалась. — «Ты можетъ быть ушибся?» — Нѣтъ, я полежу! — Такъ съ тѣхъ поръ и пошло. Когда, бывало, кто-нибудь ушибется и боится расплакаться, говорили: «я полежу».

Когда Миша едва умѣлъ читать и писать, онъ напаралъ на бумажкѣ: «надо быть добрымъ» и носилъ въ карманѣ свое изреченіе.

Часто, часто, когда кто-нибудь сердился, отецъ кротко улыбался и говорилъ: «надо быть добрымъ»!

Миша былъ самымъ музыкальнымъ въ нашей семьѣ. Какой бы мотивъ ни услышалъ, сядетъ, бывало, за фортепьяно, возьметъ гитару, балалайку и сейчасъ же подберетъ. Одно время онъ учился на скрипкѣ и дѣлалъ большіе успѣхи, мама радовалась, гордилась имъ, но онъ скоро бросилъ.

Помню, впервые пѣлъ у насъ въ Москвѣ Шаляпинъ. Отцу не понравилось то, что онъ исполнялъ: «Пѣсня о блохѣ», «Два гренадера». Шаляпинъ предложилъ спѣть пѣсню «Ноченка». Но аккомпанировавшій ему молодой пьянистъ Гольденвейзеръ безъ нотъ сыграть пѣсню не могъ. Миша застѣнчиво подошелъ къ фортепьяно, подобралъ мотивъ и черезъ нѣсколько минутъ Шаляпинъ уже пѣлъ подъ его довольно примитивный, но совершенно вѣрный аккомпаниментъ.

Учиться Миша не хотѣлъ и совсѣмъ забросилъ лицей. Его грозили выгнать, если онъ еще хоть разъ опоздаетъ къ урокамъ. Мама была въ отчаяніи, бранила, упрекала, но ничто не помогло. И вотъ какъ то Миша опять вернулся поздно и не хотѣлъ вставать, несмотря на то, что слуга уже нѣсколько разъ будилъ его.

Что дѣлать? Я налила полный кувшинъ ледяной воды, подкралась на цыпочкахъ къ Мишиной кровати и опрокинула весь кувшинъ ему на голову. Мгновенно изъ-подъ одеяла высунулась взбешенная, мокрая голова, злобно вскинулись сѣрые сонные глаза. Миша вскочилъ и бросился за мной. Я помчалась по коридору. Миша за мной. Я выбѣжала изъ воротъ на улицу. Миша опомнился, побѣжалъ домой, одѣлся и пошелъ въ лицей. Долго старалась я не попадаться ему на глаза. У Миши были здоровые кулаки и дрался онъ очень больно.

Андрей тоже не учился. Мама говорила, что ему трудно заниматься, потому что въ дѣтствѣ у него было воспаление мозга. Она жалѣла его и любила больше другихъ. До рожденія Ванечки онъ считался любимчикомъ. Пожалуй, и отецъ относился къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ за его доброту и сердечную чуткость.

Отъ няни мое воспитаніе перешло къ англичанкамъ-боннамъ, научившимъ меня говорить по англійски и обливать холодной водой, а затѣмъ къ гувернанткамъ. Онѣ постоянно мѣнялись, я ихъ не любила, старалась дѣлать имъ наперекоръ. И онѣ находили какое-то удовольствіе въ томъ, чтобы меня мучить. Мама меня шлепала, на-

казывала, таскала за косу, но это не помогало. Въ конторѣ по пріисканію гувернантки у меня была уже опредѣленная репутація: «Ah, la petite Sasha Tolstoy, non, merci!» *).

Была только одна англичанка, которую я любила и которая жила у насъ лѣтніе мѣсяцы въ теченіе семи или восьми лѣтъ — миссъ Вельшъ. Но о ней я расскажу послѣ.

Моя мать рѣшила подготовить меня къ экзамену на домашнюю учительницу при округѣ и кромѣ того, меня съ десяти лѣтъ учили: англійскому, нѣмецкому, французскому языкамъ, музыкѣ, рисованію. Я занималась каждый день съ 9 до 12, потомъ бывалъ перерывъ на завтракъ и прогулку, а затѣмъ съ двухъ до шести. Вечеромъ послѣ обѣда я готовила уроки. Воспринять такое количество знаній я была не въ состояніи и училась плохо.

Самымъ большимъ моимъ удовольствіемъ были часы, когда я бывала въ саду. Какимъ тѣнистымъ, громаднымъ представлялся мнѣ этотъ садъ! Дорожки, заросшія кустарникомъ, казались непроходимыми дебрями, куртина яблонь и грушъ — фруктовымъ садомъ, аллеи казались безконечными, курганъ высокимъ и неприступнымъ, а заросшая кустами бесѣдка, внѣри оклеенная скачущими на лошадахъ жокеями, мнѣ казалась таинственной и прекрасной. Теперь, когда я бываю въ этомъ саду, мнѣ хочется вызвать впечатлѣнія дѣтства. Но аллеи рядомъ съ высокимъ заборомъ кажутся обципанными и жалкими, кустарникъ у дорожки точно порѣдѣлъ, двумя шагами я взбираюсь на облѣзшій курганъ и не могу найти фруктоваго сада. Можетъ быть, въ дѣтствѣ воображеніе восполняло недостатки, а можетъ быть садъ и въ самомъ дѣлѣ порѣдѣлъ?.. Но и теперь онъ безконечно милъ моему сердцу. Кромѣ сада, въ Хамовническомъ домѣ былъ еще большой дворъ, окруженный заборомъ и различными службами. Мы пріѣзжали въ Москву цѣлымъ хозяйствомъ: пара выѣздныхъ лошадей со старымъ кучеромъ Емельяпычемъ, корова, вагонъ сѣна и овса, громадные кадки съ солеными огурцами, квашеной капусты, большіе запасы варенья. Одинъ разъ привезли даже верховую лошадь отца «Мальчика». Я помню, какъ «Мальчикъ» пасся въ саду, а я вмѣсто того, чтобы учиться, наблюдала въ окно, какъ онъ гонялся за отцовской лайкой «Бѣлкой».

Въ первомъ отъ улицы сараѣ помѣщалась корова, за-

*) «Ахъ, маленькая Саша Толстая, нѣтъ благодарствуйте!»

тѣмъ лошади, каретный сарай, послѣдній же сарай былъ занятъ книгами. Здѣсь были свалены въ большомъ количествѣ сочиненія отца, которыя издавала и продавала мама. На это жила вся семья, такъ какъ книги приносили около 20.000 дохода ежегодно.

Въ одномъ изъ флигелей жилъ артельщикъ Матвѣй Никитичъ Румянцевъ — онъ велъ книжныя дѣла. Это былъ толстый человѣкъ съ окладистой бородой, большимъ животомъ и сильною одышкой. Матвѣй Никитичъ одѣвался солидно въ черную пару съ лоснящимся жилетомъ, по которому была пушена массивная серебряная цѣпочка, ходилъ животомъ впередъ и казался намъ очень важнымъ. Жену его, толстую, заплывшую саломъ женщину, я иначе не представляю себѣ, какъ сидящей передъ домомъ на стулѣ и съ тупымъ видомъ щелкающей подсолнухи.

При выходѣ на улицу стояла маленькая сторожка, въ ней жили дворникъ и кучеръ. Дощатая дорожка вела къ кухнѣ, стоявшей по другую сторону дома. Здѣсь же была столовая для «людей» и маленькая коморка, въ которой жилъ поваръ Семенъ Николаевичъ.

Домъ былъ старый. Тогда еще моя мать говорила, что ему больше ста лѣтъ. Она увѣряла, что неудобно, что только «Левочка» могъ выдумать купить домъ въ такомъ неаристократическомъ кварталѣ, гдѣ кругомъ фабрики и заводы, что онъ не годится для пріемовъ. Мнѣ же въ дѣтствѣ казалось, что нѣтъ и не будетъ никогда такого прекраснаго, уютнаго дома, какъ Хамовническій. На его вѣшность мы, дѣти, разумѣется, мало обращали вниманіе, но я хорошо помню, что, когда моя мать рѣшила его подновить, и коричневый, потускнѣвшій отъ времени домъ сдѣлался вдругъ розовымъ съ фисташковыми ставнями, мы всѣ за него обидѣлись. Онъ сдѣлался противнымъ, какъ молодящаяся старуха!

А какія въ немъ были прекрасныя комнаты, какіе переходы, лѣстницы — маленькія и большія, стѣнные шкапы!

Мы жили внизу. Здѣсь помѣщалась столовая, спальни родителей, Танина комната, мальчиковъ, дѣтская, моя и гувернантки.

Наверху были парадныя комнаты. Маленькая передняя, изъ которой Таня, обладавшая большимъ вкусомъ, устроила пріемную, гдѣ обычно сидѣла молодежь, залъ, большая и маленькая гостиныя. Эти комнаты казались мнѣ неуютными. Хороша была только большая тахта въ го-

стиной, широкая и низкая, на которой удобно было кувыркаться через голову. Въ залѣ же самымъ удобнымъ мѣстомъ была медвѣжья шкура, лежавшая подѣ фортепіано. Бывало играетъ кто-нибудь — дядя Костя *), Сережа или мама, а ты лежишь на шкурѣ, приткнувшись къ головѣ звѣря и слушаешь. Эта шкура была съ того самаго медвѣдя, который чуть не загрызъ отца на охотѣ.

Изъ парадныхъ комнатъ двѣ маленькія лѣсенки вели въ коридоръ — одна изъ залы, другая — изъ маленькой гостиной. Первая по коридору была Машина комната — низкая, съ маленькими окошечками. Дальше шли комнаты экономки, портнихи, лакея, а въ самомъ концѣ, въ углу дома, отдаленные отъ всѣхъ остальныхъ — были двѣ маленькія, съ очень низкими потолками комнаты отца — прихожая, гдѣ орѣховый шкафъ отдѣлялъ умывальникъ и направо его кабинетъ — «святая святыхъ» въ нашемъ дѣтскомъ представленіи.

Комнаты сестеръ были совершенно разныя.

Танины — нижняя, гдѣ она спала, и ея маленькая пріемная наверху были обставлены съ большимъ вкусомъ. Уютная мягкая мебель, диванчики, какія-то необыкновенныя, кустарной работы скатерти, картины, альбомы, безчисленное количество фотографій родныхъ и друзей — все это было разбросано хотя и въ беспорядкѣ, но со вкусомъ.

Въ Машинѣ комнатѣ не было ничего лишняго. Простые, твердые стулья и столъ, жесткая кровать безъ матраца — все производило впечатлѣніе строгости и чистоты.

Я любила ходить въ Танину комнату, здѣсь было много интересныхъ картинъ, а въ большой чашкѣ кустарной работы часто бывали орѣхи «смѣсь». Къ Машѣ было почти такъ же страшно ходить, какъ къ отцу. Здѣсь все было строго, сурово, пахло лѣкарствами.

Да и сами сестры были совершенно разныя.

Таня была любимицей всей семьи. Мама несравненно болѣе любила Таню, чѣмъ Машу. Онѣ всегда вмѣстѣ вѣзжали и всегда оживленно вспоминали это время. Но любовь къ матери не помѣшала Танѣ быть близкой къ отцу и раздѣлять его взгляды. Она никогда рѣзко не становилась на чью-либо сторону и всю свою жизнь старалась быть связующимъ звеномъ между родителями. Таню лю-

*) Константинъ Александровичъ Иславинъ — дядя моей матери.

били малыши, потому что она часто возилась съ ними, любили старшіе братья, съ которыми она была дружна. Веселая, жизнерадостная, съ вьющимися каштановыми волосами, живыми, карими глазами, короткимъ точно сфѣзаннымъ носомъ, Таня была дѣйствительно привлекательна. Она хорошо знала языки, занималась въ школѣ живописи. Рѣпинъ и другіе художники говорили о ея большихъ способностяхъ. Въ семьѣ считалось, что Таня самая умная и образованная.

Когда я вспоминаю Машу, на душѣ дѣлается радостно и свѣтло. Всѣмъ своимъ обликомъ она была похожа на отца, хотя если разбирать отдѣльно черты ея лица, только сѣрые внимательные и глубокие глаза, да высокий лобъ были отцовскіе. Тоненькая, граціозная, она была очень ловка — все спорилось въ ея некрасивыхъ, немного узловатыхъ рукахъ. Лицо Маши было серьезное, сосредоточенное, казалось, что она точно прислушивалась къ тому, что у нея происходитъ внутри. Всѣ любили ее, она была привѣтлива и чутка: кого ни встрѣтитъ, для всѣхъ находилось ласковое слово, и выходило это у нея не дѣланно, а естественно, какъ будто она чувствовала, какую струну надо нажать, чтобы зазвучала отвѣтная. Машу всѣ называли некрасивой — большой ротъ напоминалъ материнскій, зубы были плохіе, немножко великъ былъ носъ, но все существо ея казалось мнѣ милымъ и привлекательнымъ.

Отецъ любилъ обѣихъ. А онѣ, насколько я могла замѣтить, ревновали его другъ къ другу. Каждая изъ нихъ думала, что онъ любитъ другую больше...

Старшіе братья почти не жили съ нами. Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства они занимали очень маленькое мѣсто, такъ какъ вся наша жизнь проходила безъ нихъ. Когда я подросла, старшій братъ, Сергѣй, переселился уже въ Толстовское родовое имѣніе Никольское Вяземское, въ Тульской губерніи, доставшееся ему, какъ старшему въ семьѣ.

Серрежу я всегда немножко боялась, ужъ очень онъ мнѣ казался серьезнымъ и важнымъ. Онъ кончилъ университетъ, былъ музыкантомъ. Мало знающимъ его людямъ онъ представлялся (да и теперь представляется) сердитымъ, нелюдимымъ *). Но стоитъ его поближе узнать, и сейчасъ

*) Сергѣй Львовичъ Толстой родился въ 1863 г. Въ настоящее время живетъ въ Москвѣ

увидишь, что подъ виѣшной суровостью, ворчливостью, иногда даже грубостью, скрывается большая доброта, ласковость и даже... какъ это ни мало вяжется съ его виѣшностью, большая застѣнчивость. Когда я была совсѣмъ маленькой, онъ называлъ меня своей «единственной сестрой», чѣмъ я была очень горда. Въ нашей семьѣ не принято было никакихъ нѣжностей, и если кто нибудь называлъ другого ласковымъ именемъ, то обычно это рѣзко высмѣивалось: «какія сантиментальности!» или «какія нѣжности!»

То, что старшій братъ меня называлъ своей единственной сестрой было очень много. Я такъ это принимала и цѣнила.

Должно быть, до сего времени братъ не знаетъ, какое сильное впечатлѣніе на меня имѣла его музыка. Когда я была совсѣмъ маленькая, я вечерами не могла спать, слушая его игру. Отъ него я научилась понимать и цѣнить Шопена, Бетховена, Грига. Долгое время, какихъ бы музыкантовъ я ни слушала, мнѣ казалось, что лучше брата Сергѣя никто играть не можетъ.

Илья на моей памяти совсѣмъ не жилъ съ нами. Я едва помню, какъ онъ женился и то только потому, что меня не взяли на свадьбу, а я была очень обижена.

Большой, широкоплечій, съ русой окладистой бородой, чуть-чуть сутуловатый, съ широкимъ носомъ и сѣрыми глазами, лохматыми бровями, Илья больше всѣхъ похожъ на отца *).

Онъ жилъ въ деревнѣ, въ той же Тульской губерніи, недалеко отъ брата Сергѣя.

Больше другихъ жилъ съ нами братъ Левъ **), женившійся гораздо позднѣе на дочери знаменитаго шведскаго врача Вестерлунда. Черный, съ маленькой рыжей бородкой, большимъ носомъ съ горбинкой, большимъ ртомъ, черными глазами, Левъ былъ больше похожъ на мать, чѣмъ на отца. Онъ часто болѣлъ и мама беспокоилась о немъ. Университетъ онъ кончилъ и постоянно мѣнялъ свои увлеченія: то дѣлался послѣдователемъ отца и строгимъ вегетаріанцемъ, то, наоборотъ, съ такой же страстностью

*) Илья Львовичъ Толстой. Родился въ 1866 г. Находится въ С. А. С. III.

**) Левъ Львовичъ Толстой. Находится въ настоящее время въ Парижѣ.

возставалъ противъ его идей. Было время, когда онъ проповѣдывалъ полное цѣломудріе и безбрачіе, а потомъ, женившись, съ такимъ же убѣжденіемъ говорилъ о необходимости для всѣхъ ранняго брака. Онъ писалъ, и одно время въ литературномъ мірѣ обратили на себя вниманіе его произведенія, но не талантиностью своей, а его полемикой съ отцомъ: «Прелюдія Шопена» вмѣсто «Крейцеровой сонаты», «Яша Поляковъ», вмѣсто «Дѣтства и Отрочества» и т. д.

Кажется, Суворинъ прозвалъ его тогда «Тигръ Тигровичъ».

Большая была у насъ семья, разнообразная. Мать, какъ насадка, распустивъ крылья, старалась собрать вокругъ себя свой выводокъ. Но постепенно всѣ уходили изъ-подъ ея вліянія. Сыновья стремились зажить самостоятельной жизнью, дочери тянулись за отцомъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ мамы былъ Ванечка. На немъ она сосредоточила всю свою жизнь.

V.

.....
.....

VI.

МОЕ ОДИНОЧЕСТВО.

Въ домѣ всѣ тосковали, мама больше всѣхъ. Она плакала, металась, не находила себѣ утѣшенія. То ходила по церквамъ, молилась, исповѣдовалась и причащалась, то уѣзжала на могилы Ванечки и Алеши — тихое, маленькое кладбище въ полѣ, состоящее изъ нѣсколькихъ холмовъ, да скромныхъ памятниковъ. Здѣсь было тихо, щебетали птицы. Мы сажали цвѣты, деревья. Хорошо помню величественную фигуру мамы въ траурѣ, съ длинной черной вуалью на головѣ, склоненную надъ маленькимъ, еще свѣжимъ холмикомъ. Что-то шептали дрожащія губы, а изъ близирукихъ, прекрасныхъ глазъ струились слезы... Мама поручила смотрѣть за могилами крестьянину Комолову, жившему недалеко отъ кладбища въ селѣ Никольскомъ,

Она любила говорить съ нимъ и съ его женой, — простая, грубоватая слова ихъ хорошо дѣйствовали на ея изстрадавшуюся душу.

Всѣ поражались кротостію мамы. Она точно переродилась — со всѣми была добра, ни на кого не сердилась, а только плакала. Отецъ утѣшался въ своемъ горѣ тѣмъ, что несчастье отвлечетъ ее отъ всего вѣшняго, отъ мірской суеты, пробудитъ въ ней духовные интересы, которые не только освѣтятъ ея жизнь, и приблизятъ къ нему *).

Я тоже тосковала по своему. Сколько разъ мнѣ хотѣлось подойти къ матери, приласкаться, поплакать вмѣстѣ съ нею, но я не смѣла...

Мы часто видѣлись съ Надей и часами говорили о Ванечкѣ, вспоминая его словечки, искали всякаго о немъ напоминанія. Какъ-то въ Третьяковской галлерей, въ картинѣ Васнецова «Послѣ битвы», мы обратили вниманіе на убитаго юношу воина, изображеннаго на переднемъ планѣ. Этотъ мальчикъ со свѣтлыми кудрями и одухотвореннымъ лицомъ напомнилъ намъ Ванечку, и мы долго, не отрываясь, смотрѣли на него.

Этой же весной Надина мать, которая очень сердечно отнеслась къ нашему горю, взяла меня вмѣстѣ съ Надей въ свое подмосковное имѣніе. Здѣсь было много дѣвочекъ и мальчиковъ, но мнѣ было съ ними не по себѣ, казалось, что они меня сторонятся, а я была такъ застѣнчива, что стоило мнѣ почувствовать малѣйшую отчужденность, какъ я уже уходила въ себя. Хорошо мнѣ было только съ Надей. Помню, мы здѣсь рѣшили съ ней писать романъ. Каждая должна была написать главу и прочитать ее вслухъ. Но когда я услышала Надино произведеніе, начинавшееся съ свѣтскаго разговора, пересыпаннаго французскими фразами, мнѣ оно показалось такимъ великолѣпнымъ и блестящимъ, что я не рѣшилась прочитать ей начало своего романа, въ которомъ «по зимней метели на

*) Въ письмѣ къ своему другу, моей крестной матери А. А. Толстой, отецъ писалъ:

«Вчера она (С. А.) исповѣдовалась у очень умнаго священника Валентина (Другъ наставникъ Машеньки сестры), который сказалъ хорошо Сонѣ, что матери, теряющія дѣтей, всегда въ первое время обращаются къ Богу, но потомъ опять возвращаются къ мірскимъ заботамъ и опять удаляются отъ Бога, я предостерегалъ ее отъ этого. И, кажется, съ ней не случится этого».

плохенькой лошадекѣ возвращается домой пьяный мужикъ».

Я была рада, когда мама пріѣхала за мной. Испортило поѣздку еще и то, что у меня случилось что-то съ головой. Она чесалась такъ, что я разодрала ее въ кровь, а на затылкѣ въ ямкѣ образовалась постоянно мокнущая ранка. Наконецъ, няня замѣтила:

— Да что это ты такъ чешешься?! — воскликнула она. — Покажи-ка. — Она взяла мою голову къ себѣ на колѣни и стала перебирать волосы. — Господи Іисусе Христе, да вѣдь голова то у тебя какъ есть вся во вшахъ!

Не долго думая, няня схватила тряпку, пропитала ее керосиномъ и намазала мнѣ всю голову. Ранка такъ точила, что я чуть не кричала отъ боли. Нянь было неловко, что она такъ запустила меня изъ-за своего горя. Я тоже страдала. Это какъ будто незначительное событіе острой болью врѣзалось въ мою память.

Постепенно все входило въ колею, съ той только разницею, что не было маленькаго, всѣми любимаго существа, которое освѣщало и одухотворяло нашу жизнь, да мама металась, стараясь найти новые интересы.

Много времени она удѣляла мнѣ: заботилась о томъ, чтобы у меня были хорошіе учителя, гувернантки; если я болѣла, приглашала ко мнѣ докторовъ; старалась развить мои музыкальныя способности, брала съ собой въ концерты, заставляла читать вслухъ Мольера, Корнеля и Расина. Но я не могла даже частично замѣнить ей Ванечку, а мама не могла дать мнѣ ласки, нѣжности, того, безъ чего я такъ тосковала... Когда я робко пыталась подойти къ ней, она не понимала меня.

— Ты что, Саша? — спрашивала она съ такимъ удивленіемъ, что я мгновенно отшатывалась. Я не знала, чего она отъ меня хочетъ и за что мнѣ больше попадетъ? За разбитую чашку, за ложъ или за плохо выученный урокъ? По опыту я знала, что можетъ одинаково попасть за все и старалась скрыть отъ матери свои поступки.

Помню такой случай. На меня надѣли новенькое бумажейное платьѣ. Оно мнѣ не нравилось: возмущали шесть громадныхъ перламутровыхъ пуговицъ, какъ-то некстати надѣланные спереди для украшенія. Я побѣжала въ садъ и, забывъ про свою обновку, съ увлеченіемъ играла съ мальчишками въ салки, какъ вдругъ поскользнулась и упала въ грязь. Я прибѣжала къ нянѣ. Увидавъ меня въ та-

комъ видѣ, няня отругала меня и качая головой, стала разсуждать о томъ, какъ бы это не дошло до графини. Вдругъ дверь отворилась и вошла мама. Я поспѣшила спрятаться за столъ, но мама увидѣла платье, схватила за голову и начала таскать. Какъ сейчасъ помню въ корняхъ волосъ, особенно на затылкѣ, ощущеніе ноющей боли.

— Ахъ, ты, дрянная дѣвченка! (Мама всегда въ такихъ случаяхъ называла меня дрянной дѣвченкой) — какъ ты смѣешь такъ съ новыми вещами обращаться!

Бывали и раньше случаи, когда мама таскала меня за волосы или шлепала, но почему то это не производило на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на этотъ разъ. Что-то подступало къ горлу, отъ чего трудно было дышать, что-то темное, страшное. Слезъ не было. Я заби-лась въ бесѣдку, въ темный уголъ, и припомнилось мнѣ тутъ все: и Ванечкина смерть, и мое одиночество, и всѣ напрасныя обиды и несправедливости старшихъ. «Пойду топиться въ Москва-рѣку», рѣшила я и, выскочивъ изъ бесѣдки, побѣжала за ворота внизъ по переулку, къ рѣкѣ. А грязь была ужасная, ноги промокли. «Какъ же это я безъ галошъ?» — вдругъ мелькнуло у меня въ головѣ. «Вотъ попадетъ!» Мысли пошли по другому руслу, я вдругъ замѣтила прохожихъ, нѣкоторые изъ нихъ съ недоумѣніемъ смотрѣли на меня. Я повернула обратно.

Въ эти годы, когда мнѣ было 11-12 лѣтъ, тяжелыя думы не давали мнѣ покоя. Повидимому, онѣ во что-то складывались, умъ искалъ объясненій томившему меня одиночеству, и вотъ, наконецъ, я сдѣлала открытіе и поспѣшила подѣлиться имъ со своей подругой:

— Знаешь, Надя, — таинственно сообщила я ей, — я пріемышь!

— Что ты? — съ ужасомъ воскликнула Надя, — почему ты такъ думаешь?

— По всему. Ванечка тотъ дѣйствительно настоящій былъ сынъ, а я нѣтъ. Вотъ, когда я была совсѣмъ маленькой, мнѣ проговорились старшіе, что я дочь какого-то сумасшедшаго помѣщика. Потомъ они сказали, что это не правда, но теперь я знаю, что это такъ.

— А можетъ быть ты ошибаешься? — спросила Надя. Ей было жалко меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекалъ романтизмъ этой исторіи.

— Вотъ еще что, — продолжала я. — Сколько разъ

мама говорила: Ванечка похожъ на папа, Таня и Лева на меня, а Саша ни на кого не похожа.

Надя разволновалась. Она не могла оставаться бездѣтельной и несмотря на то, что дала мнѣ слово молчать, рѣшила, что дѣло настолько важное, что она имѣетъ право нарушить слово и переговорить съ моимъ братомъ Мишей. Черезъ нѣсколько дней, когда мы съ Мишей возвращались отъ Нади, онъ сказалъ, что долженъ переговорить со мной. Это меня удивило. Миша меня часто тузилъ, но рѣдко со мной разговаривалъ. А тутъ еще и голосъ у него былъ ласковый.

— Ты все это глупости выдумала, — сказалъ онъ, — что ты не дочь папа и мама; я знаю навѣрное. Ты выбрось это изъ головы. — Миша не любилъ много разговаривать, но его увѣренный мальчишескій тонъ подѣйствовалъ на меня сильнѣе всякихъ убѣжденій.

— Откуда ты это взяла? — спросилъ онъ, покровительственно-ласково улыбаясь.

Но мнѣ не хотѣлось отвѣчать. Да развѣ я сумѣла бы рассказать, какимъ образомъ сложилась въ моемъ дѣтскомъ представленіи эта нелѣпная исторія? Въ эту тяжелую пору сестра Таня много времени проводила со мной. Съ самаго ранняго дѣтства, когда я сестру называла «мама», у меня сохранилось особое чувство къ ней. Мало того, что она мнѣ очень нравилась своей жизнерадостностью, живостью, она какъ то сумѣла подойти ко мнѣ, я не боялась ее, почти никогда не врала ей и чувствовала себя не только легко, когда она бывала со мной, но и празднично. Она брала меня на выставки картинъ, въ зоологическій садъ, иногда вмѣсто мамы ѣздила со мной на дѣтскіе утра и вечера. Вокругъ Тани всегда вертѣлась молодежь, ей рассказывали секреты, она старалась всѣмъ помочь — всѣ ее любили. Заболѣлъ Лева — Таня везла его къ докторамъ, утѣшала, ободряла его, нужно было выдать замужъ родственнику — Таня хлопотала, шила подвѣчное платье.

Помню, какъ разъ съ этимъ платьемъ у меня стучалась бѣда. Слонялась я по дому, зашла въ дѣвичью, вижу, на столѣ лежитъ бѣлое платье, а рядомъ горячій утюгъ. Я схватила его и начала гладить. Запахло паленымъ и на матеріи остался желтый слѣдъ. Я ужасно испугалась, бросилась къ Танѣ, а она ничего, даже не поругала!

Другой разъ помню среди насъ, дѣтей было поползновеніе подойти къ нечести, нехорошимъ вещамъ. Таня во

время это замѣтила. Она такъ спокойно, не сердясь и мудро все объяснила, что сразу отбила охоту этимъ заниматься...

Отъ Маши я видѣла не меньше ласки и доброты. Помню, я ужасно страдала отъ нарывовъ въ ушахъ. Нарывы были громадныя, опасныя, въ среднемъ ухѣ. Маша ходила за мной. Никто не могъ такъ ухаживать за больными, какъ она. Какъ ловко она ставила компрессы, какъ тихо двигалась по комнатѣ, какъ хорошо утѣшала! Я мучилась по трое, четверо сутокъ. Ужасная была боль. Казалось, голова раскалывается. Забинтованная, съ компрессомъ, я сидѣла на подушкахъ ночи напролетъ, качалась отъ боли и стонала. Маша сидѣла со мной; она обнимала меня, я приклоняла голову къ ея груди и мнѣ становилось легче.

Помню, какъ то прорвался большой нарывъ, залилъ всю подушку гноемъ, наступило блаженство и я заснула. Проснувшись, я увидала Машу, которая читала у окна. Она подошла къ кровати и радостно улыбаясь положила мнѣ на одѣяло тяжелый свертокъ. Это были прекрасныя никелированные коньки, о которыхъ я даже не смѣла мечтать. Я знала, что коньки стоили очень дорого, знала, что у Маши не было денегъ.

Много лѣтъ я каталась на этихъ конькахъ и каждый разъ, когда я брала ихъ въ руки, чтобы вытереть и смазать, я съ нѣжнымъ умиленіемъ вспоминала сестру.

Однажды я читала Майнъ-Рида «Всадникъ безъ головы». Это было увлекательно, я не могла оторваться, съ ужасомъ думая, что скоро уложатъ спать и я до завтрашняго дня не узнаю конца. Съ вечера я заготовила нѣсколько огарковъ и въ постели, держа свѣчку въ рукѣ, продолжала читать. Я услышала, что кто-то вошелъ въ комнату, только когда сестра Маша подошла къ кровати. Я инстинктивно задула огарокъ. Маша разсердилась на меня.

— Какъ тебѣ не стыдно, не только дѣлаешь то, что запрещаютъ, но еще хочешь скрыть, лжешь... — Маша говорила недобро, жестко и ушла, хлопнувъ дверью.

«Ну, чего она злится?» — думала я, и мнѣ было досадно, что не узнаю сегодня, кто былъ этотъ всадникъ. Мысли переносились въ преріи, мнѣ мерещились скачущіе мустанги. Я задремала.

— Саша, ты спишь?

Маша сидѣла у меня на кровати.

— Ты прости меня, — сказала она, — знаешь, я поду-

мала, что я не права. Разъ ты меня боишься, значить я тебѣ дала поводъ къ этому, была съ тобой недобра...

И вдругъ горечь и злоба мгновенно растаяли и замѣнились радостью и раскаяніемъ. Мнѣ стало стыдно, что я хотѣла обмануть Машу, радостно, что она такая добрая и простила мнѣ.

— Я не буду, не буду больше, — шептала я въ слезахъ. А она гладила меня по головѣ и, хотя въ комнатѣ было темно, я знала, что на глазахъ у нея слезы, а лицо свѣтится добротой.

Въ Машиномъ дѣтствѣ также было много тяжелаго, какъ и въ моемъ. Она рассказывала, какъ они росли съ **Левой**, съ которыми были погодками, и какъ мама всю свою привязанность, заботу и нѣжность отдавала ему, а Маша, худенькая, некрасивая, чувствовала себя одинокой, обиженной. На меня произвелъ большое впечатлѣніе рассказъ сестры о томъ, какъ мама заставляла ихъ съ **Левой** шить мѣшочки и за каждый мѣшочекъ обѣщала заплатить по гривеннику. Денегъ у нихъ не было и гривенникъ казался цѣлымъ богатствомъ. Маша изъ всѣхъ силъ старалась и хорошо, аккуратно сшила свой. Лева сшилъ небрежно. И вотъ мама дала **Левѣ** гривенникъ, а про Машу забыла. Маша плакала, но напомнить матери побоялась. Когда Маша стала взрослой, само собой вышло такъ, что она откололась отъ матери. Онѣ были совершенно разныя, точно чужія. Всѣ ея поступки, мысли, чувства были матери не по душѣ. За все осуждала она Машу: и за отказъ отъ своей части имущества, и за простоту жизни, и за занятія медициной. Но кромѣ всего этого, мама ревновала Машу къ отцу. Случилось такъ, что Маша ближе всѣхъ подошла къ нему. Мало того, что она была необходима ему въ работѣ, въ сношеніяхъ съ людьми. Маша давала отцу много душевной ласки и радости, безъ словъ понимала его. Онъ только посмотреть на нее, а она уже со своей стороны ей чуткостью знаетъ, что онъ хотѣлъ сказать.

Друзья отца: **Марія Александровна Шмидтъ**, **Горбуновъ**, **Бирюковъ** и многіе другіе были и ея друзьями. Вновь приходящихъ къ отцу она встрѣчала привѣтливо, ободряла ихъ. Они любили ее и чувствовали себя съ ней просто.

Мнѣ запомнился одинъ случай, о которомъ Маша мнѣ рассказывала гораздо позднѣе. Къ отцу пріѣзжалъ послѣдователь; онъ признался отцу, что боленъ сифилисомъ.

Однажды во время разговора съ отцомъ гость налилъ себѣ воды изъ графина и выпилъ. Маша просила его передать воду, желая налить себѣ другой стаканъ. Толстовецъ же, недолго думая, налилъ воды въ свой стаканъ и передалъ сестрѣ. Маша, знавшая о болѣзни гостя, съ минуту поколебалась (отецъ наблюдалъ за ней) и выпила. Отецъ былъ разстроенъ. Онъ позвалъ къ себѣ гостя и пробралъ его. «Какъ можно, — говорилъ онъ сердито, — зная, что у васъ такая ужасная болѣзнь, подвергать дѣвушку опасности!»

Маша часто влюблялась. Я была еще совсѣмъ маленькая, когда у нея былъ романъ съ З., тѣмъ самымъ репетиторомъ, которымъ увлекалась Дунечка. Однажды мы возвращались поздно вечеромъ отъ сосѣдей. Линейка широкая. Когда всѣ съ двухъ сторонъ усаживались, мнѣ оставалось мѣстечко посерединѣ, гдѣ я укладывалась. Только что я собралась заснуть, какъ вдругъ услышала интересный разговоръ. З. говорилъ Машѣ о своей любви, и Маша что-то тихо отвѣчала ему.

Сама не знаю, почему я разсердилась. И когда на другой день сестра заговорила со мной — я надулась.

— Чего ты сердилась, что съ тобой, Саша?

— Ничего, — буркнула я. Потомъ не выдержала и добавила капризно:

— Зачѣмъ это З. вчера вечеромъ говорилъ, что тебя любить, а?

Маша сконфузилась. Но скоро и этотъ романъ, какъ и многіе другіе, кончился. Собиралась Маша и за Бирюкова замужъ, увлекшись, насколько я могла тогда понять изъ разговора, не имѣя, а толстовствомъ въ его лицѣ, мечтами о трудовой, христіанской жизни.

Затѣмъ Маша увлеклась молодымъ человѣкомъ Р. Блестя черными, красивыми глазами и чуть подергивая плечомъ, Р. говорилъ о своихъ идеалахъ въ жизни:

«Цыгане, охота и медицина — родныя сестры!» Онъ былъ медикомъ.

Отецъ видѣлъ, насколько Машины поклонники были ниже ея по душевнымъ качествамъ, ему было больно, онъ боялся за нее, можетъ быть, ревновалъ...

Казалось, обѣ сестры одинаково воспринимали отцовскіе взгляды. Но если бы меня тогда спросили, кто больше «темный» Таня или Маша, я бы, не задумываясь, сказала: конечно, Маша.

Когда Маша шла на покосъ въ простомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная платкомъ, съ перекинутыми черезъ плечо граблями, казалось, что это такъ и надо. Говорила она съ бабами, точно вѣкъ прожила съ ними, и онѣ забывали что она графиня и барышня и дѣлились съ нею самымъ сокровеннымъ: кому мужъ измѣнилъ, у кого неблагополучные роды, у кого ребенокъ болѣетъ. Онѣ приходили къ ней лѣчиться, она давала лѣкарства, совѣтовала, что дѣлать, ходила сама на деревню, ухаживала за больными, помогала при родахъ. Бабы ее любили.

Однажды во время пожара, когда, какъ это всегда бываетъ, сбѣжалась вся деревня, и мужики стояли, спокойно покуривая махорку, прибѣжала Маша, пристыдила мужиковъ, заставила всѣхъ таскать воду ведрами изъ колодца, а сама, стоя по колѣна въ водѣ, несмотря на то, что была несовсѣмъ здорова, черпала воду. За этотъ случай Маша жестоко поплатилась: она всю жизнь страдала женскою болѣзнью и, можетъ быть, вслѣдствіе этого, когда вышла замужъ, не родила ни одного живого ребенка.

Танѣ «опрощеніе» давалось труднѣе. Веселая, блестящая, кокетливая, она прекрасно одѣвалась, любила все красивое; палитра и краски гораздо больше шли къ ней, чѣмъ грабли и вилы.

Одно время въ Ясной Полянѣ сестры устроили себѣ прачешную внизу, во флигелѣ, считая, что грѣшно заставлять другихъ стирать свое грязное бѣлье. Было много разговоровъ о способѣ выжиманія — къ себѣ или отъ себѣ, мечтали о покупкѣ стиральныхъ, выжимальныхъ и еще какихъ-то машинъ, но пока работали руками, стирали ихъ до крови. Обѣ сестры были ловки, но миѣ казалось, что у Тани это выходитъ какъ то нарочно, какъ мы въ дѣтствѣ говорили: «незавправду», а у Маши — «взаправду». Помню, какъ Маша особенно ловко полоскала, совсѣмъ какъ баба. Босая, съ засученными до локтя рукавами, съ подоткнутой съ двухъ сторонъ юбкой, она, перегибаясь съ плота, широкими, размашистыми движеніями полоскала бѣлье, складывала и однимъ ударомъ валька пришлепывала мокрое бѣлье, а вторымъ сильнымъ ударомъ отжимала воду. И эти два — одинъ глухой, а другой рѣзкій — удары одинъ за другимъ гулко разносились по пруду: «та-тамъ, та-тамъ».

Помню, Танѣ стремился помочь темный Е. П. Онъ мрачно слѣдовалъ за ней изъ прачешной на прудъ и об-

ратно, и противными, бараньими, влюбленными глазами слѣдилъ за ней...

Таня часто убѣждала куда-нибудь: то къ друзьямъ — Олсуфьевымъ, одна или съ папа, то за границу, то съ Мишей въ Швецію. Да кромѣ того, у нея были свои дѣлѣ. Обѣ сестры были заняты перепиской для отца, у каждой изъ нихъ была своя жизнь, свои интересы, онѣ не могли отдавать мнѣ много времени. А потомъ онѣ скоро, слишкомъ скоро для всѣхъ насъ, вышли замужъ... Наконецъ, мнѣ посчастливилось, я не была уже такъ одинока: вмѣсто злой и нервной м-ль Детра, уволенной за то, что она въ кровь разсѣкла мнѣ руку линейкой, поступила миссъ Вельшъ — маленькая, кроткая женщина среднихъ лѣтъ, съ добрыми карими глазами. Сначала я пробовала ее изводить такъ же, какъ другихъ гувернантокъ, но изъ этого ничего не вышло, я привязалась къ ней. Если я плохо занималась или нарочно путала гаммы, она говорила мнѣ: «Вы сегодня не въ настроеніи, хорошо, мы заниматься не будемъ», и уходила. Тогда я приходила въ отчаяніе и бѣжала за ней. Дверь ея оказывалась запертой. Я ложилась подъ дверью на животъ и начинала причитать: Мисенька, Вельсенъка, *darling, dearest, please let me in*. Если это не помогало, я по двери съ чернаго хода взбиралась наверхъ, на крышу и къ ней въ окно. Увидя меня, миссъ Вельшъ сначала пугалась, потомъ сердилась и наконецъ начинала смѣяться. А мнѣ только этого и нужно было. Я бросалась ее цѣловать, миръ восстанавливался и я нѣкоторое время добросовѣстно барабанила гаммы.

Миссъ Вельшъ привязалась ко мнѣ и я любила ее, но горе было въ томъ, что она не могла оставаться со мною на зиму, такъ какъ у нея была своя небольшая музыкальная школа въ Москвѣ. На зиму мнѣ снова брали французку, съ которой я неизмѣнно воевала.

VII.

ВЪ МОСКВѢ.

Училась я неохотно и плохо, главнымъ моимъ интересомъ были лошади, игры и спортъ. Дѣвочекъ сверстницъ у меня не было ни въ нашемъ домѣ, ни у Кузминскихъ, съ которыми я выросла, поэтому немудрено, что

почти все время я проводила съ мальчиками. У меня выработались ихъ ухватки, меня забавляли ихъ игры. Я могла бѣдить верхомъ безъ сѣдла, лазила по деревьямъ, стрѣляла изъ монтекристо. Мнѣ было скучно одной и я изъ всѣхъ силъ тянулась, чтобы ни въ чемъ не отставать отъ братьевъ. «Не лѣзь, — говорилъ Миша, — будешь потомъ ревѣть». Но я лѣзла и терпѣла, когда Мишины товарищи-поливановцы били меня. Особенно жестокая игра была въ «пристѣнокъ». Проигравшійся становился у стѣны, въ него били чернымъ твердымъ, какъ камень, мячемъ. Часто на спинѣ оставались кровоподтеки, но, стиснувъ зубы, я молчала, не показывая вида, что мнѣ больно. Съ особеннымъ ожесточеніемъ всаживалъ мнѣ въ спину мячъ здоровый, коренастый парень Карцевъ, должно быть, изъ купцовъ. И только одинъ мальчикъ, съ красивыми, мечтательными глазами никогда не билъ меня. Онъ отличался отъ остальныхъ женственностью во всемъ своемъ обликѣ и тѣмъ, что вмѣсто черной суконной куртки, подпоясанной ремнемъ — форма Поливановской частной гимназіи, на немъ была бархатная блуза съ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ. Мнѣ нравился этотъ кроткій мальчикъ — Боря Бугаевъ *).

Зимой самымъ большимъ удовольствіемъ былъ катокъ. Расчищалась и поливалась водой небольшая площадка передъ домомъ и деревянная гора. Нужно было вылить сотни кадокъ воды, чтобы образовалась гладкая ледяная поверхность. Рѣдко нанимали кого нибудь для этой работы. Только выдавалась свободная минутка, я бѣжала въ садъ возить воду и поливать. Я промокала насквозь, покрытая ледяными сосульками одежда гремѣла и не гнулась.

А иногда утромъ, когда проснешься и дворникъ снаружи отворить ставни, выглянешь въ окно и видишь, что отецъ тянетъ полную кадку воды на катокъ. Борода заиндевѣла, лицо раскраснѣлось, изо рта валитъ паръ. Спокойно, не торопясь, онъ подвозитъ кадку, подымаетъ за дно и опрокидываетъ. Вода быстро растекается по гладкой поверхности, и отецъ ловко, быстро отскакиваетъ, ставитъ кадку на салазки и отвозитъ.

Колодезь былъ въ глубинѣ сада. Маленькая будочка покрывала примитивный ручной насосъ. Когда качали во-

*) Андрей Бѣлый.

ду, вся будочка скрипѣла и шата́лась. Зимой отецъ возилъ воду ежедневно. Онъ запрягался въ санки, подвозилъ ихъ къ колодезю, заворачивалъ и качалъ воду. Хорошо помню его напряженную, наклоненную впередъ фигуру въ полушубкѣ и валенкахъ. Кадка была тяжелая и онъ тащилъ ее съ трудомъ. Дорожка узкая и извилистая. При поворотахъ сани часто съѣзжали въ сторону, въ снѣгъ, отецъ грудью налегалъ на обмерзшую веревку, сани выпрямлялись, и отъ толчка прозрачная, синеватая вода выплескивалась на снѣгъ.

Отецъ томился безъ движенія, безъ физической работы, къ которой онъ такъ привыкъ въ деревнѣ. Тамъ онъ всегда что-нибудь дѣлалъ: дрова пилилъ или въ полѣ работалъ, много ходилъ. Въ Москвѣ ему было тѣсно, скучно, онъ даже началъ учиться ѣздить на велосипедѣ въ манежѣ. Тогда еще велосипеды были съ простыми, не пневматическими шинами, безъ свободнаго хода. Одинъ разъ отецъ насмѣшилъ насъ своимъ рассказомъ. Только что онъ научился держать равновѣсіе, и руль еще плохо его слушался, онъ ѣхалъ, выхвачиваясь изъ стороны въ сторону, направляя всѣ силы на то, чтобы не упасть, какъ вдругъ увидалъ даму, она ѣхала ему навстрѣчу и тоже какъ будто чувствовала себя неуверенно. «Только бы не налетѣть, только бы не налетѣть», — думалъ отецъ, но съ ужасомъ сознавалъ, что не можетъ повернуть руль. «Странное дѣло, — рассказывалъ онъ, — всѣ мои мысли были направлены на даму, у меня было ощущеніе, что меня къ ней притягивало. Мы, разумеется, столкнулись и оба упали».

За этотъ періодъ Москва запомнилась мнѣ лучше, чѣмъ Ясная Поляна. Можетъ быть потому, что здѣсь мы проводили большую часть года, а можетъ быть въ деревнѣ жизнь была беззаботнѣе. Въ Москвѣ ходили учителя, учительницы, время было строго распределено, развлеченія болѣе разнообразны: балы, театры, концерты, весной грибной рынокъ, постомъ — церковь, говѣнье, верба, пасхальная заутреня. Иногда мама брала меня на дешевыя распродажи, которыя она очень любила. Мы ѣздили въ пассажъ, къ Мюрю и Меридизу, покупали остатки матерій и кружевъ. Одинъ разъ отецъ удивилъ насъ:

— А я сегодня былъ у Мюра и Меридиза! — сказалъ онъ. — Больше двухъ часовъ провелъ у Большого театра, наблюдая. Если дама подѣзжаетъ на парѣ, швейцаръ выскакиваетъ, отстегиваетъ полость, помогаетъ дамѣ вы-

лѣзти. Если на одиночкѣ, онъ только почтительно открываетъ дверь; если на извозчикѣ, не обращаетъ никакого вниманія.

Въ субботу былъ пріемный день. Между завтракомъ и обѣдомъ пріѣзжали дамы съ визитомъ на собственныхъ лошадяхъ. Лакей во фракѣ провожалъ гостей наверхъ, въ гостиную, гдѣ мама принимала. Вечеромъ собиралось много гостей, главнымъ образомъ, молодежь, друзья и знакомые сестры Тани и товарищи братьевъ. Часто мама заставляла меня садиться за самоваръ и наливать чай. Я смущалась и старалась незамѣтно удрать. Въ Таниной пріемной около лѣстницы, иногда прямо на приступкахъ, разсаживалась молодежь, появлялась гитара, пѣли цыганскія пѣсни.

Иногда въ разгаръ вечера, стараясь пройти какъ можно незамѣтно, лакей проводилъ кого-нибудь изъ «темныхъ» къ отцу въ кабинетъ. Въ сжавшейся, согнутой фигурѣ, въ смущенномъ взглядѣ, который пришедшій исподлобья бросалъ на гостей, было недоумѣнье.

— Пожалуйте сюда, — говорилъ лакей, какъ будто не замѣчая растерянной торопливости и замѣшательства посѣтителя, — сюда-съ.

Лакей открывалъ маленькую, оклеенную обоями дверь изъ залы и, указывая на лѣстницу, ведущую въ темный корридоръ, пропускалъ посѣтителя впередъ.

Помню дѣтскій костюмированный балъ у Г. Здѣсь долженъ былъ собраться весь цвѣтъ московской аристократіи, ждали пріѣзда великаго князя Сергѣя Александровича. Долго обдумывали мой костюмъ, въ совѣщаніи принималъ участіе дядя Костя*), такъ какъ онъ лучше всѣхъ зналъ, что комильфо, что нѣтъ, понималъ толкъ въ свѣтскихъ манерахъ и костюмахъ. Самъ онъ отлично одѣвался, несмотря на свою бѣдность, прекрасно говорилъ по французски, блестяще игралъ на роялѣ и былъ добрый и пріятный старичекъ. Насъ, дѣтей, онъ баловалъ, часто привозилъ плитки «сухой горчицы», какъ онъ называлъ шоколадъ. Дядя Костя долго меня разглядывалъ, ужасаясь на мои большія руки и ноги, и никакъ не могъ придумать, какой костюмъ лучше скрываетъ мою толщину и громоздкость. По его совѣту, мнѣ заказали золотыя туфли, черную газовую съ блестками юбочку, бархатный

*) К. А. Ислановъ.

лифъ, на голову треуголку. Не помню, что это должно было изображать. Въ день бала пришелъ парикмахеръ отъ «Теодора» и сдѣлалъ мнѣ громадную сѣдую прическу изъ моихъ же волосъ, употребивъ пропасть помады и пудры и безчисленное множество шпилекъ, отъ чего у меня сильно разболѣлась голова. Помню, какъ я старательно избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ и наровила прямо изъ своей комнаты по темному корридору попасть въ переднюю и юркнуть въ карету, а мама хотѣлось показать отцу мой костюмъ.

Когда балъ былъ въ полномъ разгарѣ, пріѣхалъ великій князь, и я со своимъ кавалеромъ, гимназистомъ графомъ К. танцевала кадрили, въ окно, около котораго мы сидѣли, кто то постучалъ. Я оглянулась и увидала, что прижавшись носомъ къ стеклу, въ полушубкѣ и кругломъ шапочкѣ стоялъ отецъ, а съ нимъ сестра Маша. Они улыбались. Я ужасно обрадовалась, когда увидала ихъ, главное, лица были у нихъ такія добрыя, пріятныя. Мнѣ хотѣлось выбѣжать во дворъ, но гимназистъ, съ которымъ я подѣлилась своимъ восторгомъ, остался равнодушнымъ и сказать, что идти сейчасъ на дворъ неудобно.

Однажды былъ танцевальный вечеръ въ домѣ моей подруги Нади, недалеко отъ насъ, на Дѣвичьемъ полѣ. Меня привели и оставили тамъ. За ужиномъ рядомъ со мной сидѣли Надины братья и все подливали мнѣ въ бокалъ шампанскаго. Было жарко, хотѣлось пить, а холодное, какъ ледъ, шампанское прекрасно утоляло жажду. Когда мы встали изъ-за стола, я почувствовала, что люди, стѣны, все поплыло куда то. Я съ большимъ трудомъ прошла въ залу и усѣлась, ожидая мазурки. Вдругъ какъ въ туманѣ я увидѣла отцовскую лайку «Бѣлку». Чудится, подумала я. Но она, погромыхивая ошейникомъ, съ сконфуженнымъ видомъ обошла всѣхъ, обнюхала и, найдя меня, радостно завиляла своимъ мохнатымъ хвостомъ и улеглась у моихъ ногъ. Въ залу вошелъ отецъ.

Помню чувство ужаса и стыда, которое горячимъ варомъ обдало меня. «Вдругъ замѣтить?» Весь хмель мгновенно соскочилъ, туманъ исчезъ.

Танцы прекратились. Появленіе отца на балу съ собакой, въ полушубкѣ, произвело большое впечатлѣніе. Хозяйка и гости окружили его. Онъ постоялъ, поговорилъ и поспѣшно, точно ему было не по себѣ, ушелъ.

Весной бывали пикники. Ѣздили подъ Москву въ Кунцево, въ Царицыно, большими компаніями, иногда на соб-

ственныхъ лошадей, съ провизіей, фруктами, конфетами. Гуляли по лѣсамъ, собирали цвѣты, катались на лодкахъ, громко восхищались природой.

Но для меня это веселье было не настоящее. Настоящее было дома, въ саду.

Выбѣжишь и пронзительно свистнешь. Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ мальчишки артельщиковы, заводскіе. Соберется человѣкъ пять, шесть. Зимой подвязывали коньки, катались съ горы. Гора крутая, ледъ гладкій, летишь — духъ захватываетъ; а то на льду же затѣвали игры въ салки, колдуны. А приходила весна, любимымъ удовольствіемъ было лазанье по заборамъ. Это было особенно увлекательно, потому что здѣсь была опасность, нужна была быстрота, сноровка, ловкость.

Въ клиническомъ саду было много подслѣжниковъ. Мы съ ребятами рѣшили развести ихъ въ своемъ саду. Запасшись перочинными ножами, мы влѣзали на заборъ. Дозорнаго оставляли наверху, а сами по командѣ прыгали внизъ, въ клинической садъ. Больныхъ мы не боялись, они знали насъ и сами помогали, мы боялись сторожей. Быстро, не теряя минуты, мы старались накопать какъ можно больше луковицъ съ маленькими синими бутонами и связать въ носовые платки. Ахъ, какъ было страшно, особенно, когда сверху раздавался свистокъ и, поднявъ головы, мы видѣли, что приближается сторожъ. Моментально всѣ бросались къ забору и нерѣдко обдирая въ кровь руки, перелѣзали на ту сторону.

Какъ-то разъ, послѣ удачной вылазки, мы сидѣли на заборѣ и угощались. На двадцать копѣекъ, мое мѣсячное жалованье, я купила подсолнуховъ, клюквеннаго кису и халвы. Вдругъ видимъ со стороны нашего сада идетъ клинической сторожъ. Куда бѣжать?

— Эй, ребята, — крикнулъ онъ намъ, — не видали-ли вы тутъ женщину?

Мы сразу успокоились.

— Нѣтъ, а что?

— Да больная у насъ одна убѣжала.

Странное дѣло. Только что мы говорили съ сумасшедшими и не боялись ихъ, а тутъ такъ страшно стало, даже съ забора слѣзать не хотѣлось. Больную нашли, она спряталась въ нашей бесѣдкѣ.

Въ нашемъ переулкѣ, въ бѣломъ угловомъ домѣ жилъ профессоръ Николай Яковлевичъ Гротъ. Онъ часто захѣ-

диль къ отцу и они серьезно о чемъ-то говорили. Это было скучно. Но у Николая Яковлевича была большая семья - много дѣвочекъ, тихихъ и скромныхъ и одинъ мальчикъ — Аля, кругленькій и розовенькій. Среди насъ считалось, что Андрюша влюбленъ въ старшую дѣвочку Женю, некрасивую и скучную, Миша въ Наташу, а я въ Алю. Я еще несовсѣмъ понимала, что значить влюбляться, но братья мнѣ внушили, что это такъ надо, и я повѣрила. Одинъ разъ за курганомъ, когда мы съ Алей очутились вдвоемъ, мы поцѣловались, и Аля меня спросила: «Когда ты будешь большая, ты выйдешь за меня замужъ?» — «Конечно», — отвѣтила я.

На другой день утромъ Аля принесла мнѣ букетикъ подснежниковъ. «Очень весело, — думала я, — и какой Аля милый! Какъ это Андрюша и Миша хорошо придумали влюбляться!»

Я уѣхала въ Ясную, а братья остались въ Москвѣ держать экзамены. Когда Миша пріѣхалъ, онъ таинственно отвелъ меня въ сторону и передалъ мнѣ письмо. Аля писала очень ласково, и напоминала, что мы должны жениться, когда вырастемъ совсѣмъ большіе.

Миша сказалъ, что надо быть осторожной, чтобы письмо никому не попало, поэтому я побѣжала въ «камерку», заперлась на ключекъ, перечитала его еще разъ и, хоть жалко было, разорвала и бросила. Отвѣтить Алѣ я не рѣшилась: онъ писалъ какъ большой, по одной линейкѣ, а я еще по двумъ, да съ ошибками.

Должно быть Гроты куда нибудь переѣхали. Когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я столкнулась у нашихъ воротъ съ маленькимъ, румянымъ студентомъ въ новенькой шинели.

— Саша Толстая? Это ты, вы? — пробормоталъ онъ.
— Аля Гротъ?

Нѣсколько секундъ мы стояли молча, разглядывая другъ друга и вдругъ разсмѣялись и разошлись.

По четвергамъ мы ѣздили съ мама въ концерты. Играли квартеты, музыка сложная, трудная, я ея никакъ не могла понять и думала только о томъ, какъ бы поскорѣе она кончилась. Завтра въ десять часовъ придетъ учительница, уроковъ я не знаю, надо встать рано. Но мама нарядная и оживленная не замѣчала моей скуки. А сказать ей, что я не хочу идти въ концертъ, я не смѣла. Она навѣрное разсердилась-бы: «Вотъ ты всегда такъ: какія-нибудь по-

лезныя, благородныя развлечения тебя не интересуютъ, тебѣ бы только съ мальчишками по заборамъ лазить, да въ чижи играть».

Иногда подъ звуки музыки я засыпала. Гдѣ-то далеко глухо пиликала скрипка, басила віолончель. Когда я просыпалась, мнѣ казалось, что прошло много, много времени, и было странно, что ничего не измѣнилось, такъ же старательно играли музыканты, ярко горѣли люстры, внимательно слушала публика. «Концертъ никогда не кончится», — думала я. Особенно долго всегда тянулось анданте. Недалеко отъ насъ сидѣлъ музыкантъ С. И. Танѣевъ, мама дѣлилась съ нимъ впечатлѣніями, а послѣ концерта предлагала идти вмѣстѣ домой пѣшкомъ. Отъ Благороднаго Собранія до нашего дома 50 минутъ ходьбы. 12-й часъ. Я хочу спать, ужасно хочу, глаза совсѣмъ слипаются... Молча плетусь за ними, мнѣ ужасно досадно, злые слезы душатъ меня...

Танѣевъ часто бывалъ у насъ въ это время. Какъ сейчасъ вижу его доброе, красное лицо съ маленькими глазками, всегда блестящее, точно смазанное саломъ и обрамленное небольшой бородкой, жирное, плохо укладывающееся, точно выпирающее изъ одежды тѣло, тонкій, захлебывающійся смѣхъ, напоминающій клохчущую насѣдку. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ композиторовъ и музыкантовъ того времени.

Жилъ Сергѣй Ивановичъ въ Мертвомъ переулкѣ, въ маленькомъ флигелькѣ, во дворѣ со своей старой няней Пелагеей Васильевной. Она ходила уткой, расклевываясь изъ стороны въ сторону, такъ какъ ноги у нея были сведены ревматизмомъ, обожала своего питомца, заботилась о немъ, и когда его беспокоили, вздыхала и говорила:

— Ахъ, знаете, Сергѣй Ивановичъ такъ усталъ, онъ все утро сонату пачиссонату Бетховена игралъ.

Танѣевъ прекрасно относился къ отцу и ко всей нашей семьѣ, былъ приятнымъ собесѣдникомъ, музыка его доставляла всѣмъ громадное удовольствіе. Когда Сергѣй Ивановичъ садился за фортепіано, онъ совершенно преобразался: лицо его дѣлалось торжественнымъ, важнымъ. Игралъ онъ превосходно, музыкальная память у него была изумительная. Стоило ему разъ прочитать страницу нотъ, какъ онъ могъ уже ее сыграть наизусть.

Въ это время, приблизительно въ 95 годѣ, семья наша постепенно таяла. Братья зажили самостоятельной жизнью.

Сергѣй женился на дочери профессора Петровской Академіи Манѣ Рачинской, а черезъ годъ женился Лева на дочери шведскаго врача Вестерлунда, и Таня и Миша ѣздили въ Швецію справлять его свадьбу.

Умеръ большой другъ отца — Николай Николаевичъ Страховъ. Грустно было думать, что этотъ милый, кроткій старичекъ, всегда смотрѣвшій на отца съ нескрываемымъ обожаніемъ, никогда больше не придетъ къ намъ.

Смутно припоминаю поѣздку въ Москву съ мама по случаю смерти Александра III — парады, процессіи. Но хорошо помню случай, вызвавшій много разговоровъ, смѣха и возмущенія въ нашей семьѣ.

Петербургскій свѣтъ, высшее чиновничество должны были пріѣхать на коронацію Николая II въ Москву. Было лѣто, всѣ выѣхали на дачи или въ деревню. Московскіе домовладѣльцы рѣшили воспользоваться случаемъ и по дорогой цѣнѣ сдать свои дома съ мебелью и посудой.

Нашъ домъ взяли за глаза князья Б. Они не сомнѣвались въ томъ, что Толстые живутъ въ хорошей обстановкѣ. Но когда они пріѣхали, и княгиня, войдя въ нашу скромную переднюю, увидала «всю эту нищету», какъ она выразилась, она въ отчаяніи сѣла на полъ и зарыдала. Она заявила своему мужу, что ни за что не станетъ жить въ «этой дырѣ».

Мама была непріятно поражена, молодежь смѣялась, а отецъ возмущался, считая нашъ домъ предѣломъ роскоши.

Отъ Ходынки только и осталось въ памяти, какъ мама рассказывала о задавленныхъ и плакала. Она видѣла, какъ ихъ везли съ поля. Трупы были навалены горами на полкахъ, изъ подъ брезентовъ торчали посинѣвшія руки и ноги...

Всѣ толковали о плохомъ предзнаменованіи, о томъ, что царствованіе молодого царя будетъ несчастнымъ.

Няня откуда то раздобыла себѣ эмалированную кружку, одну изъ тѣхъ, что раздавали на Ходынкѣ, но и она вздыхала, говоря:

— Охъ, не къ добру это, не къ добру! Сколько народу подавили!

VIII.

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ. ТЕМНЫЕ.

. Лѣтомъ тетенька Татьяна Андреевна съ семьей уже не жила въ Ясной Полянѣ. Въ такъ называемомъ Кузминскомъ домѣ поселился Сергѣй Ивановичъ Танѣевъ со своей старой нянюшкой Пелагеей Васильевной. Онъ сочинялъ оперу «Орестею», гулялъ съ нами, игралъ съ отцомъ въ шахматы, и иногда мы цѣлыми вечерами слушали въ его чудеснѣйшемъ исполненіи Шопена, Бетховена, Моцарта, Мендельсона.

Я выдумала игру. Она называлась теннисъ лаунъ. Это былъ теннисъ на крокетной площадкѣ съ молотками и шарами. Этой дикой игрой Сергѣй Ивановичъ увлекался не меньше меня.

— Даю! — кричала я, катя шаръ на Танѣева. Онъ отражалъ, я снова катила на него. Шаръ леталъ взадъ и впередъ, какъ сумасшедшій, иногда подскакивалъ въ воздухѣ, вертѣлся, иногда больно ударялъ по ногамъ, иногда раскалывался пополамъ. Мы приходили въ страшный азартъ, отъ сильныхъ ударовъ лопались молотки. Чаще всего въ игрѣ, кромѣ С. И., принимали участіе Жули-Мули и ея двоюродный братъ, пьянистъ Игумновъ, производившій на меня впечатлѣніе тѣмъ, что могъ складываться какъ аршинъ и чесать себѣ пяткой за ухомъ.

Къ Сергѣю Ивановичу пріѣзжалъ его ученикъ, Юша Померанцевъ. Мама говорила, что онъ очень талантливъ и пишетъ оперы, а Померанцевъ переважно шурилъ маленькіе глазки, точно выражалъ этимъ превосходство надъ всѣми тѣми, которые оперъ не писали...

Было весело въ это лѣто. Хотя младшихъ братьевъ и меня мама заставляла учиться, но толку отъ этого было мало. Мальчики убѣгали на деревню съ гармоніями, отчего мама приходила въ отчаяніе.

Учитель Курсинскій, котораго Таня сейчасъ же прозвала Закурсинскимъ, внушалъ намъ мало уваженія, особенно послѣ двухъ происшедшихъ съ нимъ забавныхъ анекдотовъ.

Я помню, мы возвращались черезъ «Песочную яму» *)

*) Здѣсь добывался съ незапамятныхъ временъ песокъ.

на катках *) съ какой-то прогулки. Дорога здѣсь крутая, коренникъ спускался съ трудомъ.

- Слѣзть надо, — сказала я.

— Зачѣмъ? — спросилъ Курсинскій.

— Легче будетъ кореннику, — сказала я съ англбомъ, считая себя знатокомъ во всѣхъ лошадиныхъ вопросахъ.

- Какой вздоръ! — воскликнулъ учитель. Чѣмъ тяжелѣе грузъ, тѣмъ легче лошади спускаться.

И онъ сталъ издѣваться надо мной. Доказать свою правоту учителю я не умѣла, но затѣла обиду.

Одинъ разъ всѣ взрослые уѣхали верхомъ, и Курсинскому дали «Миропаху», на которой я всегда ѣздила съ Таней. Ахъ, какъ я здорадствовалась, когда черезъ нѣкоторое время Миропаху прибѣжала одна въ конюшню съ оборванной уздечкой, и я увидѣла учителя, пробиравшагся по дорожкѣ между сиреневыми кустами. Онъ былъ въ грязи, фетровая городская шляпа съ большими полями съѣхала на макушку, онъ махалъ какъ крыломъ правой рукой и жалобно, почему то по французски, кричалъ:

- J'ai tombé au grand gallop et je crois que j'ai le bras cassé!

Онъ такъ и сказалъ: j'ai tombé и выговаривая слова со всѣми согласными на концѣ: галлопъ.

Бѣдная старая Миропахя, она и скакать то не могла! Учитель окончательно погибъ въ моихъ глазахъ.

Сергѣй Ивановичъ сочинялъ романы по просьбѣ Тани, и я очень скоро запомнила ихъ и расплывалась

«А соловей не то рыдаетъ,

«Не то поетъ!»

Закурсинскій писалъ декадентскіе стихи.

Я поспѣвала вслѣдъ: верхомъ, купаться на Воронку, за грибами, на далекія прогулки въ Засѣку. Усталости я не знала. Самая веселая прогулка въ это лѣто была въ Туду съ мамой, Таней и С. И. Пятнадцать верстъ прошли по пыльному шоссе, съѣли большое количество сладкихъ пирожковъ въ кондитерской Скворцова, пошлн въ Кремлевскій садъ, катались на лодкѣ и повозомъ вернулись домой. Было преледело!

*) Катки — ливейка по ясновотчавски. Авт.

Мама совсѣмъ ожила, она рѣже вспоминала Ванечку, помолодѣла и все декламировала стихи:

«О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
«Нѣжнѣй мы любимъ и суетнѣй»...

Только одна Маша не принимала участія въ общемъ весельѣ. Она такъ же бѣгала по больнымъ на деревню, ходила въ поле на работу, а въ свободное время переписывала отцу.

Иногда я приходила къ Машѣ въ поле съ твердымъ намереніемъ помогать, но, разумѣется, только мѣшала, подвертывалась на вилы, залѣзала на возъ, когда лошади и безъ меня было тяжело, растрепывала копны.

Но когда я носила Машѣ полудновать въ поле: два крутыхъ яйца, бутылку кваса, свѣжій огурецъ, кусокъ чернаго хлѣба и кружечку ягодъ или малины своего сбора, я чувствовала, что я тоже дѣло дѣлаю.

Она садилась съ бабами въ холодокъ и ѣла. Волнистые свѣтлые волосы прилипли къ вискамъ, ситцевое платьѣ на спинѣ потемнѣло отъ пота, она вытирала загорѣлое, въ мелкихъ веснушкахъ лицо носовымъ платкомъ.

— Устала? Зачѣмъ это ты, Маша? Пойдемъ домой!

Она грустно улыбалась, точно знала что-то, чего я не могла понять. «Что же это? Зачѣмъ она себя мучаетъ?» Но мысль не останавливалась. Мнѣ было некогда объ этомъ думать. На обратной дорогѣ надо было забѣжать на мѣста, гдѣ за ночь могли вырасти бѣлые грибы или боровики, зайти на «Красную улицу» подъ желтый аркадъ и, если падали нѣтъ, залѣзть въ развилину, чтобы сторожъ не увидалъ, да тряхнуть хорошенько! «Миссъ Вельшъ надо самые желтые отложить», — думала я, — она любитъ сладкія. Руки у меня разодраны, ноги въ слепкахъ, въ платьѣ кое-гдѣ выдраны клочья. Два кармана набиты и пренепріятно оттягиваютъ юбку: десятка два яблокъ, нѣсколько кремней, рогатка. Въ носовомъ платкѣ связаны грибы.

Около крокета, подъ старымъ кленомъ, у меня кладовая — ямка, въ которой вдѣланъ ящикъ съ крышкой, застеленный соломой. Крышка захлопывалась, сверху я заваливала ее сухими сучьями.

Выбравъ десятокъ самыхъ лучшихъ яблокъ, я бѣжала къ миссъ Вельшъ. Миссъ Вельшъ ѣла яблоки медленно,

со вкусомъ, очищая кожу десертнымъ ножомъ и отрѣзая ломтики. Она приходила въ ужасъ, когда я поглощала одно яблоко за другимъ, не оставляя ничего, ни кожи, ни середины.

— Саша, — говорила она спокойно, — я считала, что вы сегодня съѣли 64 яблока!

Я была наивна, доверчива и очень смѣшлива. Достаточно было пустяка, чтобы я смѣялась до слезъ, до боли въ боку, не въ силахъ остановиться.

— У Саши какой-то бессмысленный смѣхъ, — говорила мама.

— Ну, ну, смѣйся! — говорила Таня, показывая мнѣ палецъ.

Палецъ казался мнѣ такимъ нелѣпымъ, смѣшнымъ, что я хохотала до упаду.

Миша всегда старался разсмѣшить, когда у меня было полно роть воды или чая. Чтобы вызвать общую веселость, достаточно было заговорить о каретѣ.

Карета эта съ незапамятныхъ временъ стояла въ сараѣ и постепенно вросла въ землю. Это была та самая карета, въ которой когда-то родители ѣздили въ Москву. Когда хотѣлось посмѣяться, ктонибудь изъ мальчиковъ начиналъ:

— Мама, а мама, надо бы карету вытащить!

Мама не понимала нашей веселости и относилась къ дѣлу совершенно серьезно, что смѣшило насъ еще больше.

— Ла, я все забываю сказать приказчику.

— Мама, надо поскорѣе, а то, она такъ увязла, что ее и не вытащишь...

Карету забывали, а черезъ нѣкоторое время, Миша снова начиналъ:

— Мама, а мама, надо бы карету вытащить...

— Ха, ха ха!

У меня болѣлъ животъ отъ смѣха.

Ну, что смѣшного? Лучше бы напомнили приказчику сказать, — говорила мама.

Наконцѣ, совершилось чудо. Карету вытащили. Подкладывали ваги, оглобли, приподнимали, раскачивали, кричѣли, запрягали лошадей. Теперь она стояла среди двора громадная, съ широкими козлами, обитая внутри атласомъ, страшная въ своемъ величїи и бесполезности.

— Неужели въ Москву ѣздили? — спрашивала я.

Въ боковыхъ стѣнкахъ были отдѣленія для вещей, а въ

сидѣньѣ, подъ подушкой, круглая дырочка. Въ первый разъ, когда я приподняла подушку въ присутствіи кучера, даже неловко стало...

Лѣтомъ карету поливало дождемъ, палило солнцемъ, зимой засыпало снѣгомъ.

— Мама, а мама! — говорилъ Миша, — надо бы карету продать!

И мама дѣловито отвѣчала, не понимая шутки:

— Да, правда, а то стоитъ среди двора, мѣшаетъ..

Проходили мѣсяцы.

— Мама, а мама, надо бы карету...

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста!

Наконецъ пришелъ кузнецъ; кучеръ показаль ему карету.

— Ты только посмотри рессоры-то какія...

— Да что толку то, куда же теперича такія! Ужъ очень здоровы!

Кузнецъ купилъ карету за десять рублей и тутъ же на мѣстѣ ее раззорилъ.

Въ то время много бывало у насъ темныхъ. Это были совсѣмъ особенные люди, не похожіе на другихъ — мрачные, тихіе, съ приглушенными голосами, вѣчные постылки, всегда плохо одѣтые, съ специфическимъ запахомъ пота, дегтя и грязи. Мама терпѣть не могла темныхъ и, какъ могла, не пускала ихъ наверхъ, въ залу — они проходили прямо въ кабинетъ къ отцу.

Среди темныхъ были случайные, проходящіе, но были и связанные съ отцомъ долготѣней дружбой. Въ 1895-96 году, недалеко отъ Ясной Поляны, въ маленькомъ, запущенномъ имѣніи Деменка, жили Чертковы. Черткова, большого, красиваго человѣка съ аристократическими манерами, увѣреннаго и спокойнаго, я всегда боялась. Я не представляла себѣ, что можно его въ чемъ-нибудь не послушаться. У меня сжималось сердце, когда Чертковъ хмурилъ свои красивыя, изогнутыя брови, большіе глаза его темнѣли отъ гнѣва. Въ этихъ глазахъ, въ узкомъ лбу, въ горбатомъ римскомъ носѣ было столько власти, столько силы, что люди невольно ему подчинялись.

Я наблюдала, какъ всѣ темные, кромѣ старушки Шмидтъ, боялись его. Чертковъ царствовалъ надъ толстолицами. И, если нѣкоторые изъ нихъ слабо сопротивлялись, стараясь проявить нѣкоторую самостоятельность, — это

были лишь жалкія попытки. Въ его присутствіи они ступали и робко на него взглядывали, ища одобренія.

Опрощеніе не шло къ Черткову такъ же, какъ одежда, которую онъ носилъ. Она сидѣла на немъ нескладно, мѣшкомъ, особенно странно было, когда онъ надѣвалъ длинную, ниже колѣнъ, блузу, иногда ярко краснаго цвѣта.

— Красный цвѣтъ предохраняетъ отъ солнца, — говорилъ Чертковъ, видя общее недоумѣніе.

Когда онъ, большой, спокойный, всегда чѣмъ-то обвѣщенный двигался къ дому, я старалась исчезнуть. Меня даже не смѣшили его анекдоты.

— Знаете, — рассказывалъ онъ спокойнымъ голосомъ, выговаривая слова съ иностраннымъ акцентомъ, — знаете, въ Деменкѣ старуху уже двѣ недѣли не хоронятъ!

— Что вы, неужели? — восклицаютъ всѣ въ ужасѣ. — Почему?

— Какое безобразіе! — возмущалась мама, не допускавшая мысли о шуткѣ. — Чего же полиція смотритъ? Почему же ее не хоронятъ?

— Потому что она еще не умерла, — отвѣчаетъ Чертковъ.

Въ другой разъ онъ серьезно сказалъ:

— Сегодня два поѣзда на ходу сошлись!

— Не можетъ быть! Ну, и что-же?

— Ничего. Разошлись по разнымъ путямъ.

Мнѣ бывало скучно у Чертковыхъ. Обычно отецъ и Вл. Гр. вели между собою серьезные разговоры, которыхъ я не понимала. Сынъ Чертковыхъ — Дима былъ много моложе меня, мнѣ было съ нимъ неинтересно, да кромѣ того, онъ никогда не хотѣлъ играть, все капризничалъ, нылъ и прилипалъ къ материнскимъ юбкамъ.

Я боялась подходить къ Аннѣ Константиновнѣ. Я всегда стѣснялась своего большого, громоздкаго, сильнаго тѣла, особенно неловко мнѣ было со слабыми, больными людьми. Ни съ кѣмъ я не испытывала такого смущенія, какъ съ Анной Константиновной. Казалось, если нечаянно задѣть стулъ, толкнуть ее, она разсыплется — такая она была хрупкая, тѣдешная. Темные, стриженные волосы обрамляли худое, съ выступающими скулами лицо, горѣли большіе, широко открытые глаза. Она сидѣла всегда въ креслѣ, обложенная подушками, укутанная клѣтчатымъ пледомъ. Иногда глаза ея принимали особенно страдальческое выраженіе.

— Я голодная! — вскрикивала она.

Тогда всё вскакивали, бѣжали на кухню. Черезъ нѣсколько минутъ появлялась Анна Григорьевна — хохлушка, жившая у Чертковыхъ много лѣтъ. Она приносила поднось, уставленный маленькими, точно кукольными мисочками и тарелочками съ вегетаріанской пищей. Когда Анна Константиновна ѣздила въ Ясную Поляну, въ экипажъ клали подушки, пледъ, мисочки съ ѣдой, на случай, если ей захочется ѣсть.

Иногда Анна Константиновна пѣла. Хотѣлось плакать и не потому, что меня трогали сектанскія пѣсни, меня волновалъ самый ея голосъ, низкій, сильный, съ грустными грудными нотами.

Днемъ на видномъ мѣстѣ вывѣшивали флагъ. Анна Константиновна спала, и въ домѣ воцарялась мертвая тишина.

Мы часто бывали у Чертковыхъ; иногда отецъ водилъ насъ Застѣкой, одному ему извѣстными тропинками, иногда мы съ сестрами ѣздили къ нимъ верхомъ. Намъ было весело отъ быстрой ѣзды; оживленные, въ амазонкахъ мы вваливались къ Чертковымъ и вдругъ почему то дѣлалось стыдно, неловко. Къ Чертковымъ пріѣзжала сестра Анны Константиновны Ольга. Я полюбила ее еще тогда, когда живъ былъ Ванечка. Она, должно быть, чувствовала мое одиночество и подчеркивала доброе отношеніе ко мнѣ, баловала, ласкала. Я сперва дичилась, но потомъ мнѣ стало нравиться, когда она цѣловала меня, прижимаясь покрытой пушкомъ щекой къ моему лицу. Мнѣ нравилась ея кокетливая улыбка, черные, какъ вишни, глаза, скромное англійское платье, гладкая прическа и родинка на щекѣ, похожая на большую муху. Я робко, искоса взглядывала на нее, стараясь сѣсть поближе.

А черезъ нѣсколько лѣтъ братъ Андрей женился на Ольгѣ. Всю свою молодость онъ кутилъ, просаживалъ деньги на цыганъ. Родители огорчались, но ничего не могли съ нимъ подѣлать. И вдругъ онъ влюбился въ серьезную Ольгу Константиновну. Братъ клялся, что исправится, переменитъ образъ жизни. Она вѣрила ему, вѣрила въ свое вліяніе. И, дѣйствительно, въ первое время послѣ женитбы Андрей пересталъ кутить, чаще бывалъ въ Ясной Полянѣ, ближе подошелъ къ отцу. Всѣ радовались за него, но больше всѣхъ я.

Андрей рѣшилъ поселиться въ деревнѣ и заняться хо-

зайствомъ. Намъ, младшимъ, по раздѣлу досталось Самарское имѣніе. Когда то, желая увеличить свое состояніе, отецъ купилъ его по 7 р. 50 за десятину. Женившись, братья рѣшили продать землю. Я не препятствовала. Имѣніе было продано гораздо дороже, чѣмъ ожидали -- по 35 р. за десятину.

Мама положила мои деньги въ банкъ и съ тѣхъ поръ я едѣлалась самостоятельной. Я платила матери за содержаніе по сто рублей въ мѣсяцъ, платила за учителей, гувернантокъ, одежду, за все.

Андрюша купилъ имѣніе въ 18 верстахъ отъ Ясной Поляны, тамъ они и поселились.

Но я забѣжала впередъ...

Трудно точно опредѣлить по какимъ признакамъ толстовцы дѣлились въ моемъ воображеніи на настоящихъ и ненастоящихъ. Настоящій толстовецъ не курилъ, не ѣлъ мяса и непременно долженъ былъ носить блузу, но и эти опредѣленія не были исчерпывающими.

Александръ Никифоровичъ во всякомъ случаѣ былъ ненастоящій.

Никифоровичъ, какъ я его называла, мяса не ѣлъ, но любилъ ловить рыбу. На большомъ подмосковномъ озерѣ Сенежѣ, онъ проводилъ всѣ свободные дни и съ упоеніемъ рассказывалъ, какъ нѣсколько часовъ подрядъ водила его щука и, когда онъ ее вытащилъ, въ ней оказалось тридцать фунтовъ. Онъ и покушивалъ немножко, тщательно набивая гильзы ватой, чтобы не отравлять легкія никотиномъ.

Александръ Никифоровичъ былъ изъ московскихъ купцовъ, служилъ въ торговомъ банкѣ директоромъ и часто бывалъ у насъ. Отца моего онъ обожалъ и всегда шумно выражалъ свои чувства.

Никифоровичъ терпѣть не могъ духовенства, называлъ священниковъ полами, ругался, кричалъ, и отцу часто приходилось его останавливать, особенно послѣдніе годы, когда онъ самъ сталъ гораздо терпимѣе къ чужимъ вѣрованіямъ. Никифоровичъ любилъ всѣхъ насъ, какъ родныхъ. Бывало, придетъ, расцѣлуетъ отца, нѣсколько разъ поцѣлуетъ у матери руку, а затѣмъ примется за насъ. Когда мнѣ было уже лѣтъ тринадцать, я конфузилась.

— Что это вы Сашу такъ цѣлуете? — спрашивалъ отецъ, смѣясь, замѣтивъ мое смущеніе: — она уже большая.

— Что? Саша большая? — кричалъ Никифоровичъ: — да она для меня всегда маленькая останется, я ее на рукахъ носилъ! — И онъ снова, громко чмокая, цѣловаль меня въ обѣ щеки.

Были толстовцы, которые внушали мнѣ отвращеніе. Бѣлокурый, съ мутными голубыми глазами, свѣтлой породкой Хохловъ и Клопскій перепутались въ моемъ представленіи. Оба были ненормальны, оба были влюблены въ сестру Таню. Какъ сейчасъ помню ощущеніе ужаса. По темному корридору московскаго дома бѣжить Таня, а ее преслѣдуетъ лохматый, сумасшедшій челоуѣкъ — темный. Таня смѣется, а мнѣ страшно. Этого челоуѣкъ мерещился мнѣ ночью, казалось, что вотъ-вотъ онъ достигнетъ Таню и произойдетъ что-то ужасное!

Тепло и ясно становится на душѣ, когда я вспоминаю кроткую Леонилу Фоминичну Анненкову, точно внутренней лаской окутывала она всѣхъ, кто подходилъ къ ней. Вся она была мягкая и сѣрая. И платье было на ней сѣрое, и на плечахъ мягкій сѣрый платокъ, и волосы и глаза были такіе же мягкіе и сѣрые, и въ рукахъ вязанье тоже мягкое и сѣрое. Она говорила мало и тихо, съ южнымъ акцентомъ, больше слушала... Чуть постукивали деревянные спицы и Леонила Фоминична шептала что-то, шевеля полными губами, не то петли считала, не то новтворяла про себя слова отца. Изрѣдка, точно желая лучше понять мысль, она вскидывала глаза и внимательно смотрѣла на него сквозь очки.

Если бы меня спросили, кто такой Иванъ Ивановичъ Горбуновъ, я не задумываясь отвѣтила бы: «Посредникъ»! А что такое «Посредникъ»? — «Посредникъ»? Станный вопросъ! «Посредникъ» — это Иванъ Ивановичъ Горбуновъ.

Съ образомъ Ивана Ивановича у меня связывались новенькія, самыя лучшія на свѣтѣ книги: «Чѣмъ люди живы», «Два старика», «Первые христіане» и другія. Онъ всегда приносилъ съ собой пахнуція краской, имѣвшія для меня неизъяснимую прелесть книги. Онъ волновался, когда говорилъ съ отцомъ, пыхтѣлъ, отдувая губы, говорилъ себѣ подъ носъ, точно недовольно бурчалъ, но слова его были восторженные, сантиментальные, на добрыхъ голубыхъ глазахъ появлялись слезы.

Изъ всѣхъ послѣдователей отца больше всего у насъ

въ домѣ любили Марію Александровну или «старушку Шмидтъ», какъ ее прозвала сестра Таня.

Худая, изможденная, съ ввалившимися щеками, заостреннымъ носомъ и подбородкомъ, серьезнымъ, почти мученическимъ выраженіемъ лица, Марія Александровна точно вся свѣтилась внутреннимъ огнемъ. И странное впечатлѣніе производила ея чисто институтская манера вздыхать, охать, восклицать. Бывало, увидитъ, отца, вскочить, всплеснеть руками:

Душенька, Левъ Николаевичъ, какъ я рада!

Я любила слушать ея рассказы про житье на Кавказѣ, куда она поѣхала работать на землѣ съ своей подругой Ольгой Александровной, когда она, увлекшись взглядами отца, бросила институтъ и рѣшила измѣнить свою жизнь. Особенно сильное впечатлѣніе производилъ на меня рассказъ о медвѣдѣ.

— Работаю я, — говорила Марія Александровна, — и вдругъ, моя душенька, поднимаю голову, а медвѣдь на деревѣ сидитъ и абрикосы ѣстъ. Ахъ, моя милочка, я такъ и обмерла!

Помню еще рассказъ:

— И вотъ, моя душенька, возвращаемся мы съ Ольгой Александровной съ Кавказа и деньги у насъ съ собою были. Соблазнъ, соблазнъ, моя милочка, отвращеніе эти деньги! И что-жъ ты думаешь? Вытащили, всѣ деньги вытащили! Господь на насъ оглянулся! — восторженно заканчивала Марія Александровна.

Я помню, при этомъ рассказѣ разъ присутствовала двоюродная сестра, Варечка Нагорнова, отличавшаяся страшной разсѣянностью, у нея всегда все пропадало и никогда ничего не было.

— Ахъ, Марія Александровна, — грустно промолвила она, — Господь съ меня глазъ не спускаетъ!

Мама рассказывала, что когда отецъ написалъ «Войну и Миръ», онъ подарилъ племянницамъ по десяти тысячъ рублей. Варечка куда то засунула билетъ и забыла про него. Одинъ разъ мама, заѣхавъ къ ней, увидела, что разбитое стекло заклеено чѣмъ-то страннымъ. Вглядѣвшись, она узнала десяти тысячный билетъ.

IX.

НЕПОНЯТНОЕ.

Баловали меня мало, но за всякую ласку я была безконечно благодарна и отвѣчала любовью и преданностью. Чаше всего я испытывала приливы нѣжности къ своимъ сестрамъ, но никогда не смѣла этого высказывать. Онѣ и не подозрѣвали, что лаской могли сдѣлать со мной все, что хотѣли, тогда какъ строгость, наоборотъ, всегда пугала меня, заставляла внутренне сжиматься и калѣбѣть. Меня считали упрямой, на самомъ дѣлѣ это было не совсемъ то. Къ упрямству примѣшивалась и застѣнчивость, и обидчивость, порождаемая частыми уколами самолюбія.

Ко мнѣ ходила учительница Александра Константиновна. Она была милая добрая и очень застѣнчивая, что меня особенно къ ней притягивало, и краснѣла совѣмъ какъ я. Мнѣ нравилась ея наружность: блѣлоктуры, ниже плеча волосы отливали золотомъ, ласково сіяли темно-сіиѣ глаза и часто, когда она объясняла мнѣ синтаксисъ или исторію, я украдкой любовалась ею. Я ее любила, съ волненіемъ ждала ея прихода, мнѣ хотѣлось какъ нибудь выразить ей свои чувства — я приносила ей цвѣты изъ сада, провожала до конки.

Двѣ, три странички Иловайскаго, которыя она мнѣ давала, я выучивала чуть ли не наизусть и, когда она приходила, я смѣло начинала говорить. Но стоило мнѣ запнуться или замѣтить на лицѣ Ал. К. улыбку, какъ я смущалась и замолкала.

— Ну, что-жъ вы, продолжайте!

Мнѣ дѣлалось жарко, я не могла вымолвить ни слова. Ал. Конст. старалась мнѣ напомнить урокъ, думая, что я его не знаю, подсказывала, пробовала дѣйствовать строгостью, — я молчала.

Когда она уходила, я бросалась на кровать и горько плакала.

Ал. Конст. не выносила духовъ, у нея разболѣвалась отъ нихъ голова. Я тоже презирала духи, какъ вообще презирала всякія принадлежности дамскаго туалета, мнѣ гораздо больше нравились перочинные ножи, пилки, буравчики.

Помню, какое было для меня мученье, когда мама заставляла меня носить корсетъ, «чтобы была хорошая фигура, а не такой обрубокъ, какъ у тебя», — говорила она. Когда только можно было, я стаскивала корсетъ и прятала подальше въ шкафъ, но гувернантка снова вытаскивала его и заставляла надѣвать. Планшетки и кости ломались и вшивались въ тѣло, причиняя страшныя мученія. Потомъ появилась новая пытка — мама сказала, что нужно носить подмышники. Подмышники толстые, въ проймахъ тѣсно, кромя того, они всегда рвались, скручивались и растирали кожу.

Помню, подъ синее шерстяное платье няня подшила новые подмышники. Пришла Александра Константиновна. Садясь на свое обычное мѣсто въ кресло у окна, она пѣдовольно проговорила:

— Саша, у васъ сегодня духами пахнетъ!

— Что вы, Александра Константиновна, — возразила я съ возмущеніемъ, — я терять не могу духовъ и никогда не душусь!

— Я же чувствую, пахнетъ духами, и даже скажу вамъ какими -- геліотропомъ!

Дѣйствительно, пахло какими-то отвратительными, приторными духами. Я сконфузилась, покраснѣла и сейчасъ же вспотѣла отъ смущенія.

— Нѣтъ, это ужасъ какой-то! — снова сказала Александра Константиновна: -- крѣпчайшіе духи! Какъ же вы говорите, что вы не душитесь?

Дѣйствительно, запахъ былъ убійственный, я вскочила и стала смотрѣть по комнатѣ, но ничего не было, и я съ ужасомъ чувствовала, что запахъ этотъ исходитъ отъ меня. Чѣмъ сильнѣе я потѣла, тѣмъ сильнѣе пахло духами.

Наконецъ, Александра Константиновна, схватившись за голову, вскочила, сказавъ, что заниматься не можетъ, что у нея началась страшная мигрень, ушла.

У меня тоже болѣла голова, я пошла въ садъ, но запахъ и тутъ преслѣдовалъ меня. И только вечеромъ, когда я леглась спать, я поняла, въ чемъ дѣло: няня подшила мнѣ душистые подмышники.

Жизнь взрослыхъ занимала меня, многое казалось непонятнымъ и вызвало мучительное любопытство. Хотѣлось разспросить, но у кого? Гувернантокъ я презирала и отлично знала, что онѣ понимаютъ меньше меня. Скорѣе

ужь у няни спросишь, она хоть не задумывалась и отвѣтила увѣренно.

— Няня, почему папа мяса не ѣстъ?

— Вредно имѣ, вотъ и не кушаютъ.

— А почему въ церковь не ходитъ?

— Не ндравится, вотъ и не ходитъ.

Лучше всего объясняли сестры, но все-таки всего понять было нельзя. Папа не ѣстъ мяса, потому что ему, козовъ и куръ и всѣхъ животныхъ жально, а почему мама не жально? Папа думаетъ, что можно и дома молиться, не надо церкви и что чудеса, о которыхъ сказано въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ — неправда, а почему же мама ходитъ и насъ водить съ собой въ церковь, заставляетъ учить законъ Божій?

Какъ дойдешь до самого интереснаго, сестры сейчасъ скажутъ:

— Ну, ты мала еще, вырастешь, поймешь!

И случилось такъ, что жизнь въ моемъ представленіи раздѣлилась на понятное и непонятное. Многое, что окружало отца — было непонятно и внушало мнѣ страхъ и уваженіе.

Какъ сейчасъ помню, пріѣзжали къ отцу большіе, сильные люди съ кроткими лицами, въ крестьянской одеждѣ. Говорили, что у нихъ отняли дѣтей за то, что они не крестили ихъ *). Они сидѣли въ столовой московскаго дома, и пили много чая съ блюдечка, утирая струившіяся по смуглымъ лицамъ потъ.

— Маша, почему у нихъ отняли дѣтей, значить, они нехорошіе?

— Нѣтъ, хорошіе, очень хорошіе.

— Почему же отняли? Значить, нехорошіе тѣ, которые отняли?

— Да, нехорошіе...

Люди, съ которыми мама была дружна, были всегда веселы, приличны и довольны и никогда не говорили ни о какихъ непріятностяхъ, все, повидимому, было для нихъ ясно и просто.

На тѣхъ, которые окружали отца, была печать страданія, точно они вѣчно мучились, искали чего-то, и, глядя на нихъ, было страшно думать о жизни.

Какъ громко стоналъ и охалъ отецъ, когда говорили о

*) Должно быть, молокане.

духоборахъ, которыхъ ссылали и мучили за то, что они не шли въ солдаты! А потомъ начали преслѣдовать друзей отца: Черткова, Бирюкова, Трегубова.

Преслѣдователи казались мнѣ какими-то извергами. Я удивилась, когда Маша показала мнѣ обыкновеннаго человѣка въ синихъ очкахъ и мягкой черной шляпѣ и сказала, что это шпионъ, который слѣдитъ за нашимъ домомъ. Человѣкъ этотъ возбуждалъ во мнѣ одновременно и ужасъ и любопытство. Когда я ходила гулять, я искала его глазами, думала о немъ, онъ снился мнѣ по ночамъ.

У насъ въ Хамовникахъ жилъ Николай Николаевичъ Гемладшій. Мы любили его, точно всю привязанность, которая была въ нашей семьѣ къ «Дѣдушкѣ» перенесли на Колечку. Николай Николаевичъ былъ похожъ на отца: та же мягкость, доброта, веселость, любовь къ шуткѣ, беззвучный смѣхъ. Помню, мама дала намъ лошадь и мы съ Машей поѣхали за покупками. Колечка просилъ подвезти его къ «Посреднику». Когда мы подъѣхали, человѣкъ, стоявшій на углу, махнулъ рукой. Вдругъ откуда-то появился знакомый намъ сыщикъ въ синихъ очкахъ.

Когда Колечка вошелъ въ «Посредникъ», и мы отѣхали, Маша сказала:

— Что-то Колечка меня беспокоить!

За обѣдомъ Колечки не было, ночевать онъ тоже не пришелъ. Всѣ заволновались, стали узнавать. Оказалось, что его арестовали, принявъ за Ивана Михайловича Трегубова, которого разыскивала полиція. Колечку выпустили, но на меня это событіе произвело впечатлѣніе.

— Какъ могутъ хватать? сажать въ тюрьму — спрашивала я.

— Въѣ его посадили по ошибкѣ.

— А Ивана Михайловича за что, развѣ онъ убилъ, ограбилъ?

Во всемъ этомъ было что-то совершенно непонятное.

Ѣздила къ намъ врачъ Халевинская. Серьезная, скромно, одѣтая, гладко причесанная, должно быть, очень умная женщина, по крайней мѣрѣ, мнѣ она казалась такой, и вдругъ я узнала, что Марія Михайловна арестована и сидитъ въ тюрьмѣ.

— За что же?

— За то, что распространяла книги отца!

— Развѣ книги папа плохія?

— Нѣтъ, хорошія!

— Господи, Боже мой, какъ же во всемъ этомъ разобратъся?

Помню, какъ меня поразилъ случай съ Суллеромъ.

Суллержицкій или, какъ мы его звали, Суллеръ былъ товарищемъ сестры Тани по школѣ живописи. Особенный онъ былъ человѣкъ, ни на кого не похожій. Гдѣ бы ни появлялся, сейчасъ закипала жизнь и веселье. Помню первое мое съ нимъ знакомство. У насъ были гости — дѣвочки и мальчики, мы пѣли, я аккомпанировала на фортепiano. Суллеръ подошелъ къ намъ въ старенькомъ пиджачкѣ и матросскихъ, съ раструбами книзу брюкахъ. Мои гости съ недоумѣніемъ покосились на него.

— Малороссійскую лѣсню «Чоботы» знаете?

— Да.

— А ну-ка!

Суллеръ сталъ недалеко отъ фортепiano и запѣлъ со второй же ноты высокимъ теноромъ, заливаясь куда-то вверхъ:

— Шла-а на рѣчку, чоботы хлопали!

Всѣ невольно заулыбались, и когда Суллеръ, дирижируя руками и подпрыгивая перешелъ къ перепѣву, мы дружно подхватили. Всѣ были въ восторгѣ. Я привыкла къ нему и полюбила.

— Суллеръ, изобразите слона! пожалуйста! — приставали мы къ нему, и онъ, прикрываясь своимъ обтерханымъ пиджачкомъ и спуская руку какъ то сверху, началъ помахивать ею изъ стороны въ сторону совсѣмъ какъ хоботомъ.

— Суллеръ, — кричали мы внѣ себя отъ восторга, — а рыбу, рыбу въ акваріумѣ!

Суллеръ вытаращивалъ глаза, устремлялъ ихъ въ одну точку, выворачивалъ изъ подмышекъ руки, изображая плавники, и мѣрно открывалъ и закрывалъ ротъ. Потомъ рыба неожиданно всплескивалась, ныряла и исчезала.

Суллеръ взъерошенный, лохматый, вылезалъ изъ-подъ стола. Отецъ схватившись за бока, покатывался со смѣха, о насъ и говорить нечего.

Пустяки ли, серьезное ли дѣло, Суллеръ ко всему относился съ воодушевленіемъ. Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ во всю и всегда легко и играючи, напѣвая дѣсенку.

И вотъ случилось непонятное: Суллеръ попалъ въ тюрьму. Когда я думала о томъ, что онъ сидитъ за рѣшеткой, мнѣ представилась большая, красивая птица. Она

не может лѣтъ въ неволѣ и только съ утра до вечера въ отчаяніи бьется грудью о рѣшетку.

Говорили, что Суллера посадили за то, что онъ не пошелъ въ солдаты, а когда его выпустили и онъ пришелъ къ намъ немножко сконфуженный въ военной формѣ, и была ужасно рада *).

Всѣ эти аресты, преслѣдованія мучили меня только періодически и неглубоко. Было нѣчто, что мучило меня, не переставая, разъѣдало душу злобой и ненавистью, мѣшало спать, жить, радоваться... Я не могу прослѣдить, когда именно это началось.

Первое время я любила Танѣва, любила его игру на фортепіано, особенно, когда онъ игралъ не свое, а Бетховена, Моцарта, сюиту Аренскаго на двухъ фортепіано съ Гольденвейзеромъ. Я любила играть съ Сергѣемъ Ивановичемъ въ теннисъ-лаунъ, причемъ мы одинаково увлекались игрой и смѣялись во все горло. Я любила его кроткую, уютную нянюшку Пелагею Васильевну.

Постепенно все измѣнилось. Чѣмъ больше я замѣчала особенное, преувеличенно-любовное отношеніе мамы къ Танѣву, тѣмъ больше я его не любила. Когда Сергѣй Ивановичъ приходилъ, я демонстративно уходила въ свою комнату. Его грузная фигура, бабій смѣхъ, покраснѣвшій кончикъ небольшого, аккуратнаго носа — все раздражало меня.

Бывало, толстый Емельяновичъ, подрагивая натянутыми вожжами, подавалъ къ подъѣзду сани съ обшитой мѣхомъ полостью, запряженные темно-сѣрой красавицей Лирой, и мама въ бархатной шубѣ и котиковой шапочкѣ отправлялась за покупками.

— Развѣ кто-нибудь у насъ сегодня будетъ? — спрашивала я, отлично зная, что придетъ Танѣвъ.

— Да не знаю, — говорила мама, — можетъ быть Сергѣй Ивановичъ зайдетъ.

А вечеромъ, конфузливо смѣясь и потирая руки, появлялся Танѣвъ. Онъ сидѣлъ весь вечеръ, иногда играя и съ удовольствіемъ поглощая зернистую икру и конфеты отъ Альберта.

Бывало, возвращались мы изъ пассажа или отъ Мюра и Меридиза; мама, перегнувшись впередъ, постукивала

*) Я не могу вспомнить къ какимъ годамъ относилось мое первое знакомство съ Сулержицкимъ и его арестъ.

Емельяныча черепаховымъ лорнетомъ по широкой ваг-
ной спинѣ:

— Заѣзжай въ Мертвый!

И обращаясь ко мнѣ, говорила:

— Надо нянюшку Сергѣя Ивановича провѣдать.

Я молчала, стиснувъ зубы. Нянюшка Пелагея Василь-
евна съ ея веснушчатымъ добродушнымъ лицомъ и раска-
чивающейся походкой дѣлалась мнѣ ненавистой. Иногда
мы неожиданно заставали дома Сергѣя Ивановича. Онъ
обычно игралъ что-нибудь или сидѣлъ въ своей крошеч-
ной столовой и пилъ чай. Танѣвъ торопливо, неуклюже
вскакивалъ, онъ не умѣлъ быть гостепріимнымъ. Выруча-
ла нянюшка. Она приглашала садиться и угощала чаемъ.
Я пряталась въ темный уголъ, внутренне сжималась, изъ
меня нельзя было вытянуть ни одного слова.

Теперь я всячески старалась отговориться отъ квар-
тетныхъ четверговъ: то у меня было много уроковъ, то
болѣла голова. Да и мама, видя мое настроеніе, брала ме-
ня съ собой гораздо рѣже.

Весной ѣздили за городъ съ Танѣевымъ.

— Саша, въ воскресенье поѣдемъ на Воробьевы горы!

— Съ кѣмъ? — насторожившись, спрашивала я.

— Поѣдутъ Масловы, Сергѣй Ивановичъ...

— Не поѣду, — говорила я грубо.

— Почему? Непремѣнно поѣдешь, нечего тебѣ съ
уличными мальчишками играть!

Наступало воскресенье. Мама была ласкова, весела, на-
рядна. Но чѣмъ оживленнѣе была мама, тѣмъ я дѣлалась
мрачнѣе. Я надувалась и всю дорогу молчала.

Ничто не могло развеселить меня.

«О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ

«Нѣжитъ мы любимъ и суетѣриѣ» ..

Это стихотвореніе почему то связалось у меня съ Та-
нѣевымъ, я его возненавидѣла и ужасно обрадовалась,
когда узнала, что папа его тоже не любитъ.

— Отвратительное стихотвореніе, — говорилъ онъ, —
воспѣваетъ старческую слюнявую любовь!

Въ этотъ мучительный періодъ моей жизни я узналъ,
что такое бессонница. Придешь къ себѣ въ комнату из-
мученная злыми, туманными переживаніями, хочется ско-
рѣе забыться, заснуть. Однимъ движеніемъ сбрасываешь

съ себя одежду и залѣзаешь подъ теплое, связанное мама, одеяло. Что то бормочетъ во снѣ няня, поворачиваясь на другой бокъ. Глаза слипаются, я задремываю.

— Хор... фіюю, хоор....фіюю! — храпѣть няня

«Не засну, — думаю я, — ни за что не засну! вкусные сегодня были вафли съ фисташковой начинкой. Почему она мнѣ не даетъ, а Танѣсву даетъ, онъ сегодня всѣ съѣлъ! А противная эта «Пѣсня безъ словъ» Мендельсона — не люблю».

— Хоор...фіюю! Хор...фіюю...

«Господи, не засну! Что мама старая или не старая? Ей не хочется быть старой!» Я вспоминаю ея оживленное лицо и вдругъ поднимается тоска «Не думать, не думать, заснуть!»

— Няня, голубушка, няня!

Няня поднимаетъ голову.

— Чего еще?

— Нянюшка, милая, пожалуйста, не храпи!

— Спи, спи! Одно знай! Выдумаешь тоже... храплю...

«Почему, когда онъ приходитъ, она надѣваетъ самое лучшее платье? Господи, заснуть бы скорѣе, пока няня еще не храпѣтъ!»

Кровать подъ няней скрипитъ, она ворочается и вздыхаетъ.

«Папа и Маша тоже не любятъ Танѣсву...»

Сначала робко, потомъ все сильнѣе, безстыднѣе раздается нянинъ храпѣ. Я всхлипываю. Надо заткнуть уши! Тихонько встаю, достаю вату изъ комода и затыкаю уши. Дѣлается страшно и невольно прислушиваюсь опять къ храпу: хор..фію, — слышится въ отдаленіи. У меня начинаетъ болѣть голова. Я выкидываю вату изъ ушей, сажусь на подушку. За стѣной разговоръ, о чемъ то спорятъ родители. Слышится нервный голосъ мама, отецъ тихо уговариваетъ. Папа громко, въ три колѣна зѣваетъ: охъ, охъ, охъ! Голоса смолкаютъ, въ столовой два раза кукуетъ кукушка. «Господи, Господи, какая несчастная, никто меня не любитъ, мама мучаетъ. Всѣмъ все равно». Мнѣ дѣлается жалко себя, я плачу, плачу и въ слезахъ засыпаю.

Одинъ разъ я рассказала Машѣ, какъ я ненавижу Танѣсву, какъ я мучаюсь. Сначала говорить было страшно, но, взглянувъ на нее, я вдругъ поняла, что Маша знаетъ и мучается такъ же, какъ я. Тогда слова полились сами

собой, я не могла остановиться, надо было все выложить, что наболѣло...

Маша даже испугалась. Она старалась успокоить меня, говорила, что нѣтъ ничего дурного въ томъ, что мама любить Танѣва.

— Посмотри на отца, какъ онъ кротокъ, терпѣливъ, несмотря на то, что такъ страдаетъ...

Я знала, что «дурного» не было въ чувствѣ мама къ Танѣву, но какъ же сдѣлать такъ, чтобы это не мучило. Но этого Маша мнѣ рассказать не умѣла.

Эхъ, Маша! скоро она сама поступила такъ, что понять ее было невозможно.

Жилъ у насъ родственникъ, внукъ тетушки Маріи Николаевны — Колаша Оболенскій. Онъ кончалъ въ то время университетъ, и мама предложила ему поселиться у насъ. Колаша жилъ да жилъ, никто не обращалъ на него особаго вниманія. Вставалъ онъ поздно, въ университетъ ходилъ рѣдко, читалъ романы, курилъ папирсы. И вдругъ я узнала, что Маша выходитъ за него замужъ. Сперва я не повѣрила. Ну, что могло быть общаго между Машей и этимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ съ врожденной барской лѣнью во всемъ существѣ, съ медленной, подпрыгивающей походкой, плавной грассирующей рѣчью? Колаша былъ такъ далекъ отъ ореола, окружающаго въ нашемъ воображеніи сестру. Я не могла допустить мысли, что ради него Маша оставитъ отца. Но она полюбила Колю и рѣшила выйти за него замужъ. Помню, трудно ей было съ церковными формальностями. То священникъ не хотѣлъ вѣнчать родственниковъ, то требовалъ свидѣтельства объ исповѣди и причастіи, котораго у Маши не было. Тяжель ей былъ и самый обрядъ вѣнчанія. Она постаралась сдѣлать все какъ можно проще. Женихъ и неvěста въ домашнихъ платьяхъ пошли въ церковь, гдѣ было только нѣсколько человѣкъ родственниковъ. Но все это было ничего въ сравненіи съ тѣмъ компромиссомъ, на который Маша рѣшилась въ связи со своимъ замужествомъ. Она хворала, денегъ не было, служить Коля не хотѣлъ, и Маша попросила отдать ей часть имущества, отъ котораго она прежде отказалась.

Не знаю, что труднѣе было вынести: полное любви и снисходительности молчаніе отца или упреки матери?

Отецъ былъ окруженъ близкими, но одинокъ. Одни угнетали его своимъ безкорыстіемъ и преданностью, дру-

гіе требовали дорогой платы за принесенныя жертвы, третьи подавляли его своимъ восхищеніемъ, четвертые огорчали полнымъ пренебреженіемъ къ его мыслямъ. И только одна Маша любила его беззавѣтно, ничего отъ него не требуя и сама давала ему то, что было нужнѣе всего: заботу, нѣжность и чуткое пониманіе. Маша уѣхала, но отецъ не переставалъ думать о ней, писалъ ей письма. Часто Маша и Коля жили у насъ, или отецъ ѣздилъ къ нимъ въ Пирогово.

Помню, бывало отецъ увидитъ Машу, просіяетъ весь и непременно спроситъ:

— Ну что? Какъ? Неужели вы съ Колей все разговариваете?

— Да, папа, — отвѣчаетъ Маша, смѣясь.

— Ну, о чемъ же можно цѣлые дни разговаривать?

Онъ удивлялся и радовался, что Маша счастлива.

Александра Толстая.

Б ѣ г с т в о

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Утромъ неожиданно пришелъ почтальонъ и принесть Мусѣ помятую испачканную открытку отъ родителей изъ Кіева. Она пришла непонятнымъ образомъ, безъ всякой okazji, просто по почтѣ, — правда, недѣли черезъ двѣ послѣ отправления, кружнымъ путемъ, черезъ Германію и Швецію. Очевидно Семень Исидоровичъ не очень рассчитывалъ, что его открытка дойдетъ, — а просто попыталъ счастья. Только этимъ Муся и могла объяснить характеръ письма.

«Милая, ненаглядная дочурка!» — писалъ Семень Исидоровичъ, — «О нашемъ житьѣ-бытьѣ ты, надѣюсь, все знаешь по предыдущимъ маминымъ и моимъ посланіямъ. У насъ все попрежнему, благополучны, здоровы, живемъ — хлѣбъ жуемъ, и все было бы сносно, если бъ не безумная тревога наша о тебѣ, моя дѣвочка, что отъ тебя въ такое время ни слуху, ни духу. Понимаемъ, что это не твоя вина, никто здѣсь ничего не получаетъ изъ Питера, но намъ отъ сего не легче, а бѣдная мама отъ волненія такъ измоталась, что смотрѣть на нею, голубушку, больно, — не спать ночами и все меня, горемычнаго, поѣдомъ ѣсть, что мы тебя одну оставили...»

Открытка чрезвычайно взволновала Мусю. Она никакихъ писемъ до этого отъ родителей не получала, сама писала имъ не разъ, и съ okказіями, и тоже по почтѣ, наудачу. Ни ей, ни отцу, ни матери и въ голосу не прихо-

дило при разставаньи, что они будутъ такъ отрѣзаны другъ отъ друга. Муся только теперь поняла, какъ нѣжно любить родителей. Читая открытку, она вдругъ прослезилась, несмотря на «дочурку», на «Питерь», на «живемъ — хлѣбъ жуемъ», на все то, что ее раздражало въ отцѣ.

— Сонечка, Витя!.. Глаша! — позвала она, вытеревъ слезы. — Идите скорѣе сюда!.. Отъ папы письмо!

Послышались радостно изумленные возгласы. Въ столовой появилась, находу заплетая косу, Сонечка въ пеньюарѣ, въ туфляхъ на босу ногу, затѣмъ Витя въ бархатномъ, волочившемся по полу халатѣ Семена Исидоровича, перешедшемъ въ его собственность. Муся принялась читать письмо вслухъ съ начала. Сонечка и Витя ахали. Въ концѣ открытки, гдѣ строчки тѣснѣе насѣдали одна на другую, сообщалось, что дѣла Василя Федоровича идутъ хорошо и что онъ обосновался въ Кіевѣ надолго.

— Что такое! Я никакого Василя Федоровича не знаю! — изумленно говорила Муся.

— Да можетъ, это не Василя Федоровича, вѣрно вы плохо разобрали! Можетъ, Владиміра?

— Да нѣтъ же, Сонечка!.. И потомъ Владиміра Федоровича у насъ тоже никакого нѣтъ... Смотрите: ясно сказано: Василя... Ну да, Василя Федоровича... Вѣдь это Ф, Витя?

Витя съ недоумѣніемъ подтвердилъ, что написано «Василя Федоровича».

— Какъ странно! Нѣмецкій штемпель, — говорилъ онъ. — И смотрѣть непріятно.

Въ столовую вошла Глафира Генриховна, одѣтая и причесанная какъ слѣдуетъ. Она окинула презрительнымъ взглядомъ туалеты своихъ друзей, взяла открытку, внимательно прочла, по общей просьбѣ, снова вслухъ и категорически заявила, что всѣ они дураки, — ребенокъ долженъ бы понять, въ чемъ дѣло: подъ Василемъ Федоровичемъ разумѣется Вильгельмъ, а означаетъ это, что нѣмцы изъ Кіева не уйдутъ.

— Господи! Ну да, конечно!..

— Разумѣется, Вильгельмъ! Какъ мы не догадались!..

— Потому и не догадались, что дураки.

Витя критически замѣтилъ, что Семенъ Исидоровичъ ужъ очень шутливо говоритъ о такомъ тяжкомъ для Россіи дѣлѣ, — поэтому-то мы и не догадались. Но замѣчаніе Вити сочувствія не встрѣтило.

— У васъ, голубчикъ, что оторвано ядромъ на фронтѣ, рука или нога? — язвительно освѣдомилась Глафира Генриховна.

— На фронтъ я попасть не могъ, меня не призывали и не взяли бы, — отвѣтилъ Витя, покраснѣвъ. — Въ моментъ объявленія войны мнѣ не было пятнадцати лѣтъ.

— И пятнадцатилѣтніе убѣгали изъ дому, которые похрабрѣе... А теперь вамъ, балбесъ, слава Богу, девятнадцатый... Никто отъ васъ не требуетъ, чтобы вы скакали на фронтъ отбивать у нѣмцевъ Кіевъ, но тогда по крайней мѣрѣ молчите и не лѣзьте!.. А главное, продирайте глаза пораньше и не выходите къ дамамъ въ десять часовъ въ чужомъ халатѣ.

Глафира Генриховна благодушно щелкнула Витю по носу.

— Чай, чай пить, господа, — сказала она. — Будутъ свѣжія лепешки. Сахаръ я достала. И масла есть немного.

— Не можетъ быть!

— Глаша, вы геніальны!

— Да, я геніальна. Только, друзья мои, Лессингъ нашъ на исходѣ, — сказала смущенно Глафира Генриховна. — Скоро придется лѣзть въ Шиллера, а потомъ и подъ паркетъ... Да...

Всѣ вздохнули.

Деньги, оставленные Мусѣ Семеномъ Исидоровичемъ, были тщательно спрятаны. Вопросъ о тайникахъ передъ отъѣздомъ Кременецкихъ долго обсуждался на семейномъ совѣтѣ. Муся хотѣла спрятать все въ піанино. Семенъ Иси-

доровичъ находилъ, что это слишкомъ элементарно, — ужъ въ пѣанно большевики непременно заглянуть въ случаѣ обыска. Тамара Матвѣвна предлагала поднять въ гостиной подъ ковромъ квадратикъ паркета. Крсеенецкій возражалъ и противъ этого: Мусѣ трудно будетъ поднимать всякій разъ квадратикъ, да и щель непременно станетъ замѣтной, если часто его поднимать. Рѣшено было раздѣлить деньги на пять частей. Одну положили подъ паркетъ вмѣстѣ съ ожерельемъ Муси, другую засунули въ корридоръ за отклеившіеся у печки обои; для третьей придумалъ мѣсто Семень Исидоровичъ: онъ положилъ кучу ассигнацій просто подъ подушку въ своей спальнѣ: и мѣ никогда и въ голову не придетъ, что деньги могутъ быть такъ плохо спрятаны. Семень Исидоровичъ гордился этой своей выдумкой; Тамара Матвѣвна слабо возражала: кухарка замѣтитъ, — но оцѣнила тонкій психологическій расчетъ мужа. Остальныя деньги рѣшено было вложить въ книги, именно въ сочиненія нѣмецкихъ классиковъ, которыя Семень Исидоровичъ вывезъ въ молодости изъ Гейдельберга. Эти книги едва ли могли понадобится большевикамъ и въ случаѣ реквизиціи библіотеки. Выборъ остановился на третьемъ томѣ Лессинга и на пятомъ томѣ Шиллера.

— Вотъ увидите, я все это перезабуду, — говорила, смѣясь, Муся, — и черезъ сто лѣтъ кто-нибудь найдетъ кладъ...

— Мусенька, пожалуйста, не шути, а запомни хорошо: Лессингъ третій и Шиллеръ пятый, — говорила Тамара Матвѣвна, бодрясь и вытирая украдкой слезы. Она передъ отъѣздомъ плакала безпрестанно. Мысль о разлукѣ съ Мусей вызывала въ ней все большій ужасъ. А когда говорили о возможности обыска, у нея кровь отливала отъ лица.

Въ пяти тайникахъ было оставлено столько денегъ, что, казалось, на годъ хватитъ. Однако послѣ отъѣзда родителей деньги Муси стали таять чрезвычайно быстро.

Цѣны на все головокружительно росли съ каждымъ днемъ, а кормить надо было съ кухаркой пять человѣкъ, не считая гостей, которые безпрестанно бывали въ домѣ и проявляли необыкновенный аппетитъ. Глафира Генриховна старалась сокращать расходы, но Муся вначалѣ ни о какой экономіи не хотѣла слышать.

— Не могутъ выйти всѣ деньги, вздоръ! -- говорила она. — А выйдутъ, такъ папа вышлетъ еще.

Сонечка и Витя сконфуженно молчали: имъ было совѣстно, что они не участвовали въ расходахъ. Мѣстонахождение тайниковъ было, разумѣется, имъ извѣстно, какъ и всѣмъ членамъ кружка; его скрывали только отъ кухарки, относительно которой мнѣнія расходились: одни говорили, что кухарка безусловно предана, — въ огонь и воду пойдеть; другіе опасались: и въ преданной прислугѣ можетъ сказаться большевистская стихія.

Когда вышли деньги, сданныя Глафирѣ Генриховнѣ, первымъ дѣломъ взяли изъ того тайника, которымъ такъ гордился Семенъ Исидоровичъ, — это было всего проще. Потомъ заглянули и въ библіотеку. Между тѣмъ изъ Кіева получить деньги было очевидно невозможно. Муся немного встревожилась.

— Ну, въ крайнемъ случаѣ возьму у Вивіана. У него валюта, фунты, — утѣшала она своихъ гостей. Это слово «валюта» уже начинало принимать волшебный характеръ.

Въ іюніѣ кухарка ушла, нагрубивъ Глафирѣ Генриховнѣ и захвативъ съ собой деньги, тщательно скрытыя за обоями въ корридорѣ. Въ первый день это показалось всѣмъ катастрофой; Сонечка предлагала даже заявить въ уголовный розыскъ: «Нельзя же такъ въ самомъ дѣлѣ и вѣдь, наконецъ, должны же они»... Сонечкѣ не дали докопчить, обливъ ее презрѣніемъ.

Глафира Генриховна взяла на себя кухню и справлялась съ задачей, по общему восторженному отзыву, превосходно. Муся, Сонечка, Витя наперебой съ сочувственнымъ ужасомъ предлагали ей свою помощь, однако не на-

ставали, когда она выгоняла ихъ изъ кухни. Имъ вѣрно было только самимъ убирать постели и держать въ порядкѣ свои комнаты, — Витю Глафира Генриховна вдобавокъ посылала иногда за покупками.

Въ особенно трудныхъ работахъ, какъ общая большая уборка, Глафирѣ Генриховнѣ обычно помогала Маруся, бывшая прислуга Яценко. Она по прежнему жила на квартирѣ Николая Петровича. Объ этой квартирѣ слѣдственные власти, повидимому, забыли, и въ ней ничего не измѣнилось. Маруся поддерживала порядокъ (даже иногда подметала полы) и вещей не продавала. Для заработка она стала прачкой: стирала бѣлье дома, въ ванной, и гладила на большомъ столѣ Натальи Михайловны. Жилось ей въ общемъ хуже, чѣмъ прежде, но ея общественное положеніе повысилось.

Кліенты у Маруси были разные. Черезъ своего друга матроса, состоявшаго виднымъ членомъ клуба анархистовъ-индивидуалистовъ, Маруся завела связи въ этомъ клубѣ. Главные заказы шли отъ барышень Кременецкихъ, — такъ она для краткости обозначала Мусинъ кружокъ, — и отъ ихъ знакомыхъ. Барышнинъ женихъ доставилъ Марусѣ кліентовъ изъ англійской военной миссіи; это были самые лучшіе ея кліенты и по платѣ, и по качеству бѣлья, на которое Маруся не могла налюбоваться вдоволь.

Съ барышнями Кременецкими отношенія у Маруси были самыя лучшія: она часто къ нимъ приходила то для уборки, то съ бѣльемъ, то просто такъ, обмѣняться впечатлѣніями; ее всегда встрѣчали очень хорошо, здоровались за руку, поили чаемъ и сажали за общій столъ даже тогда, когда были гости. Отъ этого, впрочемъ, Маруся часто по скромности уклонялась сама, однако цѣнила завоеваніе революціи. И барышни, и гости разговаривали съ Марусей очень просто и дружелюбно. Только майоръ Клервилль, оказываясь иногда съ ней за общимъ столомъ, испытывалъ такое чувство, будто рядомъ съ нимъ пила

чай корова, какимъ-то образомъ попавшая сюда изъ стойла. Впрочемъ, онъ привѣтливо улыбался и старательно дѣлалъ видъ, что все въ порядкѣ, — Маруся (какъ всѣ, кромѣ Муси) его чувства не замѣчала. Барышнинъ женихъ чрезвычайно ей нравился. «Красивый дядя», — думала и говорила она.

Несмотря на помощь Маруси, Глафирѣ Генриховнѣ приходилось работать очень много. Всѣ оцѣнили ея самопожертвованіе. Никоновъ гдѣ-то раздобылъ и принесъ ей въ подарокъ старую повареную книгу. Изъ книги тутъ же вслухъ было прочтено нѣсколько рецептовъ, и въ столовой стоялъ веселый смѣхъ, когда Глафира Генриховна сдержанно-саркастически читала: «Берутся двѣ индѣйки пожирнѣе...» или «Стерлядь кольчикомъ хорошо облить соусомъ, для котораго берутъ дюжину свѣжихъ яицъ»... и т. д.

— «Какъ пили, какъ ѣли, а какіе были отчаянные либералы», — говорилъ Никоновъ.

II.

Несмотря на лишенія, на тяжелую жизнь въ Петербургѣ, на отсутствіе развлеченій, молодежи было теперь очень весело, въ сущности, гораздо веселѣе, чѣмъ прежде, до отъѣзда Кременецкихъ. Муся безпеконилась о родителяхъ, — случалось, плакала, — однако ее радовала непривычная, тревожная жизнь, съ новой ролью директрисы пансіона. Сонечка освободилась отъ опеки старшей сестры, жила у Муси и работала въ кинематографѣ съ Березинимъ, — больше ей ничего не было нужно. Глафира Генриховна, по общему отзыву, стала неузнаваема: весела, добра и привѣтлива. Еще сама не вѣря своему счастью, она видѣла, что Горенскій привязывается къ ней съ каждымъ днемъ все крѣпче. Князь бывалъ у нихъ теперь очень часто. После перваго мая онъ оставилъ службу въ коллегіи, шут-

ливо называлъ себя безработнымъ, однако, былъ занятъ въ послѣднее время больше, чѣмъ прежде, повеселѣлъ. Наконецъ, и Витя поддавался общему тревожному веселью, хоть у него собственно ничего радостнаго не было. Его мучили и страхи за Николая Петровича, и угрызенья совѣсти: онъ ничего не дѣлалъ ни для отца, ни для Россіи.

Попытки Вити получить свиданіе съ Николаемъ Петровичемъ ни къ чему не привели. Всѣ ему говорили въ одинъ голосъ: «Знаете, тутъ что-то не такъ, — о н и обычно легко разрѣшаютъ свиданія». Но указанія этимъ и ограничивались. Прежде, при старомъ строе, нашлись бы связи, протекціи. Въ большевистскомъ мірѣ никто никакихъ связей не имѣлъ, но крайней мѣрѣ въ кругу Вити и Кременецкихъ.

Въ Тенишевскомъ училищѣ занятія шли очень плохо; большинство воспитанниковъ не ходило на уроки. Говорили, что всѣмъ выдадутъ аттестатъ зрѣлости безъ экзаменовъ. Послѣ отъѣзда Кременецкихъ пересталъ ходить въ училище и Витя, оправдываясь передъ старшими тѣмъ, что тамъ все равно теперь не учатся и что учебный годъ почти кончился. Въ дѣйствительности онъ очень облѣнился, вставалъ въ десятомъ часу, а то и позже. Муся постоянно читала ему нотаціи. Въ одно іюньское утро, глядя, какъ Витя безъ дѣла слоняется по квартирѣ, Муся рѣшительно отъ него потребовала, чтобы онъ учился.

— Да въѣдъ учебный годъ кончился...

— Какой вздоръ! Никакого учебного года у васъ не было. И не читаете вы почти ничего. Вы должны заниматься, Витя. И не улыбайтесь, пожалуйста, я очень серьезно съ вами говорю.

— Чѣмъ же мнѣ заниматься?

— Все равно, чѣмъ... Вы хотите поступить на физико-математическій факультетъ, значитъ, надо изучать физику и математику.

— Я въ университетѣ займусь химіей.

— Отлично, такъ вотъ и занимайтесь химіей теперь, до университета.

— А лабораторію гдѣ прикажете взять?

— Лабора... Гадкій мальчикъ, вы пользуетесь тѣмъ, что я ничего въ этомъ не понимаю и не могу вамъ отвѣтить... Я увѣрена, и химіей можно заниматься дома, по книжкамъ... Вѣдь правда?

— Можно, конечно, но вѣдь и книгъ у васъ нѣтъ. У Семена Исидоровича все по юриспруденціи.

— Ничего, ничего, я достану для васъ и книги... Да вотъ что, — сказала она, внезапно ослѣненная счастливой мыслью. — Вѣдь Александръ Михайловичъ долженъ все это великолѣпно знать...

— Какой еще Александръ Михайловичъ? — лѣниво отозвался Витя.

— Браунъ, конечно... Вѣдь онъ геніальный химикъ. Ну, теперь попались!.. Сегодня же извольте идти къ Брауну и попросите его объяснить вамъ, что вамъ надо читать и гдѣ достать книги...

— Какъ же я къ нему пойду? Онъ меня почти не знаетъ. Шапочное знакомство...

— Шапочное знакомство, — передразнила Муся. — Все, чтобы увильнуть отъ ученія! Ничего вамъ не поможетъ, я сама сегодня же позвоню къ Брауну и попрошу его васъ принять, несмотря на «шапочное знакомство».

— Да я ничего противъ этого не имѣю...

— Хотя бы и имѣли...

Когда Витя, Сонечка, Глаша ушли изъ дому, Муся — не безъ волненія — позвонила Брауну. Телефонъ дѣйствовалъ хорошо, и уютные долгіе разговоры въ креслѣ были у Муси послѣднимъ остаткомъ прежнихъ привычекъ. Однако разговаривать теперь можно было только съ Клервиллемъ, — всѣ остальные ея друзья постоянно куда-то торопились, такъ что разговоръ съ ними не клеился. Многіе не имѣли больше телефона.

Браунъ согласился принять Витю, обѣщалъ дать книги и назначилъ для этого вечеръ въ началѣ слѣдующей недѣли.

— Ахъ, я такъ, такъ вамъ благодарна, — бархатнымъ голосомъ, съ театральными переливами, говорила Муся. — Вы непременно хотите вечеромъ, Александръ Михайловичъ?

— Да, днемъ я занятъ. Этому молодому человѣку вечеромъ неудобно?

— Нѣтъ, не то, но, правду сказать, я не очень люблю, когда онъ теперь выходитъ по вечерамъ... Вѣдь онъ собственно еще почти ребенокъ. А я при немъ теперь какъ бы классная дама. Не смѣйтесь только вашимъ дьявольскимъ смѣхомъ, Александръ Михайловичъ, — говорила Муся, сама удивляясь и своимъ словамъ, и развязному тону. — Разумѣется, онъ придетъ, когда вы укажете. Въ понедѣльникъ вечеромъ, отлично...

— Если хотите, я могу принять его и утромъ, но тогда рано, часовъ въ восемь. Я въ девятомъ часу уйду изъ дому и возвращаюсь только къ вечеру.

— Ахъ, спасибо, это еще любезнѣе... Насчетъ книгъ вы можете быть совершенно спокойны, онъ будетъ читать очень аккуратно... А отчего бы вамъ, Александръ Михайловичъ, не заглянуть какъ-нибудь и къ намъ? — набравшись храбрости, спросила Муся. Собственно для этого она полусознательно предназначала и весь разговоръ, и переливы голоса, и даже самое дѣло Вити. — Увидите нашу коммуны, навѣстите чуткую молодежь... Нашъ другъ Клервилль вѣдь давно хочетъ васъ къ намъ привести...

— Благодарю васъ, я какъ-нибудь зайду... У вашихъ родителей все благополучно?

— Да, все совершенно благополучно, но я такъ, такъ беспокоюсь!.. Спасибо... Это ужасно!.. — сказала, вдругъ потерявъ соображеніе, Муся (она потомъ сама не могла себѣ объяснить, почему собственно такъ волновалась). Да знаете ли что, Александръ Михайловичъ? Вотъ, и при-

ходите къ намъ въ понедѣльникъ вечеромъ, если ужъ оказалось, что вы свободны... Ага, попались? — совершенно растерявшись, говорила она все болѣе развязнымъ тономъ. — Майоръ Клервилль тоже будетъ, онъ давно васъ не видалъ и очень по васъ скучаетъ, очень, какъ мы всѣ, какъ я въ частности...

Браунъ поблагодарилъ довольно холодно.

— Тогда и Витъ, значить, не надо къ вамъ идти... *Cela vous éparpènera le temps qui est si précieux...* Идите, простите, ради Бога, я забыла, вѣдь онъ долженъ взять книги... Онъ, конечно, зайдетъ, — быстро и безсвязно говорила Муся. — Въ какой день прикажете?

— Если утромъ, между восьмью и половиной девятого, то въ любой день.

Муся разсыпалась въ любезностяхъ. Наступило недолгое молчаніе. Она простилась и положила трубку аппарата въ совершенномъ ужасѣ. «Что это со мной! точно затменіе нашло!» — подумала она, разрывая на мелкіе кусочки какую-то лежавшую на столѣ бумажку (потомъ оказалось, нужную: счетъ). Муся почти никогда не сожалѣла о сказанныхъ ею словахъ, въ увѣренности, что у нея все выходитъ очень мило, при улыбкѣ и переливахъ голоса. Но въ этотъ день лицо у нея не разъ дергалось, когда она вспоминала «дьявольскій смѣхъ», «Ага, попались?», зачѣмъ-то по французски сказанную фразу, и продолжавшееся полминуты молчаніе въ концѣ разговора. Вечеромъ, къ чему-то придравшись, Муся назвала Витю глупымъ мальчишкой и сказала, что его надо драть за уши.

III.

Въ воскресенье Гдафира Генриховна съ утра чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Тѣмъ не менѣе она встала и принялась за работу въ девятомъ часу, когда всѣ въ домѣ еще спали. Къ одиннадцати чай и обѣдъ были ею приго-

товлены, столъ накрытъ, общія комнаты убраны, а сама Глаша, какъ всегда, аккуратно одѣтая, умытая, причесанная, вышла въ столовую, точно и не заглядывала на кухню. Однако, ея измученный видъ обратилъ вниманіе друзей. У нихъ заговорила совѣсть.

— Глаша, милочка, вы бы отдохнули, благотѣтельница наша, — подольстилась къ Глафирѣ Генриховнѣ Сонечка, которая въ воскресенье на работу не ходила.

— «Благотѣтельница наша...» — спѣла Муся изъ «Пиковой дамы». — Пойди, отдохни.

— Отдохните, Глашенька, милая...

— Вотъ еще. Что за нѣжности!

— У тебя и вправду усталый видъ, — сочувственно сказала Муся. — Или голова болитъ?

— Да, немножко... И горло... Пустяки...

— Это надо уметь: простудиться въ іюнѣ мѣсяцѣ, — наставительно замѣтилъ Витя. Глафира Генриховна, по привычкѣ, хотѣла его ругнуть, но вдругъ закашлялась, притомъ непріятно-тяжело, такъ что друзья даже переглянулись. Муся предложила вызвать доктора. Витя рекомендовалъ Кротова. Глафира Генриховна сердито посмѣялась.

Во время обѣда всѣ усердно ей помогали. Глаша чистила на кухнѣ селедку, жарила бифштексы и картофель, рѣзала хлѣбъ. Но когда она съ блюдомъ въ рукахъ выходила изъ кухни, Витя бросался ей навстрѣчу въ корридоръ и на полдорогѣ пытался взять у нея блюдо:

— Дайте мнѣ, ради Бога!.. Я понесу...

— Витя, отстаньте, вы только мнѣ мѣшаете... Ну, такъ и есть, чуть все не уронила! Отстаньте, говорю вамъ!..

— Но вѣдь вы нездоровы, зачѣмъ же вы все дѣлаете?.. Дайте мнѣ...

— Ничего, какъ нибудь донесу безъ васъ. — Глафира Генриховна, по старой привычкѣ, попыталась уничтожить Витю взглядомъ. Уничтожающій взглядъ отлично у нея выходилъ. Но уничтожить взглядомъ человѣка, держа въ

рукахъ блюдо съ селедкой, не можетъ никто, — Витя остался цѣль.

Въ столовой Сонечка дѣловито раскладывала передъ тарелками ножи и вилки. Когда эта работа была ею сдѣлана, оказалось, что ножи и вилки не тѣ, — она взяла настоящее серебро. Глафира Генриховна демонстративно вздохнула, поднявъ къ потолку глаза, тотчасъ все уложила назадъ и достала изъ другого ящика «накладное». Ея молчаніе было грозно. Муся, удерживаясь отъ смѣха, говорила сконфуженной Сонечкѣ:

— Стыдно, моя милая, стыдно... До сихъ поръ не знаете, гдѣ что лежитъ. Это, какъ говорить Никоновъ, наше фамильное серебро. Папа его купилъ лѣтъ десять тому назадъ.

Послѣ обѣда Глафиру Генриховну уговорили прилечь, на ней лица не было. По настоянію Муси, рѣшено было позвать доктора. «Ты можешь еще всѣхъ насъ заразить!» — говорила Муся, дѣлая страшное лицо. Противъ этого довода Глаша ничего возразить не могла, хоть понимала, что это говорится нарочно. Однако пользы отъ врача оказалось немного. Кротовъ, очень одряхлѣвшій въ послѣдній годъ, просидѣлъ у нихъ цѣлый часъ, замучилъ Глафиру Генриховну, всѣмъ надоѣлъ и ничего путнаго о болѣзни не сказалъ, — прописалъ какія-то старыя лекарства, которыхъ въ аптекахъ давно не было, и велѣлъ пить чай съ малиной, — малину тоже достать было невозможно. Онъ утратилъ и свой прежній бодрый тонъ, такъ успокоительно дѣйствовавшій на паціентовъ, самъ болыне не щеголялъ крѣпостью и Витѣ не посоветовалъ заниматься гимнастикой.

— Но это не заразительно, докторъ? А то я сейчасъ же переѣду въ больницу, — говорила Глафира Генриховна, строго глядя на Мусю.

— Какая ерунда!.. Такъ мы тебя и отпустимъ.

— Какія теперь больницы! — саркастически отвѣтилъ Кротовъ. — Вотъ до чего дожили, а?

Онъ заговорилъ о политикѣ, преимущественно перечисляя людей, которыхъ непременно слѣдовало бы повѣсить. Сначала его слушали, но списокъ подлежащихъ казни былъ такой длинный и такой неожиданный, что всѣмъ стало совѣстно. «Уведи ты его, ради Бога! — съ умоляющимъ выраженіемъ на лицѣ шепнула Мусѣ Глафира Генриховна. — У меня отъ этого вздора голова болитъ»... Доктора повели пить чай. Онъ съ жадностью выпилъ два стакана, съ жадностью ѣлъ и все говорилъ безъ умолку.

— Я говорю, мерзавецъ на мерзавцѣ! Надо вырѣзать всѣхъ... — сказалъ онъ, съ трудомъ жуя печенье шатавшейся вставной челюстью, оглянулся и не докончилъ. Витя смотрѣлъ съ жалостью на этого человѣка (онъ помнилъ доктора съ ранняго дѣтства). Волосы у него надъ впалыми висками были непричесаны, сапоги нечищенные, воротничекъ надорванный и грязный. Витя подумалъ, что вѣрно Кротовъ умретъ раньше, чѣмъ всѣ его пациенты и чѣмъ мерзавцы, которыхъ онъ хотѣлъ вырѣзать.

Послѣ ухода доктора всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Дамы набросились на Витю, — его впрочемъ принято было за все бранить въ домѣ. Нездоровье Глаши было признано пустяковымъ и по отношенію къ ней также взять былъ агрессивно-насмѣшливый тонъ, какъ будто она притворялась больною. Глаша сама невольно поддавалась этому тону и только жалобно просила, чтобы ее оставили въ покоѣ.

— Вѣдь я говорила, не надо звать доктора.

— Кто же могъ знать? Мы думали, у тебя сыпной тифъ. — разочарованнымъ тономъ говорила Муся. — И кто могъ предвидѣть, что у Вити и докторъ окажется рамоликомъ.

— Увѣряю васъ, онъ еще въ прошломъ году былъ прекрасный врачъ, — оправдывался Витя.

— Молчите. За лекарствами вы пойдете...

Сонечка вышла изъ комнаты Глаши съ такимъ видомъ; точно ее понапрасну задержали, оторвавъ отъ важнаго

дѣла ради пустяковъ. Она прямо направилась къ телефону: Сонечка постоянно телефонировала, — «въ студию», — поясняла она съ необыкновенно значительнымъ видомъ. Витю Муся послала за покупками. Вечеромъ должны были прійти Клервилль, Никоновъ, Горенскій, и для гостей нужно было приготовить угощеніе. Муся сказала, что видѣла у Городской Думы на лоткахъ пирожныя, какъ-будто вполне приличныя. Она дала Витѣ денегъ, — онъ мучительно покраснѣлъ: обыкновенно деньги на покупки выдавала ему Глаша; тогда не было стыдно.

Сонечка поговорила по телефону и ушла изъ дому, десять разъ расцѣловавшись съ Мусей, что у нихъ теперь стало ритуаломъ при всякомъ разставаніи, хотя бы на полчаса. Муся осталась въ гостиной одна. Устроившись въ креслѣ, она лѣниво взяла со стола «Знамя труда», — тамъ была напечатана поэма «Двѣнадцать». Объ этомъ произведеніи у нихъ шли оживленные споры. Березинъ говорилъ, что поэма Блока «сверхъестественно-геніальна», Сонечка горячо его поддерживала. Горенскій и Глаша утверждали, что поэма отвратительна, что о ней просто гадко думать. Муся и Витя приняли среднюю формулу: «Кощунственно, но изумительный талантъ».

Муся пробѣжала нѣсколько строфъ, — тѣ, которыя обычно декламировалъ Витя, знавшій «Двѣнадцать» почти наизусть. Она подавила зѣвокъ: все это было хорошо, но не имѣло ровно никакого отношенія къ ея жизни. Муся и въ «Войнѣ и Мирѣ» обычно пропускала войну, — зато сцену въ Мытищахъ, поѣздку ряженыхъ, описаніе петербургскаго бала перечитывала сто разъ. «Развѣ Толстого взять? Уютное!.. Охота, гумно, Паша... Нѣтъ, мнѣ-то что: я не помѣщица... Да и далско: гдѣ-то у мамы на верхней полкѣ»... Въ домѣ было три библіотеки. Въ кабинетѣ Семена Исидоровича находились ученые и мрачныя книги. У Тамары Матвѣевны въ гостиной и въ будуарѣ были поэты, старинныя изданія Пушкина — одно очень дорогое, — труды по исторіи искусства, все въ красивыхъ, ти-

сненныхъ золотомъ, переплетахъ, по два рубля и два съ полтиной за переплетъ (лишь старинныя изданія Пушкина были въ «переплестахъ эпохи», — все какъ полагается). Библіотека Муси не хранилась, а валялась, — Муся прятала только книги очень легкомысленнаго содержанія. «Не стоитъ идти за уютнымъ, и не до того теперь... Вотъ Блокъ, пожалуй, подходитъ»... Она сдѣлала надъ собой усиліе и принялась читать съ начала. «Нѣтъ, это очень хорошо», — подумала Муся. «Только все-таки тутъ при чемъ?... Скоро уѣдемъ въ Англію, тамъ даже говорить объ этомъ будетъ не съ кѣмъ... «Поддержи свою осанку, надъ собой держи контроль»... Да, очень, очень хорошо... Говорятъ, онъ слышитъ какую-то музыку революціи... А Сонечка говоритъ, будто она теперь чувствуетъ, что летитъ куда-то на крыльяхъ... И Березинъ тоже летитъ... Отчего же я никуда не лечу и ничего такого не чувствую? Березинъ вретъ, конечно, но вѣдь Александръ Блокъ не вретъ»... Муся увлекалась Блокомъ, видала его и, какъ всѣ, восторгалась его красотою. Мнѣніе человѣка съ такимъ лицомъ имѣло для нея большое значеніе; однако въ ней все происходившее въ Россіи особаго экстаза не возбуждало. «Да, огромныя, грандіозныя событія, но событія были еще грандіознѣе три года тому назадъ, мы привыкли и, право, хорошаго понемножку... Притомъ, эта проза, эти вѣчные нестерпимые разговоры объ ѣдѣ!.. А что же Глаша? надо ее провѣдать»...

Муся отложила «Знамя труда» и прошла къ комнатѣ Глафиры Генриховны. У порога она послушала, затѣмъ тихонько отворила дверь. Глаша спала. Въ ся комнатѣ былъ совершенный порядокъ. Слегка пахло хорошими духами. Постель съ бѣлоснѣжными подушками была постлана образцово, точно стлала лучшая горничная, — не то, что у нихъ у всѣхъ. Глаша лежала на кушеткѣ, въ чистенькомъ нарядномъ пеньюарѣ, въ шелковыхъ чулкахъ; аккуратно приставленныя одна къ другой туфельки стояли на полу у кушетки. «Нѣтъ, она молодецъ... И похорошѣла,

право», — съ легкимъ вздохомъ подумала Муся, уже почти примирившаяся съ мыслью, что Глаша можетъ выйти замужъ за князя Горенскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ она съ этой мыслью примирилась, ей стало спокойнѣе. Въ разговорахъ съ княземъ Муся теперь не упускала случая лестно отозваться о Глафирѣ Генриховнѣ. Въ первый разъ она это сдѣлала съ усиленіемъ, потомъ пошло гораздо легче. «Все-таки, можетъ, онъ на ней и не женится», — сказала себѣ Муся и, еще разъ взглянувъ на блѣдное лицо Глаши, вышла на цыпочкахъ изъ комнаты. «Хоть бы скорѣе пришелъ Вивіанъ», — подумала съ тоскою Муся.

Она постояла у окна, опершись на подоконникъ. Муся думала о томъ, что Клервилль все-таки ведетъ себя съ ней не совсѣмъ хорошо. «Онъ не долженъ былъ бы уѣзжать такъ часто... Ну, допустимъ, это не отъ него зависитъ, хоть вѣрно можно было бы устроиться такъ, чтобы его не посылали безпрестанно то въ Москву, то въ Вологду, то еще куда-то... Но ужъ во всякомъ случаѣ мы прекрасно могли бы обвѣнчаться и до конца войны... Въ сущности, мама — бѣдная — вполнѣ права... Зачѣмъ мы тутъ сидимъ? Чего ждемъ?.. Если-бъ мы обвѣнчались, мы могли бы уѣхать за границу хоть завтра, вполнѣ легально и спокойно... А съ ними что я тогда сдѣлаю?.. Все-таки это было легкомысленно, что я поселила ихъ всѣхъ здѣсь... Витя, я понимаю, ему и дѣться некуда было. Но другіе... А, можетъ быть, это и есть настоящая жизнь, и лучше мнѣ никогда больше не будетъ?» — спросила себя Муся. Она въ послѣднее время сама себя не понимала. — «Влюблена въ Вивіана? Да, конечно... Конечно, влюблена... Однако, если-бъ онъ не былъ вдобавокъ и блестящей партіей, я, быть можетъ, еще подумала бы... Стыдно, очень стыдно, но подумала бы... Чего же я хочу? Что мнѣ нужно, кромѣ богатой, свободной, удобной жизни (это нужно навѣрное)? И, главное, отчего мнѣ скучно, скучно и съ нимъ (да, что-жъ себя обманывать?), скучно даже тогда, когда какъ будто весело, и ужъ всегда послѣ того, какъ было

весело? Такая ли я сложная натура или, напротивъ, со-всѣмъ несложная, безъ настоящей внутренней жизни?.. Муся вспомнила слова, какъ-то сказанныя при ней Брауномъ: «У большинства людей нѣтъ вообще психологін: у рядовыхъ женщинъ нервы, у рядовыхъ мужчинъ элементарныя ощущенія, все густо политое притворствомъ и тщеславіемъ, — въ сущности романистамъ и доискиваться не до чего, если они не занимаются выдающимися людьми»... (На это Горенскій отвѣтилъ: «Ну, настоящий романистъ и въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ сумѣетъ показать сложную душу человѣческую»). — «Да, можетъ быть, Браунъ правъ, я рядовая женщина и за душой у меня нѣтъ ничего... Вотъ онъ! Слава Богу!» -- вслухъ сказала Муся съ выступившей счастливой улыбкой. На противоположномъ тротуарѣ показался Клервилль. — «Чудо, какъ онъ хорошъ! Я не видала красивѣе человѣка... И не все ли мнѣ равно, что будетъ съ Глашей, что будетъ со всѣмъ миромъ, если онъ мой!.. Все вздоръ, о чемъ я только что думала!..»

Съ Клервиллемъ стоялъ другой человѣкъ, тоже очень высокій, тонкій, прекрасно одѣтый. И по наружности, и по тому, какъ онъ разговаривалъ съ ея женихомъ, Муся видѣла, что это англичанинъ. «Удивительная однако порода, лучше нигдѣ нѣтъ», — подумала она. — «Что-то въ нихъ есть общее... Нѣтъ, право они даже похожи немного одинъ на другого, только мой лучше, и тотъ брюнетъ... Мой-то однако не очень ко мнѣ спѣшитъ»... Муся и про себя, и въ разговорахъ съ друзьями часто называла Клервилля «мой». Это купеческое или простонародное слово доставляло ей наслажденіе. — «Долго ли они еще будутъ разговаривать? Хоть бы на окно, разиня, попробоваль взглянуть... Что это въ самомъ дѣлѣ такое?..»

Клервилль весело засмѣялся, другой англичанинъ тоже. Они пожали другъ другу руки и разстались. Клервилль вошелъ въ домъ.

Муся выбѣжала въ переднюю. Когда раздался звонокъ,

она открыла дверь и тотчасъ ее захлопнула. Онъ засмѣялся. Муся впустила Клервилля — и вдругъ бросилась ему на шею.

— Кто это былъ съ тобой? — по французски, чтобъ говорить на ты, спросила Муся.

— Вы были у окна? — сказалъ онъ по англійски. — Я не видалъ васъ... Это мой пріятель капитанъ Кромп, нашъ морской агентъ, очень замѣчательный человѣкъ... Вашихъ друзей нѣтъ дома?

— Сейчасъ всѣ появятся... Если вы такъ желаете ихъ видѣть...

— У васъ вечеромъ будетъ еще гость, докторъ Браунъ. Я условился по телефону встрѣтиться съ нимъ здѣсь... Вы разрѣшите?

Муся неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на него въ упоръ.

— Надѣюсь, вы ничего противъ этого не имѣете?.. Онъ говорилъ мнѣ, что вы его приглашали...

— Я очень рада, — проговорила медленно Муся. — Больше ты никого не звалъ? Можетъ, тебѣ было бы пріятно, чтобъ насъ развлекало еще нѣсколько человѣкъ?

Онъ опять засмѣялся.

— Такъ вы стояли у окна? Какъ же я васъ не видѣлъ?

— *Tu dois être stupore, pauvre chéri. Ce sera commode, pour te faire coci...*

Клервилль улыбался не совсѣмъ естественно. Онъ все не могъ привыкнуть къ тону Муси.

— *Ne t'en fais pas, chéri. Ce n'est ni pour aujourd'hui, ni pour demain. C'est pour plus tard.*

IV.

Вначалѣ всѣ сидѣли въ слабо освѣщенной комнатѣ Гляффы Генриховны. Она чувствовала себя лучше и общалась выйти къ чаю. Но разговоръ вокругъ кушетки не клеился. Муся съ Клервиллемъ исчезли первые. Витя сталъ

сразу мраченъ, какъ туча. Скоро ушелъ къ себѣ въ комнату и онъ. Затѣмъ Сонечка объявила, что хочетъ еще разъ просмотрѣть завтрашнія сцены для фильмы (это значило сыграть ихъ передъ зеркаломъ). Съ Глашей остались только Никоновъ и Горенскій. А еще черезъ нѣсколько минутъ вышелъ съ многозначительной улыбкой Никоновъ, за порогомъ приложивъ палецъ къ губамъ, — объ увлеченіи князя Глашей уже говорили въ кружкѣ съ изумленіемъ, и всѣ теперь вели себя по отношенію къ нимъ такъ усиленно тактично, что выходило нѣсколько безтактно.

Муся вскорѣ вошла съ Клервиллемъ въ гостиную, зажгла свѣчи и сѣла за рояль. Тотчасъ на цыпочкахъ появилась Сонечка, на ходу поцѣловала тихонько сзади въ шею Мусю, которая только плечами повела, — и забралась на диванъ, поджавъ подъ себя ноги. За ней неслышно вошелъ и Витя. Онъ сѣлъ на пуфъ въ темномъ углу гостиной и со счастливымъ лицомъ слушалъ Мусю. Пришелъ и князь. Глаша отослала его изъ своей комнаты, сказавъ, что одѣнется и тоже придетъ въ гостиную.

Клервилль сидѣлъ на стулѣ рядомъ съ Мусей, закрывъ глаза и сіяя гордой улыбкой. Онъ не имѣлъ слуха, плохо помнилъ слышанное и ничего голосомъ воспроизвести не могъ. Мусѣ казалось, что ся женихъ вообще не музыкаленъ. Однако онъ обо всемъ новомъ въ музыкѣ слышалъ и читалъ больше, чѣмъ Муся, и чрезвычайно бойко говорилъ объ Арнольдѣ Шенбергѣ, нѣсколько щеголяя тѣмъ, что отдаетъ должное нѣмецкой музыкѣ, какъ если бы никакой войны не было. Однажды онъ съ огорченіемъ принесъ Мусѣ извѣстіе, что сэръ Губертъ Парри очень боленъ и, повидимому, долго не протянетъ, — Муся о такомъ композиторѣ и не слыхала; она даже не знала, что въ Англіи существуютъ композиторы, и такъ сказала жснху. Это немало его обидѣло.

Въ передней раздался звонокъ, Витя на цыпочкахъ вышелъ изъ гостиной. Муся знала, что это Браунъ. Ея сму-

щеніе послѣ того телефоннаго разговора ослабѣло, но не прошло. «Перестать играть?.. Нѣтъ, не надо», — рѣшила она. Полированная доска рояля между подсвѣчниками отразила фигуру Брауна. Муся, улыбаясь, продолжала играть еще съ полминуты, затѣмъ захлопнула крышку и, быстро повернувшись на вертящемся стулѣ, встала. Ей показалось, что Браунъ сталъ еще блѣднѣе. «Но глаза какъ будто оживленнѣе, чѣмъ прежде... Удивительные у него глаза»... Витя прибавилъ свѣта въ люстрѣ. Всѣ запротестовали.

— Не надо!.. Не надо...

— Такъ было отлично...

— Пожалуйста, продолжайте играть, — сказать, здороваясь, Браунъ.

— Конечно, продолжайте, Мусенька...

— Голосъ изъ провинціи: «Конечно, продолжайте, Мусенька», — передразнилъ Сонечку Никоновъ.

Муся, улыбаясь, разговаривала съ Брауномъ. «Ну, вотъ, чего же я волновалась!.. Онъ очень любезенъ, и ничего страшнаго тогда не произошло», — думала она, говоря такъ же спокойно, мило и увѣренно, какъ всегда.

...— Да, представьте, только одна открытка за все время! Это удивительно!.. Но все, слава Богу, благополучно.. Ну, а вы какъ? Я такъ рада... Вѣдь вы всѣхъ здѣсь знаете, Александръ Михайловичъ? По крайней мѣрѣ, большихъ... Это Сонечка Михальская, наша будущая Франческа Бертини... А это тотъ юноша, изъ-за котораго я васъ потревожила, Викторъ Яценко...

— Мы, кажется, познакомились на юбилей вашего отца.

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Какъ странно вспоминать теперь то время, не правда ли? Сейчасъ мы угостимъ васъ чаемъ... Витя, возьмите хозяйство на себя...

— Но, я надѣюсь, вы будете играть дальше?

— Мусенька, продолжайте, умоляю васъ. Вы никогда такъ не играли.

— Полноте, Сонечка... Вы должны знать, Александръ Михайловичъ, я играю выразительно, но скверно.

— Мнѣ мистеръ Клервилль говорилъ, что вы превосходно играете.

— Очень превосходно, — подтвердилъ Клервилль.

— Нѣкоторое пристрастіе ко мнѣ допустимо въ мистеръ Клервилль, — смѣясь, сказала Муся. Она заставила себя просить ровно столько, сколько было нужно, и снова сѣла за рояль. Витя убавилъ свѣта. Всѣ заняли мѣста. Сонечка опять поджала подъ себя ноги на диванѣ. — «Что бы такое?..» — спросила Муся и начала вторую сонату Шопена, которую играла безъ нотъ. Ей хотѣлось сыграть фразу «Заклинанія цвѣтовъ», но съ этимъ точно связывалось что-то непристойное. Браунъ сидѣлъ сбоку, — она, играя, могла его видѣть. Мусѣ показалось, что онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ. «Нѣтъ, это вѣрно свѣтъ такъ падаетъ... Въ сущности, онъ почти-старъ и не красивъ, особенно рядомъ съ моимъ... Но что-то такое въ немъ есть... Да, токъ какой-то... Вѣроятно, онъ зналъ сотни женщинъ на своемъ вѣку, это всегда чувствуется... Но какъ въ концѣ концовъ это глупо: любить по настоящему одного и волноваться при видѣ другого... Кажется, я въ ударѣ... Сейчасъ маршъ»... — Она напрягла вниманіе и сыграла похоронный маршъ прекрасно. Когда Муся кончила, раздались рукоплесканія.

— Какой чудесный маршъ! — сказалъ Горенскій. — Заигранный, но чудесный!..

— Ничѣмъ веселѣе, Мусенька, вы не могли насъ развлечь... Спасибо, дорогая, — откликнулся Никоновъ.

— Да что же другое теперь играть? Трауръ по родитѣ, — мрачно возразилъ Витя.

— Только, пожалуйста, не хороните Россію, — проворчалъ Никоновъ. — Богъ дастъ, насъ переживетъ, голубушка.

Браунъ ничего не сказалъ. Это немного задѣло Мусю. Она чувствовала, что играла очень хорошо.

— Вотъ я васъ развеселю, Григорій Ивановичъ, — сказала она и, повернувшись на стулѣ къ роялю, заиграла вальсъ изъ «Фауста».

— Молодежь просить танцевать... Витя, откройте балъ.

Несмотря на трауръ по родинѣ, Витя пошелъ танцевать съ Сонечкой вальсъ. На третьемъ турѣ, проходя мимо рояля, Сонечка оттолкнула Витю, быстро опять на ходу поцѣловала Мусю въ волосы и, вскинувъ руку на плечо Клервилля, продолжала вальсъ съ нимъ. Въ гостиной стало очень весело. Муся вдругъ перепла на «Заклинаніе цвѣтовъ». *«E voi—o fiori—dall' olezzo sottile—vi—faccia—tutti—aprir—la mia man maledetta»*... — чуть слышно пѣла она, вызывающе глядя на Брауна, который улыбался разочарованной Сонечкѣ. Муся отъ музыки пьянѣла, какъ отъ вина. Витя смотрѣлъ на нее печально. Онъ вспомнилъ объ отцѣ. Ему стало совѣстно, что онъ могъ танцевать.

Дверь открылась и на порогъ показалась Глаша. Ее встрѣтили рукоплесканьями.

— Слава Богу!..

— Мы соскучились!

— Господа, пожалуйста чай пить, — говорила Глафира Генриховна, привѣтливо здороваясь съ Брауномъ.

Къ чаю со скудной закуской были поданы коньякъ и портвейнъ: спиртныхъ напитковъ у Кременецкихъ оставалось еще немало, — Семенъ Исидоровичъ какъ разъ передъ войной завелъ у себя «погребъ». Глафира Генриховна занимала гостей приличнымъ разговоромъ. Клервилль попросилъ разрѣшенія уединиться съ Брауномъ, — имъ надо побесѣдовать по одному дѣлу. Муся отвела ихъ въ будуаръ и отнесла имъ туда коньякъ и рюмки.

Разговаривали они долго и вернулись изъ будуара, какъ показалось Мусѣ, нѣ совсѣмъ довольные другъ другомъ. «Какія это у нихъ могутъ быть дѣла?» — съ любопытствомъ спросила себя Муся.

— Коньякъ, видно, для тѣхъ кто почище, — сказалъ Мусъ ея сосѣдъ Никоновъ.

— Ахъ, бѣдный!.. Гдѣ же онъ, коньякъ?.. Да, я оставила его въ будуарѣ. Сейчасъ принесу.

— Зачѣмъ же вы сами? Я схожу, — началъ было Никоновъ. — Или Витя...

— Я сейчасъ сама принесу, чтобы вамъ было стыдно, — повторила Муся, вставая. Ей было непріятно, что другіе посылали съ порученіями Витю. Къ нѣкоторому удивленію Муси, только что откупоренная бутылка оказалась наполовину пустою. «Молодцы пить м о и», — подумала Муся, съ непонятной радостью улыбаясь этому множественному числу. Вызывающее настроеніе въ ней все росло. Она остановилась на порогѣ столовой. Клервилль оглянулся на Мусю, сіяя своей скульптурной красотой. Мусъ захотѣлось его расцѣловать опять. «Конечно, его одного люблю, — его и больше никого!» — подумала она.

...— Возьмите учебникъ исторіи, — говорилъ холодно Браунъ, — лучше всего не многотомный трудъ, а именно учебникъ, гдѣ разсужденія глупѣе и короче, а факты собраны тѣснѣе и обнаженнѣе. Вы увидите, что исторія человечества на три четверти есть исторія звѣрства, тупости и хамства. Въ этомъ смыслѣ большевики пока поклазали не слишкомъ много новаго... Можетъ быть, впрочемъ, еще покажутъ: они люди способные. Но вотъ что: въ прежнія времена хамство почти всегда чѣмъ-либо выкупалось. На крѣпостномъ правѣ создались Пушкины и Толстые. Теперь мы вступили въ полосу хамства чистаго, откровеннаго и ничѣмъ не прикрашеннаго. Навозъ пересталъ быть удобреніемъ, онъ сталъ самоцѣлью. Большевики, быть можетъ, потонутъ въ крови, но по ихъ духовному стилю, имъ слѣдовало бы захлебнуться грязью. Не дьяволъ, а мелкій бѣсъ, бѣсенокъ-шулеръ, паритъ надъ ихъ историческимъ дѣломъ, и хуже всего то, что даже враги ихъ этого не видятъ.

— Мы говоримъ не о дѣйствіяхъ большевиковъ, а объ ихъ идеяхъ, — перебилъ его Никоновъ.

— Идеи большевиковъ! Я ничего не имѣю противъ самой глубокой провинціи, но все-таки смѣшно, что Симбирскъ объявилъ себя городомъ-свѣточемъ, а Елизаветградъ — столицей міра.

— Какъ понимать: буквально или фигурально? — смѣясь, спросила Муся. Она не очень интересовалась споромъ, однако такую фразу всегда можно было вставить, ничего не испортивъ. Клервилль, съ трудомъ слѣдившій за русской рѣчью Брауна, засмѣялся и съ гордостью оглянулъ всѣхъ, точно призывая восхищаться замѣчаніемъ Муси. У Никонова на лицѣ появилось раздраженное выраженіе. «Онъ сейчасъ начнетъ говорить непріятности», — подумала Муся и поспѣшно подошла къ Никонову съ бутылкой.

... Еще рюмку, Григорій Ивановичъ?

— Могу. Но съ вами! Иначе — не желаю.

— Со мной, со мной.

— За папу и за маму... А бѣднымъ дѣткамъ дадимъ?

— Отчего же? Можно... Дѣти, Сонечка и Витя, выпьемъ съ горя.

— Совсѣмъ не нужно ихъ спаивать, — сказала Глафира Генриховна. Она подумала, что за бутылку коньяку теперь легко получить сотни рублей, это можетъ позднѣе пригодиться. Однако всѣ выпили и даже Глашу заставили выпить полрюмки. Никоновъ увѣрялъ, что нѣтъ лучше средства противъ кашля. Стало еще веселѣе.

— Мусенька, я давно хочу просить васъ объ одной вещи, но не смѣю...

— Смѣйте, Сонечка, смѣйте.

— Я хочу быть съ вами на ты... Можно?

Муся засмѣялась.

— Я подумаю.

— Нѣтъ, правда? Вы согласны? Это не слишкомъ дерзко съ моей стороны?

— Дерзко, но я согласна... Только тогда мы пойдемъ дальше и выпьемъ на ты втроемъ: вы, я и Витя.

Витя вспыхнулъ отъ счастья. Они выпили еще коньяку и поцѣловались. Легкое удивленіе скользнуло по лицу Клервилля, но онъ тотчасъ улыбнулся спокойной увѣренной улыбкой и, нагнувшись къ Глафирѣ Генриховнѣ, заговорилъ съ ней. Браунъ и Горенскій даже не повернулись въ сторону цѣлующихся. Никоновъ жаловался, что съ нимъ ни Муся, ни Сонечка цѣловаться не хотятъ.

— Вы думаете, если мы выпили съ вами на ты, я тебя перестану муштровать? — сказала Муся Витѣ, который еще не пришелъ въ себя. — Погоди, гадкій мальчишка, вотъ усажу тебя за книжку... Ахъ, да я совсѣмъ было и забыла!

Она взяла его подъ руку и повела въ уголъ, гдѣ разговаривали Браунъ съ Горенскимъ. Они тотчасъ оборвали разговоръ.

— Вы общались, Александръ Михайловичъ, помочь этому юношѣ. Онъ жаждетъ вашихъ указаній, какъ манны небесной.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Да, я хотѣлъ бы... — сказалъ Витя. Лицо его горѣло. — Да, я очень хочу... Но мнѣ совѣстно васъ утруждать.

— Тогда пройдите и вы въ будуаръ, ужъ если сегодня такой вечеръ уединеній... Витя, возьмите карандашъ... И все запиши, что укажетъ Александръ Михайловичъ.

Браунъ закурилъ папиросу, сѣлъ съ мрачнымъ видомъ и вопросительно уставился на Витю, который, запинаясь, не очень толково изложилъ свое дѣло.

...— Если-бъ вы мнѣ указали, если это вамъ не трудно, какія книги надо читать и гдѣ ихъ достать?... Я владѣю языками, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ... То я, конечно, былъ бы вамъ чрезвычайно обязанъ...

Браунъ смотрѣлъ на него. «Совсѣмъ еще малышъ», — подумалъ онъ, — «но вѣдь и такіе нужны».

— А вы что знаете по химіи? — спросилъ онъ наконецъ.

Витя отвѣчалъ. Браунъ задалъ нѣсколько вопросовъ.

— Такъ что и анализъ кое-какъ проходили?

— Качественный даже, кажется, недурно. У насъ въ Тенишевскомъ училищѣ вѣдь гораздо больше удѣляютъ вниманія естествознанію, чѣмъ въ казенныхъ Деляновскихъ гимназіяхъ, — уже бойчѣе отвѣчалъ Витя, ввернувшись въ Деляновскія гимназіи. — Количественный анализъ я знаю слабѣе, а по органической сдѣлалъ всего два-три сожженія.

— Два-три сожженія, — повторилъ Браунъ.

«Да, жаль его, конечно... Но вѣдь всѣхъ ихъ жаль... И у всѣхъ есть родители, близкіе... Этотъ по крайней мѣрѣ порядочный мальчикъ... Не трусишка ли только?..»

— Я укажу вамъ книги, — сказалъ онъ, помолчавъ. — Кое-что у меня есть, другое легко достать.

— Я право не знаю, какъ васъ благодарить... Вы мнѣ окажете...

— Вашъ отецъ въ крѣпости? — вдругъ перебилъ Витю Браунъ.

— Да...

Браунъ опять помолчалъ.

— Я пытался получить съ нимъ свиданье. Не разрѣшаютъ, — смущенно сказалъ Витя.

— Я могу дать вамъ книги... Это очень похвально, что вы хотите теперь заняться наукой, — съ явной насмѣшкой въ голосѣ сказалъ Браунъ.

Витя тревожно-вопросительно на него смотрѣлъ.

— Виновать?

— Я говорю, это очень похвально, что вы въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ хотите заняться наукой.

— Виновать, я не совсѣмъ понимаю...

— Тутъ понимать нечего, это надо чувствовать, — сказалъ Браунъ. — Вы вѣрно знаете, что творится сейчасъ

въ Россіи... Если-бъ моего отца бросили такъ, безъ всякой причины, въ тюрьму... Впрочемъ, это вамъ виднѣе.

— Что же я могу сдѣлать?

— Дѣло, быть можетъ, нашлось бы. Но для него надо быть человѣкомъ храбрымъ и рѣшительнымъ.

— Я себя трусомъ не считаю.

— Я и не думаю, что вы трусъ... Быть можетъ, вы догадываетесь, что есть организаціи, ведущія борьбу за освобожденіе Россіи?.. Это всѣмъ извѣстно!.. Вотъ что, молодой человѣкъ, — сказалъ, вставая, Браунъ. — Здѣсь сейчасъ обо всемъ этомъ разговаривать неудобно. Но если вы готовы рисковать собою и если вы умѣете держать языкъ за зубами, то мы можемъ продолжить этотъ разговоръ. Зайдите ко мнѣ послѣзавтра въ восемь часовъ утра... И книги я вамъ укажу, — добавилъ онъ. — Само собой разумѣется, вы никому не должны говорить ни слова о нашей бесѣдѣ. Никому, — подчеркнул Браунъ. — Ну, а теперь пойдемъ.

Они вернулись въ столовую. Витя былъ очень взволнованъ, онъ ничего толкомъ не понималъ, такъ много случилось съ нимъ въ этотъ вечеръ.

— Указали ему? — спросила Брауна Муся. — Ну, спасибо.

— Онъ послѣзавтра зайдетъ ко мнѣ, мы еще поговоримъ, — отвѣтилъ Браунъ.

— Я такъ вамъ благодарна...

V.

.....

VI.

«Конечно, намъ очень тяжело, что мы больше не можемъ сытно ѣсть, вдоволь развлекаться, заниматься на-

укой, дѣлами, политикой, лѣтомъ уѣзжать на дачу или за границу», — устало думалъ Николай Петровичъ, не слишкомъ вѣря этимъ мыслямъ. — «Большевики насъ этого лишили. Но вѣдь и при старомъ строѣ все это было удѣломъ небольшой части населенія, которая одна только и жила свободной, занимательной жизнью (не очень впрочемъ свободной и не очень занимательной). А народъ питался плохо, жилъ грубо, по театрамъ не ходилъ, на дачу не ѣздилъ и ни въ свѣтскія, ни въ политическія бирюльки не игралъ... Народу, правда, нисколько не стало лучше отъ того, что намъ стало гораздо хуже, но и возмущаться новымъ строемъ, очевидно, надо лишь съ оговорками.. Это и есть то, что можно назвать и хъ правдой. Допустимъ, что эта крошечная правда окупаегъ сотую долю зла, ненависти, крови, которыя они несутъ въ міръ, — какое значеніе она можетъ теперь имѣть для меня?.. Какое значеніе можетъ вообще имѣть политика? Они умрутъ со своей правдой, какъ мы умремъ съ нашей. Потерявъ Наташу, потерявъ интересъ къ жизни, и былъ бы одинаково несчастливъ и при социалистическомъ строѣ, и при крѣпостномъ... Бороться за такую правду то же самое, что вести войну изъ-за снѣжной бабы, какъ воюють дѣти... Баба, можетъ быть, очень искусно сдѣлана, но завтра она растаетъ, кто бы ни остался побѣдителемъ... Нѣтъ, меня все это больше интересовать не можетъ, какъ взрослому челоуѣку не могутъ интересовать похождения героевъ Жюль Верна, которыя такъ волнуютъ дѣтей...»

Въ крѣпость доставлялись большевистскія газеты, и Николай Петровичъ приблизительно зналъ, что происходитъ въ Россіи. Но онъ читалъ ихъ не слишкомъ внимательно, — преимущественно въ тѣ часы, когда, слѣвъ смотрителю старыя книги, ждалъ изъ библіотеки новыхъ. Эти газеты были на рѣдкость скучны и бездарны; однако Яценко теперь думалъ, что въ каждомъ ученіи должна быть нѣкоторая доля правды; точнѣе, онъ думалъ, что въ каждомъ ученіи есть большая доля лжи. Николай Петровичъ

и старался разглядѣть правду за той стѣной тупости, грубости, хамства, которую видѣлъ въ газетахъ или передъ собой въ крѣпости. Большевицкой правды Яценко такъ и не оцѣнилъ, но ложь старой жизни теперь чувствовалъ яснѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Его критическія мысли подѣ влияніемъ «Круга чтенія», окрашивались въ толстовскій цвѣтъ. Но и самъ Толстой совершенно не удовлетворялъ Николая Петровича. «Что-же онъ можетъ предложить вмѣсто всего того, что онъ у насъ отбираетъ? Нравственное самосовершенствованіе, больше ничего. Допустимъ, что я больше любилъ бы Наташу, Витю, если бы они были нравственно совершенны... Допустимъ, наконецъ, что я люблю этого помощника коменданта такъ, какъ любилъ своихъ, — хотя какъ же я могу допустить такую чудовищную неправду?.. Допустимъ... Если все это даже и вѣрно, неужели любовь къ помощнику коменданта дала бы мнѣ то, чего не даетъ мнѣ любовь къ сыну? Вѣдь я сейчасъ и о Витѣ не думаю... Или, еще хуже, заставляю себя о немъ думать»...

Интересъ къ міру, къ людямъ, къ событіямъ дѣйствительно съ каждымъ днемъ слабѣлъ у Николая Петровича. Иногда ему казалось, что разумокъ его медленно слабѣетъ. О своей участи онъ почти никогда не думалъ. «Не все ли равно?» — думалъ Николай Петровичъ. Онъ даже себя и не представлялъ, что собственно сталъ бы дѣлать, если-бы его сейчасъ выпустили на свободу. «Съ Витей бы повидался, да... Черезъ десять минутъ мы не знали бы, что сказать другъ другу. Ничѣмъ полезенъ я ему быть не могу, напротивъ, мое влияніе теперь можетъ быть только вреднымъ».

Николай Петровичъ вспоминалъ, что и въ послѣднее время передъ крѣпостью его встрѣчи съ Витей были довольно тягостны: разговаривать имъ было не о чемъ, и оба они, стыдясь этого, желали, чтобы поскорѣе прошелъ тотъ часъ, который имъ полагалось проводить вмѣстѣ. Иногда они даже старались (особенно Витя) сократить

свиданіе подъ разными предлогами и скрашивали это при-
творство особой нѣжностью при разставаніи. «Сытый го-
лоднаго не разумѣть», — думалъ Николай Петровичъ.
— «Ему жить со мной рядомъ прямо было бы вредно... Все
равно, что съ покойникомъ жить въ одномъ домѣ... Кста-
ти, и жить-то намъ было бы негдѣ... За квартиру все-рав-
но скоро нечѣмъ было бы платить... Что-жъ, на югъ про-
браться? Тамъ служить? Какой ужъ теперь судъ? Да и
все-таки нельзя было бы оставить Витю, оставить могилу
Наташи. Что-жъ я сталь-бы дѣлать?» — спрашивалъ се-
бя Яценко. Несмотря на то, что онъ и у большевиковъ на-
ходилъ теперь долю правды, мысль о поступленіи къ нимъ
на службу не приходила въ голову Николаю Петровичу.
«Нѣтъ, положительно, очень кстати попалъ въ крѣпость»,
— съ горькой усмѣшкой думалъ онъ. — «Не все ли равно,
свои ли книги читать или крѣпостныя, по Невскому ли гу-
лять или по садику Трубенского бастіона».

На допросъ Николая Петровича такъ и не вызывали, и
онъ по прежнему никого не видалъ, кромѣ ближайшаго
крѣпостного начальства. Яценко зналъ, что со времени его
ареста въ Петропавловскую крѣпость было привезено еще
много арестованныхъ. Въ нѣкоторыхъ камерахъ, вслѣдст-
віе переполненія, теперь сидѣло по нѣсколько человѣкъ.
Николай Петровичъ безъ ужаса не могъ и подумать о
томъ, что кто-нибудь будетъ помѣщенъ въ его камеру.
Но къ нему не посадили никого. На прогулку его выводили
всегда въ такое время, когда другихъ заключенныхъ въ
садикъ не было. Все это было странно. Однако Яценко
больше объ этомъ не думалъ.

Николай Петровичъ привыкъ съ молодости къ внѣш-
не-однообразной жизни; поэтому однообразіе тюрьмы
не слишкомъ его угнетало. Отъ чая до завтрака онъ чи-
талъ, послѣ завтрака спалъ около часа, затѣмъ до наступ-
ленія темноты снова читалъ или разбиралъ шахматныя
партіи. Въ крѣпостной библіотекѣ было много старыхъ
журналовъ. Въ приложеніяхъ къ «Нивѣ» Яценко нашелъ

шахматный отдѣлъ. Какъ-то, въ минуту бодрости, онъ изъ спичекъ, хлѣба и кусочковъ сахара составилъ фигуры, начертилъ на двойномъ листѣ бумаги доску, надписалъ, чтобъ легче было слѣдить, буквы и номера клѣтокъ, и кое-какъ могъ разыгрывать партіи знаменитыхъ мастеровъ. Яценко игралъ не очень плохо, но теоріи не зналъ и не все понималъ, — въ особенности въ короткихъ примѣчаніяхъ редактора, то восторженныхъ, то, рѣже, неодобрительныхъ. Въ двойныхъ колонкахъ партіи ему попадался восклицательный знакъ, а въ сноскѣ слова: «Геніальное по жертвованіе» или «Начало далеко задуманной, поразительной по красотѣ комбинаціи», — Николай Петровичъ разыгрывалъ партію, думалъ надъ ходами, возвращался назадъ, и иногда — не всегда — доискивался до смысла. Когда ему надоѣдало играть или становилось нѣсколько совѣстно, что онъ, старый человѣкъ, занимается пустяками, Яценко принимался перелистывать какой-нибудь журналъ. Это всегда производило на него гнетущее дѣйствіе: въ книгахъ старыхъ журналовъ волновались, спорили, ругали другъ друга давно умершіе люди, — ихъ зловѣщая загробная перебранка опять возвращала Николая Петровича къ кругу его безвыходныхъ мыслей. Все то, что волновало умершихъ писателей, что прежде волновало и его самого (въ сущности это было одно и то же), теперь не могло его интересовать больше, чѣмъ замысловатыя шахматныя комбинаціи: интересъ къ этому надо было въ себѣ выработать, и люди, по его мнѣнію, дѣйствительно вырабатывали въ себѣ ко всему этому интересъ, становившійся со временемъ изъ искусственного естественнымъ, — совершенно такъ же, какъ шахматная доска понемногу все вытѣсняетъ въ умѣ профессиональныхъ шахматистовъ. Для Николая Петровича настоящей жизни въ этомъ уже не было и не могло быть.

Настоящая жизнь могла быть въ другомъ и о ней безпрестанно напоминали Николаю Петровичу куранты. Музыку ихъ становилась для него все значительнѣе съ каж-

дымъ днемъ. Сначала онъ это приписывалъ своему болѣзненному состоянію; потомъ мысли его измѣнились: быть можетъ, то, о чемъ говорила музыка, также было обманомъ, но все остальное было обманомъ навѣрное. Яценко всегда ждалъ боя часовъ и всегда этотъ бой заставлялъ его врасплохъ. Съ жаднымъ любопытствомъ онъ вслушивался въ музыку «Коль Славень». Она замирала слишкомъ быстро: иногда ему казалось, что еще одна минута и онъ все понялъ бы, — онъ самъ не зналъ, что именно.

Однажды послѣ обѣда подъ вечеръ (лѣтомъ въ камерѣ было свѣтло часовъ до шести) Николай Петровичъ, сидя подъ окномъ читалъ Шопенгауера: «*Versuch über Geistersehn und was damit zusammenhängt*». Одна страница въ этой работѣ поразила Николая Петровича. Шопенгауеръ говорилъ, что вѣра въ призраки свойственна всѣмъ временамъ, всѣмъ народамъ, всѣмъ людямъ. «Быть можетъ, ни одинъ человѣкъ не свободенъ отъ нея совершенно». Яценко зналъ, что Шопенгауеръ человѣкъ невѣрующій, саркастическій и злобный. Въ той же книгѣ были ядовитыя насмѣшки надъ религіозными людьми, надъ духовенствомъ, надъ Библіей. Тѣмъ болѣе удивилъ Николая Петровича тонъ, въ которомъ нѣмецкій мыслитель говорилъ о призракахъ. Шопенгауеръ, повидимому, въ нихъ вѣрилъ и даже считалъ ниже своего достоинства опровергать то, что онъ называлъ скептицизмомъ невѣждъ. Николаю Петровичу снова вспомнились его собственные мысли о призрачности міра. Дочитавъ работу до конца, онъ опустилъ книгу на колѣни и долго сидѣлъ неподвижно, думая о самыхъ странныхъ предметахъ.

Стало темно, Николай Петровичъ все продолжалъ такъ сидѣть. Въ маленькомъ окнѣ у потолка показался хвостъ Большой Медвѣдицы. Внезапно Николаю Петровичу представилась жизнь на звѣздахъ, гдѣ, быть можетъ, ему суждено встрѣтиться съ тѣнью Наташи. Онъ думалъ объ этомъ долго и вполне реально: вспоминая читанныя когда-то научно-популярныя статьи по астрономіи, онъ

сталь даже себѣ представлять, какова можетъ быть обстановка тамъ, гдѣ встрѣтятся ихъ тѣни. «Кажется, ученые признають существованіе на Марсѣ атмосферы... Какіе-то ледники тамъ образуются, потомъ въ жаркое время они таютъ»... Николаю Петровичу вдругъ оиять вспомнился Царскій Садъ въ Кіевѣ, гдѣ они весной гуляли съ Наташей послѣ свадьбы, потоки, несшіеся вдоль сада внизъ по Александровской улицѣ... Онъ вдругъ вздрогнулъ и опомнился. «Кажется, я въ самомъ дѣлѣ схожу съ ума», — подумалъ Николай Петровичъ.

VI - VIII.

.....

IX.

Витя отмѣрилъ глицеринъ большимъ градуированнымъ цилиндромъ, осторожно слилъ въ огромную банку и тщательно ее закупорилъ притертой стеклянной пробкой. Кислотная смѣсь была уже готова. Присѣвъ къ столу, Витя еще разъ въ тетрадкѣ провѣрилъ пропорціи. На одну часть глицерина надо было взять три части азотной и пять частей сѣрной кислоты. Расчетъ оказался правильнымъ. Сосудъ, чанъ, дѣлительная воронка, колбы были вымыты и высушены, сначала спиртомъ, потомъ эфиромъ. Больше дѣлать было нечего. Витя сѣлъ на табуретъ у стола, устало опустилъ голову на руки и задумался. «Когда же будетъ всему этому конецъ?» — спрашивалъ онъ себя.

Витя живо помнилъ то чувство ужаса и любопытства, съ которымъ онъ впервые входилъ въ эту комнату, мѣсяца два тому назадъ. Онъ читалъ въ «Быломъ», въ воспоминані-

ніяхъ разныхъ революціонеровъ, о динамитныхъ лабораторіяхъ, о конспиративныхъ квартирахъ. Но все это онъ представлялъ себѣ совершенно иначе. Гдѣ-то на Петербургской сторонѣ они съ Брауномъ свернули съ тротуара и вошли во дворъ, — самый обыкновенный дворъ, только очень, очень длинный. Они шли безконечно долго. Рита старался все запомнить — и не видѣлъ ничего. У него стучало сердце, онъ боялся обморока, хотя никогда въ жизни въ обморокъ не падалъ. Окна въ домахъ двора были вездѣ открыты, слышались голоса, гдѣ-то смѣялись, гдѣ-то играли на гармоникѣ. «Если-бъ они знали!» — думалъ Витя, представляя себѣ картину взрыва, страшный грохотъ, стѣны, рушащіяся, какъ въ послѣднемъ дѣйствіи «Самсона и Далилы», крики, окровавленные, разорванные тѣла... Они поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ. Браунъ открылъ ключемъ дверь. Витя собралъ всѣ силы и со спокойнымъ видомъ, на цыпочкахъ, вошелъ въ квартиру. Въ большой комнатѣ съ открытыми окнами и спущенными бѣлыми шторами чѣмъ-то слегка пахло, Витя узналъ ѣдкій запахъ азотной кислоты, и почему-то поразовался, что узналъ его. «Гдѣ же это?» — спрашивалъ онъ себя.

— Да здѣсь очень уютно, — сказалъ онъ, беззаботно улыбаясь.

— Очень уютно, — подтвердилъ Браунъ, глядя на него съ усмѣшкой.

Въ комнатѣ въ самомъ дѣлѣ на видъ не было ничего страшнаго. На большомъ столѣ стояли вѣсы, коробки съ разновѣсками, стеклянная посуда, разныя банки и бутылки. На низкомъ табуретѣ въ кадкѣ съ водой былъ укрѣпленъ большой сосудъ, а надъ нимъ воронка. Рядомъ стояло ведро.

— Вотъ тутъ и изготовляютъ нитроглицеринъ, — объяснилъ Витѣ Браунъ. — Реакцію знаете? Дѣйствуютъ медленно смѣсью азотной и сѣрной кислотъ на глицеринъ. Ну, да вы къ этому отношенія имѣть не будете. На воен-

ныхъ заводахъ изготовленіе нитроглицерина операція очень простая и безопасная... А при этихъ милыхъ приспособленіяхъ, если дать температурѣ немного подняться, то нетрудно взлетѣть на воздухъ со всѣмъ домомъ.

— Да, конечно, — отвѣтилъ Витя и засмѣялся. Онъ сейчасъ же, впрочемъ, подумалъ, что смѣяться было лишнее. Браунъ все ему показаль, объяснилъ, что нужно дѣлать, затѣмъ велѣлъ повторить. Витя однако повторить не могъ: онъ ничего не слышалъ. Браунъ опять усмѣхнулся и терпѣливо объяснилъ все вторично. На этотъ разъ Витя съ усиліемъ вслушался, боясь разсердить своего начальника, — онъ очень его боялся, — и повторилъ все правильно.

— Отлично, — похвалилъ его Браунъ. — Итакъ вотъ вамъ ключъ отъ квартиры. Завтра вы придете сюда уже одинъ, въ девять часовъ утра, и все это сдѣлаете. Ваша работа, какъ видите, совершенно безопасна. Пока безопасна, — подчеркнулъ онъ. — Теперь вы можете идти, а я останусь здѣсь. Запомните хорошо дорогу во дворъ: спрашивать, разумѣется, никого ни о чемъ не надо.

Весь этотъ день Витя провелъ дома въ необыкновенномъ волненіи. Вступая въ организацію, онъ никакъ не ожидалъ, что ему придется работать въ динамитной лабораторіи. Витя и гордился возложеннымъ на него дѣломъ, и испытывалъ мучительную тревогу, которой не съ кѣмъ было подѣлиться. Въ гостиной слышались голоса. У Муси сидѣлъ Клервилль. «Если-бъ они знали!» — думалъ Витя. Внезапно ему пришло въ голову, что, въ случаѣ провала организаціи, слѣдствіе отъ него легко можетъ направиться къ Мусѣ, къ Николаю Петровичу. Эта мысль его ужаснула. — «Что же дѣлать?» — въ отчаяніи спрашивалъ онъ себя. «Отказаться? Это немыслимо, это былъ бы позоръ на всю жизнь! Я вѣдь самъ искалъ работы... Съѣхать отсюда? Куда же? И денегъ нѣтъ, и бумагъ... Допустимъ, они дадутъ мнѣ и деньги, и бумагу, но какъ же я могу съѣхать? Вѣдь это значитъ вызвать разспросы, переполохъ въ домѣ, не пустять!.. Притомъ что же это измѣ-

нить? Развѣ слѣдствіе не обнаружить, гдѣ я жилъ до того? А папа!.. Но какъ же онъ могъ меня привлечь, зная все это?» — въ ужасѣ спрашивалъ себя Витя, разумѣя Брауна. — «Да, ему не до того!.. Онъ самъ рискуетъ головою, и не можетъ обо всемъ этомъ думать... Это было мое дѣло... Я не ребенокъ и долженъ былъ знать, на что иду»... Витя провелъ ночь почти безъ сна, — все боялся проспать. Онъ такъ ничего и не придумалъ. Мусъ онъ объявилъ, что Браунъ устроилъ его на практическія занятія въ одну лабораторію. Объясненіе не отличалось правдоподобіемъ, — былъ іюнь мѣсяцъ. Но Муся не слишкомъ входила въ занятія Вити и была очень рада, что заставила его учиться.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два мѣсяца Витя ежедневно по утрамъ бывалъ въ лабораторіи и готовилъ все, что требовалось. Въ двѣнадцать часовъ приходилъ Браунъ и отпускалъ его домой. Больше Витя ничего не зналъ и никого не видалъ изъ членовъ организаціи. Онъ не такъ представлялъ себѣ заговоры. Работа шла гладко, къ опаснымъ операціямъ Витя не допускался. Ему трудно было привыкнуть къ мысли, что взрывчатое вещество чудовищной силы изготовляется изъ безобидныхъ продуктовъ и онъ въ первый день прикасался къ банкѣ съ глицериномъ съ такимъ видомъ, точно съ минуты на минуту ожидалъ взрыва, — Браунъ, глядя на своего помощника, не могъ сдержать улыбки. Потомъ Витя привыкъ и даже кислоты переливалъ бойко, безъ воронки, такъ что у него на рукавахъ, несмотря на нейтрализацію амміакомъ (это Витя зналъ еще съ училища), появились красныя пятна. Къ взрывчатымъ веществамъ Витя собственно почти не имѣлъ отношенія. Браунъ всегда производилъ нитрованіе самъ, отпустивъ предварительно Витю. Это немного задѣвало самолюбіе Вити, однако онъ всякій разъ вздыхалъ съ облегченіемъ, когда покидалъ страшную комнату, и даже на лѣстницѣ ускорялъ шаги, чтобы поскорѣе отойти подальше.

Витя исхудалъ и поблѣднѣлъ отъ вѣчной тревоги, отъ

нервного напряженія. Дома всё это замѣчали и приписывали недостаточно разнообразному питанію, въ Петербургѣ лѣтомъ голодъ очень усилился. Дурной видъ былъ почти у всѣхъ. Спалъ Витя очень плохо. Ему снился по ночамъ нитроглицеринъ, его преслѣдовали кошмары. Мысль объ отцѣ и Мусѣ мучила Витю безпрестанно. Онъ самъ не знаетъ, считать ли себя героемъ или преступникомъ.

Какъ-то разъ, довольно поздно вечеромъ, Муся съ рѣшительнымъ видомъ вошла въ комнату Вити. Онъ уже лежалъ въ постели и читалъ «Vingt ans après», — такія книги теперь придавали ему бодрости. Въ рукахъ у Муси была поднось съ двумя стаканами молока. Она поставила поднось на столикъ и заявила Витѣ, что отнынѣ онъ будетъ каждый вечеръ пить молоко: такъ совершенно невозможно, всё говорятъ, что у него ужасный видъ. Глаша обѣщала доставать каждый вечеръ два стакана.

Витя вдругъ, къ удивленію Муси, потушилъ свѣтъ, — чтобы скрыть слезы. «Если-бъ она знала!» — опять подумалъ онъ въ отчаяніи. «Нѣтъ, что если я на нее навлеку бѣду!..»

— Что за шутки! Зажги сейчасъ лампу и выпей молоко, оба стакана, слышишь? — сказала Муся.

Витя взялъ руку Муси и поцѣловалъ. Это у нихъ было не въ обычаѣ. Муся въ недоумѣніи на него смотрѣла. Свѣтъ изъ открытой двери падалъ на подушку. Витя отвернулся къ стѣнѣ. Муся нагнулась къ нему и поцѣловала его въ лобъ. Она не замѣтила его слезъ, однако ею овладѣла смутная тревога.

— Еще заболѣешь! — сказала она. — Только этого не хватало. Ну, спокойной ночи, голубчикъ. Такъ выпей же молоко.

«Что это съ нимъ такое въ послѣднее время?.. Вѣрно, все думаетъ о Николаѣ Петровичѣ... Или меня ревнуетъ? Нѣтъ, онъ, кажется, уже не такъ въ меня влюбленъ... Или это его растрогало, что молоко дорого стоитъ? Какой

смѣшной!..» — Муся улыбунулась и съ легкимъ вздохомъ прошла въ ванную комнату.

«Но какъ же на войнѣ?—думалъ Витя, разсѣянно вынимая разновѣски изъ углубленій коробки и вкладывая ихъ назадъ. — «Люди уходятъ на войну, не считаясь съ тѣмъ, есть ли у нихъ родители, невѣсты, жены... Я въ пятнадцать лѣтъ хотѣлъ убѣжать на фронтъ, меня не пустила, а вѣдь то было лучше, чѣмъ это... Тамъ по крайней мѣрѣ не было слѣжки, ненависти, укрывательства, тайны... Но что же теперь дѣлать?.. Разумѣется, Браунъ не можетъ заботиться обо всемъ этомъ... Для него Муся и папа значатъ не больше, чѣмъ жильцы этого дома, которые тоже безъ всякой вины взлетятъ вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ, если онъ забудется на нѣсколько минутъ и дастъ температурѣ подняться до 40 градусовъ... Нѣтъ, онъ замѣчательный человѣкъ»... — Витя искренно восхищался хладнокровіемъ, спокойствіемъ Брауна, его экспериментальнымъ искусствомъ: работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ. — «Конечно, онъ воспользовался минутой, привлекая меня въ организацію... Онъ не интересовался ни моими мыслями, ни моимъ положеніемъ, а сыгралъ на самолюбіи, можетъ, даже на томъ, что я въ тотъ вечеръ выпилъ коньяку, — тогда, когда мы съ ней поцѣловались... Нѣтъ этого онъ не зналъ... Но онъ и не обязанъ былъ входить въ мою душу... Мы работаемъ для освобожденія Россіи... Однако, кто же это мы и что собственно они хотятъ сдѣлать? Вѣдь совѣтъ народныхъ комиссаровъ теперь въ Москвѣ... Все-таки странно было бы погибнуть, не зная даже того, что замышлялось организаціей»...

Витя въ эти два мѣсяца, постоянно думая надъ дѣломъ, сталъ ко многому относиться критически. Ихъ задание заключалось въ томъ, чтобы въ кратчайшій срокъ приготовить возможно большее количество нитроглицерина. По словамъ Брауна, изъ этого нитроглицерина изготовлялся особый видъ динамита, называемый взрывчатой желати-

ной. Витя догадывался, что Браунъ принимаетъ участіе и въ работѣ по изготовленію желатины. «Не проще ли было бы однако готовить все въ одномъ мѣстѣ... Какой смыслъ ему перевозить нитроглицеринъ съ ежеминутнымъ рискомъ взрыва?.. Или это тоже дѣлается изъ предосторожности: одна лабораторія хорошо, а двѣ лучше? Или меня не хотятъ знакомить съ другими?.. Вѣрно, тамъ у нихъ какіе-нибудь юнкера и начиняютъ снаряды? Но что же это за организація, если она не можетъ связаться въ такое время съ военными кругами и достать снаряды въ готовомъ видѣ? И неужели нельзя было изготовлять нитроглицеринъ на какомъ-нибудь заводѣ, а не здѣсь, при этой кадкѣ съ водой?.. Ну, хорошо, допустимъ, а дальше что?» — мысленно спрашивалъ онъ. — «Вѣдь изъ нашего нитроглицерина изготовили достаточно динамита, почему же о нихъ ничего не слышно? И какая собственно мы организація? Та ли, которую Никоновъ тогда называлъ Федосьевской?.. Неужели однако во главѣ организаціи стоитъ такой человекъ, какъ Федосьевъ, котораго, я помню, всѣ ненавидѣли?..»

За нѣсколько времени до того, на квартирѣ Кременецкихъ шелъ разговоръ о большевикахъ, объ ихъ неминуемомъ близкомъ паденіи, о подпольныхъ организаціяхъ, что-то подготавливавшихъ по борьбѣ съ совѣтской властью: не то возстаніе, не то террористическія дѣйствія. Объ этихъ организаціяхъ тогда говорили открыто всѣ.

— Теперь, друзья мои, — сказалъ Никоновъ, — въ Петербургѣ заговорщикъ каждый третій человекъ старше шестнадцати и моложе восьмидесяти лѣтъ. И удивительное дѣло: это, повидимому, знаютъ всѣ, кромѣ ихней Чрезвычайной Комиссіи. За что-жъ ей платятъ деньги?

Витя съ несказанной радостью услышалъ слова Никонова: значить, и многіе другіе были въ такомъ же положеніи, какъ онъ.

— Ну, и слава Богу, что такъ! — сердито отвѣтилъ князь Горенскій.

— Слава Богу, что есть еще люди и группы, которымъ дорога свобода Россіи, — подтвердила Глафира Генриховна.

— Ужасно только много этихъ группъ, товарищъ Глафира, и удивительно онѣ болтливыя группы. Вотъ теперь, я слышалъ, на защиту свободы Россіи поднялся самъ Федосьевъ, -- помните такого? Онъ какъ въ воду канулъ въ первые же дни свѣтлаго февраля. Оказывается, живъ курилка!.. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ юнкеръ — ему вѣрно лѣтъ семнадцать — на дняхъ подъ строжайшимъ, разумеется, секретомъ, сообщилъ, что онъ входитъ въ конспиративную Федосьевскую организацію. Ей Богу!..

— Какъ фамилія этого юнкера?—освѣдомился вскользь Горенскій. Никоновъ съ любопытствомъ на него посмотрѣлъ.

— Такъ я вамъ и сказалъ! Кто васъ знаетъ, Ваше Сіятельство, можетъ, и вы входите какъ разъ въ эту самую организацію? Еще предадите моего юнкера военно-полевому суду и приговорите его къ общественному порицанію? А я потомъ терзайся за него угрызениями совѣсти! Нѣтъ, ищите сами.

Витѣ показалось, что на лицѣ у Горенскаго мелькнуло неудовольствіе. «Можетъ, правда, и князь куда-нибудь входитъ?.. Милый князь!» -- опять съ радостью подумалъ онъ.

— Да что мой юнкеръ! — продолжалъ Никоновъ, — развѣ онъ одинъ? И если-бъ только мальчишки! А то теперь всѣ, какъ по моднымъ клубамъ, расписались по конспиративнымъ боевымъ организаціямъ. Всѣ сановники стали террористами. Я слышалъ, наприимѣръ, что существуетъ какой-то правый центръ.. Если есть правый, то, вѣрно, есть и лѣвый, правда? А можетъ, есть и центральный центръ, а? Политическая геометрія у насъ всегда была со странностями. Кромѣ центровъ, есть еще разные «кресты», эти больше разноцвѣтные: «Синій крестъ» или нѣтъ, ка-

жется, «Бѣлый» или «Розовый», не помню... Потомъ Лиги, не забывайте о лигахъ... Напримѣръ, «Лига личнаго примѣра»... Говорять, прекраснѣйшая лига, не знаю только, чего они подаютъ примѣръ, не слыхалъ... А то есть еще союзы... Въ «Союзѣ Защиты Родины и Свободы» и въ «Союзѣ Защиты Учредительнаго Собранія» я самъ, кажется, состоялъ. Честное слово, два раза былъ на конспиративнѣйшемъ собраніи, въ мѣстахъ мало замѣтныхъ, — въ Училищѣ Правовѣдѣнія и въ Городской Думѣ, — это чтобъ лучше замести слѣды.

— Больше не состоите? — спросила, смѣясь, Муся.

— Кажется, нѣтъ. Не то я больше не состою, не то союзъ больше не состоитъ. Уже защитили и родину, и свободу, и Учредительное Собраніе.

— Не понимаю, надъ чѣмъ вы смѣетесь? — сердито пожимая плечами, сказалъ князь. — Русская манера смѣяться надъ самимъ собою!

— Я, во-первыхъ, нисколько не смѣюсь, а, во-вторыхъ, нельзя не смѣяться, дорогой мой, потому что все нужно дѣлать умѣючи, да, князь!.. А кромѣ того, вы знаете мое убѣжденіе: народъ съ ними. Это печально, но фактъ.

— Простите, это не фактъ, а ваше голословное утвержденіе. А вотъ выборы въ Учредительное Собраніе, это дѣйствительно фактъ: народъ русскій высказался противъ большевиковъ.

— Да мнѣ до выборовъ нѣтъ никакого дѣла. Вчера голосовали за эсъ-эровъ, а завтра, можетъ, будутъ голосовать за черносотенцевъ.

— Помилюйте, что-нибудь одно!.. Надо же, Григорій Ивановичъ, имѣть хоть тѣнь логики...

— Народъ ихъ ненавидитъ, — вмѣшалась Глафира Генриховна. — Если-бъ вы знали, какія рѣчи теперь идутъ въ хвостахъ... Вчера, напримѣръ, я слышу... Впереди меня стоитъ баба, простая баба... И вотъ...

Завязался обычный разговоръ.

Ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ. Витя вздрогнулъ, затѣмъ вздохнулъ спокойнѣе. «Какъ часы, аккуратень», — подумалъ онъ, выходя въ переднюю. Браунъ ласково съ нимъ поздоровался, тщательно заперъ за собою дверь и попробовалъ, хорошо ли закрыта. Затѣмъ, положивъ на стулъ свѣтлыя перчатки и соломенную шляпу, онъ вошелъ въ лабораторію.

— Все приготовили, Яценко?

— Кажется, все, Александръ Михайловичъ.

— Надо не кажется, а навѣрное. Ледъ принесли? Удѣльный вѣсъ провѣрили? Кислотная смѣсь готова?

— Да... Вотъ записано...

Браунъ заглянулъ въ тетрадку.

— Отлично... Никто не обратилъ на васъ вниманія, когда вы тащили ледъ?

— Никто, Александръ Михайловичъ. И притомъ теперь такъ жарко, многіе носятъ ледъ.

— Это вѣрно. Ну-съ, вы можете идти.

— Александръ Михайловичъ, что жъ вы меня всегда прогоняете? — сказалъ Витя беззаботно. — Разрѣшите мнѣ остаться при нитрованіи.

— Нѣтъ, вы мнѣ для этого не нужны.

— Но надо же мнѣ хоть разъ видѣть, какъ готовится нитроглицеринъ?

— Совсѣмъ не надо. Самообразованіемъ вы займетесь позднѣе. А если при этихъ штучкахъ произойдетъ взрывъ, — сказалъ Браунъ, показывая на кадку съ водой, — то затѣмъ же лишнему человѣку погибать безъ всякой пользы? Добавлю, что выдѣляющіеся при нитрованіи газы очень вредны для молодого организма, какъ вашъ.

— Позвольте вамъ сказать, Александръ Михайловичъ, что я сюда пришелъ не для поправки организма... Согласитесь, что другой рискъ серьезнѣе. Если они сюда нагрянутъ, то и вамъ, и мнѣ одинъ конецъ: на веревкѣ ботаться, — равнодушнымъ тономъ сказалъ Витя: «веревку» онъ пустилъ для эффекта.

Браунъ засмѣялся.

— На веревкѣ мы болтаться не будемъ. Если мы будемъ вести себя осторожно, то они сюда нагрянуть не могутъ: квартира, я знаю, законспирирована прекрасно. Я говорилъ вамъ много разъ, что твердо рассчитываю на вашу осторожность. Вы юноша умный... Ну, а если нагрянуть, то до веревки, навѣрно, дѣло тоже не дойдетъ.

— Такъ до разстрѣла, не все ли равно?

— Не дойдетъ и до разстрѣла. Въ этомъ случаѣ я непремѣнно доставлю себѣ удовольствіе: взорвусь на воздухъ вмѣстѣ съ гостями. «Умри, душа моя, съ филистимлянами», — медленно сказала Браунъ. — Я прекрасно понимаю ваше душевное состояніе, — добавилъ онъ, помолчавъ. — Повѣрьте мнѣ, я поручилъ вамъ работу, на которой вы сейчасъ можете быть всего полезнѣе. Не скрываю, мною отчасти руководили и другія соображенія. Если-бъ я ввелъ васъ въ какую-нибудь десятку, — онъ съ насмѣшкой подчеркнул это слово, — вы имѣли бы всѣ шансы погибнуть... Теперь вездѣ эти десятки, и набираются онѣ съ бору да съ сосенки. Нѣтъ ничего легче, какъ наткнуться на предателя. Между тѣмъ теперь о васъ знаютъ только два человѣка: я и глава организаціи, лицо вполне надежное.

— Я очень вамъ благодаренъ, Александръ Михайловичъ, — съ большимъ душевнымъ облегченіемъ сказалъ Витя. — Но вѣдь все-таки забота о моей безопасности не главное...

— Я заботился и о себѣ. Повѣрьте, я не всякаго члена организаціи пригласилъ бы сюда въ эту квартиру. Въ васъ я совершенно увѣренъ... Ну-съ, ладно, мы разболтались. Дѣлайте, мой милый, то, что я говорю. Совѣтую вамъ пойти погулять на острова... И гуляйте съ такимъ видомъ, точно у васъ и не думаютъ скрести на души кошки... Да, вотъ что, все забываю... Вѣдь я вамъ до сихъ поръ не платилъ денегъ.. У васъ вѣрно нѣтъ, отчего же вы мнѣ не напомнили?

— Миѣ не надо, — сказалъ Витя. Деньги ему были очень нужны, но онъ предпочелъ бы работать въ организаціи бесплатно.

— Какъ не надо? — сказалъ Браунъ. — Намъ съ вами, заговорщикамъ, деньги всегда нужны. — Онъ вынулъ изъ бокового кармана нѣсколько пачекъ ассигнацій въ бумажныхъ оклейкахъ, бѣгло взглянулъ на нихъ и протянулъ одну Витѣ. — Возьмите.

— Этого слишкомъ много!

— Не знаете, сколько денегъ въ пачкѣ, а говорите — слишкомъ много. Здѣсь всего тысяча рублей... У насъ молодымъ людямъ платятъ, кажется, пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ, а вы у меня работаете два мѣсяца. Смотрите, всегда носите деньги при себѣ. Если со мной случится несчастье, — хоть я этого не думаю, — поступите именно такъ, какъ я вамъ указалъ, и притомъ не откладывая ни на минуту: тогда — бѣжать, бѣжать и бѣжать.

Въ передней раздался звонокъ. Оба вздрогнули. Витя поблѣднѣлъ. Браунъ удивленно поднялъ брови и вынулъ изъ кармана браунингъ.

Онъ вышелъ на цыпочкахъ въ переднюю, и, неслышно подойдя къ двери, повернулся къ ней бокомъ, приложивъ къ уху руку.

— Это я, — произнесъ за дверью негромкій голосъ.

— Фу, ты, чортъ! — пробормоталъ Браунъ. Онъ спрятавъ револьверъ и открылъ дверь.

Вошелъ Федосьевъ.

Витя съ изумленіемъ на него уставился. Онъ тотчасъ догадался, что это глава организаціи. «Кажется, правда, Федосьевъ», — подумалъ онъ, вспоминая фотографію, которую когда-то видѣлъ въ «Нивѣ» или въ «Огонькѣ». Федосьевъ, здороваясь съ Брауномъ, окинулъ Витю подозрительнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ.

— Вы можете идти, -- обратился къ Витѣ Браунъ. — Такъ до завтра.

— До завтра, Александръ Михайловичъ, — сказалъ заторопившись, Витя.

Х.

— Ужъ не случилось ли что? — спросилъ Браунъ, закрывъ дверь за Витей и снова ее попробовавъ.

— Нѣтъ, ничего... Это и есть тотъ вашъ помощникъ, о которомъ вы мнѣ говорили?

— Ну да, кто же другой? — нетерпѣливо отвѣтилъ Браунъ. — Вы все-таки предупреждали бы меня о своихъ визитахъ, Сергѣй Васильевичъ. Я какъ разъ ему говорилъ, что въ случаѣ появленія неожиданныхъ гостей непремѣнно взорву домъ.

— Хорошо сдѣласте, — равнодушно отвѣтилъ Федосьевъ. — Какъ бы не пришлось сдѣлать это очень скоро... Можно сѣсть на этотъ табуретъ? Онъ не взорвется?

— шутиливо спросилъ Федосьевъ, сядя и съ любопытствомъ глядя по сторонамъ. — Собственно почему вы такъ довѣряете этому молодому человѣку?

— Мнѣ необходимъ помощникъ, безъ него все мое время уходило бы на чисто механическую работу. Надъ было кому-нибудь довѣриться, а этотъ юноша вышелъ изъ среды, въ которой ждать предательства гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Какъ я вамъ говорилъ, онъ сынъ слѣдователя Яценко... Или вамъ онъ не внушаетъ довѣрія?

— Ужъ очень пріятное, открытое лицо. Я знаю по долгому опыту: если у человѣка лицо дышитъ внутреннимъ благородствомъ, если онъ говоритъ съ подкупающей искренностью (Федосьевъ подчеркнуть эти слова), то это въ лучшемъ случаѣ интриганъ, въ среднемъ — жуликъ, въ худшемъ — предатель. — Онъ засмѣялся. — Но нѣтъ правила безъ исключеній.

Вашъ-то помощникъ въдобавокъ еще совсѣмъ мальчикъ... Дай вамъ Богъ не ошибиться... Плохо наше дѣло, Александръ Михайловичъ, — со вздохомъ сказалъ онъ.

— Вѣдь вы говорите, ничего не случилось?

— Ничего не случилось, но я чувствую, что дѣло идетъ скверно. Начать съ того, что расплодилось слишкомъ много заговоровъ, и всѣ они дѣтскіе... Сами не работаютъ, а другимъ только мѣшаютъ. Проклятая романтика черныхъ плащей!.. — зѣвнувъ, сказалъ онъ. — А между тѣмъ большевистская полиція дѣлаетъ сказочные успѣхи. Меня просто профессиональная зависть мучитъ, la jalousie de métier. Еще мѣсяца три тому назадъ у нихъ не было ровно ничего, прямо подъ носомъ можно было конспирировать. Теперь дѣло измѣнилось. Они совершенно правильно все поставили на внутреннемъ освѣщеніи, на провокаторахъ и на предателяхъ.

— А у васъ на что ставили?

— У насъ было и это, но главное было все же въ наблюденіи со стороны и сверху. Мы, какъ ни какъ, строились на вѣка и потому не могли систематически, пачками, развращать людей. Они же о вѣкахъ не думаютъ, но именно это, въ предѣлахъ небольшого срока, сообщаетъ ихъ системѣ силу огромную, почти непреодолимую.

— Все-таки для чего вы пожаловали сюда, Сергѣй Васильевичъ. — Вѣдь не для соціологическихъ споровъ, я думаю?

— Вотъ для чего я пожаловалъ и вотъ что я вамъ скажу: англичане ведутъ себя какъ послѣдніе дураки, чтобъ не сказать, Боже избави, хуже. Намъ денегъ не даютъ, все хотятъ дѣлать сами. Мы, молъ, не знаемъ, что нужно дѣлать, а они знаютъ. Вотъ и этотъ Клервилль передъ вами пѣлъ Лазаря: надо, молъ, посмотрѣть, да надо сообразить, да надо подумать, да что, да какъ, да зачѣмъ? А въ Москвѣ ихъ представитель затѣялъ глупѣйшую игру: готовить военный переворотъ, подкупаетъ войскія части и дѣлаетъ все это такъ необыкновенно искусно, что, по моимъ

свѣдѣніямъ, каждый его шагъ извѣстенъ Чрезвычайной Комиссіи!.. Говорятъ, будто въ ихъ посольствѣ сосредоточены «всѣ нити переворота». Ужъ я не знаю, что это за нити, а только эти господа чрезмѣрно разсчитываютъ на дипломатическую неприкосновенность... Боюсь, что къ нимъ не сегодня-завтра прикоснутся... Сами, можетъ быть, и выйдутъ сухи изъ воды, а другихъ въ этой водѣ потонетъ много...

— Такъ чего же вы хотите?

— Вотъ чего. Скажите вы, не откладывая, вашему другу Клервиллю... Ему вѣрно кажется, что налетъ на англійское посольство есть вещь столь же невозможная въ мірѣ, какъ захватъ грабителями луны или непріятельское вторженіе на Юпитеръ... Увѣрьте вы его, пожалуйста, что это не совсѣмъ такъ... Не скрою, мнѣ весьма безразлично, что случится со всѣми этими Клервиллями... Пропали онъ и пропадомъ, наши доблестные союзники! Изъ-за нихъ погибла Россія! — съ внезапно прорвавшейся злобой сказалъ Федосьевъ. — Но если въ посольствѣ найдутъ русскихъ, если тамъ обнаружатъ эти самыя «нити», то и наше дѣло будетъ сорвано, и, послѣдствія могутъ быть ужасны... *) Можете ли вы объяснить ему это поубѣдительнѣе?

— Постараюсь.

— Пожалуйста... Теперь другое... Горе мое вашъ князь Горенскій! — со вздохомъ сказалъ Федосьевъ. — Мнѣ сообщили, что онъ ведетъ себя крайне неосторожно. Ужъ

*) Пишущему эти страницы извѣстно, что англійскіе военные агенты предупреждались въ іюлѣ и августѣ 1918 г., изъ круговъ русскихъ заговорщиковъ того времени, о возможности большевистскаго налета на британское посольство (намекъ на это есть и въ иностранной мемуарной литературѣ). Предупрежденія вѣры не встрѣтили. Арестъ Локкарта и захватъ посольства по времени совпали съ убійствомъ Урицкаго и покушеніемъ Доры Капланъ. Вслѣдъ за этимъ начался терроръ и массовые разстрѣлы.

О найденной въ британскомъ посольствѣ «компрометирующей перепискѣ» глухо сообщали въ торжествующемъ тонѣ «Извѣстія» въ номерѣ 3 сентября 1918 года Авторъ.

я не знаю, въ какую организацію онъ входитъ, но съ нами вы его связали совершенно напрасно. Это на вашей совѣсти. Я, признаться, и не думалъ, что вы будете такъ усердны... Какой толкъ отъ князя Горенскаго?

— Такой же, какъ отъ всѣхъ. Горенскій связанъ съ большой офицерской группой.

— Охъ, ужъ эти офицерскія группы.

— Однако вести войну безъ офицеровъ трудно. Я, напротивъ, въ послѣднее время убѣдился, что самые цѣнные и надежные работники въ Россіи именно офицеры... Организация Горенскаго переправляетъ своихъ людей на югъ.

— Вотъ бы хорошо, если-бъ она туда переправила и Горенскаго. На Донъ, въ Крымъ, къ гетману, куда угодно. Я всѣмъ радъ сдѣлать этотъ цѣнный подарокъ. Болтливъ, вспыльчивъ, невнимателенъ, всѣ свойства для конспираціи мало подходящія. Скажите ему, ради Бога, чтобы онъ былъ осторожнѣе... Вѣдь если за нимъ слѣжка, то онъ наведетъ ее и на насъ... Можетъ быть, уже навелъ.

— У васъ есть основанія такъ думать?

— Основаній пока нѣтъ... [Притомъ, что же это, наконецъ, такое, Александръ Михайловичъ? — со злобой сказалъ Федосьевъ. — Что онъ за ерунду несетъ о новой войнѣ съ Германіей, о новомъ фронтѣ чуть ли не на Уралѣ. Вѣдь это курамъ на смѣхъ! Какая теперь война съ Германіей? Какой фронтъ? Какой Уралъ? Вѣдь онъ это не союзникамъ рассказываетъ. Какъ же ему не стыдно!

— Мы условились съ вами о высокой политикѣ пока не говорить, — сухо сказалъ Браунъ. — Тамъ видно будетъ.

— Но вѣдь этакой высокой политикой можно погубить все дѣло! Кому теперь охота воевать съ Германіей?

— Тогда ставьте вопросъ шире: кому теперь вообще охота воевать, съ кѣмъ бы то ни было и за что бы то ни было?.. Очень можетъ быть, все это второй крестовый походъ... Вы помните, какъ кончился второй крестовый походъ?

— Понятія не имѣю... Ничѣмъ вѣроятно, какъ и другіе?

— Хуже. Уцѣлѣвшіе крестоносцы приняли Исламъ.

— Насчетъ себя я спокоенъ.

— Я тоже.

— Какъ у васъ идетъ работа?

— Хорошо. За мной дѣло не станетъ.

— За другими можетъ стать, — сказалъ, зѣвая, Федосьевъ. — Усталъ я... Гдѣ же вашъ нитроглицеринъ, покажите.

— Сейчасъ начинаю реакцію. Хотите взглянуть?

— Да, любопытно бы... Меня столько разъ пытались взорвать динамитомъ.

— Съ вашей стороны просто долгъ вѣжливости отвѣтить тѣмъ же.

Они точно осуждены были говорить другъ съ другомъ въ ироническомъ тонѣ, хоть тонъ этотъ порядкомъ надоелъ обоимъ. Разъ навсегда взятая привычка была теперь сильнѣе ихъ воли.

Браунъ перелилъ жидкость въ воронку съ краномъ, укрѣпленную надъ сосудомъ, и подбавилъ льда въ кадку.

— Вотъ видите, это очень просто, — сказалъ онъ. — Здѣсь у меня смѣсь азотной и сѣрной кислоты. При взаимодействіи съ глицериномъ образуется нитроглицеринъ. Реакція сопровождается разогрѣваніемъ смѣси и приходится постоянно охлаждать сосудъ: градусахъ при тридцати уже начинаютъ появляться красные пары, а если температура выше, то взрывъ почти неизбеженъ. Ну вотъ, я приступаю.

Онъ повернулъ кранъ воронки и пустил тоненькую слабую струю, перемѣшивая стеклянной палочкой жидкость въ сосудѣ. Федосьевъ съ любопытствомъ молча слѣдилъ за операціей.

— Образовавшійся нитроглицеринъ отдѣляютъ въ воронкѣ, — говорилъ Браунъ, то закрывая, то открывая кранъ и все время перемѣшивая жидкость. — Затѣмъ про-

мываютъ и сушатъ. Въ чистомъ видѣ онъ довольно устойчивъ и безопасенъ... Вотъ только голова болитъ отъ его паровъ...

— Что же вы дѣлаете?

— Теперь немного привыкъ... Помогаетъ очень крепкое кофе.

— А, это по моей части, я любитель... Помните, какимъ кофе я васъ угощалъ?

— Помню... Прекрасное было кофе.. — Онъ подлилъ жидкости въ воронку, вынулъ опущенный въ смѣсь длинный термометръ и снова повернулъ кранъ. — Правда, простая вещь? Если-бъ охлажденіе и перемѣшиванье можно было регулировать, опасность очень уменьшилась бы.

— А сейчасъ есть опасность?

— Маленькая...

— Можетъ, лучше васъ не развлекать разговорами?

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе. Я слѣжу за реакціей внимательно.

— На недостатокъ самообладанія вы не можете пожаловаться.

— Держу себя въ рукахъ.

— Вамъ вѣрно часто случалось работать съ опасными веществами? Съ ядами, напримѣръ?

— Нельзя сказать, чтобы много, но случалось, — улыбаясь, отвѣтилъ Браунъ. Онъ опять вынулъ изъ жидкости термометръ, взглянулъ на него и чуть усилилъ струю. — Я даже специально работалъ по токсикологiи.

— Да, вы мнѣ говорили... Помните, тогда въ связи съ дѣломъ Фишера?.. А вы знаете, дочь Фишера заняла теперь у нихъ видное положеніе. Товарищъ Карова, вашъ другъ, гонимый царскими опричниками.

Она всегда была видная.

— Теперь стала еще виднѣе. Говорятъ, ее назначаютъ въ Чрезвычайную Комиссію.

— Неужели? — удивленно спросилъ Браунъ, на мгновеніе отрывая взглядъ отъ сосуда. — Она туда не пойдетъ.

— Отчего не пойти, если велитъ партія? Вѣдь она ду-
рочка... А вотъ будетъ забавно, если она то васъ и раз-
стрѣляетъ?

— Ужъ чего забавнѣе.

— Только вы мнѣ до того, Александръ Михайловичъ,
разскажите исторію этой вашей дружбы, — смѣясь, ска-
залъ Федосьевъ. — Съ ней и съ ея отцомъ, — небрежно
добавилъ онъ.

— Отчего же?... Скажите, Сергѣй Васильевичъ... — онъ
опять взглянулъ на термометръ. — Ого!.. Браунъ быстро
закрывъ кранъ и добавилъ льда въ кадку. — Двадцать во-
семь градусовъ.

— Взорвемся? .

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Вы о чемъ-то спрашивали?

— Да... Я хотѣлъ спросить: у васъ вѣрно всегда бы-
вали навязчивыя идеи?..

— Навязчивыя идеи? Почему?

— Да такъ. Мнѣ иногда кажется, что у васъ должна
быть склонность къ навязчивымъ идеямъ, притомъ къ
весьма страннымъ.

— Не замѣчалъ въ себѣ... Не замѣчалъ...

— А то надо бы лечиться, это опасно... Ну, вотъ дват-
цать пять градусовъ, теперь опять все въ порядкѣ.

— Превосходные у васъ нервы, Александръ Михайло-
вичъ, — сказалъ, помолчавъ, Федосьевъ.

— Нервы плохіе, задерживающіе центры хорошіе.

— Какъ все это однако странно! Все пошло шиворотъ
на выворотъ. Вы работаете со мной, съ матерымъ оприч-
никомъ, противъ революціонеровъ.

— Что жъ дѣлать? Если революціонеры оказались
главными опричниками.

— Значитъ «освободительное движеніе» продолжа-
ется?

— Ну да... Это ничего, что я теперь съ вами. Потомъ,
въ случаѣ надобности, и васъ можно будетъ взорвать.

— Разумѣется. Все дѣло, чтобъ это вошло въ привычку... А я объяснялъ васъ по иному, мудренѣе. Мнѣ казалось, что для васъ эта работа — бѣгство.

— Какое бѣгство? Куда?

— Да отъ себя, отъ своихъ мыслей, отъ своей тоски.

— О, Господи! -- сказалъ, смѣясь, Браунъ. — Какъ же было не погибнуть Россіи, если даже въ начальникъ полиціи сидѣлъ изысканный литераторъ.

Федосьевъ тоже засмѣялся.

— Все-таки я надѣюсь сговориться съ вами и объ освободительномъ движеніи въ будущемъ. Ужъ будто вы такой фанатикъ демократіи?

— Нѣтъ, не фанатикъ. Демократія недурной выходъ изъ нетрудныхъ положеній.

— А положеніе Россіи еще очень долго будетъ труднымъ, -- подхватилъ Федосьевъ. — Для вашего успокоенія мы отведемъ демократіи мѣсто въ самомъ концѣ пьесы. Вродѣ, какъ у Гоголя: когда автору больше ничего не нужно, появляется ревизоръ. Не Хлестаковъ, а настоящий.

— И всѣхъ отдаетъ подъ судъ.

— Это неизвѣстно: я увѣренъ, городничій сговорился и съ настоящимъ ревизоромъ. Поднесъ, вѣрно, ему какого-нибудь щенка... Вотъ и мы демократіи въ концѣ что-нибудь поднесемъ: два-три портфеля, что-ли... Такъ не забудьте же, пожалуйста, сказать Клервиллю и князьку. До свиданья, Александръ Михайловичъ.

— До свиданья... Извините, не провожаю.

— Не взорвитесь только... Это было бы безтактно.

— Постараюсь, чтобы васъ не огорчать.

— Значитъ, послѣзавтра, въ шесть часовъ, тамъ же.

— Послѣзавтра, въ шесть часовъ, тамъ же, — повторилъ Браунъ.

XI.

.....
.....

XII.

Съ первымъ представленіемъ фильма, въ которомъ играла Сонечка, у нея была связана драма: Муся, Глаша, Витя рѣшительно отказались пойти на это представленіе.

Березинъ теперь имѣлъ въ правящихъ кругахъ очень вліятельныхъ покровителей. Его имя не разъ отмѣчалось въ большевистской печати съ похвалами таланту, съ признаніемъ заслугъ. Въ другихъ газетахъ, еще кое-какъ тогда выходившихъ, Березина продернули съ язвительной насмѣшкой. Это и озлобило его, и окончательно толкнуло къ большевикамъ: онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что ему не простятъ, что терять ему больше нечего, и открыто порвалъ со старыми друзьями.

Сценарій фильма былъ составленъ давно. Березинъ только поправилъ еще не сыгранныя сцены. Кинематографомъ въ ту пору мало интересовались въ совѣтскихъ кругахъ. Однако покровители Березина признали, что въ фильмъ хорошо разоблачено духовное убожество старыхъ правящихъ классовъ и въ надлежащемъ свѣтѣ показана ихъ жизнь. На первый спектакль обѣщали явиться важный представитель Народнаго Комиссаріата. Ожидались рѣчи. Билеты были именные, по приглашеніямъ.

— Надо выбирать, Сонечка, мы или они, — твердо говорила Глаша.

— Но чѣмъ же я виновата? — вытирая слезы, спрашивала Сонечка.

— Вы ничѣмъ не виноваты, виноватъ только этотъ господинъ (Глафира Генриховна, вслѣдъ за Горенскимъ, такъ называла теперь Березина). Скажу больше, — смягчившись, прибавила она, — вы, Сонечка, по моему, можете идти на первое представленіе, такъ какъ вы играете въ пьесѣ. Но на насъ, пожалуйста, не рассчитывайте.

— Да, это вѣрно, Сонечка, — сказала Муся, смягчая тономъ смыслъ своихъ словъ. Ей самой очень не хотѣлось

окончательно рвать съ Березинымъ. Она знала однако, что теперь это дѣло конченное.

— Я васъ понимаю, Глаша... Но клянусь вамъ!.. Я говорю, Мусенька, въ нашей фильмѣ ничего такого нѣтъ.. Развѣ я стала бы?.. И неужели ты думаешь, что Сергѣй Сергѣевичъ... — Сонечка совсѣмъ расплакалась.

— Да я ничего такого не думаю, я отлично понимаю, — смущенно и безтолково говорила Муся.

— Главное, дальше не идите, а то съ этимъ господиномъ Богъ знаетъ до чего дойдешь, — добавила Глаша. Муся съ укоромъ и раздраженіемъ на нее взглянула, хотѣла была съ ней согласна.

Сонечка не пошла на первое представленіе фильма: она принесла эту жертву своимъ друзьямъ, инстинктомъ чувствуя, что жертва дастъ ей нѣкоторыя права въ будущемъ. Березину-она, краснѣя, сказала, что была нездорова.

— Страшная мигрень!.. Пролежала цѣлый день въ постели... Ужасъ, какъ болѣла голова!..

Березинъ снисходительно потрепалъ ее по щечкѣ: во время работы надъ фильмомъ они очень сблизились. Сонечка, впрочемъ, съ огорченіемъ видѣла, что Сергѣй Сергѣевичъ вообще не церемонится съ подчиненными ему актерами. Березина не любила въ мастерской, а мелкіе служащіе втихомолку ругали его самыми грубыми словами.

— Знаю я эту мигрень. Милые друзья не пустили, а?

— Клянусь вамъ, Сергѣй Сергѣевичъ...

— Не клянитесь, курочка, а скажите мадамъузель Кременецкой (Березинъ иронически подчеркнул эти слова, онъ былъ очень золъ на Мусю), скажите вы ей, чтобы она приберегла гражданскую строгость для своего папаша. Служить искусству нельзя, да? Строить новую жизнь нельзя? А продавать Россію можно? А за копейку продаваться всякимъ плутократамъ Нещеретовымъ можно?.. И о господинѣ Клервиллѣ тоже ей не мѣшало бы подумать... Внушить бы ему, наприимѣръ, чтобы онъ бросилъ свою шпіонскую работу.

— Сергѣй Сергѣевичъ, что вы!.. Богъ съ вами!..

— Не кудахтайте, Сонечка, я правду говорю. Мнѣ извѣстно, что онъ шпионъ. Какъ бы только не дошло тебѣ у русскаго народа. Да!..

Послѣ перваго спектакля, который сошелъ очень торжественно, фильмъ былъ перенесенъ въ районы. Глаша и Муся первыя заявили Сонечкѣ, что непременно хотятъ ее увидѣть на экранѣ. Общались пойти на районный спектакль и Горенскій, котораго тоже умилила жертва Сонечки (онъ очень ее любилъ, какъ всѣ). Сонечка радостно благодарила друзей. Ей удалось достать пять билетовъ: это было не легко, такъ какъ почти всѣ мѣста раздавались по рабочимъ организаціямъ, клубамъ и просвѣтительнымъ кружкамъ. Билеты были взяты на субботнее дневное представленіе, начинавшееся въ два часа: по вечерамъ выходить было опасно.

Наканунѣ районнаго спектакля, утромъ въ пятницу, 30 августа, въ Петербургѣ былъ убитъ народный комиссаръ Урицкій. Извѣстіе это мгновенно облетѣло столицу, вызывая смятеніе и панику. Мрачные слухи поползли по городу. Говорили, что на улицахъ патрули обыскиваютъ прохожихъ, что по домамъ идутъ массовые обыски, что на вокзалахъ давка: люди бѣгутъ куда попало.

— Теперь опять съ Сонечкой будетъ исторія, — сказала Мусѣ Глафира Генриховна, когда первое волненіе отъ извѣстія нѣсколько улеглось.

— Что еще?

— Да не идти же завтра въ этотъ ея кинематографъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, я и не подумала... Бѣдная Сонечка!

Мусѣ тоже было не до кинематографа. Она безпокоилась, впрочемъ, не о себѣ: Муся была увѣрена, что противъ нея никто ничего не можетъ имѣть; а если-бъ къ нимъ и нагрянули съ обыскомъ, то, какъ невѣсту англій-

скаго офицера изъ военной миссіи, ее тотчасъ отпустили бы на свободу: Клервилль, конечно, этого немедленно добился бы. Что-то въ такой возможности — Вивіанъ спасетъ ея жизнь — даже ласкало воображеніе Муси. Но она волновалась изъ-за другихъ, изъ-за Брауна, Горенскаго, Никонова, въ особенности изъ-за Вити: Муся сердцемъ чувствовала, что съ мальчикомъ происходитъ что-то неладное. Очень беспокоило ее и то, какъ родители узнаютъ о петербургскихъ событіяхъ.

— Воображаю ужасъ папы и мамы, когда они въ Кіевѣ прочтутъ! — сказала она Глашѣ. — Мама отъ страха за меня съ ума сойдетъ.

— Не отъ страха, а отъ угрызений совѣсти, что оставила тебя здѣсь... А Сонечкѣ ужъ ты какъ-нибудь объясни, что теперь неудобно и даже неприлично идти на спектакль.

Объяснить это Сонечкѣ оказалось трудно.

— Ну, да, конечно, это не такъ интересно, — сказала она послѣ первыхъ же словъ Муси, и слезы сразу полились у нея изъ глазъ.

— Сонечка, пойми же, я говорю: отложимъ на нѣсколько дней.

— Нѣтъ, я прекрасно понимаю, что вамъ неинтересно смотрѣть эту фильму... И даже, можетъ быть, непріятно: вѣдь я тоже большевичка, правда?

— Не говори глупостей!.. Я тебѣ повторяю: отложимъ на нѣсколько дней, всего на нѣсколько дней.

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Вы объ меня, кажется, считаете душой... Ты отлично знаешь, чего мнѣ стоило достать мѣста. Развѣ мнѣ опять дадутъ пять билетовъ? Никогда! Это ты, вѣроятно, думаешь, что я у нихъ первое лицо...

— Сонечка, милая, не плачь, я тебѣ объясню...

— Оставь, пожалуйста, я тебя прошу... Мнѣ только жаль, что я такъ хотѣла тебѣ это показать... Чѣмъ я ви-

новата, что кого-то убили! Потомъ еще кого-нибудь убьютъ...

Она зарыдала и убѣжала къ себѣ въ комнату. Муся не рѣшилась туда за ней послѣдовать, да ее немного и раздражилъ дѣтскій эгоизмъ Сонечки.

Позднѣе пришли мужчины — Горенскій и Витя — съ запасомъ свѣжихъ новостей и слуховъ. Новости и слухи были страшные. Однако оба они были очень возбужденны грозной побѣдой террора.

Узнавъ о горѣ Сонечки, князь рѣшительно принялъ ее сторону.

— Отчего же нельзя пойти въ кинематографъ? — сказалъ онъ. — Если вы говорите съ точки зрѣнія безопасности, то теперь, право, вездѣ, а въ кинематографъ въ особенности, гораздо безопаснѣе, чѣмъ дома.

— Да мы совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ, — сказала поспѣшно Глаша, — а потому, что если случилось такое дѣло, то намъ не до развлеченій.

— Этому дѣлу надо радоваться, а юношей этимъ народъ русскій долженъ гордиться!

— Я съ вами согласна.

— Вотъ я это самое имъ все время доказываю, — радостно говорила Сонечка.

Князь остался ужинать. Послѣ ужина онъ шутливо объявилъ, что остался бы и ночевать, если-бъ его пригласили. Это вызвало общую радость. Глаша побѣжала устраивать для Алексѣя Андреевича постель. Муся общалась достать пижаму изъ шкапа Семена Исидоровича. Витя усиленно предлагалъ свою комнату.

— Зачѣмъ въ вашу комнату? Ни за что!

— Мы васъ устроимъ въ спальной папы...

— И въ спальную Семена Сидоровича тоже не хочу, зачѣмъ нарушать порядокъ? Вотъ здѣсь въ столовой поставимъ какой-нибудь диванъ, если есть свободный. Нѣтъ, правда, я не очень васъ всѣхъ стѣсню?

— Страшно всѣхъ стѣсните! Какъ вамъ не совѣстно?

- Сегодня вѣрно половина Петербурга ночуетъ у другой половины.

— И такъ пріятно теперь быть вмѣстѣ... Значить, завтра всѣ вмѣстѣ и пойдемъ въ кинематографъ? — сказала Сонечка.

— Нѣтъ, я завтра рано утромъ долженъ буду уйти: дѣла.

— Какія это теперь могутъ быть у васъ дѣла, Алексѣй Андреевичъ? — спросила вскользь Муся. И она, и Глаша выжидательно смотрѣли съ минуту на князя. — Гдѣ же мы встрѣтимся? Въ залѣ?

— Да, въ залѣ. И заранѣе прошу меня извинить: я, можетъ быть, уйду до конца спектакля.

— Ахъ, нѣтъ!.. Моя послѣдняя сцена передъ самымъ концомъ... Впрочемъ, это, конечно, не важно.

— Напротивъ, Сонечка, это очель важно, въ такомъ случаѣ я останусь до конца, — сказалъ, смѣясь, князь, — но ужъ васъ домой проводить никакъ не смогу.

— Что за церемоніи, вѣдь это днемъ... Насъ проводить Витя.

— Я тоже не увѣренъ, что буду свободенъ, — сказалъ Витя. — Миѣ нужно въ лабораторію.

— Ты ужъ молчи, — набросилась на него Муся, — надоѣла миѣ твоя лабораторія! Я ее выдумала, я съ ней и покончу... На мальчикѣ лица нѣтъ.

— Меня давно интересуеъ: блондинка или брюнетка эта лабораторія? — саркастически освѣдомилась Глафира Генриховна. Всѣ засмѣялись, польщенный Витя тоже.

— Алексѣй Андреевичъ, дорогой, милый, — сказала Сонечка, съ нѣжностью глядя Горенскаго по рукѣ, — значить, я вамъ сейчасъ дамъ вашъ билетъ?.. Да?.. Вотъ онъ.. И помните, начало ровно въ два, лучше даже прійти раньше, а то бываетъ, что тамъ захватываютъ всѣ мѣста.

— Жаль, что нельзя было достать шестой билетъ для Григорія Ивановича, — сказала Муся.

— Ну, съ Никоновымъ идти туда было бы опасно, —

отвѣтила Глаша. — Вѣдь тамъ такая публика, а онъ, шаль-ной, со всѣми спорить и всюду лѣзетъ на скандалъ... Между нами, Григорій Ивановичъ теперь пьетъ немного больше, чѣмъ ему слѣдовало бы. Ужъ не знаю, гдѣ онъ достаетъ водку или денатуратъ, но я очень боюсь, какъ бы онъ не спился.

— Типунъ тебѣ на языкъ! — сказала Муся.

— Мнѣ и самой жаль, я его очень люблю...

— Какъ вы думаете, Алексѣй Андреевичъ, — спросилъ Витя, — а не можетъ ли это событіе отразиться на положеніи заключенныхъ?

— Убіиство Урицкаго? Разумѣется, еще какъ можетъ, — разсѣянно сказалъ князь, не замѣтивъ безпокойнаго взгляда Муси. — Впрочемъ, я не думаю, чтобъ очень отразилось, — спохватился онъ, увидѣвъ измѣнившееся лицо Вити. — Ихъ вѣдь должны интересовать не заключенные, а тѣ, которые гуляютъ на свободѣ... Вотъ мы, грѣшные...

— Поэтому теперь обязанность каждого вести себя очень осторожно, — сказала какъ бы невзначай Муся. — Обязанность не только передъ самимъ собой, но и передъ другими.

— А вы, князь, должны быть особенно осторожны, изъ-за вашего титула, — подтвердила Глафира Генриховна. — Право, вамъ лучше бы всѣ эти дни ночевать у насъ... Вѣдь мы вѣкъ подозрѣнны...

— Конечно, Алексѣй Андреевичъ.

— Повѣрьте, вы насъ ничуть не стѣсните... Кстати, когда вы завтра уходите изъ дому? Въ восемь? Отлично, чай для васъ будетъ готовъ.

— Что вы, помилуйте! Никакого чая мнѣ не нужно.

— Да все равно, я и сама встаю въ это время. Или, можетъ быть, вы пьете кофе? У насъ и кофе есть.

— У насъ все есть.

— Выпьете кофе, закусите и пойдете по вашимъ дѣламъ. А вечеромъ опять, милости просимъ, къ намъ.

XIII.

На слѣдующее утро настроеніе стало еще гораздо тревожнѣе. Изъ Москвы пришло извѣстіе о покушеніи на Ленина. Говорили, что онъ умираетъ. На Мусю это событіе произвело очень сильное впечатлѣніе, въ особенности потому, что на жизнь вождя большевиковъ покушалась женщина.

Идейная женщина, да еще революціонерка, это собственно было самое скучное и не-элегантное, что только могла себѣ представить Муся. У нихъ въ кружкѣ слова эти даже мысленно заключались въ кавычки. Политической дамой еще кое-какъ можно было быть: тоже представлялось скучноватымъ, — такъ *bas bleu* — но салонъ многое выкупалъ, особенно если въ немъ бывали очень видные люди. Московское событіе ударило Мусю по нервамъ; все сразу представилось ей въ иномъ свѣтѣ. Женщина эта (ея имени еще никто не зналъ) шла на страшную смерть навѣрняка. Покушеніе было произведено на большевистскомъ митингѣ, — при такихъ условіяхъ не могло быть и одного шанса изъ тысячи спастись бѣгствомъ. У террористки были всѣ основанія предполагать, что разъяренная толпа тутъ же разорветъ ее въ клочья. Въ противномъ случаѣ ее ждала неминуемая казнь, — быть можетъ, и пытка, о которой со вчерашняго дня ползли по городу глухіе зловѣщіе слухи. «Какіе же нервы должны быть у этой женщины и какъ она могла пойти на такое дѣло!» — содрогаясь, думала Муся.

Въ домѣ всѣ были напуганы. Князь ушелъ изъ дому съ утра, еще до того, какъ они узнали о покушеніи. У Вити лицо стало блѣдно-зеленое, хоть глаза его сіяли торжествомъ, точно онъ самъ убилъ Ленина. Сонечка имѣла видъ виноватый — изъ-за кинематографа. Глаша была очень встревожена и разстроена.

— Надо быть сумасшедшими, чтобы сегодня идти въ какой-то идиотскій кинематографъ! — въ сердцахъ сказала она. — Да насъ и избить тамъ могутъ.

— Что вы, Глаша, — робко возразила Сонечка, — какъ они догадаются, кто мы такіе?

Глафира Генриховна даже на нее не взглянула.

— Скорѣе всего и спектакли будутъ сегодня отмѣнены, если его убили, — сказала нерѣшительно Муся.

— Однако мы условились съ княземъ, что встрѣтимся съ нимъ въ кинематографъ, — замѣтилъ Витя. — Нельзя же его подводить въ самомъ дѣлѣ...

Этого доводъ былъ рѣшающимъ. Кромѣ того нервы у всѣхъ были такъ напряжены, что оставаться дома все равно было бы трудно.

— Теперь они совершенно ошалѣютъ, — сказала Муся. — По моему, теперь...

Послышался звонокъ. Всѣ встрепенулись.

— Вѣроятно, это Маруся, — вполголоса сказала Глафира Генриховна, — она должна была сегодня утромъ принести бѣлье...

Витя открылъ дверь. Маруся вдвинула большую корзину, затѣмъ вошла въ переднюю сама. Ей тоже было извѣстно о покушеніи, но ни она, ни господа не начинали объ этомъ разговора: каждая сторона находилась въ неизвѣстности насчетъ того, какъ относится къ событію другая.

Глафира Генриховна по записочкѣ принимала бѣлье, которое вынимала изъ корзины Маруся.

— Дѣла какія пошли! — наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала Маруся, съ любопытствомъ глядя на барышень. — Что, слышали?

— Да... Слышали, — сдержанно отвѣтила Глаша. — Одна, двѣ, три... Витиныхъ носковъ было четыре пары, четвертой нѣтъ...

Какъ же нѣтъ? Вонъ, подъ носовыми платками...

— Ахъ, да, четыре...

— Пора бы Виктору Николаевичу новые купить, а то совсѣмъ продранные... Что дѣлается, а?

— Купишь теперь! — сказала Глаша.

Витя смущенно замѣтилъ, что давно собирается купить все новое.

— О папашѣ ничего не слышно?

— Ничего.

— Господи! Все сидитъ да сидитъ, бѣдный, — сказала Маруся и неожиданно вынула изъ кармана небольшой свертокъ. — Вотъ, будете имъ посылать опять провизію, такъ и отъ меня пошлите... Шоколадъ это, я у анархистовъ-индивидуалистовъ получила, — добавила Маруся, наконецъ заучившая трудное названіе организациі, въ которой состоялъ ея другъ матросъ.

Всѣ были тронуты. Витя горячо благодарилъ Марусю.

— Дѣла какія пошли, прямо бѣда! — конфузливо говорила она.

— Такъ что же въ городѣ о дѣлахъ говорятъ? — рѣшилась спросить Муся. Глафира Генриховна сердито на нее посмотрѣла. Конечно, Маруся была очень хорошая женщина, но въ такое время и съ ней не слѣдовало вести откровенные разговоры.

— Муся, твои панталоны и combinaisons тоже бы надо поштопать, — въ наказаніе при Витѣ — сказала Глаша. Наказаніе однако не подѣйствовало на Мусю.

— Что же говорятъ въ городѣ? — твердо повторила она свой вопросъ.

— У Европейской гостиницы облава идетъ, — страшнымъ шопотомъ сказала Маруся. Разговоръ о событіяхъ завязался. Однако политическое настроеніе Маруси выяснить съ точностью не удалось. Она также говорила очень сдержанно, хоть ей видимо очень хотѣлось знать настроеніе барышень. Впечатлѣніе было такое, что убійству Урицкого она сочувствуетъ, а убійству Ленина не сочувствуетъ.

— Это сказался національный моментъ, — послѣ ухода Маруси, смѣясь, сказала друзьямъ Муся.

— Не думаю... Скорѣе то, что на Ленина покушалась женщина, — отвѣтила Глаша. — Не женское, молъ, дѣло.

— Ни то, ни другое... Вы забываете, что все-таки Ленинъ не шефъ Чрезвычайной Комиссіи...

— Въ такой анализъ, Витенька, они входить не могутъ... Такъ какъ же: значить, идемъ въ кинематографъ?

— Что-жъ теперь дѣлать, если условились съ княземъ... Я завтракъ подамъ ровно въ двѣнадцать.

Послѣ завтрака, одѣвшись возможно демократичнѣе (это теперь всѣмъ было и не очень трудно), они вышли на улицу, обмѣниваясь вполголоса впечатлѣніями. Имъ показалось, что мотоциклетки носятся по городу чаще и быстрѣе, чѣмъ прежде, что лица у рѣдкихъ прохожихъ очень тревожныя и напряженныя.

— Чувствуютъ неладное, — беззаботнымъ тономъ сказалъ Витя. — Подходить ихъ игра къ концу.

— Тссс! — прошептала Глаша, звѣрски глядя на Витю и показывая движеніемъ головы, что сзади кто-то идетъ. Прохожій быстро ихъ обогналъ, испуганно взглянулъ сбоку и, видимо успокоенный, побѣжалъ дальше.

— Какъ же можно говорить о такихъ вещахъ на улицѣ! — набросилась Глафира Генриховна на Витю, когда прохожій ушелъ далеко впередъ. — Вы, Витя, кажется, совсѣмъ съ ума сошли! Насъ могли тутъ же схватить!

— Да онъ больше всего боялся, какъ бы мы его тутъ же не схватили.

— Вы еще смѣете шутить!.. Почему вы могли знать, кто за нами идетъ?

— Все хорошо, что хорошо кончается, — примирительно сказала Муса.

Они подходили къ кинематографу. Вестибюль былъ освѣщенъ къ великому облегченію Сонечки: значить, спектакля не отмѣнили. Кинематографъ былъ новый и роскошный, — такъ передъ войной, по самому послѣднему слову техники, строились богатые кинематографы и банкирскіе дома: зданіе напоминало отчасти дворецъ дожей,

отчасти берлинскій универсальный магазинъ. Въ вестибюлѣ на стѣнахъ висѣли портреты Ленина, Троцкаго, Макса Линдера и Франчески Бертини. Посрединѣ вестибюля еще уцѣлѣлъ чудомъ остатокъ бобрика, съ неровно обрѣзанными краями. Онъ былъ засыпанъ сѣмьячками. Муся подумала, что въ этихъ сѣмьячкахъ есть что-то вызывающее, — всѣ петербургскіе остряки потѣшались надъ сѣмьячками, и они точно говорили: «да, мы сѣмьячки! И да здравствуетъ революція!»

Въ кинематографѣ настроеніе было гораздо менѣе тревожное, чѣмъ на улицѣ, — это вошедшіе тотчасъ почувствовали. Залъ былъ почти полонъ, стоялъ веселый гулъ. Преобладала рабочая молодежь, очевидно пришедшая по даровымъ билетамъ.

Муся остановилась въ проходѣ, отыскивая взглядомъ свободныя мѣста. Четырехъ мѣстъ рядомъ не было нигдѣ.

— Ну, такъ вы здѣсь сядьте, а я пройду вонъ туда. Я даже предпочитаю поближе къ сценѣ, — сказала Глаша. Муся подтолкнула Сонечку въ бокъ. Глафира Генриховна облюбовала два мѣста рядомъ, довольно далеко отъ нихъ, и, усѣвшись, тотчасъ положила сумочку на стулъ около себя. Мѣста Муси, Сонечки и Вити были въ одномъ ряду, но отдѣленные одно отъ другого; между ними устроилась компанія молодыхъ рабочихъ. Увидѣвъ Мусю и Сонечку, одинъ изъ нихъ, бѣлокурый, съ веселой улыбкой на благодушномъ лицѣ, что-то шепнулъ сосѣду. Оба засмѣялись. Витя нахмурился. Сонечка разсталась съ Мусей, очень огорченная: такъ все удовольствіе пропадало, если сидѣть не рядомъ и не обмѣниваться непосредственно впечатлѣніями. Бѣлокурый рабочій посмотрѣлъ на Сонечку, всталъ и, бросивъ докуренную папирску, галантно предложилъ барышнямъ сѣсть рядомъ. Компанія, фыркая, пересѣла, освободивъ мѣсто для Сонечки, которая рассыпалась въ выраженія благодарности. Витѣ пришлось сѣсть отдѣльно, по другую сторону компаніи.

— Не стоитъ благодарить, барышня, — сказалъ рабс-

чій, — вамъ другъ съ дружкой веселѣе, мы тоже понимаемъ.

— Какой любезный пролетарій! Это ты имѣешь такой успѣхъ, — шепнула на ухо Сонечкѣ Муся, тревога которой тотчасъ совершенно разсѣялась.

— Почему я? Ты, конечно... Я тебѣ говорила, что здѣсь все будетъ совершенно спокойно.

— Можетъ, они еще не знаютъ объ убійствѣ Ленина. Князя, конечно, еще нѣтъ... Онъ, какъ всегда, послѣдній.

— Разумѣется! Вотъ и останется безъ мѣста, — огорченно сказала Сонечка, — вѣдь я говорила, что нужно прійти возможно раньше.

— Нѣтъ, безъ мѣста онъ не останется. Развѣ ты не видишь, что Глаша обо всемъ подумала?

— Ахъ, да! — Сонечка весело засмѣялась. Я увѣренъ, что Глаша скоро будетъ княгиней! Какъ ты къ этому относишься?

— «Пусть называется», — сказала Муся съ почти искреннимъ равнодушіемъ. — Ну, вотъ, наконецъ, и онъ.

Въ дверяхъ показалась высокая фигура князя. Онъ окинулъ залъ взглядомъ и, разыскавъ друзей, привѣтливо помахалъ рукой Мусѣ и Сонечкѣ, затѣмъ направился къ Глафирѣ Генриховнѣ, которая, привставъ, ожесточенно показывала ему рукой на стулъ съ сумочкой.

— Нѣтъ, и онъ не послѣдній, вотъ еще какой-то типъ, — сказала Сонечка. Дѣйствительно вслѣдъ за Горенскимъ въ дверяхъ зала показался худой, плохо одѣтый человѣкъ съ лицомъ лимоннаго цвѣта. Онъ быстро оглядѣлся въ залъ. Въ ту же секунду свѣтъ погасъ, пронесся радостный гулъ, и тощая піанистка заиграла «На сопкахъ Манчжуріи».

— Ну, теперь держись, мы тебя раскритикуемъ, — сказала шопотомъ Муся.

— Я еще не скоро, — прошептала съ волненіемъ Сонечка.

— Ты понимаешь, пролетаріи сейчасъ тебя узнаютъ на экранѣ.

— Что ты говоришь!.. Я и не подумала... Нѣтъ, никогда не узнають... Имъ въ голову не придетъ...

Развалившись въ покойномъ креслѣ, графъ Карлъ фонъ-Цингроде подливалъ себѣ ликера изъ бутылки, стоявшей рядомъ съ нимъ на столикѣ. У ногъ графа на бархатной подушкѣ сидѣла его любовница, съ которой онъ обращался холодно и презрительно. Березинъ ничего не пожалѣлъ для обличенія графа Карла. Но рабочимъ, сидѣвшимъ рядомъ съ Сонечкой, повидимому, очень нравилась его жизнь. По крайней мѣрѣ они все время сочувственно гоготали, обмѣниваясь вполголоса довольно неожиданными замѣчаніями. Напротивъ, тотъ хорошій бѣдный человѣкъ, котораго любила Сонечка и котораго преслѣдовалъ графъ Карлъ, явно не вызывалъ сочувствія. «Эхъ, раззява», — говорилъ бѣлокурый рабочій. — «Шляпа», — подтверждалъ другой. Графъ выигралъ груды золота въ клубъ и оттуда въ роскошной коляскѣ отправился въ охотничій замокъ на свиданіе съ другой своей любовницей. — «Ну, и живутъ, собаки!» — съ сочувственной завистью сказалъ сосѣдъ Сонечки. — «Такъ его!.. Вотъ такъ такъ!» — радостно откликнулся бѣлокурый рабочій, когда графъ ударилъ хлыстомъ провинившагося лакея. Сцена появленія Сонечки приближалась. Ея волненіе все росло.

— Еще три... нѣтъ, четыре номера, когда не я, а потомъ я, — замирая, шептала Сонечка. — Правда, она хорошо играетъ?..

— Такъ себѣ... Некрасивая...

— Ты находишь? По моему, ничего, только носъ длинный... Это она ѣдетъ на балъ...

— Какая же дама передъ войной могла быть на балу безъ перчатокъ?.. Эхъ, вы!.. Неужели длинныхъ перчатокъ не могли достать?

Я не знала... Ну, вотъ сейчасъ, во второмъ номерѣ бала я... Только, ради Бога, Мусенька, не смѣйся!

Муся ахнула, увидѣвъ Сонечку на экранѣ.

— Господи, какая ты смѣшная!

— Смѣшная? Почему смѣшная? — тревожнымъ шопотомъ спрашивала Сонечка, вглядываясь въ полумракъ въ выраженіе лица Муси.

— То есть, не смѣшная, ты прелесть!

— Нѣтъ, ты правду говоришь? Ты это искренно?

— Прямо прелесть... Нѣтъ, какъ она на него смотритъ, безстыдница! За такой взглядъ сейчасъ же тебя въ уголъ!

— Ахъ, съ этой сценой вышла цѣлая исторія, я тебѣ потомъ расскажу... Теперь одинъ номеръ не я... А потомъ я гуляю въ саду съ собакой и думаю о немъ... Вотъ... Ну, что? Какъ?

— Чудно!.. И собачка чудная.

— Ты говори не о собачкѣ, а обо мнѣ.

— Я тебѣ говорю: прелесть! глазнапы такіе строишь!

— Четверть часа подводила... Но ты искренно? Поклянись моей жизнью, что тебѣ нравится!

— Клянусь! — поднявъ руку, сказала Муся. На нее оглянулись спереди сосѣди.

— Что ты дѣлаешь?.. Спасибо, Мусенька, ты ангелъ... Ну, слава Богу, теперь опять долго не я...

Графъ Карлъ фонъ-Цингроде сыпалъ деньгами, кутилъ и совершалъ поступки одинъ предосудительнѣе другого. Но дурная жизнь господствующихъ классовъ положительно не вызывала возмущенія у сосѣдей Сонечки: они готовили все веселѣе и сочувственнѣе, особенно въ любовныхъ сценахъ, когда графъ сажалъ къ себѣ на колѣни новую любовницу. — «Тебѣ бы, Федька, такую, а?.. Почище твоей лохматенькой будетъ», — говорилъ бѣлокурый рабочій.

— Сейчасъ важная сцена... Они его захлороформируютъ, — шептала Сонечка, расширяя въ темнотѣ глаза. — Ты понимаешь, у него двойная жизнь!

— Я такъ и догадывалась, что графъ нехорошій человекъ.

— Пожалуйста, не издѣвайся... Вотъ изъ-за этой сцены въ студіи вышелъ тотъ скандалъ, помнишь, я вамъ рассказывала?

— Помню, — подтверждала Муся, хоть ровно ничего не помнила. Сонечка уже всецѣло проникнутая корпоративнымъ духомъ, постоянно рассказывала о какихъ-то исторіяхъ въ студіи.

— Ну, вотъ теперь смотри, сейчасъ моя главная сцена.. Номера 35-ый, 36-ой и 37-ой...

Главная сцена тоже очень понравилась Мусѣ. Чтобы вышло правдоподобіе, она сдѣлала и критическія замѣчанія, но такія, которыя никакъ не могли задѣть Сонечку. На минуту въ залѣ зажегся свѣтъ. Горенскій и Глаша, повернувшись въ креслахъ, телеграфировали Сонечкѣ знаки полного одобренія. Князь беззвучно похлопалъ въ ладоши и послалъ ей воздушный поцѣлуй. Витя, сидѣвшій близко, успѣлъ даже пробраться къ нимъ и сказалъ Сонечкѣ, что она играетъ восхитительно.

— Знаю я тебя! Еще правду ли ты говоришь? Тебѣ въ самомъ дѣлѣ такъ понравилось?

— Лопни мои глаза! Отсохни у меня руки и ноги! — подражая Никонову, сказалъ Витя. Рабочіе шептались, оглядываясь на Сонечку. Свѣтъ опять погасъ. Витя вернулся на свое мѣсто.

— Я тебѣ говорила, что пролетаріи тебя узнаютъ, — шепнула Муся. — Вотъ это и есть слава.

— Ахъ, перестань издѣваться! — сказала счастливая Сонечка и поцѣловала Мусю. — Я что? Я ничего...

Она усѣлась въ креслѣ поудобнѣе: ея сценѣ больше не было и теперь она могла спокойно смотрѣть фильмъ, который впрочемъ подходилъ къ концу. Для графа Карла приближалась расплата за грѣхи. Честный молодой человѣкъ торжествовалъ. Однако его торжество не встрѣчало у публики восторга. Бѣдняки, поднятые на возстаніе молодымъ человѣкомъ, увели связаннаго графа Карла (у Беневоленскаго сценарій кончался не такъ, но Березинъ

измѣнилъ развязку). «Такъ ему и надо», — сказалъ безъ одушевленія сосѣдъ Сонечки. Веселый рабочій ничего не отвѣтилъ. Повидимому, бѣдняки публику не интересовали, — они бѣдняковъ знали лучше, чѣмъ авторъ сценарія.

XIV.

Свѣтъ снова зажегся, поднялся гулъ, всѣ повалили къ выходу. Князь и Глафира Генриховна очень хвалили Сонечку. Глаша на этотъ разъ была съ ней такъ мила и нѣжна, что Муся немного насторожилась. «Ужъ не произошло ли что у нихъ съ Алексѣемъ Андреевичемъ?» — подумала она, внимательно вглядываясь въ Глашу и князя: ей показалось, что лицо у Глафиры Генриховны въ самомъ дѣлѣ счастливое и возбужденное, почти какъ у Сонечки.

Князь тотчасъ простился съ дамами.

— Я предупреждалъ, что долженъ буду уйти. Ужъ вы меня извините, Витя васъ проводить.

«И у него какъ будто видъ растерянный, вѣрно въ самомъ дѣлѣ произошло объясненіе», — подумала Муся, подавляя въ себѣ легкое непріятное чувство. — «Нѣтъ, мнѣ все равно, я за нее рада», — отвѣтила она. — «А что-то есть въ немъ vieux jeu и скучноватое: старикъ Тургеневъ, цѣлующій руку Полины Віардо... Надо сказать Глашѣ, это она Полина Віардо... Впрочемъ, не надо»...

— Да, Витя насъ проводить, — сказала она, глядя на Горенскаго со спокойной и ласковой улыбкой. — До свиданья, Алексѣй Андреевичъ. Итакъ помните, что вы у насъ ночуете.

— Спасибо... Если смогу, приду...

— Нѣтъ, не если сможете, а навѣрное.

— Спасибо... О московскомъ дѣлѣ слышали?

— Слышали, — нехотя отвѣтила Муся. — Тѣмъ болѣе нужно, чтобъ вы пришли ночевать. И намъ будетъ спокойнѣе.

— Ну, хорошо... Тогда до скорого свиданья... Витя, передаю вамъ дамъ.

— Виновать, я тоже предупредилъ, что буду занятъ, — говорилъ Витя. Князь простился и своей быстрой энергичной походкой направился дальше по улицѣ. Муся и Глаша смотрѣли ему вслѣдъ. Худой человѣкъ, котораго Сонечка назвала «какимъ-то типомъ», отдѣлился отъ афиши и пошелъ за Горенскимъ. Что-то неприятное еле мелькнуло въ сознаниіи Муси, но она не успѣла подумать, что такое. Глаша быстро и возбужденно говорила Витѣ:

— Не хотите? Ну и не надо... Какъ-нибудь обойдемся безъ васъ... Какъ-нибудь обойдемся безъ васъ, мы трое, правда, Сонечка?.. И вотъ, на зло вамъ, мы съ Мусей и Сонечкой сейчасъ идемъ кутить.

— Это куда?

-- Въ первый разъ слышимъ.

— Я васъ веду въ кондитерскую, гдѣ подаютъ настоящій шоколадъ и пирожныя.

— Глаша, вы получили изъ Америки наслѣдство! Со- знайтесь!

— Да ужъ наслѣдство или не наслѣдство, а только я васъ обѣихъ веду въ такое мѣсто, гдѣ настоящій шоколадъ и настоящія пирожныя. Трубочки съ желтымъ кремомъ, сама видѣла... Что, Витенька, можетъ, вы бы насъ проводили?

— Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Витя. — «Всего», — насмѣшливо произнесъ онъ совѣтское прощанье.

— Витя, а то пойдёмъ съ нами, — сіяя счастливою улыбкой, говорила Сонечка. Но Витя остался твердъ.

— Не позднѣе семи часовъ изволь быть дома, слышишь? — сказала Муся.

— Слушаю-сь.

— Куда же мы теперь? — спросила Муся Глашу. — Ты въ самомъ дѣлѣ насъ ведешь въ кондитерскую?

-- Царское слово обратно не берется!

— Ни царское, ни княжеское.

Глаша засмѣялась. «Значить, правда», — подумала Муся. — «Ну, и слава Богу». Она вдругъ повеселѣла.

Кондитерская была въ двухъ шагахъ отъ кинематографа. Это была длинная узкая комната, разбитая перегородками на уютныя отдѣленія. Впереди у стѣны находился буфетъ съ самоваромъ, съ тарелками бутербродовъ и пирожныхъ. За буфетомъ сидѣла высокая дама, — по словамъ Глаши, не то графиня, не то баронесса. Двѣ барышни, разговаривавшія съ хозяйкой, встали съ дивана при входѣ гостей. Больше въ кондитерской никого не было. Муся, Глаша и Сонечка конфузливо прошли по комнатѣ и заняли послѣднее отдѣленіе, самое далекое отъ буфета. Глаша заказала шоколадъ, затѣмъ повела подругъ къ буфету выбирать пирожныя и заставила ихъ взять изъ-подъ сѣтки самыя дорогія (цѣны вездѣ были написаны).

— Еще возьмите, вотъ эти съ кремомъ, должно быть, вкусныя, — говорила она, искоса съ любопытствомъ поглядывая на печально улыбающуюся даму. Сонечка конфузилась, зная, что у Глаши денегъ очнь мало. Онѣ вернулись въ свое отдѣленіе; барышня скоро принесла имъ туда шоколадъ и пирожныя. Шоколадъ, по словамъ Глаши, былъ «такъ себѣ, на водѣ», но пирожныя свѣжія довольно вкусныя. Онѣ мгновенно съѣли все и, по настоянію Глаши, заказали еще три.

— Мерси, страшно вкусно, но что это вы такъ кутите. Глаша? — спрашивала Сонечка, съ наслажденіемъ уплетая пирожное.

Муся смотрѣла на Глафиру Генриховну съ той же улыбкой.

— Вотъ что, надо будетъ и для Вити захватить двѣ штуки, — не отвѣчая на вопросъ, объявила Глаша, — хоть онъ насъ и бросилъ. Что подѣлаешь, лабораторія...

— Вы знаете, друзья мои, не нравится мнѣ нашъ Витка, сказала Муся. — Что-то съ нимъ такое происходитъ... А что, не могу понять.

— Вѣрно, — подтвердила Глаша. — Я тоже замѣчаю.

— И я замѣчаю, — сказала, вытирая губы, Сонечка: ей теперь казалось, будто она тоже замѣчала что-то неладное за Витей. -- Что-же вы думаете?

— У мальчиковъ это бываетъ, — замѣтила Глаша, — можетъ, ничего такого и нѣтъ.

— Помимо всего прочаго, — сказала Муся, -- помимо всего прочаго, вѣдь и отвѣтственность за него падаетъ теперь на меня.

— Ну, вотъ, почему же на тебя? — въ одинъ голосъ спросили Глаша и Сонечка.

— Да вы сами знаете... У него никого нѣтъ... Мать умерла, отецъ въ крѣпости, и еще теперь неизвѣстно, выйдетъ ли онъ оттуда живымъ...

Голосъ Муси вдругъ дрогнулъ. Она вынула изъ сумки платокъ и приложила къ глазамъ. Сонечка очень разстроилась. Глаша принялась утѣшать Мусю.

-- Ничего страшнаго пока нѣтъ... И даже не пока, а вообще нѣтъ. Николая Петровича, навѣрное, скоро выпустятъ...

— Нѣтъ, боюсь, не выпустятъ, — сказала Муся. — Я чувствую...

— Да что ты несешь! Ерунду ты чувствуешь! Мало ли людей арестовывали, а потомъ выпускали. Это у насъ у всѣхъ нервы расшатались за время революціи.

— Ты думаешь? — сказала Муся. Она спрятала платокъ въ сумку. — Я, напротивъ, все удивляюсь, какъ я мало перемѣнилась за это время. Развѣ чуть лучше стала, — уже спокойно добавила она.

— А я не стала ни лучше, ни хуже, — подхватила Сонечка. Совсѣмъ какъ была, такъ и осталась... Вѣдь въ самомъ дѣлѣ это странно! Такія важныя событія, а люди не перемѣнились.

— Многіе перемѣнились, -- сказала Глаша. Она чуть было не сослалась на Березина, но спохватилась во время

— Многіе сильно перемѣнились. Да вотъ и Витя, вы же сами говорите.

— Въ такомъ возрастѣ онъ и безъ всякой революціи долженъ былъ перемѣниться за это время... Ты знаешь, — съ улыбкой сказала Муся, обращаясь къ Глафирѣ Генриховнѣ. — Сонечка, не слушай... Я увѣрена, что онъ недавно сталъ мужчиной. И знаешь, *qui a déniaisé le jeune homme*? Догадайся.

— Понятія не имѣю.

— *Je te le donne en mille*, — почему-то по французски продолжала Муся. — Вотъ догадайся.

— Да почему я могу знать? И, признаться, меня это такъ интересуешь... Можетъ быть, госпожа Фишеръ?

Муся была изумлена.

— Какъ ты догадалась?

— Вотъ тебѣ и «*je te le donne en mille*», — сказалъ, засмѣявшись, Глафира Генриховна. — Что же тутъ удивительнаго?

— Не можетъ быть!.. Вы ошибаетесь! — широко раскрывъ глаза, говорила Сонечка.

— Я не ручаюсь, конечно, онъ мнѣ не говорилъ, но почему-то я убѣждена. Какъ странно: Витя и эта авантюристка, которую допрашивалъ его отецъ!

— Вполнѣ возможно. Она тогда позвала Витю къ себѣ, помнишь, онъ еще хвасталъ... А такимъ нравятся мальчишки... Только вѣдь теперь ея нѣтъ въ Петербургѣ? Значить, не въ ней сила.

— Ужъ я не знаю, въ чемъ сила... Сонечка, перестань ахать... Вообще это не для тебя предназначалось.

— Но вѣдь Витя влюбленъ въ тебя! — проговорила Сонечка.

Муся засмѣялась, совершенно забывъ о томъ, что сама взяла съ Сонечки клятву никому объ этомъ не говорить.

— Значить, моихъ чаръ оказалось недостаточно.

Онѣ заговорили о Клервиллѣ. Муся просвѣтлѣла и раз-

говоръ сталъ необыкновенно пріятный, -- такъ дружно и откровенно онѣ никогда въ жизни не разговаривали. Муся рассказала о своемъ романѣ съ Вивіаномъ, объ ихъ первомъ объясненіи въ ночь поѣздки на острова. Всѣ сходились на томъ, что красивѣе и обаятельнѣе чловѣка, чѣмъ Клервилль, нельзя себѣ представить. Затѣмъ Сонечка, набравшись храбрости, заговорила о своей любви, и Глаша не только не ругала Березина, но даже признала его большія достоинства. «Его личнаго *charme*'а я никогда не отрицала», — оправдываясь передъ Сонечкой, говорила она. — «И притомъ большой талантъ, съ этимъ кто-же спорить?..» О себѣ Глаша ничего не рассказала, но дала понять, что и въ ея жизни готовится очень важная перемѣна. Муся съ улыбкой на нее смотрѣла, и по этой улыбкѣ Глаша едва ли не впервые въ жизни почувствовала, что все-таки Муся ее любить и что все-таки у нея не было до сихъ поръ болѣе близкаго друга.

Онѣ неясно и восторженно говорили о своемъ будущемъ.

— Какая жалость, что ты послѣ войны уѣдешь въ Лондонъ, — чуть не со слезами говорила Сонечка, схвативъ Мусю за руки. — Нѣтъ, я не хочу, чтобы ты уѣзжала изъ Петербурга... Знаешь, пусть его назначаютъ сюда посломъ!.. Или нѣтъ, не смѣйтесь, какъ это? Военнымъ атташе...

— Вы обѣ къ намъ будете пріѣзжать въ Англію... Съ мужьями и надолго. Вивіанъ сказалъ мнѣ, что у насъ будетъ цѣлый домъ. Это въ Англіи, кажется, у всѣхъ.

— Ну, вотъ еще, — говорила задумчиво Сонечка, представляя себѣ, какъ она пріѣдетъ въ Лондонъ съ Березинымъ. Глафира Генриховна улыбалась, думая приблизительно о томъ же: «Князь и княгиня Горенскіе»...

— Надо еще Вивіана спросить, можетъ, ему не очень понравится такое обиліе гостей.

— Что ты, онѣ васъ обѣихъ искренно любить... Затѣмъ, подумайте, вѣдь хотя бы изъ-за папы и мамы я буду пріѣзжать въ Петербургъ мало, если одинъ разъ въ

годъ, скорѣе два раза... Нѣтъ, наша жизнь будетъ и дальше идти вмѣстѣ...

Такъ онѣ разговаривали долго. Высокая дама прошла безъ дѣла по кондитерской, поглядывая на ихъ столикъ. Но имъ все не хотѣлось уходить. Наконецъ, Глафира Генриховна подозвала барышню и расплатилась.

— Какъ ты думаешь, начай оставить? -- тихо спросила она, когда барышня пошла за сдачей.

— Оставь, но скажи, что это для бѣдныхъ...

Онѣ встали. Сонечка не вытерпѣла и еще разъ поцѣловала Мусю, затѣмъ Глафиру Генриховну.

— Спасибо, Глашенька, милая, что вы насъ сюда привели!.. Миѣ никогда въ жизни не было такъ хорошо, какъ сегодня. Спасибо страшное! За все! — восторженно говорила она, точно Глаша и Муся сегодня разрѣшили ей любить Березина.

-- А вѣдь, правда, было чудесно... Чаше бы... -- сказала Муся и осталось неясно: чаще бы сюда ходить или чаще бы такъ разговаривать.

— Я тоже очень рада... Мадмуазель, къ вамъ вѣрно иногда приходятъ... приходятъ неимущіе... Разрѣшите вотъ это для нихъ оставить... — Глаша очень покраснѣла, что съ ней случалось рѣдко. Прислуживавшая барышня тоже смутилась.

— Благодарю васъ, — тихо сказала барышня.

Онѣ поспѣшно вышли. Улица была совершенно пуста.

— Бѣдненькая, жалко ихъ, — вздохнувъ, замѣтила Сонечка.

— Всѣхъ жалко.

— Какъ князь сказалъ? — озабоченно спросила Глафира Генриховна. — Онъ къ обѣду придетъ или послѣ обѣда? Если къ обѣду, надо бы кое-что прикупить.

— Не помню, какъ онъ сказалъ.

— Купимъ, такъ и быть, наудачу.

Онѣ свернули на другую улицу, гдѣ, по словамъ Глаши, въ лавкѣ продавали отличную колбасу и консервы.

— Супа сегодня не будетъ, такъ закуску подадимъ: колбасу, селедку и, можетъ, найдемъ что-нибудь еще, — говорила Глаша, сразу погрузившись въ хозяйственныя соображенія. Мусю и особенно Сонечку это немного покорило послѣ ихъ разговора, Онѣ шли нѣкоторое время молча.

— Я о той женщинѣ думаю, — сказала вдругъ Муся. — Которая въ него стрѣляла...

— Ахъ, какой ужасъ!.. — содрогаясь, откликнулась Сонечка. — Неужели ее казнятъ?.. И этотъ несчастный юноша... Боже, какой ужасъ!..

— Я думаю... — сказала Глафира Генриховна и не докончила. Съ сосѣдней улицы по мостовой быстрымъ шагомъ вышелъ большой отрядъ солдатъ. Впереди шли люди въ кожаныхъ курткахъ, среди нихъ нѣсколько человекъ въ штатскомъ платьѣ. Одинъ изъ нихъ окинулъ взглядомъ дамъ, которыя такъ и похолодѣли. Страшны были не солдаты, а то, что шли они такъ быстро, какъ никогда не идутъ въ городъ войска. Лица у всѣхъ были нахмуренныя и злыя.

XV.

Разставшись съ дамами, Горенскій по Мойкѣ направился къ Марсову Полю. Онъ былъ взволнованъ своимъ разговоромъ съ Глафирой Генриховной и немного имъ недоволенъ: теперь онъ не имѣлъ права устраивать свои личныя дѣла.

До назначеннаго свиданія еще оставалось съ полчаса. Послѣ душнаго кинематографа у князя болѣла голова. Онъ зашелъ въ Лѣтній Садъ, гдѣ все было съ дѣтскихъ лѣтъ такъ ему знакомо: озеро, памятникъ, ваза, статуи съ отбитыми носами. Теперь видъ запущеннаго сада вызывалъ въ немъ сладко-тоскливое настроеніе.

У Петровскаго дома князь остановился, снялъ соломенную шляпу и вытеръ голову платкомъ. Почувствовавъ

усталость, онъ подошелъ къ скамейкѣ, сѣлъ и задумался — о Глашѣ, о своихъ дѣлахъ. «Отчего бы это я такъ усталъ?» — подумалъ Горенскій, припоминая свой день. Утромъ было свиданье съ офицерами, вновь завербованными для поѣздки на югъ. Князь передалъ имъ деньги и сказалъ напутственное слово, которое они выслушали, по-видимому, безъ особеннаго сочувствія. Выраженіе лицъ офицеровъ, какъ казалось Горенскому, означало: «Да, теперь и ты говоришь хорошія слова, но надо было обо всемъ этомъ подумать раньше»... Князь зналъ, что онъ могъ сказать въ защиту своей прежней роли; зналъ и то, что можно было сказать противъ прежней позиціи лагеря, къ которому очевидно принадлежали офицеры. Тѣмъ не менѣе выраженіе ихъ лицъ было ему непріятно, и онъ нѣсколько скомкалъ свое напутственное слово.

Послѣ свиданья съ офицерами была еще я в к а,—теперь опять вошли въ употребленіе слова, которыхъ Горенскій не слышалъ со студенческихъ временъ. Въ свою университетскую пору онъ ни въ я в к а х ъ, ни въ м а с с о в к а х ъ участія не принималъ; но товарищи его въ нихъ участвовали и рассказывали о нихъ съ видомъ таинственнымъ и важнымъ. Въ случаѣ провала молодые революціонеры подвергались тогда карамъ: ихъ исключали изъ университета, высылали изъ Петербурга, сажали въ тюрьму. Теперь провалъ означалъ другое. «Въ организациі Полянскаго на прошлой недѣлѣ разстрѣляли всѣхъ... У Бонашевскаго, кажется, тоже... И не то еще пойдетъ», — устало подумалъ князь.

На явкѣ онъ обмѣнялся свѣдѣніями съ агентомъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы, гдѣ дѣла шли превосходно: переворота можно было ждать недѣли черезъ двѣ, — латышская часть была готова. «Да, все общается намъ успѣхъ, а все-таки не надо было именно теперь говорить: Я теперь себѣ не принадлежу... Не надо было также принимать приглашеніе Муси: для нихъ я слишкомъ опасный гость... Если схватятъ, то меня разстрѣляютъ, а имъ не

избѣжать серьезныхъ непріятностей», — подумалъ онъ и тотчасъ отогналъ отъ себя эти мысли: Горенскій не вѣрилъ, что его могутъ арестовать; не вѣрилъ въ глубинѣ души и въ то, что его разстрѣляютъ, если схватятъ. «Да, Польскаго разстрѣляли, но человѣка, какъ ни какъ извѣстнаго всей Россіи, они казнить не рѣшатся»... Въ воображеніи князя неожиданно всталъ судъ надъ нимъ. Онъ представилъ себѣ рѣчь, которую произнесъ бы на судѣ. Невольно рѣчь эта у него складывалась въ старыя привычныя формы: послѣ такихъ рѣчей, судьямъ въ прежнее время становилось очень не по себѣ, а на слѣдующій день рѣчи цитировались въ восторженныхъ статьяхъ газетъ. «Нѣтъ, провала быть не можетъ», — подумалъ Горенскій, вспоминая тѣхъ людей, съ которыми онъ велъ дѣла въ послѣднее время: ни одинъ изъ нихъ не могъ быть предателемъ. — «Ну, хорошо, черезъ двѣ недѣли переворотъ, а что же дальше?»

Князь давно принялъ рѣшеніе — тотчасъ послѣ переворота отправиться на фронтъ. Война съ Германіей должна была возобновиться. «Не все ли равно, гдѣ будетъ боевая линія: у Пскова, у Москвы, на Уралѣ, на Дону? Лишь бы отвлечь на насъ значительныя силы нѣмцевъ. Ихъ дѣла на Западномъ фронтѣ явно нехороши и, если придется послать въ Россію десятокъ-другой дивизій, это можетъ имѣть для войны рѣшающее значеніе... И честь наша, національная честь Россіи, будетъ нами спасена», — думалъ князь. Это было у него на первомъ мѣстѣ: мысль о Россіи имѣла для Горенскаго неизмѣримо болѣе значенія, чѣмъ все другое, чѣмъ все личное. Тѣмъ не менѣе иногда князю приходили соображенія и о собственномъ его будущемъ. Какъ дѣятельный участникъ заговора, какъ участникъ послѣдней борьбы на фронтѣ, онъ могъ претендовать на многое, имѣлъ на это и политическія, и моральныя права. Горенскій не мечталъ о диктатурѣ, хоть иногда допускалъ, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ диктатура можетъ быть ему предложена. Онъ

охотнѣе принялъ бы постъ въ какой-либо директоріи или въ коалиціонномъ правительствѣ. «Въ конечномъ счетѣ побѣда демократіи несомнѣнна... А тамъ будетъ видно... И для мирныхъ переговоровъ тоже понадобятся люди».

Князю представилась европейская конференція, гдѣ онъ, отъ имени Россіи, долженъ будетъ рѣшать судьбы міра, вмѣстѣ съ Клемансо, съ Ллойдъ-Джорджемъ, съ нѣмецкими государственными людьми. Горенскій тотчасъ отогналъ отъ себя эти мысли, какъ слишкомъ личныя и честолюбивыя, и снова, мучительно-нервно зѣвая, сталъ перебирать въ умѣ подробности своего обмѣна мнѣній съ агентомъ московской организаціи. «Во всякомъ случаѣ дѣ теченіе двухъ недѣль дѣло рѣшится и слава Богу, иначе нервы сдадутъ», — подумалъ онъ, взглянувъ на часы. Теперь уже можно было идти на свиданье. Князь поднялся и направился къ выходу.

Худой человѣкъ съ лицомъ лимоннаго цвѣта всталъ со скамейки позади и пошелъ за княземъ, быстро его нагоняя. Горенскій оглянулся, бѣгло посмотрѣлъ на этого человѣка и слегка поблѣднѣлъ. «Можетъ быть, вздоръ», — подумалъ онъ. — «Во всякомъ случаѣ надо идти дальше, не оглядываясь». Они подходили къ воротамъ сада. Худой человѣкъ вынулъ свистокъ и свистнулъ.

Стоявшіе за воротами люди изъ Чрезвычайной Комиссіи мгновенно со всѣхъ сторонъ окружили князя.

— Гражданинъ Горенскій, вы арестованы, — любезно улыбаясь, сказалъ одинъ изъ нихъ.

XVI.

Маруся по субботамъ относилa бѣлье всѣмъ своимъ кліентамъ. Вернувшись отъ барышенъ Кременецкихъ, она позавтракала, отдохнула, затѣмъ отправилась въ тотъ особнякъ, въ которомъ помѣщалась организація ея друга.

Анархисты были далеко не въ милости у властей, но

эта организація какимъ-то образомъ уцѣлѣла и послѣ весеннихъ арестовъ, и послѣ июльскаго возстанія лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ. Ее не выселили изъ давно захваченнаго ею особняка. Только оружія теперь у анархистовъ было совсѣмъ мало, — прежде особнякъ напоминалъ крѣпость.

Друга Маруси не было дома, но ее уже знали въ особнякѣ и свободно пропустили въ комнату перваго этажа, которая называлась Крапоткинской. «Эхъ, что съ домомъ сдѣлали!» — думала Маруся, поднимаясь по лѣстницѣ, выстланной чернымъ сукномъ. Въ Крапоткинской комнатѣ на рожкѣ лампы висѣлъ черный флагъ. Бархатный коверъ былъ засыпанъ пепломъ, окурками, жестянками отъ консервовъ. Въ углу высокой кучей валялись книжки безъ переплета. Накурено въ комнатѣ было такъ, что оставаться въ ней казалось въ первую минуту невозможнымъ. Въ этой комнатѣ жилъ кліентъ Маруси, щуплый человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ блѣдно-сѣрымъ лицомъ, съ жидкой бородкою, съ пенснэ, плохо державшимся на носу. Въ Марусѣ этотъ странно говорившій человѣкъ всегда возбуждалъ неудержимое веселье. Такъ и теперь, только его увидѣвъ, она сразу прыснула со смѣху и закрылась рукавомъ, поставивъ корзинку на кресло. Анархистъ нисколько не обидѣлся.

— Здравствуй, женщина, — сказалъ онъ.

— Здравсте... Бѣлье вамъ принесла, — трясясь отъ смѣха, сказала Маруся.

— Это хорошо. Твой свободный трудъ, дитя мое, заслуживаетъ уваженія, — сказалъ анархистъ, наклонившись надъ корзиной. Его пенснэ упало на коверъ, онъ замигалъ съ трудомъ разыскавъ пенснэ, чуть не раздавивъ его ногою, поднималъ и снова надѣлъ. — Никифора сейчасъ нѣтъ, но вечеромъ вы сойдетесь и будете свободно отдаваться утѣхамъ любви. Живите въ согласіи съ законами природы... Гдѣ же кальсоны?

-- Вотъ... — почти сквозь слезы произнесла Маруся.

— Я вижу одну штуку... Гдѣ другіе?

— Да всего одна штука и была... Шесть галстуховъ дали на глажку, шесть воротничковъ, рубахи двѣ и кальсоны однѣ... Этого не троньте, это не ваше!

— Что такое мое? Что такое не мое? — спросилъ анархистъ. — Все общее, женщина, и все ничье, неужели ты еще этого не усвоила? Мнѣ нужны эти вещи и я ихъ беру, — сказалъ онъ безъ особенной, впрочемъ, рѣшительности въ тонѣ, и, поверхъ пенснэ, взглянулъ красноватыми глазами на Марусю, съ которой сразу соскочила смѣшливость.

— Еще что выдумаете! — грозно, повышеннымъ голосомъ, сказала она. — Это капитана бѣлье, а не ваше. У васъ такого бѣлья отродясь не бывало.

— Ну, не надо, — миролюбиво сказалъ анархистъ. — Но все же постарайся, женщина, побороть въ себѣ собственническіе инстинкты.

— Дадите стирать на недѣлю? Нѣтъ?.. Такъ денегъ пожалуйте... Вотъ записочка, — сказала Маруся, протягивая анархисту счетъ. Она впрочемъ знала, что это совершенно бесполезный поступокъ. Анархистъ поправилъ пенснэ и заглянулъ въ бумажку.

— Кажется, галстуховъ я далъ восемь, — сказалъ онъ, опять безъ увѣренности въ тонѣ.

— Шесть, — сурово отвѣтила Маруся.

— Шесть такъ шесть, — тотчасъ согласился анархистъ. — Денегъ, женщина, у меня нѣтъ. Притомъ, что такое пустые денежные знаки? Возьми лучше бюстъ нашего прежняго учителя Петра Кропоткина, — предложилъ онъ. — Или литературу? Хочешь «Черное Знамя»?

— Если денегъ нѣтъ, то вотъ что мнѣ дайте, — сказала Маруся, не отвѣчая на пустяки и показывая на шелковую штору окна, которую она давно облюбовала. Маруся не продала ни одной вещи изъ квартиры Николая Петровича, хоть легко могла распродать рѣшительно все. Но

здѣсь церемониться было бы грѣшно. Изъ шторы она рассчитывала сдѣлать платье.

Анархистъ съ полной готовностью согласился отдаѣть Марусѣ штору и даже самъ всталъ было на кресло, чтобы ее отцѣпить. Шелкъ треснулъ подъ его башмаками, кресло пошатнулось, съ ручки свалилась аккуратно сложенная кучка пепла. Анархистъ слетѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ шажковъ и, потерявъ пенснэ, уцѣпился за Марусю. Она, фыркнувъ, поддержала анархиста.

— Эхъ, кресло даромъ испортили, — съ сожалѣніемъ сказала Маруся. Она взобралась на подоконникъ и отцѣпила штору. Анархистъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за ея работой. Пока Маруся укладывала штору подъ бѣлье, онъ опять совѣтовалъ ей преодолѣть въ себѣ собственническіе инстинкты и жить согласно съ природой. Маруся фыркала, впрочемъ смутно чувствуя, что анархистъ нарочно валяется дурака.

Выйдя на улицу, Маруся невольно оглянулась, нѣтъ ли городского: вздохнула и пошла дальше, къ англійскому посольству.

Въ посольствѣ ее тоже знали. Маруся поднялась по лѣстницѣ и отнесла бѣлье въ тѣ комнаты, гдѣ теперь помещался барышнинъ женихъ и его друзья. Горничная, говорившая по русски, приняла по счету бѣлье и пошла за деньгами. Маруся, огорченная тѣмъ, что не удалось на этотъ разъ повидать ни жениха барышни, ни его друга, осталась въ небольшой комнатѣ перваго этажа. Маруся всегда съ удовольствіемъ бывала въ посольствѣ, — какъ-то разъ ей удалось даже повидать парадныя залы; роскошь ихъ необычайно ее поразила. Но въ этой комнатѣ ничего такого не было, — она была вродѣ кабинета Николая Петровича, даже попроще. На стѣнѣ висѣлъ портретъ, видъ котораго немного испугалъ Марусю: «Царь покойный? нѣтъ, будто и не царь», — подумала она. Маруся сочувствовала революціи, однако недавно, при извѣстіи объ убійствѣ царя, долго плакала.

Горничная не возвращалась. Маруся подошла къ окну — и очень испугалась. По площади, съ ружьями на перевѣсѣ, прямо на посольство, очень быстро шель отрядъ солдатъ. Часть отряда скрылась за угломъ, выйдя на набережную, другая кордономъ окружала зданіе съ площади. За отрядомъ видна была быстро росшая толпа. «Господи, что же это! Сюда идутъ, что ли?» подумала Маруся. Ей захотѣлось поскорѣе уйти изъ этого дома. Она растерянно взяла пустую, легкую корзину, затѣмъ вспомнила, что денегъ еще не заплатили, поставила корзину на столъ и подошла къ двери.

— Деньги бы мнѣ получить, — негромко сказала Маруся.

Въ корридорѣ никого не было. Снизу вдругъ донесся шумъ, — какъ будто тамъ скандалили. Любопытство превозмогло все въ Марусѣ. Она быстро, почему-то на цыпочкахъ, пошла по корридору, въ сторону парадной лѣстницы, оставивъ на столѣ пустую корзину.

Въ посольствѣ въ послѣдній день мѣсяца выдавали жалованье служащимъ консульства и офицерамъ военныхъ миссій. Въ канцеляріи было довольно много людей. Какъ вездѣ въ день получки жалованья, настроеніе было веселое. Шутили и не получавшіе денегъ люди, въ большинствѣ англійскіе журналисты, зашедшіе въ посольство за новостями. Одинъ изъ двухъ желѣзныхъ шкафовъ канцеляріи былъ открытъ настежь. Кассиръ, почтенный человекъ въ очень высокомъ двойномъ воротникѣ, стоялъ у шкафа и выдавалъ деньги, отмѣчая выдачу на вѣдомости.

Кромѣ денегъ и способовъ ихъ траты, предметомъ поллушутливой, полусерьезной бесѣды было случившееся въ эту ночь событіе: исчезновеніе консула Вудгауза. Вице-консулъ говорилъ, что мистера Вудгауза задержали на улицѣ большевики. Но молодые люди дѣлали видъ, что относятся къ этому объясненію скептически. Да имъ и въ самомъ дѣлѣ съ трудомъ вѣрилось, что кто бы то ни было,

и гдѣ бы то ни было можетъ арестовать великобританскаго консула.

— Можетъ быть, мистеръ Вудгаузъ просто пошелъ погулять? Петербургъ прекрасный городъ, — весело говорилъ капитанъ Кромъ. Забавность этому предположенію придавало именно его совершенное неправдоподобіе.

— Онъ могъ встрѣтить знакомаго и заговориться съ нимъ, — въ тонъ своему другу отвѣчалъ Клервилль.

— Или знакомую.

Кассиръ съ легкой улыбкой слушалъ молодыхъ людей, отсчитывая бѣлыя ассигнаціи.

— Вамъ какую часть русскими деньгами? — спросилъ онъ Клервилля.

— Не болѣе двадцати фунтовъ. Лучше даже пятнадцать.

Кассиръ взялся за карандашикъ и принялся вычислять.

— Въ самомъ дѣлѣ на большевиковъ ваять теперь все. Это несправедливо, уже серьезно сказала англійскій журналистъ, не сочувствовавшій большевикамъ, но отдававшій имъ должное.

Кромъ холодно на него взглянулъ.

— Несправедливо? — переспросилъ онъ.

— Да, многое несправедливо, — отвѣтилъ журналистъ. — Большевики осуществляютъ то, о чемъ мечтали Оуэнъ, Моррисъ, Рескинъ и многіе другіе великіе умы. И осуществляютъ это съ энергіей необыкновенной. Это мужественные люди, — рѣшительно добавилъ онъ.

И Кромъ, и Клервилль одновременно подумали, что въ вопросѣ о мужествѣ штатскій журналистъ недостаточно авторитетный судья.

— Вамъ, капитанъ, какъ прикажете? — спросилъ кассиръ. Кромъ отошелъ къ кассѣ.

— Господа, когда кончится война? — спросилъ уныло журналистъ, самой интонаціей подчеркивая полную безнадежность вопроса.

— Черезъ три года, — отвѣтилъ Кроми, кладя деньги въ карманъ.

Кассиръ вздохнулъ.

— Вашей женѣ приятно было бы слышать, — сказалъ онъ. — Или вашей невѣстѣ, майоръ.

Клервилль засмѣялся.

— Франсисъ шутить, — сказалъ онъ. — Дѣла на западномъ фронтѣ складываются все лучше. Кроми, впрочемъ, все равно. Онъ и послѣ войны выдумаетъ что-нибудь необыкновенное. Если есть человѣкъ, не созданный для того, чтобы жить въ Кенсингтонѣ, посѣщать скачки и играть въ бриджъ, то это именно онъ.

— Это вѣрно, — сказалъ капитанъ Кроми. — У меня совершенно другіе планы. Скорѣе всего я послѣ войны приму участіе въ полярной экспедиціи.

Онъ съ большой живостью принялся излагать свои проекты. Они были разные, но всѣ отличались тѣмъ, что для осуществленія ихъ требовались нечеловѣческая энергія и фантастическое счастье. Кассиръ, положивъ карандашъ, съ восхищеніемъ слушалъ капитана. Другіе тоже заслушались. Капитанъ говорилъ очень хорошо и просто. У другого человѣка такіе планы могли бы показаться хвастовствомъ. Но въ устахъ Франсиса Кроми они хвастовствомъ не казались.

— Я знаю, капитанъ, что вы человѣкъ необыкновенный, — любезно сказалъ журналистъ, желавшій загладить непріятное впечатлѣніе отъ своего отзыва о большевикахъ. — Лучшее доказательство вотъ это, — добавилъ онъ, показывая взглядомъ на длинный рядъ орденовъ, украшавшій грудь Кроми. — Но все-таки для одной человѣческой жизни того, о чемъ вы говорите, слишкомъ много. Надо бы пять или шесть.

— Я сдѣлаю все то, о чемъ говорю, — повторилъ капитанъ. И всѣмъ, журналисту, кассиру, служащимъ консульства, невольно показалось, что онъ дѣйствительно это сдѣлаетъ.

— Кстати о ваших орденахъ, капитанъ, — сказалъ одинъ изъ служащихъ. — Этотъ на красной лентѣ я знаю, это нашъ D. S. O. Бѣлый рядомъ съ нимъ русскій Георгій, вы его получили за потопленіе гунскаго крейсера. Но другіе?

Журналистъ, не давая капитану отвѣтить, принялся объяснять служащему:

— На шеѣ это русская Анна, справа отъ Георгія Владиміръ... Капитанъ на своей подводной лодкѣ прорвался въ Балтійское море, надѣлавъ тысячу неприятностей гуннамъ.

Всѣ штатскіе англичане, даже лѣвый журналистъ, называли нѣмцевъ гуннами. Только Кромѣ и Клервилль говорили «нѣмцы».

— А медали?

— Медалей и я не знаю.

— Это медаль китайскаго похода 1900 года, — сказалъ Кромѣ и, въ отвѣтъ на общее удивленіе, разъяснилъ: — Я мальчикомъ принималъ участіе въ экспедиціи Сеймура.

— А это, — добавилъ Клервилль, — это медаль за спасеніе погибающихъ. Онъ вытащилъ кого-то изъ воды...

Всѣ смотрѣли съ ласковымъ любопытствомъ на Кромѣ. «Вотъ какіе у насъ люди», — съ гордостью думалъ кассиръ. Служащіе консульства заговорили о войнѣ. Дѣда на западъ шли прекрасно.

— Если удастся возстановить русскій фронтъ, гуннамъ конецъ.

— Какъ же это можетъ удасться?

— Переворотъ...

— Русскій народъ слишкомъ пассивенъ для переворота... Притомъ русскіе любятъ деспотическую власть...

— Въ сущности большевики унаслѣдовали традиціи царизма.

— У насъ все это было бы, конечно, невозможно.

— Вспомните русское ничего... Въ душѣ cadaго славянина есть мистическое начало, которое и сказалось те-

перь съ такой силой у большевиковъ. Въ нихъ есть много общаго съ героями Толстого...

— Скорѣе Достоевскаго... Вспомните Грушеньку изъ этихъ «Братьевъ»... Я забылъ ихъ фамилію, проклятыя русскія имена! Она сожгла десять тысячъ фунтовъ.

— Неужели сожгла въ печкѣ? Собственно зачѣмъ?

— Мистическое начало...

— Или босяки Горькаго... Это фанатики.

— Но вѣдь Горькій смертельный врагъ большевиковъ. Мнѣ на дняхъ перевели одну статью изъ его газеты... По моему, его босяки скорѣе анархисты...

— Это одно и то же... Я впрочемъ не читалъ босяковъ. Но я знаю все это по одной очень интересной статьѣ въ Times Literary Supplement.

— Господа, вы мнѣ мѣшаете считать... Я чуть не сдѣлалъ ошибки...

— Пожалуйста, ошибитесь въ мою пользу: это было бы очень кстати...

— Онъ, когда ошибается, то въ пользу казны.

— Онъ вѣрно думаетъ, что казна намъ платитъ слишкомъ много.

— Я ухожу... Вы остаетесь въ консульствѣ? — спросилъ своего друга Клервилль.

— Да, мнѣ надо еще поработать у себя. Обѣдаемъ вмѣстѣ?

— Непремѣнно.

Они простились и вышли изъ канцеляріи. Послѣ ихъ ухода оживленный разговоръ о войнѣ и о Россіи продолжался. Кассиръ выплачивалъ жалованье, складывалъ расписки и отмѣчалъ крестами въ общей вѣдомости тѣхъ, кто уже получилъ деньги.

— Вамъ какъ? — спросилъ онъ подошедшаго къ кассѣ служащаго.

— ...Все-таки очень интересна эта восточная мистика, — говорилъ журналистъ. — Вы вѣрно сказали о Толстомъ, но по моему...

Со стороны лѣстницы послышались повышенные голоса. Разговоръ въ канцеляріи оборвался. Всѣ съ недоумѣніемъ уставились въ сторону двери: такъ въ этомъ зданіи никто никогда не разговаривалъ. Голоса все росли и приближались. Кассиръ съ изумленно-вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ положилъ карандашъ на вѣдомость. Изъ второй комнаты канцеляріи вице-консулъ высунулъ голову съ высоко-поднятыми бровями.

— Въ чемъ дѣло? — недовольнымъ тономъ спросилъ онъ. Никто не успѣлъ отвѣтить. Дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату ворвалось нѣсколько человѣкъ. У нихъ въ рукахъ были револьверы. Кассиръ попятился назадъ и захлопнулъ дверцы желѣзнаго шкафа.

— Руки вверхъ! — прокричалъ визгливо первый комиссаръ.

Всѣ, застывъ отъ изумленія и неожиданности, выпученными глазами смотрѣли на вбѣжавшихъ людей.

— Руки вверхъ! — прокричалъ комиссаръ еще громче и визгливѣе. Одинъ изъ служащихъ инстинктивнымъ движеніемъ поднялъ руки. Мгновенно другіе сдѣлали то же самое. Пачка ассигнацій выпала изъ поднятой руки кассира. Онъ какъ-то дернулся, чтобъ ее поднять, и не поднялъ. Съ полминуты всѣ молчали въ оцѣпенѣніи.

Вдругъ за дверью, гдѣ-то совсѣмъ близко, гулко и четко грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Раздался отчаянный крикъ. Затѣмъ загремѣла ружейная пальба.

Маруся на цыпочкахъ пробралась по корридору, приоткрыла дверь и ахнула. «Наши, большевички!» — подумала она съ испугомъ и съ радостью.

Вестибюль былъ полонъ солдатъ. Они неловко топтались на мѣстѣ, напуганные роскошью посольства. Штатскій человѣкъ, распорядившійся въ вестибюлѣ, что-то грозно говорилъ швейцару, который, вытянувшись, растерянно на него смотрѣлъ. Здоровенный развѣдчикъ въ матросской формѣ, съ краснымъ свѣжимъ шрамомъ на ли-

цѣ, упершись руками въ бока, радостно смотрѣлъ на швейцара.

— Вы, товарищъ, будете отправлены на Гороховую, тамъ разберуть... Товарищъ Лисонъ, арестуйте его.

— Безпрѣмѣнно арестуемъ, дядя Полисенко, — отвѣчалъ человекъ въ матросскомъ платьѣ, добавивъ нѣсколько крѣпкихъ словъ. Онъ былъ навеселѣ. — Нарядили-то человека какъ, а?... Вотъ дуракъ!.. Ну и дуракъ!...

— Прислужники имперіалистовъ, — проворчалъ третій комиссаръ. — Добрались наконецъ до нихъ...

— Я и говорю дуракъ, товарищъ Шенкманъ. Паразитъ!

Полисенко и Шенкманъ шептались съ озабоченнымъ видомъ.

— Въ мандатѣ сказано: арестовать всѣхъ безъ исключенія.

— И отлично...

— Ну и дуракъ! ну и имперіалистъ!.. — говорилъ весело Лисонъ, ходя вокругъ стоявшаго истуканомъ швейцара, ливрея котораго видимо очень его забавляла. Онъ даже поскребъ чернымъ ногтемъ позументъ ливреи. Въ это время сверху донесся визгливый крикъ «Руки вверхъ!»

— Такъ сго..... — радостно сказалъ Лисонъ. Крикъ повторился. — Такъ ихъ!..

— Товарищи, нижній этажъ занятъ, теперь идемъ наверхъ, — взволнованно распорядился Полисенко и направился къ лѣстницѣ въ сопровожденіи Шенкмана. Солдаты нерѣшительно тронулись за ними. Маруся нѣсколько разочарованно смотрѣла изъ двери: скандалъ отъ нея удалялся и былъ онъ не такой, какого она ждала.

Вдругъ на площадкѣ лѣстницы откуда-то сбоку появилась высокая фигура. Маруся узнала своего капитана. Лицо его было блѣдно. Сердце у Маруси внезапно забилося сильнѣе. Капитанъ, чуть наклонивъ голову, странно-пристально смотрѣлъ на поднимавшихся людей. Полисенко остановился, встрѣтившись съ нимъ взглядомъ. Передній солдатъ попятился назадъ. Лисонъ, оставивъ швейцара,

медленно направился къ лѣстницѣ, какъ-то подобрившись всѣмъ тѣломъ и слегка вдвинувъ голову въ плечи. Настала мертвая тишина.

— Кто... такое?... Что... нужно? — спросилъ капитанъ. Онъ говорилъ медленно, съ трудомъ подыскивая русскія слова, не повышая голоса, очень спокойно и холодно.

— А ты самъ кто такое?... — спросилъ Лисонъ.

— Мы имѣемъ мандатъ на обыскъ въ британскомъ посольствѣ, — сказалъ Полисенко. Онъ тотчасъ пожалѣлъ, что остановился и вступилъ въ объясненія, и направился дальше. Капитанъ чуть передвинулся на площадкѣ, загромождавая дорогу.

— Нѣтъ... мандатъ... въ британски посольство, — ледянымъ голосомъ произнесъ онъ, медленно кивая отрицательно головой. У Маруси кровь все отливала отъ лица. Полисенко снова остановился и, поблѣднѣвъ, оглянулся на товарищей. Солдаты, тяжело дыша, надвигались. Одинъ изъ нихъ короткимъ шажкомъ поднялся ступенькой выше. То же самое мгновенно сдѣлали другіе.

— Ахъ, ты с... с!.. А ну-ка, пропусти меня, дядя Полисенко, я ему набью морду... — негромко сказалъ Лисонъ и, оставивъ назадъ локти, наклонивъ голову на бокъ, двинулся впередъ. Капитанъ, столь же странно-пристально на него глядя, опустилъ руку въ карманъ и неторопливо вынулъ револьверъ — совершенно такъ, какъ если-бы доставалъ изъ кармана портсигаръ или спички. Маруся негромко вскрикнула, отскочила отъ двери и снова высунула голову, едва дыша. Полисенко и Шенкманъ отшатнулись въ сторону. Лисонъ изогнулся и съ чудовищной бранью бросился на капитана. Въ ту же секунду грянулъ выстрѣлъ. Развѣдчикъ раскрылъ ротъ, поднялъ руки, застылъ на секунду и тяжело грохнулся назадъ на ступеньки лѣстницы, убитый наповаль.

— Товарищи! Что же это! — отчаяннымъ голосомъ вскрикнулъ комиссаръ Шенкманъ. Капитанъ Кроми повернулся къ нему, чуть прищутивъ глазъ, прицѣлился и

выстрѣлилъ. Шенкманъ ахнулъ, схватился за грудь и упалъ, обливаясь кровью.

— Товарищи! — дико закричалъ Полисенко. — Товарищи!..

Передній солдатъ съ перекосившимся лицомъ бросился вверхъ по лѣстницѣ. За нимъ тяжело рванулись другіе.

...Уткнувшись головой въ подушку, Маруся больше получаса пролежала на какомъ-то диванѣ. Она рыдала, не переставая.

Солдатъ вошелъ въ гостиную и, недоумѣвая, уставился на Марусю.

Мадамъ... Здѣсь нельзя... Надо туды идти, — медленно, стараясь быть понятнымъ, сказалъ онъ.

Маруся привстала съ дивана и вытерла слезы, струившіяся у нея изъ глазъ.

— Да вы кто? Англичанка? — спросилъ, изумленно глядя на нее, солдатъ.

— Русская я... Прачка, — сказала Маруся.

Солдатъ постоялъ, вздохнулъ и пошелъ звать начальство. Черезъ минуту въ гостиную вошелъ, въ сопровожденіи того же солдата, человекъ въ черной курткѣ.

— Вы кто такая? — строго спросилъ онъ Марусю.

— Русская... Трудящая... — тихо отвѣтила она.

— По англійски говорите? — спросилъ человекъ, но, посмотрѣвъ на Марусю, устыдился своего вопроса. — Вы прачка посольства?.. Бумаги есть?

Маруся показала бумагу. Комиссаръ внимательно прочелъ, затѣмъ сдѣлалъ внушеніе Марусѣ.

— Теперь вы сами видите, гражданка, къ чему приводить услуженіе имперіалистамъ. Вы будете послѣ общей провѣрки отпущены на свободу, но впредь совѣтую вамъ быть осторожнѣе... Отведите ее, товарищъ, въ пріемную.

Солдатъ повелъ Марусю по заламъ. Вездѣ все было разгромлено. На полу валялись осколки стекла, поломанная мебель, кучи бумагъ. Проходя мимо одной изъ ком-

нать, Маруся увидѣла въ ней арестованныхъ англичанъ. Сидѣвшая на стулѣ дама съ повязкой Краснаго Креста плакала, судорожно трясясь всѣмъ тѣломъ, держа передъ собой въ вытянутыхъ рукахъ густо окровавленный платокъ. Маруся опять заплакала навзрыдъ.

Отпустили ее еще не скоро. Хоть ей и было сказано, что она свободна, стоявшій у дверей вестибюля часовой никого не пропускалъ. «Подождешь», — съ тупымъ упрямствомъ говорилъ онъ всѣмъ. Маруся подняла съ пола опрокинутый стулъ и сѣла. Черезъ нѣкоторое время въ вестибюль, по лѣстницѣ, на площадкѣ забѣгали люди. Затѣмъ сверху повели арестованныхъ англичанъ. Ихъ было человѣкъ тридцать. Они шли по четыре въ рядъ, окруженные конвоемъ. Дверь посольства открылась настежь. Съ набережной донесся радостный гулъ, крики, затѣмъ звуки музыки. Часовой оставилъ свой постъ и побѣжалъ внизъ. Маруся выскочила за нимъ въ вестибюль, оттуда на улицу. Контроля больше не было.

На Невѣ прямо противъ посольства, навѣдя на него пушки и пулеметы, стоялъ миноносецъ. На борту выстроившійся оркестръ игралъ «Интернаціональ». Вся набережная была залита народомъ. Какой-то ораторъ, взобравшись на скамейку, кричалъ, размахивая кускомъ синей матеріи съ вышитыми на ней бѣлыми и красными крестами. Толпа, не слушая, радостно-тревожно гоготала. Передъ скамейкой люди въ черныхъ курткахъ сваливали что-то въ кучу: бумаги, картины, портреты въ рамкахъ, — Маруся показалося, что тутъ былъ и тотъ портретъ, который она видѣла часъ тому назадъ въ небольшой пріемной посольства.

— Этотъ символъ, товарищи... — надрываясь, кричалъ ораторъ, стараясь перекрыть музыку.

-- Такъ сго!.. Здорово!.. — гоготала толпа.

— Этотъ позорный символъ имперіализма!..

— Не слышать!.. Ори громче!..

Ораторъ со злобой повернулся къ Невѣ и отчаянно замахалъ рукой въ сторону миноносца. Матросы захохотали. Оркестръ пересталъ играть.

— Этотъ символъ, товарищи, совѣтскій пролетаріатъ его растопчетъ ногами! — прокричалъ ораторъ. Бросивъ британскій флагъ, онъ соскочилъ со скамейки на кучу и странно на ней затанцовалъ. Толпа гоготала все веселѣе.

— Такъ ихъ....

— Пляши, пляши!..

— Имперіалисты проклятые!..

Въ верхнемъ этажѣ посольства открылось настѣжь огромное окно. Толпа тотчасъ съ любопытствомъ устремила туда взоры. Въ окнѣ показался человѣкъ въ черной курткѣ, за нимъ другой, третій, — они что-то видимо приготавливали. Стало тише. Люди въ черныхъ курткахъ скрылись, затѣмъ появились снова, таща что-то тяжелое. Они перекинули ношу черезъ подоконникъ и отпустили. Что-то мягко стукнулось о стѣну, слегка закачалось и повисло. Гулъ ужаса пронесся по толпѣ. Изъ окна внизъ головой висѣло мертвое тѣло, со странно опущенными, точно вывернутыми, руками, привязанное за ноги къ чему-то въ комнатѣ. Лицо убитаго капитана было окровавлено и изуродовано.

Внизу настала тишина. Затѣмъ оркестръ заигралъ «Интернаціональ».

М. Алдановъ.

(Последній отрывокъ слѣдуетъ)

Подвигъ

(Романъ).

I.

Эдельвейсъ, дѣдъ Мартына, былъ, какъ это ни смѣшно, швейцарецъ, — рослый швейцарецъ съ пушистыми усами, воспитывавшій въ шестидесятихъ годахъ дѣтей петербургскаго помѣщика Индрикова и женившійся на младшей его дочери. Мартынъ сперва полагалъ, что именно въ честь дѣда названъ бархатно-бѣлый альпійскій цвѣтокъ, бадовень гербаріевъ. Вовсе отказаться отъ этого онъ и позже не могъ. Дѣда онъ помнилъ ясно, но только въ одномъ видѣ, въ одномъ положеніи: старикъ, весь въ бѣломъ, толстый, свѣтлоусый, въ панамской шляпѣ, въ пикейномъ жилетѣ, богатомъ брелоками (изъ которыхъ самый занимательный — кинжалъ съ ноготокъ), сидитъ на скамьѣ передъ домомъ, въ подвижной тѣни липы. На этой скамьѣ дѣдъ и умеръ, держа на ладони любимые золотые часы съ крышкой, какъ золотое зеркальце. Апоплексія застала его на этомъ своевременномъ жестѣ, и стрѣлка, по семейному преданію, остановилась вмѣстѣ съ его сердцемъ. Затѣмъ дѣдушка Эдельвейсъ годами сохранялся въ грузномъ кожаномъ альбомѣ; въ его время снимали со вкусомъ, съ разстановкой, это была операція не шуточная, паціентъ долженъ былъ замереть надолго, — еще не пришло, вмѣстѣ съ моментальной фотографіей, разрѣшеніе на улыбку. Сложностью свѣтописи объяснялись увѣсительность и крѣпость бравыхъ дѣдушкиныхъ позъ на блѣдноватыхъ, но очень добротныхъ фотографіяхъ, — дѣдуш-

ка въ молодости, съ ружьемъ, съ убитымъ вальдинымомъ, у ногъ, дѣдушка на кобылѣ Дѣзи, дѣдушка на полосатой верандовой лавкѣ, съ черной таксой, не хотѣвшей сидѣть смирно, а потому получившейся съ тремя хвостами. И только въ тысяча девятьсотъ восемнадцатомъ году дѣдушка Эдельвейсъ исчезъ окончательно, ибо сгорѣлъ альбомъ, сгорѣлъ столъ, гдѣ альбомъ лежалъ, сгорѣла и всѣ усадьба, которую, по глупости, спалили цѣликомъ, вмѣсто того, чтобы пожитья обстановкой, мужички изъ ближней деревни.

Отецъ Мартына врачевалъ накожные болѣзни, былъ знаменитъ, — тоже, какъ и дѣдъ, бѣлъ и тученъ, любилъ въ свободное время удить бычковъ и обладалъ великолѣпной коллекціей кинжаловъ, сабель, а также длинныхъ старинныхъ пистолетовъ, изъ-за которыхъ приверженцы болѣе новыхъ системъ чуть его не разстрѣляли. Весной восемнадцатаго года онъ отяжелѣлъ, распухъ, сталъ задыхаться и умеръ при неясныхъ обстоятельствахъ. Его жена, Софья Дмитріевна, жила въ то время съ сыномъ подъ Ялтой: городокъ примѣрялъ то одну власть, то другую, и все привередничалъ.

Это была розовая, веснушчатая, моложавая женщина, съ копной блѣдныхъ волосъ, съ приподнятыми бровями, густоватыми у переносицы, но почти незамѣтными поближе къ вискамъ, и со щелками въ удлиненныхъ мочкахъ нѣжныхъ ушей, которыя прежде она пронимала сережками. Еще недавно она сильно и ловко играла въ теннисъ на площадкѣ въ паркѣ, существовавшей съ восьмидесятыхъ годовъ, осенью много каталась на черномъ велосипедѣ Энфильдъ по аллеямъ, по шумно шуршащимъ коврамъ сухихъ листьевъ, или отмахивала пѣшкомъ по упругой обочинѣ весь длинный, съ дѣтства любимый путь между Ольховымъ и Воскресенскимъ, поднимая и опуская, какъ заправскій ходокъ конецъ дорогой трости съ коралловымъ набалдашникомъ. Въ Петербургѣ она слыла англо-манкой и славу эту любила, краснорѣчиво говорила о бой-

скаутахъ. о Киплингѣ, и находила совершенно особое удовольствие въ частыхъ посѣщеніяхъ Дрюса, гдѣ уже на лѣстницѣ, передъ большой рекламой (женщина, сочно намыливающая голову мальчишкѣ), привѣтствовалъ вась замѣчательный запахъ мыла, лаванды, съ примѣсью еще чего-то, говорившаго о резиновыхъ ваннахъ, футбольныхъ мячахъ и круглыхъ, тяжеленькихъ, туго спеленутыхъ рождественскихъ пуддингахъ. И, разумѣется, первыя книги Мартына были на англійскомъ языкѣ: Софья Дмитріевна, какъ чумы, боялась «Задушевнаго Слова» и внушила сыну такое отвращеніе къ титулованнымъ смуглянкамъ Чарской, что и впослѣдствіи Мартынъ побаивался всякой книги, написанной женщиной, чувствуя и въ лучшихъ изъ этихъ книгъ безсознательное стремленіе немолодой и, быть можетъ, дебелой дамы нарядиться въ смазливое имя и кошечкой свернуться на канапе. Софья Дмитріевна не терпѣла уменьшительныхъ, слѣдила за собой, чтобы ихъ не употреблять, и сердилась, когда мужъ говаривалъ: «У мальчугана опять кашелекъ, посмотримъ, нѣтъ ли температуры». Русская же литература для дѣтей кишмя кишѣла сюсюкающими словами, или же грѣшила другимъ — нравоучительствомъ.

Если фамилія дѣда Мартына цвѣла въ горахъ, то дѣвичья фамилія бабки, волшебнымъ происхожденіемъ разнясь отъ Волковыхъ,* Куницыныхъ, Бѣлкиныхъ, относилась къ русской сказочной фаунѣ. Дивные звѣри рыскали нѣкогда по нашей землѣ. Но русскую сказку Софья Дмитріевна находила аляповатой, злой и убогой, русскую пѣсню — бессмысленной, русскую загадку — дурацкой, и плохо вѣрила въ пушкинскую няню, говоря, что поэтъ ее самъ выдумалъ вмѣстѣ съ ея побасками, сплечами и тоской. Такимъ образомъ, Мартынъ въ раннемъ дѣтствѣ не узналъ иного, что впослѣдствіи сквозь самоцвѣтную волну памяти могло бы прибавить къ его жизни еще одно очарованіе, но очарованій было и такъ вдосталь, и ему не приходилось жалѣть, что не Ерусланомъ, а западнымъ

братомъ Еруслана было въ дѣтствѣ разбужено его воображеніе. Да и не все ли равно, откуда приходитъ нѣжный толчокъ, отъ котораго трогается и катится душа, обреченная послѣ сего никогда не прекращать движенія.

II.

Надъ маленькой, узкой кроватью, съ бѣлыми веревчатыми рѣшетками по бокамъ и съ иконкой въ головахъ (въ грубоватой прорѣзи фольги — лаково-коричневый святой, а малиновый плюшъ на исподѣ подѣвденъ не то молю, не то самимъ Мартыномъ) висѣла на свѣтлой стѣнѣ акварельная картина: густой лѣсъ и уходящая вглубь витая тропинка. Межъ тѣмъ, въ одной изъ англійскихъ книжонокъ, которая мать читывала съ нимъ, — и какъ медленно и таинственно она произносила слова, доходя до конца страницы, какъ таращила глаза, положивъ на нее маленькую бѣлую руку въ легкихъ веснушкахъ, и спрашивая: «Что же, ты думаешь, случилось дальше?» — былъ рассказъ именно о такой картинѣ съ тропинкой въ лѣсу прямо надъ кроватью мальчика, который однажды, какъ былъ, въ ночной рубашкѣ, перебрался изъ постели въ картину, на тропинку, уходящую въ лѣсъ. Мартына волновала мысль, что мать можетъ замѣтить сходство между акварелью на стѣнѣ и картинкой въ книжкѣ: по его расчету, она, испугавшись, предотвратила бы ночное путешествіе тѣмъ, что картину бы убрала, и потому всякій разъ, когда онъ въ постели молился передъ сномъ (сначала коротенькая молитва по-англійски, — «Исусе нѣжный и кроткій, услышь маленькаго ребенка», — а затѣмъ «Отче Нашъ» по-славянски, при чемъ какого-то Якова мы оставляли должникамъ нашимъ), быстро лепеча и стараясь колѣнями встать на подушку, — что мать считала недопустимымъ по соображеніямъ аскетическаго порядка, — Мартынъ молился о томъ, чтобы она не замѣтила соблаз-

нительной тропинки какъ разъ надъ нимъ. Вспоминая въ юности то время, онъ спрашивалъ себя, не случилось ли и впрямь такъ, что съ изголовья кровати онъ однажды прыгнулъ въ картину, и не было ли это началомъ того счастливаго и мучительнаго путешествія, которымъ обернулась вся его жизнь. Онъ какъ будто помнилъ холодокъ земли, зеленяя сумерки лѣса, излуки тропинки, пересѣченной тамъ и сямъ горбатымъ корнемъ, мельканіе стволовъ, мимо которыхъ онъ босикомъ бѣжалъ, и странный темный воздухъ, полный сказочныхъ возможностей.

Бабушка Эдельвейсъ, рожденная Индрикова, ревностно занимаясь акварелью во дни молодости, врядъ ли предвидѣла, когда мѣшала на фарфоровой палитрѣ синенькую краску съ желтенькой, что въ этой рождающейся зелени будетъ когда-нибудь плутать ея внукъ. Волненіе, которое Мартынъ узналъ, и которое съ той поры, въ различныхъ проявленіяхъ и сочетаніяхъ, всегда уже сопутствовало его жизни, было какъ разъ тѣмъ чувствомъ, которое мать и хотѣла въ немъ развитъ, — хотя сама бы затруднилась подыскать этому чувству названіе, — знала только, что нужно каждый вечеръ питать Мартына тѣмъ, чѣмъ ее самое питала когда-то покойная гувернантка, старая, мудрая госпожа Брукъ, сынъ которой собиралъ орхидеи на Борнео, леталъ на аэростатѣ надъ Сахарой, а погибъ отъ взрыва котла въ турецкой банѣ. Она читала, и Мартынъ слушалъ, стоя въ креслѣ на колѣняхъ и облокотясь на столъ, и было очень трудно кончить, увести его спать, онъ все просилъ еще и еще. Иногда она носила его по лѣстницѣ въ спальню на спинѣ, и это называлось «дровосѣкъ». Передъ сномъ онъ получалъ изъ жестяной коробки, оклеенной голубой бумагой, англійскій бисквитъ. Сверху были замѣчательные сорта съ сахарными напленками, поглубже — печенья имбирныя, кокосовыя, а въ грустный вечеръ, когда онъ доходилъ до дна, приходилось довольствоваться третьеклассной породой, — простой и прѣсной.

И все шло Мартыну въ прокъ, и хрустящее англій-

ское печенье, и приключенія Артуровыхъ рыцарей, — та сладкая минута, когда юноша, племянникъ, быть можетъ, сэра Тристрама, въ первый разъ надѣваетъ лю частямъ блестящія выпуклыя латы и ѣдетъ на свой первый поединокъ; и какіе-то далекіе, круглые острова, на которыхъ смѣтять съ берега дѣвушка въ развѣвающихъ одеждахъ, держащая на кисти сокола въ клубочкѣ; и Синдбадъ въ красномъ платкѣ съ золотымъ кольцомъ въ ухѣ; и морской змій, зелеными шинами торчащій изъ воды до самаго горизонта; и ребенокъ, нашедшій мѣсто, гдѣ конецъ радуги уткнулся въ землю; — и, какъ отголосокъ всего этого, какъ чѣмъ то родственный образъ, — чудесная модель длиннаго фанерно-коричневаго вагона въ окнѣ общества спальныхъ вагоновъ и великихъ международныхъ экспрессовъ, — на Невскомъ проспектѣ, въ тусклый морозный день съ легкой заметью, когда приходится носить черныя вязаныя рейтузы поверхъ чулокъ и штанишекъ.

III.

Она любила его ревниво, дико, до какой-то душевной хрипоты, — и, когда она съ нимъ, послѣ размолвки съ мужемъ, поселилась отдѣльно, и Мартынъ по воскресеньямъ посѣщалъ квартиру отца, гдѣ подолгу возился съ пистолетами и кинжалами, межъ тѣмъ какъ отецъ спокойно читалъ газету и, не поднимая головы, изрѣдка отвѣчалъ «да, заряженный» или «да, отравленный», Софья Дмитриевна едва могла усидѣть дома, мучась вздорной мыслью, что ея лѣнивый мужъ нѣтъ-нѣтъ да и предприметъ что-нибудь, — удержать сына при себѣ. Мартынъ же былъ съ отцомъ очень ласковъ и учтивъ, стараясь по возможности смягчить наказаніе, ибо считалъ, что отецъ удаленъ изъ дому за провинность, за то, что какъ-то, на дачѣ, лѣтнимъ вечеромъ, сдѣлалъ нѣчто такое съ роялемъ, отчего тотъ издалъ совершенно потрясающій звукъ. слов-

но ему наступили на хвостъ, — и на другой день отецъ уѣхалъ въ Петербургъ и больше не возвращался. Это было какъ разъ въ годъ, когда убили въ сараѣ австрійскаго герцога, — Мартынъ очень живо представилъ себѣ этотъ сарай, съ хомутами по стѣнѣ, и герцога въ шляпѣ съ плюмажемъ, отражающаго шпагой человѣкъ пять заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ, и огорчился, когда выяснилась ошибка. Ударъ по клавишамъ произошелъ безъ него, — онъ въ комнатѣ рядомъ чистилъ зубы густопѣнящейся, сладкой на вкусъ пастой, которая была особенно привлекательна слѣдующей надписью по-англійски: «Улучшить пасту мы не могли, а потому улучшили тубочку», — и дѣйствительно отверстие было щелью, такъ что выжимаемая паста ложилась на щетку не червячкомъ, а ленточкой.

Послѣдній разговоръ съ мужемъ Софья Дмитриевна вспомнила полностью, со всѣми подробностями и отѣнками, въ тотъ день, когда пришло въ Ялту извѣстіе о его смерти. Мужъ сидѣлъ у плетенаго столика, осматривалъ кончики короткихъ, растопыренныхъ пальцевъ, и она ему говорила, что такъ нельзя дальше, что они давно чужіе другъ другу, что она готова хоть завтра забрать сына и уѣхать. Мужъ лѣниво улыбался и хрипловатымъ, тихимъ голосомъ отвѣчалъ, что она права, увѣ, права, и говорилъ, что онъ уѣдегъ отсюда самъ, да и въ городѣ сниметъ отдѣльную квартиру. Его тихій голосъ, мирная полнота, а пуще всего — пилочка, которой онъ во всякое время терзалъ мягкіе ногти, выводили ее изъ себя, — и ей казалось, что есть чудовищное въ томъ спокойствіи, съ которымъ они оба разсуждаютъ о разлукѣ, хотя бурныя рѣчи и слезы были бы, конечно, еще ужаснѣе. Погода онъ поднялся и, пиля ногти, принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и съ мягкой улыбкой говорилъ о житейскихъ мелочахъ будущей розной жизни (недѣльную роль играла при этомъ карета), — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, проходя мимо открытаго рояля, двинулся со всей силы сжатымъ кулакомъ по клавишамъ, и это бы-

ло, словно въ раскрывшуюся на мигъ дверь ворвался нестройный вопль; послѣ чего онъ прежнимъ тихимъ голо-сомъ продолжалъ прерванную фразу, а проходя опять мимо рояля, осторожно его прикрылъ.

Смерть отца, котораго онъ любилъ мало, потрясла Мартына именно потому, что онъ не любилъ его какъ слѣдуетъ, а кромѣ того онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что отецъ умеръ въ немилости. Тогда-то Мартынъ впервые понималъ, что человѣческая жизнь идетъ излучинами, и что вотъ, первый плесъ пройденъ, и что жизнь повернулась въ ту минуту, когда мать позвала его изъ кипарисовой аллеи на веранду и сказала страннымъ голосомъ: «Я получила письмо отъ Зиланова», — а потомъ продолжала по-англійски: «Я хочу, чтобъ ты былъ храбрымъ, очень храбрымъ, это о твоёмъ отцѣ, его больше нѣтъ». Мартынъ поблѣднѣлъ и растерянно улыбнулся, а затѣмъ долго блуждалъ по Воронцовскому парку, повторяя изрѣдка дѣтское прозваніе, которое когда-то далъ отцу, и стараясь представить себѣ, — и съ какой-то теплой и томной убѣдительностью себѣ представляя, — что отецъ его рядомъ, спереди, позади, вотъ за этимъ кедромъ, вонъ на томъ покато́мъ лугу, близко, далеко, повсюду.

Было жарко, хотя недавно прошелъ бурный дождь. Надъ лаковой мушмулой жужжали мясные мухи. Въ бассейнѣ плавалъ злой черный лебедь, поводя пунцовымъ, словно накрашеннымъ клювомъ. Съ миндальныхъ деревьевъ облетѣли лепестки и лежали, блѣдые, на темной землѣ мокрой дорожки, напоминая миндали въ пряникѣ. Невдалекѣ отъ огромныхъ ливанскихъ кедровъ росла одна единственная березка съ тѣмъ особымъ наклономъ листвы (словно расчесывала волосы, спустила пряди съ одной стороны, да такъ и застыла), какой бываетъ только у березъ. Проплыла бабочка-парусникъ, вытянувъ и сложивъ свои ласточковые хвосты. Сверкающій воздухъ, тѣни кипарисовъ, — старыхъ, съ рыжиной, съ мелкими шишками, спрятанными за пазухой, — зеркально-черная вода бассейна, гдѣ

вокругъ лебедя расходились круги, сіяющая синева, гдѣ вздымался, широко опоясанный каракулевой хвоей, зубчатый Ай-Петри, — все было насыщено мучительнымъ блаженствомъ, и Мартыну казалось, что въ распредѣленіи этихъ тѣней и блеска тайнымъ образомъ участвуетъ его отецъ.

«Если бы тебѣ было не пятнадцать, а двадцать лѣтъ, — вечеромъ того дня говорила Софья Дмитріевна, — если бы гимназію ты уже кончилъ, и если бъ меня уже не было на свѣтѣ, ты бы, конечно, могъ, ты, пожалуй, былъ бы обязанъ...» Она задумалась посреди словъ, представивъ себѣ какую-то степь, какихъ-то всадниковъ въ папахѣхъ и стараясь издали узнать среди нихъ Мартына. Но онъ, слава Богу, стоялъ рядомъ, въ открытой рубашкѣ, подъ гребенку остриженный, коричневый отъ солнца, со свѣтлыми, незагорѣвшими лучиками у глазъ. «А ѣхать въ Петербургъ...» — вопросительно произнесла она, и на неизвѣстной станціи разорвался снарядъ, паровозъ всталъ на дыбы... «Вѣроятно это все когда-нибудь кончится, — сказала она, спустя минуту. — Пока же надо придумать что-нибудь». «Я пойду выкупаюсь, — примирительно вставилъ Мартынъ. — Тамъ Коля, Лида, всѣ». «Конечно, пойди, — сказала Софья Дмитріевна. — Въ общемъ революція пройдетъ, и будетъ странно вспоминать, и ты очень поправился въ Крыму. И въ ялтинской гимназіи какъ-нибудь доучишься. Посмотри, какъ тамъ хорошо освѣщено, правда?»

Ночью оба, и мать и сынъ, не могли уснуть и думали о смерти. Софья Дмитріевна, стараясь думать тихо, то-есть не всхлипывать и не вздыхать (дверь въ комнату сына была полуоткрыта), опять вспоминала, подробно и щелетильно, все то, что привело къ разрыву съ мужемъ, и, провѣряя каждое мгновеніе, она ясно видѣла, что тогда-то и тогда-то нельзя было ей поступить иначе, и все-таки таилась гдѣ-то ошибка, и все-таки, если бы они не разстались, онъ не умеръ бы такъ, одинъ, въ пустой комнатѣ, задыхающійся, безпомощный, вспоминающій, быть можетъ, послѣдній

годъ ихъ счастья (не ахти какого счастья) и послѣднюю заграничную поѣздку, Біаррицъ, прогулку на Круа-де-Муръ, галлерейки Байонны. Была нѣкая сила, въ которую она крѣпко вѣрила, столь же похожая на Бога, сколь похожи на никогда невидѣннаго человѣка его домъ, его вещи, его теплица и пасѣка, далекій голосъ его, случайно услышанный ночью въ полѣ. Она стѣснялась эту силу назвать именемъ Божиимъ, какъ есть Петры и Иваны, которые не могутъ безъ чувства фальши произнести Петя, Ваня, межъ тѣмъ, какъ есть другіе, которые, передавая вамъ длинный разговоръ, разъ двадцать просмакуютъ свое имя и отчество, или еще хуже — прозвище. Эта сила не вязалась съ церковью, никакихъ грѣховъ не отпускала и не карала, но просто было иногда стыдно передъ деревомъ, облакомъ, собакой, стыдно передъ воздухомъ, такъ же бережно и свято несущимъ дурное слово, какъ и доброе. И теперь, думая о непріятномъ, нелюбимомъ мужѣ и о его смерти, Софья Дмитріевна, хотя и повторяла слова молитвъ, родныхъ ей съ дѣтства, на самомъ же дѣлѣ напирала всѣ силы, чтобы, подкрѣпленной двумя-тремя хорошими воспоминаніями, — сквозь туманъ, сквозь большіе пространства, сквозь все то, что непонятно, — поцѣловать мужа въ лобъ. Съ Мартыномъ она никогда прямо не говорила о вещахъ этого порядка, но всегда чувствовала, что все другое, о чемъ они говорятъ, создаетъ для Мартына, черезъ ея голосъ и любовь, такое же ощущеніе Бога, какъ то, что живетъ въ ней самой. Мартынъ, лежавшій въ сосѣдней комнатѣ и нарочито храпѣвшій, чтобы мать не думала, что онъ бодрствуетъ, тоже мучительно вспоминалъ, тоже пытался осмыслить смерть и уловить въ темнотѣ комнаты посмертную нѣжность. Онъ думалъ объ отцѣ всей силой души, производилъ даже нѣкоторые оныты, говорилъ себѣ: если вотъ сейчасъ скрипнетъ половица, или что-то стукнетъ, значить онъ меня слышитъ и отвѣчаетъ... Дѣлалось страшно ждать стука, было душно и тягостно, шумѣло море, тонко пѣли комары. А то вдругъ

онъ съ совершенной ясностью видѣлъ полное лицо отца, его пенсне, свѣтлыя волосы бобрикомъ, круглый родимый прыщъ у ноздри и блестящее, изъ двухъ золотыхъ змѣекъ, кольцо вокругъ узла галстука, — а когда онъ, наконецъ, уснулъ, то увидѣлъ, что сидитъ въ классѣ, не знаетъ урока, и Лида, почесывая ногу, говорить ему, что грузины не ѣдятъ мороженного.

IV.

Ни Лидѣ, ни ся брату онъ не сообщилъ о смерти отца, — потому не сообщилъ, что врядъ ли бы удалось выговорить это естественно, а сказать съ чувствомъ было бы непристойно. Сызмала мать учила его, что выражать вслухъ на людяхъ глубокое переживаніе, которое тотчасъ на вольномъ воздухѣ вывѣтривается, линияетъ и страннымъ образомъ дѣлается схожимъ съ подобнымъ же переживаніемъ другого, — не только вульгарно, но и грѣхъ противъ чувства. Она не терпѣла надгробныхъ лентъ съ серебряными посвященіями «Юному Герою» или «Нашей Незабвенной Дочуркѣ» и порицала тѣхъ чинныхъ, но чувствительныхъ людей, которые, потерявъ близкаго, считаютъ возможнымъ публично исходить слезами, однако въ другое время, въ день удачъ, распираемые счастьемъ, никогда не позволятъ себѣ расхохотаться въ лицо прохожимъ. Однажды, когда Мартыну было лѣтъ восемь, онъ попытался наголо остричь мохнатую дворовую собачку и нечаянно порѣзалъ ей ухо. Стѣсняясь почему-то объяснить, что сѣлъ, отхвативъ лишнія лохмы, собирався выкрасить ее подъ тигра, Мартынъ встрѣтилъ негодованіе матери стоическимъ молчаніемъ. Она велѣла ему спустить штаны и лечь ничкомъ. Въ полномъ молчаніи онъ сдѣлалъ это, и въ подномъ же молчаніи она его отстегала желтымъ стекомъ изъ бычьей жилы; послѣ чего онъ подтянулъ штаны, и она помогла ему пристегнуть ихъ къ лифчику,

такъ какъ онъ это дѣлалъ криво. Мартынъ ушелъ въ паркъ и только тамъ далъ себѣ волю, тихо извылъ душу, забывая слезы черникой, а Софья Дмитриевна тѣмъ временемъ разливалась у себя въ спальнѣ и вечеромъ едва не заплакала вновь, когда Мартынъ, очень веселый и пухлый, сидѣлъ въ ваннѣ, подталкивая целлулоидоваго лебедя, а потомъ всталъ, чтобы дать себѣ намылить спину, и она увидѣла на нѣжныхъ частяхъ ярко-розовыя полосы. Экзекуція такого рода произведена была всего разъ, и конечно Софья Дмитриевна никогда не замахивалась на него по всякому пустяковому поводу, какъ это дѣлають француженки и нѣмки.

Рано научившись сдерживать слезы и не показывать чувствъ, Мартынъ въ гимназіи поражалъ учителей своей безчувственностью. Самъ же онъ вскорѣ открылъ въ себѣ черту, которую слѣдовало особенно ревниво скрывать, и въ пятнадцать лѣтъ, въ Крыму, это служило причиной нѣкотораго мученія. Мартынъ замѣтилъ, что иногда онъ такъ боится показаться немужественнымъ, прослыть трусомъ, что съ нимъ происходитъ какъ разъ то, что произошло бы съ трусомъ, кровь отливаетъ отъ лица, въ ногахъ дрожь, туго бьется сердце. Признавшись себѣ, что подлиннаго, врожденнаго хладнокровія у него нѣтъ, онъ все же твердо рѣшилъ всегда поступать такъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ человѣкъ отважный. При этомъ самолюбіе было у него развито чрезвычайно. Коля, Лидинъ братъ, былъ однихъ съ нимъ лѣтъ, но худосоченъ и малъ ростомъ. Мартынъ чувствовалъ, что, безъ особаго труда, положилъ бы его на лопатки. Однако, его такъ нервила возможность случайнаго пораженія, и съ такой отвратительной яркостью онъ его себѣ представлялъ, что ни разу не попробовалъ вступить съ Колей, съ однолѣткомъ, въ борьбу, но зато охотно принималъ вызовъ Владиміра Ивановича, двадцатилѣтняго корнета съ мускулами, какъ булыжники, черезъ полгода убитаго подъ Мелитополемъ, который жестоко мять его, ломалъ и послѣ изну-

рительной возни придавливалъ его наконецъ, краснаго и ослабленнаго, къ травѣ. А то случилось разъ, что Мартынъ возвращался домой изъ Адреиза, гдѣ жила Лидина семья, ночью, лѣтней крымской ночью, мѣстами изсиня-черной отъ кипарисовъ, мѣстами же блѣдной, какъ мѣлъ, отъ неживой бѣлизны татарскихъ стѣнъ противъ луны, и вдругъ на поворотѣ узкой кремнистой дороги, ведущей изъ шоссе, выросла передъ нимъ фигура человѣка, и густой голосъ спросилъ: «Кто идетъ?» Мартынъ съ досадой отмѣтилъ, что сердце забилося часто. «Э, да это — Умерахметъ», — грозно сказалъ человѣкъ и слегка придвинулся сквозь рваную черную тѣнь, скользнувшую по его лицу. «Нѣтъ, — сказалъ Мартынъ. — Пропустите, пожалуйста». «А я говорю, что Умерахметъ», — тихо, но еще грознѣе, повторилъ тотъ, и тутъ Мартынъ замѣтилъ при вспыскѣ луны, что у него въ рукѣ крупный револьверъ. «А ну-ка, становись къ стѣнкѣ», — проговорилъ человѣкъ, смѣнивъ угрозу на примирительную дѣловитость. Блѣдную руку съ чернымъ револьверомъ поглотила набѣжавшая тѣнь, до точки блеска осталась на томъ же мѣстѣ. Мартыну представлялись двѣ возможности, — первая: добиться разъясненія, вторая: шарахнуть въ темноту и бѣжать. «Мнѣ кажется, вы меня принимаете за другого», — неловко говорилъ онъ и назвалъ себя. «Къ стѣнкѣ, къ стѣнкѣ», — дискантомъ крикнулъ человѣкъ. «Тутъ никакой стѣнки нѣтъ», — сказалъ Мартынъ. «Я подожду, пока будетъ», — загадочно замѣтилъ человѣкъ и, хрустнувъ камушками не то опустился на корточки, не то присѣлъ, — въ темнотѣ было не разглядѣть. Мартынъ все стоялъ, чувствуя какъ бы легкій зудъ по всей лѣвой сторонѣ груди, куда должно быть мѣтилъ невидимый теперь стволъ. «Если двинешься, убью», — совсѣмъ тихо сказалъ человѣкъ и еще что-то добавилъ, неразборчивое. Мартынъ постоялъ, постоялъ, мучительно пытаясь придумать, что сдѣлалъ бы на его мѣстѣ безоружный смѣльчакъ, ничего не придумалъ и вдругъ спросилъ: «Не хотите ли папиросу, у меня

есть?» Онъ не зналъ, почему это вырвалось, ему сразу стало стыдно, особенно потому, что его предложеніе осталось безъ отвѣта. И тогда Мартынъ рѣшилъ, что единственное, чѣмъ онъ можетъ искупить стыдное слово, это прямо пойти на человѣка, повалить его, буде нужно, но пройти. Онъ подумалъ о завтрашнемъ пикникѣ, о залитыхъ ровнымъ рыже-золотымъ загаромъ, словно лакомъ, Лидиныхъ ногахъ, представилъ себѣ, что можетъ быть отецъ ждетъ его въ эту ночь, можетъ быть дѣлаетъ кое-какія приготовленія ко встрѣчѣ, и почувствовалъ къ нему странную неприязнь, за которую впоследствии долго себя корилъ. Шумѣло и черезъ одинаковые промежутки бухало море, заводнымъ звонкимъ стрепетомъ подгоняли другъ друга кузнечики, а этотъ болванъ въ темнотѣ... Мартынъ замѣтилъ, что прикрываетъ ладонью сердце, и, въ послѣдній разъ назвавъ себя трусомъ, рѣзко двинулся впередъ. И ничего не случилось. Онъ споткнулся о ногу человѣка, и тотъ ея не убралъ. Сгорбясь, опустивъ голову, человѣкъ сидѣлъ, тихо похрапывая, и сытно, густо несло отъ него винищемъ.

Благополучно добравшись до дому, выспавшись и выйдя утромъ на увитый глициніями балконъ, Мартынъ пожалѣлъ, что не обезоружилъ пьянаго шатуна: отнятымъ револьверомъ онъ бы могъ загадочно похвастать. Онъ остался собой недоволенъ, оказавшись, по собственному мнѣнію, несовѣстъ на высотѣ при встрѣчѣ съ давно желанной опасностью. Сколько разъ на большой дорогѣ своей мечты онъ, въ баутѣ и сапогахъ съ раструбами, останавливалъ то дилижансъ, то грузный дормезъ, то всадника, и дукаты купцовъ раздавалъ нищимъ. Въ бытность свою капитаномъ на пиратскомъ корветѣ, онъ, стоя спиной къ гротмачтѣ, одинъ отбивалъ напоръ бунтующаго экипажа. Его посылали въ дебри Африки разыскивать Ливингстона, и, найдя его наконецъ — въ дикомъ лѣсу, въ безымянной области, — онъ къ нему подходилъ съ учтивымъ поклономъ, щеголяя сдержанностью. Онъ бѣжалъ съ каторги

черезъ тропическія топи, онъ шелъ къ полюсу мимо удивленныхъ, торчкомъ стоявшихъ лингвиновъ, онъ на взмыленномъ конѣ, съ шашкой наголо, первымъ врывался въ мятежную Москву. И уже Мартынъ ловилъ себя на томъ, что заднимъ числомъ прихорашиваетъ нелѣпое и довольно плоское ночное происшествіе, столь же похожее на подлинную жизнь, которой онъ жилъ въ мечтахъ, сколь похожъ безсвязный сонъ на цѣльную и полную дѣйствительность. И, какъ иногда бываетъ, что, рассказывая видѣнный сонъ, мы невольно кое-что сглаживаемъ, округляемъ, подкрашиваемъ, чтобы поднять его хотя бы до уровня нелѣпости реальной, возможной, точно также Мартынъ, репетируя рассказъ о ночной встрѣчѣ (который, однако, оглашать онъ не собирался), дѣлалъ встрѣчнаго болѣе трезвымъ, револьверъ его болѣе дѣйственнымъ и собственныя слова — болѣе остроумными.

V.

И въ слѣдующіе дни, перекидываясь съ Колей футбольнымъ мячемъ или выискивая съ Лидой въ прибрежномъ галечникѣ мелкіе морскіе курьезы (круглый камушекъ въ цвѣтномъ пояскѣ, маленькую, зернисто-рыжую отъ ржавчины подкову, отшлифованные моремъ блѣдно-зеленые осколки бутылочнаго стекла, напоминавшіе емъ раннее дѣтство, пляжъ въ Біаррицѣ), Мартынъ дивился ночному происшествію, сомнѣвался, было ли оно, и все прочнѣе продвигалъ его въ ту область, гдѣ пускало корни и начинало жить чудесной и самостоятельной жизнью все, что онъ выбиралъ изъ міра на потребу души. Наростала, закипала пѣной и кругло опрокидывалась волна, стелилась, избѣгая по галькѣ и, не удержавшись, соскальзывала назадъ при глухомъ бормотаніи разбуженныхъ камушковъ, и не успѣвала втянуться, какъ уже новая, съ тѣмъ же круглымъ, веселымъ плескомъ, опрокидывалась

и прозрачнымъ пластомъ вытягивалась до предѣла, положеннаго ей. Коля подальше зашвыривалъ найденную дощечку, и фоксъ-террьеръ Лэди, поднимая вразъ переднія лапы, прыгалъ по водѣ и напряженно пускался вилать. Его подхватывала очередная волна, мощно несла и затѣмъ въ полной сохранности выкладывала на берегъ, и фоксъ-террьеръ, уронивъ передъ собой отобранную у моря дощечку, круто отряхивался. Лиди, — купавшаяся только по утрамъ, спозаранку, вмѣстѣ съ матерью и Софьей Дмитриевной, — отходила налѣво, къ скаламъ (прозваннымъ ею «Айвазовскими»), пока купались мальчики: Коля плавалъ по-татарски, кувыркомъ, а Мартынъ гордился быстрымъ и правильнымъ кролемъ, которому его научилъ англичанинъ-гувернеръ въ послѣднее лѣто на сѣверѣ. Ни тотъ, ни другой мальчикъ, впрочемъ, далеко не уплывалъ, — и одной изъ самыхъ сладостныхъ и жуткихъ грезъ Мартына была темная ночь въ пустомъ, бурномъ морѣ, послѣ крушенія корабля, — ни зги не видать, и онъ одинъ, поддерживающій надъ водой креолку, съ которой наканунѣ танцевалъ танго на палубѣ. Послѣ купанія было удивительно пріятно нагишомъ лечь на раскаленные камни и смотрѣть, запрокинувъ голову, на черные кипжалы кипарисовъ, глубоко вдвинутые въ небо. Коля, сынъ ялтинскаго доктора, прожившій всю жизнь въ Крыму, принималъ эти кипарисы и восторженное небо, и дивно-синее, въ ослѣпительныхъ чешуйкахъ, море, какъ нѣчто должное, обиходное, и было трудно завлечь его къ любимыя Мартыновы игры и превратить его въ мужа креолки, случай но выброшеннаго на тотъ же необитаемый островъ.

Вечеромъ поднимались узкими кипарисовыми коридорами въ Адреизъ, и большая нелѣпая дача со многими лѣсенками, переходами, галлереями, такъ забавно построенная, что порой никакъ нельзя было установить, въ какомъ этажѣ находишься, ибо, поднявшись по какимъ-нибудь крутымъ ступенямъ, ты вдругъ оказывался не въ мезонинѣ, а на террасѣ сада, — уже была пронизана жел-

тымъ керосиновымъ свѣтомъ, и съ главной веранды слышались голоса, звонъ посуды. Лида переходила въ лагерь взрослыхъ, Коля, нажавшись, сразу заваливался спать; Мартынъ сидѣлъ въ темнотѣ на нижнихъ ступенькахъ и, поѣдая изъ ладони черешни, прислушивался къ веселымъ освѣщеннымъ голосамъ, къ хохоту Владиміра Ивановича, къ Лидиной уютной болтовнѣ, къ спору между ея отцомъ и художникомъ Данилевскимъ, говорливымъ заикой. Гостей вообще бывало много — смѣшливыя барышни въ яркихъ платкахъ, офицеры изъ Ялты и паническіе пожилые сосѣди, уходившіе скопомъ въ горы при зимнемъ нашествіи красныхъ. Было всегда неясно, кто кого привелъ, кто съ кѣмъ друженъ, но хлѣбосоольство Лидиной матери, непримѣтной женщины въ горжеткѣ и въ очкахъ, не знало предѣла. Такъ появился однажды и Аркадій Петровичъ Зарянскій, долговязый, мертвенно-блѣдный человѣкъ, имѣвшій какое-то смутное отношеніе къ сценѣ, одинъ изъ тѣхъ несуразныхъ людей, которые разтѣзжаютъ по фронтамъ съ мелодскламаніей, устраиваютъ спектакли накануне разгрома городка, бѣгутъ покупать погоны и никакъ не могутъ добѣжать, и возвращаются, радостно запыхавшись, съ чудесно добытымъ цилиндромъ для послѣдняго дѣйствія «Мечты Любви». Онъ былъ лысоватъ, съ прекраснымъ, напористымъ профилемъ, но повернувшись прямо, оказывался менѣе благообразнымъ: подъ болотцами глазъ набухали мѣшечки, и не хватало одного рѣзца. Человѣкъ же онъ былъ мягкій, добродушный, чувствительный и, когда по ночамъ всѣ выходили гулять, плѣлъ бархатнымъ баритономъ «Ты помнишь ли — у моря мы сидѣли...» или рассказывалъ въ темнотѣ армянскій анекдотъ, и кто-нибудь въ темнотѣ смѣялся. Въ первый разъ встрѣтивъ его, Мартынъ съ изумленіемъ и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ призналъ въ немъ забулдыгу, приглашавшаго его стать къ стѣнкѣ, но Зарянскій повидимому ничего не помнитъ, такъ что осталось неяснымъ, кто такой Умерахметъ. Пьяницей былъ Аркадій Петровичъ

отмѣннымъ и бушевалъ во хмелю, — но револьверъ, который однажды снова возникъ, -- во время пикника на Яйлѣ, въ стрекотливую ночь, пропитанную луннымъ свѣтомъ и мускатъ-люнелемъ, — оказался съ пустымъ барабаномъ. Зарянский еще долго вскрикивалъ, грозилъ, бормоталъ, говоря о какой-то своей роковой любви, его pokrыли шинелью, и онъ уснулъ. Лида сидѣла близко къ костру и, подперевъ ладонями лицо, блестящими, пляшущими, румяно-кариими отъ огня глазами, глядѣла на вырывавшіяся искры. Погода Мартынъ всталъ, разминая ноги, и, взойдя по черному муравчатому скату, подошелъ къ краю обрыва. Сразу подъ ногами была широкая темная бездна, а за ней — какъ будто близкое, какъ будто приподнятое, море съ цареградской стезей посрединѣ, лунной стезей, суживающей къ горизонту. Слева, во мракѣ, въ таинственной глубинѣ, дрожащими алмазными огнями играла Ялта. Когда же Мартынъ оборачивался, то видѣлъ поодаль огненное безпокойное гнѣздо костра, силуэты людей вокругъ, чью-то руку, бросавшую сукъ. Стрекотали кузнечики, по временамъ несло сладкой хвойной гарью, — и надъ черной Яйлой, надъ шелковымъ моремъ, огромное, всепоглощающее, сизое отъ звѣздъ небо было головокружительно, и Мартынъ вдругъ опять почувствовалъ то, что уже чувствовалъ не разъ въ дѣтствѣ — невыносимый подъемъ всѣхъ чувствъ, что-то очаровательное и требовательное, присутствіе такого, для чего только и стоитъ жить.

VI.

Эта искристая стезя въ морѣ такъ же заманивала, какъ нѣкогда тропинка въ написанномъ лѣсу, — а собранные въ кучу огни Ялты среди широкой черноты невѣдомаго состава и свойства напоминали опять же кое-что, видѣнное въ дѣтствѣ: девятилѣтній Мартынъ, въ одной рубашкѣ, съ похолодѣвшими пятками, стоялъ на колѣнкахъ у ва-

гоннаго окна; южный экспрессъ шелъ по Франціи. Софья Дмитріевна, уложивъ сына, сидѣла съ мужемъ въ вагонъ-ресторанѣ, горничная мертвымъ сномъ спала на верхней койкѣ; въ узкомъ отдѣленіи было темно, только просвѣчивалъ синий задвижной колпакъ лампы; качалась его кисть, потрескивало въ стѣнкахъ. Выйдя изъ подъ простыни, добравшись по одѣялу до окна, наполовину сръзаннаго концомъ верхней койки, и поднявъ кожаную сторку, — для чего пришлось отстегнуть ее съ кнопки, а тогда она гладко поѣхала вверхъ, — Мартынъ зябъ, ощущалъ ломоту въ колѣнкахъ, но не могъ оторваться отъ окна, за которымъ косогорами бѣжала ночь. И тогда-то онъ вдругъ увидѣлъ то, что теперь вспомнилъ на Яйлѣ, — горсть огней вдалькѣ, въ подолѣ мрака, между двухъ черныхъ холмовъ: огни то скрывались, то показывались опять, и потомъ заиграли совсѣмъ въ другой сторонѣ, и вдругъ исчезли, словно ихъ кто-то накрылъ чернымъ платкомъ. Вскорѣ поѣздъ затормозилъ и остановился во мракѣ. Стали доноситься странно безплотные вагонные звуки, чей-то бубнящій голосъ, чей-то кашель, потомъ прошелъ по коридору голосъ матери, и, сообразивъ, что родители возвращаются изъ вагона-ресторана и по дорогѣ въ смежное отдѣленіе могутъ къ нему заглянуть, Мартынъ проворно метнулся въ постель. Погода поѣздъ двинулся, но скорѣ сталъ окончательно, издавъ длинный, тихо свистящій вздохъ облегченія, при чемъ по темному купѣ медленно прошли блѣдныя полосы свѣта. Мартынъ снова поползъ къ стеклу, и былъ за окномъ освѣщенный дебаркадеръ, и съ глухимъ стукомъ человекъ катилъ мимо желѣзную тачку, а на ней былъ ящикъ съ таинственной надписью «Fragile». Мошки и одна большущая бабочка кружились вокругъ газоваго фонаря; смутно шаркали по платформѣ, переговариваясь на ходу о неизвѣстномъ, какіе-то люди; и затѣмъ поѣздъ лягнулъ буферами и поплылъ, — прошли и ушли фонари, появился и тоже прошелъ ярко озаренный снутри стеклянный домикъ съ рядомъ рыча-

говъ, — качнуло, поѣздъ перебралъ рельсы. и все потемнѣло за окномъ, — опять бѣгущая ночь. И снова, откуда ни возьмись, уже не между двухъ холмовъ, а какъ-то гораздо ближе и осязательнѣе, ловысыпали знакомые огни, и паровозъ такъ томительно, такъ заунывно свистнулъ, что, казалось, и ему жаль разстаться съ ними. Тутъ сильно хлопнуло что-то, и проскочилъ встрѣчный поѣздъ, проскочилъ, и какъ будто его и не было вовсе, — опять бѣжала волнистая чернота, и медленно рѣдѣли неумовимыя огни.

Когда они навсегда закатились, Мартынъ укрѣпилъ сторку и легъ, а проснулся очень рано, и ему показалось, что поѣздъ идетъ плавнѣе, развязнѣе, словно приноровился къ быстрому бѣгу. И когда онъ сторку отстегнулъ, то почувствовалъ мгновенное головокруженіе, ибо въ другую сторону, чѣмъ наканунѣ, бѣжала земля, и ранній пенельно-блѣдный свѣтъ яснаго неба тоже былъ неожиданный, и совершенно были вновь террасы оливъ по склонамъ.

Со станціи поѣхали въ Біаррицъ въ наемномъ ландо, пыльной дорогой, окаймленной пыльной ежевикой, и, такъ какъ ежевику Мартынъ видѣлъ впервые, а станція почему-то звалась Негритянкой, онъ былъ полонъ вопросовъ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ сравнивалъ крымское море съ моремъ въ Біаррицѣ: да, бискайскія волны были выше, прибой сильнѣе, и толстый бенъеръ-баскъ въ черномъ, всегда мокрому трико («гибельная профессія», — говорилъ отецъ) бралъ Мартына за руку, велъ его въ морскую воду, затѣмъ оба поворачивались спиной къ прибою, и съ грохотомъ налетала сзади огромная волна, потокая и опрокидывая весь міръ. На первой, зеркальной полосѣ пляжа буролицая женщина съ сѣдыми завитками на подбородкѣ встрѣчала выкупавшихся, накидывала имъ на плечи мохнатые простыни, а дальше, въ пахнувшей смолой кабинкѣ, служитель помогать сдернуть липкій костюмъ и приносилъ шайку горячей воды, почти кипятка, куда по-

лагалось погрузить ноги. Затѣмъ, одѣвшись, сидѣли на пляжѣ. — мать въ большой бѣлой шляпѣ, подъ бѣлымъ наряднымъ зонтикомъ, отецъ тоже подъ зонтикомъ, но мужскимъ, изабелловаго цвѣта; Мартынъ же, въ заворотченыхъ до паха штанишкахъ, полосатой фуфайкѣ и загорѣлой соломенной шляпѣ съ англійской надписью на лентѣ вокругъ тульи (Его Величества «Непобѣдимый»), строилъ изъ песка крѣпость, окруженную рвами. Проходить вафельникъ въ беретѣ, со скрежетомъ вертѣлъ рукояткой краснаго жестяного боченка съ товаромъ, и большіе, гнутые куски вафли, смѣшанные съ летучимъ пескомъ и морской солью, остались однимъ изъ живѣйшихъ воспоминаній той поры. А за пляжемъ, на каменномъ променадѣ, заливаемомъ въ непогоду волной, бойкая, немолдая, нарумяненная цвѣточница продѣвала гвоздику въ петлицу отцовскаго бѣлаго пиджака, и отецъ при этомъ смѣшно и добродушно смотрѣлъ на процедуру продѣванія, выпятивъ нижнюю губу и прижавъ наморщенный подбородокъ къ отвороту. Было жалко покинуть въ концѣ сентября неселое море и бѣлую вишу съ корявой смоковницей въ саду, все нехотѣвшей дать хоть одинъ зрѣлый плодъ. На обратномъ пути остановились мѣсяца на полтора въ Берлинѣ, гдѣ по асфальтовымъ мостовымъ съ трескомъ прокатывали мальчишки на роликахъ, — а иногда даже взрослый съ портфелемъ подмышкой. И были изумительные игрушечные магазины (локомотивы, туннели, виадуки), и теннисъ за городомъ, на Курфюрстендаммѣ, и звѣздная ночь Винтергартена, и поѣздка въ сосновыя лѣса Шарлоттенбурга свѣжимъ и яснымъ днемъ въ бѣломъ электрическомъ таксомоторѣ. На границѣ Мартынъ спохватился, что забылъ въ вагонѣ ставочку со стеклышкомъ, въ которомъ, ежели приложить глазъ, вспыхивалъ перламутрово-синій пейзажъ, а во время обѣда на вокзалѣ (рябчики съ брусникой) проводникъ ее принесъ, и отецъ далъ ему рубль. Въ Вержболовѣ было снѣжно, морозно, на тендерѣ вздымалась нѣлая гора дровъ, багро-

вый русскій паровозъ былъ снабженъ расчистнымъ вѣтромъ, обильный бѣлый паръ, клубясь, выливался изъ огромной трубы съ широкимъ разваломъ. Нордъ-Экспрессъ, обрусѣвъ въ Вержболовъ, сохранилъ коричневую облицовку, но сталъ по новому степеннымъ, широкобокимъ, жарко отопленнымъ, и не сразу давалъ полный ходъ, а долго раскачивался послѣ остановки. Въ голубомъ коридорѣ было очень пріятно примоститься на откидномъ сидѣніи у окна, и мимоходомъ погладить Мартына по головѣ толстый зобатый проводникъ въ шоколадномъ мундирѣ. За окномъ тянулись бѣлыя поля, коегдѣ надъ снѣгомъ торчали ветлы; у шлагбаума стояла женщина въ валенкахъ, съ зеленымъ флагомъ въ рукѣ; мужикъ, соскочивъ съ дровней, закрывалъ рукавицами глаза пятившейся лошаденкѣ. А ночью было нѣчто особенное: мимо чернаго зеркальнаго стекла пролетали тысячи искръ огненнымъ стрѣльчатымъ росчеркомъ.

VII.

Вотъ съ того года Мартынъ страстно полюбилъ поѣзда, путешествія, дальніе огни и раздирающіе вопли паровозовъ въ темнотѣ ночи, и яркіе паноптикумы мгновенныхъ полустанковъ, съ людьми, которыхъ не увидишь больше никогда. Медленный отвалъ, скрежетъ рулевой цѣпи, нутряная дрожь канадскаго грузового парохода, на которомъ онъ съ матерью весной девятнадцатаго года покинулъ Крымъ, ненастное море и косо хлещущій дождь — не столь располагали къ дорожному волненію, какъ экспрессъ, и только очень постепенно Мартынъ проникся этимъ новымъ очарованіемъ. Въ макинтошѣ, въ черно-бѣломъ шарфѣ вокругъ шеи, всюду сопровождаемая, пока его не одолѣло море, блѣднымъ мужемъ, растрепанная молодая дама, дуя на волосы, щекотавшіе ей лицо, расхаживала по палубѣ, и въ ея фигурѣ, въ летающемъ шарфѣ,

Мартынъ почуялъ все то драгоцѣнное, дорожное, чѣмъ нѣкогда его плѣняли клѣтчатая кепка и замшевыя перчатки, надѣваемые отцомъ въ вагонѣ, или крокодиловой кожи сумка на ремешкѣ черезъ плечо у дѣвочки-француженки, съ которой было такъ весело рыскать по длинному коридору экспресса, вправленному въ летучій ландшафтъ. Одна только эта молодая дама выглядѣла примѣрной путешественницей, — не то, что остальные люди, которыхъ согласился взять на бортъ, чтобы не возвращаться порожнякомъ, капитанъ этого легкомысленно зафрахтованнаго судна, не нашедшаго въ одичаломъ Крыму товара. Несмотря на обиліе багажа, безобразнаго, спѣшно собраннаго, съ веревками вмѣсто ремней, было почему-то впечатлѣніе, что всѣ эти люди уѣзжаютъ налегкѣ, случайно; формула дальнихъ странствій не могла вмѣстить ихъ растерянность и уныніе, — они словно бѣжали отъ смертельной опасности. Мартына какъ-то мало тревожило, что оно такъ и есть, что вонъ тотъ спекулянтъ съ пепельнымъ лицомъ и съ каратами въ натѣльномъ поясѣ, останется онъ на берегу, былъ бы и впрямь убитъ первымъ же красноармейцемъ, лакомымъ до алмазной потрохи. И берегъ Россіи, отступавшій въ дождевую муть, такъ сдержанно, такъ просто, безъ единого знака, который бы намекалъ на сверхъестественную продолжительность разлуки, Мартынъ проводилъ почти равнодушнымъ взглядомъ, и, только когда все исчезло въ туманѣ, онъ вдругъ съ жадностью вспомнилъ Адриенъ, кипарисы, добродушный домъ, жители котораго отвѣчали на удивленные вопросы неусидчивыхъ сосѣдей: «Да гдѣ жъ намъ жить, какъ не въ Крыму?» И воспоминаніе о Лидѣ окрашено было иначе, чѣмъ тогдашнія, дѣйствительныя ихъ отношенія: онъ вспоминалъ, какъ однажды, когда она жаловалась на комариный укусъ и чесала покраснѣвшее сквозь загаръ мѣсто на икрѣ, онъ хотѣлъ показать ей, какъ нужно сдѣлать ногтемъ крестъ на вздутии отъ укуса, а она его ударила по кисти, ни съ того, ни съ сего. И прощальное посѣще-

нѣ онъ вспомнилъ, — когда они оба не знали, о чемъ говорить, и почему-то все говорили о Колѣ, успѣшемъ въ Ялту за покупками, и какос это было облегченіе, когда онъ наконецъ пришелъ. Длиннос, нѣжное лицо Лиды, въ которомъ было что-то ланье, теперь являлось Мартыну съ нѣкоторой назойливостью. И, лежа на кушеткѣ подъ тикающими часами въ каютѣ капитана, съ которымъ онъ очень подружился, или въ благоговѣйномъ молчаніи раздѣляя вахту перваго помощника, оспой вышербленнаго канадца, говорившаго рѣдко и съ особеннымъ жеваннымъ произношеніемъ, но обдававшего сердце Мартына таинственнымъ холодкомъ, когда онъ однажды ему сообщилъ, что старые моряки на покоѣ все равно никогда не садятся, внуки сидятъ, а дѣды ходятъ, море остается въ ногахъ, — привыкая ко всему этому морскому новоселью, къ маслянистымъ запахамъ, къ качкѣ, къ разнообразнымъ и страннымъ сортамъ хлѣба, изъ которыхъ одинъ былъ вродѣ просфоры, Мартынъ все увѣрялъ себя, что онъ пустился въ странствіе съ горя, отпѣваетъ несчастную любовь, но что, глядя на его спокойное, уже обвѣтренное лицо, никто не угадастъ его переживаній. Возникали таинственные, замѣчательные люди: былъ канадецъ, зафрахтовавшій судно, угрюмый пуританинъ, чей макинтошъ висѣлъ въ капитанской, безнадежно испорченной уборной. маяча прямо надъ доской; былъ второй помощникъ, по фамиліи Паткинъ, еврей родомъ изъ Одессы, смутно вспоминавшій сквозь американскую рѣчь очертанія русскихъ словъ; а среди матросовъ былъ одинъ Сильвіо, американскій испанецъ, ходившій всегда босикомъ и носившій при себѣ кинжалъ. Капитанъ однажды появился съ ободранной рукой, говорилъ сперва, что это сдѣлала кошка, но затѣмъ Мартыну по дружбѣ повѣдалъ, что разседалъ ее о зубы Сильвіо, котораго ударилъ за пьянство на борту. Такъ Мартынъ приобщался къ морю. Сложность, архитектурность корабля, всѣ эти ступени, и закоулки, и откидныя дверцы, вскорѣ выдали ему свои тайны, и потомъ

уже было трудно найти закоулокъ, еще незнакомый. Межъ тѣмъ дама въ полосатомъ шарфѣ, какъ будто раздѣляя Мартынову любознательность, мелькала въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, всегда растрепанная, всегда смотрящая вдаль, и уже на второй день ея мужъ слегъ, мотался, на клеенчатой лавкѣ въ каютъ-компаніи, безъ воротничка, а на другой лавкѣ лежала Софья Дмитріевна, съ долькой лимона въ губахъ. По временамъ и Мартынъ чувствовалъ сосущую пустоту подъ ложечкой и какую-то общую неустойчивость, — дама же была неугомонна, и Мартынъ уже намѣтилъ ее объектомъ для спасенія въ случаѣ бѣды. Но, несмотря на бурное море, корабль благополучно достигъ константинопольскаго рейда, на холодномъ, молочномъ пасмурномъ разсвѣтѣ, и появился вдругъ на палубѣ мокрый турокъ, и Паткинъ, считавшій, что карантинъ долженъ быть обоюдный, кричалъ на него: «Я тебя утону!» и даже грозилъ револьверомъ. Черезъ день двинулись дальше, въ Мраморное море, и ничего отъ Босфора въ памяти у Мартына не осталось, кромѣ трехъ-четырехъ минаретовъ, похожихъ въ туманѣ на фабричныя трубы, да голоса дамы въ макинтошѣ, которая сама съ собой говорила вслухъ, глядя на пасмурный берегъ; прислушавшись, Мартынъ различилъ слово «аметистовый», но рѣшилъ, что ошибся.

VIII.

Послѣ Константинополя небо прояснилось, хотя море осталось «очень чонпи», какъ выражался Паткинъ. Софья Дмитріевна дерзнула выбраться на палубу, но тотчасъ вернулась въ каютъ-компанію, говоря, что ничего нѣтъ въ мірѣ отвратительнѣе этого рабскаго паденія и восхожденія всѣхъ внутренностей по мѣрѣ восхожденія и паденія корабельнаго носа. Мужъ дамы стоналъ, спрашивалъ Бога, когда это кончится, и поспѣшно, дрожащими руками, хваталъ тазокъ. Мартынъ, котораго мать держала за кисть,

чувствовалъ, что, ежели онъ сейчасъ не уйдетъ, то стошнить и его. Въ это время вошла, мотнувъ шарфомъ, дама, обратилась къ мужу съ сочувственнымъ вопросомъ, и мужъ, молча, не открывая глазъ, сдѣлалъ разрѣзательный жестъ ладонью по кадыку, и тогда она задала тотъ же вопросъ Софьѣ Дмитриевнѣ, которая страдальчески улыбнулась. «И вы тоже, кажется, сдали, — сказала дама, строго взглянувъ на Мартына и, качнувшись, перебросивъ черезъ плечо конецъ шарфа, вышла. Мартынъ послѣдовалъ за ней, и ему полегчало, когда пахнулъ въ лицо свѣжій вѣтеръ, и открылось ярко-синее, въ барашкахъ, море. Она сидѣла на скрученныхъ канатахъ и писала въ маленькой сафьяновой книжкѣ. Про нее на-дняхъ кто-то изъ пассажировъ сказалъ, что «бабець невредень», и Мартынъ, вспыхнувъ, обернулся, но, среди нѣсколькихъ унылыхъ пожилыхъ господъ въ поднятыхъ воротникахъ, не разобралъ нахала. И теперь, глядя на ея красныя губы, которыя она все облизывала, быстро виляя карандашикомъ по страницѣ, онъ смѣшался, не зная, о чемъ говорить, и чувствовалъ на губахъ соленый вкусъ. Она писала и какъ будто не замѣчала его. Межъ тѣмъ, чистое, круглое лицъ Мартына, его неполныхъ семнадцать лѣтъ, извѣстная ладность всего его очерка и движеній, — что встрѣчается часто у русскихъ, но сходитъ почему-то за «что-то англійское», — вотъ этотъ самый Мартынъ въ желтомъ мохнатомъ пальто съ пояскомъ произвелъ на даму нѣкоторое впечатлѣніе.

Ей было двадцать пять лѣтъ, ее звали Аллой, она писала стихи, — три вещи, которыя, казалось бы, не могутъ не сдѣлать женщины плѣнительной. Ея любимыми поэтами были Поль Жеральди и Викторъ Гюго; ея же собственные стихи, такіе звучные, такіе ирhythмичные, всегда обращались къ мужчине на вы и сверкали красными, какъ кровь, рубинами. Одно изъ нихъ недавно пользовалось чрезвычайнымъ успѣхомъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Начиналось оно такъ:

На пурпурѣ шелковѣ, подъ пологомъ ампрнымъ,
 Онъ всю меня ласкалъ, впиваясь ртомъ вампирнымъ,
 А завтра мы умремъ, сгорѣвшіе до тла,
 Смѣшаются съ пескомъ красивыя тѣла.

Дамы списывали его другъ у дружки, его заучивали наизусть и декламировали, а одинъ гардемаринъ даже написалъ на него музыку. Выйдя замужъ въ восемнадцать лѣтъ, она два года съ лишнимъ оставалась мужу вѣрна. Но міръ кругомъ былъ насыщенъ рубиновымъ угаромъ грѣха, бритые, напористые мужчины назначали собственное самоубійство на семь часовъ вечера въ четвергъ, на полночь въ сочельникъ, на три часа утра подъ окнами, — эти даты пугались, трудно было повсюду поспѣть. По ней томился одинъ изъ великихъ князей; въ продолженіе мѣсяца докучалъ ей телефонными звонками Распутинъ. И она иногда говорила, что ея жизнь только легкій дымъ папиросы Режи, надушенной амброй.

Всего этого Мартынъ совершенно не понималъ. Стихами ея онъ былъ нѣсколько озадаченъ. Когда онъ сказалъ, что Константинополь вовсе не аметистовый, Алла возразила, что онъ лишень поэтического воображенія, и, по пріѣздѣ въ Афины, подарила ему «Пѣсни Билитисъ», дешевое изданіе, иллюстрированное фигурами голыхъ подростковъ, и читала ему вслухъ, выразительно произнося французскія слова, подвечеръ, на Акрополѣ, на самомъ, такъ сказать, подходящемъ мѣстѣ. Въ ея разговорѣ Мартыну главнымъ образомъ нравилась влажная манера произносить букву «р», словно была не одна буква, а цѣлая галлерей, да еще съ отраженіемъ въ водѣ. И вмѣсто всякихъ французскихъ Билитисъ, петербургскихъ бѣлыхъ, гитарныхъ ночей, грѣшныхъ сонетовъ въ пять дактилическихъ строфъ, онъ ухитрился найти въ этой дамѣ съ трудно усваиваемымъ именемъ совсѣмъ другое, совсѣмъ другое. Знакомство, незамѣтно начавшееся на пароходѣ, продолжалось въ Греціи, на берегу моря, въ одной изъ бѣлыхъ фа

лерскихъ гостиницъ. Софья Дмитріевнѣ съ сыномъ достался прескверный крохотный номеръ, — единственное окно выходило въ пыльный дворъ, и тамъ, на разсвѣтѣ, со всякими мучительными приготовленіями, съ предварительнымъ похлопываніемъ крылъ и другими звуками, хрипло и бодро начиналъ кричать молодой алекторъ. Мартынъ спалъ на твердой синей кушеткѣ, кровать же Софьи Дмитріевны была узкая, шаткая, съ ухабистымъ матрацомъ. Изъ наѣкомыхъ жила въ комнатѣ только одна блоха, зато очень ловкая, прожорливая и совершенно неуловимая. Алла, которой посчастливилось устроиться въ отличномъ номерѣ съ двумя кроватями, предложила взять Софью Дмитріевну къ себѣ, а мужа перекинуть къ Мартыну. Софья Дмитріевна, сказавъ нѣсколько разъ сряду: да что вы, да что вы, — охотно согласилась, и въ тотъ же день состоялось перемѣщеніе. Черносвитовъ, большой, долговязый, мрачный, заполнилъ собой всю комнатку; его кровь повидимому сразу отравила блоху, ибо она больше не появлялась; его вещи, — принадлежности для бритья, зеркальце съ трещиной поперекъ, одеколонъ, кисточка, которую онъ всегда забывалъ сполоснуть, и которая стояла весь день, прокляенная сѣрой, остывшей яѣной, на подоконникѣ, на столѣ, на стулѣ, — удручали Мартына, и особенно было тяжело по вечерамъ, когда, ложась спать, онъ принужденъ былъ очищать свою, Мартынову, кушетку отъ какихъ-то галстуконъ и наѣданныхъ сѣтокъ. Раздѣваясь, Черносвитовъ вяло почесывался, во все небо зѣпалъ; затѣмъ, поставивъ громадную, босую ногу на край стула и запустивъ пятерню въ волосы, замиралъ въ этой неудобной позѣ, — послѣ чего медленно приходилъ опять въ движеніе, заводилъ часы, ложился, долго, съ кряхтѣніемъ, уминалъ тѣломъ матрацъ. Черезъ нѣкоторое время, уже въ темнотѣ, раздавался его голосъ, всегда одна и та же фраза: «Главное, молодой человекъ, прошу васъ не портить воздухъ». Бреясь по утрамъ, онъ неизмѣнно говорилъ: «Мазь для лица Прыщеморъ. Въ вашемъ возра-

стѣ необходимо». Одѣваясь, выбирая изъ носковъ предпочтительно тѣ, въ коихъ дырка приходилась не на пятку, а на большой палецъ, — залогъ невидимости, — онъ восклицалъ: «Эхъ, были когда-то и мы рысаками», и посвистывалъ сквозь зубы. Все это было очень однообразно и несмѣшно. Мартынь вѣжливо улыбался.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, однако, служило сознаніе риска. Въ любую ночь могло случиться, что въ предательскомъ снѣ онъ отчетливо назоветъ полногласное имя, въ любую ночь доведенный до крайности мужъ могъ подкрасться съ наточенной бритвой. Черносвитовъ, впрочемъ, употреблялъ безопасную бритву: съ этимъ снарядикомъ онъ обращался такъ же неряшливо, какъ съ кисточкой, и въ пепельницѣ всегда лежалъ ржавый клинокъ съ окаменѣвшей каемкой пѣны, черноватой отъ волосковъ. Его мрачность, его плоскія поговорки мнились Мартыну доказательствомъ глубокой, но сдержанной ревности. На весь день уѣзжая по дѣламъ въ Афины, онъ не могъ не подозревать, что его жена проводитъ время наединѣ съ тѣмъ добродушнымъ, спокойнымъ, но выдавшимъ виды молодымъ человѣкомъ, какимъ воображалъ себя Мартынь.

IX.

Было очень тепло, очень пыльно. Въ кофейняхъ подавали крохотную чашку со сладкой черной бурдой въ придачу къ огромному стакану ледяной воды. На заборахъ вдоль пляжа трепались афиши съ именемъ русской пѣвицы. Электрическій поѣздъ, шедшій въ Афины, наполнялъ праздный голубой день легкимъ гуломъ, и все стихало опять. Сонные домишки Афинъ напоминали баварскій городокъ. Желтыя горы вдаль были чудесны. На Акрополѣ, среди мраморнаго мусора, дрожали на вѣтру блѣдые маки. Прямо среди улицы, какъ будто невзначай, начинались рельсы, стояли вагоны дачныхъ поѣздовъ. Въ са-

дахъ зрѣли апельсины. На пустырь великолѣпно росло нѣсколько колоннъ; одна изъ нихъ упала и сломалась въ трехъ мѣстахъ. Все это желтое, мраморное, разбитое, уже переходило въ вѣдѣніе природы. Та же судьба ожидала въ будущемъ новую до поры, до времени гостиницу, гдѣ жилъ Мартынъ.

И, стоя съ Аллой на взморьѣ, онъ съ холодкомъ восторга говорилъ себѣ, что находится въ далекомъ, прекрасномъ краю, — какая приправа къ влюбленности, какое блаженство стоять на вѣтру рядомъ со смѣющейся растрепанной женщиной: яркую юбку то швырялъ, то прижималъ ей къ колѣнямъ вѣтеръ, наполнявшій когда-то парусъ Улисса. Однажды, блуждая съ Мартыномъ по неровнымъ пескамъ, она оступилась, Мартынъ ее поддержалъ, она поглядѣла черезъ плечо на высоко поднятую каблукѣмъ вверхъ подошву, пошла, оступилась снова, и онъ, наконецъ рѣшившись, впился въ ея полураскрытыя губы и во время этого долгаго, не очень ловкаго объятія, едва не потерялъ равновѣсія, она тоже пошатнулась, высвободилась и со смѣхомъ сказала, что онъ цѣлуется слишкомъ мокро, надъ подучиться. Мартынъ ощущалъ въ ногахъ возмутительную дрожь, сердце колотилось, онъ злился на себя за это волненіе, напоминавшее минуту послѣ школьной потасовки. когда товарищи восклицали: «Фу, какъ ты поблѣднѣлъ!» Но первый въ его жизни поцѣлуй — зажмуренный, глубокий, съ какимъ-то тонкимъ трепыханіемъ на днѣ, происхожденіе котораго онъ не сразу понялъ, былъ такъ хорошъ, такъ щедро отвѣчалъ на предчувствія, что недовольство собой скорѣе развѣялось, и пустынный вѣтренный день прошлъ въ повтореніяхъ и улучшеніяхъ поцѣлуя, а вечеромъ Мартынъ былъ совершенно разбитъ, словно таскалъ бревна. Когда же Алла въ сопровожденіи мужа вошла въ столовую, гдѣ онъ и мать уже чистили апельсины, сѣла за сосѣдній столикъ, проворно развернула конусъ салфетки и, съ легкимъ взлетомъ рукъ, уронила ее къ себѣ на колѣни, послѣ чего придвинулась со стуломъ, — Мартынъ

медленно запунцовѣлъ и долго не рѣшался встрѣтиться съ нею глазами, а когда наконецъ встрѣтился, то въ ея взглядѣ не нашель отвѣтнаго смущенія.

Жадное, необузданное воображеніе Мартына не могло бы ладить съ цѣломудріемъ. Мартынъ несовсѣмъ былъ чистъ. Мысли, кои зовутся «дурными», донимали его въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, и онъ имъ не очень противился. Въ началѣ онъ жили отдѣльно отъ его ранней влюбчивости. Когда, въ памятную петербургскую зиму, онъ, послѣ домашняго спектакля, накрашенный, съ подведенными бровями, въ бѣлой косовороткѣ, заперся въ чуланѣ вдвоемъ съ однолѣткой-кузиной, тоже накрашенной, въ платочкѣ до бровей, и смотрѣлъ на нее, жалъ ей сырыя ладошки, Мартынъ живо чувствовалъ романтичность своего поведенія, но возбужденъ имъ не былъ. Майнъ-Ридовъ герой, Морисъ Джеральдъ, остановивъ коня бокъ-о-бокъ съ конемъ Луизы, обнялъ бѣлокурую креолку за гибкій станъ, и авторъ отъ себя восклицалъ: «Что можетъ сравниться съ такимъ лобзаніемъ?» Подобныя вещи уже куда больше волновали Мартына. И вообще — все нѣсколько отдаленное, заповѣдное, достаточно расплывчатое, чтобы дать мечтѣ работу по выясненію подробностей, — будь то портретъ лэди Гамильтонъ или бормотаніе пучеглазаго однокашника о развратныхъ домахъ, — особенно поражало его воображеніе. Теперь же туманъ рѣдѣлъ, видимость улучшалась. Слишкомъ поглощенный этимъ, онъ пренебрегалъ подлинными словами Аллы: «Я останусь для тебя сказкой. Я безумно чувственная. Ты меня никогда не забудешь, какъ, знаешь, забываютъ какой-нибудь прочитанный старый романъ. И не надо, не надо рассказывать обо мнѣ твоимъ будущимъ любовницамъ».

Софья же Дмитріевна была довольна и недовольна разразъ. Когда ей кто-нибудь изъ знакомыхъ ужимчиво докладывалъ: «А мы сегодня гуляли и видѣли, видѣли... шелъ съ поэтессой подручку, да-да, очень нѣжно... Совсѣмъ погибъ вашъ мальчикъ», — Софья Дмитріевна от-

вѣчала, что все это вполне естественно, такой ужъ возрастъ. Она гордилась раннимъ проявленіемъ у Мартына мужественныхъ страстей, однако скрыть отъ себя не могла, что Алла, хоть милая, привѣтливая женщина, да ужъ слишкомъ «скорая», какъ выражаются англичане, и, прощая сыну его ослѣпленіе, она не прощала Аллѣ ея привлекательной вульгарности. Къ счастью пребываніе въ Греціи подходило къ концу, — на-дняхъ долженъ былъ придти изъ Швейцаріи отъ Генриха Эдельвейса, двоюроднаго брата мужа, отвѣтъ на очень откровенное, съ трудомъ написанное письмо — о смерти мужа, объ изсяканіи средствъ. Въ свое время Генрихъ Эдельвейсъ посѣщалъ ихъ въ Россіи, былъ съ нею и съ мужемъ друженъ, любилъ племянника, и всегда слылъ честнымъ и широкимъ человѣкомъ. «Ты не помнишь, Мартынъ, когда послѣдній разъ у насъ былъ дядя Генрихъ? Во всякомъ случаѣ до, — правда?» Это «до», всегда лишенное существительнаго, значило до размолвки, до разлуки съ мужемъ, и Мартынъ тоже говорилъ: «до» или «послѣ», ничего не уточняя. «Кажется, послѣ», — отвѣтилъ онъ, припоминая, какъ дядя Генрихъ явился на дачу, долго сидѣлъ у Софьи Дмитріевны и потомъ вышелъ съ красными глазами, такъ какъ отличался слезоточивымъ нравомъ и плакалъ даже въ кинематографѣ. «Конечно, какая я дура», — быстро сказала Софья Дмитріевна, вдругъ возстановивъ его пріѣздъ, разговоръ о мужѣ, увѣщеванія, что надо помириться. «И ты его хорошо помнишь, правда? Онъ тебѣ всякій разъ привозилъ что-нибудь». «Послѣдній разъ комнатный телефонъ», — сказала Мартынъ и поморщился: телефонъ проводить было неинтересно, а когда его кто-то наконецъ провелъ изъ дѣтской къ матери въ спальню, онъ дѣйствовалъ плохо, а черезъ день и вовсе сдалъ, послѣ чего былъ заброшенъ — вмѣстѣ съ другими, прежними, дядиными подарками, какъ напримѣръ «Швейцарскій Робинзонъ», прескучный послѣ Робинзона настоящаго, или маленькіе товарные вагоны изъ жести, вызвавшіе тайныя слезы разо-

чарованія, такъ какъ Мартынь любилъ только пассажирскіе. «Чего ты морщишься?» — спросила Софья Дмитріевна. Онъ объяснилъ, и она разсмѣялась, сказала: «Правда, правда» — и задумалась о дѣтствѣ Мартына, о вещахъ невозвратимыхъ, неизъяснимыхъ, въ этой думѣ была щемлящая прелесть, — и какъ все проходить, — Боже мой, — усы растутъ, ногти чистые, этотъ сиреневый галстучекъ, эта женщина... «Эта женщина очень, конечно, милая, — сказала Софья Дмитріевна, — но ты не думаешь, что она чуть-чуть слишкомъ разбитная? Нельзя такъ терять голову. Скажи мнѣ, — впрочемъ нѣтъ, я не хочу ничего спрашивать... Только вотъ, говорятъ, что она въ Петербургѣ была страшная flirt. И неужели тебѣ нравятся ся стихи? Этотъ дамскій демонизмъ? Она такъ аффектированно читаетъ. Неужели у васъ дошло — ну, я не знаю — до пожиманія рукъ, что-ли?» Мартынь загадочно улыбнулся. «Навѣрно, ничего между вами и нѣтъ, — лукаво сказала Софья Дмитріевна, любуясь играющими, тоже лукавыми глазами сына. — Я увѣрена, что ничего нѣтъ. Ты еще не доросъ». Мартынь разсмѣялся, она привлекла его и сочно, жадно поцѣловала въ щеку. Все это происходило у садоваго столика, на площадкѣ передъ гостиницей, рано утромъ, — и день обѣщалъ быть восхитительнымъ, безоблачное небо было еще подернуто дымкой, какъ бываетъ покрыта листомъ паниросной бумаги необыкновенно яркая, глянцевиная картина на заглавной страницѣ дорогого изданія сказокъ. Мартынь осторожно этотъ полупрозрачный листъ отворачивалъ, и вотъ, по бѣлымъ ступенямъ лѣстницы, чуть играя низкими бедрами, въ ярко-синей юбкѣ, по которой шло правильное волнистое колебаніе, по мѣрѣ того, какъ съ рассчитанною неторопливостью то одна нога, то другая, вытянувъ лаковый носокъ, ступала внизъ, — мѣрно раскачивая парчевой сумкой и уже улыбаясь, спускалась; на прямой проборъ причесанная, ясно-глазая, тонконогая женщина съ крупными, черными серьгами, которыя колебались тоже. Онъ встрѣчалъ

ее, цѣловаль ей руку, отступалъ, и она, смѣясь и музыкально картавя, здоровалась съ Софьей Дмитріевной, которая сидѣла въ плетеномъ креслѣ и курила толстую англійскую папиросу, первую послѣ утренняго кофе. «Вы такъ красиво спали, Алла Петровна, что я не хотѣла васъ будить», — говорила Софья Дмитріевна, держа на отлѣтѣ длинный эмалевый мундштукъ и почему-то поглядывая искоса на Мартына, который уже сидѣлъ на баллustrадѣ и качалъ ногами. Алла, захлебываясь, принималась рассказывать, какіе она видѣла ночью сны, — замѣчательные мраморные сны съ древне-греческими жрецами, въ способности сниться которыхъ Софья Дмитріевна сильно сомнѣвалась. И сыро блестяль свѣжеполитый гравій.

Любопытство Мартына росло. Блужданія по пляжу, по цѣлуи, которые всякій могъ подсмотрѣть, начинали казаться слишкомъ растянутымъ предисловіемъ; зато и желанная суть вызывала беспокойство: нѣкоторыя подробности Мартынъ представить себѣ не могъ и боялся своей неопытности. Незабвенный день, когда Алла сказала, что она не деревянная, что такъ къ ней прикасаться нельзя, и что, послѣ обѣда, когда мужъ будетъ прочно въ городѣ, а Софья Дмитріевна закейфуетъ у себя въ комнатѣ, она зайдетъ къ Мартыну въ номеръ, чтобы показать ему чьи-то стихи, этотъ день былъ какъ разъ тотъ, который открылся разговоромъ о дядѣ Генрихѣ и комнатномъ телефонѣ. Когда, уже въ Швейцаріи, дядя Генрихъ подарилъ Мартыну на рожденіе черную статуэтку (футболистъ, ведущій мячъ), Мартынъ не могъ понять, почему въ то самое мгновеніе, какъ дядя поставилъ на столъ эту ненужную вещь, ему представилось съ потрясающей яркостью далекое, нѣжное фалерское утро, и Алла, сходящая по лѣстницѣ. Сразу послѣ обѣда онъ пошелъ къ себѣ и принялся ждать. Мыльную кисточку Черносвитова онъ спряталъ за зеркало — она почему-то мѣшала. Со двора до-

носился звонъ ведеръ, плескъ воды, гортанная рѣчь. На окнѣ мягко набухала желтая занавѣска, и солнечное пятно ширилось на полу. Мухи описывали не круги, а какіе-то параллелепипеды и трапеціи вокругъ штанги лампы, изрѣдка на нее садясь. Мартынъ волновался нестерпимо. Онъ снялъ пиджакъ и воротникъ, легъ навзничъ на кушетку, слушалъ, какъ бухаетъ сердце. Когда раздались быстрые шаги и стукъ въ дверь, у него что-то сорвалось подъ ложечкой. «Видишь, цѣлая пачка», — сказала Алла воровскимъ шопотомъ, но Мартыну было не до стиховъ. «Какой дикій, Боже мой, какой дикій», — глухо приговаривала она, незамѣтно ему помогая. Мартынъ торопился, наступалъ счастье, наступилъ, и она, покрывая ему ротъ ладонью, бормотала: «Тише, тише... сосѣди...»

«Это по крайней мѣрѣ вещьца, которая останется у тебя навсегда, — яснымъ голосомъ сказалъ дядя Генрихъ и слегка откинулся, откровенно любуясь статуэткой. — Въ семнадцать лѣтъ человѣкъ уже долженъ думать объ украшеніи своего будущаго кабинета, и, разъ ты любишь англійскія игры...» «Прелесть», — сказалъ Мартынъ, не желая дядю обидѣть, и потрогалъ неподвижный шаръ у носка футболиста.

Домъ былъ деревянный, кругомъ росли густыя ели, туманъ скрывалъ горы; жаркая желтая Греція осталась дѣйствительно очень далеко. Но какъ живо еще было ощущеніе того гордаго, праздничнаго дня: у меня есть любовница! Какой заговорщическій видъ былъ потомъ вечеромъ у синей кушетки! Ложась спать, Черносвитовъ все такъ же скребъ лопатки, принималъ усталыя позы, потомъ скрипѣлъ въ темнотѣ, просилъ не тяжелить воздуха, наконецъ храпѣлъ, посвистывая носомъ, и Мартынъ думалъ: ахъ, если бъ онъ зналъ... И вотъ однажды, когда мужу полагалось быть въ городѣ, а въ его и Мартыновой комнатѣ, на кушеткѣ, Алла уже поправляла платье, успѣвъ «заглянуть въ рай», какъ она выражалась, межъ тѣмъ, какъ

Мартынъ, вспотѣвшій и растрепанный, искалъ запонку, обретенную въ томъ же раю, — вдругъ, сильно толкнувъ дверь, вошелъ Черносивитовъ и сказалъ: «Ишь ты гдѣ, ма тушка. Я, конечно, забылъ захватить съ собой письмо Спиридонова. Хорошенькое было бы дѣло». Алла провела ладонью по смятой юбкѣ и спросила, наморщивъ лобъ. «А онъ уже далъ свою подпись?» «Этотъ старый скотъ Бернштейнъ все воду возить, — сказалъ Черносивитовъ, роясь въ чемоданъ. — Если они желаютъ задерживать деньги, то пусть сами, скоты, выкручиваются». «Главное, — сказала Алла, — не забудь объ отсрочкѣ. Ну что, нашелъ?» — «На катеръ къ чертовой матери — бормоталъ Черносивитовъ, перебирая какіе-то конверты. — Оно должно быть. Не могло жъ оно запропасться въ самомъ дѣлѣ». «Если оно пропало, тогда вообще все пошло прахомъ», — сказала она недовольно. «Тянуть, тянуть, — бормоталъ Черносивитовъ, — вотъ и возись съ ними. Оупусть можно. Я буду очень радъ, если Спиридоновъ откажется». — «Да ты не волнуйся такъ, найдется», — сказала Алла, но видимо и сама была встревожена. — «Есть, слава Тебѣ, Господи!» — воскликнулъ Черносивитовъ и скользнулъ глазами по найденному листку, при чемъ отъ вниманія челюсть у него отвисла. — «Не забудь сказать объ отсрочкѣ», — напомнила ему Алла. «Добже», — сказалъ Черносивитовъ и поспѣшно вышелъ.

Этотъ дѣловой разговоръ привелъ Мартына въ нѣкоторое недоумѣніе. Ни мужъ, ни жена не притворялись, — они дѣйствительно совершенно забыли о его присутствіи, погрузившись въ свои заботы. Алла, однако, сразу вернулась къ прежнему настроенію, посмѣялась, что въ Греціи такія скверныя дверныя задвижки — сами выскакиваютъ, — а на тревожный вопросъ Мартына пожала плечами. «Ахъ, я уиѣряю тебя, онъ ничего не замѣтилъ». Ночью Мартынъ долго не могъ уснуть и все съ тѣмъ же недоумѣніемъ пристукивался къ самодовольному храпу. Когда, черезъ три дня, съ матерью отплывалъ въ Марсель,

Черносвитовы пріѣхали провожать въ Пирей: они стояли на пристани, держась подруку, и Алла улыбалась и махала мимозовой вѣткой. Наканунѣ, впрочемъ, она всплакнула.

В. Сиринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Исчезновение Рикарди

«Что мнѣ спѣть въ этотъ вечеръ, синьора,
Что мнѣ спѣть, чтобъ вамъ сладко спалось?»

А. Блокъ.

Уже за четверть версты до того мѣста, гдѣ находилось зданіе, въ которомъ долженъ былъ происходить концертъ, улица была запружена автомобилями и полна народу: со всѣхъ сторонъ продолжали прибывать, выѣзжая изъ-за угловъ, длинныя безшумныя машины, къ идущимъ по троттуару людямъ прибавлялись новыя и въ воздухѣ звучали сирены и гудки и свистокъ полицейскаго и говоръ множества людей. У входа въ театръ происходила давка; и пробившіеся сквозь толпу облегченно вздыхали, попадая въ просторный hall, гдѣ возсѣдающіе за высокой конторкой сѣдые и безмолвные джентльмены въ черныхъ костюмахъ дѣлали на предъявленныя билетахъ небрежныя росчерки синимъ карандашомъ и отмѣчали что-то у себя на планѣ театра, лежащемъ предъ ними. Надъ креслами партера колебалась синеватая, глубоко уходящая мгла, потухали безчисленныя матовыя лампы подъ потолкомъ; и сквозь убывающій, рѣдѣющій шумъ сдержанной рѣчи, начинали доходить по послѣднихъ мѣстъ верхнихъ ярусовъ невнятно струившіеся звуки рояля, за которымъ сидѣлъ лысый и невѣроятно худой человѣкъ, дѣлавшій такія механическія, такія почти невольныя, казалось бы движенія, что было странно, почему въ результатѣ этихъ движеній, въ темнотѣ теперь уже окончательно умолкнувшаго зала возникала точно стеклянная, сотрясающаяся постройка,

прозрачная и застывающая музыкальная страна, мѣняясь съ волшебствомъ сновидѣнія: она становилась все прозрачнѣе и прозрачнѣе къ концу — и когда лампы снова зажглись — отъ нее уже ничего не осталось и казалось, что она ушла въ тотъ моментъ, когда растворился въ воздухѣ, пронизанный свѣтомъ электричества невѣрный и тяжелый занавѣсъ синеватой мглы надъ заломъ.

Аршинныя буквы на улицѣ многократно повторяли одно слово — Рикарди; оно было окружено маленькими строчками съ мелкой печатью, которыхъ никто не читалъ; оно было написано прямо и вкось, и оно же горѣло наверху цѣлой системой электрическихъ лампочекъ краснаго цвѣта, поддерживаемыхъ съ обратной стороны сложнымъ сплетеніемъ проволокъ. Не было даже имени, стояла одна фамилія — Рикарди и этого было достаточно, такъ какъ эту фамилію знали во всѣхъ большихъ городахъ земного шара, хотя Рикарди было всего тридцать шесть лѣтъ и первое его выступленіе въ Парижѣ произошло только двѣнадцать лѣтъ тому назадъ; и музыкальные критики писали тогда о молодомъ пѣвцѣ скорѣе сдержанно, умѣренно удивляясь среднимъ нотамъ его баритона и подчеркивая, что Франція слышала лучшихъ пѣвцовъ. Зато теперь, еще за мѣсяць до его пріѣзда о немъ были написаны многія страницы съ подробнымъ разборомъ всѣхъ особенностей его генія.

Его наружность знали по многочисленнымъ портретамъ — и корреспонденты газетъ уже заранѣе представляли себѣ, какъ они начнутъ отчетъ о концертѣ съ описанія высокой фигуры артиста, его фрака, его точныхъ и увѣренныхъ движеній и мельканія въ воздухѣ его бѣлаго платка, который онъ подносилъ къ напудренному лицу послѣ конца каждой аріи или романса.

Но и ихъ ожиданія и ожиданія всѣхъ людей, находившихся въ залѣ, были обмануты — потому что случилась невѣроятная и неслыханная вещь: Рикарди не пріѣхалъ на концертъ. Телефонъ давно уже звонилъ не переставая въ

его пустой квартирѣ, уже давно стучали въ дверь какіе-то молодые люди, пріѣхавшіе за знаменитымъ лѣвцомъ, — но дверь оставалась закрытой и къ телефону никто не подходилъ. Концертъ былъ отмененъ: и толстый человѣкъ въ смокингѣ, съ мгновенно вспотѣвшимъ отъ волненія лицомъ, объявилъ съ эстрады, что Рикарди заболѣлъ, и что дирекція театра готова вернуть стоимость билетовъ — и откроетъ для этой цѣли свои кассы завтра въ 9 часовъ утра. Залъ чрезвычайно быстро опустѣлъ, разѣхались автомобили, погасли электрическія буквы наверху, и черезъ полчаса улица снова приняла свой обычный вечерній видъ — и никто бы не подумалъ, что такъ недавно здѣсь, на этомъ мѣстѣ, произошло нѣчто непохожее на то, что происходитъ каждый день.

Рикарди не оказалось въ его квартирѣ. На столѣ его кабинета въ высокой и узкой вазѣ стоялъ бѣлый цвѣтокъ рѣдкаго растенія, съ сильно измятыми лепестками. Больше не было ничего. Всѣ вещи Рикарди, которыя онъ обычно возилъ съ собой, исчезли. Это было описано на слѣдующій день во всѣхъ газетахъ, высказывались предположенія, что Рикарди лишилъ себя жизни: одинъ изъ журналистовъ развивалъ даже мысль, что все это сдѣлано для рекламы: предполагали еще какую-нибудь особенную романтическую исторію — но всѣ эти предположенія не могли быть подтверждены ничѣмъ, такъ какъ подлинная судьба Рикарди не была никому извѣстна. Во всякомъ случаѣ, даже самые близкіе ему люди не знали, что съ нимъ случилось; и если его исчезновеніе было добровольнымъ, — что казалось единственно возможнымъ — то чѣмъ оно было вызвано, — этого никто не могъ объяснить: Рикарди, помимо всего, отличался прекраснымъ здоровьемъ. Правда, въ послѣднее время на его лицѣ появлялись иногда — но потомъ исчезали — маленькія розоватыя пятна, которыя онъ запудривалъ, но доктора, къ которымъ онъ обращался, объясняли это повышенной нервной дѣятельностью — что казалось болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, тѣмъ

болѣе, что сколько нибудь точнаго діагноза они поставить не могли, ссылаясь на явно нервный характеръ заболѣванія, дѣлающаго природу этихъ пятенъ «медицински неопредѣлимой», какъ они говорили. Рикарди самъ не придавалъ этому большого значенія — вплоть до того дня, который былъ двумя недѣлями раньше его концерта — и когда съ нимъ случилось то, что было единственной и послѣдней причиной его безвозвратнаго исчезновенія.

Былъ особенный и тревожный день середины мая и выйдя утромъ изъ дому Рикарди сразу же почувствовалъ себя иначе, чѣмъ всегда. Это случалось съ нимъ изрѣдка весной; и казалось всегда неожиданнымъ, что природа и вѣтеръ и особенный запахъ воздуха могутъ дѣйствовать на него съ такой же несомнѣнной силой, съ какой солнечные лучи дѣйствуютъ на животныхъ съ холодной кровью. Эти дни бывали чрезвычайно рѣдки, но незабываемы — и онъ помнилъ нѣсколько погодъ въ Испаніи, Россіи и Италіи болѣе отчетливо, чѣмъ самыя важныя событія своей жизни. Они вызывали въ немъ странныя и ничѣмъ неоправдываемыя ощущенія, которыя были непоправимы и нестираемы и знаменитый Рикарди бывалъ въ такіе дни разсѣянъ, невнимателенъ и грустенъ. Но эти же состоянія его души давали ему на короткое время способность внезапнаго и печальнаго пониманія всего, что его окружало, что не было видно простымъ глазомъ, что оставалось непостижимымъ для всѣхъ остальныхъ людей — и что онъ чувствовалъ въ эти минуты съ неповторяемой созерцательной силой. И онъ одинъ только зналъ, что именно воспоминаніе объ этомъ придавало его голосу ту убѣдительность, которая создавала ему славу; и вечеромъ на эстрадѣ ему достаточно было вспомнить далекій испанскій пейзажъ, который онъ видѣлъ въ одинъ изъ такихъ дней, — чтобы сразу снова очутиться въ своемъ воображаемомъ стеклянномъ и печальномъ мірѣ, гдѣ всѣ звуки его голоса находили такой удивительный, такой безошибочный резонансъ.

нансъ. Онъ зналъ, что въ его искусствѣ важна не школа, ни даже его чисто музыкальныя способности — какъ это думали и писали всѣ, кому приходилось говорить о Рикарди, а важны только эти воспоминанія, только то, что онъ увидѣлъ и постигъ однажды какія-то печальныя несомнѣнности, которыхъ не видѣли и не понимали другіе, тянувшіеся къ нимъ безсознательно и не понимавшіе своихъ чувствъ. Это были вещи, о которыхъ Рикарди никогда не могъ бы рассказать ни на одномъ изъ извѣстныхъ ему языковъ, — и которыя не поддавались словесному воплощенію, а существовали и звучали сами по себѣ и только изрѣдка могли найти въ голосѣ Рикарди нѣсколько похожихъ, отдаленныхъ нотъ, возникавшихъ въ музыкѣ внезапно и непронизвольно, точно ихъ появленіе было вызвано далекимъ взрывомъ, прозрачнымъ столбомъ вдругъ выросшаго въ тишинѣ и неувѣренности аккомпанимента какого-то поднимавшагося и мгновенно упавшаго чувства, обреченнаго на гибель и смерть уже при своемъ, появленіи и несущаго въ себѣ чье-то трагическое отраженіе. Рикарди зналъ все это своимъ чувствомъ, торопливыя измѣненія котораго вызывали на поверхности его сознанія инныя состоянія, болѣе понятныя, но не менѣе печальныя. Въ такіе дни Рикарди начинало казаться, что все его существованіе направляется чьей-то посторонней силой; и воспоминанія его, которыя онъ обычно выбиралъ, заставляя себя думать о томъ, что ему пріятно и забывать о вещахъ, могущихъ испортить его настроеніе, — переставали становиться послушными его волѣ и возникали помимо его желанія, влача за собой цѣлый рядъ размышленій, относящихся къ той области, о которой Рикарди избѣгалъ думать. Онъ зналъ уже, какія мысли прежде всего смутятъ его спокойствіе.

Первой изъ нихъ была мысль о наступающей старости. Рикарди былъ красивъ и молодъ; ему давали двадцать пять лѣтъ, хотя ему было тридцать шесть. Но онъ, смертельно боявшійся старости, съ непонятной завистью чи-

тавший каждый годъ съ все болѣе и болѣе тягостнымъ чувствомъ «Портретъ Доріана Грея», — онъ зналъ, что переходъ къ ней начался въ немъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно, это было незамѣтно, конечно, самому Рикарди эта мысль казалась иногда нелѣпой. Но отъ постоянного и напряженнаго вниманія его не могло укрыться то, что когда онъ подымался на второй или третій этажъ, онъ чувствовалъ мгновенную и быстро проходившую слабость въ ногахъ, что иногда вечеромъ что-то тяжело ударяло его въ бокъ, что задѣвъ иногда случайно суставомъ пальца о край стола, онъ потомъ чувствовалъ тупую боль нѣсколько дней подрядъ. Его начинали уже утомлять длинныя прогулки пѣшкомъ, онъ гребъ съ большимъ усиліемъ, чѣмъ прежде, и та легкость его движеній, которая всегда была для него чѣмъ-то столь же естественнымъ, какъ искусство ходить, начинала постепенно исчезать. Рикарди думалъ о томъ, что онъ никогда не подвергался никакимъ лишеніямъ, всегда жилъ въ прекрасныхъ условіяхъ — и, слѣдовательно, утомленіе его организма не могло быть вызвано какими либо внѣшними причинами. — Еще нѣсколько лѣтъ и я кончѣнъ, — думалъ Рикарди, невольно улыбаясь тому иллюзорному, но казавшемуся явнымъ, противорѣчію, которое было между этими словами и дѣйствительностью.

Затѣмъ, послѣ этого онъ неизмѣнно вспоминалъ давнюю исторію, въ которой онъ былъ виновникомъ и триумфаторомъ — и которая теперь пробуждала въ немъ позднее сожалѣніе. Исторія эта могла показаться значительной — какъ и громадное большинство случающихся съ людьми событій — только тѣмъ, кто въ ней непосредственно участвовалъ, — то есть самому Рикарди, женщинѣ, которую звали Гильда и молодому студенту одного провинціального французскаго университета; съ нимъ Рикарди былъ очень друженъ въ эти далекія времена. Этотъ студентъ ѣбылъ страннымъ и безпорядочнымъ человѣкомъ, не знавшимъ за что взяться и переходившимъ съ одного

факультета на другой, занимавшимся то медициной, то поэзіей, то археологіей, то музыкой. — Онъ былъ очень способенъ — думалъ Рикарди — пожалуй, способнѣе всѣхъ, кого я зналъ. Что съ нимъ случилось потомъ? — Рикарди этого не зналъ. Онъ помнилъ только смѣшную влюбленность этого молодого человѣка, — его фамилія была Грилье, — помнилъ цвѣты, которые Грилье посылалъ Гильдѣ на послѣднія деньги — Гильда очень любила цвѣты, — помнилъ еще любимый романсъ Гильды, который пѣлъ Грилье:

Plaisirs d'amour ne durent qu'un moment
Chagrins d'amour durent toute la vie.

— Гильда была красива и глупа, — думалъ Рикарди. — Въ сущности, развѣ я виноватъ, что она стала моею любовницей?

Онъ вспомнилъ вечеръ, въ который это произошло. Они провели его втроемъ, гуляя въ небольшомъ лѣсу, въ окрестностяхъ маленькаго французскаго города, гдѣ жилъ тогда пріѣхавшій на нѣсколько мѣсяцевъ Рикарди, — доктора послали его на югъ Франціи, въ лѣсистую мѣстность: это было послѣ воспаленія легкихъ, отъ котораго онъ чуть не умеръ. Тогда Рикарди не былъ еще знаменитъ. Тотъ вечеръ они были втроемъ: Грилье въ лѣсу пѣлъ «Plaisirs d'amour» и по тому, какъ Гильда смотрѣла на Рикарди, онъ уже зналъ, что она станетъ его любовницей, что она во всякомъ случаѣ близка къ этому больше, чѣмъ когда бы то ни было — и это должно было произойти, именно потому, что казалось такимъ невѣроятнымъ — такъ какъ Гильда считалась невѣстой Грилье. Рикарди проводилъ до дому сначала Гильду, потомъ Грилье, затѣмъ — была уже глубокая ночь — вернулся къ дому Гильды; она жила въ маленькомъ особнякѣ, окна котораго выходили на улицу. Сквозь закрытые ставни былъ виденъ свѣтъ — на улицѣ стояла неподвижная тишина; Рикарди вспомнилъ.

невысокій домъ напротивъ особняка Гильды -- съ черной выѣской и золотыми буквами «Maison de couture», невысокіе кусты подь окномъ Гильды и гравій ея сада, который, какъ казалось тогда Рикарди, гремѣлъ подь его ногами. Онъ подошелъ къ окну; оно тотчасъ же отворилось, раньше, чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово. Когда онъ изялъ руку Гильды, онъ увидѣлъ, какъ задержались ея губы; и тогда, не колеблясь, онъ подошелъ къ двери, открылъ ее и очутился въ передней Гильды, которая между тѣмъ продолжала стоять у окна не двигаясь, такъ какъ ей было неудобно идти навстрѣчу Рикарди и сдѣлать самостоятельное хоть одно движеніе, которое могло бы выдать ея желанія. Рикарди зналъ, что она должна была такъ поступить, что если бы это было иначе, это было бы неприлично и нехорошо. Онъ заперъ дверь и закрылъ ставень, стараясь не производить шума, могущаго смутить или нарушить то физическое и душевное состояніе Гильды, изъ котораго ее не слѣдовало выводить, -- какъ опасно вдругъ разбудить лунатика — подумалъ Рикарди.

Уже подь утро онъ уходилъ отъ Гильды; въ окнѣ Грилье горѣлъ свѣтъ. «Plaisirs d'amour... — съ мгновенной горечью вдругъ вспомнилъ Рикарди. Ему очень хотѣлось спать, онъ шелъ и повторялъ почти безсвязно — *plaisirs d'amour*, Гильда, *plaisirs d'amour*... — Она не понимала ничего, думалъ Рикарди — она ничего не понимала, — такъ какъ черезъ два дня Грилье уже зналъ все, что произошло. Рикарди догадался объ этомъ, увидавъ его чужое и враждебное лицо, и услышавъ въ отвѣтъ на вопросъ о здоровьи судорожный смѣхъ Грилье, котораго онъ никогда не могъ забыть — и который ясно говорилъ о томъ, что Грилье его ненавидитъ. -- Какъ глупо и печально, — сказалъ себѣ Рикарди и сочетаніе этихъ словъ на нѣкоторое время удивило его и отвлекло его мысли въ сторону. — Глупо и печально, развѣ это можетъ быть? — подумалъ онъ. И вдругъ его губы начали улыбаться — еще до того, какъ онъ понялъ, почему

— такъ какъ это послѣднее воспоминаніе, приходило откуда то издадека — и не сразу стало ему ясно — но затѣмъ онъ вспомнилъ: онъ встрѣтилъ Гильду шесть лѣтъ спустя, въ кафэ, куда онъ пришелъ одинъ — и Гильда сказала ему, глядя равнодушно въ его глаза, что она замужемъ за очень способнымъ архитекторомъ, у котораго большія связи и знакомства, — но изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что ея мужъ былъ подрядчикомъ, а не архитекторомъ. — А Грилье? — спросилъ Рикарди. — Молодой человѣкъ безъ состоянія, — отвѣтила Гильда, — что онъ могъ мнѣ дать? — Рикарди замѣтилъ, что Гильда нисколько не измѣнилась физически. — Ея душевная жизнь слишкомъ бѣдна, — думалъ онъ, — она никогда не постарѣетъ, она, пожалуй, состарится, какъ лошадь, а не какъ человѣкъ. — А что же дѣлаетъ Грилье? — спросилъ онъ еще разъ. Гильда сказала, что Грилье, кажется, былъ въ Африкѣ, что онъ докторъ. — Но что такое докторскіе доходы? — сказала Гильда и удивилась, когда Рикарди засмѣялся ей въ лицо, не будучи въ силахъ удержаться. Затѣмъ онъ подозвалъ гарсона, заплатилъ за себя и за Гильду, вынулъ изъ бумажника три стофранковыхъ билета, далъ ихъ гарсону, прибавивъ, — это вамъ на чай, -- и ушелъ, оставивъ Гильду и гарсона въ полномъ недоумѣніи. Да, *plaisirs d'amour* — думалъ Рикарди.

Онъ проходилъ черезъ этотъ тревожный воздухъ; онъ вышелъ уже на площадь Трокадеро, когда вдругъ замѣтилъ, что кто-то идетъ за нимъ по пятамъ. Наконецъ шедшій сзади человѣкъ остановилъ его, положивъ ему руку на плечо. — Что вамъ нужно? — спросилъ Рикарди, взглянувъ на незнакомца.

Передъ нимъ стоялъ очень хорошо, пожалуй, слишкомъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ. У него было блѣдное лицо, длинные пальцы его рукъ дрожали, но сѣрые его глаза смотрѣли очень спокойно и увѣренно. — Вы знаете, что вы больны? — спросилъ онъ Ри-

карди. — Нѣтъ, я не боленъ, — сказала Рикарди, — я прекрасно себя чувствую. — Вы больны, — повторилъ молодой человѣкъ. — Развѣ вы не обратили вниманія на розовыя пятна возлѣ бровей, которыя я вижу даже подъ пудрой? — Это? — сказалъ Рикарди. — Да, я знаю, это на нервной почвѣ. — Нѣтъ, — твердо сказала молодой человѣкъ, — это страшная болѣзнь. Вы никогда не задумывались надъ этимъ? Это проказа. Вы больны проказой.

Рикарди не успѣлъ еще понять этой фразы до конца, онъ еще не постигъ ея страшнаго смысла, но уже услышалъ внезапно возникшій рядомъ съ нимъ смертельный шумъ въ воздухѣ, странно напоминавшій ему тѣ скользкіе и всхлипывающіе звуки воды, переходящіе въ томительный и тихій гулъ, съ какими уходитъ вода изъ бассейна, когда внизу открываютъ отверстіе для стока. — Проказа? — сказалъ онъ наконецъ. — Да, — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Не считайте меня мистификаторомъ. Вотъ моя карточка. — Рикарди разсѣянно взялъ его карточку и прочелъ профессію: студентъ колоніальной медицины. — Вы должны обратиться къ лучшимъ профессорамъ, — сказалъ молодой человѣкъ, — вы найдете ихъ адреса въ телефонной книгѣ. И онъ повернулся и пошелъ прочь. Рикарди смотрѣлъ ему вслѣдъ и потомъ вдругъ закричалъ: — *monsieur!* Молодой человѣкъ обернулся. Рикарди подбѣжалъ къ нему и спросилъ: вы знаете мою фамилію? — Нѣтъ. — Моя фамилія Рикарди, — сказалъ онъ съ отчаяніемъ, — я Рикарди. — Тѣмъ печальнѣе, тѣмъ хуже, — сказала молодой человѣкъ.

Рикарди поѣхалъ домой. Онъ подозвалъ *taxi*, раскрылъ машинальнымъ движеніемъ дверцу автомобиля — и вдругъ похолодѣлъ, вспомнивъ, что его прикосновеніе теперь смертельно и что человѣкъ, который сядетъ послѣ него въ этотъ автомобиль, можетъ заболѣть проказой. Онъ внимательно посмотрѣлъ на свои руки: суставы пальцевъ были покрыты кое-гдѣ такими же свѣтло розовыми пятнами — и казались пемного припухшими. — Какая дикая

вещь, - сказалъ себѣ Рикарди. — Впрочемъ, развѣ сумасшедшій не можетъ быть студентомъ колоніальной медицины? Почему именно студентъ колоніальной медицины не можетъ сойти съ ума совершенно такъ же, какъ всякій другой человѣкъ?

Онъ пришелъ въ свою квартиру и разыскалъ тотъ томъ энциклопедическаго словаря, гдѣ было слово «проказа». Онъ раскрылъ книгу и прочелъ:

...Хроническая болѣзнь, обусловленная по мнѣнію почти всѣхъ специалистовъ специфическими бактеріями и выражающаяся въ развитіи характерныхъ новообразований, въ кожѣ, слизистой оболочкѣ, нервной системѣ и внутреннихъ органахъ, — новообразований, называемыхъ лепромами. Большинство ученыхъ признастъ только двѣ формы проказы: туберкулезную (узловатую) и анестетическую. Та и другая форма начинаются неясно выраженными предвѣстниками: часто задолго до появленія первыхъ признаковъ, больные жалуются на общее недомоганіе, лихорадку, ревматическіе боли, нерѣдко головокруженіе, головныя боли, невралгическія боли лица и конечностей и различные болѣзненные явленія кожи. Нѣкоторые врачи утверждаютъ, что наиболѣе характерные предвѣстники проказы — сухость носа, носовые кровотечения, разстройство потѣнія — усиленіе или прекращеніе -- и повышенная чувствительность кожи. При узловатой формѣ — на кожѣ, обыкновенно всего раньше въ области бровей — Рикарди машинально коснулся рукой лѣваго виска — и на тыльной поверхности рукъ показываются ограниченные свѣтло или темно-красныя пятна, то исчезающія, то возвращающіяся вновь, но затѣмъ увеличивающіяся и постепенно принимающія коричневую или даже аспидно-сѣрую окраску». Дальше шло изложеніе постепеннаго развитія болѣзни и объясненіе тѣхъ нѣсколькихъ путей, по которымъ можетъ направиться проказа. Потомъ медицинское описаніе того состоянія, когда проказа уже окончательно захватила человѣка:

«Вслѣдствіе пораженія гортани голосъ дѣлается хриплымъ — мой голосъ? — громко сказалъ Рикарди, — «постепенно слабѣетъ и наконецъ можетъ совершенно пропасть; дыханіе затрудняется и дѣлается свистящимъ. Узлы часто изъязвляются, причемъ образуются довольно глубокія язвы; гнойное или иногда кровянистое отдѣленіе ихъ засыхаетъ, образуются зеленоватые или коричневые корки различной толщины; сочлененія разрушаются, кости обнажаются и омертвѣваютъ; особенно поражаются суставы пальцевъ рукъ и ногъ. Въ этомъ періодѣ больной представляетъ ужасающій видъ: лицо покрыто язвами, изрыто рубцами, вѣки выворочены, ротъ перекашивается, носъ разрушенъ: зрѣніе, обоняніе, вкусъ и голосъ потеряны».

«Въ среднихъ вѣкахъ послѣ признанія человѣка прокаженнымъ, его вели въ церковь, покрывали чернымъ сукномъ или клали на катафалкъ, служили панихиду, на ноги бросали лопаткой груды земли въ знакъ того, что онъ умеръ для общества — и отводили въ лепрозорій».

Рикарди положилъ книгу на мѣсто. Въ дверь постучались — вошла женщина, готовившая ему обѣдъ. Она дала ему письмо въ длинномъ синемъ конвертѣ, который онъ тотчасъ же узналъ — и сказала, что обѣдъ на столѣ. Рикарди поднялся и пошелъ въ столовую. Распечатавъ письмо, онъ прочелъ, что Эленъ будетъ у него вечеромъ. — Ахъ, есть еще Эленъ, — сказалъ себѣ Рикарди.

Послѣ этой неожиданной встрѣчи съ молодымъ человекомъ на площади Трокадеро, Рикарди какъ то сразу забылъ обо всемъ, что составляло его жизнь — и только появленіе того или иного вещественнаго напоминанія заставляло его опять на секунду обращаться къ тому, что временно отъ него исчезло и что въ ближайшемъ будущемъ должно было исчезнуть навсегда. — Чего же мнѣ было бы больше всего жаль? — спросилъ Рикарди. — Эленъ? — Онъ сорвалъ съ себя салфетку, съ шумомъ отбросилъ стулъ и покинувъ столовую, быстро прошелъ въ

библіотеку. У него захватило дыханіе: онъ только черезъ минуту успѣлъ формулировать свою мысль, которая скользнула въ его сознаніи, какъ быстро пронесшееся черное полуживотное-полуптица: — если я боленъ проказой, то значить и Элень ею больна. Онъ опять сталъ читать статью о проказѣ, отъ волненія не сразу понимая: онъ немного успокоился, прочтя, что мнѣнія о степени заразности проказы раздѣляются и есть теоретики, полагающіе, что эта болѣзнь не заразителна вовсе. — Да и это было бы замѣтно, — думалъ Рикарди. — Впрочемъ, обсудимъ все внимательно. Во-первыхъ, можетъ быть я не боленъ проказой и это фантазія сумасшедшаго: и тотъ фактъ, что его слова обладаютъ извѣстной логической убѣдительностью, еще ничего не доказываютъ. — Затѣмъ Рикарди стало казаться, что пятна на его лицѣ уменьшились — онъ посмотрѣлъ въ зеркало: но пятна остались такими же самыми. Онъ осмотрѣлъ внимательно все свое тѣло, раздѣвшись догола; нигдѣ на его блестящей кожѣ не было никакихъ ни пятенъ, ни слѣдовъ отъ пятенъ. — Сейчасъ мое тѣло имѣетъ такой видъ, — думалъ Рикарди, медленно одѣваясь, — Неужели эта кожа покроется корой и язвами, а мой голосъ перестанетъ звучать. Можетъ быть и сейчасъ онъ звучитъ плохо? — Онъ взялъ нѣсколько ногъ, — легко и безъ малѣйшаго усилія, какъ всегда. — Нѣтъ, это еще не скоро случится.

Послѣ обѣда онъ сѣлъ въ кресло, взялъ первую попавшуюся въ руки книгу и сталъ ее читать. Это была «*La peau de chagrin*» Бальзака. Онъ читалъ и забывалъ постепенно о своей мнимой или не мнимой проказѣ: но онъ не переставалъ думать все о томъ же и только мысли его принимали иную форму, — а подъ ними находилось все то же ощущеніе смертельной тревоги, которое онъ уловилъ въ воздухѣ, выйдя изъ дому утромъ и которое только усложнилось затѣмъ. Когда уже начало темнѣть, Рикарди подумалъ объ Эленъ — и вышелъ, чтобы купить въ магазинѣ все, что ему было необходимо для ужина на двухъ. Элень

особенно любила именно такое времяпрепровождение, — которое вначалѣ было вынужденнымъ, такъ какъ она не могла нигдѣ показываться съ Рикарди — и его и ее знали всѣ; она была женой посла и уже послѣ двухъ ея появленій съ Рикарди распространился слухъ объ ихъ связи, хотя въ то время никто изъ нихъ и не думалъ о связи. Тогда же мужъ Эленъ сказалъ ей однажды за столомъ и какъ бы вскользь, но съ той холодной и утихой язвительностью, которая была ему свойственна — въ отвѣтъ на ея замѣчаніе о томъ, какъ хорошо поетъ Иза Кремеръ. — мнѣ казалось, что до сихъ поръ вы предпочитали мужскіе голоса. По его тону Эленъ поняла, что онъ гдѣ-то уже слышалъ о мнимой ея связи съ Рикарди — и хотѣла рѣзко ему отвѣтить, но потомъ сдержалась и пожала плечами. Больше посолъ не говорилъ о Рикарди. Эленъ съ нимъ нигде не выходила; кромѣ того Рикарди иногда жилъ мѣсяцами въ Парижѣ, почти не выходя изъ дому и предварительно, до отъѣзда во Францію, словоохотливо сообщивъ журналистамъ, что онъ собирается отдыхать во Флоридѣ. У него было двѣ квартиры: о второй изъ нихъ узнали сравнительно недавно; но онъ запирался на ключъ и кто бы ни приходилъ къ нему, его не оказывалось дома. Именно на этой квартирѣ онъ встрѣчался съ Эленъ. Эленъ не могла развестись съ мужемъ, какъ того хотѣлъ Рикарди: она боялась испортить его дипломатическую карьеру, отъ которой зависѣло очень многое: она примирилась съ необходимостью двойного существованія — и еще годъ тому назадъ сказала своему мужу въ отвѣтъ на одинъ изъ его вѣжливыхъ намековъ семейнаго характера, что она не хочетъ обманывать его, что она его не любитъ и никогда не станетъ вновь его женой. — Чего же вы хотите? — сказала она. — *Les apparences sont sauvees.* Это все, что я могла сдѣлать и видѣть Богъ, какъ это мнѣ дорого стоило.

Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ когда либо зналъ Рикарди, Эленъ была самой лучшей. Ей было двадцать пять

лѣтъ, но во многихъ вещахъ она была наивна, какъ дѣвочка; и въ ней было особенное душевное цѣломудріе, передъ которымъ всѣ случайности ея незаконной связи съ Рикарди какъ то теряли свое нехорошее значеніе. Она любила Рикарди, какъ любить высшее существо и считала его привязанность къ ней незаслуженной наградой; она совершенно не знала ни силы своего безсознательнаго очарованія, ни другихъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, которые заключались въ необычно большомъ для женщины ея лѣтъ запасѣ чувствъ, въ ея удивительномъ интуитивномъ и безошибочномъ пониманіи искусства, за которое ее особенно любилъ Рикарди; за все время ихъ знакомства ему никогда не пришлось быть непонятымъ Эленъ. Когда она впервые пришла къ нему на квартиру и пила у него глинтвейнъ и Рикарди ей пѣлъ старыя итальянскія пѣсенки, — онъ даже не подумалъ о томъ, что значитъ, какое въ сущности, почти недвусмысленное значеніе имѣетъ визитъ замужней женщины въ квартиру холостяка: онъ отвезъ ее вечеромъ домой, поцѣловалъ ей руку на прощанье — и только черезъ двѣ недѣли прислалъ ей изъ Нью-Йорка письмо, въ которомъ писалъ, что онъ любитъ ее и что ей достаточно отправить ему телеграмму, что она не сердится на него за это признаніе: онъ будетъ ей навсегда благодаренъ. Рикарди помнилъ, что онъ вернулся съ концерта въ номеръ гостиницы, заставленный пакетами, чемоданами и цвѣтами и нашелъ на столѣ телеграмму, составленную непрактическимъ, нетелеграфнымъ языкомъ, — что было тоже характерно для Эленъ: «*Je ne me fâche pas parce que je vous aime aussi Hélène*».

Онъ ночью протелефонировалъ въ пароходную контору, заказалъ себѣ каюту, тутъ же на столѣ написалъ чекъ на крупную сумму, оплачивавшую неустойку его канадскаго импрессаріо, и не заснувъ ни на одну минуту, и даже не переодѣвшись, утромъ во фракѣ поѣхалъ на пароходъ и черезъ пять дней звонилъ по телефону въ квартиру Эленъ. Она пришла къ нему въ тотъ же вечеръ — и оставалась у

него до четырехъ часовъ утра; она плакала отъ радости при мысли о томъ, что Рикарди, знаменитый Рикарди, котораго она въ то время не могла еще отличить въ своемъ представленіи отъ Рикарди-влюбленнаго, бросилъ все и поѣхалъ къ ней изъ Нью-Йорка по первому ея слову — совсѣмъ какъ простой смертный, — *tout à fait comme si vous étiez comme tout le monde*, — говорила она. Рикарди вспоминалъ обо всемъ этомъ, покупая въ магазинѣ икру, шампанское, холодное мясо, пирожки и тотъ особенный сортъ индійскаго чая, который любила Элень. Затѣмъ онъ купилъ коробку пирожныхъ, букетъ цвѣтовъ, вернулся домой, накрылъ столъ, разставивъ тарелки и бокалы, и сталъ дожидаться Элень, которая пріѣхала какъ всегда ровно въ половинѣ девятаго вечера. Она вошла, неся въ одной рукѣ двухмѣсячнаго датскаго щенка, котораго она купила по дорогѣ, — это только съ тобой можетъ случиться, — сказалъ ей улыбаясь Рикарди, — въ другой, завернутый въ прозрачную бумагу, странный, бѣлый цвѣтокъ съ почти квадратными лепестками, оранжевымъ пестикомъ и лиловыми тычинками. — Я принесла тебѣ этотъ цвѣтокъ, — сказала Элень, — это африканскій, настоящій африканскій цвѣтокъ, который растетъ въ Трансваалѣ. — Какъ же онъ попалъ въ Парижъ? — спросилъ Рикарди, снимая съ нея пальто и шляпу и удивившись тому, что Трансваальскій цвѣтокъ, который былъ свѣжъ, какъ только что сорванное растеніе, могъ такъ сохраниться за время долгаго путешествія изъ Африки во Францію. — Какой ты смѣшной, — сказала Элень, — онъ выращенъ здѣсь въ спеціальной оранжереѣ.

За ужиномъ Элень была весела, какъ всегда, — и въ тотъ вечеръ Рикарди было тяжело видѣть это. Элень всегда была такой съ Рикарди, онъ почти не видѣлъ ее другой и не зналъ, что дома она и говорила и вела себя не такъ, какъ здѣсь; когда она приходила къ Рикарди, онъ, казалось, мѣнялась даже физически, становясь мягче и меньше, дѣлаясь почти неузнаваемой; у нее мѣнялся дѣ-

же голосъ; онъ точно свѣжѣлъ и углублялся, какъ будго каждая минута ея пребыванія съ Рикарди была первой минутой ея радостнаго волненія. Рикарди помнилъ, что вначалѣ ихъ знакомства она показалась ему слишкомъ сдержанной, — но это было только въ день ихъ первой встрѣчи; и когда Рикарди увидѣлъ ее второй разъ, она уже такъ же говорила и смѣялась съ тѣми же интонаціями въ голосѣ, которыя онъ вспоминалъ, засыпая и невольно улыбаясь, — какъ потомъ, какъ всегда. Они сидѣли за ужиномъ: вдругъ потухло электричество и сдѣлалось темно. Рикарди пересталъ видѣть Эленъ, и на секунду его отдѣлила отъ нее темнота и Рикарди подумалъ, что очень скоро онъ совсѣмъ уже больше не увидитъ ее, какъ не видитъ сейчасъ — и когда онъ, невольно повысивъ голосъ, сказалъ — Эленъ! — то самъ удивился измѣнившемуся звуку этого имени, которое зазвучало сразу какъ то по иному. — Не бойся, — отвѣтила она, — я не исчезла въ темнотѣ. Ты думаешь, что меня больше нѣтъ? Я здѣсь. — Но Рикарди не произносилъ ни слова. — Что съ тобой? — тревожно сказала Эленъ и въ эту минуту зажглось электричество и она увидала поблѣднѣвшее лицо Рикарди и его темные глаза. — Ничего, — сказалъ онъ, улыбнувшись. — Я не долженъ ей говорить этого, — думалъ онъ, — это было бы слишкомъ ужасно. Возможно, даже вѣроятно, что она не заразилась отъ меня — и зачѣмъ ей знать это? — Онъ рѣшилъ ничего не говорить ей, но ему трудно было выполнить свое рѣшеніе, не выдавая себя, и тогда онъ сказалъ Эленъ: — ты помнишь, какъ я пѣлъ тебѣ итальянскія пѣсенки, когда ты пріѣхала ко мнѣ въ гости въ первый разъ? Хочешь, я буду тебѣ пѣть то, что я никогда не исполняю на эстрадѣ? — Она ничего не отвѣтила ему, только сжала его руку.

И здѣсь же, не вставая изъ-за стола, на которомъ продолжали лежать приборы и тарелки съ недоѣденными кусками, Рикарди, глядя на Трансваальскій цвѣтокъ, сталъ пѣть Эленъ вполголоса наивныя и почти забытыя имъ ме-

лодіи, которыя онъ пѣлъ много лѣтъ тому назадъ. Обладая абсолютнымъ слухомъ и чудовищной, почти нечеловѣческой музыкальной памятью, Рикарди зналъ все, что слышалъ въ своей жизни: онъ помнилъ наизусть любую оперу, любой мотивъ, онъ пѣлъ на пяти языкахъ и репертуаръ его былъ необычайно обширенъ. — Вотъ, Эленъ, --- говорилъ онъ, — я спою тебѣ сейчасъ нѣмецкій романсъ: въ одномъ мѣстѣ его, обрати на это вниманіе, вдругъ начинается какъ будто струиться вода; это романсъ о русалкѣ.

Эленъ слушала его, не отрывая глазъ отъ его лица; ей и до сихъ поръ его искусство казалось изумительнымъ и неисчерпаемымъ. Она слышала Рикарди много разъ и во всякой обстановкѣ, но запасъ его музыкальныхъ богатствъ былъ дѣйствительно настолько неистощимъ, что она находила всегда новыя вещи, которыхъ онъ еще не исполнялъ. Онъ пѣлъ ирландскія пѣсни, похожія одновременно на разговоръ и на плачь, и русскіе романсы, про которые онъ говорилъ, что въ нихъ его голосъ теряется, точно проходя сквозь темноту и даль, и потомъ опять появляется, ослабѣвающій и прозрачный, какъ звонъ снѣга въ сильный морозъ, онъ пѣлъ англійскіе мотивы, мотивы страны Эленъ, которые она слышала въ дѣтствѣ, пѣлъ французскія рифмованныя строки о женщинахъ и о любви, и итальянскія, удивительныя по количеству голосовыхъ измѣненій, арии.

Было уже очень поздно. — Ну, Эленъ, я спою тебѣ еще одно, — сказалъ Рикарди, — послѣднее: это французскій романсъ, который я давно люблю. И онъ запѣлъ:

Plaisirs d'amour ne durent qu'un moment,
Chagrins d'amour durent toute la vie.

Эленъ неподвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ: Трансвальскій цвѣтокъ сталъ расширяться и увеличиваться въ ея глазахъ и закрылъ собой измѣнившееся лицо Рикарди.

Рикарди замолчалъ; и видя, что Эленъ не начинаетъ говорить, онъ сказалъ: — Эленъ, вѣдь я забылъ самое главное: я спою тебѣ сейчасъ колыбельную, ты почти спишь. — Нѣтъ, — сказала Эленъ, — но я думаю: что я могла бы сказать послѣ твоего лѣнія и какъ? Мнѣ сначала казалось, что я просто необразована и не знаю нужныхъ словъ; а теперь мнѣ кажется, что просто такихъ словъ вообще нѣтъ. Но вѣдь пишутъ же музыкальные критики? — Они пишутъ глупости Эленъ, — засмѣявшись, отвѣтилъ Рикарди, — ты гораздо лучше ихъ понимаешь музыку. Ты хочешь, чтобы я отвезъ тебя домой. — Нѣтъ, — отвѣтила Эленъ, — сэръ Джоржъ (это было имя ея мужа) улетѣлъ въ Лондонъ: не правда ли, какъ смѣшно, что онъ улетѣлъ, — точно злой волшебникъ изъ Андерсена? Я не хочу ѣхать домой. Ты мнѣ будешь лѣтъ колыбельную, какъ ты общалъ, — только совсѣмъ тихо. — Хорошо, — сказалъ Рикарди, — но только сэръ Джоржъ не похожъ на волшебника: развѣ волшебники носятъ монокли?

Этой ночью Рикарди говорилъ Эленъ:

— Эленъ, ты чувствуешь движеніе времени? Смотри, я только что сказалъ эти слова и ихъ уже нѣтъ.

— Ты можешь ихъ повторить.

— Да, Эленъ, но они будутъ другими. Вѣдь ушли не только слова, ушло то, что ихъ вызвало къ жизни; отъ него оторвался маленький кусочекъ, оно стало чуть-чуть меньше, почти незамѣтно, но этого кусочка уже нѣтъ. И то, что вызываетъ къ жизни мои слова, все время уменьшается и дѣлается тоньше. Эленъ, ты помнишь *La peine de chagrin*?

- Да, конечно: это очень печальная книга.

- Эленъ, что бы ты сдѣлала, если бы я умеръ?

- Я бы тоже умерла, — сказала Эленъ.

И Рикарди на нѣсколько минутъ потерялъ сознаніе и даръ рѣчи, — онъ видѣлъ передъ собой въ сумрачномъ разсвѣтѣ, наступившаго уже полчаса тому назадъ, только черные глаза Эленъ. Потомъ онъ, боясь сказать хотя бы

одно слово, боясь, чтобы голосъ не измѣнилъ ему, взялъ руки Эленъ и сталъ пѣть съ закрытымъ ротомъ колыбельную — и Эленъ заснула, какъ засыпаютъ маленькія дѣвочки, внезапно, не успѣвъ даже произнести то, что хотѣла. Рикарди вышелъ изъ спальни, принялъ холодную ванну и потомъ все сидѣлъ у окна, глядя на рѣдкіе автомобили, проѣзжавшіе передъ домомъ и ни о чемъ не думая.

Онъ развернулъ потомъ телефонную книгу и нашелъ адресъ профессора Вернанъ, знаменитаго специалиста по кожнымъ болѣзнямъ: и днемъ онъ былъ уже у него. Профессоръ осмотрѣлъ его, взглянулъ затѣмъ съ недоумѣніемъ, какъ показалось Рикарди, на его костюмъ, -- и сказалъ:

— Я ничего не могу сдѣлать, я не знаю, чѣмъ вы больны. Обратитесь къ специалисту по колониальнымъ болѣзнямъ.

— Къ кому именно? — спросилъ Рикарди.

— Въ Парижѣ есть одинъ способный докторъ колониальной медицины, — но тамъ вамъ придется ждать очереди недѣли двѣ. Фамилія этого доктора -- Грилье, вотъ его адресъ.

— Грилье, докторъ колониальной медицины? — думалъ Рикарди, ѣдучи въ автомобиль. — Грилье? Можетъ быть это его однофамилецъ?

Однако, пріѣхавъ по указанному адресу, Рикарди нашелъ запертую квартиру. Онъ долго звонилъ: наконецъ ему открыла горничная, которая сказала, что пріемъ конченъ — но что если м-г хочетъ записаться, то господинъ докторъ сможетъ его принять въ первыхъ числахъ іюня. — Нѣтъ, это меня не устраиваетъ, — сказалъ Рикарди. — Вы знаете адресъ его частной квартиры? — Нѣтъ, м-г, — сказала горничная такъ торопливо и заученно, что Рикарди сразу понялъ, что она знаетъ. Онъ далъ ей сто-франковую бумажку и сказалъ: очень жаль, что вы не знаете адреса, очень жаль. Вотъ вамъ за беспокойство,

благодарю васъ. — И онъ уже сталъ спускаться по лѣстницѣ, когда горничная остановила его. — М-г Грилье живетъ въ Нейи, --- сказала она, — вотъ его точный адресъ. Но если онъ спросить м-г, — кто ему сообщилъ адресъ, м-г будетъ настолько великодушенъ, что не назоветъ меня. — Да, да, не беспокойтесь, — сказалъ Рикарди. — Я хотѣла дать еще одно указаніе м-г, если м-г мнѣ разрѣшитъ: господина доктора можно навѣрное застать только послѣ двѣнадцати часовъ ночи. Въ другое время онъ въ городѣ. — Благодарю васъ, — сказалъ Рикарди.

Въ одиннадцать часовъ вечера Рикарди вышелъ изъ дому и отправился пѣшкомъ въ Нейи. Онъ уже обдумалъ къ тому времени все:

— Если Грилье скажетъ мнѣ, что я дѣйствительно боленъ проказой, то тогда конецъ. Если нѣтъ, — я буду лѣчиться отъ этой болѣзни и все останется попрежнему. Но если это дѣйствительно проказа?

Онъ рѣшилъ оставить довѣренность на всѣ свои деньги Эленъ, ликвидировать свои дѣла, написать Эленъ письмо и исчезнуть. Онъ только не зналъ — куда; но это онъ собирался рѣшить позже. Онъ до сихъ поръ еще не могъ повѣрить въ свою проказу: это казалось такимъ чудовищнымъ и невѣроятнымъ и тотъ Рикарди, который былъ извѣстенъ всему міру настолько не могъ стать прокаженнымъ, — что онъ понималъ эту мысль только теоретически, какъ понялъ бы рядъ логическихъ предпосылокъ и выводовъ, сущность которыхъ была бы ему совершенно безразлична. Было уже больше двѣнадцати, когда онъ подошелъ къ дому Грилье; и еще не доходя нѣсколько шаговъ, онъ услышалъ оттуда медленные и тихіе звуки піанино — да, вѣдь онъ занимался музыкой, — вспомнилъ Рикарди. Онъ открылъ калитку желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ, поднялся по тремъ ступенькамъ небольшого дома и тихо позвонилъ. Музыка тотчасъ же прекратилась — и голосъ Грилье спросилъ кто тамъ. — Это я, — отвѣтилъ Рикарди. Грилье, конечно, не узналъ его голоса, но от-

крылъ дверь и Рикарди увидѣлъ его такимъ же, какимъ зналъ много лѣтъ тому назадъ. Онъ увидѣлъ курчавыя волосы, худое и нѣсколько удлинненное лицо Грилье и большіе его глаза съ неправильнымъ разрѣзомъ, про которые Гильда говорила, что они похожи на венеціанскіе окна - и невольно это неточное и неправильное сравненіе вспомнилось Рикарди потому, что онъ давно не думалъ о Грилье и ему нужно было сейчасъ найти что-либо такое, какую-нибудь личную и незначительную подробность прошлыхъ временъ, которая вновь воскресила бы въ немъ то полузабытое мѣсто въ его жизни, которое занималъ въ ней Грилье — и въ которое мысль его могла сразу вернуться, вспомнивъ и освѣтивъ на секунду какое-нибудь одно характерное представленіе. Бархатная куртка Грилье была разстегнута на груди, длинныя руки были засунуты въ карманы. — Что вамъ угодно? — спросилъ Грилье, не видѣвшій, какъ слѣдуетъ лица Рикарди, находившагося въ тѣни. — Я — Рикарди, я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу, Альбертъ, — сказалъ Рикарди. Грилье, не сказавъ ни слова, отступилъ, и Рикарди вошелъ въ квартиру. — Что могло васъ привести ко мнѣ, откуда вы узнали мой адресъ? И что нужно знаменитому Рикарди отъ доктора колоніальной медицины? — Грилье говорилъ насмѣшливо и враждебно. — Альбертъ, — сказалъ Рикарди такимъ измѣненнымъ голосомъ, что Грилье поднялъ голову и взглянулъ на Рикарди съ удивленіемъ и тревогой, — мнѣ кажется, что я боленъ проказой и я пришелъ узнать вашъ приговоръ. Они находились въ квадратной комнатѣ, стѣны которой были обиты матеріей цвѣта *gris-perle* безъ какихъ-бы то ни было узоровъ; посрединѣ стоялъ черный лакированный столъ, у одной изъ стѣнъ черный же диванъ: прямо передъ своими глазами Рикарди увидѣлъ довольно хорошую копію Рембрантовскихъ пилигримовъ, принесшихъ съ собой и сюда тотъ далекій и слабѣющій полумракъ картины, о которомъ Рикарди въ свое время, ученикомъ консерваторіи написалъ нѣсколько

десятковъ очень плохихъ стихотвореній: -- Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, — сказалъ Грилье. Онъ вышелъ изъ комнаты, затѣмъ вернулся, — на немъ были бѣлый халатъ и резиновыя перчатки. Онъ поставилъ на столъ небольшую металлическую коробку, отъ которой шель электрическій шнуръ, — онъ вставилъ его въ штепсель, -- потомъ вынулъ изъ этой коробочки длинный стальной инструментъ съ загнутымъ концомъ, и быстро взглянувъ на лицо Рикарди, взялъ его руку и приложилъ конецъ инструмента къ немного опухшему суставу пальца. — Что вы чувствуете? -- спросилъ онъ. — Ничего, — отвѣтилъ Рикарди. Грилье осмотрѣлъ пятна возлѣ его бровей. Рикарди съ тревогой слѣдилъ за его лицомъ. Затѣмъ Грилье, отвернувшись, сказалъ:

— Да, вы больны. У васъ начало проказы. Не понимаю только, гдѣ вы могли заразиться.

Все вдругъ стало безразлично Рикарди, все стало казаться далекимъ и исчезающимъ въ холодномъ сумракѣ, какъ Рембрантовскіе пилигримы; и онъ точно издали видѣлъ нахмуренное лицо Грилье и блестящій ящикъ на столѣ. Потомъ онъ сѣлъ на стулъ и сидѣлъ не двигаясь нѣсколько минутъ, глядя въ неправильные удивительные глаза Грилье. — Рикарди, — вдругъ сказалъ Грилье, — и Рикарди не сразу понялъ, что Грилье произнесъ его имя. — Рикарди, много лѣтъ тому назадъ вы были виновникомъ самаго большого несчастья, которое когда-либо со мной случилось. Въ эту минуту я могъ бы торжествовать, если бы потомъ я не понялъ, что это не должно меня волновать. Я очень много думалъ объ этомъ. Даже сейчасъ, на вашемъ мѣстѣ, я тоже не принималъ бы близко къ сердцу того, что съ вами случилось.

— Да, я думаю, что надо быть храбрѣе, — сказалъ Рикарди, которому вдругъ вопреки всѣмъ обстоятельствамъ стало легче. — Но все-таки не забывайте, что это мой смертный приговоръ.

— Не все ли равно? -- сказалъ Грилье. — Ну, еще три

тысячи концертовъ, еще нѣсколько сотъ тысячъ людей, которые придутъ смотрѣть на васъ и услышатъ въ вашихъ пѣсняхъ напоминаніе о своей собственной судьбѣ — о влюбленности и объ умираніи. Я слушаю васъ каждый годъ, я знаю, что вы гениальны, я искалъ объясненія вашего непостижимаго секрета, я былъ такъ наивенъ, что нѣсколько лѣтъ посвятилъ изученію музыки. Я, правда, не нашелъ въ ней объясненія; я думаю, что его вообще не можетъ быть.

— Альбертъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ Гильду, — сказалъ Рикарди; — лицо Грилье осталось совершенно спокойнымъ. — Она замужемъ за богатымъ подрядчикомъ, она говоритъ, что ей не было расчета выходить за необезпеченнаго молодого человѣка. Необезпеченный молодой человѣкъ — это вы, Альбертъ. Но мнѣ рекомендовалъ васъ, какъ самаго способнаго врача, докторъ съ міровой извѣстностью. Я надѣюсь, что вы богаты.

— Я очень богатъ, — сказалъ Грилье, — навѣрное, почти такъ же, какъ вы. Очень возможно, что въ данный моментъ, если бы Гильда вышла за меня замужъ, это не было бы ни *mesalliance*’омъ, ни неблагоприятнымъ шагомъ. Но вѣдь я могу не захотѣть этого.

— Что вы дѣлали все это время? — спросилъ Рикарди.

— Я изучалъ біологію, музыку, медицину. Я былъ въ Африкѣ, я даже лѣчилъ проказу.

— Развѣ она излѣчима?

— Не всегда. Иногда это удается.

— Альбертъ, — сказалъ Рикарди, — и голосъ его сталъ свѣжъ и силенъ. — Если бы я былъ одинъ на свѣтѣ, я не сталъ бы просить васъ ни о чемъ. Но я не одинъ. Скажите, я могу выздоровѣть? Грилье задумался. — Да, года черезъ три усерднаго лѣченія. — Если къ тому времени, признаки проказы останутся, это значитъ, что вы навсегда будете прокаженнымъ.

— Скажемъ, пять лѣтъ?

— Да, если это излѣчимо, то черезъ пять лѣтъ вы будете здоровы.

— Хорошо. Я буду у васъ на дняхъ. Вы пропустите меня въѣхочереди? — Да, конечно, — сказалъ Грилье. — Вы дадите вашу визитную карточку горничной.

Рикарди поднялся со стула; ему было не о чемъ больше говорить съ Грилье, такъ какъ споръ о значеніи его, Рикарди, о важности его существованія для себя и для другихъ, который было началъ Грилье, — не могъ его интересовать теперь, въ эту минуту, — хотя въ обычное время Рикарди нашелъ бы много словъ, чтобы отвѣтить Грилье. Онъ не могъ также, — послѣ столькихъ лѣтъ, — найти прежній свой тонъ, прежнюю привычную рѣчь, которая была одинакова близка и интересна и ему и Грилье, — и дальнѣйшее его пребываніе у Грилье неизбежно стало бы непріятно. Онъ простился и ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ написалъ Эленъ письмо. Онъ писалъ, что уѣзжаетъ на пять лѣтъ въ Африку, — что иначе онъ поступить не можетъ: онъ оставилъ ей довѣренность на распоряженіе всѣми своими деньгами, просилъ платить за его квартиру и въ концѣ письма прибавлялъ:

«Я не могу тебѣ объяснить, почему я уѣзжаю: и это мнѣ тѣмъ болѣе тяжело, что я люблю тебя больше, чѣмъ все, что когда либо существовало на землѣ. Я вернусь черезъ пять лѣтъ и я знаю, что ты будешь меня ждать.

Каждый годъ въ день твоего рожденія я буду присылать тебѣ трансваальскіе цвѣты. Въ тотъ день, когда ты ихъ не получишь, это будетъ значить, что я вернулся въ Парижъ, --- или, что меня нѣтъ въ живыхъ».

Рикарди былъ у Грилье и, посоветовавшись съ нимъ, рѣшилъ уѣхать какъ можно дальше. Онъ выбралъ южную Африку, — и маленькій поселокъ, странное и трудно произносимое названіе котораго ему сказалъ Грилье, бывавшій тамъ каждый годъ. Тамъ Рикарди долженъ былъ жить и лѣчиться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе слѣды проказы не

исчезнуть съ его кожи, — или пока не выяснится окончательно, что Рикарди никогда не сможетъ больше ни пѣть, ни давать концертовъ, ни даже жить въ Европѣ. Рикарди отправилъ туда всѣ свои вещи и цѣлую недѣлю провель въ Парижѣ одинъ, въ смертельной тоскѣ и ожиданіи.

Въ вечеръ своего концерта, уже съ билетомъ въ карманѣ, онъ пошелъ пѣшкомъ по Парижу, прошелъ по той улицѣ, гдѣ было зданіе театра, въ которомъ онъ долженъ былъ пѣть, посмотрѣлъ на потушенные лампы входныхъ дверей, на потемнѣвшія въ умѣренномъ свѣтѣ уличныхъ фонарей, потускнѣвшую надпись «Рикарди» на афишѣ, перечеркнутую широкой полосой красного карандаша, опустилъ голову, постоялъ съ закрытыми глазами нѣскольکو секундъ, затѣмъ остановилъ проѣзжавшій автомобиль — и уѣхалъ на вокзалъ, съ котораго отходилъ его поѣздъ.

Гайто Газдановъ.

I.

Когда впервые жалость въ душу глянетъ,
Когда отъ старыхъ писемъ грустно станетъ,
Когда съ предсмертнымъ шорохомъ листы
Разсѣянной рукой разсыплешь ты,
Припомни тѣхъ, кого ты не любила,
Кого легко въ земномъ раю забыла;
Тѣхъ, кто тебя такъ горестно, повѣрь,
Благословляетъ, помнить и теперь;
Кому сіяютъ тѣ воспоминанья,
Которымъ ты не можешь дать названья;
Тѣхъ, чья судьба въ смиреніи прошла,
Къ кому ни разу ты не подошла,
И не взяла за голову руками,
И не взглянула нѣжными глазами.
Всѣ голоса, дрожавшіе любя,
И всѣ слова, смѣшныя для тебя,
Припомни, и растерзанная славой
И счастіемъ, душа на мигъ лукавый
Тѣней погибшихъ вѣрностью вздохнеть;
И скажешь ты: пришелъ и вамъ чередъ,
О, призраки забытаго былого!..
Какъ жизнь трудна и какъ для насъ сурова!

II.

Твое лицо и голосъ твой — отъ Бога,
И такъ крута моя къ тебѣ дорога.
Но не протягивай ко мнѣ руки,
Не останавливай на мнѣ зрачки,
Не облегчай движеніемъ отвѣтнымъ,
Намекомъ суетнымъ и всѣмъ замѣтнымъ
Мой трудный путь, мой дивный путь къ тебѣ:
Я самъ хозяинъ въ избранной судьбѣ,
Я самъ дойду къ тебѣ, разъ ты отъ Бога.
Смерть далека и молодости много.

III.

Покоя нѣтъ, и не бывать покою,
Пока мы живы на землѣ съ тобою,
Пока мы дышимъ воздухомъ однимъ
Подъ этимъ небомъ блѣдно-голубымъ,
Пока даны намъ радости (о, Боже!)
И человѣческія слезы тоже.

Покоя нѣтъ, и не стремись къ покою.
Не обольщайся ночи тишиною,
Не обольщайся музыкою дня,
Пока люблю и любишь ты меня.

Н. Берберова.

I.

Богъ любить бѣдныхъ стихоплетовъ —
Бездѣльниковъ и чудаковъ,
И книжки ихъ безъ переплетовъ
Въ дыму табачныхъ облаковъ.

Онъ любить ихъ удѣлъ счастливый
И рифмы для плохихъ стиховъ
Подсказываетъ терпѣливо
Съ блаженныхъ райскихъ береговъ.

Они слова на вѣтеръ сѣютъ,
Отъ споровъ гибнетъ тишина,
Они отъ злости зеленѣютъ,
Отъ зависти и отъ вина,

Но въ этихъ галстукахъ небрежныхъ,
Въ дырявыхъ сбитыхъ башмакахъ,
То въ близорукихъ, то въ безбрежныхъ
Туманныхъ голубыхъ глазахъ, —

Въ ничтожествѣ и прозябаньи
Намъ слышенъ отдаленный летъ
Небесной музы и дыханье
Прекрасныхъ ледяныхъ высотъ.

II.

Ты бѣдѣлся надъ зябкимъ созданьемъ —
Надъ розой поэмъ. Снѣгъ идетъ,
И ты согрѣваешь дыханьемъ
Холодное сердце, какъ ледъ.

Но льдинка растаетъ едва ли,
А розы — мечтательный вздоръ,
Поэму твою освистали,
И воздухъ сталъ воздухомъ горъ.

Разводитъ сапожникъ руками
Надъ бѣднымъ твоимъ башмакомъ,
И все, какъ въ плохой мелодрамѣ,
Кончается смертью потомъ.

И кажется жизнь безголовой
Ничтожной подругой мечты,
Когда за ночной папиросой
О смерти подумаешь ты:

Жестокое сердце истлѣетъ,
И листики музыки твоей
Забвенъе земное развѣетъ,
Какъ вѣтеръ полярныхъ полей.

Ант. Ладинскій.

I.

Прозрачный строй летящихъ облаковъ
Пологіе еще тревожить тѣню
Холмы, — подобно быстрому движенью
Послѣднихъ образовъ, послѣднихъ словъ

Стиховъ... Еще немного, — и вотъ-вотъ
Тотъ отдаленный холодъ воцарится:
Сентябрьскій вечеръ, синій небосводъ,
Надъ сжатымъ полемъ рѣющая птица.

II.

Какъ ни былъ онъ стремителенъ и кратокъ,
Кружащійся полетъ сентябрьскихъ дней, —
Въ нихъ солнце позднихъ силъ своихъ остатокъ
Излить спѣшило... Въ памяти моей
Тѣхъ чистыхъ дней и нѣжности твоей
Таинственный хранится отпечатокъ.

Георгій Раевскій.

ЭЛЕГИЯ.

Что будетъ черезъ десять лѣтъ?
Быть можетъ, горькимъ цвѣтомъ славы
Я расцвѣту, и новый свѣтъ
Пролью на облака и травы.
Завиденъ будетъ мой удѣлъ:
Читатель, умный и суровый,
Очнувшись отъ случайныхъ дѣлъ,
Мнѣ поднесетъ вѣнокъ лавровый;
И будутъ женщины мечтать,
Какъ я о нихъ мечталъ когда то,
И по ночамъ не сможетъ спать
Ревнивый другъ мой, литераторъ;
И даже ты среди гостей
— Подумай только — будешь рада
Прослыть любовницей моей.
Какая щедрая награда!

А можетъ быть, года пройдутъ,
И незамѣтно постарѣвшій,
Другой преодолевшій трудъ,
И приутихшій, присмирѣвшій,
Обрюзгшій, съ ранней сѣдиной
И съ лысиной уже немалой,
Наединѣ съ самимъ собой,
Забытый всѣми и усталый,
Я буду жить — и потечетъ
Простая жизнь, безъ словъ, безъ края,
И мимо лучший другъ пройдетъ,
Меня почти не узнавая.

И даже ты, подумай — ты,
Пройдя въ толпѣ со мною рядомъ,
Когда то близкія черты
Привѣтливымъ не встрѣтишь взглядомъ.

Но я боюсь судьбы иной,
И даже думать не рѣшаюсь
О томъ, что темнотой ночной
Я постепенно облакаюсь,
Что черезъ десять лѣтъ въ плѣну
У косности непостижимой
Безсильнымъ прахомъ въ тишину,
Презрѣвъ восторгъ, летящій мимо,
Я тѣло отпущу навѣкъ,
И распылившійся въ эфиръ,
Не ангелъ и не человѣкъ
Я буду жить въ незримомъ мірѣ.
И даже ты не промелькнешь,
Хотя бы смутнымъ сновидѣньемъ,
И въ памяти земную ложь
Не воскресишь твоимъ явленьемъ.

Юрій Мандельштамъ.

ГИБЕЛЬ.

Мнѣ снился сонъ — дрожала твердь
Отъ грохота и молній бѣлыхъ
И въ ужасѣ металась Смерть
Въ еще невѣдомыхъ предѣлахъ.

И въ черной крови и въ ргнѣ
Скакаль, отъ ранъ изнемогая,
Святой Георгій на конѣ
По тучамъ тяжело громыхая.

Архангелъ, крылья волоча,
Рубился уступая силѣ,
И Божьи Ангелы, крича,
Какъ ласточки въ грозу, носились.

И столпъ подземнаго огня
Вздвигался, небо пожирая,
И поднялъ темный вихрь меня
И бросилъ у преддверья рая.

И на предѣльной высотѣ
У опустѣвшаго Престола,
Въ сіяніи и красотѣ
Мерцающаго ореола

Увидѣль я его, и мгла
Вставала за его плечами,
И по щекѣ его текла
Слеза, и дикими очами

Смотрѣль онъ съ высоты высотъ
На рай потерянный на вѣки,
И медленно смыкались вѣки,
И горько улыбался ротъ...

1930.

Влад. Смоленскій.

Жизнь Тургенева

Франція.

Новая фигура появляется въ жизни Тургенева, нѣкій россійскій Эккерманъ, одинъ изъ немногихъ его друзей «навсегда» — Павелъ Васильевичъ Анненковъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи годовъ, странствій, въ исторіи крупныхъ писаній Тургенева всюду на горизонтѣ, не выходя изъ орбиты, будетъ вращаться этотъ благосклонный человѣкъ, осторожно прогуливающийся вблизи русской литературы. Самъ онъ не творецъ, и понимаетъ это. Но у него великая любовь къ литературѣ. Въ ея пѣстованіи его заслуга. Въ его любви причина того, что само имя Анненкова прочно вошло въ нашу словесность.

Анненковъ тоже былъ баринъ, помѣщикъ, умѣренныхъ взглядовъ, но просвѣщенныхъ. Какъ и Тургеневъ, учился въ Берлинѣ — съ Тургеневымъ тамъ встрѣчался. Какъ и Тургеневъ, любилъ путешествовать, жить культурно, посѣщать театры, музеи, галереи, лекціи.

Ближе сошлись они въ Петербургѣ. Въ 1847 г. Анненковъ выѣхалъ въ Германію. Туда-же отправили лѣчиться Бѣлинскаго.

Тургеневъ попалъ въ Берлинъ въ февралѣ, слушалъ Віардо и въ концѣ апрѣля уѣхалъ за нею въ Дрезденъ, гдѣ она выступала. Въ это время Бѣлинскій тоже оказался въ Дрезденѣ. Разумѣется, Тургеневъ рѣшилъ познакомиться съ Віардо. Эта встрѣча довольно комична. Выдающийся, самолюбивый, больной русскій литераторъ и европейская дива... Тургеневъ условился встрѣтиться съ супругами Віардо въ галлерей. Онъ и привелъ туда Бѣлинскаго, заранѣе раздраживъ его тѣмъ, что Віардо все знаетъ, и отлично покажетъ имъ лучшія картины. Бѣлинскаго стѣсняла его неказистость, не-свѣтскость, скромность одежды. Главное-же, онъ не владѣлъ французскимъ языкомъ. Для людей гордыхъ и застѣнчивыхъ такія положенія трудны. Віардо знала, что у него чахотка. Она обрати-

лась къ нему и спросила, лучше-ли онъ себя чувствуетъ. Бѣлинскій ничего не понялъ. Віардо повторила, онъ окончательно смѣшался и опять не понялъ — теперь ужъ просто отъ смущенія. Тогда она заговорила по русски, очень смѣшно, и сама хохотала. Бѣлинскій не сумѣлъ обратить все это въ шутку. Оправившись, отвѣтилъ на «подлѣйшемъ французскомъ языкѣ», «какимъ не говорятъ и лошади» — и разстроился.

Віардо хохотала, объясняясь на невозможномъ русскомъ. Мало веселился Бѣлинскій, ощущая свою «необразованность» рядомъ съ блестящей испанкой. Вѣроятно, за все это пришла-бы расплачиваться впоследствии Тургеневу. Во время дрезденской встрѣчи онъ находился въ большой дружбѣ съ Бѣлинскимъ. Нельзя сомнѣваться, что позже ихъ пути разошлись-бы. Если-бы въ 48 году Бѣлинскій не умеръ, то въ шестидесятыхъ громилъ-бы Тургенева. И въ разгромъ этотъ вошелъ-бы, конечно, «подлѣйшій» французскій языкъ дрезденскаго знакомства.

Но въ тѣ времена «классовыя противорѣчія» не обострялись еще между ними. Они мирно поселились на дюнь втроемъ въ Зальцбруннѣ — Тургеневъ, Бѣлинскій, Анненковъ.

Бѣлинскій лѣчилъся. Тургеневъ ничего особеннаго не дѣлалъ, кое-что писалъ изъ «Записокъ Охотника». Анненковъ ухаживалъ за ними обоими, оберегалъ, слушалъ, записывалъ, напоминалъ. Вѣроятно, здѣсь опредѣлялось уже его положеніе при Тургеневѣ — ближайшаго критика, опекуна, исполнителя порученій.

Въ этомъ-же Зальцбруннѣ Бѣлинскій и Анненковъ на себѣ испытали характеръ Тургенева. Они жили совсѣмъ плохо. Никакихъ слѣдовъ ссоръ. Считались даже друзьями. Какъ будто, могли рассчитывать на извѣстное отношеніе къ себѣ Тургенева.

И вотъ, получивъ нѣкое письмо, онъ заявилъ, что долженъ ненадолго съѣздить въ Берлинъ — попрощаться со знакомыми, уѣзжавшими въ Англію. Часть вещей оставилъ на квартирѣ, взялъ съ собой лишь необходимое.

Они съ тѣмъ и проводили его, что черезъ нѣсколько дней вновь увидятся.

Тургеневъ уѣзжалъ къ Віардо. Вѣроятно, разставаясь съ пріятелями, и вправду думалъ, что скоро вернется. Но за Віардо онъ отправился въ Лондонъ, изъ Лондона во

Францію, а друзья сидѣли въ Зальцбруннѣ и недоумѣвали, что съ нимъ. Онъ просто сгинулъ. Не то, что измѣнилъ свой планъ — забылъ о нихъ. Искренно любилъ Бѣлинскаго — и такъ-же искренно вычеркнулъ его изъ памяти. Анненкову были поручены вещи. Что съ ними дѣлать, куда дѣвать? Неизвѣстно. Ни Анненкову, ни Бѣлинскому не написалъ онъ ни строчки. Будто умеръ. Совершенно такъ-же поступилъ Санинъ въ «Вешнихъ водахъ» и Литвиновъ въ «Дымъ». Съ глазъ долой — изъ сердца вонъ.

Вѣрный Анненковъ появился осенью въ Парижъ съ чемоданами и бѣльемъ Тургенева, передалъ ихъ, наконецъ, по назначенію. Владѣлецъ оказался живъ. Анненковъ спросилъ, въ чемъ дѣло. Тургеневъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, имѣлъ видъ неувѣренный, даже смущенный, и только плечами пожалъ: да и самъ, молъ, не знаю! Ужъ такъ вотъ и приключилось.

Впрочемъ, могъ онъ въ свое оправданіе привести одно слово, краткое, но значительное: любовь. Онъ входилъ, видимо, въ полосу наибольшей близости и наибольшей «удачи» у Віардо. Три зимы въ Парижѣ, три лѣта въ Куртавенелѣ...

Куртавенель, куда онъ попалъ лѣтомъ 47 года — имѣніе Віардо, километрахъ въ шестидесяти отъ Парижа, на востокъ, близъ городка Розэ. Старинный замокъ, временъ Франциска I-го. Массивный, съ пепельно-сѣрыми стѣнами, большими окнами, замшѣлой крышей, онъ окруженъ рвами и каналами съ водой — по нимъ ѣздили даже на лодкѣ. Передъ главнымъ фасадомъ чудесные цвѣтники. Каштаны, тополя. Съ другой стороны паркъ и оранжерея. А вокругъ мягкій, разнообразный пейзажъ средней Франціи, не поражающій, но уютный и благородный. Большая прелесть заключалась для Тургенева въ Куртавенелѣ. Очень это ему подходило. Самый воздухъ Иль де Франса, голубая дымка полей — именно для него. И какъ хорошо, что жилъ онъ въ комнатѣ съ зелеными обоями. Вѣтеръ несъ ему запахъ сирени, луговъ, полей. Шмель гудѣлъ гдѣнибудь въ занавѣскѣ. На столѣ дсревенскіе цвѣты. По обоямъ кружочками солнце сквозь каштаны — можетъ быть, не зря многоразумная Полина выбрала для него такую комнату — тутъ писалъ онъ голубоватыя «Записки Охотника». Прохладно, нѣжно здѣсь. Да и не только въ домѣ. Изящество, любовь разлиты и по парку, и по цвѣтникамъ, каналамъ: все это міръ Полины и Тургенева. Что-то напо-

минающее «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Видятся медленные, нѣсколько важныя ихъ прогулки, шляпы съ лентами Віардо, букли надъ ушами, лѣтнія платья въ талію съ воланами, чинная и благоговѣйная галантность Тургенева. Гдѣ-то на горизонтѣ и Луи Віардо — но только на горизонтѣ. Можетъ быть, онъ иногда уѣзжаетъ въ Парижъ, или часами удить рыбу въ каналѣ. Не до него, не до него!

Явно, что и рояль звучалъ въ замкѣ, и немало Полина пѣла — навсегда запѣвала въ свою власть сѣвернаго медвѣдя. Ея сердце пріоткрывалось ему...

Онъ обожалъ Куртавенелъ. Говорилъ позже, что когда къ нему подѣзжаетъ, всегда чувствуетъ острое замираніе сердца — въ нѣжности. Плохо ему тутъ не приходилось. Онъ называлъ Куртавенелъ «колыбелью своей славы» — и это вѣрно, конечно. (Самыя русскія «Записки Охотника» принадлежать Франціи!). О томъ, что это колыбель его любви, не упоминаетъ — о ней онъ не высказывался, но это, конечно, такъ. Она сама сочтена изъ строкъ позднѣйшихъ писемъ — пронзилъ его Куртавенелъ и то, что тамъ происходило. А происходило многое, важнѣйшее въ любви. «Помните-ли вы тотъ день, когда мы смотрѣли на небо, чистое, спокойное, сквозь золотистую листву осинъ?» Вспоминаетъ о дорогѣ, обсаженной тополями, и ведущей вдоль парка въ Жарріэль. «Я опять вижу золотистые листья на свѣтло-голубомъ небѣ, красныя ягоды шиповника въ изгородяхъ, стадо овецъ, пастуха съ собаками и... еще много другого». Неизвѣстно ничего объ этомъ «другомъ», что испыталъ онъ. Это его тайна, его счастье — счастьемъ яркимъ, удовлетвореннымъ чувствомъ хоть и краткимъ, обвить Куртавенелъ. Здѣсь сближеніе произошло полное.

Въ Парижѣ жили въ то время Анненковъ и Бѣлинскій (до конца сентября). Тургеневъ изрѣдка туда наѣзжалъ — это было цѣлое предпріятіе, съ ѣздою на лошадахъ, въ дилижансѣ до ближайшей станціи желѣзной дороги.

Тутъ и случилось, что Тургеневъ забылъ попрощаться съ Бѣлинскимъ, уѣзжавшимъ въ Россію (навсегда! тамъ и умеръ). Про эту минуту онъ сказалъ впоследствии Огаревой:

— Стихи управляютъ мной. Когда Бѣлинскій, умирающій, возвращался въ Россію... я не простился съ нимъ.

— Знаю, Иванъ Сергѣевичъ: васъ отозвала Віардо.

Но Віардо нельзя упрекать: она сама уѣзжала въ на-

чалъ октября въ турнэ по Германіи. Безъ Тургенева въ Куртавенелъ скучно. Да и послѣдніе дни хочется провести вмѣстѣ. А Бѣлинскій... этотъ чахоточный литераторъ, нервный, раздражительный, который двухъ словъ не умѣетъ связать по французски...?

Бѣлинскій былъ отчасти «персонажъ изъ Достоевскаго» (котораго, конечно, никто тогда не зналъ). Но самый этотъ духъ Віардо не любила.

По ея отъѣздѣ Тургеневъ переехалъ въ Парижъ.

Все складывалось особеннымъ образомъ для него эти годы. Они оказались расцвѣтными, и событія, внутреннія и внѣшнія, ткушія наши судьбы, слагались именно такъ, какъ нужно, чтобы выдвинуть, познати. Не зря встрѣтилъ онъ Віардо. Не зря уѣхалъ къ ней за границу. Не зря попалъ тамъ въ нелегкое матеріальное положеніе. И не напрасно въ Петербургѣ именно къ 47-му году возникъ журналъ «Современникъ» — его ведутъ Некрасовъ и Панаевъ, но въ устройствѣ его самое близкое участіе принялъ Тургеневъ. «Современникъ» издавался и ранѣе — принадлежалъ Плетневу. Но теперь новые люди приобрѣли его, и все пошло по иному. Не только для художнической жизни самого Тургенева, но и вообще для русской литературы оказался нуженъ нѣкій центръ. Накопились силы — имъ надлежало выступить. Такіе писатели, какъ Тургеневъ, Толстой, Островскій, Некрасовъ, Гончаровъ — должны-же появляться вмѣстѣ — они и появились. У нихъ и критикъ оказался собственный — Бѣлинскій, правда, скоро умершій, однако, онъ печаталъ много въ «Современникѣ».

Для Тургенева этотъ журналъ связанъ съ блистательной страницей его художества — тамъ стали появляться «Записки Охотника». Въ первомъ-же номерѣ — «Хорь и Калинычъ», допыиѣ открывающій безчисленныя изданія знаменитой книги. Разсказъ вышелъ скромно, въ отдѣлѣ «смѣси»! И подзаголовокъ («Изъ записокъ охотника»), прибавилъ Панаевъ, редакторъ, «съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію». Успѣхъ «Хоря» оказался огромнымъ. Пріятели типа Бѣлинскаго и Панаева прозрѣли, а Тургеневъ, ничего особенно не соображая, ничего

сознательно не дѣлая, на самомъ дѣлѣ повернулъ на очень свѣжій путь, на путь нужный, важнѣйшій: пора было дать просто, поэтично и любовно Россію. Россію барско-крестьянскую, орловскую, мценскую, съ разными Бѣжинскими лугами, пѣвцами и Касьянами съ Красивой Мечи. Изображалось тутъ и крѣпостное право. Но главное — любованіе нехитрыми (нерѣдко обаятельными) народными русскими людьми, любованіе полями, лѣсами, зорями, лугами Россіи. «Записки Охотника» поэзія, а не политика. Пусть изъ поэзіи дѣлаются жизненные выводы, поэзія остается сама по себѣ, надъ всѣмъ. Отъ крѣпостного права слѣда не осталось. Художество маленькихъ тургеневскихъ очерковъ не потускнѣло.

Вотъ ужъ подлинно — изъ отдаленія лучше онъ ощутилъ родину и посозерпалъ ее. За три года въ Парижѣ и Куртавенелѣ, подъ крыломъ Віардо, написалъ Тургеневъ пятую часть вообще всего своего творенья — а работалъ сорокъ лѣтъ!

Итакъ, Віардо уѣхала въ турнэ по Германіи — пѣла въ Дрезденѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ. Тургеневъ поселился близъ Палэ-Рояля (позже жилъ на углу Rue de la Paix и бульваровъ, снималъ комнату. Смотря по денежнымъ своимъ дѣламъ — то въ верхнихъ этажахъ, то ниже).

Одинокое и наполненное жить. Вставалъ рано, занимался до двухъ. Нерѣдко отправлялъ въ «Современникъ» объемистые пакеты.

То это «Малиновая вода», то «Бурмистръ», «Льговъ»

Но не только онъ пишетъ. Такъ какъ Віардо родомъ испанка, то безотвѣтный Луи Віардо переводитъ Донъ-Кихота на французскій, а молодой Иванъ Тургеневъ изучаетъ испанскій. Учителя его звали сеноръ Кастеляръ. Съ этимъ Кастеляромъ работалъ онъ усердно, не хуже, чѣмъ нѣкогда въ Петербургѣ и Берлинѣ. Зимой читалъ уже въ подлинникъ Кальдерона, «Поклоненіе Кресту». Особенно же восхищала его «Жизнь есть сонъ».

Католицизмъ вполне, конечно, ему чуждъ. Но пѣльность, мощь его у Кальдерона поражали. Онъ завидовалъ этой пѣльности. «Величайшій драматургъ изъ католиковъ», отзывался о Кальдеронѣ: «какъ Шекспиръ самый человѣчный, самый антихристіанскій драматургъ». Шекспира онъ любилъ, но Кальдерону тосковалъ. И даже не уединенно тосковалъ, а какъ представитель эпохи. Время свое ощущалъ «критическимъ», а не «органическимъ», и все

болѣе «отвращался» отъ него, находилъ въ немъ «мало прелести». Это говорилось и думалось чуть не сто лѣтъ назадъ!

«Въ переживаемое нами переходное время всѣ художественныя и литературныя произведенія представляютъ собою самое большее отдѣльныя мнѣнія, индивидуальныя чувства, неясныя и противорѣчивыя размышленія...; жизнь раздробилась; теперь нѣтъ болѣе общаго великаго движенія, за исключеніемъ, можетъ быть, промышленности».

Такъ писалъ онъ Полинѣ, пѣвшей въ Гамбургѣ, въ одно изъ морозныхъ парижскихъ утръ — 25 декабря. (На Рождество! И во всемъ длинномъ, важномъ письмѣ нѣтъ ни слова о Рождествѣ -- слѣдъ безрадостнаго дѣтства).

За приведенными идутъ милыя въ старомодности своей строки: «А потому самые великіе поэты нашего времени это, на мой взглядъ, американцы, которые собираются прорыть Панамскій перешеекъ и обсуждаютъ вопросъ о проведеніи электрическаго телеграфа черезъ океанъ. А разъ социальная революція совершится — да здравствуетъ новая литература!»

И старомодно и современно. Бутоны его временъ распустились на наши глазахъ.

Въ два часа отправлялся къ татап, г-жѣ Гарсія (матери Полины). Тамъ встрѣчался съ веселымъ Ситчесомъ (братомъ татап) и его женою — съ ними пришлось ему позже жить вмѣстѣ въ Куртавенелѣ. Въ эти дневныя посѣщенія испанцевъ вновь упражнялся въ благородномъ *lingua castellana*. Потомъ шелъ гулять. Любилъ Тюильрійскій садъ. Любилъ веселыхъ, скакавшихъ тамъ дѣтей, зарумяненныхъ морозцемъ, важныхъ нянекъ, краснѣющее сквозь каштаны закатное солнце, гладь и спокойствіе водъ въ бассейнахъ, сѣрую громаду Дворца. «Все это очень нравится мнѣ, успокаиваетъ, освѣжаетъ послѣ работы цѣлаго утра. Тамъ я мечтаю...»

Въ юго-западномъ углу Тюильри, недалеко отъ оранжереи и Площади Согласія (гдѣ теперь музей Клода Моне), на террасѣ вдоль Сены стоитъ каменный левъ — Бари. Онъ наступилъ на змѣю, жалящую его въ лапу, искалится весь отъ боли, извивается, и не то онъ ее раздавить, не то самъ погибнетъ, неизвѣстно. Тургеневъ очень любилъ этого льва. Каждый разъ въ саду заходилъ къ нему. Ясно видишь его высокую фигуру, съ палкой, вотъ прогуливается онъ въ одиночествѣ по террасѣ — за рѣ-

кой дымно-розовѣютъ облака, ползуть по водѣ баржи. Въ вечерѣющемъ небѣ сквозь тонкія и голыя вѣтви каштановъ сухо, изящно вздымается куполь со шпилемъ Инвалидовъ, темнѣетъ благородный фасадъ Бурбонскаго дворца.

Онъ могъ пройти вдоль Сены по террасѣ этой, до тепершняго Avenue Paul Deroulède, и если-бы это было на нѣсколько лѣтъ позже, то на углу его увидѣлъ-бы на постаментахъ двухъ небольшихъ сфинксовъ. Туловища львицъ, головы и груди женскія. Хвосты свиты кольцами, загадочно могутъ они ими похлопывать, какъ бичами. Быть можетъ, приостановился-бы Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, призадумался-бы. «Пѣтушковъ» лежалъ у него въ столѣ. Собственный сфинксъ распѣвалъ за границей.

Тургеневъ былъ человѣкъ легкой эротической впечатлительности. Въ отсутствіи Віардо могъ любезничать и съ другими. Но главная дорога вела въ Гамбургъ. Полиною былъ онъ одержимъ.

Въ синѣющемъ вечернемъ Парижѣ съ первыми фонарями выходилъ изъ Тюильри аркадами на rue de Rivoli. Направлялся въ свой «Палэ Рояль». Тамъ при газовомъ рржкѣ читалъ что нибудь сногшибательное въ газетѣ — вродѣ того, что собираются соединить телеграфомъ Европу съ Америкой...

У Вефура обѣдалъ. Сейчасъ Вефуръ тихій, устарѣлый ресторанъ съ венеціанскими зеркалами — такой-же немодный, какъ и весь Палэ-Рояль — меланхолически запущенные портики съ магазинами орденскихъ крестовъ, пустыньность, дѣти, играющія среди небогатой зелени. При Тургеневѣ все это было оживленіе, но все-же главнал слава Палэ-Рояля уже отошла. (Наши ветераны войнъ 1814-15 г. г., встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь, вернувшимся изъ Парижа, неизмѣнно спрашивали: «А какъ поживаетъ батюшка Палэ-Рояль?»).

Вечерами Тургеневъ дома не сидѣлъ. Ходилъ съ Анненковымъ въ театръ, иногда вновь отправлялся къ татан Гарсіа. Случалось, что съ Манюэлемъ «придумывать всякія шалости», смѣхотворныя выдумки. Не знаю только, весело-ли веселился. Въ немъ не было истиннаго юмора — смѣхъ его не всегда смѣшонъ. Онъ любилъ острить, рассказывать анекдоты, вообще забавлять. Быть можетъ, въ болѣе молодые годы — въ Берлинѣ, юношескомъ Спас-

скомъ, Лисномъ, веселье его было здоровье. Но уже въ Парижѣ онъ производилъ иногда странное впечатлѣніе.

Когда пріѣхала (нѣсколько позже, въ 1848 г.), изъ Рима семья Тучковыхъ, Анненковъ тотчасъ явился къ нимъ (и тотчасъ, какъ ему полагалось, сталъ помощникомъ, гидомъ, и т. п.). Онъ привелъ и Тургенева. Тотъ сталъ бывать. Тутъ-же, вблизи, жили Герцены — обѣ семьи дружили. Тургеневъ попалъ въ огаревско-герценскую среду, но пристроился болѣе около женщинъ. Заходилъ къ Огаревымъ часто. Тамъ встрѣчался съ нѣсколькими дамами и барышнями, — больше сидѣлъ и разговаривалъ съ Н. А. Тучковой, молоденькой дѣвицей, ничѣмъ особенно не отличавшейся. Повидимому, онъ ей нравился. До извѣстной границы — такъ что и впоследствии она его не возненавидѣла. Навѣрно ей казалось, что и онъ къ ней тяготѣеть... именно казалось! Но во всякомъ случаѣ Тургеневъ читалъ стихи, рассказывалъ о писаніяхъ своихъ, приносилъ даже духи «гардени» — его любимый запахъ. И удивительно бывалъ онъ переменчивъ! То приходитъ очень веселый, то угрюмый, капризничалъ, иногда вдругъ вовсе не желалъ разговаривать съ кѣмъ-нибудь. И у Тучковой устраивалъ всякія «штуки»: просилъ позволенія кричать пѣтухомъ, влѣзалъ на подоконникъ и замѣчательно кукурекалъ. Наталія Герценъ слегка сопротивлялась.

— Вы такіе длинные, Тургеневъ, вы все тутъ переломаете, говорила она, — да, пожалуй, и напугаете меня.

А онъ просилъ ея бархатную мантилью, драпировался въ нее «очень странно» и начиналъ представленіе — изображалъ сумасшедшаго. Всклокачивалъ себѣ волосы, закрывалъ ими лобъ и даже верхнюю часть лица. Огромные сѣрые его глаза сверкали. онъ изображалъ «страшный гнѣвъ» — все это дѣлалось для того, чтобы кого-то позабавить (да и себя развлечь?). «Мы думали, что будетъ смѣшно, но было какъ то очень тяжело».

Наталія Александровна просто даже недолгоблизала Тургенева. Его невзрастеническія выходки, странности дѣйствовали на нее нехорошо. «Странный Тургеневъ!» считала она. И находила въ немъ нѣчто холодное, нежилое. А при всемъ томъ: «человѣкъ онъ хорошій!»

О, Тургеневъ вовсе не такъ ясенъ и покоенъ, какъ привыкли о немъ думать. И кто знаетъ, что онъ чувствовалъ, возвращаясь домой одинъ послѣ театра съ Анненковымъ!

(Анненковъ-то, конечно, мирно надѣвалъ колпакъ и культурно спалъ, а Тургеневъ, наединѣ со своими «Записками Охотника», да испанскими учебниками, да неуувѣренными нѣжностями къ Віардо — въ одинокихъ стѣнахъ комнаты близъ Палэ-Рояля...).

И не однѣ «Записки Охотника» писалъ онъ въ это время. 47-мъ годомъ помѣченъ и «Пѣтушковъ». Напомню — только напомню — содержаніе этого мало прославленного разсказа.

Лѣнивый и вялый, благодушный офицеръ Пѣтушковъ, холостякъ, сходится съ молодой булочницей Василисой, въ глухомъ городишкѣ. Привязывается къ полнотѣлой дурѣ и... погибаетъ. Онъ очень просто и обыкновенно погибаетъ, отъ любви. Только тутъ нѣтъ поэзій и романтизмовъ, а страшная сила женщины и невозможность освободиться. Самъ Пѣтушковъ по внѣшности изъ гоголевскаго репертуара. Онъ дышитъ еще воздухомъ «Ревизора» (въ городкѣ навѣрно живутъ Сквозники-Дмухановскіе и Земляники). Но сердцевина у него уже Тургеневская. Это первый «тургеневскій» человѣкъ, первый изъ слабыхъ, погибающихъ отъ любви.

Василиса заводитъ себѣ друга. Пѣтушкова выживаютъ. Но онъ уже обреченъ. Безъ глупой Василисы жить не можетъ и идетъ на всѣ униженія. По незлобному сердцу Василисы даже сама плачетъ надъ нимъ — да что подѣлаешь. Изъ милости позволяетъ ему пристроиться на облучкѣ своей жизни, сама выходитъ замужъ еще за третьяго. Пѣтушковъ покорно спивается въ небольшомъ чуманчикѣ, у ногъ Афродиты-Ураніи.

Это нисколько не похоже на блистательную пѣвицу и классика русской литературы.

Но... если-бы находился Тургеневъ въ восторгѣ, пламени крѣпкой, надежной любви, сталъ-ли бы заниматься такимъ Пѣтушковымъ?

Онъ самъ рассказывалъ о горькихъ минутахъ своей парижской жизни. Напримѣръ: сидитъ дома, и вдругъ напала на него такая тоска, дѣваться некуда. Сторы въ комнатѣ раскрашены, разныя фигуры изображены, узорныя, очень пестрыя. Онъ смотритъ-смотритъ, потомъ подымается, отрываетъ стору, дѣлаетъ изъ нея длинный колпакъ, аршина въ полтора. Становится въ немъ носомъ въ уголь и стоитъ. «Тоска стала проходить, мало-по-малу водворился какой-то покой. наконецъ, мнѣ стало весело».

Можетъ быть, такъ-же «весело» бывало и у Тучковыхъ? И не въ такую ли пріятную минуту задуманъ «Пѣтушковъ»?

Вотъ вамъ и голубоватая «Записки Охотника!»

**
*

Десять лѣтъ назадъ были иные времена, онъ жилъ въ Берлинѣ и учился одному. Теперь въ Парижѣ, изъ-за Кальдероновъ, изъ-за личной жизни, изъ-за «Касьяновъ» и «Радиловыхъ» выдвинулся и общій, всеевропейскій (если не всечеловѣческій) планъ бытія. Черезъ Парижъ въ то время шель большакъ Исторіи. И разумѣется, русскіе тотчасъ оказались у этого большака. Съ самыхъ раннихъ шаговъ была призвана Россія — тогда еще крѣпостная! — принять участіе, въ надвигавшейся драмѣ. Въ 47-48 году появились въ Парижѣ, кромѣ Тургенева, Анненкова и Бѣлинскаго, Герценъ и Бакунинъ. Судьбы этихъ людей различны, но всѣ они находились въ нужную минуту тамъ, гдѣ надо. Бѣлинскій просто умеръ въ разгаръ революціи 48-го года. Герценъ продѣлывалъ сложный и глубокій путь, изгнанникомъ остался, и изгнанникомъ сошелъ въ могилу. Анненковъ все добросовѣстно запомнилъ — записалъ. Бакунинъ былъ уже не тѣмъ, что въ Берлинѣ, (т. е. темпераментъ тотъ-же, но иное устремленіе) — онъ кинулся очертя голову на рожонъ. Тургеневъ — одиночка, странникъ, наблюдатель — все впиталъ, взялъ, что нужно. Этимъ какъ бы закруглилъ, сложилъ свой обликъ окончательно.

«Міръ въ мукахъ рожденія», писалъ онъ въ январѣ 48-го года, по поводу рѣчи Монталамбера противъ Конвента. «Парижъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ возбужденъ».

Въ мукахъ рожденія! Рождалось современное общество, съ парламентами, пролетаріатомъ, машинизмомъ. Въ бутонѣ, но уже можно было разглядѣть всѣ слагаемыя «нашего» міра, со всей его пестротой — культурой и озвѣреніемъ, высотой и низостью, обольщеніями и ядами.

Въ Парижѣ революція, тоже «предварительная», тоже «удачная» произошла тоже въ февралѣ. Дня и часа ея, разумѣется, тоже никто не зналъ. Тургеневъ находился въ Брюсселѣ. Насталъ день, когда вдругъ не пришли газеты

изъ Парижа. Все волновалось, на улицахъ, на площадяхъ народъ. 26 февраля! Тургеневъ въ шесть утра лежалъ еще въ постели, когда съ шумомъ отворилась дверь номера и кто то крикнулъ:

— Франція стала республикой!

Гарсонъ вѣтромъ неся по корридору, распахивалъ поочередно двери и сообщалъ новость.

Тургеневъ никогда воинственностью не отличался. Но тотчасъ бросился въ Парижъ. Не закрѣплять, разумѣется, завоеванія революціи, а смотрѣть. Это онъ всегда любилъ: знать, видѣть...

Революція шла по всѣмъ правиламъ. На границѣ рельсы сняты, пришлось нанимать повозки, ѣхать въ нихъ до Дуэ. Въ Понтуаэзъ прибыли къ вечеру. Подъ Парижемъ путь тоже оказался разобранъ. Два облика революціи увидѣлъ онъ въ тотъ день: вотъ пронесся паровозъ съ вагономъ перваго класса — поѣздъ «чрезвычайнаго комиссара» республики. Съ нимъ соотвѣтственные театру персонажи, махавшіе трехцвѣтными флагами. Самъ комиссаръ, огромнаго роста, высунулся изъ окна и тоже привѣтствовалъ... міръ? «Всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ?»

Конечно, въ вагонѣ Тургенева именно всѣ и были воодушевлены (онъ самъ тоже) — только сѣденькій старичекъ, забившійся въ уголъ съ самаго Дуэ, шепталъ про себя:

— Все пропало, все пропало!

Огромный комиссаръ и тощій старичекъ, «толстый» и «тонкій» — не вѣчные-ли типы всѣхъ вообще революцій?

Въ Парижѣ сразу онъ попалъ въ лихорадку. Вооруженные блузники разбирали камни баррикадъ. Всюду пестрѣли трехцвѣтныя кокарды. Очевидно, какъ и всегда въ первые дни революцій, заниматься будничнымъ было нельзя. И вотъ начинаются весеннія скитанія Тургенева: то онъ въ Палэ-Рояль, за чашкою кофе прислушивается къ разговорамъ политическимъ (Палэ-Рояль оказался мѣстомъ почти «на крови»: въ февральскую революцію какъ разъ между нимъ и Лувромъ впервые пролилась кровь). То идетъ съ демонстраціей работниковъ къ Временному Правительству изъ-за выступленія «медвѣжьихъ шапокъ» (раскассированныхъ гренадеровъ), то попадаетъ въ толпу, шедшую мимо Мадленъ штурмовать Палату Депутатовъ.

Герценъ, Гервегъ, Бакунинъ жили въ это время въ Парижѣ. Съ Бакуниными онъ встрѣчался (послѣ Берлина) еще въ 47 году. Бакунинъ сильно забиралъ вѣтвь, и зарѣчь полякамъ былъ высланъ, жилъ въ Брюсселѣ. Послѣ февральскихъ дней, разумѣется, вернулся. Теперь отъ берлинскаго Бакунина осталось мало. Онъ поселился въ казармѣ съ рабочими, охраняя «революціоннаго префекта полиціи» Косидьера. Это уже настоящій большевикъ. Тутъ то, повидимому, и разошелся съ нимъ Тургеневъ. Въ апрѣлѣ 48-го г. Бакунинъ уѣхалъ въ Германію, въ началѣ мая устроилъ возстаніе дрезденскихъ рабочихъ. Пруссакі взяли его въ плѣнъ и чуть не разстрѣляли — онъ попалъ въ тюрьму.

Въ Парижѣ революція шла медленнѣе, но шире, показателнѣй. Тургеневъ прожилъ нервную весну. Віардо по-прежнему распѣвала вдали. Треволненія политики, тоска, любовь... Чтобы освѣжиться, выѣзжалъ онъ иногда изъ Парижа. Вотъ, наприкладъ, Ville d'Avray, 1-го мая: «Я болѣе четырехъ часовъ провелъ въ лѣсахъ — печальный, разстроганный, внимательный, поглощающій и поглощенный. Впечатлѣніе, которое природа производитъ на одинокаго человѣка, очень своеобразно. Въ немъ есть осадокъ горечи, свѣжей, какъ благоуханіе полей, немного ясной меланхоліи, какъ и въ лѣннѣ птицъ...»

Парижъ кипѣлъ и волновался. Тургеневъ одиноко бродилъ въ лѣсахъ подъ Парижемъ.. Кто изъ пережившихъ грозные годы въ деревнѣ русской не помнитъ этого ощущенія въ вечернѣющихъ поляхъ, при высокихъ, пурпурно-зыблящихся, затянувшихъ небо мелко-волнистой скатертью облачкахъ: безмѣрность, вѣчная тишина природы... а «тамъ» — Исторія, Война, Революція.

Въ этотъ майскій день онъ не обошелся безъ слова «меланхолія» о, сколь тургеневскаго слова! — и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще оно у него встрѣчается. Нѣкій холодокъ шелъ уже на него изъ «пустой безпредѣльности» — онъ называлъ такъ небо. При подобномъ ощущеніи міра, конечно, ближе ему «влажная лапка утки», или «капли воды, падающія съ морды неподвижной коровы», чѣмъ голубая безбрежность. Если Бога нѣтъ и небо пусто, то ужъ уютнѣй съ уткой и коровой.

Онъ писалъ, разумѣется, и всякія нѣжности Віардо: въ любовь свѣтлѣе, легче уходишь, чѣмъ въ коровью морду.

А «жизнь какъ она есть» — революція — двигалась. Ея

смыслъ былъ такой, что республика не очень-то удовлетворяла рабочихъ. Національныя мастерскія провалились. Ихъ закрыли. Безработицу не сумѣли одолѣть. Это дало поводъ революціи забирать все влѣво, влѣво. 15-го мая чуть не была взята Палата Депутатовъ. Въ июлѣ настроеніе получилось такое, что всѣ понимали: безъ крови не обойтись.

«*Ça a commencé!*» сказала Тургеневу прачка, утромъ 23 іюня, принеся бѣлье. Она утверждала, что на бульварахъ построили уже первую баррикаду. Если-бы при баринѣ былъ, какъ въ берлинскія времена, дядька-братъ Порфирій Кудряшовъ, или сама Варвара Петровна, разумеется, они его не выпустили бы на улицу. Но теперь онъ уже взрослый, любознательный человѣкъ и пріятель извѣстныхъ эмигрантовъ. Усидѣть дома не могъ.

Онъ отлично описалъ пестроту, нарядность Итальянскаго бульвара, іюньское солнечное утро, раскрытыя окна, откуда выглядывали женщины въ чепцахъ, бѣлыхъ и розовыхъ лентахъ. Видишь движеніе омнибусовъ и каретъ, переливы шелковыхъ дамскихъ платьевъ, лѣтній трепетъ листвы на тополяхъ («деревья свободы», разумеется).

Около Портъ С.-Дени Тургеневъ наткнулся уже на баррикаду, по которой прогуливались блузники. Красное знамя ядовитымъ язычкомъ загадочно на ней поколыхивалось. (Этому знамени предстояло продѣлать многолѣтній, кровавый путь по Европѣ... и въ Россіи прославиться. Тогда врядъ-ли думалъ объ этомъ Тургеневъ).

Онъ стоялъ на тротуарѣ, подъ окнами Жувенской фабрики перчатокъ, когда подошла колонна войскъ. Инсургенты неожиданно дали залпъ сквозь жалюзи оконъ занятой ими фабрики. Тургеневъ и другіе случайные фланеры поспѣшно «отступили» въ rue de l'Écliquier — попросту спасались бѣгствомъ. Еще-бы Тургеневу драться! Если-бы онъ и захотѣлъ, судьба-бы не дала ему. Странникъ и зритель, призванъ онъ былъ видѣть, накоплять, и самому слагаться: но не дѣйствовать.

Эти страшные іюньскіе дни, когда рѣзня шла на улицахъ Парижа, пришлось ему просидѣть дома, въ адской жарѣ, въ томъ нервномъ, мучительномъ состояніи, какъ въ революціяхъ полагается. По электрическому воздуху неслись грозныя вѣсти. Въ одинъ изъ вечеровъ мягкосердый Тургеневъ впервые услыхалъ «вѣteroобразные залпы»: это по мѣріямъ разстрѣливали инсургентовъ.

Жара, кровь, пушечные выстрѣлы, убійства заложниковъ, атаки, баррикады... — репетиція Коммуны разыгрывалась. Отъ «безкровной» февральской Тургеневъ продѣлалъ съ городомъ Парижемъ всю кривую революцій. Онъ навсегда вынесъ глубокое къ нимъ отвращеніе, что и характеру его отвѣчало. Трудъ, творчество, медленное созиданіе, такъ извѣстное каждому художнику, каждому строителю, все это враждебно ядовитому язычку красного знамени, вьющемуся надъ баррикадой.

**
*

Жизненно Тургенева могла тревожить только мать, да Россія. Терпѣнію Варвары Петровны подходилъ конецъ. До революціи она держалась, но когда Николай I издалъ манифестъ 14 марта 48-го года, приглашавшій «каждаго вѣрноподданнаго бороться съ мятежомъ, возникшимъ во Франціи», она стала настойчиво звать сына домой. Дѣлала въ Спасскомъ даже нѣкоторыя приготовленія къ его прїѣзду, пыталась обласкать тѣхъ изъ дворовыхъ, къ кому онъ благоволилъ — но время еще не пришло, не хотѣлось сыну бросать Францію, Віардо, Куртавенелъ. Варвара Петровна перестала высылать ему деньги. Онъ остался на одномъ заработкѣ въ «Современникѣ», да на авансахъ у Краевскаго («Отечественныя Записки»). Лѣто 48-го года провелъ въ Куртавенелѣ, съ Віардо — отдыхалъ послѣ революціи. Осенью ухитрился съѣздить на югъ Франціи, побывалъ въ Тулонѣ, жилъ въ Іерѣ. Пейзажами тѣхъ милыхъ мѣстъ, дождями сквозь тишину и радугу можно любоваться въ его октябрьскомъ письмѣ къ Віардо.

Зимой поселился въ Парижѣ на rue Tronchet, № 1 — домъ этотъ и понынѣ имѣетъ пріятный, старомодный видъ, и когда проходишь мимо, радостно вспомнить, что вотъ за этими жалюзи восемьдесятъ лѣтъ назадъ сидѣлъ, писалъ, любилъ, тосковалъ нашъ Тургеневъ. Віардо тотъ сезонъ проводила тоже въ столицѣ, онъ постоянно посѣщалъ ее. Видался часто съ Герценомъ, у Герцена-же, весною 1849-го, заболѣлъ острымъ желудочнымъ разстройствомъ.

Произошло это такъ: въ Парижѣ открылась эпидемія холеры. У Тургенева въ маѣ кончался срокъ квартиры, и онъ долженъ былъ уѣхать. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней

рѣшилъ переночевать у Герцена — ночью у него сдѣлались спазмы, тошнота, онъ разбудилъ Герцена, сказалъ:

— Я пропащій человекъ, у меня холера!

По всегдашней мнительности, онъ очевидно, преувеличилъ. Но дѣйствительно, проболѣлъ десять дней. Герцену пришлось отправить семью въ Ville d'Avray, и когда Тургеневъ оправился, то самому туда перебраться — въ Парижѣ стало очень плохо. Надвинулись юньскія жары, городъ покрылся трупами. Любопытно, что эмигрантъ Герценъ, «страшный» Герценъ вспоминалъ въ Парижѣ 1849-го года холеру въ Москвѣ 1831-32 г. г. съ чувствомъ уваженія къ Россіи, къ толковости ея правительства, дѣятельности, отзывчивости общества. Въ Парижѣ не принимали никакихъ мѣръ — не оказалось ни мѣстъ въ больницахъ, ни перевозочныхъ средствъ. Трупы лежали въ домахъ непогребенными по два-три дня...

Что Герценъ остался съ больнымъ Тургеневымъ, которого не такъ особенно и любилъ — свидѣтельствуешь о его мужествѣ. Но гдѣ Віардо? Можетъ быть, уже въ Куртавенелѣ, можетъ быть, и въ Парижѣ... при Тургеневѣ ея не видно. Возможно, она его навѣщала (только слѣда отъ этого не осталось!), но если и не навѣщала, не надо этому удивляться. Пожалуй, даже больше подходитъ, чтобы не навѣщала. Она была женщина крѣпкая и расчетливая, очень разумная, ложныхъ шаговъ не дѣлала.

Оправившись, онъ уѣхалъ въ Куртавенель — третья послѣднее лѣто Куртавенеля. Віардо отправилась лѣтъ въ Лондонъ. Онъ остался одинъ, прожилъ до сентября.

Нѣтъ въ этой куртавенельской его жизни событій, но она замѣчательна. Деревня, свобода, мечтательность, творчество... — удивительно все перемѣшано. Спитъ Тургеневъ до десяти часовъ, завтракаетъ, играетъ съ веселымъ Ситчесомъ на билліардѣ, потомъ у себя въ кабинетѣ въ теченіе часа и щетъ сюжеть, читаетъ по испански, пишетъ полстраницы... А тамъ обѣдъ, прогулка одинокая, прогулка съ Ситчесами, и уже опять усталъ: спать до девяти вечера... Но сколько успѣваетъ и сработать!

Въ промежуткахъ: деревенскіе гости (всегдашніе разговоры о сельскомъ хозяйствѣ), уженіе рыбы, катаніе въ лодкѣ по каналамъ. Самъ очищаетъ эти каналы отъ камышей, засоряющихъ ихъ. Забавляется кроликами — на послѣдній франкъ покупаетъ ихъ у крестьянина, кормитъ молокомъ, листьями латука. И все ходитъ, все смотритъ,

высматриваетъ природу, хоть и галльскую, не орловскую, а и здѣсь онъ любитъ — и трепетъ листвы въ тополяхъ, и цвѣтъ отдѣльныхъ листиковъ на розовомъ небѣ, и какую-то березу въ Мезонфлёрѣ, которую называють Гретхень. И дубъ — имя ему далъ: «Гомеръ».

Ситчесы уѣзжаютъ, онъ остается совсѣмъ одинъ, во всемъ огромномъ домѣ. Его общество — садовникъ, да старуха, готовящая сму, да разные кролики, собаки, козы, деревенская птица, рыбы, паркъ, каналы. Денегъ нѣтъ, онъ цѣликомъ на иждивеніи віардовской кухарки. Много (и прелестно) пишетъ самой барынѣ. Еще-бы не любить, еще бы не мечтать въ такой рамѣ!

Ночью бываетъ одиноко, жутко въ Куртавенельскомъ замкѣ. Глубокую грусть, почти страхъ вызываютъ звѣзды — безпредѣльность міровъ («пустое небо» *Ville d'Avray*). Иногда странныя испытываетъ чувства — возводшія къ позднѣйшимъ, таинственнымъ его произведеніямъ.

Онъ сидитъ одинъ въ гостиной — вѣроятно, читаетъ, или раскладываетъ пасьянсъ. Близка полночь. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Песъ Султанъ давно заснулъ. Вдругъ слышитъ онъ два глубокіе, совершенно ясные вздоха — какъ дуновение пронеслись они въ двухъ шагахъ. Онъ подымается, идетъ съ лампою въ рукахъ по корридору. Спина его холодѣетъ — знакомое всякому ощущеніе ужаса мелкими мурашками проползаетъ вдоль хребта. Что если сзади кто-нибудь положить на его плечо руку?

И въ такомъ настроеніи какъ разъ хочется обойти весь домъ, освѣтить бѣдной лампой всѣ потаенные его углы, въ чемъ-то убѣдиться, можетъ быть, съ этимъ маленькимъ свѣтомъ попытаться проникнуть во всю бездну окружающаго. Иной міръ, иныя существа... «Могутъ-ли слѣпые видѣть привидѣнія?» спрашиваетъ онъ себя. Мысль направляется все къ одному.

Или, въ другой разъ, выходитъ во дворъ, тоже вблизи полуночи, прислушивается, и какъ чудесно «подслушивается» ночную жизнь!

Кровь шумитъ въ ушахъ, и неумолкаемъ шорохъ-лепестъ листьевъ. Рыбы всплескиваютъ на поверхности прудовъ — точно поцѣлуй. Серебристый звукъ падающей капли. Цикады. «Тончайшее сопрано комара». И конечно, надъ всѣмъ этимъ — звѣзды, нѣжная музыка миганій ихъ...

Немало сновъ видѣлъ онъ въ Куртавенелѣ, и позже.

(Вiarдо иногда въ снахъ Тургенева играла роль грозную). Вотъ сонъ о птицахъ: самъ онъ кажется себѣ птицей. Беретъ себя за носъ, чтобы высморкаться — оказывается, это клювъ. Начинается полетъ, безумный, фантастическій, надъ моремъ. Видитъ какихъ-то невѣроятныхъ черныхъ рыбъ, всплывающихъ со дна, ихъ надо съѣсть. И таинственный ужасъ сковываетъ его. Чѣмъ это не полетъ съ Эллизъ? Чѣмъ не воздухъ разсказа «Сонъ»?

Слѣдующая зима оказалась послѣдней для Тургенева во Франціи. Провелъ онъ ее въ Парижѣ. А весной рѣшили съѣздить въ Россію.

Франція дала ему много. Онъ встрѣчался съ замѣчательными людьми — Жоржъ Зандъ, Меримэ, Шопеномъ, Мюссэ, Гуно. Жилъ въ воздухѣ высокой культуры. Самъ много работалъ — написалъ большинство разсказовъ изъ «Записокъ Охотника», «Дневникъ лишняго человѣка», комедіи, среди нихъ «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Можно сказать, что «первый» Тургеневъ (до романовъ), съ глубокою поэзіей и неоспоримостью своихъ писаній сложился при Вiarдо, въ Парижѣ и Куртавенелѣ. Когда въ іюнѣ 1850 года онъ покидалъ (надолго!) Францію, и женщину, которую любилъ, это былъ уже почти зрѣлый Тургеневъ, познавшій искусство, познавшій любовь; видѣвшій вблизи движенія и паденія обществъ, знавшій уже не романтическую тоску юности, а спокойную печаль взрослаго.

Онъ оставлялъ свои сердечныя дѣла въ неясномъ, какъ бы неразрѣшенномъ состояніи. Было нѣкое счастье въ Куртавенелѣ, но не измѣнило круто ни его жизни, ни жизни Полины. Она продолжала оставаться женою Луи Вiarдо, и даже не видно драмы между ними. Ничего рѣшительнаго съ Тургеневымъ! *Ça ne sert à rien* — и только. Такъ, или иначе относилась она къ нему, полу-любила или отдаваясь лишь «принимала» его любви (уступала временной женской слабости), — во всякомъ случаѣ была права, не созидая на немъ новаго и «основного». Тутъ она вкусомъ женщины сильной, неколеблющейся, ощущала, что при всей своей любви Тургеневъ не мужъ, не каменная стѣна, не опора. Онъ — неясно-поэтический туманъ, вздохъ, томленіе, петраркизмъ... но если бы она съ-

ма глубоко его полюбила, стала женой и родила ребенка, кто знаетъ, какъ могло-бы обернуться все...

Занимая нѣкую царственную позицію, удерживая его при себѣ какъ вздыхателя и прославителя, поступала она очень мудро.

Дѣла домашнія.

Нельзя сказать, чтобы жизнь Варвары Петровны сложилась удачно. Счастливой она не была — ни въ дѣтствѣ у пьянаго Сомова, ни въ замужествѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ, ни какъ мать. Сыновья доставляли ей огромное огорченіе — и сама она все дѣлала, чтобы ихъ огладить и противъ себя вооружить.

Сынъ Иванъ занимался не-дворянскимъ дѣломъ, жилъ то въ Берлинѣ, то на три года заѣхалъ во Францію, завелъ тамъ себѣ странную привязанность «ни то, ни сѣ», и очевидно набирался завиральныхъ идей. Писалъ ей мало, неохотно, вообще видимо уходилъ. Сынъ Николай сошелся съ нѣкою Анной Яковлевной Шварцъ — этотъ союзъ Варвара Петровна отрицала сколь могла: онъ былъ и внѣзаконенъ, да и Анна Яковлевна не принадлежала къ «ихъ» кругу. Николай-же Сергѣевичъ проявилъ извѣстное упорство. Онъ крѣпко, на всю жизнь полюбить эту Анну Яковлевну, поселился съ нею въ Петербургѣ, служилъ, давалъ уроки, кое-какъ перебивался — предпочелъ жить въ бѣдности, но такъ, какъ хотѣлъ. Варвара Петровна раздражалась на него не меньше, чѣмъ на Ивана. Въ 1845 году она чуть не совершила изъ-за него преступленія.

Вотъ какъ это произошло. Зная, что у сына въ Петербургѣ нѣкая сердечная исторія, она захотѣла все выяснить, провѣрить. Для этого послала въ Петербургъ дворецкаго Андрея Полякова, мужа Агашеньки. Поляковъ побывалъ у Николая Сергѣевича, видѣлъ его трудную жизнь съ Анной Яковлевной — пожалѣлъ молодого барина: въ Спасскомъ, вернувшись, доложилъ, что тотъ живетъ одинъ, холостякомъ. Но нашлись въ Петербургѣ «доброжелатели», которые сообщили все въ точности, какъ оно и на самомъ дѣлѣ было. Письмо пришло вскорѣ послѣ пріѣзда Полякова. Варвара Петровна до того взбѣленилась, что схвативъ тяжелый костыль покойнаго Ивана Лутовинова (которымъ онъ постукивалъ по мѣшкамъ съ день-

гами въ кладовой), замахнулась имъ на Полякова — и могла-бы на мѣстѣ его уложить, если-бы не схватилъ ее во время деверь, Николай Николаевичъ. Въ ярости, въ изнеможеніи она упала на диванъ, а Николай Николаевичъ поскорѣй выпроводилъ помертвѣлаго Полякова.

Бѣдный Поляковъ заплатилъ за свою мягкость ссылкою въ дальнюю деревню — и далъ проявиться еще новому узору души барыни.

Агашенька, беременная, въ тоскѣ и разлукѣ съ мужемъ прозябала въ Спасскомъ, страдала и только молилась, съ великой кротостью (вообще эта женщина изъ народа, крѣпостная, раба — удивительный свѣточъ и заступница за насъ всѣхъ). Близилась Святая. Въ великій четвергъ Варвара Петровна была въ церкви. Вдругъ, передъ самымъ причастіемъ, съ той-же внезапностью, какъ и заносила костыль надъ Поляковымъ, вышла, сѣла въ карету и поѣхала домой. Какъ была, въ шубѣ, не раздѣваясь, прошла къ себѣ въ уборную, гдѣ находилась Агашенька — грохнулась ей въ ноги.

— Прости меня. Къ празднику твой мужъ будетъ здѣсь.

Обнимались, плакали, а потомъ она поѣхала причащаться — и никто не могъ-бы сказать, что произойдетъ на Пасху слѣдующаго года, какой новый поворотъ она сдѣлаетъ.

Произошло слѣдующее: въ Свѣтлое Воскресеніе 1846 года Варвара Петровна проснулась крайне раздраженная. Въ церкви звонили — она отлично знала, что на Пасху всегда бываетъ радостный звонъ. Но велѣла позвать «министра».

— Это что за звонъ?

— Праздникъ, сударыня, святая недѣля.

— Святая недѣля! Праздникъ! Какой? У меня-бы спросили, какая у меня на душѣ святая недѣля. Я больна, огорчена, эти колокола меня беспокоятъ. Сейчасъ велѣтъ не рестать.

И колокола умолкли — весь пасхальный парадъ въ домѣ, праздничный столъ, куличи, пасхи все отмѣнено, вмѣсто праздника приказано быть буднямъ, и сама Варвара Петровна три дня провела въ комнатѣ съ закрытыми ставнями. Ихъ открыли только въ четвергъ. Пасхи въ томъ году въ Спасскомъ просто не было. Зато еще въ другой разъ она отмѣнила церковный уставъ объ исповѣ-

ди: приказала оробѣвшему священнику исповѣдывать себя публично, при народѣ.

Можно-ли было такому характеру ужиться съ сыновьями — людьми уже новой, европейской складки?

Варвара Петровна знала, что Николай едва изворачивается, что Иванъ живетъ въ Парижѣ и Куртавенелѣ безъ гроша, и очень хотѣла видѣть обоихъ. Но Ивану, вмѣсто нужныхъ ему шести тысячъ на расплату съ долгами и на возвращеніе выслала шестьсотъ рублей — онъ едва заткнулъ ими насущнѣйшія дыры. То-же и съ Николаемъ. А рядомъ съ этимъ — сентиментальныя мечтанья... Надѣясь, что сыновья прилетятъ какъ то сами, по воздуху, она велитъ заново отдѣлывать флигель. Въ огромныхъ зеленыхъ кадкахъ разставляютъ вокругъ балкона померанцевыя деревья изъ оранжерей. По другую сторону дома испанскія вишни и сливы ренклодъ вынесены изъ грунтовыхъ сараевъ и накрыты сѣткою отъ воробьевъ.

— Ваничка очень любитъ фрукты. Онъ будетъ ѣсть ихъ съ деревьевъ, а я изъ окошка полюбуюсь на него.

Ваничка въ это время занималъ въ Куртавенелѣ по нѣскольکو франковъ у Ситчесовъ — но она непременно должна любоваться, какъ онъ будетъ ѣсть сливы (а въ оранжерейхъ готовили ему и персики). Или — Варвара Петровна катается въ коляскѣ. Проѣзжая мимо оврага, заросшаго травой и окаймленнаго тополями, вспоминаетъ, что здѣсь нѣкогда былъ прудъ, и сыновья катались по немъ, въ особенномъ ботикѣ. Велѣно немедленно расчистить оврагъ (очевидно — и вновь его запрудить), и на сторонѣ къ большой дорогѣ поставить столбъ. На немъ крѣпостной живописецъ Николай Федосѣевъ изобразилъ указательный перстъ, а съ другой стороны вывелъ надпись: «*Ils reviendront*».

Все это пропало даромъ. Лишь весною слѣдующаго. 1850 года Варвара Петровна, сама заболѣвъ серьезно, приняла мѣры не сентиментальныя, а дѣйствительныя: послала Ивану Сергѣевичу въ Парижъ достаточно денегъ, чтобы онъ могъ тронуться.

Брать Тургеневу не хотѣлось. Но раздражать мать онъ считалъ опаснымъ. Въ маѣ прощался съ Куртавенелемъ (Віардо пѣла въ Германіи), 17-го июня въ послѣдній разъ видѣлся съ Полиной, а 24-го направился изъ Парижа въ Петербургъ. Онъ называлъ тогда Россію «огромнымъ и

мрачнымъ обликомъ, неподвижнымъ и туманнымъ какъ Сфинксъ». Полагалъ, что Сфинксъ смотритъ на него тяжелымъ взглядомъ и поглотить его.

**

Въ томъ снѣ, которымъ по Кальдерону (и Тургеневу) является жизнь, есть своя связность, но не такъ легко ее открыть. Все ясно въ прошломъ и неразлично въ будущемъ. Садясь въ поѣздъ, думалъ-ли Тургеневъ, что покидаетъ западъ, Парижъ, Віардо на цѣлыхъ шесть лѣтъ? Ему казалось, что вотъ устроить онъ свои дѣла, вернется, потомъ, быть можетъ, будетъ вести жизнь кочевую (то тутъ, то тамъ), и ужъ во всякомъ случаѣ не такъ, какъ получилось.

Онъ возвратился изъ парижскаго «плѣненія» болѣе милымъ и очаровательнымъ, чѣмъ когда-либо. Его знали уже и цѣнили въ Россіи, какъ писателя, автора «Записокъ Охотника». Ему шелъ тридцать второй годъ. Въ темныхъ, густыхъ волосахъ, нѣсколько выходящихъ, появилась просѣдь. Прекрасные задумчивые глаза. Руки большія — холёныя и красивыя. Онъ имѣлъ успѣхъ, его приглашали баловали.

Но въ Москвѣ, у матери, тотчасъ пришлось ему погрузиться въ тяжелыя дѣла, далекія отъ поэзій и любви.

Еще осенью прошлаго года Варвара Петровна до извѣстной степени примирилась съ сыномъ Николаемъ. Она разрѣшила ему жениться на Аннѣ Яковлевнѣ, настояла, чтобы онъ бросилъ службу, переселился въ Москву и занялся управленіемъ имѣніями. Обѣщала купить домъ въ Москвѣ. Онъ вышелъ въ отставку. Домъ (на Пречистенкѣ, недалеко отъ ея собственнаго на Остоженкѣ) былъ при-смотрѣнъ, но по человѣчески Варвара Петровна ничего не могла сдѣлать. Она тянула, томила, купчую совершать не торопилась: даю, но жди и трепещи. Николай и потрепещалъ. Домъ все-же купили, онъ въ него переѣхалъ, но жить было нечѣмъ. Варвара-же Петровна какъ-бы и виду не показывала. Анну Яковлевну не принимала, съ Николаемъ Сергѣевичемъ создала отношенія загадочныя — нельзя понять, другъ она ему, или тайный врагъ. Что-то и тянуло ее къ нему, но и раздражало — вотъ онъ все-таки не такъ женился, какъ она хотѣла, недостаточно передъ ней

сгибается. Николай-же Сергѣевичъ, въ душѣ хозяинъ, помѣщикъ, человѣкъ не такой блестящій, какъ братъ (но тоже красивый) — былъ все-таки тоже Тургеневъ: сгибаться могъ лишь до нѣкотораго предѣла.

Иванъ Сергѣевичъ встрѣтился съ матерью хорошо, но попалъ въ нервный воздухъ. Онъ и Николай были уже вполне взрослые, наслѣдники большого состоянія — и въ то-же время полунищѣ. Николай распродалъ послѣднія свои вещи, вывезенныя изъ Петербурга. Ивану приходилось занимать направо и налево. У дворовыхъ — управляющаго Леона Иванова, у своднаго брата Порфирія добывалъ онъ по тридцати, пятидесяти копѣекъ.

Братья рѣшили дѣйствовать. Обратились къ матери: въ самой почтительной и мягкой формѣ просили опредѣлить имъ какой нибудь, пусть и небольшой, доходъ, только-бы имѣть необходимое для жизни и не беспокоить ее по мелочамъ. Варвара Петровна не возражала. Какъ будто отнеслась даже сочувственно. Обѣщала исполнить просьбу, и какъ всегда — не торопилась. «Томленіе» сыновей продолжалось. Наконецъ, приказала Леону Иванову написать двѣ дарственные — одно имѣніе, Сычево, отдается Николаю, другое, Кадное — Ивану. Но... дарственные эти она не оформила. Онѣ не имѣли законной силы, и въ любой моментъ могла она ихъ отмѣнить. Однажды утромъ позвала сыновей и прочла имъ черновикъ.

— Довольны-ли вы теперь мною?

Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ за себя и брата: да, довольны, если она придастъ законную силу этимъ бумагамъ... Варвара Петровна надулась, но велѣла вечеромъ вновь явиться, дарственные будутъ переписаны набѣло, въ окончательномъ видѣ.

Братья ушли. И отъ того-же Леона Иванова узнали, что старостамъ обоихъ «подаренныхъ» имѣній посланъ уже приказъ немедленно продать весь хлѣбъ, въ гумнахъ и на корню, по какой угодно цѣнѣ, лишь бы скорѣе! Управляющій Спасскаго долженъ былъ наблюдать за этой продажей и деньги перевести въ Москву, Варварѣ Петровнѣ.

Значить, она просто ихъ раззоряла. Лишала даже зерна для посѣва на слѣдующій годъ.

Вечеромъ того-же іюльскаго дня въ домѣ на Остоженкѣ произошла тяжелая сцена. Варвара Петровна вновь позвала сыновей. Она сидѣла въ гостиной, тасовала карты

для пасьянса. Въ послѣдней залѣ за чайнымъ столомъ — Варя Житова, воспитанница, и г-жа Шрейдеръ. Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ въ гостиной по одну сторону матери, Николай по другую. Имъ подали изъ залы чаю. Въ огромномъ зеркалѣ видѣла Варя изящныя руки Варвары Петровны — она раскладывала теперь пасьянсъ. Сыновья помѣщивали въ стаканахъ ложечками. Варвара Петровна заговорила о различныхъ сортахъ чаю. Потомъ еще о разныхъ пустякахъ. Наконецъ, сказала слугѣ:

— Позвать Леона Иванова!

Когда тотъ явился, коротко приказала:

— Принеси!

Черезъ нѣсколько минутъ Леонъ Ивановъ подаль на подносѣ два конверта. Она взглянула на нихъ, одинъ дала Ивану, другой Николаю.

Въ домѣ мертвенно-тихо. Только шуршитъ бумага въ рукахъ у читающихъ.

— Ну, благодарите меня! — она протянула имъ руки для поцѣлуя.

Николай Сергѣевичъ наклонился, молча поцѣловалъ протянутую руку матери. Иванъ всталъ, прошелся взадъ-впередъ, сказалъ: «Bonne nuit, maman», и вышелъ, поднялся къ себѣ въ комнату. Варвара Петровна молчала, но руки ея вздрагивали — гнѣвъ пробивался въ нихъ. За Иваномъ поднялся Николай и тоже ушелъ наверхъ. Тамъ они совѣщались. Такъ какъ дарственные въ окончательномъ видѣ были тѣ-же, что и черновики, то рѣшили ихъ не принимать, ни въ какіе переговоры съ матерью не вступать, въ имѣнія не ѣздить, а предъявить требованіе о наслѣдствѣ отца.

Варвара Петровна отлично поняла, какъ они приняли ея «подарокъ». На другой день вызвала Ивана для объясненій. Тутъ онъ многое высказалъ ей — не только о себѣ, но и вообще о ея жизни и правленіи. Въ концѣ разговора Варвара Петровна закричала:

— Нѣтъ у меня дѣтей! Ступай вонъ!

Иванъ Сергѣевичъ попытался увидеть ея на слѣзующій день. Когда Варя доложила: *Jean est venu*, она амфи-сто отвѣта схватила юношескій его портретъ, изо всѣхъ силъ швырнула на полъ. Стекло разбилось, портретъ отлетѣлъ далеко. Горничная бросилась-было поднимать, но Варвара Петровна запретила трогать — не только сейчасъ, но и вообще: портретъ пролежалъ на полу до октябрія.

Иванъ и Николай Сергѣевичи уѣхали въ отцовское Тургенево. Варвара Петровна въ день разрыва лежала въ нервномъ припадкѣ. Но отлежавшись, ничего въ рѣшеніи не измѣнила.

Лѣто она провела въ Спасскомъ. Сыновья жили неподалеку, въ Тургеневѣ, но ихъ будто и на свѣтѣ не было. Она ихъ отвергала вовсе. Къ себѣ не допускала, не отвѣчала на письма. Почувствовавъ себя однажды съ утра плохо, быстро собралась и въ одиночествѣ уѣхала въ Москву. Черезъ два дня, дождливомъ вечеромъ, въ большую балконную дверь постучали. Варя Житова и г-жа Шрейдеръ кончали ужинъ въ спасской столовой. Блудный сынъ, Иванъ Тургеневъ, стоялъ на балконѣ съ ружьемъ, патронташемъ, сѣткой для дичи, весь промокшій: зашелъ справиться о матери, узнать, что ей плохо. Онъ поужиналъ съ ними, при единственной свѣчѣ. Подъ шумъ осенняго дождя разспрашивалъ о послѣднихъ дняхъ.

Этотъ огромный, деревенскій Тургеневъ въ высокихъ сапогахъ, охотничьей курткѣ, съ обвѣтреннымъ лицомъ, усталый, мокрый послѣ скитаній по тетеревамъ такъ живо видится въ сумрачной столовой — русскій аполлинический Немродъ съ зыбкимъ сердцемъ, «Записки Охотника», только что бродившія съ какимъ нибудь Ермолаемъ или Касьяномъ.

Хотѣлъ онъ повидаться съ матерью, да не вышло. Это было послѣднее ея путешествіе. Съ Остоженки она попала лишь въ могилу. Она хворала тяжело, мучительно. Лежала на постели краснаго дерева, велѣла придѣлать сбоку полочку во всю длину кровати. На полочкѣ, какъ и раньше, валялись *feuilles volantes*, она коротала предсмертные часы, записывая разныя свои мысли, дѣлая замѣтки. Кротость, смиреніе не пришли къ ней. Только 28-го октября (день рожденія Jean'a) дрогнуло ея сердце. Она велѣла поднять съ пола его портретъ. А въ дневникъ ея прочли: «*Ma mère, mes enfants! Pardonnez-moi. Et vous, Seigneur, pardonnez-moi aussi — car l'orgueil, ce péché mortel fut toujours mon péché.*». Этотъ *péché mortel* мѣшалъ ей примириться съ сыновьями. Задыхаясь отъ водянки, она не сдавалась.

Все-таки, въ послѣдніе дни Николай Сергѣевичъ проникъ къ ней. Она его не оттолкнула. Исповѣдовавшись и причастившись, потребовала сына Ивана. Но тотъ находился далеко. Его извѣстили съ опозданіемъ. Такъ ужъ и

суждено было закончиться его печальнымъ отношеніемъ съ матерью: онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, когда Варвара Петровна лежала уже въ землѣ Донского монастыря.

Глубокую грусть вызываетъ повѣствованіе о ея судьбѣ. Смолоду нѣчто искалѣчило ее. Натура страстная и даровитая, готовая самозабвенно отдаться любви, она не встрѣтила ее на своемъ пути, озлобилась, отдалась роковымъ силамъ, шедшимъ отъ темныхъ предковъ, создала кумиръ своеволія и самовластиа и губила себя имъ. Будучи госпожей рабовъ, заставляла ихъ трепетать, но и сама не радовалась. Любя собственныхъ дѣтей, ожесточала ихъ. На что нужны были ей деньги за предательски проданные посѣвы Сычева и Каднаго? Денегъ у нея и безъ того было сколько угодно. Бѣсъ терзалъ ее сердце, воздвигая между нею и міромъ, между нею и собственными дѣтьми непроходимую стѣну. Она умирала одна. Можетъ быть, лишь смиренная Агашенька, столбко отъ нея претерпѣвшая, пожалѣла ее и помолилась о ней искренно. Варвара-же Петровна и въ послѣдніе, грозные часы осталась Варварой Петровной: послѣ исповѣди и причастія, когда начиналась агонія, велѣла въ сосѣдней залѣ оркестру играть веселенькія польки — чтобы легче было отходить.

Пока Тургеневъ жилъ во Франціи, въ Спасскомъ подрастала его дочь. Когда онъ возвратился, ей минуло восемь. Ее держали въ черномъ тѣлѣ, среди дворни, на попеченіи какой-то прачки — Авдотью Ермолаевну Варвара Петровна къ себѣ не пустила. Дѣвочка росла Сандрильоной. Лицомъ очень походила на отца. Ее за это дразнили. Называли барышней и вваливали непосильную работу.

Осенью 1850 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ изъ деревни нѣжныя и грустныя письма Віардо. Среди меланхолическихъ воспоминаній о томъ, какъ семь лѣтъ назадъ они познакомились, какъ онъ по ней скучаетъ, какъ «часами цѣлуетъ ея ноги», есть упоминаніе и о «маленькой» Полинѣ. Онъ кратко, но искренно разсказалъ о приключеніи молодости (тутъ-же, рядомъ со строками романтическаго благоговѣнія къ Віардо, есть и язвительныя о Варѣ Житовой). Віардо предложила взять дѣвочку и воспитывать наравнѣ со своими дѣтьми. Онъ горячо ее благода-

рилъ. Въ октябрѣ Поля отправлена на «дальній западъ», чтобы стать француженкой и никогда болѣе не увидать Россіи.

Тургеневу-же смерть матери приноситъ свободу, независимость, богатство. Онъ получаетъ Спасское. Раздѣль съ Николаемъ прошелъ легко. Иванъ Сергѣевичъ ни на чемъ не настаивалъ, вездѣ уступалъ — это всегдашняя его черта. Не измѣнилъ и вольнолюбію своему. Дворовыхъ отпустилъ, крестьянъ (кто того хотѣлъ) перевелъ на оброкъ. По закону 1842 года могъ бы ихъ всѣхъ освободить отъ «крѣпости», но этого не сдѣлалъ: пока не было общаго освобожденія, отпускаемые попадали въ худшія условія, чѣмъ тѣ, кто оставался при своемъ прежнемъ (и порядочномъ) помѣщикѣ.

Такъ началась для Тургенева жизнь барина и извѣстнаго писателя, та жизнь, которую легко могла ему доставить мать — для этого не нужна была ея смерть. Но вотъ она поступила по другому...

Онъ жилъ теперь въ Петербургѣ и Москвѣ, широко принималъ, давалъ обѣды, вращался и въ среднемъ кругу, и въ высшемъ. Выступилъ какъ драматургъ на сценѣ. Шла его комедія «Холостякъ», позже «Провинціалка» со Щепкинымъ. Успѣхъ былъ большой. «Меня вызывали такъ неистово, что я наконецъ совершенно растерялся, словно тысячи чертей гнались за мной».

Радостно было писать въ Парижъ, Полинѣ, о побѣдѣ. Радостно было прибавить строки: «Въ моментъ поднятія занавѣса я тихо произнесъ ваше имя: оно мнѣ пріислало счастье».

Щепкинъ, знаменитый актеръ, съ которымъ Тургеневъ сблизился по театральнымъ дѣламъ, повезъ его къ Гоголю. Гоголь жилъ у гр. Толстого, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Этотъ старинный барскіи домъ покоемъ, съ обширнымъ дворомъ и сейчасъ цѣлъ въ Москвѣ — сколько разъ приходилось проходить мимо него, сидѣть на скамеечкѣ бульвара, вспоминать Гоголя, тяжелые послѣдніе дни его жизни!

Гоголь Тургенева зналъ. Считалъ первой величиной молодой словесности. Тургеневъ благоговѣлъ предъ нимъ и описалъ въ воспоминаніяхъ. Вотъ стоитъ Гоголь съ перемъ въ рукѣ у конторки, въ пальто, зеленомъ жидетѣ, коричневыхъ панталонахъ. Острый профиль, длинный носъ, губы слегка припухлыя, непріятные зубы, маленькій подборо-

докъ уходить въ черный галстухъ — глаза небольшіе и странные, какъ и весь онъ странный, болѣзненный и «умный». Въ этомъ изображеніи не хватаетъ еще запаха. У Гоголя долженъ былъ быть особый запахъ — затхлый, сладковатый, быть можетъ, съ легкимъ тлѣніемъ. Свѣжаго воздуха, красоты, чувства женственнаго — вотъ чего никогда не было у этого поразительнаго человѣка.

Тургеневъ приблизительно такъ его и привялъ. Гоголь чудесно говорилъ о призваніи писателя, о самой работѣ, удивительно читалъ и изображалъ, но нелегкій духъ владѣлъ имъ.

Знакомство было бѣглое. Да Гоголь находился ужъ и въ тяжкомъ состояніи. Извѣстно, какъ ужасны были его послѣдніе мѣсяцы. Онъ умеръ въ февралѣ 1852 года. Для Тургенева радости, огорченія литературы никогда изъ жизни не удалялись. Смерть Гоголя онъ принялъ остро, какъ въ послѣдствіи восхожденіе и побѣду Толстого. Онъ написалъ о Гоголѣ статью, пытался напечатать ее въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но цензура (та самая, которою такъ восторгался покойный) не позволила. Тургеневъ выказалъ упорство — отослалъ ее въ Москву Боткину и Феоктистову. Тѣ напечатали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Непонятно, чѣмъ она огорчила власть. Восхвалялся Гоголь, какъ писатель. И только. Никого Тургеневъ не задѣлъ — даже отдаленно. Но вотъ показалось обидно. Какъ такъ, хвалить какого-то писателишку! «Лакейскаго» писателя, какъ выразился гр. Мусинъ-Пушкинъ. Да еще имѣть дерзость напечатать въ Москвѣ, когда въ Петербургѣ уже запретили!

Тургенева арестовали. Посадили, по распоряженію Государя, на съѣзжую, т. е. при полицейской части: высидѣть предстояло мѣсяцъ. Сидѣніе не оказалось ни страшнымъ, ни даже неудобнымъ. Ему отвели отдѣльную комнату, отлично кормили, къ нему ѣздили друзья, онъ много, по обыкновенію, читалъ, написалъ «Муму». Конечно, самый воздухъ участка ни для кого не сладокъ. Рядомъ съ причиннымъ тургеневскимъ помѣщеніемъ наказывали провинившихся дворовыхъ — ихъ крики мучили его. Досаждала жара. Иногда онъ нервно шагалъ взадъ, впередъ по камерѣ, высчитывая, сколько сдѣлалъ верстъ...

Восемнадцатаго мая его выпустили, обязавъ уѣхать въ Спасское, гдѣ и жить подъ надзоромъ полиціи. Но все это дѣлалось не очень строго. Онъ побылъ еще въ Пе-

тербургѣ, его принимали, ухаживали за нимъ. Онъ читалъ «Муму» на вечерѣ у А. М. Тургенева. Была весна, сирень цвѣла, черемуха. Вѣроятно, онъ чувствовалъ себя довольно празднично. Въ Спасское попалъ лишь въ началѣ юня.

Ссылка и воля.

Въ большомъ домѣ Спасскаго, гдѣ нѣкогда проходило его дѣтство, жили теперь супруги Тютчевы — Николай Николаевичъ управлялъ имѣніемъ. Тургеневъ поселился отдѣльно, во флигелѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ комнатъ. Началась его идиллическая ссылка. Она состояла въ томъ, что баринъ ѣздилъ на охоту, читалъ умныя книжки, писалъ свои повѣсти, раскладывалъ шахматныя партіи, слушалъ бетховенскаго «Коріолана» въ исполненіи Александры Петровны Тютчевой съ сестрой — и по временамъ подвергался наѣздамъ станового. «Ссылный» не принималъ его. При Варварѣ Петровнѣ такого станового, если онъ безъ достаточной почтительности въѣхалъ-бы, съ колокольчиками, прямо въ усадьбу, пожалуй, и вытолкали-бы. Иванъ Сергѣевичъ высылалъ ему въ прихожую десять рублей. Представитель могущественнѣйшей Имперіи низко кланялся и отступалъ, пожелавъ барину «продолженія его благополучія и успѣховъ во всѣхъ желаніяхъ и начинаніяхъ». Другой «наблюдатель» иногда слѣдилъ за нимъ въ разъѣздахъ, на охотѣ — тоже, очевидно, маленький и скромный: однажды онъ надоѣлъ преступнику, и тотъ побилъ его хлыстомъ.

Первое лѣто и осень цѣликомъ ушли на охоту. Тургеневъ неутомимъ въ своемъ занятіи, въ своей страсти — эта страсть прошла чрезъ всю жизнь его, охота связала его съ Влардо, охота питала и литературу.

Вокругъ Спасскаго, въ Миценскомъ уѣздѣ, особыхъ охотничьихъ мѣстъ нѣтъ, это полистый край, не найдешь ни вырубокъ по большимъ лѣсамъ (для тетеревовъ), ни хорошихъ болотъ. Перепела въ овсахъ, коростели въ сырыхъ низинахъ, кое-гдѣ по лугамъ дупеля, бекасы, утки въ озерцахъ да нѣсколько тощихъ тетеревиныхъ выводковъ по опушкамъ какихъ-нибудь «Егорьевскихъ кустовъ» — это не могло насытить Тургенева. Осенью попадались пролетные вальдшнепы, онъ подымалъ ихъ, возможно, у себя-же въ паркѣ изъ подъ опавшей, благоуханной лист-

вы въ прозрачный сентябрьскій день. Весной стаивалъ на небогатой тягѣ, вслушиваясь въ удивительное хорканье. Но самое раздолье, самая охотничья благодать — засѣсть въ телѣжку, или въ тарантасъ, со своимъ кучеромъ, со своимъ охотникомъ (какимъ нибудь Ермолаемъ-Аѳанасіемъ) — закатиться въ западные уѣзды Орловской, или близлежащія Калужской губерніи — Жиздринскій, Козельскій. Ъздилъ и въ Брянскій, Трубчевскій. Сколько давали такія поѣздки! Не одной только дичи: пейзажей, мѣстъ, нравовъ, встрѣчъ съ разными мельничиками, запахонъ полей, лѣсовъ, осовъ. Ночлеговъ на сѣновалахъ, приваловъ въ лѣсу, когда послѣ долгой ходьбы по тетеревамъ такъ блаженно-вкусной кажется простая краюха ржаного хлѣба. Сколько всякой снѣди таскали за нимъ въ погребцахъ вѣрные слуги! Тутъ онъ плавалъ въ простомъ русскомъ народѣ, всѣхъ видѣлъ и зналъ, вслушивался въ отгѣнокъ рѣчи калужскаго и орловскаго мужика, наслушивался безконечныхъ разсказовъ гдѣ нибудь въ лѣсной сторожкѣ, когда вдругъ зарядить дождь, и не только что по выводкамъ, а и носу не высунешь.

Изъ такихъ блужданій рождались «Поѣздка въ Полѣсье», «Постоялый дворъ», «Затишье» — да вообще сквозь все тургеневское западничество его любовь къ русской землѣ, къ тетеревиной травкѣ, красными хохолками цвѣтущей въ іюлѣ, къ кустамъ, обрызганнымъ росистыми каплями, откуда съ трескомъ, грохотомъ можетъ подняться чернышъ — чудесный, краснобровый! — вся эта любовь стихійная питалась, взращивалась охотничьими скитаніями. Тургеневъ былъ западникъ, смолodu нѣсколько отошелъ отъ Россіи и въ спорахъ со славянофилами часто Россію ругалъ — умомъ, «либеральной» своей головой, а темными нѣдрами, откуда исходитъ художество — весь въ Россіи, и безъ того славой нашей не сталъ-бы. Онъ могъ бранить сколько угодно отсталость и некультурность жизни, строя, и писалъ въ то-же время чудесныхъ Касьяновъ и очаровательныхъ «рабынь».

Осенью сообщилъ Аксакову (съ которымъ гораздо ближе былъ по дѣлу охоты и рыбной ловли, чѣмъ въ разсужденіяхъ о Россіи) о плодахъ своей войны: всего 30! штуки — 69 вальдшнеповъ, 66 бекасовъ, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатка, 16 зайцевъ, и т. д., вплоть до бѣднаго куличка, и того записалъ. (Но это ужъ болѣзнь — безуміе охотника, только охотнику понятное). Аксаковъ

отвѣтилъ, что это, конечно, недурно... самъ-же онъ взялъ 1200 штукъ.

Изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ возвращался онъ въ несо-всѣмъ пустой и одинокій флигель Спасскаго. Тамъ съ весны жила послѣдняя въ его жизни Афродита-Пандемось, вѣкая дѣвушка Θεоктиста, горничная его двоюродной сестры Елизаветы Алексѣевны Тургеневой.

Эту Θεоктисту, или Θεистку, какъ ее звали, впервые онъ увидѣлъ у кузины въ Москвѣ еще въ 51-мъ году. Θεистка была чернышкая, тонкая, довольно миловидная дѣвушка, изящно сложенная. съ небольшими руками и ногами. Она сразу ему понравилась. Слабое его сердце поплыло. Вѣрдо далеко, въ неопредѣленныхъ западныхъ туманахъ, трудная, сложная. Маленькая Θεистка тутъ рядомъ, и никакихъ сложностей нѣтъ. Впрочемъ, онѣ возникли съ кузиной. Елизавета Алексѣевна, дѣвица бойкая и жизненная, сообразила, что Ивану очень понравилась ея горничная, и когда онъ захотѣлъ выкупить ее, заломилъ соотвѣтственную цѣну. Это не остановило Тургенева. Варвары Петровны въ живыхъ не было, власти надъ собой онъ не чувствовалъ, деньгами обладалъ немалыми. И выкупилъ Θεистку. Надарилъ ей всякаго добра, платьевъ, шапелъ и т. п. — и привезъ въ Спасское. Отъ барыни Θεистка перешла къ барину, стала его любовницей, наряднѣй одѣвалась и сытнѣе ѣла, жизнь вела безцвѣтную. Скучала и даже раздражалась при его попыткахъ сколько-нибудь ее просвѣтить — научить чтенію, дать какое нибудь образованіе.

Наполнить человѣческимъ своимъ существомъ флигель Спасскаго Θεистка не могла. Женская ея природа была нужна Тургеневу, но какъ нѣкогда и съ Авдотьей Ермолаевной, связь съ нею прошла для него вполне по поверхности.

Его «внутренность» поглотилась литературой. И сама зима оказалась полезной. Она наступила на рѣдкость рано, въ первыхъ числахъ октября, занесла, запушила все Спасское, завывала метелями, наносила сугробы, какихъ Тургеневъ давно не видывалъ. Онъ обычно жилъ въ деревнѣ лѣтомъ и осенью — а зимой въ столицахъ. Но теперь ссылка приколѣпила его къ Спасскому. Дала чудесную нашу зиму ощутить и пережить. Поднесла въ видѣ особенно яркомъ, сказочномъ. Зима въ деревнѣ для писателя всегда полезна. Она спускаетъ его, уединяетъ, очищаетъ. Именно

такъ и жилъ Тургеневъ. Во флигель онъ писалъ, читалъ, занимался шахматами, въ большомъ домѣ слушалъ музыку Тютчевыхъ и велъ разговоры, для Эстетистки недоступные. Шахматы, музыка, зимнее усидиеніе — что можетъ быть лучше для поэта? Размышляя надъ шедеврами Морфи, Андерсена, занялся онъ въ рождественскія метели писаніемъ романа.

Въ ссылкѣ Тургеневъ написалъ нѣсколько общеизвѣстныхъ вещей — «Постоялый дворъ», «Два пріятели», и кое-что изъ мелочей. Это не такъ много прибавило къ его созданію. Съ внѣшней стороны ничего не прибавилъ и романъ — онъ не попалъ даже въ печать — но это крупное, важное упражненіе передъ «Рудинымъ» (безъ него и «Рудинъ» не написался-бы), а кромѣ того и автобіографія.

Работалъ онъ надъ романомъ такъ горячо, какъ только можетъ трудиться полный силъ человѣкъ въ дивныхъ условіяхъ зимы, барства, одиночества и безопасности. Форма ему еще не далась. Друзья, которымъ онъ къ веснѣ разослалъ копіи рукописи, забраковали ее. Романъ оказался наполненнымъ біографіями, описаніями, рассказами, но все это не приведено въ движеніе. Изображалась властная и тяжелая, съ самодурскими чертами барыня, въ домъ которой попадаетъ молоденькая лектриса. Съ нею-то и возникаетъ сердечная исторія у сына помѣщицы, Дмитрія Петровича — человѣка двойственнаго, слабаго и капризнаго, обладающаго нравственнымъ чувствомъ и отъ него отступающаго, какъ будто и озлобленнаго тяжелымъ дѣтствомъ и самого себя не весьма уважающаго. По природѣ застѣнчивъ онъ, а бываетъ почти грубымъ. Капризно влюбляется, вызываетъ чувство отвѣтное, но все это непрочно, ничего основательнаго въ любви не создается, по вѣчной зыбкости натуры. И какъ капризно влюбился, такъ-же капризно впослѣдствіи и ненавидитъ.

Все это очень знакомо, и очень ясно. Тургеневъ могъ называть своего героя какимъ угодно именемъ — получился портретъ нѣкаго лица въ нѣкую полосу его жизни.

Изъ романа остался отрывокъ «Собственная господская контора». Все остальное дошло изъ вторыхъ рукъ. Но руки Анненковыхъ, Боткиныхъ, Аксаковыхъ — надежныя.

Первое время разлуки съ Віардо онъ писалъ ей много. Нѣжная меланхолія — вотъ тонъ его писемъ, преданность, любовь, тонкая чувственность. *Theuerste, liebste, beste Freundin* — онъ любилъ эти нѣмецкія интимныя вставочки. Осенью 1850 года вспоминаетъ семилѣтіе ихъ первой встрѣчи. Въ Петербургѣ идетъ «взглянуть на домъ, гдѣ семь лѣтъ назадъ имѣлъ счастье говорить» съ нею. Тою же осенью приписка, въ другомъ письмѣ: «*Und Ihnen küsst ich die Füße stundenlang*». 5-го (17-го) декабря, въ полугодовой день разлуки: «Сегодня ровно шесть мѣсяцевъ, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ. Полгода! Это было — помните-ли вы? — 17-го іюня...» Въ томъ-же письмѣ: «Если-бы я могъ видѣть васъ во снѣ! Это случилось со мной четыре или пять дней назадъ. Мнѣ казалось, будто я возвращаюсь въ Куртавенель во время наводненія. Во дворѣ, поверхъ травы, залитой водою, плавали огромныя рыбы. Вхожу въ переднюю, вижу васъ, протягиваю вамъ руку; вы начинаете смѣяться. Отъ этого смѣха мнѣ стало больно...»

И вотъ идетъ время. 51-й, 52-й годы. Письма становятся рѣже. И тонъ мѣняется. Они очень дружественны, тоже нѣжны, почтительны и нерѣдко меланхоличны. Но нѣкая вуаль на нихъ. Нѣтъ нѣмецкихъ приписокъ, нѣтъ *stundenlang* и *beste, liebste*... Довольно много о своей жизни, занятіяхъ, книгахъ, но прохладнѣе, спокойнѣе. Какая-бы ни была Оетистка, сколь-бы поверхностно ни задрывала, все-таки она тутъ, рядомъ, и писать о ней онъ не могъ. Неизвѣстны ни письма Віардо, ни она сама за эти годы — ея жизнь... Чѣмъ она тоже жила, при ея страстности и темпераментѣ? Старикомъ мужемъ?

Весной 1853 года Віардо пріѣзжала въ Россію пѣть. Тургеневъ досталъ паспортъ на имя какого-то мѣщанина и ухитрился съѣздить въ Москву. Повидимому, они видѣлись — но тайно, скрытно: грозила все-же полицейская опасность.

Неизвѣстно, какъ они встрѣтились. Вернувшись въ Спасское изъ Москвы, онъ опять куда-то уѣзжалъ, не вдаль, и возвратившись, получая дальнѣйшія письма, отвѣчаетъ 17-го апрѣля: «Оба ваши письма чрезвычайно лаконичны, въ особенности второе, которое точно стреми-

тельный потокъ; въ немъ каждое слово рвется быть послѣднимъ. Надѣюсь, что когда вы освободитесь отъ закружившаго васъ вихря, то расскажете мнѣ болѣе подробно о томъ, чѣмъ вы заняты. О, милыя письма, которыя я засталъ здѣсь послѣ своего возвращенія были совсѣмъ иныя. Да что ужъ!» Вотъ строки — обломокъ скрытыхъ отъ насъ чувствъ. Какія-то не столь «лаконичныя» вещи написала ему Віардо, быть можетъ, съ дыханіемъ нѣжности — тотчасъ послѣ встрѣчи, вдогонку, когда онъ уѣхалъ изъ Москвы въ Спасское. Оживилось-ли на минуту бывшее, куртавенельское? А затѣмъ — суета, пѣніе, успѣхи вновь отодвигаютъ его отъ нея — какъ время, отдаленіе и новая связь затуманивали и ея образъ для него. «Тургеневъ-однолюбецъ» — и вѣрно, и невѣрно. Віардо прошла черезъ всю его жизнь, но сама жизнь прямой линіей не была. Въ маѣ онъ пишетъ ей: «Садъ мой сейчасъ великолѣпенъ; зелень ослѣпительно ярка — такая молодость, такая свѣжесть, мощь, что трудно себѣ представить. Передъ моими окнами аллея большихъ березъ... Въ саду множество соловьевъ, иволгъ, кукушекъ и дроздовъ — прямо благодать! О, если-бы я могъ думать, что вы здѣсь когда-нибудь будете гулять!»

Полинѣ Віардо, разумѣется, было-бы пріятно гулять въ такомъ саду и слушать соловьевъ. Но этихъ-же соловьевъ слушала-бы изъ раскрытаго окна Фетистка, и она тоже любовалась-бы зеленью и весной. Было-ли бы это пріятно Тургеневу и блистательной Полинѣ?

Осенью 1853 года съ него сняли опалу. Онъ могъ теперь жить гдѣ угодно и что угодно дѣлать. Вознаграждая себя за деревенское сидѣніе, покатилъ въ Москву и Петербургъ. Началась жизнь разсѣянная, среди друзей какъ Анненковъ, Боткинъ, полу-друзей — Некрасовъ, Панаевъ, Григоровичъ, обѣды, салоны, свѣтское общество. Тургеневъ начиналъ уже «блистать». Голова его стала почти сѣдая — ранняя сѣдина, тридцатипятилѣтняя, но глаза живые, фигура могучая, одѣвался онъ отлично, и раскинувшись въ креслахъ гдѣ нибудь у графини Саліастъ, рассказывая своимъ тонкимъ, высокимъ голосомъ — занятно и увлекательно — разумѣется «украшалъ» гостиную: и зрительно, и духовно.

Жизнь-же шла безтолково. Денегъ довольно много, щедрости тоже: никто никогда не укорялъ его въ скупости. Давалъ онъ направо-налѣво, безъ разбору. Какъ состоящій русскій писатель былъ кругомъ въ авансахъ, и Некрасову, денежки любившему, доставлялъ въ «Современникѣ» немало огорченій. Но ничего не подѣлаешь. Тургеневъ считался первымъ писателемъ, приходилось терпѣть.

Онъ любилъ устраивать обѣды и устраивалъ ихъ плохо. Крѣпостной Степанъ, красивый и здоровенный малый, настолько влюбленный въ своего барина, что когда тотъ предложилъ ему вольную онъ отказался — этотъ Степанъ проявилъ чудесный поварской талантъ и украшалъ своимъ художествомъ столъ Тургенева. Самъ баринъ на обѣдахъ бывалъ милъ и веселъ, и только когда Анненковъ съ Гончаровымъ приближались къ муравленому горшку со свѣжей икрой отъ Елисѣева, онъ не безъ ужаса кричалъ:

— Господа, не забывайте, что вы здѣсь не одни.

Боткинъ-же, на радостяхъ отъ удачнаго соуса, требовалъ, чтобы хозяинъ позвалъ Степана.

— Буду отъ благодарности плакать ему въ жилетъ.

Все это пріятно и весело, но одновременно Тургеневъ язвительно и подсмѣивался надъ многими, сочинялъ эпиграммы не безъ злости. Въ позднѣйшей ненависти къ нему Достоевскаго отзывалась, конечно, давняя насмѣшка Тургенева. Врядъ-ли обрадовали и Кетчера такіе стихи:

Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ,
Переперъ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ.

За это время совсѣмъ прекратилась его переписка съ Віардо (по крайней мѣрѣ, для насъ: писемъ не существуетъ). Куртавенель временно затонулъ. Фетистка, правда, тоже сшла, но появилось другое тяготѣніе — къ молоденькой дѣвушкѣ, дальней его родственницѣ, Ольгѣ Александровнѣ Тургеневой. На этотъ разъ мѣсто дѣйствія — окрестности Петербурга, Ораніенбаумъ, гдѣ она жила лѣтомъ 1854 года (а Тургеневъ въ сосѣднемъ Петергофѣ). Знакомство ихъ шло еще со временъ до высылки. У ея отца, А. М. Тургенева, изящнаго и просвѣщеннаго человѣка,

и читаль Иванъ Сергѣевичъ написанную подъ арестомъ «Муму».

Ольга Александровна была крестницей Жуковского, дѣвушка тихая, кроткая, хорошая музыкантша, плоть отъ плоти чинной и благообразной старой Руси, нѣчто отъ Лизы Калитиной, Тани изъ «Дыма». Романъ оказался, такъ сказать, «свирѣльный». Тургеневъ разыгрываль ласковыя мелодии, что-то въ немъ трепетало. Дѣвическую душу онъ, конечно, взволноваль и разбудоражилъ, но предъ рѣшительнымъ шагомъ остановился. Было настолько недалеко отъ брака, что онъ говорилъ объ этомъ со старикомъ Аксаковымъ, когда весною былъ у него подъ Москвой въ Абрамцевѣ. Тотъ гадалъ ему даже на картахъ... Но Тургеневъ остался Тургеневымъ. Бракъ — не для него. Томленія, мечтанія, нѣжные разговоры въ отсутствіи куртавенельскаго сфинкса это одно, переломъ жизни — другое.

Онъ одержаль надъ Ольгой Александровной, какъ нѣкогда надъ Таней Бакуниной, ненужную побѣду. Въ обоихъ случаяхъ главенствовалъ, и это его расхолаживало. Ни та, ни другая не имѣли надъ нимъ власти, и большой роли сыграть не могли. Но Ольга Александровна оставила болѣе мягкое и свѣтлое воспоминаніе. Въ «Дымѣ» (Таня) онъ помянулъ ее добромъ. И вѣроятно, былъ передъ ней вообще какъ слѣдуетъ виноватъ: Ольга Александровна такъ тяжело переносила неудачу, что заболѣла, долго не могла оправиться.

А Тургеневъ... вѣроятно, онъ такъ-же внезапно уѣхаль отъ нея, какъ въ свое время изъ Зальцбрунна отъ Бѣлинскаго и Анненкова. Нельзя даже сказать, самъ онъ уѣхаль, или нѣкій легкій вѣтеръ унесъ его. Хорошо, или плохо онъ слѣлаль, но это по тургеневски. Отвѣтъ за характеръ придется еще держать, но позже. А пока что была еще Россія, надвигавшаяся Крымская война, литература, творчество.

Война никакъ не отразилась на Тургеневѣ. Молодой Толстой хотъ побываль въ Севастополѣ, повоеваль. Тургеневъ нисколько не измѣнилъ жизни, и даже въ перепискѣ его за это время о войнѣ очень мало.

Зато настало ему время пожать плоды упражненій въ ссылкѣ. Тогда написать романа не удалось. Лѣтомъ 55-го года, въ томъ-же Спасскомъ, засѣвъ, онъ въ семь недѣль закончилъ «Рудина», вещь въ нѣкоемъ смыслѣ дебютную, и блестящую. «Рудинымъ» открывается полоса тургенев-

скаго романа, и тургеневской наиболѣе широкой (но не всегда глубокой) славы. Можетъ быть, «Рудинъ» какъ романъ и не весьма яркъ, не вполне удачно построенъ, все же самъ Рудинъ до того русская роковая фигура, что безъ нея Россія не Россія (какъ и Тургеневъ не Тургеневъ). Всѣ «лишніе люди», всѣ русскіе гамлеты и незадачливые чеховскіе врачи пошли отъ Рудина, и такъ какъ Тургеневъ очень много своего вложилъ въ эту фигуру (хотя и предполагалъ написать Бакунина), то получилось очень хорошо. Смѣсь донкихотства со слабостью, фразой, неудачничествомъ — единственна. Способность зажечь сердце дѣвичье — и не удовлетворить его — какъ все это знакомо. Хорошо оказалось для литературы, что авторъ незадолго самъ пережилъ романъ — пустоцвѣтный и, можетъ быть, полный для него укоризны, но позволившій многое написать въ любовной сторонѣ «Рудина» по свѣжимъ слѣдамъ.

Есть въ этомъ произведеніи еще черта, трогаящая: отзвуки тургеневской молодости, Станкевича, энтузіазма, студенческихъ «ночныхъ блѣнъ» надъ неразрѣшимыми вопросами. Чуть ни черезъ двадцать лѣтъ отозвался въ его писаніи Берлинъ, и многое, что складывало самый обликъ Тургенева.

«Рудина» онъ привезъ изъ Спасскаго въ Петербургъ. Тутъ, какъ полагается, безъ конца читали его пріятели, совѣтовали, хвалили, «указывали на недостатки», и какъ всегда Тургеневъ почему-то слушался ихъ, волновался и покорно «исправлялъ».

Среди этихъ занятій пріобрѣлъ онъ одно замѣчательное знакомство: въ ноябрѣ пріѣхалъ изъ Севастополя въ Петербургъ молодой артиллерійскій офицеръ, графъ Левъ Толстой. Этого Толстого Тургеневъ уже нѣсколько зналъ по литературѣ. «Кстати, не правда ли, какая отличная вещь Севастополь Толстого?» писалъ лѣтомъ Дружинину. Теперь «Севастополь» явился въ Петербургъ лично. Привезъ съ войны всю свою угловатость, темпераментъ, страстность и чудный даръ. Отъ него пахло порохомъ дымомъ, ложементами, солдатскими словечками — какъ ранѣ полонъ былъ онъ Кавказа и попавшихъ его дикарей. Что читать могъ онъ тамъ? Какими нѣжностями и томленіями предаваться? Это былъ застѣнчивый, гордый, безмѣрно самомнительный и гениальный артиллерійскій офицеръ съ некрасивымъ и гру-

боватымъ лицомъ, небольшими, глубоко-сидѣвшими съ-рыми глазами величайшей остроты и силы. Великорусскій тяжелый носъ, способность вспыхивать и безумно раздражаться, желаніе всегда быть особеннымъ, ни на кого непохожимъ, всѣмъ противорѣчить — особенно извѣстнымъ и виднымъ, все оцѣнить по новому, исходя не изъ знаній, а изъ силы натуры. Такимъ можно себѣ представить Толстого — уже замѣченнаго «талантливаго» писателя, но еще экзаменующагося, аттестата зрѣлости не получившаго.

Что можетъ быть противоположнѣе Тургеневу? Представишь-ли себѣ Тургенева на Кавказѣ, или на Малаховомъ курганѣ? Безъ какихъ нибудь дамъ или барышень, предъ которыми онъ блистаетъ, и не могъ, даже не долженъ былъ не-блистать: онъ не былъ-бы тогда Тургеневымъ. Или Тургеневъ безъ книгъ, театра, среды литераторовъ? Безъ многотѣней и глубокой, тонкой просвѣщенности?

Онъ сразу понялъ въ Толстомъ писателя — да еще какого! — Для него этого достаточно, чтобы за прѣзжаго ухватиться: Тургеневъ очень и жизнью интересовался, а ужъ литературой — исключительно. Получилось даже такъ, что Толстой поселился у него на квартирѣ.

Первое время все шло отлично. Всякому старшему писателю пріятно опекать младшаго. (Тургеневъ былъ на десять лѣтъ старше Толстого). Но — при условіи послушанія и почтительности. Толстой очень цѣнилъ нѣкоторыя черты Тургенева — умъ, доброту. Многие высоко ставилъ и въ «Запискахъ Охотника». Въ общемъ-же... его невзлюбилъ. И ужъ никакъ не могъ держаться скромнымъ ученикомъ. Да и Тургеневъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше Толстой коробилъ. Даже жизненные привычки были у нихъ разныя. Тургеневъ изящно одѣвался, любилъ порядокъ и опрятность, отъ него пахло духами, онъ носилъ тонкое бѣлье. Выѣзжая въ общество, надѣвалъ отличный фракъ. Обѣдать любилъ во время и былъ гаспономомъ. Понималъ въ вишѣ, но никогда не напивался. Сидѣлъ въ салонахъ и бесѣдовалъ съ дамами, но не каталъ по кабинамъ, не любилъ троекъ, пыганъ, кутежей.

Въ комнатѣ Толстого пахло табакомъ, все было разбросано, сапоги могли стоять на туалетномъ столикѣ, брюки на рукописяхъ, или рукописи на брюкахъ, нерѣдко возвращался онъ на разсвѣтѣ, вставалъ Богъ знаетъ когда:

полдня ходилъ по квартирѣ немытый, угрызался за «недолжную» жизнь, и тотчасъ начиналъ громить перваго встрѣчнаго, въ Богъ знаетъ что, на ходу, рѣшая вопросъ о правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ и чаще всего находя, что все неправда, и хорошо-бы вообще весь міръ передѣлать сверху до низу.

Разумѣется, хозяинъ и гость не могли двухъ словъ сказать, не заспоривъ. Тургеневъ жизнь окружающую признавалъ, считая, что ее надо улучшать. Въ Толстомъ сидѣло и тогда зерно всеобщаго разрушенія и постройки всего заново. Тургеневъ любилъ культуру, искусство, всякія утонченности и «хитрости». Толстой все это отвергалъ. Тургеневъ никогда не проповѣдывалъ, и не особенно морально интересовался. Толстой все это бурно переживалъ. И такъ какъ былъ малообразованъ, но безмѣрно самолюбивъ и силенъ, то ему доставляло наибольшее удовольствіе — оспаривать неоспоримое.

Литературный кругъ Тургенева въ то время составляли Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, Григоровичъ, Боткинъ, Анненковъ, Писемскій, Гончаровъ. Толстой бывалъ также на этихъ собраніяхъ. Онъ игралъ на нихъ роль *enfant terrible*. Ему казалось, что Тургеневъ слишкомъ краснорѣчивъ и «фразистъ», самъ онъ перегибалъ въ другую сторону, но желанная, столь великая простота, естественность, не такъ-то легко давалась: тутъ приходилось-бы ужъ подыматься къ Пушкину — толстовское-же стремленіе къ угловатости, «скорявости», конечно, простотою не было. Развѣ простота вся та извѣстная сцена, когда Толстой, возражая волнующемуся Тургеневу, заявилъ:

— Я не могу признать, чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ крѣпчаломъ или саблею въ рукахъ и говорю: «пока я живъ, никто сюда не войдетъ». Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ.

Ни съ какимъ кинжаломъ нигдѣ Толстой не стоялъ, собственную жизнь прожилъ въ огромныхъ противорѣчіяхъ съ этими самыми «убѣжденіями», и въ нѣкоторомъ смыслѣ показалъ себя вовсе не сильнымъ человѣкомъ — такъ что выпадъ вродѣ приведенныхъ меньше всего правдивъ и простъ. Въ нихъ есть театр. подмостки (чего не лишенъ былъ и Тургеневъ, но въ другомъ родѣ. Турге-

невскій театр условенъ въ «изяществѣ», толстовскій въ «простоватости»).

Но Тургеневъ всегда зналъ, что онъ не пророкъ, не реформаторъ. Поэтому, въ нѣкоторомъ смыслѣ держался проще Толстого. Ему слишкомъ близко былъ духъ свободы и незамутненнаго художества.

Изъ личнаго знакомства этихъ замѣчательныхъ людей не вышло ничего. Но странныя, болѣзненные и тяжелыя отношенія тянулись всю жизнь, то обостряясь, надолго вовсе прерываясь, то возобновляясь.

Сумракъ.

И вотъ, прошло шесть лѣтъ, какъ покинулъ Тургеневъ Францію. Шесть очень важныхъ лѣтъ. Изъ бѣдствующаго литератора въ неладахъ съ матерью онъ обратился въ перваго писателя страны, признаннаго всѣми, имѣющаго связи и въ свѣтѣ, и въ среднемъ кругу, челоѣка съ хороши-ми средствами и вполне независимаго. Слава шла къ нему по заслугамъ. «Бѣжинъ дугъ», «Пѣвны», «Касьянъ съ Красивой мечи» углубляли «Записки Охотника». «Фаустъ» вводилъ въ таинственнаго Тургенева. «Рудинъ» показалъ въ немъ романиста. Блестящій, удачливый, красивый Тургеневъ... Какъ будто все, что нужно.

Уже съ 53-го года прекратилась его переписка съ Вярдо (или почти прекратилась) — вслѣдъ за весенней встрѣчей въ Москвѣ. Врядъ-ли встрѣтились они плохо. Скорѣе наоборотъ. Но что-то начало удалять ихъ другъ отъ друга. (Не освобождая вполне). Сказалъ-ли онъ ей о себѣ? Дошли-ли до нея вѣсти объ Ольгѣ Александровнѣ? Почувствовалъ-ли онъ въ ея жизни нѣчто иное? Во всякомъ случаѣ, къ концу этого шестилѣтія нѣкое безпокойство стало Тургенева точить. Не такъ проста была его исторія съ Вярдо. Приходилось все досказать, дожить, доиспытать. Его вновь потянуло на Западъ. Осуществить это стало легче — Крымская война кончилась.

Какъ разъ въ то время Тургеневъ познакомился съ графиней Елизаветой Георгіевной Ламбертъ — женщиной тонкой и умной, мистическаго склада, глубоко вѣрующей. Часто навѣщалъ ее въ Петербургъ на Фурштатской. Сиживалъ наединѣ въ уютной комнатѣ съ иконами, книгами, велъ тѣ бесѣды, на которыя былъ великій мастеръ.

что-то изливаль, о чемъ-то вздыхаль, въ чемъ-то искаль (и находиль) сочувствіе. Графинѣ открыль онъ свои сердечныя дѣла. Началась между ними и переписка.

Связи въ свѣтъ у Елизаветы Георгіевны были большія. Онъ передъ ней за многихъ хлопоталь, и ему самому, видимо, помогла она въ 1856 году съ выѣздомъ за границу (не такъ охотно, все-таки, давали разрѣшеніе). Въ майскомъ письмѣ 1856 г. изъ Спасскаго онъ благодарить ея «за участіе», которое она оказала ему въ Петербургѣ. Приоткрывъ это письмо и кое-что въ немъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мною овладѣла внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ахъ, графиня, какая глупая вещь потребность счастья, когда уже вѣры въ счастье нѣтъ!»

Въ іюнѣ поѣздка совсѣмъ налаживается.

«Позволеніе ѣхать за границу меня радуешь... И въ то же время я не могу не сознаться, что лучше было-бы для меня не ѣхать. Въ мои годы уѣхать за границу значить: опредѣлить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить всѣ помысленія о семейной жизни». (Т. е. быть при Віардо, не свивая «гнѣзда»).

А вотъ слѣдующее письмо, тоже іюньское: «Я не считаю болѣе на счастье для себя, т. е. на счастье въ томъ опять таки тревожномъ смыслѣ, въ которомъ оно принимается молодыми сердцами... Впрочемъ, на словахъ-то мы всѣ мудренны: а первая попавшаяся глупость проѣбѣжи мимо, такъ и бросишься за нею въ погоню. Какъ оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, ничего больше не дѣлалъ, какъ гонялся за глупостями. Донъ Кихотъ, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ въ красоту своей Дульциней, а нашего времени Донъ-Кихоты и видятъ, что ихъ Дульцинея уродъ, а все бѣгутъ за нею».

Слова странныя, но знаменательныя. Надежды на счастье нѣтъ, а гнаться за нимъ все-же хочется. Ѣхать за границу опасно, а все-таки ѣдетъ. Дульцинея не такая ужъ и красавица...

Ясно, къ кому это относится. Слово тяжелое, грубое, соскочило. Какой-то надломъ уже былъ. Что то задѣло. И въ то-же время — свободы, равнодушія нѣтъ. Будто и переписка заглохла, и другіе уклонныя являлись, и годы подходятъ (къ сорока онъ считалъ себя уже «старикомъ»), а все-таки... грустно сидѣть въ великолѣпномъ Спасскомъ, гдѣ легко завести десять Фетистокъ но гдѣ нѣтъ единственной, не к р а с и в о й Полинны Віардо.

И онъ тронулся — 21 июля 1856 г. на пароходѣ въ Штеттинъ, какъ нѣкогда, въ молодости выѣзжалъ въ дальніе края учиться. Тогда боялся матери, тайкомъ игралъ на пароходѣ и чуть не погибъ въ пожарѣ. Теперь магъ давно въ могилѣ. Пожара не случилось, въ штоссъ онъ играть отлично могъ-бы, да не хотѣлось — зато поѣздка вся была азартной игрой. Онъ ставилъ крупно, на Віардо и на все будущее свое...

Изъ Штеттина во Францію, снова осень въ Куртавене лѣ. Снова Віардо, замокъ времени Франциска, паркъ, милые пруды, каналы, тополя, дубы и вязы, лѣса, поля, гдѣ стрѣляли они съ Луи Віардо куропатокъ. Будто-бы все прежнее, но все и другое. Дорого пришлось платить этою осенью за дни былыхъ куртавенельскихъ радостей!

Шесть лѣтъ разлуки оказались не пустякъ. Фетистка, Ольга Александровна — съ его стороны. Была-ли у женщины въ расцвѣтѣ силъ, съ натурой и темпераментомъ Віардо-Гарсія вся душа прикована къ старому, безцвѣтному мужу, охотнику за жаворонками и куропатками? Могла-ли она такъ ужъ отдаться загадочному русскому другу, шесть лѣтъ безвыѣздно прожившему въ Скиѳии, не столь много ей и писавшему, имѣвшему связь, чуть не женившемуся? Надо быть справедливымъ: Віардо не бралась за роль Пенелопы. Но вотъ теперь, послѣ шести лѣтъ отсутствія, этотъ туманный, мечтательный другъ появляется... Началось что-то новое.

Нѣтъ сомнѣнія, что вернувшись, онъ увидалъ такое, о чемъ издали, можетъ быть, и догадывался, но не зналъ точно. А теперь вложилъ персты. Молва называла его соперникомъ извѣстнаго художника Ари Шеффера, близкаго человѣка къ Полинѣ — онъ писалъ и ея портретъ.

Тутъ и оказалось, что пока жилъ Тургеневъ въ Спаскомъ, блисталъ въ Петербургѣ, Полина представлялась ему петраркической мечтой, смутно вздыхательной, къ которой ж и з н е н н о не такъ ужъ онъ и стремился. Теперь, увидѣвъ, что его дѣло проиграно, испыталъ все, что полагается. Въ страстности, умѣнии страдать, несправедливости, оскорблять или впадать въ болѣзненный восторгъ проявилъ даже неожиданную силу.

Какъ разъ тою-же осенью Фетъ находился во Франціи. Смѣсъ замѣчательнаго поэта съ грубоватымъ помѣщикомъ, поклонника Шопенгауэра съ провинціальнымъ офицеромъ, Фетъ явился въ Куртавенель на зовъ Тургенева,

но не особенно удачно. Тургеневъ что-то перепуталъ. Въ разстройствѣ чувствъ забылъ — и вышло такъ, что въ день Фетова пріѣзда онъ надолго отправился съ Луи Віардо стрѣлять куропатокъ. Лошадей въ Розье не выслали, Фета подвезъ случайный фермеръ. Въ замкѣ удовольствіе пріема выпало самой Полинѣ. Она повела Фета на прогулку. Охотниковъ встрѣтили только подъ вечеръ, выйдя въ поле — и какъ разъ въ Куртавенелѣ въ эти дни были гости, такъ что и помѣстить пріѣзжаго оказалось нелегко. Все-таки, онъ провелъ здѣсь нѣсколько дней.

Нѣкоею своей аляповатостью, видомъ армейскаго офицера *endimanché*, несмѣшными анекдотами на плохомъ французскомъ, кольцами на рукахъ, произвелъ онъ впечатлѣніе непріятное. Съ Тургеневымъ иногда запирался и спорилъ. Кричали такъ, что Віардо казалось — не убьютъ-ли другъ друга эти два скива, шумѣвшихъ на загадочномъ языкѣ. Но быть можетъ Фетъ — въ другомъ смыслѣ — попалъ и во-время. Все-таки это свой человѣкъ, пріятель, сосѣдъ по имѣнію и художеству.

Тургеневъ многое ему разсказалъ — горькія и тяжелыя вещи о себѣ и Полинѣ. Самъ онъ себя ненавидѣлъ: тогда лишь блаженствуетъ, когда женщина каблучкомъ наступить ему на шею и вдавить лицо въ грязь. А въ одну горькую, и больную минуту, выкрикнулъ («заламывая руки надъ головою и шагая по комнатѣ»):

— Боже мой, какое счастье для женщины быть безобразной!

Фетъ возвратился въ Парижъ, но все запомнилъ. Перебрался осенью и Тургеневъ — на *rue de Rivoli* (а съ января нанялъ квартиру 11, *rue de l'Arcade*). Много стонъ могъ-бы записать Фетъ за эту зиму, едва-ли не труднѣйшую для Тургенева. Точно-бы все тутъ соединилось противъ него, начиная съ климата: холода разразились безпощадные.

Случалось въ рабочихъ кварталахъ, что ночью дѣти замерзали въ колыбеляхъ. Отопленіе и въ порядочныхъ квартирахъ было ужасное. Тургеневъ жестоко мерзъ. Приходилось сидѣть за письменнымъ столомъ въ нѣсколькихъ шинеляхъ. Изъ-за холодовъ обострились его недомоганія — открылись тяжелыя боли въ нижней части живота. Не могъ не вспомниться отецъ, Сергѣй Николаевичъ, рано погибшій отъ каменной болѣзни. Извѣстна мнительность Тургенева. Въ болѣзняхъ все казалось ему всегда

наихудшимъ. Толстой, находившійся тогда тоже въ Парижѣ, писалъ о немъ Боткину: «Страдаетъ морально такъ, какъ можетъ только страдать человѣкъ съ его воображеніемъ».

Тургенева лѣчили, прижигали, мучили... Ему предстояла еще, несмотря на мрачныя мысли, долгая жизнь. Но вспоминая о его мученическомъ концѣ, болѣе понимаешь и подозрительность: будто острѣе другихъ чувствовалъ снѣ въ себѣ страшнаго врага.

Съ Віардо ничего не налаживалось. Съ дочерью тоже нелегко. Поля давно превратилась во французскую Полину, такъ забыла все русское, даже языкъ, что не могла отвѣтить отцу, какъ по русски «вода», «хлѣбъ» — зато отлично декламировала Мольера. Ей шелъ пятнадцатый годъ. Съ Полиною Віардо она не ужилась, да можетъ быть, теперь и самому Тургеневу не очень то хотѣлось, чтобы она у ней оставалась. Онъ взялъ дочери гувернантку, англійскую даму Иннисъ, и втроемъ поселились они на rue de l'Arcade.

Больной, раздраемый любовными страданіями отецъ, подростокъ-дочь, выросшая въ чужой странѣ, въ чужой семьѣ полусироткой, полу-изъ милости, характеромъ не изъ удобныхъ, отца совершенно не знавшая и близости къ нему не чувствовавшая, англійская гувернантка (чеховская дочь Альбіона) — невеселое сообщество.

На душѣ у Тургенева мрачно. Все не правится, все не по немъ. Не нравится онъ самъ себѣ, не нравится писаніе. Въ настроеніи, не столь отъ гоголевскаго далекомъ, уничтожаетъ онъ рукописи. «Таланта съ особенной фізіономіей и цѣлостностью у меня нѣтъ»... — значить, и пусть все на смарку. «Были поэтическія струнки, да они прозвучали и отзвучали — повторяется не хочется — въ отставку!»

Зима 56-57 г. г., рѣдкая у Тургенева, ничего литературѣ не дала. Не жизнь была, а прозябаніе. И то, что не писалъ, что палъ духомъ и потерялъ (временно) вѣру въ свое дарованіе, еще больше угнетало.

И Парижъ, и парижская жизнь, и литература — все не по немъ, все не такъ. «Я замѣчаю одно обстоятельство: я ни одного француза не полюбилъ въ теченіе этой зимы, ни съ однимъ симпатически не сблизился». «Французская фраза мнѣ такъ-же противна, какъ и вамъ — и никогда

Парижъ не казался мнѣ столь прозаически-плоскимъ». «Милый Яковъ Петровичъ, вы пеняете на меня за то, что я не пишу, а я именно потому не пишу ни къ вамъ, ни къ друзьямъ вообще, что ничего веселаго сказать не могу, а жаловаться и вздыхать не стоитъ. Мнѣ всячески скверно, и физически, и нравственно; но въ сторону это! Надѣюсь, что мнѣ лучше будетъ черезъ мѣсяцъ, т. е. когда я выѣду изъ Парижа. Солонъ онъ мнѣ пришелся, Богъ съ нимъ!». «Причина этого настроенія вамъ извѣстна: я объ ней распространяться не стану. Она существуетъ въ полной силѣ — но такъ какъ я черезъ три недѣли съ небольшимъ покидаю Парижъ, то это придастъ мнѣ нѣсколько бодрости».

Тургеневъ поступилъ разумно — изъ Парижа весной уѣхалъ. Побывавъ въ Лондонѣ, а лѣтомъ попалъ въ нѣмецкій городокъ Зинцигъ, близъ Рейна, недалеко отъ Бонна. Въ Зинцигѣ пилъ воды, провелъ мѣсяцъ. Хотя зимой казалось ему, что онъ больше ничего не напишетъ, но какъ разъ тутъ, въ Германіи и родилась «Ася». Старый нѣмецкій городокъ, липы, виноградные усики, луна, пѣтухъ на готической колокольнѣ, бѣлокурыя дѣвушки, гуляющія по вечерамъ, одиночество, Рейнъ — все это очень тургеневское, и вѣроятно очень его окрыляло. «Ася» вполне удалась. Повѣсть прославлена — дѣйствительно, налита поэзіей. Можетъ быть, нѣсколько слишкомъ «поэтична» (руины, закаты, луна, виноградники, и т. п.). Но въ ней есть и черта очень странная. Во всю прозрачность, остро-ту «поэтическихъ» чувствъ введенъ рѣзкій «мотивчикъ»: рассказчикъ пріѣхалъ въ старый городокъ потому, что искалъ уединенія: «я только что былъ пораженъ въ сердце одной молодой вдовой». Эта вдова «сперва даже поощряла меня, а потомъ жестоко меня уязвила, пожертвовавъ мною одному краснорѣчивому баварскому лейтенанту». Вдова упорно проходитъ чрезъ всю «Асю», служить центромъ раздраженія и насмѣшки, претерпѣваетъ явную авторскую нелюбовь («не безъ нѣкотораго напряженія мечтая о коварной вдовѣ», «въ теченіе вечера ни разу не вспомнилъ о моей жестокой красавицѣ», и т. д.). Повѣсть построена такъ, что чувство къ вдовѣ вытѣсняется — ощущеніемъ поэзии мѣста, тихой, простой жизни, образомъ самой Аси. Какъ будто надо отдѣлаться отъ тяжелаго и дурного — это и достигается въ мирной, старомодной странѣ. Будто и горькая радость есть въ томъ,

чтобы вдову опошлить, принизить («краснощекий лейтенантъ...»).

Не такъ просто дается смиреніе. Не одна поэзія старой Германіи въ Тургенева вливалась. Острыя, неизжитыя страсти рождали карриатуру. (На подлинникъ умышленно не походившую. Но тѣмъ язвительнѣе уколъ).

Онъ провелъ въ Зинцигъ весь іюль. Графинѣ Ламбертъ такъ писалъ: «Я дурно себя чувствую и долженъ отсюда ѣхать, куда — не знаю самъ». Вскорѣ попалъ въ Булонь, и продолжаетъ то-же письмо: «Да, графиня, я рѣшилъ воротиться, и воротиться надолго. Довольно я скитался и велъ цыганскую жизнь».

Віардо-же тѣмъ временемъ родила сына Поля. Тургеневъ по этому случаю написалъ ей письмо неестественно восторженное. («Hurrah! Ура! Leb'hoch! Vivat! Evviva! Zito!»... и даже восклицаніе по старо-кѣльнски, по арабски). Все оно вообще болѣзненно, въ настоящей радости такъ не пишутъ. Боль, которую хочется заглушить театральнымъ восторгомъ, въ немъ не скрыта.

Г-жа Віардо родила сына 20 іюня 1857 г. Фетъ постигъ Тургенева, только что пріѣхавшаго въ сентябрѣ 1856-го — ровно девять мѣсяцевъ тому назадъ... Дальше все тайна. Поля могъ быть сыномъ Тургенева, пока тотъ не узналъ о Шефферѣ. Могъ быть и не его сыномъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ для Тургенева была драма.

Въ августѣ онъ попалъ въ Булонь, на морскія купанья. Затѣмъ — Парижъ. Далѣе все тотъ-же вѣтеръ занесъ его на горестное пепелище — въ Куртавенель. Отсюда пишетъ онъ Некрасову: «Ты видишь, что я здѣсь, т. е. что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты предостерегалъ меня». Некрасовъ былъ практическій, и крѣпкій человѣкъ — зналъ, какъ въ такихъ случаяхъ надо дѣйствовать. Зналъ-бы и покойный Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ. Иванъ-же Сергѣевичъ, пріѣхавъ туда, куда не надо, могъ только вздыхать: «Такъ жить нельзя. Полно сидѣть на краешкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ, ну и не надо ни какого».

Тѣмъ не менѣе, послѣ тоски Куртавенеля и ему удалось сдѣлать правильный шагъ: вновь двинулся онъ въ путе-

шествіе, выбралъ Италію, Римъ. Лаврецкій, въ сходномъ положеніи, поступилъ такъ-же. («...Онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію». «Скрываясь въ небольшомъ итальянскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женой»).

Тургеневъ въ Италіи уже бывалъ — давно, семнадцать лѣтъ назадъ, студентомъ. Тогда жилось легко, свѣтло. Все — впереди. Теперь онъ — человѣкъ съ рано постѣдвшими кудрями, нездоровый, упорно думающій о смерти, одинокій, съ разгромленнымъ сердцемъ. Но Италія осталась прежней, и не обманула.

Боткинъ, съ которымъ онъ отправился, не могъ замѣнить Станкевича. Но оказался хорошимъ товарищемъ. Они вмѣстѣ подѣзжали къ Риму на лошадахъ, въ дилижансѣ, и первый видъ на него открылся съ Monte Mario, а вступили чрезъ Porta del Popolo. Тургеневъ остановился въ Hôtel de l'Angleterre, на via Bocca di Leone — тамъ они и обѣдали съ Боткинымъ.

Началась жизнь, какую не могъ не вести Тургеневъ, какъ-бы себя ни чувствовалъ: музеи, галлерей, катакомбы, знакомство съ художниками, Александръ Ивановъ, заканчивавшій свою знаменитую картину, поѣздки въ Альбано, дикое Rocca di Papa, Фраскати, гдѣ вечерняя заря заливала ихъ «нестерпимо пышнымъ заревомъ, пылающимъ потокомъ кроваваго золота». Вилла д'Эсте, книги, классики.

Осень и Римъ шли къ его настроенію. Нѣкогда этотъ Римъ наполнялъ красотой молодую его душу. Теперь помогалъ изживать горе. Віардо ему не писала — не отвѣчала на письма. Но онъ переписывался съ друзьями — Анненковымъ, графиней Ламбертъ. «Природа здѣшняя очаровательно величава — и нѣжна, и женственна въ то-же время. Я влюбленъ въ вѣчно-зеленые дубы, зончатые пиніи и отдаленныя блѣдно-голубыя горы. Увы! я могу только сочувствовать красотѣ жизни — жить самому мнѣ уже нельзя. Темный покровъ упалъ на меня и обвилъ меня; не стряхнуть мнѣ его съ плечъ долой». — Какъ такъ стряхнуть, если сидя на Пинчіо, увидавъ проѣзжающую въ коляскѣ даму — вдругъ бросаетъ онъ собесѣдника и какъ сумасшедшій кидается догонять экипажъ: показалось, что это Полина.

Но онъ самъ понимаетъ, что нѣчто надо закончить: «Въ челоуѣческой жизни», пишетъ графинѣ Ламбертъ, «есть

мгновения перелома, мгновения, въ которыя прошедшее умираетъ и зарождается новое. Горе тому, кто не умѣетъ ихъ чувствовать — и либо придерживается мертвaго прошедшаго, либо до времени хочетъ вызвать къ жизни то, что еще не созрѣло.

Риму и надлежало перевести Тургенева съ одного пути на другой. Нелегко это давалось. Римъ пустилъ въ ходъ всѣ свои прельщенія. Осень была чудесна. Всѣ синѣющія небеса, вся роскошь Испанской лѣстницы съ красноватыми башнями Trinita dei Monti, величїе Ватикана, задумчивость базиликъ, тишина Кампаньи, фонтаны, Сивиллы, таинственная прахообразность земли — все говорило объ одномъ, въ одномъ растворяло сердце. У Тургенева были глаза, чтобы видѣть. Были уши, чтобы слышать. «Римъ удивительный городъ: до нѣкоторой степени онъ можетъ все замѣнить: общество, счастье, даже любовь». Вѣчность входила въ него, мѣняла, лѣчила. Дѣлалось это медленно. Онъ и самъ не все видѣлъ. Иногда болѣзнь неприятно раздражала и томила. Темныя мысли — о судьбѣ, смерти, бренности именно съ этого времени крѣпче въ немъ гнѣздятся. И все-таки Римъ врачевалъ.

Это видно въ самомъ его творествѣ. Очень важно, и очень хорошо, что онъ въ Римѣ задумалъ (и частью написалъ) «Дворянское гнѣздо». Въ этихъ страданіяхъ создалъ тишайшій и христіаннѣйшій образъ Лизы. Той зимой ему пріоткрылся просвѣтъ, могшій дать утѣшеніе: путь религіи. Для себя онъ, къ несчастію, его не принялъ. Но съ любимою героинею по немъ шель, значить какъ-то, въ чужой жизни, художнически, но изжилъ. Изживалъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и другое. Вся исторія Лаврецкаго и жены, измѣнившей ему съ бѣлокурымъ смазливымъ мальчикомъ лѣтъ двадцати трехъ — еще неостывшее личное. По напряженію, рѣзкости, эти страницы «Аси» не уступаютъ. «Измѣнница» и соперникъ тоже унижены (тамъ «краснощекій баварскій лейтенантъ», здѣсь ничтожный Эрнестъ). Лаврецкій, узнавъ объ измѣнѣ Варвары Павловны (дѣло происходитъ въ Парижѣ), взялъ карету и велѣлъ везти себя за городъ. И вотъ ночь, которую гробродилъ онъ въ окрестностяхъ, останавливаясь и всплескивая руками, то безумствуя, то странно смѣясь, и этотъ «дрянной загородный трактиръ», куда въ отчаяніи зашелъ, взялъ тамъ комнату, сѣлъ у окна, и судорожно зѣвая, восстанавливая воображеніемъ весь свой позоръ проси-

дѣль до утра... это еще все не смиреніе. Но эпизодъ потопуль — въ другомъ. Общій тонъ — Лиза, тишина, благообразная няня, милая тетушка Марѳа Тимофеевна, зеленое безмолвіе деревенской Россіи, послѣдняя заря дворянскаго быта и (за сценой) медленный монастырскій перезвонъ.

«Дворянское гнѣздо» чудесно проникнуто старой Россіей. Приближались шестидесятые годы. Пора было прощаться съ ней — Тургеневъ распрощался щедро, всѣми средствами таланта зрѣлаго, въ самомъ цвѣтеніи (хотя прошлой зимой, въ Парижѣ ему и казалось, что все кончено). Для себя лично онъ прощался въ романѣ съ «тревожной» полосой жизни, когда есть надежды. Онъ отходилъ отъ нихъ, пытался отходить отъ «счастья» и какъ бы обрекалъ себя на безпріютную художническую жизнь. Римъ и Италія помогали ему въ этомъ.

Но не одинъ Римъ, и не одна Италія. «Дворянское гнѣздо» слагалось небыстро. Въ Италіи родилось основное зерно его. Здѣсь больше думалъ Тургеневъ о немъ, чѣмъ писалъ. Писаніе шло иначе.

Весной 1858 г. онъ тронулся изъ Рима. Остановился во Флоренціи, гдѣ успѣвалъ подолгу спорить съ Аполлономъ Григорьевымъ, остановился въ Вѣнѣ: тамъ лѣчилъ его профессоръ Зигмундъ, прописавшій воды. Въ Дрезденѣ встрѣтился съ Анненковымъ, въ Лейпцигѣ слушалъ Біардо и писалъ въ Парижъ дочери, что изъ-за этого задерживается. Побывалъ затѣмъ и въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Лѣтомъ-жѣ оказался у себя въ Спасскомъ.

На этотъ разъ довольно близко вошелъ къ нему Фетъ, у нихъ получился союзъ поэтическо-охотничій. Фетъ читалъ свои стихи, переводы. Тургеневъ слѣдилъ по подлиннику, критиковалъ, одобрялъ, смотря по качеству работы. Затѣмъ закатывались они на охоту, какъ истинные бары и художники. Впередъ отправлялась тройка съ охотникомъ Аванасіемъ, поваренкомъ и всяческой снѣдью. На другой день выѣзжалъ тарантасъ, тоже тройкой — Тургеневъ съ Фетомъ. Ъхали вдаль. Напримѣръ, днемъ изъ Спасскаго, вечеромъ въ городишкѣ Болховѣ ночлегъ, на такомъ постояломъ дворѣ съ иконами въ горнищѣ, что хозяйка не позволяетъ тургеневской Бубудкѣ и въ комнату войти. Приходится долго доказывать, убѣждать, что это особенная собака, деликатная, не «песь», никакой нечистоты отъ нея быть не можетъ. Слѣдующій день опять

весь вѣдутъ, ночуютъ у знакомыхъ помѣщиковъ — уже въ другой губерніи, и на третій день забираются въ глушь Полѣсья, гдѣ тетерева гуляютъ по вырубкамъ какъ куры въ курятникѣ — тамъ начинаютъ поэты свои гомерическія охоты. Наперебой палать изъ шомпольныхъ ружей, у Тургенева заряды приготовлены заранѣе (!) и это огорчаетъ Фета, которому больше приходится возиться съ насыпаніемъ въ стволъ пороха, дробі. Настрѣлянныхъ тетеревовъ на привалѣ потрошать вѣрные слуги, обжариваютъ, набиваютъ можжевельникомъ. — лишь въ такомъ видѣ можно довести ихъ домой.

Печетъ солнце, льютъ дожди, охотники укрываются подъ березами, но все-же мокнуть, потомъ сохнуть, вновь стрѣляютъ, соперничаютъ въ ловкости стрѣльбы, усталые заваливаются спать на сѣновалахъ, утромъ умываются ледяною водою, днемъ лакомятся дичиною, удивительной земляникой въ молокѣ, которой Фетъ пожираетъ цѣлыя миски, раскрывая ротъ «галчатообразно»... Россія дышитъ на нихъ дыханіемъ лѣсовъ, полей, всей страшной силой необъятности своей.

Въ жизни этой, между охотъ и чтеніемъ стиховъ, среди полей Новоселокъ или въ паркѣ Спасскаго, то въ чувствахъ горестныхъ, то въ относительномъ успокоеніи дозрѣваетъ «Дворянское гнѣздо».

Бдетъ Тургеневъ съ Фетомъ, на примѣръ, въ дальнезримѣніе Тапки. Старый слуга, стерегущій запертый домъ, отворяетъ его. Они ночуютъ, среди безмолвія, глубокой тишины, зелени и меланхоліи запущеннаго мѣста: это Лаврецкій пріѣхалъ къ себѣ въ Ляврики, въ такомъ-же настроеніи «отказа» и смиренія. (Именно тутъ онъ и будетъ потомъ удить рыбу съ Лизой).

Въ іюлѣ Тургеневъ уже работаетъ надъ романомъ, рождающимся подъ двойнымъ благословеніемъ — Италіи и деревенской Россіи, рождаемымъ подъ крестомъ горя, одиночества, неудачной любви. Дорого обошлась поэту слава романа...

Но если-бы въ то время посмотреѣть на Тургенева со стороны, не всякій разъ и угадалъ-бы, что съ нимъ: онъ бывалъ временами и очень веселъ, по дѣтски шумливъ. На примѣръ, занимаются они съ Фетомъ тѣмъ, что наперегонки ходятъ вокругъ клумбы — Тургеневъ гордъ, что идетъ быстрой «несчастливаго толстяка съ кавалерійскою походкой» — на десятомъ кругу обгоняетъ Фета на полѣ-

клумбы. Или: Фетъ читаетъ ему свой переводъ изъ Шекспира. Тургеневъ слѣдитъ по подлиннику. Въ одномъ мѣстѣ Фетъ переводитъ (говоря о сердцѣ): «о, разорвись!» Тургеневу не нравится. Фетъ пускаетъ вариантъ: «о, лопни!» — Тургеневу опять не нравится. «Тогда», говоритъ Фетъ, «какъ заяцъ, съ крикомъ прыгающій надъ головами налетѣвшихъ борзыхъ, я рискнулъ воскликнуть: „а лопну!“»

Тургеневъ, прямо съ дивана, разразившись хохотомъ, бросается на полъ, кричитъ и ползаетъ какъ ребенокъ отъ восторга.

Дѣло происходитъ у Фета въ имѣніи — на крикъ вбѣгаютъ дамы, не менѣе, вѣроятно, изумленные, чѣмъ нѣкогда въ Парижѣ Наталія Герценъ и Тучкова при театральныхъ упражненіяхъ Тургенева. А рядомъ съ этимъ и подъ всѣмъ этимъ, Лавренкій въ послѣдній разъ пріѣзжаетъ въ домъ Лизы Калитиной, гдѣ быстро отцвѣлъ его романъ. Сидя на скамейкѣ, подъ старыми липами, смотреть на бѣготню, шумъ, радость молодежи — Лавренкій, вкусившій уже (ему всего сорокъ лѣтъ!) смиренія зрѣлости, сознанія, что жизни со счастьемъ для него быть не можетъ.

Въ это время съ особенной остротой переживалъ, пережевывалъ Тургеневъ дѣла своего сердца: какъ боли физическія, то обострялась, то ослабѣвала тоска. «Дворянское гнѣздо» — первое, временное ея преодоленіе. (Какъ разъ лѣтомъ 1858 г. скончался Ари Шефферъ, другъ Полины. Тургеневъ нашелъ въ себѣ силы тепло и задумчиво написать ей о его смерти).

Осенью онъ повезъ романъ въ столицу. Успѣхъ, на этотъ разъ, оказался рѣшающимъ. Толстой еще не написалъ «Войны и Мира». Достоевскій находился въ ссылкѣ.

Соперниковъ Тургеневу въ литературѣ не было.

Бор. Зайцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Борьба утопін и автономіи добра въ міровоззрѣніи Ф. М. Достоевскаго и Вл. Соловьева

1.

Дружба Достоевскаго и Вл. Соловьева представляет собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи русской мысли. По свидѣтельству Достоевской, знакомство Достоевскаго съ Соловьевымъ началось съ зимы 1873 года, когда «еще очень юный тогда (двадцатилѣтній), только что кончившій свое образованіе» философъ появился въ домѣ уже прославленнаго пятидесятидвулѣтняго писателя. По словамъ Анны Григорьевны Соловьевъ производилъ тогда впечатлѣніе очаровывающее, и «чѣмъ чаще видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ Федоръ Михайловичъ, тѣмъ болѣе любилъ и цѣнилъ его умъ и солидную образованность» 1). Впрочемъ, защитивъ въ 1874 году свою магистерскую диссертацию («Кризисъ западной философіи»), Соловьевъ вскорѣ почти на два года уѣхалъ за границу, такъ что болѣе тѣсное знакомство, быстро перешедшее въ интимную дружбу, началось только съ 1877 года, когда Вл. Соловьевъ обосновался на нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Въ жизни Достоевскаго, закончившаго въ 1875 г. «Подтопокъ» и издававшаго въ 1876-77 г. г. свой «Дневникъ Писателя», то было время, когда сначала «непримѣтно и невольно» въ эти два года изданія «Дневника» слагался у него его послѣдній романъ «Братья Карамазовы», потребовавшій отъ своего творца трехъ лѣтъ «калѣбной работы» (1878 - 1880) 2). Въ жизни Вл. Соловьева это было время, когда совсѣмъ еще молодой магистръ философіи, издавъ въ 1877 году свой второй трудъ «Философскія начала цѣльнаго знанія», работалъ надъ своей докторской диссертацией «Критика отвлеченныхъ началъ». Особенно оживленное общеніе между обоими друзьями имѣло мѣсто съ конца 1877 г. по осень 1878 года. Вели-

1) Воспоминанія А. Г. Достоевской. 1925. М. Стр. 181 сл.

2) Дневникъ писателя 1877 г., дек., II, 5.

кимъ постомъ этого года Достоевскій регулярно посѣщала, не пропустивъ ни одной лекціи, «чтенія о Богочеловѣчествѣ», которыя Соловьевъ съ небывалымъ успѣхомъ читалъ въ Солянномъ городкѣ въ Петербургѣ 3). Что предметомъ частыхъ бесѣдъ обоихъ друзей были именно философскіе вопросы, показываетъ извѣстное письмо Достоевскаго къ Н. П. Петерсону, въ которомъ, по повѣду прочтенной только что вмѣстѣ съ Соловьевымъ рукописи Н. Федорова онъ пишетъ: «Предупреждаю, что мы здѣсь, т. е. я и Соловьевъ, по крайней мѣрѣ, вѣримъ въ воскресеніе реальное, буквальное, личное и въ то, что оно будетъ на землѣ» 4). Наконецъ, извѣстно, что въ Оптиной пустыни, гдѣ Достоевскій, послѣ смерти своего сына Алеши, провелъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ нѣсколько для обоихъ незабвенныхъ дней (іюнь 1878 г.), содержаніемъ бесѣды обоихъ друзей была идея и общій планъ новаго романа Достоевскаго 5).

Замѣчательно, что завершающее художественный путь поэта твореніе Достоевскаго («Братья Карамазовы») и первый законченный опытъ изложенія философомъ своей системы («Критика отвлеченныхъ началъ») вышли въ свѣтъ въ одномъ и томъ же году (1880) и одновременно печатались въ одномъ и томъ же журналѣ (1879 - 1880 въ «Русскомъ Вѣстникѣ»). Этими вышними совпаденіямъ только еще болѣе подчеркивается внутреннее единство темы и замысла обоихъ произведеній. По свидѣтельству Вл. Соловьева 6), центральной идеей «Бр. Карамазовыхъ» «должна была явиться церковь, какъ положительный общественный идеалъ», т. е. то, что подъ названіемъ «свободной теократіи» составляетъ какъ разъ основную тему и «Критики отвлеченныхъ началъ». Не удивительно, что на диспутъ Соловьева (февр. 1880 г.) Достоевскаго особенно поразила высказанная диспутантомъ мысль, что че-

3) Лекціи Соловьева посѣщала «тысячная аудиторія» по рассказамъ очевидцевъ. На одной лекціи былъ и Левъ Толстой, захватившій по дѣламъ въ Петербургъ. О томъ, какъ не встрѣтился онъ съ Достоевскимъ на лекціи и какъ жалѣлъ объ этомъ послѣдній, рассказываетъ Анна Григорьевна въ своихъ цит. выше воспоминаніяхъ. Стр. 230 сл.

4) Срв. В. А. Кожевниковъ. Ник. Фед. Федоровъ. М. 1908. Стр. 317

5) Срв. письмо Достоевскаго къ женѣ отъ 29-VI 1878 и упоминаніе объ этомъ въ 1-ой рѣчѣ Вл. Соловьева въ память Достоевскаго

6) Вл. Соловьевъ. 1-ая рѣчь о Достоевскомъ.

ловѣчество безсознательно и интуитивно давно знаетъ то, что гораздо позже по иному, въ понятіяхъ, познаетъ философія 7).

Однако, не только по замыслу своему и по темѣ, но и по выполнению «Бр. Карамазовы» и «Критика отвлеченныхъ началъ» самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собою. Диссертация Вл. Соловьева есть не что иное какъ попытка философскаго обоснованія и развитія тѣхъ же самыхъ мыслей, которыя въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго явлены въ художественной формѣ символическихъ образовъ. И слѣдуетъ только удивляться тому, что это во всѣхъ отношеніяхъ разительное сходство до сихъ поръ не было отмѣчено изслѣдователями. Правда, при всемъ сходствѣ между послѣднимъ твореніемъ Достоевскаго, въ которомъ великій поэтъ выразилъ всю полноту своего нравственнаго воззрѣнія, и первымъ опытомъ систематическаго изложенія Вл. Соловьевымъ своего міровоззрѣнія имѣются и существенныя различія. Анализъ этихъ различій въ высшей степени поучителенъ. Не напрасно Достоевскій самъ считалъ, что въ этомъ лучшемъ своемъ твореніи, къ которому онъ «относился строже, чѣмъ ко всѣмъ предыдущимъ» и которое онъ старался сдѣлать «максимально хорошимъ», ему удалось достичь такой глубины изображенія, которая вознесла его высоко надъ всякой тенденціозностью. И дѣйствительно, достаточно сравнить «Братья Карамазовы» съ «Дневникомъ писателя», въ которомъ Достоевскій высказываетъ свое міровоззрѣніе какъ публицистъ, или даже съ «Бѣсами», которые онъ самъ называетъ «тенденціознымъ романомъ», чтобы убѣдиться, что въ этомъ своемъ послѣднемъ твореніи художникъ, воплотившій въ монументальныхъ образахъ трагическую сущность Добра, превозмогъ публициста, связавшаго свое этическое воззрѣніе съ опредѣленнымъ политическимъ и философско-историческимъ взглядомъ, которому Вл. Соловьевъ далъ наименованіе «свободной теократіи». Замѣчательно, что эта самая утопія «свободной теократіи» опредѣлила собою и первую попытку изложенія Соловьевымъ его философской системы. Въ противоположность художнику, въ гениальной интуиціи сразу преодолѣвшему историческую ограниченность своего міровоззрѣнія, фило-

7) Срв. письмо Достоевскаго, опубликованное Н. Страховымъ. «Матеріалы къ біографіи Достоевскаго». Спб. 1883, стр. 341.

софѣ оказался слишкомъ въ плѣну у своихъ утопическихъ надеждъ и чаяній, такъ что именно наличиемъ въ ней моментовъ этой утопіи «свободной теократіи» «Критика отвлеченныхъ началъ» и отличается отъ «Бр. Карамазовыхъ». Всѣ отдѣльныя различія въ философской концепціи обоихъ произведеній могутъ быть легко выведены изъ этого основного различія. Лишь постепенно, шагъ за шагомъ, какъ то и свойственно дискурсивному мыслителю, освобождаясь Вл. Соловьевъ отъ утопическаго воззрѣнія своей юности, все болѣе и болѣе приближаясь въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ (особенно въ «Оправданіи Добра» и «Трехъ разговорахъ») къ философской концепціи, заключенной въ монументальной символикѣ «Братьевъ Карамазовыхъ». Отходя въ теченіе своего философскаго развитія отъ того, что объединяло его съ Достоевскимъ, какъ политическимъ мыслителемъ, и что въ памяти его связано у него было съ самой личностью Достоевскаго, Вл. Соловьевъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, все болѣе и болѣе приближался къ пониманію Добра, какъ оно, скорѣе интуитивно, чѣмъ рефлексивно, было явлено Достоевскимъ въ его послѣднемъ твореніи. Показать это и составляетъ задачу настоящаго очерка.

2.

Существо утопической идеи Достоевскаго очень трудно поддается положительному выраженію потому, что идея его объ особомъ русскомъ рѣшеніи социальнаго вопроса была имъ самымъ высказываема преимущественно въ полемическомъ заостреніи черезъ отрицаніе европейской дѣйствительности и европейской утопіи. Путь Россіи, по мнѣнію Достоевскаго, принципиально отличенъ отъ пути Запада и даже противоположенъ ему. По отношенію къ Западу, внутренне раздвоенному, Россія несетъ съ собою новое, третье рѣшеніе вопроса, единственно способное примирить и Западъ съ самимъ собою. Внутреннюю раздвоенность Запада Достоевскій формулируетъ различно. Онъ опредѣляетъ ее то какъ противоположность романскаго и германскаго духа, совпадающую съ противоположностью католичества и протестантизма, или, иначе говоря, съ идеєю власти и насильственнаго единенія человечества, съ одной стороны, и чисто отрицательною идеєю

права, ограждающаго своеволие отдѣльной личности, съ другой; то — какъ противоположность буржуа и пролетарія, т. е. «безусловнаго права собственности, семейства, свободы», съ одной стороны, и «безпрерывнаго контроля самой деспотической власти», съ другой. Впрочемъ, противоположности эти въ существенномъ совпадаютъ, ибо социализмъ, будучи «не чѣмъ инымъ какъ насильственнымъ единеніемъ человѣчества», есть «та же самая еще отъ древняго Рима идущая и потомъ всецѣло въ католичество сохранившаяся идея». — Болѣе того: сами противоположныя идеи являются въ сущности выраженіемъ одного и того же начала, взятаго въ его положительномъ и отрицательномъ видѣ. Социализмъ, будучи попыткой организовать общество и всю жизнь человѣка на однихъ только научныхъ основахъ, есть выраженіе крайняго рационализма, начало которому было положено протестантизмомъ. А индивидуалистическій формализмъ послѣдняго и его рационализмъ есть не что иное какъ отрицательный отвѣтъ на чисто внѣшнее подчиненіе человѣка авторитету цѣлаго и отрицаніе свободы человѣка въ католической церкви. Оба начала западнаго міра носятъ механической характеръ: власть объединяетъ людей лишь чисто внѣшнимъ образомъ, такъ же какъ и право устанавливаетъ между ними лишь чисто формальныя соотношенія, оставляя нетронутой и даже предполагая и укрѣпляя ихъ взаимную реальную разъединенность.

Въ отличіе отъ западнаго пути власти и права примирительная идея Россіи есть славянская идея, сохранившаяся въ православіи, и содержаніемъ ея является любовь. Будучи силой чисто духовной, любовь объединяетъ людей органически, изнутри. Она не дѣйствуетъ по общему правилу, а примѣнительно къ обстоятельствамъ, и не употребляетъ насилія, а обращается къ свободной волѣ человѣка. Братство въ любви есть Церковь, какъ чисто духовный союзъ, учрежденный на землѣ Христомъ. Слѣдованіе идеалу Христову преобразуетъ изнутри и государство и собственность, какъ они исторически сложились въ Россіи въ видѣ самодержавной монархіи и частной собственности. Дѣло не во внѣшнихъ преобразованіяхъ на формально-разумныхъ началахъ права, а во внутреннемъ преобразованіи формъ общественнаго бытія, исполненіи ихъ духомъ Христовымъ, любовью. Католичество извратило христіанскую истину тѣмъ, что, подпавъ традиціи языче-

скаго Рима, допустило огосударствленіе церкви, т. е. подмѣну Христовой любви формальнымъ, человѣческимъ началомъ права, на что социализмъ естественно отвѣчаетъ отрицаніемъ государства въ пользу общественнаго «муравейника». Единственно правый путь заключается напротивъ не въ низведеніи церкви до государства, а въ преобразеніи государства до Церкви. Государство и собственность усовершенствуются не черезъ пронизаніе ихъ европейскимъ началомъ отвлеченной, рациональной справедливости «моихъ» и «твоихъ» правъ, а черезъ проникновеніе ихъ духомъ любви, подчиненіе собственности и государства идеалу Христову. Въ мѣру этого очерковленія всей жизни, превращенія и общества и государства въ Церковь имѣетъ мѣсто и подлинное, а не мнимое усовершеншеніе учреждений. Самодержавная монархія и мірская крестьянская собственность явятся исходнымъ пунктомъ этого развитія. Самодержавіе стало на этотъ путь, освободивъ крестьянъ съ землей, оставивъ за ними ихъ мірскую собственность. Въ освобожденіи крестьянъ съ землею народное и христіанское пониманіе государства и собственности побѣдило надъ пониманіемъ классово-буржуазнымъ и чисто формальнымъ.

Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ Достоевскій считалъ, что вслѣдъ за отмѣной крѣпостного права власть должна «оказать народу довѣріе», и народъ долженъ быть призванъ къ участію въ строительствѣ государства. Но въ отличіе отъ либераловъ Достоевскій менѣе всего мыслилъ это «оказаніе довѣрія» въ формѣ «увѣнчивающей зданіе» реформъ конституціи. «Нѣтъ, здѣсь формамъ особенныхъ совѣтъ не потребуется. Народъ нашъ за формами не погонится, особенно за готовыми, чужеземными, которыхъ ему вовсе не надо, ибо вовсе не то у него чашѣ, и не только никогда не бывало, но никогда и не будетъ, потому что у него другой взглядъ на это дѣло, особый, совѣтъ его собственный». «Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можемъ быть услышимъ настоящую правду. И не нужно никакихъ великихъ подъемовъ и сборовъ; народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по хижинамъ. Ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ сидя, скажетъ точно-точно все то же, что сказалъ бы и весь вкупѣ, ибо онъ единъ». Интеллигенція же, оторванная отъ народа, должна

стать при этомъ «въ сторону» и не учить народъ, а учиться у народа — «смирению народному и дѣловитости его, и реальности ума его, серьезности этого ума». Тогда водворится у насъ и гражданская свобода — «самая полная, полнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣв. Америкѣ, и именно на этомъ же алмазномъ основаніи она и созиждется. Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немисливо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не бывало видано, ибо не измѣнять дѣти отцу своему и, какъ дѣти, съ любовью примутъ отъ него всякую поправку всякой ошибки и всякаго заблужденія ихъ» 8).

Въ этомъ общественномъ міровоззрѣніи, какъ оно отразилось въ особенности въ «Дневникѣ писателя» за 1876-77 г., Достоевскій повидимому всецѣло становится на точку зрѣнія славянофильства. Замѣчательно однако, что со славянофильствомъ Достоевскій никогда не солидаризировался окончательно. Въ эпоху «Времени» (1861 г.), т. е. уже послѣ возвращенія изъ Сибири и отказа отъ социалистическихъ заблужденій своей юности, Достоевскій, проповѣдуя «поворотъ къ почвѣ», рѣшительно полемизируетъ со славянофилами въ лицѣ Аксаковскаго «Дня». «Западничество, говоритъ онъ здѣсь, было реальнѣе славянофильства, и несмотря на всѣ свои ошибки, оно все-таки дальше ушло, все-таки движеніе осталось на его сторонѣ, тогда какъ славянофильство постоянно не двигалось съ мѣста и даже вмѣняло это себѣ въ большую честь. Западничество смѣло задало себѣ послѣдній вопросъ, съ болью разрѣшило его и, черезъ самосознаніе, воротилось-таки на народную почву и признало соединеніе съ народнымъ началомъ и спасеніе въ почвѣ». Въ этомъ «всеобщемъ поворотѣ къ почвѣ (сознательномъ и безсознательномъ) вліяніе славянофиловъ слишкомъ мало участвовало и даже, можетъ быть, и совсѣмъ не участвовало» 9). Только семь лѣтъ спустя, въ «Идіотѣ», заявляетъ Достоевскій впервые свое согласіе со славянофильствомъ, хотя нарочито пре-

8) Дневникъ писателя за 1881 г., I, V

9) Статья «Послѣднія литературныя явленія». Газета «День». См. собр. соч. изд. Ладыжникова. Днев. пис. 1873 г., стр. 199.

увеличенный характер заявлений князя и дает право заключить, что, въ отличіе отъ своего героя, Достоевскій самъ считалъ правду славянофильства одностороннею. То же самое можно сказать и о программѣ Шатова въ «Бѣсахъ», который изображенъ Достоевскимъ какъ одно изъ многихъ, и потому необходимо одностороннее, преломленіе Ставрогина. И какъ ни близки иногда мысли Ставрогина мыслямъ Достоевскаго, объ отождествленіи автора со своимъ злосчастнымъ героемъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи 10). Съ гораздо большимъ правомъ можно признать за выраженіе мыслей самого Достоевскаго «мысли князя», какъ они сформулированы въ черновыхъ наброскахъ къ «Бѣсамъ», въ которыхъ «князь» фигурируетъ какъ выразитель самыхъ заветныхъ мыслей автора. «Новая мысль, читаемъ мы здѣсь. Это не англосаксонское право, не демократія и не уравнилельная формула французовъ (романскаго міра). Это естественное братство. Царь во главѣ слугъ и свободныхъ (Апостолъ Павелъ). Никогда русскій народъ не можетъ подняться противъ царя... Россія не республика, не якобинство, не коммунизмъ (этого никогда не поймутъ иностранцы и русскіе иностранцы). Россія есть не что иное, какъ тѣлесное воплощеніе души православія, того православія, въ которомъ живутъ крестьяне, царство Апокалипсиса, тысячелѣтнее царство. Римская блудница (ибо ея Христосъ принялъ отвергнутое въ пустынѣ земное царство) ...Мы несемъ первый рай тысячелѣтняго царства, и отъ насъ пойдутъ во всѣ стороны новые Енохи и Ильи» 11). Въ «мысляхъ князя» Достоевскій дѣйствитель-

10) Какъ это дѣлаютъ почти всѣ изслѣдователи Достоевскаго, въ особенности кн. Е. Трубецкой. Срв. его статью «Новый націонализмъ», Русск. Мысль, 1912 г. мартъ. — Не только Ставрогинъ возражаетъ Шатову, что онъ «Бога низводитъ до простаго атрибута народности», но и самъ авторъ обнаруживаетъ съ особенной яркостью причину того, почему Шатовъ «пламенно переимчивъ» истину. «Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... Я вѣрую въ Тѣло Христово... Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую... — залепеталъ въ изступленіи Шатовъ. — А въ Бога? — Я.. я буду вѣровать въ Бога». Такимъ образомъ точка зрѣнія Шатовскаго націонализма, которую часто считаютъ выраженіемъ взглядовъ самого Достоевскаго, самымъ имъ въ «Бѣсахъ» была опредѣлена какъ страдающая маловѣріемъ.

11) Срв. Der unbekannte Dostojewski. Piper, Munchen. Стр. 240. Объ этомъ изданіи рукописей Достоевскаго см. мою статью въ кн. 39 «Совр. Зап.»

но вплотную приближается къ славянофильству, о чемъ свидѣтельствуется также и его извѣстное письмо къ наслѣднику (будущему Александру III) отъ 1873 г., въ которомъ онъ, препровождая ему отдѣльное изданіе «Бѣсовъ», пишетъ: «Мы забыли, въ восторгѣ отъ собственнаго униженія нашего, непреложный законъ историческій, состоящій въ томъ, что безъ всякаго высокомерія о собственномъ міровомъ значеніи, какъ націи, никогда мы не можемъ быть великою націей и оставить по себѣ хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человѣчества. Мы забыли, что всѣ великія націи... тѣмъ то именно и пригодились міру..., что остались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самобытными» 12).

Три года спустя, въ «Дневникѣ писателя», отождествляя свою точку зрѣнія уже опредѣленно со славянофильской, Достоевскій выставляетъ слѣдующее «самое спорное и самое шекотливое положеніе»: «Всякій великій народъ вѣрить и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ въ согласномъ хорѣ къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной». Замѣчательно однако, что даже и въ этотъ періодъ своего наибольшаго приближенія къ славянофильству, проповѣдуя «любовь» и «довѣріе» противъ «права» и «конституціи», Достоевскій стремится избѣгнуть его исключительности. Онъ заявляетъ: «А между тѣмъ намъ отъ Европы никакъ нельзя отказать. Европа намъ второе отечество, — и я первый страстно исповѣдую это и всегда исповѣдывалъ. Европа намъ почти такъ же всѣмъ дорога, какъ Россія; въ ней все Яфетово племѣ и нѣтъ идеи — объединеніе всѣхъ націй этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама» 13). Не удивительно, что въ «Братяхъ Карамазовыхъ», въ которыхъ Достоевскій поставилъ себѣ цѣлью возвыситься надъ всякой тенденціей, онъ преодолѣлъ свою собственную утопическую идею, столь приближавшую его общественно-политическую точку зрѣнія къ славянофильской. Въ какой мѣрѣ можно говорить о преодолѣннѣй утопізма свободной теократіи въ «Братяхъ Ка-

12) Впервые опубликовано въ сборникѣ «Нѣдра», 1923, II, стр. 277.

13) Дневн. писат. за 1877 г. Ладыжниковъ. Стр. 24, 33.

рамазовыхъ»? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы пояснимъ также точнѣе, въ чемъ собственно заключается утопизмъ общественнаго воззрѣнія Достоевскаго. То обстоятельство, что исторія послѣднихъ лѣтъ, подтвердивъ столь многія изъ того провидѣній, обманула его завѣтныя чаянія, есть въ лучшемъ случаѣ лишь симптомъ нѣхъ утопическаго характера. Существо послѣдняго сокрыто глубже, и обнаружено оно можетъ быть не ссылкой на внѣшнія событія, а философскимъ анализомъ.

3.

На первый взглядъ можетъ показаться, что именно въ «Бр. Карамазовыхъ» утопія свободной теократіи получаетъ свое особенно яркое выраженіе. Въ главѣ «Буди, буди» дается классическая формула этого идеала въ отличіе отъ идеала принудительной теократіи. Церковь, говорится здѣсь, «есть воистину царство и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ должна явиться, какъ царство на всей землѣ несомнѣнно, — на что мы имѣемъ обѣтованіе». Если «повсемѣстно въ наше время въ современныхъ европейскихъ земляхъ» церкви въ государствѣ отводятся какъ бы нѣкоторый лишь уголъ, да и то подъ надзоромъ, то «по русскому пониманію и упованію надо, чтобы не церковь перерождалась въ государство, какъ изъ низшаго въ высшій типъ, а, напротивъ, государство должно кончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничѣмъ инымъ болѣе». Въ будущемъ христіанствѣ не церковь обращается въ государство. «То Римъ и его мечта. То третье діаволово искушеніе. А, напротивъ, государство обращается въ церковь, восходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ, что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству и Риму, и есть великое предназначеніе православія на землѣ». Замѣчательно однако, что мысли эти высказываются не старцемъ Зосимой, а о. Паисіемъ и Иваномъ Карамазовымъ, которые отнюдь не могутъ быть отождествляемы съ самимъ авторомъ 14). Напротивъ, старецъ Зосима, соглаша-

14) Совершенно неправильно видѣть въ словахъ Ивана Карамазова прямое выраженіе собственныхъ взглядовъ Достоевскаго. Въ ошибку эту впадаютъ опять-таки почти всѣ писавшіе о Достоевскомъ. Конечно, и Иванъ, какъ и Димитрій выражаютъ воззрѣнія Достоевскаго, од-

ясь съ Иваномъ и о. Паисіемъ, дѣлаетъ оговорку, въ значительной мѣрѣ лишающую ихъ мысль ея утопическаго характера. «Правда, усмѣхнулся старецъ, — теперь общество христіанское пока еще само не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ; но такъ какъ они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все же неизблемо, въ ожиданіи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, въ единую вселенскую и владычествующую церковь. Сіе и буди, буди, хотя бы и въ концѣ вѣковъ, ибо лишь сему предназначено совершиться». Идеаль свободной теократіи почти что превращается тѣмъ самымъ въ словахъ старца Зосимы въ идею Царствія небеснаго, а что обѣ эти идеи не совпадаютъ, и первая обуславливается какъ разъ искаженнымъ пониманіемъ послѣдней, это лучше всего показываетъ именно заключенная въ общей символикѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» философія Добра.

Попытка изложенія ея дана нами въ другомъ мѣстѣ («Совр. Зап.», кн. 35), почему мы можемъ здѣсь прямо перейти къ вопросу: въ какой мѣрѣ философія добра «Братьевъ Карамазовыхъ» преодолеваетъ утопизмъ общественнаго воззрѣнія Достоевскаго?

Существо всякой утопіи, въ томъ числѣ и утопіи «свободной теократіи», заключается въ смѣшеніи абсолютнаго и относительнаго, въ пониманіи абсолютнаго какъ послѣдней, совершенной стадіи временнаго развитія, завершающей историческій процессъ какъ бы все въ томъ же горизонтальномъ планѣ историческаго бытія. Въ утопіи свободной теократіи Царствіе Божіе дѣйствительно мыслится осуществленнымъ на землѣ въ видѣ непосредственнаго продолженія конкретныхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, какъ онѣ исторически сложились въ Россіи. Въ «Бр. Карамазовыхъ» такое пониманіе Царства Бо-

нако не цѣлое его міровоззрѣніе, а только частичныя его моменты. Міровоззрѣніе Достоевскаго въ цѣломъ выражено во всей заключенной въ «Бр. Карамазовыхъ» символикѣ Добра и въ образѣ старца Зосимы, ее увѣнчивающемъ — Въ особенности злоупотребляетъ приписываніемъ Достоевскому мыслей его героевъ, выражающихъ только одностороннюю и частичную правду, Л. Шестовъ, возведшій такой способъ толкованія Достоевскаго въ цѣлый методъ. Срв. превосходную критику подобнаго толкованія Л. Шестовымъ героя «Записокъ изъ подполья» А. Скафтымовымъ (Slavia, VIII-1929, 1-2). М. Бактінымъ («Проблемы творчества Достоевскаго», 1929), методъ этотъ возведенъ даже въ принципъ стиля Достоевскаго — «полифоничность».

жия уже опредѣленно преодолевается. «Полное преобразование общества въ единую вселенскую и владычествующую церковь» будетъ означать, по словамъ старца, не столько «тысячелѣтнее царство», сколько «конецъ вѣковъ». Въ Царствіи Небесномъ, которое вознесено превыше самого добра, тѣмъ менѣе могутъ имѣть мѣсто какія-либо государственныя и хозяйственныя формы. Хозяйство и государство въ немъ не преобразуются, а вообще упраздняются. Имѣющее осуществиться тогда, когда «люди поймутъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и за вся виноватъ», оно, очевидно, не вырастаетъ изъ опредѣленной общественной формы, оно вообще не есть «царство» въ смыслѣ земного государства и пребываетъ въ совершенно иномъ планѣ бытія, несоизмѣримомъ съ «горизонтальнымъ» историческимъ планомъ существованія. Своими, какъ бы по «вертикали», изъ иного міра* посылаемыми лучами оно просвѣчиваетъ историческую жизнь человѣчества во всѣ времена и сроки, такъ что ни одна форма историческаго бытія не можетъ уже быть абсолютирована какъ исключительная носительница Царства Божія. Не въ соотвѣтствіи ли съ этимъ преодолеваетъ Достоевскій въ Пушкинскоіи рѣчи и націонализмъ своей общественной утопіи? Если въ письмѣ къ Александру III и въ «Дневникѣ писателя» онъ требовалъ, какъ мы видѣли, «высокомѣрія о собственномъ міровомъ значеніи», то теперь, напротивъ, онъ требуетъ смиренія и оправдываетъ Петровскую реформу, опредѣляя назначеніе русскаго человѣка какъ «безспорно всеевропейское и всемірное». Да и какъ могло быть иначе, когда въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» гордость опредѣлена имъ какъ специфическій грѣхъ рациональнаго сознанія и своевольнаго добра?

Мысля абсолютное пребывающимъ въ томъ же самомъ планѣ бытія, что и относительное, всякая утопія означаетъ оконченіе абсолютнаго приданіе ему случайныхъ чертъ, заимствованныхъ изъ сферы временнаго существованія. Какъ все зло полагается воплощеннымъ въ тѣхъ или иныхъ конкретных формахъ общественнаго бытія, такъ и абсолютное благо опредѣляется въ положительныхъ терминахъ. И чѣмъ болѣе всякая утопія отрицаетъ все предшествующее историческое развитіе, тѣмъ болѣе, какъ бы маскируя эту свою отрицательность, она дѣлаетъ абсолютное предметомъ положительнаго знанія, притязаетъ на законченное и совершенное познаніе абсолютнаго.

Въ своемъ общественномъ воззрѣніи Достоевскій не уберется отъ этого основного грѣха всякой утопіи, столь глубоко разоблаченнаго имъ самимъ, поскольку рѣчь шла объ утопіяхъ социалистическихъ 15). Однако, въ «Бр. Карамазовыхъ» Достоевскій рѣшительно порываетъ съ этимъ соблазномъ положительнаго богословія. Царство Божіе мыслится имъ здѣсь опредѣленно вознесеннымъ надъ трагическими противоположностями земного существованія. Источникъ и основаніе Добра, оно мыслится какъ пребывающее превыше самого Добра, по ту сторону трагической противоположности, которая въ земномъ существованіи дѣлаетъ добро неизбывно сопряженнымъ со зломъ. Поскольку самое Добро представляется въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» какъ умаленіе Царства Божія, это послѣднее мыслится Достоевскимъ какъ превосмогающее всѣ категоріи одинаковости и обособленности, внѣ которыхъ невозможно никакое человѣческое познаніе. Въ этомъ смыслѣ философія «Братьевъ Карамазовыхъ» вплотную приближается къ традиціи отрицательнаго богословія, существо котораго заключается не столько въ простомъ отрицаніи познаваемости Абсолютнаго (это дѣлаетъ критицизмъ и даже позитивизмъ), сколько въ утвержденіи запредѣльности Абсолютнаго, невыразимости его никакими формами нашего земного существованія.

Если, опредѣляя Абсолютное какъ Сверхбытіе, отрицательное богословіе отграничиваетъ себя отъ всякаго пантеизма, понимающаго Абсолютное какъ полноту бытія (всебытіе), то опредѣленіе Абсолютнаго какъ сверхдобра остриемъ своимъ направлено противъ оптимизма, который, отождествивъ Абсолютное съ полнотою добра, вынужденъ затѣмъ такъ или иначе отрицать реальность зла (въ чемъ и заключается задача теодицеи, безъ коей не можетъ обойтись никакое положительное богословіе) 16). Въ

15) Не потому ли, что ядъ утопіи, бывший увлеченіемъ его молодости, продолжалъ непримѣтнымъ образомъ дѣйствовать въ томъ положительномъ рѣшеніи вопроса, который онъ сознательно противопоставилъ рѣшенію утолическаго социализма? Самая сентиментальная восторженность его славянофильства — не была ли она возвращеніемъ къ романтизму сороковыхъ годовъ, бывшему подлиннымъ содержаніемъ социализма молодого Достоевскаго? Срв. хорошую характеристику романтическаго социализма молодого Достоевскаго у Л. Гросмана «Жизненный путь Достоевскаго», М. 1924.

16) Правда, термینی Сверхдобро и Сверхбытіе имѣютъ тотъ недо-

«Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскій отвергаетъ всякую теодицею и вмѣстѣ съ нею всякій оптимизмъ, безъ котораго не обходится никакая утопія. Зло не можетъ быть оправдано разумомъ, разъяснено имъ въ своей мнимости, или ирреальности, — будь то какъ иллюзія нашего незнанія (интеллектуалистическая теодицея) или какъ необходимая матерія нашей свободы (моралистическая теодицея). Оно не можетъ быть оправдано, а можетъ быть только побѣждено любовью, которая должна быть свободно проявлена человѣкомъ и которая вмѣстѣ съ тѣмъ только въ недоступной для человѣка божественной полнотѣ своей можетъ окончательно одолѣть зло. И если въ своей общественной утопіи Достоевскій полагаетъ все зло въ грѣхопаденіи Римской церкви, которая подпала «третьему дьяволу искушенію», т. е. искушенію земной власти, такъ что разоблаченіе этого грѣхопаденія само собою ведетъ къ побѣдѣ надъ зломъ и установленію на землѣ Царствія Божія, то въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» зло понимается шире и глубже: оно подстерегаетъ человѣка на самыхъ высшихъ ступеняхъ добра, слѣдуя за нимъ по пятамъ какъ его тѣнь, какъ его двойникъ, въ чемъ и заклю-

статокъ, что ими не отдѣляется въ должной мѣрѣ положительное отношеніе между Абсолютнымъ и многоразличными сферами относительнаго. Абсолютное, будучи въ отрицательномъ богословіи и по Достоевскому «по ту сторону добра и зла», находится къ противоположности добра и зла не только въ отрицательномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ положительномъ отношеніи. Добро не упраздняется (Vernichtung) въ своемъ различіи отъ зла, но только отбѣняется (Aufhebung) въ своей ограниченности и умаленности, сохраняясь въ своей правдѣ. Въ этомъ отличіи «по ту сторону добра и зла» Достоевскаго отъ «по ту сторону добра и зла» у Ницше. Въ этомъ смыслѣ также словъ Зосимы: «Любите людей и въ грѣхахъ ихъ, любите самыя грѣхи человѣческіе» и мысли старца о всеобщемъ прощеніи грѣшниковъ при второмъ пришествіи («и первосвященнику Каиафѣ будетъ прощено, ибо онъ любилъ свой народъ, по своему, но все же любилъ, также и Пилату будетъ прощено, духовно высокому, размышлявшему объ истинѣ, ибо онъ не зналъ что дѣлалъ»). Съ другой стороны, теодицеи вселобро и всебытіе подчеркиваютъ положительное отношеніе между абсолютнымъ и относительнымъ (бытіе и вселобро не упраздняются въ абсолютномъ), но не отдѣляютъ безусловной заповѣдливости Абсолютнаго бытію и добру, принципиальной несомнѣтельности Абсолютнаго со сферами относительнаго, отрицаемыми имъ въ ихъ умаленности.

чается трагедія добра, безсильнаго одними собственными своими силами одолѣть зло.

Оборотной стороной того оконечиванія Абсолютнаго, которое составляетъ сущность всякой утопіи, является поглощеніе Абсолютнымъ всѣхъ низшихъ, относительныхъ сферъ культуры. Абсолютное, низведенное на землю, поглощаетъ всѣ частныя сферы историческаго, земнаго бытія, отрицаетъ за ними всякое, даже относительное, значеніе. Въ частности право, охраняющее не только свободу отдѣльныхъ лицъ, но и автономію отдѣльныхъ сферъ культуры, отрицается во всякой общественной утопіи, такъ что отрицаніе права есть симптомъ и мѣрило утопичности общественнаго воззрѣнія вообще 17). Въ общественной утопіи Достоевскаго такое поглощеніе относительныхъ началъ Абсолютнымъ очевидно. Право есть чисто формальное, разсудочное начало общественнаго бытія, стоящее безконечно ниже любви, какъ начала конкретнаго и духовнаго. Любовь отмѣняетъ право, и задача заключается въ томъ, чтобы пронизать право любовью, и никакое преобразование права, не выходящее за предѣлы его собственной области, не можетъ рѣшить вопроса. Въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» Достоевскій даетъ классическую критику этой стороны всякой общественной утопіи. Три искушенія Христа Сатаною въ пустынѣ, стоящія въ центрѣ «Легенды», означаютъ поглощеніе мнимымъ абсолютнымъ трехъ основныхъ сферъ человѣческаго бытія. «Искушеніе хлѣбовъ», которымъ Сатана соблазняетъ Спасителя, означаетъ окончательное удовлетвореніе человѣкомъ его матеріальныхъ потребностей. Въ царствѣ Сатаны всеобщая сытость будетъ достигнута помимо человѣческаго творчества, задача хозяйства будетъ разрѣшена разъ навсегда, и хозяйство тѣмъ самымъ упразднено за ненадобностью. Точно также будетъ упразднена и наука какъ свободное исканіе истины. Вся полнота знанія будетъ разъ навсегда найдена, все будетъ открыто очамъ людей, и не будетъ невозможнаго для новыхъ чудотворцевъ. Въ этомъ упраздненіи науки, которая сразу вся «свалится на человѣчество, и, главное, совершенно даромъ, въ видѣ подарка», и состоитъ второе искушеніе, «искушеніе чуда». Наконецъ, «третье

17) О томъ, что всякая утопія кроетъ въ себѣ отрицаніе права см. моя статья «Проблема правового социализма», особ. «Совр. Зап.» кн 31 (1927).

дьяволову искушеніе» есть искушеніе авторитета, или власти. За упраздненіемъ хозяйства и упраздненіемъ науки необходимо слѣдуетъ упраздненіе государства, какъ союза свободныхъ личностей, какъ правового союза. Если всѣ потребности удовлетворены и всѣ знанія достигнуты, то человѣческой волѣ нечего дѣлать, и человѣческій ликъ не можетъ не смѣниться скотскимъ образомъ раба. Сытость плоти и сытость разума необходимо влекутъ за собою и сытость воли, т. е. ея упраздненіе. Съ замѣчательной глубиною формулировалъ Достоевскій въ своемъ толкованіи трехъ искушеній антихристово существо всякой утопіи теократической одинаково какъ и коммунистической. Хлѣба, чудо, авторитетъ, т. е. упраздненіе хозяйства, свободной науки и права лица — къ этому сводится общественный идеалъ всякой утопіи, существо которой заключается въ уничтоженіи человѣческой свободы. Ибо три искушенія Сатаны въ пустынѣ суть не что иное какъ три способа отрицанія свободы: черезъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, черезъ утоленіе разъ навсегда стремленія къ знанію, черезъ успокоеніе воли. Абсолютное уничтожаетъ въ утопіи относительное. Свободное единеніе человѣка съ Богомъ, составляющее содержаніе христіанской истины Богочеловѣчества, подмѣнивается въ утопіи тираніей безчеловѣчнаго Бога, ревниво блюдущаго свою власть противъ самостоятельныхъ проявленій человѣческаго начала. Но безчеловѣчный Богъ не есть истинный Богъ, это есть мнимое Божество, Человѣкобожество, т. е. относительное начало, выдающее себя самозваннымъ образомъ за Абсолютное.

Притязая быть абсолютнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, утопическій идеалъ устанавливаетъ зависимость Добра отъ знанія, — все равно отъ человѣческой ли науки, какъ въ атеистическомъ коммунизмѣ, или отъ положительнаго богословія, какъ въ католической теократіи. Истина сполна открыта, заключена въ рядѣ окончательныхъ догматовъ, и блюдушій эти догматы авторитетъ выводитъ изъ нихъ содержаніе добра. Принятіе этихъ догматовъ и подчиненіе этому авторитету есть необходимое условіе реализаціи добра. Этой именно зависимости добра отъ знанія и противопоставляетъ Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» свой тезисъ «Добро отъ Бога». Менѣе всего думаетъ онъ этимъ установить новую гетерономію добра. Напротивъ, остріе этого тезиса направлено противъ ге-

терономной зависимости добра. Добро укоренено въ Богѣ, и «своевольное» добро необходимо вырождается или въ бѣгство изъ міра или во «все позволено» Сверхчеловѣка. Но укорененность добра въ превышающемъ его Абсолютномъ началѣ именно спасаетъ автономію добра отъ ея вырожденія въ своеволие. Абсолютное начало пребываетъ не только по ту сторону добра, но и по ту сторону знанія, и вѣра въ Него, служащая источникомъ добра, должна быть свободна отъ той принудительности, которую несетъ съ собою знаніе. Старецъ Зосима вполне принимаетъ мысль Ивана Карамазова, что знаніе не можетъ рѣшать вопросовъ о томъ, что не отъ міра сего. Поэтому онъ рѣшительно возстаетъ противъ чуда, какъ источника вѣры. Чудо принуждаетъ къ вѣрѣ, между тѣмъ вѣра должна быть свободна. Свободнымъ сердцемъ долженъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ образъ Христа передъ собою. Здѣсь не можетъ быть никакого доказательства ни посредствомъ науки (принудительность силлогизма), ни посредствомъ чуда. «Дѣти, бойтесь чудесъ, чудеса убиваютъ вѣру», говоритъ старецъ Зосима въ наброскахъ Достоевскаго къ роману 18). По Достоевскому чудо есть не столько источникъ вѣры (ибо тогда вѣра была бы не свободна, а принудительна), сколько ея слѣдствіе, ибо любовь, но именно только любовь, преодолагаетъ закономѣрность косного бытія, преобразуетъ земное бытіе въ вѣчную жизнь Царствія Небеснаго. Поэтому и говоритъ старецъ Зосима, что «доказать тутъ ничего нельзя». Добро, выводимое какъ необходимое слѣдствіе изъ бытія Бога и безсмертія души, было бы вынужденнымъ добромъ, тогда какъ добро должно быть свободно заключено въ свое сердце человѣкомъ. Совершенно такъ же, какъ чудо есть слѣдствіе вѣры, а не ея источникъ, точно также и увѣренность въ бытіе Бога и безсмертія души есть слѣдствіе дѣятельной любви, а не ея основаніе. Эту мысль не устаютъ повторять старецъ Зосима, говорящій поэтому, что даже атеистъ, отрицающій разумомъ своимъ Бога и безсмертіе, можетъ

18) Срв. *Die Urgestalt der Brüder Karamasoff*. Piper. 1928, стр. 299. Эту мысль Достоевскаго отмѣтилъ уже Л. Гроссманъ («Библиотека Достоевскаго. Одесса. 1919, стр. 122»), неправильно сопоставляющій ее однако съ мыслью Гете (*Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind*), у котораго она имѣетъ обыкновенный скептическій смыслъ.

дѣлами милосердія вернуться къ Богу и узрѣть Его 19). Добро, какъ дѣятельная любовь къ ближнему, есть независимый отъ познанія и въ этомъ смыслѣ автономный путь къ Богу. Болѣе того: Богъ познается не умозрѣніемъ, а волезрѣніемъ 20), т.е. напряженіемъ любви, свободнымъ отъ всякаго принужденія, въ томъ числѣ и отъ принужденія всякаго рода доказательствъ, и въ этомъ именно смыслѣ автономнымъ. Поэтому тягчайшій грѣхъ, по мысли старца Зосимы, есть не невѣріе, а уныніе, т.е. ослабленіе любви, омертвленіе духа и проистекающее отсюда уединеніе. Правда, и уныніе есть своего рода маловѣріе, но это есть маловѣріе сердца, а не ума, утрата душой вѣры въ благодѣтелины силы самого Добра, укорененнаго въ Богѣ и дѣйствующаго въ мірѣ лишь черезъ посредство свободной воли человѣка. Великій Инквизиторъ вѣритъ въ Бога умомъ, но утратилъ вѣру въ него сердцемъ. Онъ не атеистъ, но онъ «не принимаетъ міра, созданнаго Богомъ», онъ не вѣритъ въ то, что Добро дѣйствительно укоренено въ Богѣ и потому само по себѣ, безъ принужденія, привлечетъ къ себѣ свободное сердце человѣка и одолѣетъ зло въ мірѣ. Разсудочный оптимизмъ его, разрѣшающій ему нагромождать зло какъ необходимый моментъ, въ конечной гармоніи добра, только еще рѣзче отбѣиваетъ безрадостный, угрюмый, безблагодатный характеръ его сознанія, присущій всякому утопизму вообще. Утопизмъ оптимистиченъ, но безрадостенъ, это есть «несчастное сознаніе» по преимуществу. Ибо радость есть жизнь въ конкретномъ, въ полнотѣ индивидуальнаго момента, тогда какъ всякій утопизмъ жертвуетъ конкретнымъ ради отвлеченнаго, настоящимъ ради будущаго, реальнымъ ради несуществующаго. Не вѣря въ благодѣтельную силу самого добра и не довѣряя свободѣ человѣка, утопизмъ подмѣняетъ ее механической силой внѣшняго принужденія. Отрицаніе имъ автономіи добра и свободы человѣка имѣетъ своимъ послѣднимъ корнемъ маловѣріе, тотъ атеизмъ воли и сердца, который Достоевскій съ такою глубиною ограничиваетъ отъ атеизма ума и изъ котораго проистекаютъ въ послѣднемъ счетѣ и самозванство, т.е. подмѣна Абсолютнаго относительнымъ, и деспотизмъ, т.е. по-

19) Ibid. 294, 298, 300.

20) Пользуясь удачнымъ терминомъ Г. Д. Гурвича.

глаголющее мнимымъ Абсолютнымъ всѣхъ прочихъ относительно сферъ культуры, — эти оба главныхъ порока утопизма.

4.

Сколь безспорной ни представляется мнѣ предложенная выше схема содержащейся въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» нравственной философіи, столь же мало вѣроятно, чтобы она сознавалась, какъ таковая, самимъ ихъ геніальнымъ творцомъ. И это вполне понятно: чрезмерность рефлексии только помѣшала бы силѣ и живости создаваемыхъ художникомъ образовъ, она только подмѣнила бы ихъ символическую насыщенность аллегорической нарочитостью. А въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», какъ мы знаемъ, Достоевскій въ особенности старался преодолѣть всякую тенденцію. Изкрытое нами поразительное совпаденіе значенія образовъ романа съ содержаніемъ различныхъ философскихъ доктринъ свидѣтельствуетъ только объ единствѣ предмета искусства и философіи и о силѣ художественной интуиціи Достоевскаго. И это въ тѣмъ болѣе степени, что Достоевскій удовиль въ своихъ образахъ не только тѣ стороны и аспекты добра, которые получили уже свое выраженіе въ доктринахъ Лейбница, Канта или Шопенгауэра, но и ту діалектику, которую лишь въ послѣдствіи выразилъ Ницше. Такъ и въ философской области художественная интуиція Достоевскаго возвышалась до провидѣнія.

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что Достоевскій былъ въ курсѣ философскихъ вопросовъ своего времени. Въ первомъ же письмѣ своемъ брату по выходѣ изъ каторги Достоевскій проситъ прислать ему кромѣ Корана «Критику чистаго разума» Канта и «непремѣнно Гегеля, въ особенности Гегелеву Исторію философіи. Съ этимъ вся моя будущность соединена!» 21). Въ Семибратинскѣ онъ собирается переводить со своимъ другомъ Врангелемъ Гегеля и Каруса 22). Въ Твери онъ предполагаетъ заняться философскимъ сочиненіемъ, но, по свидѣтельству друзей, «послѣ внимательнаго обсужденія отказывается отъ этой мысли» 23).

21) 22 февраля 1854 г. См. Достоевскій. Письма I, 139.

22) А. Врангель. Воспоминанія о Достоевскомъ въ Сибири. 1912.

23) Срв. Воспоминанія А. Милюкова, «Русск. Старина», 1881, III.

Знакомство и совмѣстная работа во «Времени» съ Ан. Григорьевымъ и въ особенности съ Н. Н. Страховымъ даютъ новый толчокъ интересу Достоевскаго къ философiи, въ особенности къ проблемамъ эстетики. Интересъ этотъ не ослабѣваетъ и за границей, гдѣ Достоевскій продолжаетъ слѣдить за русской философской литературой, о чемъ свидѣлствуютъ его замѣчанія въ письмахъ по поводу напумѣвшей диссертациі Г. Струве. Вполнѣ справедливо поэтому пишетъ самъ Достоевскій о себѣ Н. Страхову (въ 1870 г.): «Иваховать я въ философиі, но не въ любви къ ней, въ любви къ ней я силенъ». Дружба съ Вл. Соловьевымъ была послѣднимъ и особенно значительнымъ этапомъ этой любви 24).

Дружба эта и разительная близость философскихъ и общественныхъ взглядовъ обоихъ мыслителей естественно выдвигаетъ вопросъ о вліяніи и зависимости одного отъ другого. Не является ли совершенно исключительная философская насыщенность «Бр. Карамазовыхъ» результатомъ вліянія Вл. Соловьева на Достоевскаго 25). Если брать порознь основныя и наиболѣе любимыя мысли и образы Достоевскаго, получившіе свое выраженіе въ его послѣднемъ романѣ, то нельзя не притти къ заключенію, что вліяніе Соловьева на Достоевскаго врядъ ли было очень значительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ эти прѣдлагаются уже въ предыдущихъ произведеніяхъ Достоевскаго, написанныхъ до знакомства съ Соловьевымъ (1873 г.) или во всякомъ случаѣ до того, когда знакомство это перешло въ тѣсное дружеское общеніе (1877). Такъ уже въ «Преступленіи и Наказаніи» развивается основная идея, символизированная въ образѣ Ивана Карамазова, а именно идея отвлеченнаго, разсудочнаго добра, какъ любви къ дальнему. Раскольниковъ убиваетъ не изъ корысти, а «изъ идеи», чтобы «дѣлать добро». Въ основѣ этого отвлеченнаго добра лежитъ гордость, которая необходимо

24) Неудивительно, что въ сравнительно небольшой библиотекѣ Достоевскаго (прекрасная библиотека Достоевскаго, собранная имъ въ шестидесять годовъ въ Петербургѣ, была расхищена во время его пребыванія за границей) можно выдѣлить цѣлый философскій отдѣлъ. См. Л. Гроссманъ, Семинарій по Достоевскому. М. 1922. Стр. 16 сл., 42 сл. Его же. Путь Достоевскаго. 1924. Стр. 180 сл.

25) Особенно рѣзко мысль эту проводитъ *Dragutin Prochaska* въ своей, но хорватски опубликованной работѣ *Dostojevskij. Zagreb. 1921*

ведетъ къ деспотизму и къ подмѣнѣ добра властью, къ «все позволено» Сверхчеловѣка. Что именно эту мысль Достоевскій хотѣлъ выразить въ образѣ Раскольниковъ, — объ этомъ свидѣлствуютъ съ особенной наглядностью замѣтки его къ «Преступленію и Наказанію» 26). Замѣтательно, что и второй путь вырожденія отвлеченнаго добра, путь аскетическаго ухода изъ міра, въ основѣ котораго лежитъ та же «безумная гордость», былъ очевиденъ Достоевскому задолго до «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ». Достоевскій думалъ воплотить его въ образѣ «великаго грѣшника», — то видне изъ замѣтокъ къ ненаписанному роману «Жизні великаго грѣшника» (1868) 27). Наконецъ, въ «Бѣсахъ» (1870 - 71) саморазрушеніе свободной свободы (Достоевскій употребляетъ здѣсь самый этотъ терминъ) получило свое классическое воплощеніе въ образѣ Кириллова. Самоубійство какъ послѣдній результатъ чисто человѣческой свободы, свободы безъ Бога, или, что то же, человѣкобожества, изображено здѣсь въ терминахъ, заставляющихъ предполагать прямое указаніе на Штирнера и связь послѣдняго съ Фейербахомъ. И тамъ же, въ «Бѣсахъ», подробно развиваетъ Достоевскій программу шигалевщины, превращающей человѣческое общество въ муравейникъ (срв. уже «Записки изъ Подполья», 1864!), какъ результатъ необходимаго «вырожденія безграничной свободы въ безграничный деспотизмъ». Что въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» Достоевскій прямо продолжаетъ эту свою мысль изъ «Бѣсовъ», — объ этомъ опять-таки свидѣлствуютъ черновые наброски его къ «Бр. Карамазовымъ». Достоевскій неоднократно возвращается здѣсь къ мысли Шигалева объ «одной десятой, господствующей надъ девятью десятими», мысли, которая въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» формулирована какъ господство «ста тысячъ несчастныхъ страдальцевъ», взявшихъ на себя все страшное бремя свободы, надъ «тысячью миллионовъ», обмѣнявшихъ свободу «на тихое, смиренное счастье». Здѣсь же, въ «Бѣсахъ», встрѣчается уже у Достоевскаго зародышъ его толкованія «трехъ диаволовыхъ искушеній». Упомянутіе о «третьемъ диаволовомъ искушеніи» встрѣчается не только въ замѣткахъ къ «Бѣ-

26) См. нашу статью о рукописномъ наслѣдіи Достоевскаго въ № XXXIX «Совр. Зап.», гл. 2.

27) См. тамъ-же, гл. 2.

самъ» 28), но о немъ говорить и Шатовъ въ своемъ ночномъ разговорѣ со Ставрогинимъ. Наконецъ, идею перваго искушенія («хлѣба») Достоевскій развиваетъ подробно въ своемъ недавно опубликованномъ письмѣ къ В. Алексѣеву 29) отъ 7-VI 1876 г., а немного раньше въ статьѣ по поводу спиритизма («Ищетъ о чортахъ», «Дневникъ писателя» за январь 1876 г.) Достоевскій излагаетъ подробно смыслъ второго искушенія. Въ этой характерной статьѣ дается также Достоевскимъ и формула для мысли, лежащей въ основѣ всей его философіи добра: «счастье не въ счастіи, а лишь въ его достиженіи». Впрочемъ, въ отрицательномъ своемъ аспектѣ мысль эта о внутренней пустотѣ идеи счастья и произвольности основанной на ней этики была развита Достоевскимъ уже въ «Запискѣхъ изъ Подполья», а мысль, что «человѣкъ заслуживаетъ себѣ свое счастье всегда только страданіемъ», составляла, судя по замѣткамъ Достоевскаго къ «Преступленію и Наказанію», главную идею этого романа. Что именно отъ этой идеи идетъ прямая линія къ «Бр. Карамазовымъ», это видно хотя бы изъ того, что самая книга, въ которую включена глава о Великомъ Инквизиторѣ, названа Достоевскимъ «Про и Контра», выраженіе, которое впервые употребляетъ Достоевскій какъ разъ въ упомянутыхъ замѣткахъ къ «Преступленію и Наказанію». Здѣсь онъ прямо говоритъ: «Живого знанія и сознанія, ощущаемого непосредственно тѣломъ и душою, всѣмъ жизненнымъ процессомъ, можно достигнуть только черезъ Про и Контра, которые нужно взять на себя» 30). Наконецъ, связанная съ этой идеей разлада идея опасности или соблазна, подстерегающая каждого человѣка, а на ступени отвлеченнаго, или раціональнаго сознанія ведущая къ прямому раздвоенію личности, идея, которую Достоевскій воплотилъ въ сценѣ кошмара Ивана Карамазова, была одной изъ любимыхъ мыслей Достоевскаго. Какъ извѣстно, въ выпущенныхъ главахъ изъ «Бѣсовъ» («Исповѣдь Ставрогина») Ставрогина тоже мучаетъ его чортъ, и повидимому эта же самая мысль и была той «свѣтлой идеей», которую, по его собственнымъ словамъ, Достоевскій «испортилъ» въ своемъ «Двойникѣ»

28) *Der unbekannte Dostojewski*, Piper., стр. 240.

29) См. «Голосъ Минувшаго на чужой сторонѣ» Парижъ. 1927, кн. 5 (XVIII).

30) См. «*Raskolnikoffs Tagebuch*», 1926, стр. 105.

(1846 г.) и «серьезнѣе которой онъ никогда ничего въ литературѣ не проводилъ» 31).

Впрочемъ не только основныя мысли, относящіяся къ отвлеченному, рациональному Добру, были давно уже глубоко продуманы Достоевскимъ и изображены имъ въ его предыдущихъ произведеніяхъ. Главныя мысли его положительнаго нравственнаго воззрѣнія тоже были высказаны Достоевскимъ задолго до знакомства его съ Вл. Соловьевымъ. Такъ образъ Алеши непосредственно примыкаетъ къ образу князя Мышкина, свидѣтельствомъ чего является не только внутреннее сродство этихъ внѣшне столь различныхъ образовъ, но и то внѣшнее обстоятельство, что въ первоначальныхъ наброскахъ къ «Бр. Карамазовымъ» Алеша фигурируетъ подъ именемъ «Идіота». Въ наброскахъ къ «Идіоту» встрѣчаемся мы и съ основной мыслью старца Зосимы о томъ, что «жизнь содержитъ много радости, каждая минута есть счастье». Это не счастье эвклидоваго угла, а счастье гармоніи, для «унавоженія» которой отвлеченное добро обращаетъ живыхъ конкретныхъ людей въ простые средства, но то реальное счастье, которое достигается любовью, преодолевающей всякое уныніе, и о которомъ старецъ Зосима говоритъ: «Для счастья созданы люди, и кто вполне счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: «я выполнилъ завѣтъ Божій на сей землѣ». Всѣ праведные, всѣ святые, всѣ святые мученики были всѣ счастливы». Известно также, что воплощенный въ лицѣ старца Зосимы образъ православнаго святого давно уже предносился уму Достоевскаго. Предшественникомъ его является фигура епископа Тихона изъ выпущенныхъ главъ «Бѣсовъ», въ которой Достоевскій запечатлѣлъ своеобразныя черты любимаго своего духовнаго писателя Тихона Задонскаго 32). Кромѣ приведенной уже мысли о «долгѣ счастья», ему же вкладываетъ Достоевскій въ уста и рядъ другихъ мыслей старца Зосимы, можетъ быть навѣянныхъ ему при чтеніи біографическихъ записокъ о задонскомъ святителѣ его келейниковъ и сочиненія его «Сокровище духовное, отъ міра собираемое», а

31) Срв. Дневникъ писателя за 1877 г., ноябрь, гл. I, II — Срв. превосходящую статью Д. Чижевскаго въ сборникѣ «О Достоевскомъ», Прага, 1929.

32) Срв. статью В. Комаровича въ «Die Urgestalt der Brüder Karasasoff». München, 1928, гл. 2. Ко всему абзацу срв. мою статью о рукописномъ наслѣдіи Достоевскаго № 39 «Совр. Зап.»

именно: мысль объ адѣ, какъ «сознаніи неисполненной любви», мысль о Божеской любви, въ безконечности своей возвышающейся надъ справедливостью, мысль о томъ, что подлинная вѣра есть любовь, и что подлинное невѣріе есть не атеизмъ, а «равнодушіе», о которомъ въ Откровеніи Іоанна сказано: «исплюю тебя изъ устъ моихъ». Да и наконецъ самоубійство Ставрогина, столь отличное отъ самоубійства головного атеиста Кириллова, — не есть ли оно воплощеніе роковой судьбы того самого «атеизма воли», того «равнодушія» и умерщвляющаго душу унынія, которое въ «Бр. Карамазовыхъ» представлено какъ послѣднее существо всякаго грѣха и которое имѣлъ въ виду уже герой «Записокъ изъ подполья», когда онъ говорилъ объ «инерціи», «замсреть» въ которой есть мечта «усилсннаго», т. е. уединившагося въ своей отвлеченности сознанія?

Итакъ, почти всѣ мысли, нашедшія свое выраженіе въ «Бр. Карамазовыхъ», были въ отдѣльности своей продуманы и высказаны Достоевскимъ задолго до его знакомства съ Вл. Соловьевымъ. И все же въ «Бр. Карамазовыхъ» есть нѣчто, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ предыдущихъ произведеній Достоевскаго, именно изумительная архитектуроника, законченная послѣдовательность діалектики, съ которой поэтъ-мыслитель прослѣживаетъ трагическую судьбу воплощенныхъ имъ идей, философская отточенность формулировокъ и, наконецъ, систематическая полнота изображеннаго въ нихъ міровоззрѣнія. Безспорно, всѣ эти особенности послѣдняго творенія Достоевскаго должны быть отнесены отчасти на счетъ тѣхъ сравнительно благоприятныхъ условій, въ которыхъ писались «Бр. Карамазовы» и которыя позволили Достоевскому, несмотря на неумолимо висѣвшій надъ нимъ и въ данномъ случаѣ «кнутъ редактора», подорвать свой романъ особенно тщательной обработкѣ. Но безспорно также, что здѣсь сказалось вліяніе Вл. Соловьева. Какъ разъ первыя произведенія Соловьева, написанныя имъ до 1877 года, выдаются съ особенной силой блестящій архитектуроническій и діалектическій талантъ столь близкаго Достоевскому по духу философа. И «Кризисъ западной философіи» (1874) и «Философскія начала цѣльнаго знанія» (1877) сравнительно бѣдны конкретнымъ положительнымъ содержаніемъ. И если впечатлѣніе, произведенное ими, было все-таки совершенно исключительнымъ, то этимъ они обязаны пластичности мысли, архитектурной рельефности из-

ложенія молодого философа, заставлявшей забывать, что эти пластичность и рельефность слишкомъ часто вырождались у него въ схематичность. Подобно Шеллингу, Соловьевъ сразу началъ съ системы, съ изображенія цѣлаго своего міровоззрѣнія. Съ теченіемъ времени и опыта первоначальная схема его обрастала плотью, конкретнымъ матеріаломъ. Подъ тяжестью послѣдняго она выгибалась въ послѣдствіи въ разныхъ направленіяхъ, но въ основѣ своей оставалась прежней. Это особенно замѣтно, если сравнить сочиненія, написанныя во время дружбы съ Достоевскимъ, съ упомянутыми первыми произведеніями Соловьева. Какъ въ «Критикѣ отвѣченныхъ началъ» (1880) такъ и въ «Духовныхъ основахъ жизни» (1878-1881) мы встрѣчаемся со множествомъ новыхъ проблемъ, новыхъ идей, въ которыхъ не трудно узнать любимыя идеи и образы Достоевскаго. Самая тема этихъ сочиненій новая: отъ вопросовъ общей метафизики и гносеологии Соловьевъ обращается къ этическимъ вопросамъ, къ проблематикѣ добра. Но въ разработкѣ этихъ новыхъ для него проблемъ Соловьевъ остается вѣрнымъ общему методу своего философствованія, архитектурному замыслу своей системы, бывшему философской интуиціей его юности. Сообщивши своему старшему другу формальныя особенности своего философствованія, онъ заимствовалъ у него богатую матерію открывшагося великому поэту философскаго опыта 33).

33) Этимъ объясняется, вѣроятно, и характерная двойственность отношенія Достоевскаго къ Соловьеву. Въ своихъ «примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Достоевскаго» Анна Григорьевна Достоевская отмѣчаетъ аналогію между отношеніемъ старша Зосимы къ Алеппѣ, напоминавшему ему своимъ обликомъ его умершаго брата, и отношеніемъ Достоевскаго къ Вл. Соловьеву, который «своимъ душевнымъ складомъ» напоминалъ ему И. Н. Пидловаго, имѣвшаго столь благотворное вліяніе на Фед. Мих. во дни его юности» (опубл. у Л. Гроссмана, Семина по Дост., стр. 68). Съ другой стороны, по свидѣтельству А. Калмыковой и М. Стоютиной Анна Григорьевна говоритъ, что оппигналомъ для Ивана Карамазова Достоевскому послужила личность Соловьева. Не потому ли, что онъ живо чувствовалъ въ своемъ молодомъ другѣ формальную силу философской дѣятельности, эту рациональную стихію, которую воплощаетъ въ романѣ Иванъ Карамазовъ? И не потому ли онъ заставлялъ въ романѣ именно Ивана Карамазова развивать свою любимую положительную идею свободной теократіи, философскимъ обоснованіемъ которой какъ разъ былъ занятъ въ это самое время Вл. Соловьевъ?

5.

Самое оригинальное въ магистерской диссертациі Соловьева — это ея архитектоника. Ни ея исходный пунктъ, ни ея выводъ не представляютъ собою чего-либо новаго. Въ своемъ изображеніи развитія западной философіи Соловьевъ исходитъ въ сущности изъ Гегелевской мысли о томъ, что движущимъ моментомъ въ развитіи философіи является ограниченность разсудочнаго мышленія: мысль начинается съ выдѣленія изъ конкретнаго всеединства сущаго какого-нибудь одного начала, которое и утверждается ею въ его отдѣльности, а затѣмъ, обращаясь на самое себя, въ чемъ и состоитъ особенность ея какъ рефлексіи, отрицаетъ это начало въ его исключительности, разоблачая его отвѣщенный и только частичный характеръ. Выводъ, къ которому приходитъ Соловьевъ въ результатъ анализа кризиса западной философіи, въ свою очередь вполне создаетъ со славянофильской тезой: западная философія исчерпала себя въ послѣдовательномъ утвержденіи и отрицаніи отвлеченныхъ началъ сущаго. Соловьевъ старается показать это на анализѣ послѣднихъ философскихъ системъ своего времени, именно Шопенгауэра и въ особенности Эд. Гартмана. Будучи законнымъ и необходимымъ продуктомъ всего западнаго философскаго развитія философія безсознательнаго — по устраненіи въ ней ея внутреннихъ противорѣчій — приводитъ къ установленію трехъ требованій: 1) въ логикѣ, или ученіи о познаніи она приводитъ къ признанію односторонности и потому неистинности обонхъ направленій философскаго познанія на Западѣ — чисто раціоналистическаго и чисто эмпирическаго — и необходимости третьяго начала, которое могло бы дать подлинный, а не мнимый синтезъ ихъ, какъ у Гартмана; 2) въ метафизикѣ — къ признанію въ качествѣ абсолютнаго всеначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей, конкретнаго всеединнаго духа; и 3) въ этикѣ — къ признанію того, что послѣдняя плѣть и высшее благо есть не пустое единство небытія, а «царство духовъ, какъ полное проявленіе всеединнаго». Такимъ образомъ, заключаетъ Соловьевъ, «необходимые результаты западнаго философскаго развитія утверждаютъ, въ формѣ раціональнаго познанія, тѣ самыя истины, которыя въ формѣ вѣры и духовнаго созерцанія утверждались ве-

лихими теологическими учениями Востока». Въ схемѣ, которая изображаетъ развитіе западной философіи, Соловьевъ проводитъ совершенную аналогію между обоими основными направленіями ея — рационализмомъ и эмпиризмомъ. Докантовскій догматизмъ — Кантъ — Гегель представляютъ собою какъ бы силлогизмъ слѣдующаго типа: истинно сущее познается въ апріорномъ познаніи (Лейбницъ), но въ апріорномъ познаніи познаются только формы нашего мышленія (Кантъ), слѣдовательно формы нашего мышленія суть истинно сущее (Гегель). Этому силлогизму совершенно симметриченъ силлогизмъ, изображающій развитіе эмпиризма: подлинно сущее познается въ нашемъ дѣйствительномъ опытѣ (Бэконъ), но въ нашемъ дѣйствительномъ опытѣ познаются только различныя эмпирическія состоянія сознанія (Локкъ), слѣдовательно, различныя эмпирическія состоянія сознанія суть подлинно сущее (Милль). Въ обоихъ случаяхъ выводъ представляетъ собою точку зрѣнія абстрактнаго формализма, который въ метафизикѣ означаетъ отрицаніе метафизическаго бытія, въ силу чего метафизика отождествляется или съ логикой (Гегель) или съ эмпирической психологіей (Милль), а въ этикѣ приводитъ къ отрицанію должнаго, отождествляемаго у Гегеля съ сущимъ, а въ утилитаризмѣ съ полезнымъ. Попытки синтеза обоихъ направленій, несовершенная попытка Шопенгауэра и болѣе совершенная Гартманна, означаютъ одновременно возстановленіе въ философіи и метафизики и этики, но, за отсутствіемъ въ нихъ новаго положительнаго и конкретнаго начала, попытки эти осуждены на неудачу.

Въ нашу задачу не входитъ обсужденіе юношеской работы Соловьева (въ 1874 г., когда она вышла въ свѣтъ, Соловьеву исполнился 21 годъ). Намъ важно только отмѣтить здѣсь, что въ ней нѣтъ почти никакого соприкосновенія съ проблемами, занимавшими въ это время Достоевскаго. Единственнымъ исключеніемъ является толкованіе перехода Гегелева логизма въ антропологизмъ, носящій сначала социалистическій (Фейербахъ), а затѣмъ индивидуалистическій (Штирнеръ) характеръ. Подобно Достоевскому въ «Бѣсахъ», и Соловьевъ приходитъ къ выводу, что для челоѣкобожества «единственнымъ средствомъ сохранить мое самутвержденіе, мою независимость отъ естественнаго закона (закона смерти) является самоубійство». Отмѣтимъ также характерное отношеніе Со-

ловьева къ философіи Канта: какъ для всѣхъ славянофиловъ, такъ и для молодого Соловьева Кантъ есть этапъ въ развитіи рационалистической философіи, и первую попытку осуществить синтезъ рационализма и эмпиризма онъ приписываетъ Шопенгауэру.

Гораздо ближе уже подходитъ къ темамъ Достоевскаго Соловьевъ въ своей второй работѣ «Философскія начала цѣльнаго знанія» (1877). Первоначальная блѣдная схема здѣсь расширяется, захватываетъ болѣе обширный систематическій и историческій матеріалъ и сгущается до той схемы, которая легла въ основу развитія всей его будущей философской системы. Внутри того, что онъ называетъ «общечеловѣческимъ организмомъ», Соловьевъ различаетъ три основныхъ «сферы»: сферу творчества, имѣющую своей субъективной основой чувство и объективнымъ принципомъ красоту, сферу знанія, субъективная основа которой есть мышленіе, а объективный принципъ — истина, и сферу практической дѣятельности, субъективно укорененную въ волю и направленную на общее благо какъ свой объективный принципъ. Каждая изъ этихъ сферъ имѣетъ въ свою очередь три основныхъ формы, или три степени своего осуществленія, которые послѣдовательно выдѣляются изъ первоначальнаго слитнаго ихъ единства. Абсолютная форма творчества есть мистика, изъ которой затѣмъ послѣдовательно выдѣляется сначала формальная степень изящнаго художества и затѣмъ матеріальная степень художества техническаго, становящаяся къ концу процесса дифференціаціи самостоятельной. Въ сферѣ знанія абсолютная, формальная и матеріальная степени соответственно представлены теологіей, отвлеченной философіей и положительной наукой. И, наконецъ въ сферѣ практической дѣятельности церковь, или духовное общество имѣетъ своей задачей обезпечить человѣку абсолютное существованіе, общество политическое, или государство преслѣдуетъ формальную цѣль обезпеченія правовѣрнаго существованія, тогда какъ матеріальное существованіе обезпечивается обществомъ экономическимъ, для означенія котораго Соловьевъ употребляетъ терминъ «земство» 34). Первый періодъ развитія человѣческаго

34) Очень удачный терминъ этотъ, къ сожалѣнію, не принявшійся въ русской философской терминологіи, явно происходитъ отъ ставропольской «земли».

организма представляет собою нерасчлененное, или слитное единство, въ которомъ нѣтъ еще никакой обособленности отдѣльныхъ сферъ и степеней человѣческаго организма. Это единство безразличія было характерно для всего древняго періода историческаго развитія, а въ современности оно представлено культурой мусульманскаго Востока. «Въ области знанія въ эту эпоху, собственно говоря, нѣтъ совсѣмъ различія между теологіей, философией и наукой, — вся эта область представляетъ одно слитное цѣлое, которое можетъ быть названо теософіей; область церкви, государства и экономическаго общества представляетъ первоначально такое же единство въ формѣ теократіи, наконецъ, мистика, изящное и техническое искусство являются какъ одно мистическое творчество, или теургія, а все вмѣстѣ представляетъ одно религиозное цѣлое». Разумѣется, въ древнемъ мірѣ эта слитность никогда не была полною, уже очень рано въ Греціи и Римѣ, а отчасти даже и въ Индіи начинается послѣдовательное выдѣленіе различныхъ жизненныхъ сферъ и элементовъ. Но только съ появленіемъ христіанства, когда впервые принципиально отлѣпилось сакральное отъ профаннаго, первоначальная слитность была окончательно и рѣшительно потрясена. Поэтому христіанство и является началомъ настоящей свободы. Впрочемъ римско-византійское государство сохранило совершенно языческій характеръ, оно оказалось сильнѣе церкви и фактически подчинило ее себѣ, пока не пало вмѣстѣ съ восточною церковью передъ мусульманствомъ. На Западѣ германскій міръ внесъ въ исторію новыя начала жизни — сознаніе безусловной свободы и верховное значеніе лица. Противъ этихъ началъ западная церковь присвоила преданіе римскаго единства, сдѣлавшись римскою цезарическою церковью, или церковнымъ государствомъ. Развѣтіе западнаго историческаго міра представляетъ собою дальнѣйшее углубленіе этого основнаго разлада, приведшее во всѣхъ трехъ болѣе и болѣе обособляющихся областяхъ западной цивилизаціи къ послѣдовательному господству сначала формальныхъ, а потомъ и матеріальныхъ началъ. Такъ въ области практической дѣятельности теократія, представленная римскою церковью, вступаетъ мѣсто государственному абсолютизму, который въ свою очередь подрывается экономическимъ обществомъ, овладѣвшимъ государствомъ въ видѣ демократіи и стремящимся абсолютировать себя окончательно.

но въ социализмъ. Въ области званія теософія, выраженіемъ которой въ средніе вѣка служилъ принципъ *philosophia est ancilla theologiae*, смѣняется рационализмомъ, являющимся ничѣмъ инымъ какъ философскимъ абсолютизмомъ (высшую точку его представляетъ Гегель), а этотъ послѣдній въ свою очередь перекидывается въ абсолютизмъ эмпирической науки, возмѣщаемый позитивизмомъ. Аналогичное развитіе имѣетъ мѣсто, наконецъ, и въ области творчества: за средневѣковой теургіей слѣдуетъ абсолютизмъ формальнаго искусства, чисто реального и утилитарнаго. «Итакъ экономическій социализмъ въ области общественной, позитивизмъ въ области знанія и утилитарный реализмъ въ сферѣ творчества — вотъ послѣднее слово западной цивилизаціи». «Эта цивилизація выработала частныя формы и внѣшній матеріалъ жизни, но внутренняго содержанія самой жизни не дала человечеству; обособивъ отдѣльные элементы, она довела ихъ до крайней степени развитія, какая только возможна въ ихъ отдѣльности, но безъ органической связи они лишены живого духа, и все это богатство является мертвымъ капиталомъ». «И если исторія человечества не должна кончиться этимъ отрицательнымъ результатомъ..., то задача ея будетъ уже не въ томъ, чтобы вырабатывать отдѣльные элементы жизни и знанія, создавать новыя культурныя формы, а въ томъ, чтобы оживить и одухотворить враждебные и мертвые въ своей враждѣ элементы высшимъ примирительнымъ началомъ, дать имъ общее безусловное содержаніе и тѣмъ освободить ихъ отъ исключительнаго самоутвержденія и взаимнаго отрицанія». Это безусловное содержаніе жизни и знанія можетъ быть только откровеніемъ высшаго божественнаго міра, и «третья сила, долженствующая дать человѣческому развитію его безусловное содержаніе, можетъ проявиться только въ такомъ народѣ, который, будучи свободенъ отъ всякой исключительности и односторонности, отказывается отъ всякаго самоутвержденія и видитъ свое призваніе въ томъ, чтобы служить только посредникомъ между человечествомъ и сверхчеловѣческой дѣйствительностью, свободнымъ, сознательнымъ орудіемъ этой послѣдней». «Такой народъ, продолжаетъ Соловьевъ, не нуждается ни въ какихъ особенныхъ преимуществахъ, ни въ какихъ специальныхъ силахъ и внѣшнихъ дарованіяхъ, ибо онъ дѣйствуетъ не отъ себя, осуществляетъ не свое. Отъ народа — но-

сителя третьей божественной потенции — требуется только свобода отъ всякой исключительности и односторонности, возвышеніе надъ узкими специальными интересами, требуется, чтобы онъ не утверждалъ себя съ исключительной энергіей въ какой-нибудь частной низшей сферѣ жизни и дѣятельности, требуется равнодушіе ко всей этой жизни съ ея мелкими интересами, всецѣлая вѣра въ полную, житейную дѣйствительность высшаго міра и пассивность ему отношеніе. А эти свойства, несомнѣнно, принадлежатъ племенному характеру славянства и въ особенности національному характеру русскаго народа» 35).

Это третье «окончательное состояніе общечеловѣческаго организма» есть, по Соловьеву, состояніе совершеннаго синтеза, или внутренняго свободнаго соединенія отдѣльных сферъ и элементовъ человѣческой жизни. А именно «мистика въ сферѣ творчества, теологія въ сферѣ знанія и церковь въ сферѣ общественной жизни образуютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое, которое можетъ быть названо старымъ именемъ религіи». Въ частности сфера творчества означаетъ здѣсь свободное соединеніе мистики, изящнаго искусства и техники. Оба послѣдніе элемента, будучи подчинены мистической цѣли общенія съ высшимъ міромъ, все же являются выдѣленными здѣсь въ своей относительной самостоятельности и служатъ высшей цѣли сознательно и свободно, чего не было въ первой стадіи теургическаго творчества, въ которой они были поглощены мистикой. Поэтому Соловьевъ называетъ это будущее идеальное состояніе сферы творчества свободной теургіей, или цѣльнымъ творчествомъ. Точно также и второй членъ религіознаго цѣлаго — теологія не притязаетъ уже здѣсь болѣе «регулировать самыя средства философскаго познанія и ограничивать самый матеріалъ науки, вмѣшиваясь въ частную ихъ область, какъ то дѣлала средневѣковая теологія». Напротивъ, свободная теософія, или цѣльное знаніе признаетъ относительную самостоятельность философіи и науки и означаетъ лишь такое взаимоотношеніе между основными тремя элементами знанія, въ которомъ раціональный и эмпирическій элементы знанія не поглощены мистическимъ элементомъ, а составляютъ съ нимъ одно свободное цѣ-

35) Сочиненія Соловьева мы цитируемъ здѣсь по 1-му изд. «Собр. соч.» (1901-1903). I, 255, 259

лое. Поэтому и та «органическая логика», начала которой пытается развить въ этомъ второмъ своемъ трудѣ Соловьевъ, отнюдь не имѣетъ въ виду утверждать «только одно непосредственное знаніе, имѣющее форму внутренней безусловной увѣренности». «Разумѣется, на такой увѣренности и должно основываться истинное знаніе, но чтобы быть полнымъ или цѣльнымъ, оно не должно на этомъ останавливаться (какъ это дѣлаетъ исключительный мистицизмъ); ему необходимо еще подвергнуться рефлексіи разума, получить оправданіе логическаго мышленія, а, во-вторыхъ, получить подтвержденіе со стороны эмпирическихъ фактовъ. Отвергая ложные принципы и недѣльныя заключенія эмпиризма и рационализма, истинная философія должна заключить въ себѣ объективное содержаніе этихъ направлений въ качествѣ вторичныхъ или подчиненныхъ элементовъ». Наконецъ, и въ общественной сферѣ будущаго нормальнаго состоянія «духовное общество, или церковь, въ свободномъ внутреннемъ союзѣ съ обществами политическимъ и экономическимъ, образуетъ одинъ цѣльный организмъ — свободную теократію, или цѣльное общество. «Церковь, какъ таковая, не вмѣшивается въ государственныя и экономическія дѣла, но даетъ государству и земству высшую цѣль и безусловную норму ихъ дѣятельности. Другими словами, государство и земство совершенно свободны въ распоряженіи всеми своими собственными средствами и силами, если только они имѣютъ при этомъ въ виду тѣ высшія потребности, которыми опредѣляется духовное общество, которое такимъ образомъ, подобно божеству, должно все двигать, оставаясь само недвижнымъ» 36).

Считать, что въ этой своей схемѣ «общечеловѣческаго организма» и общечеловѣческаго развитія Вл. Соловьевъ находился уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ Достоевскаго нѣтъ прямыхъ основаній. Собственная дружба философа и поэта падаетъ на время, непосредственно слѣдующее за опубликованіемъ Вл. Соловьевымъ своего второго сочиненія. Однако чрезвычайное приближеніе философскихъ интересовъ и взглядовъ Вл. Соловьева къ умонастроенію и кругу мыслей Достоевскаго слишкомъ очевидно, въ особенности при сравненіи идеала «свободной теократіи» и «русскаго рѣшенія вопроса», хотя и нѣтъ не-

36) Ко всему абзацу срв. I, 233 сл., 243 сл., 280, 262

возможнаго въ томъ, что оно есть результатъ простого совпаденія, обусловленнаго усилившимся воздѣйствіемъ на обоихъ славянофильской традиціи. Въ какой мѣрѣ Достоевскій изъ убѣжденнаго критика славянофильства все болѣе и болѣе, начиная съ «Бѣсовъ», поднялъ подъ его влияние, — это было показано выше. Вл. Соловьевъ въ этотъ подготовительный періодъ своего философскаго развитія тоже все болѣе и болѣе испытываетъ на себѣ влияние славянофильства. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что западная культура истощиваетъ себя самое въ абсолютной множественности, въ атомизмѣ, являющемся ея послѣднимъ словомъ, есть любимая мысль Ив. Кирѣевскаго, точно такъ же опредѣлявшаго призваніе Россіи какъ возстановленіе цѣльности жизни человѣка и человѣчества. Утвержденіе Соловьева, что социализмъ въ сферѣ общественной, позитивизмъ въ сферѣ знанія и утилитаризмъ въ сферѣ искусства являются послѣднимъ словомъ западной цивилизаціи, есть довершеніе этой мысли Кирѣевскаго. И если систематическая архитектоника обоснованія этого своего утвержденія Соловьевымъ вполне самостоятельна, то трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что содержаніе его подсказано ему Достоевскимъ. Съ другой стороны, изображеніе судьбы западной культуры, какъ результата самопревознесенія человѣческаго начала, антирелигіознаго самоутвержденія человѣческаго разума и свободы, есть дѣйствительное развитіе мысли Хомякова, отсюда именно выводившаго утрату западнымъ человѣчествомъ вселенскаго единства, вырожденіе внутренняго и органическаго единства въ чисто внѣшнюю механическую связь. Закрѣпляя свою схему въ формулѣ, что нерасчлененное слитное единство Востока есть реализація идеи безчеловѣчнаго Бога, западная культура, напротивъ, есть самоутвержденіе безбожнаго человѣчества, тогда какъ призваніе Россіи есть осуществленіе идеи Богочеловѣчества, Соловьевъ только довершаетъ мысль Хомякова, при чемъ опять-таки формула его до чрезвычайности совпадаетъ съ мыслями Достоевскаго о Человѣкобожествѣ и Богочеловѣествѣ, какъ они намѣчены уже въ «Бѣсахъ» и развиты подробно въ «Дневникѣ писателя». Въ духѣ Достоевскаго также видитъ Соловьевъ въ «жалкомъ положеніи Россіи», въ «внѣшнемъ образѣ раба, доселѣ лежащемъ на нашемъ народѣ», только подтвержденіе его призванія, «ибо та высшая сила, которую русскій народъ долженъ провести въ человѣчество,

есть сила не отъ міра сего, и внѣшнее богатство и порядокъ относительно ея не могутъ имѣть никакого значенія». Наконецъ, и въ характеристикѣ «третьей силы» какъ начала, примиряющаго единство со свободной множественностью, Соловьевъ продолжаетъ мысль Хомякова, видѣвшаго сущность православія въ отличіе отъ западныхъ вѣроисповѣданій именно въ такомъ примиреніи единства и множественности, въ синтезѣ Божескаго и человѣческаго.

Характерно, что въ отношеніи своемъ къ Европѣ Соловьевъ колеблется между рѣшительнымъ отрицаніемъ и столь же рѣшительнымъ признаніемъ. Съ одной стороны, характеризуя атомизмъ, къ которому пришла западная цивилизація, онъ говоритъ объ ея «низменномъ характерѣ», могущемъ удовлетворить только «узкіе и мелкіе умы и сердца», такъ что даже мусульманскій Востокъ кажется ему выше западной цивилизаціи. Съ другой стороны, онъ самъ считаетъ всю свою схему личнымъ инымъ какъ «примѣненіемъ великаго логическаго закона развитія, въ его отвлеченности сформулированнаго Гегелемъ, къ общечеловѣческому организму во всей его совокупности». «Великій синтезъ» невозможенъ безъ начала свободы, утвержденного западнымъ человѣчествомъ, и самъ онъ «свободенъ отъ всякой исключительности всякой національной односторонности». Русский народъ является только сначала носителемъ новой культуры, которая не можетъ быть иной, какъ «дѣйствительно общечеловѣческой или вселенской культурой». И въ этомъ отношеніи Соловьевъ чрезвычайно приближается къ Достоевскому, который тоже, какъ мы знаемъ, съ одной стороны, утверждалъ безбожность западной культуры и антихристіанскій характеръ католичества, породившаго безбожный социализмъ, съ другой же стороны въ эпоху самаго крайняго напряженія своего славянофильства говорилъ, что «отъ Европѣ намъ никакъ нельзя отказаться», что «Европа намъ второе отечество», и что «Европа, эта страна святыхъ чудесъ, намъ почти такъ же всѣмъ дорога, какъ Россія», задача которой «довершить дѣло Европы» и «разрѣшить самыя горькія и роковыя недоразумѣнія западно-европейской цивилизаціи» 37). Такимъ образомъ, если даже имѣть прямыхъ основаній принимать вліяніе Достоевскаго на Соловьева въ

37) Срв. «Дневникъ писателя», 1877, янв. 2, II; июль-августъ, 2, II и друг.

этотъ первый, подготовительный періодъ его развитія, то безспорно, что близость настроеній и взглядовъ обоихъ къ началу ихъ дружбы была чрезвычайно велика. Къ началу работы своей надъ первымъ изложеніемъ своей философской системы Соловьевъ былъ особенно подготовленъ къ тому, чтобы испытать на себѣ вліяніе своего старшаго друга. Неудивительно, что въ первой философской системѣ Соловьева вліяніе это и сказалось съ особенной силой.

С. І. Гессенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Изъ исторіи гражданской войны

1.

Какъ уже упоминалось *), — въ концѣ января 18 г. на нелегальномъ собраніи членовъ сибирской Областной Думы создано было Временное Сибирское Правительство и «Западно-сибирскій Комиссаріатъ» для организаціи борьбы противъ «большевицкихъ палачей» и «насилія ленинскихъ жандармовъ» и «скорѣйшаго возобновленія работъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія».

По личному своему составу и правительствомъ и комиссаріатъ были «однобоки»: и тутъ, и тамъ, какъ почти во всѣхъ общественныхъ и политическихъ организаціяхъ и учрежденіяхъ Россіи 17-го года, преобладали эсеры. Какъ записалъ впоследствии П. Н. Милюковъ, со словъ Гришина-Алмазова, будущаго противника и эсеровъ, и сибирскаго правительства, — Гришинъ убѣждалъ право-настроенныхъ офицеровъ поддерживать, въ лицѣ сибирскаго правительства, идею власти, имѣющей хоть какіе-нибудь признаки законности» (см. «Россія на переломѣ», т. II, стр. 32).

Эти «убѣжденія» не имѣли большого успѣха. Только постепенно, на тяжкомъ опытѣ быстротечныхъ и смѣнявшихся властей, пришлось Сибири опѣнить значеніе «хоть какихъ-нибудь признаковъ законности». Пусть сибирское правительство перваго призыва существовало «больше, какъ лозунгъ, чѣмъ какъ реальная величина», по выраженію недруга этого правительства и исторіографа Г. К. Гинса. Но именно оно вдохновляло и руководило борьбой противъ большевиковъ въ начальный, наиболѣе рискованный періодъ, когда исходъ событій еще не опредѣлился.

Въ то время какъ на югѣ и юго-востокѣ организація борьбы сосредотачивалась вокругъ опредѣленныхъ лицъ

*) См. «Соврем. Записки» № 41 и 40, стр. 438.

и именъ, — генераловъ Корнилова, Алексѣева, Деникина, атамановъ Каледина, Краснова, Дутова, — въ Сибири, какъ и на Волгѣ, противобольшевицкія силы объединялись вокругъ идеі народовластія и возстановленія работъ Учредительнаго Собранія. Организационная работа здѣсь была особаго порядка, требовала исключительныхъ напряженій. Не случайно именно въ Народноі Арміи на Волгѣ участіе интеллигентной молодежи и даже пожилыхъ общественныхъ дѣятелей пропорціонально было особенно значительнымъ. Гришинъ-Алмазовъ и П. Михайловъ *), описываетъ Гинсъ, «извѣздили всѣ города Сибири и повсюду вносили систему и единство плана въ кустарно формировавшіеся организациі. Въ этомъ дѣлѣ требовалось много смѣлости, въ виду подозрительной бдительности большевиковъ, не разъ попадавшихъ на слѣды организациі, а еще болѣе тѣмъ, въ виду разнородности политическаго состава организаций».

*) И Гришинъ-Алмазовъ и П. Михайловъ оба погибли въ 19-мъ году: первый отъ руки большевиковъ, второй — отъ «семеновцевъ». — Вместе со своимъ товарищемъ по партіи, Учредит. Собранію и Западно-сибирскому комиссаріату Бор. Марковымъ, Павелъ Михайловъ былъ умерщвленъ 5 января 1920 г. въ числѣ 31 заложника, взятыхъ ген. Сычевымъ. «Предварительныя данныя официальнаго разслѣдованія объ инквизиціи, совершенной со средневѣковой жестокостью на Байкалѣ, рисуютъ картину, которая должна вызвать въ каждомъ изъ насъ не только чувства отвращенія, но и внутренняго протеста противъ столь варварской политической мести», — пишетъ «Чехословацкій Ежедневникъ» въ № 17 отъ 24-го 1920 г. «Цѣла палача (однимъ былъ извѣстный по екатеринбургской и омской дѣятельности, англичанинъ по происхожденію, Грандъ) съ помощью двухъ другихъ ничтожествъ изъ семеновскихъ войскъ расправиться съ несчастными. Орудіями инквизиціи служили нагайки, полѣнья и желѣзные ломы для скалыванія льда. Жертвъ раздѣляли и замучивали. Ихъ вещи тотчасъ же дѣлили между собой семеновскіе офицеры, надзиравшие за убійствомъ. Изъ нихъ особенно проявить себя предсмертнымъ мучительствомъ жертвъ войсковой старшины Сипайло и т. д. (см. комплектъ «Ежедневникъ» въ Русскомъ Историческомъ Архивѣ въ Прагѣ).

Это безчеловѣчное избиеніе заложниковъ послужило однимъ изъ психологическихъ и политическихъ оснований къ требованію Политическаго Центра союзникамъ о выдачѣ ему «Верховнаго правителя». Какъ замѣчаетъ бывшій депутатъ Палаты и членъ французской военной миссіи въ Сибири командантъ Лазисъ, — «адмиралъ Колчакъ сѣлся жертвой жестокости своихъ подчиненныхъ, выдавшихъ 31 социаль-революціонера атаману Семенову. Негодующее населеніе Иркутска требовало выдачи Колчака временному правитель-

И Гинсъ не можетъ отрицать, что для сверженія большевицкой власти, которое надо было готовить въ подпольѣ, эсэры были «незамѣнимы». Но, какъ администраторы, они, за малыми исключеніями, были «никуда не годны» *). Иными словами, и въ историческомъ аспектѣ Гинсъ поддерживаетъ версію, широко распространенную по партійно-политическимъ соображеніямъ въ 18-мъ году и сейчасъ не совсѣмъ оставленную: пусть эсэры, незамѣнимые «спецы» по сверженію, сдѣлаютъ свое дѣло — свергнуть большевиковъ, а затѣмъ на ихъ мѣсто придутъ другіе, болѣе пригодные «администраторы и работники», и будутъ дѣлать свое дѣло — править страной.

Здѣсь былъ источникъ многихъ недоразумѣній и непримиримыхъ противорѣчій внутри антибольшевицкаго

ству для суда надъ нимъ». *I. Lasies: «La Tragédie Sibérienne».* Paris. — P. 188 - 192). — Можно — и должно — возмущаться актомъ выдачи беззащитнаго правителя тѣмъ, кому онъ доверился и кто его завѣрилъ въ своемъ покровительствѣ. Не надо, однако, упускать послѣдовательности событій и спокойно проходить мимо не менѣе возмутительной выдачи и расправы съ другими заложниками — въ числѣ 31 была и женщина: Вѣра Ермолаева, — учиненной подвласными Колчаку. Говоря словами исторіографа «Трагедіи адмирала Колчака» С. П. Мельгунова, — «со страницъ исторіи этого факта изъять нельзя»...

*) Въ явное противорѣчіе съ собой Гинсъ признаетъ, что «когда прибылъ (въ Омскъ) Павелъ Михайловъ... наличность власти стала онцутительнѣе. Этотъ блѣдный человѣкъ, съ горящими черными глазами, работалъ день и ночь. Онъ немедленно созвалъ совѣщаніе изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, выяснилъ положеніе финансовъ, продовольственное, нужды желѣзныхъ дорогъ». — «Членъ Учредительнаго Собранія Фомиинъ (съ тринадцатью другими безчеловѣчно замученный черезъ мѣсяцъ послѣ принятія адм. Колчакомъ «всей полноты» власти), несмотря на свою молодость (28 лѣтъ), проявлялъ большую распорядительность и тактъ». — «Западно-сибирскій комиссаріатъ руководился преимущественно дѣловыми соображеніями. Это былъ правильный путь. Отсутствие партійности сразу дало себя чувствовать и въ ходѣ дѣла, и въ общественныхъ отношеніяхъ». (См. у Гинса т. I стр. 87, 89 и 90). — Наши частыя ссылки на книги Гинса, Мельгунова и др. объясняются отнюдь не литературными или историческими достоинствами этихъ трудовъ, а исключительно тѣмъ, что, гдѣ возможно, мы предпочитаемъ приводить отзывы тѣхъ, кого и самый отчаянный врагъ перваго Учредительнаго Собранія не заподозритъ въ пристрастіи или какомъ-либо сочувствіи къ нему или къ эсэрамъ.

фронта на Волгѣ *) и въ Сибири. Борьбѣ социалистовъ противъ большевиковъ сочувствовали, ее поощряли и даже ей помогали, поскольку социалисты вели разрушительную работу. Но поскольку «маврѣ», успѣшно закончивъ дѣло сверженія большевиковъ и въ Сибири, и на Волгѣ, претендовали и на положительную работу и водительство по закрѣпленію достигнутыхъ успѣховъ, постольку правыми «государственно-мыслящими» элементами русскаго общества и, въ особенности, высшимъ офицерствомъ эти претензіи встрѣчались враждебно, какъ подсказанныя партійными интересами или личнымъ влеченіемъ къ власти.

Пока члены нелегальнаго сибирскаго правительства и западно-сибирскаго комиссаріата занимались подготовкой возстанія противъ большевиковъ, никто не оспаривалъ ихъ избранія, никто не возражалъ и противъ численнаго перевѣса эсэровъ. Съ января по іюнь 18 г. никто не поднималъ вопроса о томъ, что выборы произошли въ чрезвычайномъ порядкѣ, при далеко неполномъ составѣ сибирской Областной Думы — 18 членовъ ея къ тому времени были уже арестованы большевиками, — «на частной квартирѣ», «исподтишка». Только послѣ одержанной надъ большевиками побѣды возникъ вопросъ о «первородномъ грѣхѣ сибирскаго правительства — фикціи выборовъ» (Гинсѣ); о томъ, что у нѣкоторыхъ избранныхъ

*) Предсѣдатель самарскаго союза промышленниковъ Неклютинъ (позднѣе министръ торговли и промышленности у адм. Колчака) говорилъ еще въ Самарѣ «полушутя-полусерьезно»: «Мы понимаемъ разницу между вами и большевиками. Но ваша власть, которая насъ немного прирѣжетъ, но не дорѣжетъ, такъ же насъ не успокаиваетъ... Мы знаемъ, и это самое главное, что вы работаете на насъ, разбивая большевиковъ, ослабляя ихъ позиціи... Мы будемъ до поры до времени васъ немного поддерживать, немного васъ подталкивать, а когда вы свое дѣло сдѣлаете, свергнете большевиковъ, тогда мы и васъ вслѣдъ за ними спустимъ въ ту же яму»... (См. «Гражданская война на Волгѣ въ 1918 г.». Сборникъ I, стр. 63).

Сибирскіе к.-д. отказывали въ содѣйствіи активной борьбѣ противъ большевиковъ не только эсэрамъ, но и представителямъ Добровольческой арміи. Прибывшей въ Омскъ въ мартѣ 18 г. делегации, во главѣ съ ген. Флугомъ, они заявили, по примѣру самарскихъ к. д. (см. «Совр. Записки», № 41, стр. 322), что считаютъ безнадѣжнымъ выступать противъ Совѣтовъ безъ поддержки со стороны союзниковъ и, въ частности, Японціи (см. «Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой арміи въ Сибирь въ 1918 г.» въ «Архивъ русской революціи» № 9, стр. 251 и 271).

въ обстановкѣ большевицкаго террора не испросили предварительно согласія на избраніе; что правые члены правительства недовольны «комітаніей» болѣе лѣвыхъ (въ частности, «давніевосточными» членами правительства, очутившимися, во главѣ съ евреемъ и эсэромъ Дерберомъ, въ Харбинѣ); что сибирское правительство «намѣревается отстаивать, въ сущности, эсэровскія партійныя позиціи» и т. п.

Этихъ, довольно таки жалкихъ мотивовъ, скрѣпленныхъ обычными для критическаго времени поисками власти сильной и авторитетной, оказалось достаточно для того, чтобы темпераментный и самоувѣренный «патріотъ» рискнулъ въ мѣру собственного разумѣнія повернуть на своемъ колесо сибирскихъ событій.

По почину Ив. Михайлова, и формально безъ особаго сопротивленія со стороны западно-сибирскаго комиссаріата, 17/30 іюня особой «граматой» былъ провозглашенъ переходъ власти на всей территоріи Сибири къ пяти членамъ сибирскаго правительства, случайно очутившимся въ освобожденной отъ большевиковъ западной Сибири. Этимъ прямымъ нарушеніемъ постановленій сибирской Областной Думы и узурпаціей правъ и власти — и Думы въ цѣломъ, и правительства въ его 15-тичленномъ составѣ — въ пользу пяти случайныхъ его сочленовъ, оказавшихся на территоріи западной Сибири: Вологодскаго, И. Михайлова, Патушинскаго, Крутовскаго, Шатилова, — пролагался путь ко всѣмъ позднѣйшимъ узурпаціямъ и захватамъ власти, ставшимъ вскорѣ въ Сибири бытовымъ явленіемъ.

Ибо если можно 17/30 іюня устранить отъ власти своихъ же коллегъ и тѣхъ членовъ западно-сибирскаго комиссаріата, которые получили свои полномочія отъ всего состава правительства и фактически подготовили и осуществили антибольшевицкій переворотъ, создавъ самую возможность антибольшевицкой власти, почему нельзя было двумя мѣсяцами позднѣе, 21 сентября, устранивъ отъ власти неугодившихъ Михайлову членовъ новаго пятичленнаго правительства — Шатилова и Крутовскаго и убитаго вслѣдъ за тѣмъ Новоселова? Если можно было присвоить себѣ «всю полноту государственной власти на всей территоріи Сибири», какъ значится въ «граматѣ» 21 сентября, почему бы 18 ноября не устранивъ власти Временнаго Всероссійскаго Правительства (такъ называемой,

уфимской Директоріи) и простымъ «постановленіемъ» сначала «принять на себя всю полноту верховной государственной власти», а затѣмъ съ тою же легкостью «передать временно осуществленіе» ея одному лицу, адмиралу Колчаку, «присвоивъ ему наименованіе Верховнаго Правительства»?!

Логика, право и, главное, психологія были тѣ же. Тѣми же были и приемы, обозначившіеся уже при первомъ захватѣ — или переходѣ — власти. Управляющій дѣлами сначала западно-сибирскаго комиссаріата, а потомъ и нсваго правительства Гинсъ удостовѣряетъ, что въ телеграммѣ, которую новое правительство, по вступленіи во власть, послало Дерберу, захватъ власти мотивировался «подымавшей голову реакціей, авантюристами, въ смѣлыхъ головахъ которыхъ безсиліе и неавторитетность комиссаріата порождаетъ замыслы захвата власти. Въ дѣйствительности такихъ замысловъ тогда не было» (Гинсъ, I, стр. 97, — если, конечно, не считать самого Михайлова и его единомышленниковъ, этотъ «замыселъ» уже осуществившихъ при крикахъ, что на захватъ власти злоумышляютъ другіе)...

И Гинсъ не отрицаетъ наличности въ данномъ случаѣ переворота. Онъ лишь считаетъ, что «переворотъ произошелъ слишкомъ рано». И онъ признаетъ «политическую немощность» самозваннаго правительства. И даже сочувствующій перевороту Мельгуновъ не находитъ для его «историческаго» оправданія болѣе сильныхъ оснований, чѣмъ — «неавторитетность ли Комиссаріата и неопредѣленность его уполномочій или просто (!) желаніе принять непосредственное участіе во власти побудили, наконецъ, членовъ правительства, избранныхъ 28 января, взять бразды правленія въ свои руки». «Это было правительство, созданное жизнью (?), идущее мимо нежизненныхъ фикцій и формальностей (!)» («Трагедія адмирала Колчака» т. I, стр. 84-85).

Совершенно очевидно, что такъ можетъ быть оправданъ любой переворотъ и всякій захватъ власти.

Антибольшевическое движеніе и власть въ Сибири имѣли приблизительно тѣ же корни и тѣ же заданія, что и движеніе и власть на Волгѣ. И въ Сибири, какъ и на Волгѣ, нѣкоторые общественные круги — «автономисты» и «безпартійные» — активно боролись противъ восстановленія полномочій Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

отстаивая учрежденіе единоличной военной диктатуры. Но серьезнѣйшее отличіе Сибири состояло въ томъ, что тамъ власть уже въ іюнѣ стала открыто на путь силы. Въ новомъ сибирскомъ правительствѣ большинство составляли сторонники диктатуры, не отказавшіеся, правда, огрестись и на «общественное признаніе». Въ деклараціи сибирскаго правительства, оглашенной передъ сибирской областной Думой 15 августа въ Томскѣ, говорилось: «Временное Сибирское Правительство дѣйствуетъ, какъ власть суверенная, съ полномочіями, почерпаемыми не только отъ Областной Думы, совѣтъ министровъ избравшей, но также (!) изъ создавшагося переворотомъ фактическаго положенія вещей и единодушнаго признанія правительства со стороны всѣхъ круговъ населенія и общественныхъ организацій. Въ обстановкѣ, при которой совѣтъ министровъ принялъ на себя тяжелое бремя управленія, онъ не могъ поступить иначе, какъ объявить себя суверенною, ни отъ кого не зависящей властью».

Для самарскаго же правительства его право на власть стояло внѣ сомнѣній — не только потому, что оно стремилось къ возможно болѣе полному осуществленію идеи народоправства, но и потому, что оно въ себѣ видѣло производное отъ избраннаго населеніемъ Учредительнаго Собранія, права котораго оспаривались какъ разъ тѣми, противъ кого и велась вооруженная борьба. Силы Народной Арміи должны были лишь поддержать и подкрѣпить авторитетъ КОМУЧ-а, дать ему возможность практически осуществлять свою власть, а отнюдь не служить ей юридическимъ базисомъ.

Въ этомъ психологически и политически разномъ отношеніи къ власти вообще и своей въ частности заложены были корни всѣхъ послѣдующихъ разногласій, въ конечномъ счетѣ дошедшихъ до открытаго столкновенія и насильственнаго переворота.

2.

Отъ непосредственнаго удара со стороны совѣтскихъ войскъ Сибирь была заслонена волжскимъ фронтомъ, который держали у Екатеринбурга чехи, въ центрѣ — Народная Армія и на лѣвомъ, южномъ флангѣ — оренбург-

скіе казаки. Это обстоятельство благоприятствовало лучшей организаціи сибирской вооруженной силы. Оно же открывало для сибирскаго правительства свободу политическаго маневра. Позволяло ему изображать изъ себя мудрое правительство, собирающее силы впрокъ для будущаго, въ интересахъ якобы самостоятельнаго сибирскаго государства.

Фронтъ давилъ на самарскую власть, связывалъ ее по рукамъ, заставлялъ подчиняться постороннимъ вліяніямъ, — въ частности, уступать давленіямъ тыловой Сибири, не знавшей непосредственной угрозы фронта. И крайніе противники КОМУЧ-а и Народной Арміи не въ силахъ отрицать, что «отсрочка набора сибирской арміи и возможность нѣкоторой подготовки мобилизаціи явились результатомъ самоотверженной борьбы на берегахъ Волги, такъ называемой, «народной» арміи» (Гинсъ). Принимая на себя удары большевиковъ, КОМУЧъ одновременно обезпечивалъ Сибири возможность организаціонной подготовки тѣхъ силовыхъ кадровъ, которые вскорѣ стали нахлѣдать на Самару. Время опредѣленно работало въ пользу Сибири и противъ КОМУЧ-а. Давленіе Сибири, ея политическія претензіи и интриги возрастали въ прямой зависимости отъ неудачъ на фронтѣ, — въ мѣру неудачъ Народной Арміи, недостаточно снабжаемой, въ частности, и по вѣнѣ и оплошности сибирскаго правительства.

Считая себя «эмбриономъ» всероссійской власти, самарское правительство и КОМУЧъ требовали своего признанія со стороны омскаго правительства Вологодскаго и Михайлова. Оспаривая эти притязанія, омское правительство ссылалось на провозглашенную имъ 4 іюля 18 г. «государственную независимость Сибири» и всячески отстаивало расширеніе сферъ своего вліянія не только морально-политическаго, но и территоріальнаго. Сибирское правительство способствовало укрѣпленію самостоятельности новаго уральскаго правительства въ Екатеринбургѣ. Измѣнивъ прежнія административныя границы, оно присоединило къ Сибири «челябинскій округъ», въ составѣ уѣздовъ Челябинскаго, Златоустовскаго и Троицкаго. Оно повело настоящую таможенную войну съ Самарой, образуя таможенныя заставы, взимая пошлины, реквизируя товары, шедшіе въ Россію, даже свободную отъ большевиковъ, отказывая въ выдачѣ кредитныхъ билетовъ, въ ко-

торыхъ остро нуждалась богатая золотымъ запасомъ и серебромъ Самара *).

Правда, для войны, даже для таможенной, — какъ и для брака, по французской пословицѣ, — нужны по меньшей мѣрѣ двое, двѣ стороны. И таможенную войну на антибольшевицкомъ фронтѣ велъ не только Омскъ, но и Самара. Пусть предвзятымъ было отношеніе не только Омска къ Самарѣ, но и Самары къ Омску. Пусть требованія Самары были претенціозны и даже не Омскъ, а Самара начала враждебныя дѣйствія! Между Омскомъ и Самарой была, однако, громадная и все искупающая разница. Ибо Самара вела войну противъ большевиковъ, тогда какъ Омскъ только готовился къ такой войнѣ за волжской завѣсой. «Два центра—Самара и Омскъ—двѣ власти съ государственнымъ аппаратомъ, но съ той огромной разницей, пишеть свидѣтель и участникъ волжской борьбы, не слишкомъ расположенный къ КОМУЧ-у ген. Щепихинъ, — что самарская власть на фронтѣ была окрещена боевымъ огнемъ, ея формированія, какъ сухой хворостъ, быстро сгорали въ непрерывныхъ бояхъ» («Гражданская война на Волгѣ въ 1918 г.», I, стр. 202/3). И другой военный дѣятель самарскаго фронта, начальникъ оперативнаго отряда П. П. Петровъ, еще менѣе Щепихина расположенный къ эсерамъ, изъ эмигрантскаго далека обозрѣвая весь путь борьбы, продѣланный имъ отъ Волги до Тихаго океана, вынужденъ признать исключительное значеніе поволжскаго фронта, который «прикрывалъ работу Сибири и Урала, далъ значительную матеріальную часть для борьбы уральцамъ, Оренбургу, Уфѣ; наконецъ, далъ золотой запасъ въ 650.000.000 рублей. Для насъ, участниковъ борьбы на Волгѣ въ рядахъ такъ называемой Народной Арміи, самарскіе дни, когда мы были «дѣтьми Учредилки», какъ пѣлось въ «Самарскомъ шарабанѣ», несмотря на печальный конецъ, являлись самыми отрадными воспоминаніями въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ борьбы. Это было время юности движенія, со всѣми радостями, надеждами и огор-

*) А. А. Аргуновъ сообщаетъ, что у него имѣлась телеграмма съ подписью министра финансовъ сибирскаго правительства, все того же Ив. Михайлова, въ которой правительство соглашается дать Самарѣ заемъ, но подъ однимъ условіемъ, — чтобы Самара причисляла въ Омскъ весь золотой запасъ, взятый Народной Арміей въ большевизмъ въ Казани. «Кратко и откровенно», — замѣчаетъ Аргуновъ («Между двумя большевизмами». — Парижъ. 1919 Стр. 32)

ченіями; время, когда мы вовсе не вникали въ политику, а работали какъ умѣли, лишь бы имѣть успѣхъ на фронтѣ» (См. «Отъ Волги до Тихаго океана». Въ рядахъ Бѣлыхъ. Воспоминанія. — Рига, 1930, стр. 47-48) *)...

Для успѣха военныхъ операций Самара добивалась отъ Омска передачи ей грузовъ, направлявшихся въ адреса европейской Россіи и случайно скопившихся на сибирскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Нуждами фронта вызывались и запретительныя мѣропріятія Самары по вывозу мануфактуры, нефти и т. д. Особое положеніе Самары, боевыя позиціи, ею занятыя въ общемъ интересѣ, могли оправдать и ея претензіи, и ея домогательства. А Омскъ? Какіе общіе интересы отстаивалъ Омскъ, когда, оспаривая притязанія КОМУЧ-а играть роль всероссійскаго центра, онъ на основаніи своихъ политико-юридическихъ возраженій отказывалъ фронту въ необходимомъ для успѣха борьбы противъ большевиковъ снабженіи? Не игралъ ли онъ объективно, хотя бы и вопреки своей волѣ, въ руки большевикамъ?

Судьбы большевизма — и анти-большевицкаго движенія — фактически рѣшались лѣтомъ 18 года на поволжскомъ фронтѣ. И защитная линію фронта противъ большевиковъ, добиваясь у Омска «необходимой координаціи въ дѣйствіи», Самара отстаивала — и противъ Москвы,

*) И не характерно ли, что въ «исторической» работѣ, основанной якобы на исключительно строго установленныхъ «фактахъ», почти цѣлыхъ два тома посвятивъ обличенію Самарской власти, КОМУЧ-а и Директоріи, С. П. Мельгуновъ не то что не оцѣнить, но даже не упомянулъ объ этомъ основоположномъ для исторіи гражданской войны фактѣ?! Въ то время, какъ «національно» и «государственно-мыслящій» Омскъ боролся противъ «партианнаго дѣла» Самары Самара боролась не только съ Омскомъ, но и съ большевицкой Москвой: «Фронтъ Учредительнаго Собранія» былъ не только идеологическо-категоріей, онъ былъ фронтомъ въ самомъ прямомъ и военномъ смыслѣ этого слова. Даже Гинсъ относитъ на счетъ «самоотверженности» Народной арміи полученную Сибирью возможность въ теченіе всего лѣта 18 года «организоваться и подготовить военныя силы», — направленные ею въ первую очередь не противъ большевиковъ, а противъ тѣхъ, кто держали и возглавляли поволжскій фронтъ!.

Въ концѣ концовъ, и Мельгуновъ признаетъ, что сибирскій «тѣмъ» погубилъ и фронтъ и все дѣло возрожденія Россіи» (т. III, стр. 154) Но относитъ онъ эту «пагубу» ко времени, когда всю политическую и военно-стратегическую авансцену занялъ адмиралъ Колчакъ, а въ «тылу» оказались всѣ-эры подъ псевдонимомъ «соціалистовъ-земцевъ»

и противъ Омска — идею «о б щ н о с т и борьбы за е д и н о е государство, ц ѣ л ю ю Россію», — какъ говорилось въ обращеніи КОМУЧ-а къ сибирскому правительству отъ 14 августа 1918 г. и въ др.

Трения и напряженныя отношенія между отдѣльными «территоріями» и правительствами на анти-большевицкомъ фронтѣ доходили до «переговоровъ относительно того, кто кого будетъ поддерживать на случай войны одной области съ другой», — какъ свидѣлствуетъ предсѣдатель російской «отбоочки» чехо-словацкаго національнаго совѣта Б. Павлу. «Башкирскіе солдаты, когда имъ приходилось переходить для военныхъ дѣйствій съ одной стороны Урала на другую, должны были раньше обезоружиться на прежней территоріи и вновь вооружиться въ той области, въ которую вступали. Эгоизмъ и непониманіе общегосударственныхъ задачъ доходили до предѣловъ недопустимаго» («Чехословацкій Ежедневникъ» отъ 13 сент. 18 г.).

Послѣ долгихъ и мучительныхъ сношеній, «ноть» и депешъ, деклараций и протестовъ, непосредственныхъ и чрезъ посредство авторитетныхъ и нейтральныхъ лицъ и учреждений, русскихъ и иностранныхъ, удалось, наконецъ, добиться того, что представители враждующихъ Самары и Омска согласились сойтись и попытаться намѣтить общее соглашеніе. Такая встрѣча на рельсахъ — двухъ поѣздовъ, самарскаго и омскаго, — произошла въ Челябинскѣ. И 16 іюля при солѣйствіи и подъ давленіемъ заинтересованныхъ въ соглашеніи чехословацкаго совѣта, французской миссіи и «Союза Возрожденія Россіи», стороны согласились, въ концѣ концовъ, на томъ, что необходимо созвать новое, болѣе обширное совѣщаніе изъ представителей р с ѣ х ѣ правительствъ и общественно-политическихъ организаций, дѣйствующихъ на территоріи освобожденной отъ власти большевиковъ. Единственной задачей совѣщанія должно было стать созданіе Всероссійскаго правительства.

На новомъ совѣщаніи въ Челябинскѣ 20 августа установлены были время, мѣсто и составъ Государственнаго Совѣщанія, которое и открылось въ Уфѣ 8 сентября 18 года.

3.

Созывъ Уфимскаго Совѣщанія явился въ результатѣ соглашенія. Но самое совѣщаніе сдѣлалось пунктомъ пресѣченія безконечнаго числа противоборствующихъ страстей и вліяній. И слѣды этой борьбы, предварительнаго компромисса и послѣдующихъ, часто не искреннихъ, а только вынужденныхъ уступокъ отразились и на вышедшей изъ Уфимскаго совѣщанія власти. Коалиціонно-компромиссное Временное Всероссійское Правительство, въ принципѣ покоющееся на всеобщемъ признаніи и довѣріи, стало возбуждать сомнѣніе въ своей устойчивости на слѣдующій же день послѣ его избранія. И, конечно, въ первую очередь со стороны тѣхъ, для кого физическая сила была и оставалась главной основой и опорой и власти, и права.

Собравшіеся въ Уфѣ послѣдовали призыву предсѣдательствовавшего на совѣщаніи Н. Д. Авксентьева, «употребили нечеловѣческія усилія, дали Аннибалову клятву не уйти, не уѣхать изъ Уфы, не построивъ единой государственности російской, возглавляемой единымъ російскимъ правительствомъ». Однако далеко не всѣ оказались убѣждены въ цѣлесообразности самаго метода образованія власти путемъ общественнаго признанія и соглашенія. И сдержавъ «Аннибалову клятву», даже скрѣпивъ подписью и «торжественнымъ обѣщаніемъ» свою вѣрность новой власти, многіе тутъ же затаили противъ нея и недобѣріе и вражду.

Въ Уфѣ было немного лицъ съ всероссійскимъ именемъ. Но представлены на совѣщаніи были почти всѣ направленія російской анти-большевицкой общественности: правительства самарское, омское и сѣвернаго Урала; представители правительствъ Башкиріи, Алашъ, Туркестана, національнаго управленія тюрко-татаръ внутренней Россіи и Сибири и временнаго Эстонскаго правительства; казачьихъ войскъ: Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Иркутскаго, Семирѣченскаго, Енисейскаго, Астраханскаго; политическихъ партій с. р., с. д., н. с., к. д., «Единство», Съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья; Союза Возрожденія Россіи. Всего — 23 группировки, на которыя распадалась 160-170 участниковъ совѣщанія, значительнѣйшій секторъ коего — до 70 человекъ — составляли члены Учредительнаго Собранія, -- входившіе и не

входившіе въ составъ КОМУЧ-а. Но численное соотношеніе не имѣло рѣшающаго значенія, такъ какъ заранѣе было условлено, что постановленія будутъ приниматься не большинствомъ голосовъ, а по общему соглашенію. Можно было согласиться или разойтись; третье — маіоризація несогласныхъ — не имѣло смысла и соглашеніемъ исключалось.

Надъ множествомъ сложныхъ и острыхъ разногласій, раздѣлявшихъ совѣщаніе, доминировало основное — въ отношеніи къ Учредительному Собранію перваго созыва большевиками распущенному, а властью, возглавлявшею Волжскій фронтъ противъ большевиковъ, всячески отстаиваемому. Къ этому вопросу сводился и споръ объ отвѣтственности будущей власти въ періодъ до созыва Учредительнаго Собранія и о формахъ этой отвѣтственности — . Передъ кѣмъ? Періодически или непрерывно? Этотъ вопросъ отбрасывалъ свою тѣнь и на споры о численномъ и личномъ составѣ будущаго правительства.

На совѣщаніи образовались два крыла. Лѣвое, предводительствуемое эс-эрами, самарскимъ правительствомъ и КОМУЧ-емъ и отстаивавшее начала народовластія и вмѣстѣ съ ними право на власть боровагося противъ большевиковъ Учредительнаго Собранія: къ этому крылу примыкали по преимуществу національныя группировки, официальное представительство Р. С.-Д. Р. П. (меньшевики) и съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья. И правое крыло, ядромъ и главой котораго была делегация сибирскаго правительства, а главную «реальную» силу составляло представительство семи казачьихъ войскъ. Это крыло больше всего интересовалось организаціей «сильной» власти и потому отстаивало полную независимость будущаго правительства отъ какого бы то ни было контролирующаго органа. Оно всячески стремилось удлинити сроки безотвѣтственного осуществленія власти и рѣшительно отказывалось признавать полномочія Учредительнаго Собранія перваго созыва, не отвѣчавшаго, по мнѣнію праваго крыла Уфимскаго совѣщанія, волѣ народа еще до того, какъ большевики его распустили.

Представлявшій партію к.-д. Л. А. Кроль довелъ до свѣдѣнія совѣщанія официальное мнѣніе Ц. К. партій, согласно которому Ц. К. находитъ, что «наилучшей формой для осуществленія сильной, рѣшительной, быстрой и энергичной власти была бы временная единоличная верховная

власть. Къ великому несчастью для Россіи, если революція выдвинула титановъ разрушенія, анархій и безпорядка, то, къ сожалѣнію, на фонѣ нашей революціи не явилось ни одного человѣка, которому вся нація, вся страна могла бы довѣрить, и на котораго могла бы рассчитывать, что онъ доведетъ страну до Учредительнаго Собранія» (Л. Кр о л ь: «За три года», стр. 101). Но огласивши это мнѣніе, членъ Ц. К. партіи народной свободы и самъ не рискнулъ его поддержать. И для него, очутившагося на крайнемъ правомъ флангѣ уфимскаго совѣщанія, эти «директивы Ц. К., привезенныя Пепеляевымъ изъ Москвы были непріемлемы»: «въ спасительность диктатуры я не только не вѣрилъ, но и считалъ ее гибельной для дѣла». Кроль правильно разсчиталъ — : «практически, при сложившейся обстановкѣ, предлагать Государственному совѣщанію диктатуру, какъ форму правленія, было безнадежно. Выступать съ такой формулой означало безцѣльно повредить своей политической репутаціи и уменьшить возможное свое вліяніе налѣво».

Внѣ того и другого крыла оказались неучаствовавшіе въ прямомъ и постоянномъ столкновеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ — Самары и Омска. Не обладая уже рѣшительно никакими прерогативами власти, даже не претендуя ни на что, кромѣ моральнаго авторитета представлявшагося ими общественнаго мнѣнія, разное и, потому, внѣпартійный Союзъ Возрожденія Россіи игралъ роль примирителя и арбитра. Именно ему, какъ своеобразной «третьей силѣ», къ которой временами примыкали представители Уральскаго правительства и народно-соціалистической партіи, больше всего и обязано уфимское совѣщаніе тѣмъ, что закончилось оно все же соглашеніемъ, а не разрывомъ.

Умѣренные социалисты — Авксентьевъ, Аргуновъ и особенно «дѣйствовавшая за кулисами» бабушка Брешко-Брешковская вносили примирительный духъ и способствовали сговору, — удостоверяетъ и Гинсъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что ихъ настроеніе, какъ и настроеніе другихъ «умѣренныхъ эс-эровъ» было вовсе не боевое, а наоборотъ, искренне примирительное» (I, 211 и 222). Это свидѣтельство тѣмъ болѣе любопытно, что авторъ его именуетъ эсэровъ и сибирской областной Думы, и самарскаго Комитета безъ дальнѣйшаго — «максималистами».

Согласить Самару, которая имѣла всѣ основанія считать фронтъ Учредительнаго Собранія не своимъ только

«партийнымъ», но и общероссійскимъ дѣломъ, требующимъ безоговорочной поддержки со стороны всѣхъ антибольшевицкихъ силъ, и Сибирь, надъ которой «не капало», и которая, поэтому, и не спѣшила навстрѣчу самарскимъ домогательствамъ «партийныхъ» «максималистовъ», — было необычайно трудно. Но и во время совѣщанія нѣкоторые уже догадывались о томъ, что впослѣдствіи было подтверждено фактически и документально.

Считая на словахъ и во внѣ необходимымъ скорѣйшее созданіе единой центральной власти, сибирское правительство про себя и на дѣлѣ всячески тормозило совѣщаніе и саботировало его попытку создать такую власть. Начать съ того, что оно послало на Государственное совѣщаніе не своихъ руководителей, а второстепенные персонажи, игравшіе роль простыхъ исполнителей чужихъ предначертаній. Заставивъ уже собравшееся въ условленный срокъ совѣщаніе дожидаться омскихъ делегатовъ, омское правительство лихорадочно спѣшило заручиться лишними козырями для своей политической игры въ Уфѣ.

Въ ожиданіи благопріятныхъ результатовъ отъ своей поѣздки на востокъ, куда глава омскаго правительства Вологодскій вмѣстѣ съ Гинсомъ отправились для ликвидаціи восточно-сибирскихъ правительствъ эсэра Дербера и ген. Хорвата и полученія отъ нихъ признанія омскаго правительства за правительство всесибирское, Вологодскій, по свидѣтельству Гинса, «далъ въ качествѣ «секретной инструкции» указанія делегатамъ въ Уфу не особенно торопиться съ организаціей власти». Делегатамъ рекомендовалось тщательно разрабатывать всѣ формальные и процессуальные вопросы — «юридическую регламентацію взаимоотношеній членовъ директоріи между собой, условій ихъ выхода и замѣны, соотношенія ихъ съ министрами, порядка законодательства и т. д.», — «добившись съ этой цѣлью прерыва работъ общаго собранія» (Гинсъ, т. I, стр. 212). То же подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и представлявшій на уфимскомъ совѣщаніи омское правительство И. И. Серебренниковъ (см. «Сибирскій Архивъ» I, стр. 11). О томъ же, на основаніи копій съ телеграммъ, бывшихъ въ его рукахъ, какъ «чрезвычайнаго уполномоченнаго» по разслѣдованію убійства Новоселова и ареста Крутовскаго, Шатилова и Яковлева, свидѣтельствуетъ и А. А. Аргуновъ: «За подписью то Михайлова, то Вологодскаго, то отъ нихъ обоихъ въ

Уфу, на имя сибирской делегации, летѣли телеграммы, въ которыхъ рекомендовалось делегатамъ держать твердо «правую» позицію и не итти на уступки въ виду того, что сибирское правительство наканунѣ признанія его союзниками; въ одной изъ послѣднихъ телеграммъ рекомендовалось прямо итти даже «на разрывъ» уфимскаго совѣщанія и указывалось при этомъ, что это необходимо сдѣлать въ виду того, что лѣвое крыло (т. е. эс-эры) уфимскаго совѣщанія ослаблено взятіемъ большевиками Казани, Симбирска и угрожающимъ положеніемъ Самары». А въ одной изъ телеграммъ «своимъ» въ Омскъ, Вологодскій указываетъ, что союзники, съ которыми онъ велъ переговоры о признаніи омскаго правительства за правительство Сибири, видятъ въ появленіи всероссійской власти «новую досадную комбинацію» (см. А. Аргуновъ: «Между двумя большевиизмами», стр. 31).

Гибельность этой коварной тактики и пагубность инсрукцій, которыя давались «государственно-мыслящими» русскими патріотами, становятся особенно очевидными, если учесть ухудшившееся какъ разъ ко времени Государственнаго совѣщанія положеніе на фронтѣ. Сѣвернѣе Уфы обозначился прорывъ, требовавшій большого напряженія для ликвидаціи. А 11 сентября, наканунѣ появленія въ Уфѣ сибирской делегации, пала Казань. Государственное совѣщаніе открылось въ очень тревожный моментъ. Представитель чехословацкаго совѣта и войска выразилъ чувства многихъ, когда закончилъ свое привѣтствіе совѣщанію словами: «Намъ всѣмъ были даны уже два предостереженія. Мы всѣ должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьяго предостереженія!»

Для двусторонняго процесса объединенія КОМУЧъ оказался на положеніи стороны «наименѣе благопріятствующей» обстоятельствами. Сибирское же правительство, выжидавшее благопріятной «конъюнктуры» и дождавшееся неудачъ на фронтѣ, оказалось въ положеніи стороны «наиболѣе благопріятствующей».

Защипная возстановленіе правъ Учредительнаго Собранія, КОМУЧъ защищалъ не только свои и «партійные» интересы и права, не только идею народовластія въ ея реальномъ, исторически единственно-данномъ воплощеніи, — но и методъ возстановленія Россіи, существенно различный отъ метода большевизма, единственно ему противостоящій качественно. И не-большевиками

осуществлявшійся методъ большевицкихъ насилій сохранялъ, полностью свои ядовитыя свойства. И потому преодоленіе большевизма КОМУЧъ видѣлъ въ замѣнѣ большевицкаго метода устроенія государства иными методами, методами права. Правъ, поэтому, большой недругъ КОМУЧъ-а С. П. Мельгуновъ, когда отмѣчаетъ стремленіе КОМУЧъ-а «облекать репрессіи въ одежду формальной законности». Гораздо менѣе правъ этотъ на рѣдкость пристрастный публицистъ, когда такое похвальное стремленіе ставитъ КОМУЧъ-у въ вину, полагая, что «проще было безъ надобности (?) не создавать демократическаго декорума» и, разъ фактически имѣли мѣсто два случая самосуда, — «едва ли надо было издавать спеціальныя приказы о самосудахъ, какъ это сдѣлало самарское правительство» (см. «Трагедія адмирала Колчака» т. I, стр. 124, 126, 132).

КОМУЧъ заранѣе шелъ на ограниченіе компетенціи имѣющаго собраться Учредительнаго Собранія перваго созыва. Онъ заранѣе отказывался отъ постановки вопросовъ, которые требовали законодательнаго разрѣшенія въ мирное время, ограничивая Учредительное Собраніе разрѣшеніемъ задачъ организаціи обороны, освобожденіемъ и внѣшней независимостью страны и возможно болѣе скорыми перевыборами въ новое Учредительное или Законодательное Собраніе. Онъ, вмѣстѣ съ Ц. К. партіи с. р., заранѣе соглашался установить численный составъ Собранія — кворумъ, — при наличности котораго только и допустимо реальное возстановленіе работъ распущеннаго Учредительнаго Собранія. Парируя распространенное обвиненіе въ томъ, что эс-эры хотятъ узурпировать права Учредительнаго Собранія, какъ цѣлаго, въ пользу отдѣльных членовъ Собранія, по преимуществу, эс-эровъ, делегация Ц. К. партіи давала связывающее членовъ партіи обязательство только при опредѣленныхъ условіяхъ считать Учредительное Собраніе «въ числѣ», или въ законномъ составѣ.

Принимая общую численность членовъ У. С., за вычетомъ членовъ большевицкой и лѣво-эсэровской фракцій, покинувшихъ 6-го января въ Таврическомъ дворцѣ «контръ-революціонную часть Учредительнаго Собранія», уменьшившейся, примѣрно, вдвое, т. е. до 400 человекъ, кворумъ былъ исчисленъ въ 200 человекъ, т. е. признанъ былъ равнымъ половинѣ общаго числа членовъ Учреди-

тельного Собранія, оставшихся вѣрными своему званію Установленный для 1-го января 19 г. кворумъ этотъ понижался до одной трети, т. е. признавался равнымъ 170 членамъ, для 1-го февраля, какъ предѣльнаго срока возобновленія работъ Учредительнаго Собранія перваго созыва. Такъ намѣчались «минимумъ» личнаго состава и «максимумъ» отсрочки для возобновленія Учредительнаго Собранія. Этимъ не исключалась, конечно, возможность, что, собравшись въ указанномъ числѣ и срокѣ, члены Учредительнаго Собранія признали бы себя «не въ числѣ» или некомпетентными, просрочившими свои полномочія и т. п.

Этотъ планъ былъ, конечно, компромисснымъ и несовершеннымъ. Но онъ давалъ удовлетвореніе «учредителямъ» принципиальнымъ признаніемъ полномочій Учредительнаго Собранія перваго созыва и подведеніемъ правовой базы подъ борьбу за власть. Этотъ планъ, съ другой стороны, открывалъ обнадеживающія перспективы и противникамъ возобновленія работъ Учредительнаго Собранія и подотчетности ему новой власти. Кроль откровенно рассказалъ о «новомъ направленіи», которое приняла его мысль въ связи съ предложеніемъ эсэровъ. «На Государственномъ совѣщаніи присутствуетъ всего 70 членовъ Учредительнаго Собранія *). Это — все, что удалось собрать, и то съ большими трудностями. Собрать еще 180 (130) человекъ, находящихся большею частью въ совѣтской Россіи, откуда выѣздъ весьма затруднителенъ, задача вообще трудная, а въ короткій срокъ — неосуществимая». То же подтверждаетъ и Серебренниковъ: «Сибиряки надеялись, что нужнаго количества членовъ У. С. къ 1 января не наберется, и что за пять мѣсяцевъ много можетъ утечь воды, такъ или иначе опредѣлится исходъ борьбы съ большевиками, и вообще тамъ видно будетъ, что дѣлать».

Противники КОМУЧ-а готовы были принять планъ въ явномъ расчетѣ и тайной надеждѣ, что практически онъ не реализуемъ. Кворумъ въ короткій срокъ «неосущест-

*) По даннымъ «Вѣстника Комитета членовъ Всероссийскаго Учредительнаго Собранія» № № 67 и 70 на 1 октября 1918 г. списокъ членовъ В. У. С., вступившихъ въ КОМУЧ, насчитываетъ 95 человекъ. Въ этомъ списокѣ не значатся члены В. У. С., не вступившіе въ Комитетъ: Аиксентьевъ, Аргуновъ, Брешко-Брешковская, Л. А. Кроль, Минисенко, В. Е. Павловъ и др.

нимъ», а пока что и въ теченіе ряда мѣсяцевъ новая власть можетъ дѣйствовать безконтрольно или «безъ помѣхъ», какъ выражался Кроль.

На этомъ соглашеніе въ Уфѣ, въ концѣ концовъ, и состоялось, — вынужденное для обѣихъ сторонъ.

Центральная власть создавалась, но она была «вымучена» двойнымъ давленіемъ. Съ одной стороны, — большевицкимъ наступленіемъ, заставившимъ эвакуировать Симбирскъ, угрожавшимъ Самарѣ и приведшимъ въ Уфу большія скопленія бѣженцевъ; и, съ другой стороны, — воздействием иностранныхъ миссій, одновременно «нажимающихъ» на Омскъ и на Самару. Подъ угрозой приближавшейся линіи фронта подлались прежде всего казаки, сначала уральскіе и оренбургскіе, а за ними и сибирскіе — главная «реальная сила» омскаго правительства. И на лѣвомъ флангѣ верхъ одержало болѣе примирительное и «соглашательское», правое теченіе. «Напряженная атмосфера разрядилась», вспоминаетъ Серебренниковъ, послѣ его заявленія въ согласительной комиссіи Государственного совѣщанія о томъ, что «идя навстрѣчу общему желанію заложить фундаментъ российской государственности, сибирское правительство соглашается на то, чтобы Директорія была отвѣстна передъ существующимъ Учредительнымъ Собраніемъ, но на извѣстныхъ условіяхъ».

Послѣ 15 дней и ночей спора 23 общественныхъ группировокъ, дѣлавшихъ каждая свои заявленія и имѣвшихъ каждая свое *liberum veto*, т. е. возможность взорвать все совѣщаніе по своему усмотрѣнію, уфимское совѣщаніе свою задачу все-таки выполнило. На основаніи «Акта объ образованіи верховной власти», скрѣпленнаго подписями всѣхъ участвовавшихъ въ совѣщаніи, вмѣсто 19 автономныхъ правительствъ создавалась единая центральная власть, привѣтствуемая англичанами (Ольстеномъ и Ноксомъ), французами (Пишономъ и Буржуа), чехословацкимъ національнымъ совѣтомъ (Павлу) и б. русскимъ посланникомъ въ Римѣ Гирсомъ.

«Въ единодушномъ стремленіи къ спасенію страны, возсозданію ея единства и обезпеченію ея независимости» «вся полнота верховной власти на всемъ пространствѣ государства російскаго» вручена была 23 сентября 1918 г. Временному Всеросійскому Правительству въ составѣ пяти члѣнъ: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, ген. В. Г. Бол-

дырева, П. В. Вологодского и Н. В. Чайковского. Этот основной список кандидатов был предложен и поддержан правым крылом совещания — делегацией сибирского правительства, партии к. д., конференции казацких войск и присоединившагося к ним в данном случае Союза Возрождения: за исключением Вологодского, все остальные кандидаты были членами Союза Возрождения. Не участвовавшие в Уфимском совещании Астров, Вологодский и Чайковский избраны были заочно. И временно, до вступления в должность этих «известных стран» лиц, были избраны для замещения Астрова — В. А. Виноградов, Вологодского — В. В. Сапожников и Чайковского — В. М. Зензинов. Своих заместителей имѣли и Авксентьев А. А. Аргунов и Болдырев — генер. М. В. Алексѣева. Замещение энса Чайковского больше лѣвымъ, эс-эромъ Зензиновымъ встрѣтило ожесточенное сопротивление со стороны праваго крыла и было «последней уступкой», на которую, пошли сибиряки, по свѣдѣтельству Серебренникова, въ расчетъ на скорое появленіе Чайковского и, «главнымъ образомъ подъ влияніемъ полученной сибирской делегацией информацией объ известныхъ омскихъ событіяхъ 21 сентября», т. е. убійствѣ Новоселова и арестѣ Крутовскаго, Шатилова и Якушева (стр. 13-14 *).

Избранная «пятерка» признана была уфимскимъ совещаніемъ «единственнымъ носителемъ Верховной власти на всемъ пространствѣ государства російскаго» до созыва Всероссийскаго Учредительнаго Собранія. Все функціи верховной власти, отправляемыя временно областными правительствами, должны были быть переданы Всероссийскому Правительству, какъ только оно того потребуетъ.

*) П. Милюковъ считаетъ, что «составъ правительства былъ выбранъ отчасти, какъ было замѣчено въ Москвѣ, но съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что вмѣсто трехъ лицъ, изъ которыхъ только одинъ социалистъ, было выбрано пять лицъ, и изъ нихъ три социалиста» («Россия на переломѣ» т. II, 47). — Подсчетъ Милюкова фактически не вѣренъ, потому что Вологодскій въ сентябрѣ 15 г. могъ быть причисленъ къ социалистамъ и тѣмъ болѣе къ эс-эрамъ, вѣроятно не съ большими основаніемъ, чѣмъ сейчасъ, напримѣръ, Гр. Алексинскій къ большевикамъ или Ив. П. Алексинскій къ энс-амъ. Если Вологодскій и былъ когда-то социалистомъ, — во время уфимскаго совѣщанія онъ, вѣроятно, и самъ не причислялъ себя къ нимъ.

А. Аргуновъ, знающій лучше другихъ личный составъ партій с 7,

Установленіе предѣловъ компетенцій областныхъ правительствъ на началахъ широкой автономіи п. 3-й «общихъ положеній» предоставлялъ «мудрости» временнаго всероссійскаго правительства. Особо были выдѣлены въ «Актѣ» «Обязанности правительства въ отношеніи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». Правительству вмѣнялось въ непремѣнную обязанность «неуклонное руководство» непрекаемыми верховными правами У. С. и «неустанное наблюденіе, чтобы въ дѣятельности всѣхъ подчиненныхъ временному правительству органовъ не было допущено ничего могущаго клониться къ умаленію правъ Учредительнаго Собранія или къ замедленію въ возобновленіи его работъ».

Видимо, не вполне довѣря «неустанному наблюденію» правительства въ этой области, КОМУЧъ настоялъ на томъ, чтобы «обезпеченіе пріѣзда членовъ Учредительнаго Собранія и ускореніе и подготовка занятій Учредительнаго Собранія настоящаго состава» было поручено — въ качествѣ единственнаго предмета вѣдѣнія — Съѣзду членовъ У. С., какъ особому «государственно-правовому органу». Этому органу правительство обязывалось оказывать «всемирное содѣйствіе», а, по объявленіи Учредительнымъ Собраніемъ своихъ работъ возобновленными, правительство обязывалось представить У. С. отчетъ о своей дѣятельности и подчиниться, «какъ единственной въ странѣ верховной власти».

4.

О достигнутомъ съ такими большими трудами соглашеніи въ Уфѣ можно сказать, что — не бывать бы счастья, да несчастье помогло; даже не одно, а два не-

свидѣтельствуетъ, что Вологодскій «не былъ никогда членомъ партіи с. р.», что «не мѣшало ему, будучи «сочувствующимъ», строить на партіи свою карьеру, когда она была въ расцвѣтѣ силъ и популярности». — Л. Кроль отмѣчаетъ, что эсеры относились къ кандидатурѣ Вологодскаго, какъ эсеры, «съ насмѣшкой: они его своимъ и не думали считать». — Самъ Вологодскій, утверждая въ интервью въ «Сибирской Жизни» отъ 14 января 19 г., что онъ «когда-то принадлежалъ къ партіи с. р.», относительно настоящаго завѣряетъ только въ своей демократичности: «въ душѣ (!) я остался такимъ же демократомъ, какъ и прочіе (?) русскіе демократы».

счастья: потеря морального авторитета сибирскимъ правительствомъ, въ связи съ арестами и убійствомъ 21 сентября, и потеря фактической власти самарскимъ правительствомъ послѣ отобранія большевиками Симбирска. Что равнодѣйствующая или средняя линия намѣчена была въ общемъ правильно, слѣдуетъ изъ того, что каждая изъ сторонъ могла искренне считать себя и побѣдительницей, и побѣжденной.

Вмѣстѣ съ лѣвымъ крыломъ КОМУЧ-а, Майскій могъ доказывать впослѣдствіи, что эс-эры понесли «огромное пораженіе», тогда какъ Зензиновъ и Серебренниковъ, принадлежавшіе въ Уфѣ къ противоположнымъ лагерямъ, могли согласно находить, что — «побѣдили эс-эры». Въ историческомъ аспектѣ, когда оперируютъ съ результатами, конечно, легко проявлять свою дальновидность И послѣ того, какъ Директорія «не удалась», и Мельгунову просто сказать, что Государственное совѣщаніе «въ основѣ своей было до нѣкоторой степени ошибкой», и его антагонисту эс-эру С. П. Постникову, легко узрѣть «трагедію» совѣщанія въ томъ, что «соціалисты не поняли, что люди стараго порядка не могутъ быть ихъ союзниками даже въ борьбѣ противъ большевиковъ», и, проглядѣвъ «безнадежность» своей «коалиціонной тактики», зря «прочислялись» (см. «Воля Россіи» № 8-9 за 1929 г.).

Но въ исторической обстановкѣ, которая дана была Россійской анти-большевицкой демократіи въ сентябрѣ 18 г., благополучный исходъ уфимскаго совѣщанія былъ, конечно, большой политической удачей. Найденные компромиссы и соглашенія самымъ своимъ фактомъ, если и не внушали презрѣнныхъ ожиданій, все же объективно свидѣтельствовали о ростѣ политической зрѣлости и ответственности русской общественности.

Объясняя, почему делегаты Союза Возрожденія выдвинули на Государственномъ совѣщаніи «компромиссную формулу безответственной власти на опредѣленный срокъ», избранный членомъ Директоріи ген. Болдыревъ писалъ 30 сентября своему потенциальному замѣстителю — начальнику штаба южнаго фронта ген. Алексѣеву: «Мы исходили изъ того убѣжденія: если новая власть укрѣпится за періодъ безответственной работы, едва ли тогда явится у кого-либо желаніе итти противъ такой власти. И тогда будущее покажетъ дальнѣйшій ходъ государст-

венной жизни Россіи. Если же этой власти не удастся справиться съ тѣми исключительными по трудности условіями работы, тогда становится безразличнымъ --- будетъ ли она безотвѣтственной или нѣтъ»...

Обратилась къ ген. Алексѣеву и Деникину и Директорія въ цѣломъ съ извѣщеніемъ объ образованіи единой и центральной власти Временнаго Всероссійскаго Правительства, съ выраженіемъ «восхищенія» одиннадцатимѣсячной борьбой добровольческой арміи противъ большевиковъ, съ надеждой «въ скоромъ времени принять на территоріи освобожденной Россіи усталыхъ бойцовъ, которые найдутъ здѣсь и отдыхъ, и справедливую оцѣнку своихъ трудовъ», и съ увѣренностью, что «государственная мудрость и высокія гражданскія качества руководителей и горячая любовь офицеровъ и солдатъ къ родинѣ укажутъ Добровольческой арміи единый съ правительствомъ путь»...

Мѣру этой «государственной мудрости» и уровень «высокихъ гражданскихъ качествъ» и патріотической любви теперь можно точно опредѣлить, если знать, что «искреннее поздравленіе» Алексѣева, къ тому времени уже скончавшагося, съ избраніемъ въ замѣстители члена Директоріи, показалось Деникину и его тогдашнему окруженію «нѣсколько нескромнымъ и обиднымъ въ отношеніи его памяти»; а притязанія Директоріи быть властью всероссійской -- совершенно необоснованными и непріемлемыми. Деникинъ отказался признать Директорію всероссійскою властью, какъ «отвѣтственную и направляемую Учредительнымъ Собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни народнаго помѣшательства... и не пользующимся ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ»... Въ этомъ духѣ были составлены и «инструкціи», отправленные въ Сибирь командированнымъ ген. Алексѣевымъ еще въ началѣ 18-го года ген. Флугу и полк. Лебедеву. Оказалось впоследствии, добросовѣстно досказываетъ Деникинъ всю исторію помощи, оказанной Югомъ объединенію, достигнутому въ Уфѣ, что одинъ делегатъ Добровольческой арміи, ген. Флугъ сталъ военнымъ министромъ «Всероссійскаго правительства» Хорвата въ Харбинѣ, а другой делегатъ — полк. Лебедевъ очутился въ Омскѣ и «принялъ видное участіе въ ноябрьскомъ переворотѣ и непостыжимымъ образомъ, не имѣя никакого команднаго стажу, сталъ вскорѣ начальникомъ штаба верховнаго главноко-

мандующаго, адмирала Колчака» (см. «Очерки русской смуты» т. III, стр. 259).

Участія «въ выполненіи стратегической задачи, данной Уфой», Добровольческая армія не могла принять, такъ какъ «въ эти дни истекала кровью на поляхъ Ставрополя», — но партійно-политической предвзятости и высокомерія командованіе вооруженными силами юга Россіи не было въ силахъ подавить въ себѣ и «въ эти дни».

И не только чуждый политики, но не перестававший дѣлать ее «солдатъ» Деникинъ, а и испытанные политическіе и общественные дѣятели.

Въ рѣшительную оппозицію къ Директоріи сталъ и избранный въ директорію б. московскій городской голова, к.-д. и членъ Національнаго Центра и Союза Возрожденія Н. И. Астровъ. Ознакомившись со стенограммой Уфимскаго совѣщанія, Астровъ отказался отъ вступленія въ составъ Директоріи. Правда, отказъ этотъ былъ опубликованъ лишь 13/26 ноября 18 г., т. е. недѣлей позднѣе того, какъ Директорія окончательно прекратила свое существованіе. Тѣмъ не менѣе мотивы отказа — въ виду нарушенія московскаго соглашенія Національнаго Центра съ Союзомъ Возрожденія и внутренняго соглашенія членовъ послѣдняго — сохранили свой интересъ, какъ широко распространенный взглядъ на необязательность Уфимскаго соглашенія даже для тѣхъ, кто его вырабатывалъ и принималъ.

Умѣренные круги русской общественности, рѣшительно отвергавшіе всѣ формально-юридическія основанія и претензіи «эс-эровскихъ» защитниковъ восстановленія правъ Учредительнаго Собранія, цѣпко держались за закругленность формъ, за строгое соблюденіе даже буквы своего соглашенія, за своеобразный «общественно-договорной» легитимизмъ. Московское «соглашеніе» или «схема» — представлялись имъ настолько незыблемыми и неприкосновенными, что они считали себя въ правѣ оспорить соглашеніе, принятое совершенно другими людьми и группами въ совершенно иной и непредвидѣнной, конечно, обстановкѣ, на томъ только основаніи, что это другое и новое соглашеніе не во всѣхъ пунктахъ совпало съ тѣмъ, которое выработано было за нѣсколько мѣсяцевъ до того въ Москвѣ и до котораго подавляющему большинству собравшихся въ Уфѣ не было рѣшительно никакого дѣла.

Говорить, поэтому, о нарушеніи уфимскимъ совѣщаніемъ постановленій, принятыхъ въ Москвѣ, — легитимистски претенціозно, формально неправильно и жизненно неубѣдительно.

Если въ Москвѣ Національный Центръ и договаривался о чемъ-то со своими сочленами, входившими въ Союзъ Возрожденія и въ него не входившими, — этотъ «договоръ» могъ связывать только договорившихся. На уфимскомъ же совѣщаніи Національный Центръ вовсе не участвовалъ. Союзъ Возрожденія, какъ извѣстно, подбиралъ своихъ сочленовъ по личному признаку, а не на началахъ представительства группъ или партій. Руководившія же уфимскимъ совѣщаніемъ лица и группы, — въ частности, Центральный Комитетъ и Бюро фракціи членовъ Учредительнаго Собранія эс-эровъ, — не участвуя въ Союзѣ Возрожденія, не принимали участія и въ московскомъ соглашеніи. Къ Союзу Возрожденія они относились только терпимо. Къ Національному же Центру, какъ организациі прервой, эс-эры и въ Москвѣ, и въ Сибири относились одинаково отрицательно. Но главное — не въ этомъ. Главное — если и закону въ силу измѣнившейся обстановки и «по нуждѣ» бываетъ «перемѣна», то тѣмъ болѣе — соглашенію. Московское соглашеніе — «*res inter alios acta*» — не могло обязывать участниковъ уфимскаго совѣщанія, къ этому соглашенію совершенно непричастныхъ, а оговорка о «*rebus sic stantibus*», лежащая въ основѣ всякаго договора, конечно, презюмировалась молчаливо и неписаннымъ соглашеніемъ въ Москвѣ.

Члены особаго совѣщанія при главнокомандующемъ вооруженными силами юга Россіи, и Н. И. Астровъ въ ихъ числѣ, вольны были думать, что Учредительнаго Собранія стараго состава «вообще не существуетъ и строить на немъ всероссійскую власть — значить и себя, и другихъ вводить въ величайшее заблужденіе». Но это ни въ какой мѣрѣ не было ни обязательно, ни убѣдительно для участниковъ Государственнаго совѣщанія въ Уфѣ. Больше того: именно это мнѣніе и было «величайшимъ заблужденіемъ», такъ какъ оно наглядно опровергалось фактомъ существованія фронта Учредительнаго Собранія и самарскаго правительства. Эти факты учитывали не одни только эс-эры съ эс-деками и «мусульманскими правительствами», какъ нѣсколько пренебрежительно регистрируетъ «историкъ» Мельгуновъ. И близкій къ по-

слѣдному Ф. З. Чембуловъ, оцѣнивая, въ качествѣ официального представителя трудовой народно-соціалистической партіи, сложившуюся обстановку, не могъ не отмѣтить публично предъ всѣмъ совѣщаніемъ «великую заслугу Комитета Учредительнаго Собранія, взявшаго на себя починъ возсозданія нашей разсыпанной государственности» (см. «Русскій Историческій Архивъ», стр. 92).

И характерно, что какъ разъ делегатъ Союза Возрожденія, которымъ былъ ген. Болдыревъ, и явился авторомъ того компромисса, который, будучи принятъ совѣщаніемъ, привелъ въ конечномъ счетѣ всѣ стороны къ соглашенію, а не къ разрыву. Болдыревъ пояснилъ въ согласительной комиссіи, почему онъ отступилъ отъ своего первоначальнаго «непризнанія Учредительнаго Собранія настоящаго созыва» — : потому что «группѣ членовъ Учредительнаго Собранія удалось возглавить собою движеніе, изыскивающее способы возрожденія Россіи» (стр. 130 стенограммы). Фактическая обстановка — военная, политическая, психологическая — заставила Болдырева, лично весьма мало расположеннаго къ эс-ерамъ и къ КОМУЧ-у, предложить совѣщанію признать, что «никѣмъ не отрицаются заслуги Учредительнаго Собранія настоящаго созыва», — того самаго, которое для Астрова въ его екатеринодарскомъ далекѣ «вовсе не существовало». Обстановка понудила къ этому Болдырева, не смотря на то, что онъ склоненъ былъ понимать «недоговоренную» и «каучуковую» платформу Союза Возрожденія въ томъ же смыслѣ, что и Мякотинъ, Астровъ и другіе, т. е. что въ основѣ ея лежитъ соглашеніе о созывѣ новаго Учредительнаго Собранія, а не уже существующаго, какъ это считали само собою разумѣющимся входившіе въ Союзъ Возрожденія въ Москвѣ эс-еры: Авксентьевъ, Аргуновъ, Бунаковъ, Моисеенко и др. (ср. стр. 498-502 въ № 40 «Совр. Записокъ»).

И когда сейчасъ, уже изъ историческаго далека, Мельгуновъ вновь повторяетъ вопросъ Деникина и Астрова: «кто въ сущности уполномочилъ Болдырева идти на компромиссъ отъ имени коалиціонной группировки?» — отвѣтъ на вопросъ простъ и неотразимъ: жизнь! Та обстановка, которая сложилась въ Заволжѣ къ осени 18 года, и которую, конечно, никакая «группировка» и не была въ состояніи предусмотрѣть заранѣе во всѣхъ подробностяхъ...

Самый фактъ возникновенія фронта Учредительнаго Собранія, во имя котораго боролись и умирали, какъ и фактъ появленія власти КОМУЧ-а, которую признавали и которой подчинялись, свидѣтельствовали неопровержимо о томъ, какъ и «не желая отрываться отъ дѣйствительности», Пфули и Вейротеры русской гражданской войны фатально отрывались отъ этой дѣйствительности тѣми схемами и диспозиціями, которыя вырабатывались ими впрокъ и отступленій отъ которыхъ они ни въ какомъ случаѣ не позволяли ни себѣ, ни другимъ.

М. В. Вишнякъ.

Конецъ КОМУЧ-а

(Свидѣтельское показаніе).

1. Въ Самарѣ.

...3 октября 1918 г. засѣданіе Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, ставшее послѣднимъ его засѣданіемъ, затянулось до глубокой ночи. Въ 2 часа ночи въ помѣщеніе Комитета во время его засѣданія явился помощникъ Управляющаго Военнымъ Вѣдомствомъ поручикъ В. Взоровъ и просилъ выслушать его въ Президіумѣ Комитета по весьма важному и неотложному дѣлу. Онъ сообщилъ, что, по полученнымъ въ главномъ Штабѣ свѣдѣніямъ, части красныхъ обходнымъ движеніемъ со стороны Николаевска направляются къ станціи Кинель и, если не удастся ликвидировать это предпріятіе краснаго командованія въ теченіе наступающаго дня, Самара можетъ быть отрѣзана отъ Уфы, и сообщеніе съ послѣдней будетъ прервано. Онъ добавилъ, что положеніе Самары очень серьезно, и что хотя къ отраженію краснаго отряда и приняты мѣры, но за успѣшность этихъ мѣръ военное командованіе ручаться не можетъ.

Понятно, какое впечатлѣніе на Комитетъ должно было произвести это сообщеніе. Возможность эвакуаціи Самары заранее предвидѣлась и своевременно были приняты мѣры къ вывозу цѣнностей и нѣкоторыхъ учреждений. Но никто — ни изъ среды Комитета, ни военное командованіе — не допускали мысли о возможности такихъ смѣлыхъ маневровъ красной арміи, пока части народной арміи и чехословацкихъ войскъ не оставляли Сызрани. Поэтому, несмотря на рѣшительность заявленій Тов. У. В. Вѣд., у нѣкоторыхъ членовъ Комитета возникли сомнѣнія въ полной правдоподобности сообщеннаго. Эти сомнѣнія впоследствии оказались въ значительной степени оправданными. Тѣмъ не менѣе, Комитетъ рѣшилъ приступить немедленно къ вывозу имущества и дѣлъ Комитета, а также

предложить своимъ членамъ незамедлительно выѣхать изъ Самары и предупредить о предполагаемомъ оставленіи Комитетомъ Самары всѣхъ служащихъ Комитета.

Къ 3 часамъ дня 4 октября члены Комитета вмѣстѣ съ пожелавшими эвакуироваться служащими покинули помѣщеніе Комитета. Въ городѣ временно оставались лишь Предсѣдатель Комитета В. К. Вольскій съ нѣкоторыми членами Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами. Нѣсколько человѣкъ членовъ Комитета (Гендельманъ, Н. Н. Ивановъ, Буревой и др.) вступили добровольцами въ составъ отряда имени Учр. Собранія и покинули Самару лишь 7 октября.

Картину необычайнаго смятенія представляла Самара въ тотъ день. Зловѣщій красный призракъ всталъ надъ Самарою и наполнялъ тысячи сердець трепетомъ и смятеніемъ. Тяжелая, давящая печаль и суетливая озабоченность заняли мѣста прежней жизнерадостности и оживленія. Перспективы полной неизвѣстности и бездомнаго скитанія открывались для покидающихъ городъ, и картины страшной мести красныхъ, жестокаго гнета и террора открывались передъ мысленнымъ взоромъ многихъ остающихся въ городѣ. Городъ превратился въ встревоженный муравейникъ. По улицамъ города потянулись экипажи отъѣзжающихъ и обозы эвакуируемыхъ учреждений. Многіе дома, оставляемые уходящими учреждениями, и магазины, покидаемые хозяевами, смотрѣли заколоченными гробами и вселяли въ душу холодную жуть. На вокзалѣ творилось нѣчто невообразимое.

Какъ провозжала уходящую власть Самара? Какія чувства переполняли сердца самарцевъ по отношенію къ уходящей незадачливой власти: сожалѣніе ли о концѣ ея или злорадство, ненависть и проклятіе?

Едва ли можно дать на этотъ вопросъ одинъ общій отвѣтъ. Въ томъ людскомъ смятеніи и хаосѣ, которые переживала Самара въ тѣ послѣдніе дни, были, конечно, самыя разнообразныя оттѣнки переживаній, настроеній, чувствъ и формъ поведенія. И всякая классификація ихъ можетъ быть только условна и не можетъ она обнять и отображать все многообразіе сотенъ тысячъ индивидуальныхъ переживаній. Но уловить основныя оттѣнки ихъ все же было можно. Грубо-схематически вся масса населенія Самары дѣлилась на три политическія категоріи и, въ зависимости отъ этого, опредѣлялись ихъ политическія сим-

патіи и антипатіи. Отъ власти Комитета отталкивались оба противоположныхъ полюса русской общественности: такъ назыв. «буржуазія», съ одной стороны, и большевики — съ другой. Гибель Комитета первой изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, не оплакивалась, если не благословлялась; а вторые этой гибели могли только злорадствовать. Однако, выше ни та ни другая группа не выявилась въ какихъ либо противъ Комитета направленныхъ актахъ. Отъ «буржуазіи» и ждать этого было нельзя. Она заблаговременно покинула городъ и въ поискахъ лучшей для себя жизни устремилась въ Сибирь. Другіе — большевики и ихъ сторонники были такъ ничтожны и слабы, что даже въ самыя послѣднія минуты, когда въ городѣ почти уже не было власти, не смогли, хоть для вида, выступить противъ уходящей власти, не смогли создать ей того или иного затрудненія. Послѣдніе дни Комитета въ Самарѣ не ознаменовались ни однимъ выстрѣломъ, ни одной враждебной демонстраціей, никакими актами безпорядка. Даже въ день 7 октября, когда Самару покидали послѣдніе остатки Комитета, отрядъ имени У. С. спокойно, со спущенными знаменами и другими знаками военной почести, прошелъ мимо помѣщенія, гдѣ два дня тому назадъ помѣщался Комитетъ.

Огромное же большинство населенія, въ теченіе четырехмѣсячнаго существованія Комитета свыкшееся съ установленнымъ Комитетомъ режимомъ и внутренне его пріивнесъ, съ глубокою скорбью наблюдало конецъ Комитета, но не находило путей и средствъ для его защиты и спасенія. Всѣ организованныя силы города — Городская Дума, общественныя и политическія организаціи и объединенія — готовились и призывали всѣхъ къ защитѣ города отъ большевиковъ. Но, какъ и всѣ принимаемыя въ послѣдній моментъ мѣры, все это обращалось въ пустую трату энергіи и силъ. Населеніе оставалось безъ защиты и со страхомъ и тяжелыми чувствами оставалось въ городѣ въ ожиданіи своей участи.

Къ 5 часамъ вечера 4 октября былъ поданъ поѣздъ для Комитета. Члены Комитета составляли въ немъ незамѣтную группу, занимая всего два вагона. Всѣ остальные вагоны были заняты эвакуируемыми служащими самого Комитета и разныхъ учреждений, а также политическими и общественными дѣятелями Самары.

Отходъ поѣзда былъ назначенъ ровно въ пять часовъ

вечера 4 октября. А онъ былъ отправленъ... ровно черезъ сутки — въ 5 час. вечера 5 октября. Комендантъ поѣзда въ поискахъ обѣщаннаго для поѣзда паровоза выбился изъ силъ. Не было возможности точно установить, у кого чего слѣдуетъ добиваться и кто за что отвѣствененъ. Долгое ожиданіе, неизвѣстность причинъ задержки и грозные признаки разложенія фронта — движеніе по линіи желѣзной дороги отдѣльныхъ дезертировъ и ихъ, какъ всегда, преувеличенные рассказы о несчастьяхъ на фронтѣ, — всевозможные нелѣпыя слухи и разговоры о якобы чинимыхъ желѣзнодорожными рабочими намѣренныхъ препятствій отъѣзду Комитетскаго поѣзда все это взвинчивало нервы. Нѣкоторые изъ находившихся въ поѣздѣ стали уже говорить о необходимости отправиться до Кинеля пѣшкомъ, чтобы не быть захваченными большевиками. Замедленіе въ подачѣ паровоза стало казаться столь подозрительнымъ, что нѣсколько лицъ изъ членовъ Комитета отправились въ городъ, разыскали тамъ Вольскаго и, отправившись съ нимъ къ чешскому коменданту, кое-какъ добились подачи паровоза. Лишь въ пять часовъ вечера 5 октября поѣздъ тронулся въ путь. Однако и въ пути до Кинеля (въ 50 верстахъ отъ Самары) возбужденіе не вполне улеглось: дѣлались предположенія о возможной встрѣчѣ поѣзда въ Кинелѣ большевиками, говорилось, что машинистъ ведетъ поѣздъ лишь подъ угрозой и подъ наблюденіемъ двухъ офицеровъ, стоящихъ за нимъ съ взведенными револьверами и т. п. Поэтому всякая остановка или замедленіе хода поѣзда сопровождалась нервнымъ любопытствомъ о ихъ причинахъ. Однако, ночью поѣздъ благополучно прошелъ Кинель и успокоенные пассажиры его продолжали свой нерадостный путь...
Куда?.

2. Въ поискахъ убѣжища.

Уфа.

Поѣздъ, увозившій изъ Самары Комитетъ членовъ У. С., вечеромъ 6 октября привезъ въ Уфу Съѣздъ членовъ У. С. Обиженное судьбою во всѣхъ отношеніяхъ, это злосчастное «государственно-правовое учрежденіе» имѣло одно благотворительное свойство: не имѣя ни строго-очер-

ческой сферы дѣятельности, ни опредѣленныхъ задачъ для даннаго момента, ни даже, «гдѣ главу преклонить», — оно во всякое нужное для кого-то другого время какъ изъ-подъ земли безшумно являлось и, по минованіи надобности, впредь до другого нужнаго случая, такъ же тихо уходило куда-то. Такъ и теперь. Не было его въ Уфѣ, не было и въ Самарѣ; а 6 октября оно вторично обнаружилось въ Уфѣ. Впрочемъ, мѣсто его пребыванія, согласно его постановленію отъ 27 сентября, значилось тамъ, гдѣ будетъ пребывать Всероссийское Правительство. А такъ какъ въ то время еще само Временное Правительство не могло выбрать себѣ резиденціи, то въ висящемъ положеніи оставался и Съѣздъ. Числить же его гдѣ-то все же было нужно, и потому временнымъ мѣстомъ его пребыванія была избрана Уфа. Первымъ и, кажется, единственнымъ его дѣломъ въ Уфѣ былъ вопросъ объ избраніи его постоянного мѣстопребыванія. Къ сожалѣнію, и этотъ вопросъ получилъ разрѣшеніе безъ должнаго его участія. Временное Правительство знало, что Съѣздъ Членовъ У. С., въ вопросѣ о мѣстѣ пребыванія, связалъ свою судьбу съ его судьбою. Казалось бы, что оно въ этомъ вопросѣ должно было, по крайней мѣрѣ, освѣдомиться о мнѣніи Съѣзда. Однако, Временное Правительство не дождалось, такъ сказать, новой сессіи Съѣзда, и безъ него выбрало себѣ «столицею» Омскъ, куда и выѣхало 3 октября. Правда, члены Правительства изъ эсеровъ — Н. Д. Аяксентьевъ и В. М. Зензиновъ пошли на это рѣшеніе какъ бы съ благословенія Бюро Съѣзда. Помимо соображеній о томъ, что Омскъ являлся центральнымъ пунктомъ всей антибольшевизинкой Россіи, что тамъ оставался нѣкій налаженный административный аппаратъ, болѣе пригодный, чѣмъ вновь создаваемый опосредляющимъ моментомъ въ этомъ рѣшеніи былъ доводъ, что Временное Правительство, находясь въ непосредственной близости къ Сибирскому Правительству, обнаружившему въ то время всѣ свои развѣивательныя качества, сумѣетъ лучше и скорѣе обуздать зарвавшіеся шалуна и взять управленіе въ собственныя руки. Большую роль въ избраніи Омска сыграло и вліяніе довѣихъ членовъ Директоріи, естественно тяготѣвшихъ къ Омску.

Тѣмъ не менѣе, избраніе Омска мѣстомъ пребыванія Правительства, а стѣловательно, номинально и Съѣзда — не нашло сочувствія среди прибывшихъ изъ Самары чле-

новъ Съѣзда. Всѣ они въ достаточной мѣрѣ были осведомлены о политической атмосферѣ Омска, о безчинствахъ атаманщины и о другихъ прелестяхъ омской жизни. Были имъ извѣстны и тѣ событія, которыя происходили въ Омскѣ съ начала Государственного Совѣщанія.

Руководимый И. Михайловымъ Административный Совѣтъ, состоявшій въ большинствѣ изъ чиновниковъ стараго закала, сторонниковъ крутыхъ мѣръ и несправедливостей всего, что связывалось съ революціей и демократіей, совершилъ при посредствѣ атамана Волкова, подлинный государственный переворотъ: 20 сентября были арестованы министры Крутовскій, Шатиловъ и Новоселовъ, и одновременно съ ними Предсѣдатель Сибирской Областной Думы И. А. Якушевъ; у министровъ насильно были отобраны письменныя заявленія объ уходѣ ихъ въ отставку; вслѣдъ за тѣмъ министры были высланы изъ Омска въ теченіе 24 часовъ, а Новоселовъ 22 сентября былъ найденъ убитымъ въ загородной рошѣ. Почти одновременно съ этими событіями Адм. Совѣтъ издалъ указъ о роспускѣ Сибирской Областной Думы на неопредѣленный срокъ: такъ какъ Дума не подчинилась этому указу, то видные члены ея были арестованы, зданіе Думы запечатано, а въ Томскѣ было введено осадное положеніе. Такими дѣйствіями верховная власть въ Сибири была захвачена Административнымъ Совѣтомъ.

Въ связи съ указанными событіями положеніе въ Омскѣ и вообще въ Сибири Временнымъ Правительствомъ было признано настолько серьезнымъ, что оно сочло необходимымъ командировать въ Омскъ замѣстителя Н. Д. Авксентьева въ Директоріи — А. А. Аргунова въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, поручивъ ему разслѣдованіе всего происшедшаго и уполномочивъ его на принятіе всѣхъ, вызываемыхъ положеніемъ дѣлъ, экстренныхъ мѣръ.

Какъ видно, обстановка въ Сибири была хорошо извѣстна и Правительству. Тѣмъ не менѣе, оно приняло рѣшеніе поселиться въ Омскѣ, въ центрѣ всѣхъ сибирскихъ интригъ. Поэтому, большинствомъ членовъ Съѣзда рѣшеніе Правительства обосноваться въ Омскѣ было принято съ полнымъ недоумѣніемъ. Съ трудомъ допуская возможность существованія Правительства въ Омскѣ, большинство членовъ Съѣзда полагало, что условія омской жизни и нравы сибирскаго правительства едва-ли оста-

вать Директоріи какую-либо возможность для нормальной дѣятельности.

Поэтому и Бюро, которое одно занималось вопросами объ опредѣленіи мѣста пребыванія Съѣзда, не торопилось принятіемъ окончательнаго рѣшенія о переѣздѣ Съѣзда въ Омскъ и занялось выясненіемъ возможностей переѣхать въ какой-либо изъ пріуральскихъ городовъ Сибири: Челябинскъ и Екатеринбургъ. Съ этой цѣлью были командированы въ Екатеринбургъ И. М. Брунштейнъ и Вл. А. Алексѣевскій, коренной житель Екатеринбурга. На нихъ было возложено: выяснить политическую обстановку въ Екатеринбургѣ, настроенія военныхъ и общественныхъ круговъ, отношеніе чеховъ къ предполагаемому пребыванію въ Екатеринбургѣ Съѣзда и, при наличии хоть сколько-нибудь относительной безопасности, пріискать для Съѣзда помѣщеніе.

А за это время члены Съѣзда проводили свой досугъ въ полномъ бездѣйствіи и нудномъ ожиданіи чего-то совершенно-непріятнаго. Послѣ кипучей дѣятельности Комитета, направленной, худо или хорошо, на удовлетвореніе потребностей и нуждъ живой жизни, бездѣлательное и безцѣльное прозябаніе подъ флагомъ Съѣзда представлялось чѣмъ-то невыносимо бессмысленнымъ. Внешняя обстановка вполнѣ гармонировала съ этимъ внутреннимъ состояніемъ. «Сибирская Гостиница», гдѣ вновь были размѣщены члены Съѣзда и гдѣ десятокъ дней тому назадъ бурдила жизнь въ поискахъ какого-то выхода и дѣла, превратилась въ постоянный дворъ, олуствѣвшій послѣ ливневой ямочки. На дворѣ погода стояла отвратительная, дула, хотодный вѣтеръ, шелъ осенній мелкій дождь обротившій немощенныя улицы Уфы въ непролазные болота. Да и сама по себѣ Уфа не имѣла ничего, чѣмъ бы она могла похвастаться передъ иногородними или привлечь даже самое невыскаetzное вниманіе бездѣльного люда.

Такъ тянулись немногіе, но казавшіеся безконечными, дни Уфимскаго житія Съѣзда. Бюро Съѣзда гдѣ-то собиралось и что-то обсуждало, но никто точно и порядкомъ не могъ сказать, что будетъ со Съѣздомъ завтра и куда онъ двинется. Впрочемъ движеніе могло быть только въ одномъ направленіи: за Уралъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ полукосильно большевннскихъ войскъ все ближе и ближе придвигалось къ Уфѣ, и дальнѣйшее пребываніе въ Уфѣ становилось не только бессмысленнымъ, но и небезопас-

нымъ. Нужно думать, что именно это обстоятельство заставило Бюро Съѣзда, не дождавшись донесенія отъ своихъ делегатовъ, принять рѣшеніе выѣхать изъ Уфы, не опредѣливъ послѣдняго пункта своего путешествія. 12 октября члены Съѣзда вновь собрали свои несложные пожитки и выѣхали особымъ поѣздомъ въ направленіи на Челябинскъ. Кажется, путешествие это длилось около трехъ сутокъ. Почему потребовалось на 450 верстъ Самаро-Злат. ж. д. употребить трое сутокъ времени — одному Богу извѣстно. Возможно, что дорога была занята движеньемъ воинскихъ эшелоновъ, поѣздами эвакуируемыхъ учреждений и раненыхъ воиновъ, боевыхъ грузовъ и припасовъ. Но, очевидно, Съѣзду и торопиться было некуда. Передъ нимъ не стояло ни неотложныхъ задачъ, ни приспосабливаемыхъ для занятій помѣщеній.

Не внесло ничего особо существеннаго и прибытіе въ Челябинскъ.

Трехдневное пребываніе Съѣзда въ Челябинскъ на какой-то отдаленной запасной желѣзно-дорожной вѣткѣ также всецѣло было посвящено дебатированіямъ Бюро неподатливаго вопроса о мѣстѣ пребыванія Съѣзда. Мысль объ избраніи Челябинска вскорѣ была оставлена: переполненный всевозможными военными учрежденіями Челябинскъ не представлялъ никакихъ возможностей для размѣщенія Съѣзда. Кромѣ того, грязный уѣздный городъ какъ-будто и не приличествовалъ такому «высокому» учрежденію, какъ Съѣздъ. Но выборъ оставался невеликъ. Оставались два города, изъ которыхъ Съѣздъ могъ одинъ избрать своей «резиденціей»: Омскъ и Екатеринбургъ. Но и здѣсь вопросъ внутренне былъ уже предрѣшенъ. Съѣздъ всячески отталкивался отъ Омска. И потому сообщенія прибывшихъ изъ Омска Н. В. Фомина и Н. Я. Быховскаго и вызваннаго изъ Екатеринбурга И. М. Брушвинта были лишь лишней гирей на екатеринбургскую чашку вѣсовъ.

Ужасную картину представлялъ, по словамъ прибывшихъ, Омскъ. Гнѣздо реакціи, слѣхавшейся изъ всей Россіи, анархія и терроръ атаманины, ненависть и преслѣдованія демократіи и интеллигенціи, заговоры военщины и убійства — вотъ основной фонъ омской политической жизни. А на этомъ мрачномъ фонѣ изображались: униженное положеніе Временнаго Правительства предъ Сибирскимъ Правительствомъ, враждебность къ нему общественная атмосфера, безсиліе его въ борьбѣ съ сибирской

реакціей и необеспеченность собственнаго его физическаго существованія, неумѣніе и безсиліе его добиться хотя бы вѣшняго приличнаго для себя положенія (Члены Директоріи жили въ вагонахъ на городской вѣткѣ ж. д.). Разнузданность Сибирской реакціи, съ одной стороны, и беспомощность демократической власти и круговъ, съ другой — вотъ какую общую картину представлялъ Омскъ въ изображеніи такихъ умѣренныхъ и терпимыхъ ко всему сибирскому правѣйшихъ с-ровъ Фомина и Быховскаго. Пріѣхавшіе дополняли, что Временное Правительство отлично сознаетъ свое незавидное положеніе и предвидитъ подобное же, если не худшее, въ будущемъ положеніе Съѣзда и что потому оно уполномочиваетъ ихъ передать Съѣзду его мнѣніе о томъ, что будетъ лучше, если Съѣздъ предпочтетъ Омску Екатеринбургъ.

Въ сравненіи съ омской картиной изображенныя И. М. Брушвитомъ условія Екатеринбурга могли казаться подлинной идилліей. Здѣсь не было того неприкровенно враждебнаго отношенія къ Самарѣ, что составляло основную характеристическую черту Омска. Здѣсь не было и случая проявленія политическаго террора и безотвѣтственной и безнаказанной разнузданности атаманины. И главное, здѣсь находился Чехословацкій Національный Совѣтъ, всегда дружественно относившійся къ Самарѣ и обѣщавшій свою поддержку Съѣзду во всѣхъ превратностяхъ его судьбы. Подъ умѣряющимъ и сдерживающимъ его вліяніемъ, даже скороспѣлый генераль Гайда далъ обѣщаніе не чинить дѣятельности Съѣзда какихъ-либо препятствій и затрудненій и даже содѣйствовать отводу для Съѣзда необходимаго помѣщенія.

Все это рѣшительно повліяло на выборъ Екатеринбурга. Послѣ рѣшенія Бюро И. М. Брушвитъ немедленно отправился въ Екатеринбургъ съ цѣлью пріисканія и приготоуленія для Съѣзда и его членовъ помѣщеній, а Съѣздъ, послѣдовавъ за ними черезъ два дня, 18 октября прибылъ въ Екатеринбургъ.

3. Екатеринбургъ.

Несмотря на всѣ недобрѣя предчувствія и неважныя оцѣнки, которыя имѣлъ и дѣлалъ Съѣздъ въ связи съ переездомъ его въ Сибирь, онъ все же рассчитывалъ, что ему удастся обосноваться относительно прочно и занять-

ся осуществленіемъ тѣхъ немногосложныхъ задачъ, которыя на немъ лежали. Однако, трудно представить болѣе унижительное внѣшнее положеніе, въ какомъ оказался Съѣздъ за время его пребыванія въ Екатеринбургѣ, и болѣе безрезультатную дѣятельность. За мѣсяцъ своего существованія ему не удалось даже оформить своихъ отношеній съ Временнымъ Правительствомъ. Онъ добивался отъ послѣдняго опубликованія «Положенія» о Съѣздѣ, но Правительство такъ и не удосужилось его опубликовать. Члены Съѣзда, согласно «Положенія», имѣли содержаніе отъ государственнаго казначейства, но за двухмѣсячный срокъ своего сибирскаго плѣненія Временное Правительство не обнаружило никакихъ признаковъ намѣренія къ исполненію взятыхъ имъ на себя обязательствъ въ этомъ отношеніи. Мало того, оно не оказалось въ силахъ обезпечить Съѣзду даже тѣ средства, которыя Самарскій Комитетъ, въ предвидѣніи тернистаго пути Съѣзда, отпустилъ въ распоряженіе Съѣзда, въ размѣрѣ 3.000.000 рублѣй. Въ удивительномъ, въ роковомъ для себя непониманіи, Секретарь Съѣзда Б. Н. Моисеенко увезъ эти деньги 16 октября въ Омскъ, оставивъ Съѣздъ почти безъ всякихъ средствъ. Соблазненные этой суммой, покровительствуемые Сибирскимъ Правительствомъ омскіе головорѣзы похитили Моисеенко, подъ пыткой требовали отъ него указанія о мѣстѣ нахожденія этихъ суммъ, и, не получивъ отъ него указанія о мѣстонахожденіи этихъ суммъ и, не получивъ отъ него требуемаго указанія, убили его. Впрочемъ, деньги эти отъ нихъ не ушли. Находившіяся подъ охраною отряда Е. Ф. Роговскаго, онѣ въ ночь на 18 ноября слѣлались достояніемъ омской полиціи.

А безъ этихъ средствъ и при полномъ отсутствіи ассигнованій отъ Временнаго Правительства Съѣздъ не могъ не только развивать какую-либо дѣятельность, но и существовать. На немъ лежала обязанность и эту обязанность онъ считалъ одной изъ основныхъ и существенныхъ — принимать всѣ мѣры къ переброскѣ изъ совѣтской Россіи членовъ У. С. въ Сибирь. Осуществленіе ея требовало средствъ, и трудности по ея исполненію возрастали по мѣрѣ движенія фронта на востокъ. Необходимость средствъ возрастала съ каждымъ днемъ и Съѣздъ всячески добивался ихъ получить. Не полагаясь на присылку ихъ мѣрами Правительства, онъ не разъ отправлялъ въ

Омскъ за ихъ выручкой свои отдѣльныя делегаціи (В. Г. Архангельскій и М. Я. Гендельманъ). Но условія Омска были до того кошмарны, что подъ страхомъ нападенія на нихъ и ограбленія ихъ офицерскими заговорщицкими группами командируемыя въ Омскъ лица возвращались оттуда съ самыми незначительными суммами. Кажется, было привезено всего около 18.000 руб. Въ зависимости отъ такого положенія возложенное на Съѣздъ дѣло по собранію членовъ У. С. оставалось на мертвой точкѣ. За время Екатеринбургскаго пребыванія Съѣздъ сумѣлъ переехать черезъ фронтъ одного единственнаго члена У. С. — Герштейна.

Лишенный средствъ, лишенный возможности развить предположенную дѣятельность, Съѣздъ все болѣе и болѣе сталъ чувствовать себя забытымъ Временнымъ Правительствомъ. Временами казалось, что Правительство намѣренно отказывало ему въ содѣйствіи, обѣщанномъ ему торжественно въ актѣ о принятіи власти. Это порождало и укрѣпляло общее недовѣріе къ поведенію власти, и между Съѣздомъ и властью отношенія становились все болѣе холодными. Цѣлый рядъ дѣйствій Правительства казался Съѣзду послѣдовательной сдачей позицій, за развитее и укрѣпленіе которыхъ Правительство торжественно взяло на себя обязательство. Роспускъ Сибирской Областной Думы, облеченный хотя и въ форму самороспуска, неумѣнне отстоять кандидатуру самарскихъ Управляющихъ В. въ Совѣтъ Министровъ, приглашеніе Колчака на постъ военнаго Министра, безсиліе обнаружить и наказать убійцъ Новоселова и Моисеенко и многое другое мало свидѣтельствовало о твердости власти въ отстаиваніи началъ законности и демократическомъ его поведеніи.

Между тѣмъ, окружающая обстановка, казалось, требовала наибольшаго координированія и согласованія дѣйствій Правительства со Съѣздомъ и взаимнаго между ними пониманія. Трудно было допустить, что Правительство намѣренно унижало Съѣздъ и затрудняло ему его работу. Поэтому многіе склонны были думать, что Правительство занято болѣе важными и неотложными государственными дѣлами и что его поведеніе обуславливалось не личными мотивами, а неустрашимыми внѣшними фактами. Но это давало мало основаній для успокоенія и довѣрчиваго упованія на измѣненіе отношеній въ будущемъ. Вѣдь, это свидѣтельствовало, что Правительство стало ра-

бомъ окружающихъ его обстоятельствъ и силъ; а если это было такъ, то ждать отъ него подлиннаго содѣйствія Съѣзду становилось бесполезнымъ. Были и другіе факты, утверждавшіе большинство Съѣзда въ его скептическихъ къ Правительству мнѣніяхъ и настроеніяхъ.

10 ноября въ Екатеринбургѣ состоялось торжество врученія знаменъ полкамъ второй дивизіи чеховойскъ. На это торжество Правительство своимъ представителемъ делегировало Колчака. Послѣ церемоніи врученія былъ организованъ банкетъ, на который были приглашены и два представителя Съѣзда. Съѣздъ послалъ И. М. Брушвита и Г. Ф. Алуюнова. Передавая потомъ свои впечатлѣнія отъ этого банкета, они указали, что основное настроеніе, какое у нихъ создавалось отъ него, была обида за Временное Правительство: англійскій генераль Ноксъ, а за нимъ и другіе, оказывали Колчаку подчеркнутое вниманіе и почести, подобающія лишь подлинному носителю государственной власти, намѣренно избѣгая при этомъ выраженія какихъ либо знаковъ вниманія къ самому Правительству. Помню, одинъ изъ членовъ Съѣзда тогда же усматривалъ въ Колчака будущаго диктатора и предугадывалъ содѣйствіе именно англичанъ и, въ частности, Нокса при возведеніи Колчака въ это званіе. Но это прозрѣніе, сбывшееся въ скоромъ времени въ точности, не было тогда общимъ прозрѣніемъ Съѣзда, хотя Съѣздъ тогда же оцѣнилъ этотъ шагъ Директоріи — выдвиганіе впередъ Колчака — какъ непоправимую и опасную ошибку Правительства. И въ этой оцѣнкѣ онъ оказался правъ. Гинсъ и Гайда свидѣтельствуютъ, что нѣкоторые омскіе круги устроили эту командировку Колчака съ преднамѣнною цѣлью показать его фронту, популяризировать его въ рядахъ арміи и заручиться ея симпатіями къ нему и тѣмъ подготовить пріятіе диктатуры арміей *).

Незавидно было положеніе Съѣзда. Не болѣе блестящее было и положеніе Правительства. Безрадостны были и открывшіяся передъ ними перспективы. Все это мало располагало Съѣздъ къ планомѣрнымъ занятіямъ. Правда, Съѣзду не было отведено мѣста для большихъ плановъ и большихъ работъ. Но и то, что лежало на его обязанности — собраніе членовъ У. С. и подготовка его ра-

*) См. Гинсъ. - Сибирь, Союзъ Колчака, I, стр. 307 Гайда. - - Моје рачеті, стр. 113-114.

ботъ — требовало болѣе нормальныхъ условій и большей увѣренности въ практической возможности и значимости этихъ работъ.

Сѣздъ до конца своего пребыванія въ Екатеринбургѣ оставался безъ помѣщенія. Сначала военными властями ему для занятій было отведено помѣщеніе какого-то реального училища. Но когда оно было приведено въ порядокъ и отремонтировано, оно было отобрано отъ Сѣзда, съ указаніемъ, что оно необходимо для военныхъ надобностей. Сѣзду же было отведено другое помѣщеніе — старое зданіе епархіального училища — въ далекомъ концѣ города, совершенно запущенное и безъ крупнаго ремонта непригодно для пользованія. Цѣлыхъ двѣ недѣли возился И. М. Брушвинъ по приведенію его въ пригодное для пользованія состояніе. Но тутъ наступили событія, окончательно пресѣкшія какія-либо попытки Сѣзда къ пользованію не только этимъ, но и всякимъ другимъ помѣщеніемъ. Но о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ такихъ условіяхъ пытался Сѣздъ что-то дѣлать, чѣмъ-то заниматься. Происходили пленарныя засѣданія, фракціонныя собранія и т. п. Но засѣданія его созывались нерегулярно и въ разныхъ помѣщеніяхъ. Предметомъ его занятій являлись въ большинствѣ случаевъ вопросы организаціонные и административные, не представлявшіе интереса не только для постороннихъ Сѣзду лицъ, но и для него самого. Казалось, они созывались для обманчиваго самоуспокоенія Сѣзда. Общественнаго интереса къ нимъ не было никакого. Къ Сѣзду Екатеринбургѣ былъ совершенно равнодушенъ. Опъ его не замѣчалъ.

Вся эта вѣдѣнная обстановка и внутреннее состояніе деморализующе дѣйствовали не только на Сѣздъ въ цѣломъ, но и на отдѣльныхъ его членовъ. Не имѣя живого дѣла въ Сѣздѣ и не имѣя вѣры въ его будущее, одни изъ его членовъ уходили въ партійно-подпольную жизнь, другіе — предавались болѣе легкимъ и пріятнымъ формамъ времяпрепровожденія; а третьи — въ уныніе и тоску.

Екатеринбургъ самъ по себѣ мало давалъ пищи «для ума и сердца». Городъ «приваловскихъ милліоновъ» въ тѣ дни всеобщаго возбужденія борьбой съ большевиками и въ нудные полуженные-полужизненные дни не могъ привлечь вниманія даже вновь прибывшаго россіянина ни своей общественно-культурной жизнью, ни вѣдѣнными красо-

тами города и мѣстности, ни даже горячкой горлово-промышленной жизни. Лишь на одномъ страшномъ мѣстѣ останавливалось вниманіе: на высокомъ мѣстѣ по Вознесенскому проспекту, словно заколдованный и проклятый замокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокимъ деревяннымъ заборомъ, возвышался ставшій отъ того мѣста исторически-страшнымъ домъ Ипатьева, зловище повѣстующа о неотомщенномъ злодѣяніи, совершенномъ три мѣсяца тому назадъ надъ бывшимъ посетителемъ высшей въ государствѣ власти, надъ его семьей, надъ его ни въ чемъ неповинными дѣтьми и слугами.

У большинства членовъ Съѣзда это ужасное мѣсто мало возбуждало интереса и вниманія, и я ни отъ кого и ни о комъ не слыхалъ разговора, чтобы не только этотъ страшный домъ, но и само преступленіе привлекло къ себѣ какое-либо вниманіе членовъ Съѣзда.

Я не знаю причинъ этого равнодушія, но не могу пройти мимо этого непонятнаго для меня отношенія къ дѣянію, необнимасмому никакою мѣрою человѣческаго злодѣянія.

Не могу также забыть изъ этого гнетупаго времени одного момента, столь существенно важнаго лично для меня. Нѣкоторые изъ насъ: одни — по душевной потребности, другіе — изъ любопытства, а третьи — изъ праздности посѣщали екатеринбургскія церкви. 18-го ноября, какъ разъ въ день колчаковскаго переворота, пятеро изъ насъ были въ Покровской церкви, гдѣ шла такъ называемая «литургія Чайковскаго». Не могу забыть ни этого дня, ни этой службы. Она произвела на нѣкоторыхъ изъ насъ неповторимое и незабываемое впечатлѣніе. Лично же для меня она явилась одной изъ замѣтнѣйшихъ вѣхъ въ развитіи моего міопредставленія и складывающагося міопониманія. Я не музыкантъ, не имѣю и теоретическаго музыкальнаго образованія. Потому не могу претендовать на правильныя оцѣнки музыкальныхъ произведеній. До того дня я не слыхалъ «литургіи Чайковскаго». Но слыхалъ, что она духовными властями иногда не разрѣшалась къ церковному исполненію. Не знаю, чего больше въ этой оцѣнкѣ: мудрости ли православія или непониманія іерарховъ. Но для меня съ того дня стало несомнѣннымъ одно положеніе: величайшее проникновеніе П. И. Чайковскаго въ идею богочеловѣческой жизни и жертвы Христа Спасителя и христіанскаго искупленія человѣчества. Казалось, что

я присутствую не на церковной службѣ, а въ живомъ процессѣ богочеловѣческаго дѣла Искупителя, дѣла Его безконечной любви къ человѣчеству и Божественной Его жертвы. Я весь обратился въ духовное зрѣніе и всѣмъ существомъ своимъ проникалъ въ созвучіе словъ Божественной литургіи и музыкальной гармоніи; я предчувствовалъ и предугадывалъ ходъ послѣдующей музыки, ея характеръ, ея смыслъ. И благодарилъ Бога за ниспосылаемое мнѣ разумѣніе, когда мои музыкальныя догадки оправдывались послѣдующимъ исполненіемъ. Я ощутилъ и понялъ тогда всю глубину различія двухъ началъ, двухъ міровъ: неба и земли, духа и плоти, вѣчнаго и преходящаго, любви и ненависти, смиренія и гордыни. Я увидѣлъ также эти начала въ ихъ воплощеніи въ земномъ бытіи.

Я не могъ тогда опредѣлить и назвать тотъ духовный процессъ, который происходилъ во мнѣ. Не могу сдѣлать этого и теперь. Но если обращеніемъ называется рѣзкій и быстрый переходъ отъ одного міросищенія къ другому, отъ одной умонастроенности къ другой, опредѣляющей все дальнѣйшее умонастроеніе человѣка, то я не могъ бы отказать отъ того, чтобы назвать этотъ процессъ именемъ обращенія.

О происходившемъ со мною въ церкви и съ изложенными выше моими «еретическими» мыслями и впечатлѣніями я подѣлился потомъ съ двумя изъ моихъ ближайшихъ друзей по Съѣзду, и они, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ прослушанной службы, въ немногое не соглашались со мной, называя меня, однако, полушутливо-полусерьезно «пропавшимъ социалистомъ».

Я уже сказалъ, что одни изъ членовъ Съѣзда ушли въ партійно-политическую подпольную жизнь. То были изъ круга ближайшаго окруженія В. М. Чернова и Ц. К. Партии. Собственно, около Съѣзда политически активнымъ людямъ нечего было дѣлать. Поэтому тѣ изъ насъ, которые привыкли вѣчно что-то дѣлать, около чего-то хлопотать, не могли найти около Съѣзда нужнаго имъ поля дѣятельности и они сомкнулись гдѣ-то около партійнаго центра.

Самъ же Ц. К. партіи (правильнѣе, одна его часть (другая была въ Советской Россіи) не могъ, конечно, проходить мимо тѣхъ событій, которыя называли около Съѣзда и Временнаго Правительства. Вся складывающаяся обстановка явственно говорила о назрѣвающихъ на-

пріятныхъ событіяхъ, готовыхъ разразиться въ каждую минуту. И чтобы выразить свое отношеніе ко всему совершающемуся Ц. К. обратился 22 октября изъ Уфы съ циркулярнымъ письмомъ «Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ» *).

Документъ этотъ произвелъ на членовъ Съѣзда неодинаковое впечатлѣніе. Такъ какъ члены Ц. К. были и членами Съѣзда, то естественно, что эта резолюція вполнѣ раздѣлялась этой частью Съѣзда. Но другіе, не возражая противъ оцѣнки, касающейся данного политическаго по-

*) Документъ этотъ, мнѣ кажется, стоитъ того, чтобы воспроизвести его здѣсь полностью. Во всемъ развитіи послѣдующихъ политическихъ событийъ на Уралѣ и въ Сибири онъ сыгралъ исключительную роль. Онъ явился послѣдней чертой, обозначившей окончательный разрывъ неестественной связи между партией с. р. съ примыкавшими къ ней демократическими и социалистическими группировками — съ одной стороны, и концентрирующейся въ Сибири около сибирскаго правительства русской реакціи — съ другой. Въ рукахъ послѣдней документъ этотъ явился предлогомъ для травли и нападокъ на Директорію, Съѣздъ Учредительнаго Собранія, партію с. р. и вообще всѣхъ, кого она считала своими врагами и противниками.

Документъ этотъ въ свое время былъ опубликованъ только въ уфимской газетѣ «Народное Дѣло» № 178 отъ 11/24 октября 1918 г. Другіе же органы печати сдѣлали изъ него лишь извѣщенія, поскольку эти послѣдніе соотносились ихъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Мемуаристы и историки гражданской войны на Уралѣ и въ Сибири (Гилсъ, Бодыревъ, Святинскій, Мельгуновъ и др.) также приводятъ его не полностью, ограничиваясь лишь выдержками, имъ нужными. Вслѣдствіе этого пользованіе документомъ въ полномъ его видѣ въ настоящее время представляетъ для многихъ непреодолимую трудность. Номеръ газеты «Народное Дѣло» съ полнымъ текстомъ этого документа мнѣ удалось найти въ Архивѣ Чехословацкихъ Легій въ Прагѣ, Дирекціи котораго, въ лицѣ доктора Штейллера и майора Лоубка, приношу мою искреннюю благодарность за предоставленную мнѣ возможность разыскать этотъ документъ и его воспроизвести.

Вотъ этотъ документъ:

Партія Соц.-Революц «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ.

Въ борьбѣ, идущей между соціалистской Россіей и Россіей Учредительнаго Собранія, между оклократіей и демократіей, этой послѣдней угрожаетъ грозная опасность отъ примкнувшихъ къ ней съ цѣлью ея пораженія элементовъ контръ-революціи.

Стоящая въ центрѣ борьбы за Учредительное Собраніе партія с.-р. должна поэтому прежде всего и болѣе всего гарантировать себя отъ того, какъ бы черезъ ея голову не перекатилась волна контръ-револю-

ложенія и ближайшихъ политическихъ возможностей, «Письмо» въ цѣломъ тактически считали несвоевременнымъ и нецѣлесообразнымъ; предлагаемыя Ц. К. практическія мѣры находили неосуществимыми и способными лишь вызвать у Директоріи недоумѣніе и ощущение утраты ею послѣдней поддержки, а у враговъ Съѣзда — озлобленіе и новые мотивы для натиска на пр-во, Съѣздъ и партію с.-р., т. е. болыше усиленіе реакціи и террора. Съ другой стороны, нѣкоторыя положенія резолюцій, призы-
вающія къ военному обученію членовъ партіи, вооруже-

ніи совершенно такъ же, какъ годъ тому назадъ перекачались вотъ на большевистской анархіи.

Одною изъ самыхъ важныхъ гарантій противъ этой опасности является образованіе въ освобожденной отъ большевизма Россіи такой центральной государственной власти, которая бы высоко терпѣла злѣмъ народовластія, незапятнанное никакими сдѣлками съ явными и тайными врагами, энергически укрѣпляла организованность трудовой демократіи и столь же энергично разбивала всѣ попытки къ организаціи контръ-революціонныхъ замысловъ и силъ.

Существованіе такой власти вмѣстѣ съ тѣмъ явилось бы залогомъ популярности для Учредительнаго Собранія среди трудовыхъ массъ въ совѣтской Россіи, а потому и залогомъ его побѣды.

Но удовлетворительнаго разрѣшенія задачи организаціи власти на государственномъ совѣщаніи въ Уфѣ достигнуто не было.

Вѣвшими обстоятельствами, затравлявшими ея правильное разрѣшеніе, были гнетъ крайне тяжкаго международнаго положенія, усугубленнаго отсутствіемъ единой центральной власти, упорное сопротивленіе реакціонно-империалистической группы, свинувшей себя гнѣздо среди Сибирскаго Правительства, при соучастіи съ ней высшихъ круговъ казачества, и угроза чреватыхъ гражданской войной загоочировъ въ атмосферѣ военныхъ неудачъ на фронтѣ Учредительнаго Собранія, ослабленныхъ тайными и явными поражениями.

Съ другой стороны, на результатахъ Совѣщанія сказались общія ослабленность позиціи партійной эс-эровской фракціи, стражающей отъ недостатка единства и дисциплины, терроризаціи военными неудачами и угрожающимъ поведеніемъ правыхъ элементовъ, и оказавшейся поэтому не въ силахъ обезпечить партіи с.-р. такое мѣсто въ правительствѣ, которое соответствовало ея морально-политическому удѣльному вѣсу въ массахъ.

Главная побѣда партіи на Уфимскомъ Совѣщаніи, выразившаяся въ признаніи послѣднимъ правомочности Учредительнаго Собранія настоящаго созыва, грозитъ стать чисто номинативною въ виду того, что своими послѣдними заявленіями руководящіе круги казачества и кадетскіе сторонники сибирской оріентаціи какъ бы совершенно игнорируютъ всѣ принятыя ими на себя въ Уфѣ общеполитическія обязательства. Что же касается пунктовъ, въ которыхъ партіи пришлось

нію и военной мобилизаціи силъ партіи являлись несомнѣнно неосторожными, и были способны дать реакціонной сибирской юстиціи формальный предлогъ для возбужденія противъ Ц. К. партіи преслѣдованія по обвиненію его въ подготовкѣ къ вооруженному возстанію противъ существующей власти. Внѣслѣдствіи попытка къ этому дѣйствительно была сдѣлана. А между тѣмъ, практически эти призывы являлись безнадежно запоздалыми. Трудно было подъ бдительнымъ окомъ сибирской реакціи, захватившей въ свои руки весь аппаратъ принудительной силы госу-

дуствовать, какъ въ вопросахъ о личномъ составѣ и безотвѣтственности директоріи и фиксаніи срока созыва Учредительнаго Собранія, то ихъ значеніе сказывается въ рядѣ политическихъ промаховъ, обнаруженныхъ временнымъ правительствомъ.

Таковыми являются выборъ резиденціи, территоріальное разлученіе со Съѣздомъ Членовъ Учредительнаго Собранія, передача важнейшихъ общегосударственныхъ функцій соответствующимъ министерствамъ сибирскаго правительства, подтвержденіе временнаго роспуска сибирской областной думы, дѣлящаяся безнаказанность вдохнителей и руководителей омскаго контр-революціоннаго заговора, возстановленіе погоновъ и дисциплины стараго тѣла, попытка ликвидаціи антагонизма культурно-просвѣтительной работы въ арміи и цѣлый рядъ личныхъ назначеній, отдающихъ армію въ руки реакціонныхъ генераловъ и атамановъ.

Слабость временнаго правительства особенно ярко проявляется въ его пассивности передъ лицомъ такихъ фактовъ, какъ доселѣ неаннулированная отмѣна сибирскимъ правительствомъ закона Учредительнаго Собранія о землѣ, какъ Дутовская милитаризація рабочихъ, какъ сибирская расправа со Съѣздомъ профессиональныхъ союзовъ и дружины рабочими организаціями и крестьянскими движеніями, какъ цѣлый рядъ вопіющихъ нарушеній свободы слова и личности, отъ которыхъ все чаще и чаще страдаютъ отдѣльные лица и цѣлыя организаціи социалистическихъ партій.

Несмотря на эти промахи и проявленіе слабости и нерѣшительности, партія с.-р. въ соотвѣтствіи съ принятыми ею на себя въ Уфѣ обязательствами, продолжаетъ всемѣрно поддерживать центральное правительство въ его борьбѣ съ комиссародержавіемъ и готова оказать ему такую же всемѣрную поддержку въ борьбѣ съ реакціонно-антагонистическими группами, въ руки которыхъ мѣстами попала областная власть и которая стремится сдѣлать власть всер. врем. правительства чисто номинальной.

Партія с.-р. далѣе готова оказать врем. правительству всемѣрную поддержку въ дѣлѣ отстаиванія демократической свободы и независимости Россіи и установленія нормальныхъ отношеній съ союзниками, при условіяхъ, обезпечивающихъ страну отъ того, чтобы занятіе ея территоріи иностранными войсками не имѣло своимъ послѣд-

дарства, заниматься собираніемъ своихъ силъ, а тѣмъ болѣе ихъ вооруженіемъ. Наступало время и были подготовлены всѣ средства, чтобы остаткамъ Самары нанести послѣдній и рѣшительный ударъ.

4. Екатеринбургскій погромъ Съѣзда.

Утромъ 19 ноября въ Екатеринбургѣ стало извѣстно о произведенномъ Колчакомъ въ Омскѣ государственномъ переворотѣ. Пошли слухи объ арестахъ въ Омскѣ членовъ

иѣмъ ограниченіе ея суверенитета. Въ то же время партія полагаетъ, что страна имѣетъ право быть достаточно осведомленною о соотвѣствующихъ шагахъ временнаго правительсва, чья формальная безотвѣстность ни въ коемъ случаѣ не должна быть возмрзимою ко всѣмъ дефектамъ старой тайной дипломатіи.

Независимо отъ силъ и готовности врем. правительства даннаго состава энергично дѣйствовать во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, центромъ тяжести своей тактики партія с.-р. должна сдѣлать собираніе собственныхъ и примыкающихъ къ ней демократическихъ силъ вокругъ Учредительнаго Собранія и его преддверія — Съѣзда Членовъ Учредительнаго Собранія.

Работы Съѣзда должны быть для массъ трудовой демократіи пропагандой въ пользу будущаго правительства, отвѣтственнаго передъ Учредительнымъ Собраніемъ, соотвѣтствующаго **соціально-политической линіи** поведенія его большинства и по своему составу достаточно однороднаго для того, чтобы проводить эту политику не только на словахъ, но и на дѣлѣ съ той настойчивостью и энергіей, кою рой требуетъ критическій характеръ переживаемаго момента.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Съѣздъ Членовъ Учредительнаго Собранія долженъ теперь же приступить къ разработкѣ и широкой публикаціи во всеобщее свѣдѣніе законопроектвъ для Учредительнаго Собранія и подготовить планъ организаціи власти въ соотвѣтствіи съ федеративнымъ строемъ Россіи. Дѣятельность Съѣзда должна быть направлена на утвержденіе въ массахъ идеи народовластія и на мобилизацію общественныхъ демократическихъ силъ во имя защиты Учредительнаго Собранія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ посягательства на его права Съѣздъ могъ стать центромъ, организующимъ въ его защиту революціонную всероссійскую власть.

Сама партія должна сомкнуться, сплотить тѣснѣ свои ряды, излечиться отъ неувѣренности, колебаній, болѣзненнаго страха отвѣтственности и склонности слишкомъ легко капитулировать передъ влѣющимъ давленіемъ, проложившихъ себѣ дорогу въ ея ряды и грозящихъ оторвать верхъ партіи отъ низовъ, слишкомъ болѣзненно ощущающихъ всѣ сболы и шатанія, являющіеся источниками пораженія.

При этомъ условіи отрезвленіе массъ отъ миражей большевизма и дѣлаваго эс-эровства и политическое банкротство руководящихъ ими

Правительства. Предпріятіе Колчака, есаи бы слухи о немъ оправдались, не предвѣщало ничего хорошаго и для Съѣзда. Поэтому Президіумъ и Бюро Съѣзда постановили немедленно созвать засѣданіе пленума, что и состоялось въ тотъ же день въ уже приведенномъ въ порядокъ зданіи Епархіальнаго училища. Это было первое и послѣднее засѣданіе Съѣзда въ этомъ помѣщеніи, столь заботливъ приспособленномъ для Съѣзда неусыпными трудами И. М. Брушвита. Въ засѣданіи присутствовали всѣ наличные члены Съѣзда, и чувствовались въ первый разъ серьез-

фанатиковъ и авантюристовъ естественно возрывать въ сферу вліянія партіи тѣ массовые элементы, которые были отъ нея оторваны беззастѣнчивой демогогіей и революціоннымъ угаромъ бурнаго времени.

Въ предвидѣніи возможности политическихъ кризисовъ, которые могутъ быть вызваны замыслами контръ-революціи, всѣ силы партіи въ настоящій моментъ должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены съ тѣмъ, чтобы въ любой моментъ быть готовыми выдержать удары контръ-революціонныхъ организаторовъ гражданской войны въ тылу противобольшевистскаго фронта.

Работа по собранію, сплоченію, всестороннему политическому инструкторованію и чисто военная мобилизація силъ партіи должна явиться основой дѣятельности Центрального Комитета, давая ему надежныя точки опоры для его текущаго, чисто государственнаго вліянія.

Работа въ совѣтской Россіи должна явиться естественнымъ дополненіемъ къ этой дѣятельности Ц. К., привлекая къ знаменамъ партіи всѣ тѣ элементы массъ, которые пришли къ отрезвленію отъ большевистскаго угара, наглядно показывая имъ, что только дѣятельность Учредительнаго Собранія и руководящей въ ней фракціи с.-р. способна гарантировать народъ отъ смѣны большевистскаго засилья—контръ-революціоннымъ.

Партія должна быть радикально очищена отъ всѣхъ чужеродныхъ элементовъ, вносящихъ въ ея среду разложеніе, нарушающихъ выдержанность ея социалистическихъ позцій и единство ея тактики и тѣмъ подрывающихъ ея дисциплинированность и энергію.

Лишь при такомъ выпрямленіи своей политической линіи поведения, дѣятельности партіи с.-р. будетъ стоять на всей полнотѣ (высотѣ? С. Н.) переживаемаго трагическаго момента русской и міровой исторіи, и съ каждымъ новымъ шагомъ впитывать въ себя все новыя и новыя толпы искушеннои и наученной горькимъ опытомъ жизни массы, становящія все болѣе и болѣе глубоко народной партіей и въ этой, навсегда неразрывной, связи съ народомъ черпая силы для разрѣшенія тѣхъ политическихъ вопросовъ, которые для русскаго народа являются вопросами жизни или смерти.

Уфа, 22 октября 1918 г.

Центр. Ком. Партіи Соц.-Рев.

Обращеніе это было доставлено и въ фракцію с.-р. Съѣзда Членовъ Учредительнаго Собранія.

ность и важность дѣла, которымъ долженъ былъ заниматься Съѣздъ. Никто изъ членовъ Съѣзда не сомнѣвался въ серьезности момента, и сознание общей нависшей надъ Съѣздомъ и каждымъ изъ его членовъ и уже почти физически ощущавшейся опасности сплотило всѣхъ въ первый разъ въ единое цѣлое. Не было большихъ разговоровъ, не было пререканій. Послѣ сообщенія Вольскаго о происшедшемъ въ Омскѣ, оцѣнки, данной В. М. Черновымъ и, помнится, еще Фоминымъ, омскимъ событіямъ, Съѣздъ единогласно призналъ полную невозможность признанія законности происшедшаго и необходимость борьбы противъ омскаго предательскаго акта всѣми средствами. Въ тотъ моментъ рѣдко кто задумывался о наличіи этихъ средствъ. Беззаконіе и измѣна Омска были столь потрясающи, что возмущеніе противъ него заслоняло собою всѣ другія стороны предстоящей неравной борьбы.

Въ двухъ направленіяхъ намѣчалась дѣятельность Съѣзда: 1) мобилизациа всѣхъ силъ русской демократіи, преимущественно рабочихъ Екатеринбургa и 2) обезпеченіе дружественнаго Съѣзду содѣйствія со стороны чеховъ. Для проведенія этихъ мѣръ единогласно былъ избранъ Исполнительный Комитетъ Съѣзда въ составѣ: В. М. Чернова, В. К. Вольскаго, И. М. Брушвита, Н. В. Фомина, Н. Н. Иванова, Ф. Ф. Федоровича и Ильеса Алкина. Ему были предоставлены неограниченныя полномочія по осуществленію возложенныхъ на него задачъ и право на привлеченіе каждаго члена Съѣзда для исполненія отдѣльныхъ конкретныхъ задачъ и порученій.

Всѣмъ членамъ Съѣзда, въ ожиданіи всѣхъ возможностей со стороны агентовъ переворотчиковъ и возможныхъ посягательствъ на нихъ, было предложено оставаться изъ своихъ мѣстахъ.

По приказу Исполнительнаго Комитета, нѣсколько членовъ Съѣзда съ мѣстными членами партіи с.-р. были отправлены къ рабочимъ Верхъ-Исетскихъ заводовъ, и возвратившись оттуда, члены Съѣзда сообщили о полной готовности рабочихъ немедленно вооруженно выступить на защиту Съѣзда; 800 человекъ немедленно предоставили себя въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета. Сообщеніе это значительно ободрило Съѣздъ: если бы даже готовность рабочихъ не претворилась въ реальную помощь, то все же мы почувствовали за собой моральную

поддержку рабочей массы; а въ нашемъ положеніи, при полномъ къ намъ равнодушіи всего остального Екатеринбургa, это уже значило много. Но бѣда Съѣзда заключалась въ томъ, что онъ, какъ и всегда, въ эти опасныя и отвѣтственныя минуты, не рискнулъ взять на себя инициативу дѣйствительной борьбы. Какъ само Всероссийское учредительное Собраніе, такъ и временныя его образованія — Комитетъ и Съѣздъ членовъ У. С. часто, не учитывая своихъ силъ и средствъ, объявляли во всеобщее свѣдѣніе свою волю къ борьбѣ. Но это словесное объявленіе борьбы никогда не претворялось реально въ дѣло: не хватало дерзанія начать фактическую борьбу. Оттого, очевидно, они — У. С., Комитетъ и Съѣздъ — неизмѣнно проигрывали всякую борьбу. Быть можетъ, такое поведение Исполнительнаго Комитета Съѣзда въ данномъ случаѣ объяснялось и тѣмъ, что въ свое время въ Съѣздъ поступили свѣдѣнія объ обѣщаніи генерала Гайды отпустить для охраны Съѣзда достаточную военную силу.

Но враги его, не дремали. Получивъ непосредственно за переворотомъ приказъ Колчака о ликвидаціи «учредилловцевъ», русскія военныя власти, въ лицѣ начальника 25 стрѣлковой дивизіи генерала Бангерскаго, повели на Съѣздъ рѣшительную атаку.

Въ 5 часовъ вечера въ гостиницѣ «Пале-Рояль», гдѣ проживали многіе члены Съѣзда, въ томъ числѣ В. М. Черновъ и В. К. Вольскій, должно было состояться засѣданіе Исполнительнаго Комитета. Проживавшій на частной квартирѣ И. М. Брушвита, зайдя передъ засѣданіемъ Комитета въ столовую противъ Пале-Рояль, по Главному проспекту, замѣтилъ тамъ большое изобиліе военныхъ, вооруженныхъ револьверами, гранатами и винтовками. Подозрѣвая въ этомъ подготовку нападенія на Пале-Рояль, онъ немедленно вышелъ оттуда и направился въ Пале-Рояль. На углахъ улицъ около гостиницы его вниманіе было привлечено также необычайно большимъ числомъ вооруженныхъ военныхъ. Предупредивъ о грозящей опасности Чернова и Вольскаго, онъ отправился въ «Американскую гостиницу», на углу Покровской и Златоустовской улицъ, гдѣ помѣщался Чехословацкій Національный Совѣтъ, чтобы и тамъ сообщить о видѣнномъ около Пале-Рояль. Изъ членовъ Совѣта тамъ оказался лишь одинъ г. Краль, которому и было сообщено о происходящемъ. Во время этой бесѣды, со стороны Пале-Рояль раздалось нѣсколько взрывовъ, и у И. М. Брушвита не осталось ни-

какихъ сомнѣній, что нападеніе началось. Поэтому онъ сталъ настойчиво просить г. Краля вмѣшаться въ происходящее и потребовать отъ Гайды обѣщанной для Сѣзда охраны. Въ скоромъ времени въ помѣщеніе Совѣта явились еще три члена — Патейдль, Рихтеръ и Янекъ, которые рѣшительно потребовали отъ Гайды, подъ угрозой его отставки, немедленно предоставить Сѣзду охрану.

Гайда, также получившій приказъ изъ Омска *), подъ разными предлогами, а главнымъ образомъ ссылаясь на отсутствіе опасности, медлилъ распоряженіемъ о предоставлении охраны. Тогда И. М. Брушвиль рѣшилъ обратиться за помощью непосредственно къ чешскому коменданту города г. Блага. Къ сожалѣнію, онъ его тогда не нашелъ.

А тѣмъ временемъ около Пале-Рояля и въ немъ происходили слѣдующія событія.

Отрядъ русскихъ офицеровъ, вооруженныхъ почти всѣми родами оружія, окружилъ Пале-Рояль, ворвался въ него, бросилъ нѣсколько ручныхъ гранатъ и открылъ револьверную стрѣльбу. Въ этотъ моментъ по лѣстницѣ спускался недавно прибывшій изъ Перми с.-р. Моксуновъ, ничего не подозревая выходявшій изъ гостиницы. Пуля ему попала въ животъ и онъ свалился на лѣстницѣ. Убѣжденный потомъ въ больницу, онъ черезъ сутки умеръ. Офицеры бросились въ номера и, арестовавъ всѣхъ находившихся тамъ членовъ Сѣзда, въ томъ числѣ Чернова и Вольскаго, всего въ числѣ 14 человекъ, повели ихъ въ штабъ 25 дивизіи. Отъ неминуемой расправы, о которой уже злорадно говорили сопровождавшіе ихъ офицеры, ихъ спасъ комендантъ г. Блага, который все же былъ извѣщенъ кѣмъ-то о совершающихся въ городѣ событіяхъ. Онъ немедленно взялъ отрядъ чешскихъ солдатъ, нагналъ арестованныхъ на мосту черезъ Исеть, около гимназій и, освободивъ ихъ, обратно водворилъ въ Пале-Рояль.

Въ то время послѣдній представлялъ изъ себя осажденную крѣпость. Кругомъ гостиницы стояло кольцо вооруженныхъ русскихъ, а оно, въ свою очередь, оказалось въ кольцѣ вооруженныхъ чеховъ, пришедшихъ на охрану членовъ Сѣзда. Отношеніе между этими двумя вооруженными кольцами было настолько напряженное, что съ секунды на секунду между ними могла начаться рукопашная.

*) Арх. Р. Р. т. X.

Лишь черезъ полтора-два часа чешскія и русскія военныя власти могли договориться о снятіи русскаго отряда, и къ часамъ семи вечера обитатели Пале-Рояля остались подъ охраною чешскихъ войскъ.

О всѣхъ этихъ событіяхъ другіе члены Съѣзда узнали лишь позднимъ вечеромъ. Другая группа ихъ проживала въ гостиницѣ «Эрмитажъ» недалеко отъ «Американской гостиницы». Не имѣя точныхъ свѣдѣній о всемъ происшедшемъ и не зная о судьбѣ плѣнниковъ Пале-Рояля, оставшіеся на свободѣ члены Съѣзда послали туда И. В. Васильева и меня для подробнаго выясненія о всемъ случившемся. Узнать о случившемся намъ удалось, но возвратиться съ полученными свѣдѣніями обратно въ тотъ день намъ не довелось. Въ Пале-Рояль насъ впустили, но чешскій начальникъ караула обратно оттуда насъ не выпустилъ. Поведеніе его намъ показалось страннымъ и, вернувшись къ почетнымъ арестантамъ, мы сообщили имъ о нашемъ положеніи. Лишенные свободы, всѣ мы недоумѣвали, что съ нами: арестованы мы или взяты подъ охрану? Чешскій начальникъ караула намъ никакихъ объясненій не давалъ. Двусмысленность нашего положенія намъ все же удалось довести до свѣдѣній находящихся на свободѣ товарищей, которые и занялись выясненіемъ нашего положенія. Въ Чехо-Словацкомъ Национальномъ Совѣтѣ было объяснено, что положеніе каждаго члена У. С. столь опасно, что Н. С. никакъ не можетъ ручаться за цѣлость и неприкосновенность тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на свободѣ, ибо, заявляли тамъ, по ихъ свѣдѣніямъ, имѣется группа офицеровъ, поставившихъ себѣ цѣлью физическое уничтоженіе членовъ У. С. *). Поэтому Национальный Совѣтъ и чешское военное командованіе приняли рѣшеніе всѣхъ являющихся въ Пале-Рояль членовъ У. С. оставлять подъ непосредственной охраной чешскихъ войскъ. Объясненіе было достаточно вразумительное, и

*) Полковникъ Уордъ, принимавшій ближайшее участіе въ Омскомъ переворотѣ и посвященный во всѣ тайны заговорщиковъ, говоритъ: «Все дѣло (ареста членовъ Директоріи, С.-Н.) было въ рукахъ офицерской карательной организаціи, которая поклялась убить какъ разъ столько же большевиковъ-революціонеровъ, сколько офицеровъ было убито людьми вроде Троцкаго и Авксентьева (?)» (Стр. 88).

О существованіи террористической организаціи офицеровъ удостоверяетъ также Д. Ф. Раковъ въ своей брошюрѣ «Въ застѣнкахъ Колчака», стр. 18.

у задержанныхъ ни у кого не явилось особаго желанія протестовать противъ лишенія свободы.

Такихъ, какъ мы съ Васильевымъ, оказалось въ Палерояль человекъ семь. На ночь намъ отвели одну небольшую комнату; ночь мы провели хотя и не очень удобную (спали на полу), но зато безопасную.

Наступившій день принесъ намъ новый подарокъ. Лишь только мы встали, намъ предъявили приказъ генерала Гайды. Указывая, что политическая дѣятельность въ ближайшемъ отъ фронта тылу, откуда и отъ кого бы она ни исходила, разлагающе дѣйствуетъ на войска и фронтъ, и усматривая въ дѣятельности Съѣзда именно политической характеръ, генераль Гайда предлагалъ членамъ Съѣзда въ теченіе 24 часовъ покинуть Екатеринбургъ. Въ этомъ случаѣ генераль Гайда обезпечивалъ намъ свободный и безпрепятственный выѣздъ подъ охраной чешскихъ войскъ. Въ противномъ случаѣ онъ снималъ съ себя всякую отвѣтственность за цѣлость и безопасность жизни членовъ У. С. Въ томъ же приказѣ указывалось, что распоряженіе это не касается В. М. Чернова, за безопасность жизни котораго г. Гайда не ручался.

На оборотѣ приказа имѣлся отзывъ В. М. Чернова. Онъ гласилъ приблизительно такъ: «Предсѣдатель Всероссійскаго У. С. очень благодаренъ генералу Гайдѣ за то, что впредь за заботу о его жизни онъ (Черновъ) не будетъ обязанъ генералу Гайдѣ».

Ни у кого изъ насъ не оставалось сомнѣнія въ томъ, что унизительное освобожденіе намъ предлагаютъ за цѣну жизни В. М. Чернова. Не оставалось у насъ сомнѣнія и въ томъ, что эта цѣна установлена въ результатѣ переговоровъ Гайды съ русскими исполнителями приказа изъ Омска. Упустивъ возможность расправы съ цѣлой группой «учредилловцевъ», террористы добивались цѣннаго заложника или, въ худшемъ случаѣ, крови одного «учредилловца». У всѣхъ насъ, конечно, хватило духу не принять этого позорнаго предложенія, и мы единодушно заявили, что судьбу свою никто изъ насъ не отдѣляетъ отъ судьбы другихъ, и потому мы требовали или освобожденія всѣхъ безъ исключенія или такового же ареста.

Приказъ Гайды сталъ извѣстенъ и нашимъ товарищамъ, оставшимся внѣ Палерояль. Свободные члены Исполнительнаго Комитета, подвергая свою жизнь на каждомъ шагѣ опасности, дѣлали все, что было въ ихъ си-

лахъ. И. М. Брушвигъ и Н. В. Фоминъ немедленно отправились къ Гайдѣ. Личныя отношенія Гайды съ Фоминымъ были наилучшія. Фоминъ въ теченіе лѣта находился у Гайды въ качествѣ уполномоченнаго отъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата и своей трезвой разсудительностью, безукоризненной честностью и умѣренными взглядами заслужилъ искреннее уваженіе Гайды *). Впослѣдствіи распространился слухъ, что въ перемѣнахъ отношеній Гайды къ Колчаку поворотнымъ пунктомъ явился именно разстрѣлъ въ Омскѣ Фомина и что будто Гайда до того былъ потрясенъ этимъ актомъ, что угрожалъ послать въ Омскъ военный отрядъ для расправы съ виновниками гибели Фомина.

На прямо поставленный вопросъ: «Означаетъ ли оставленіе В. М. Чернова безъ охраны послѣдующій его арестъ?», Гайда далъ прямой и краткій отвѣтъ: «Да».

На вопросъ: «Считаетъ-ли онъ, Гайда, для себя возможнымъ арестовать Предсѣдателя Всероссійскаго У. С. ? Гайда съ большимъ волненіемъ также отвѣтилъ: «Да». Послѣ этого Брушвигъ и Фоминъ, заявивъ, что они не имѣютъ основаній для дальнѣйшаго разговора съ генераломъ, стали уходить. Лишь у самаго выхода Гайда вновь остановилъ ихъ и заявилъ, что онъ отмѣняетъ свое распоряженіе объ оставленіи Чернова въ Екатеринбургѣ и вмѣстѣ съ остальными членами У. С. предоставляетъ ему возможность покинуть Екатеринбургъ подъ охраной чешскихъ войскъ. Тогда Брушвигъ и Фоминъ заявили, что при создавшейся въ Екатеринбургѣ обстановкѣ они считаютъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Съѣзда въ Екатеринбургѣ и что наиболѣе пригоднымъ для Съѣзда городомъ, по ихъ мнѣнію, явилась бы Уфа. Гайда находилъ, однако, пребываніе Съѣзда въ прифронтовомъ городѣ въ политическомъ отношеніи не вполне удобнымъ и предлагалъ выбрать изъ тыловыхъ сибирскихъ городовъ, напр., Тюмень или Шадринскъ **). Брушвигъ и Фоминъ

*) Самъ Гайда въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что онъ «высоко уважалъ» Фомина и что послѣ убійства послѣдняго протестовалъ противъ убійства и требовалъ показанія виновныхъ. (См. R. Gajda. «Moje pameti» 1924, стр. 119).

**) Гайда имѣлъ отъ Колчака прямой приказъ арестовать Чернова и Вольскаго. Освобождая Чернова изъ-подъ ареста, онъ нарушалъ воинскую дисциплину. Чтобы провести это болѣе или менѣе благоприлично, съ одной стороны, и снять съ себя отвѣтственность передъ

противъ этого рѣшительно возражали, указывая, что отправление Съѣзда въ одинъ изъ этихъ городовъ равносильно выдачѣ его и его членовъ въ безраздѣльное распоряженіе разнузданной сибирской тыловой военщины. Тогда Гайда пересталъ настаивать на своемъ предложеніи и заявилъ, что противъ направленія Съѣзда въ Уфу онъ не будетъ возражать.

Такимъ образомъ, Съѣздъ вновь возиращался въ городъ, который онъ покинулъ пять недѣль тому назадъ. Въ виду того, что въ безопасномъ отъ нападеній тыловыхъ военныхъ круговъ слѣдованіи поѣзда ни у кого не было увѣренности, чехи предоставили для охраны поѣзда лучшую свою военную часть — саперный баталіонъ. Вечеромъ 20 ноября всѣ члены Съѣзда со своими семьями прибыли на станцію Екатеринбург II: производить посадку на городской станціи было признано опаснымъ — и въ сопровожденіи прекрасныхъ чешскихъ солдатъ, въ каждомъ вагонѣ по нѣсколько человѣкъ, вѣжливыхъ и услужливыхъ, поѣздъ нашъ двинулся въ ночную темноту.

Сопровождавшіе насъ чешскіе саперы сберегли насъ не только отъ екатеринбургскихъ колчаковскихъ молодцовъ. Чаша униженій Съѣзда и испытаній cadaго изъ насъ далеко еще не была исчерпана. Въ болѣе, чѣмъ поглотившая насъ ночь, мрачномъ будущемъ стояли передъ нами испытанія не менѣе тяжкія.

Едва успѣли мы пріѣхать въ Челябинскъ, какъ начались новыя попытки колчаковскихъ агентовъ забрать насъ въ свои руки. Мы были увѣрены, что отъ Челябинска путь нашъ лежитъ на Уфу. Такой же маршрутъ получили отъ своего начальства наши саперы. Какими-то путями одинъ изъ саперъ, находившихся въ одномъ съ И. М. Брушвиномъ вагонѣ, узналъ, что поѣздъ имѣетъ маршрутъ на Тюмень черезъ Куломзино (пригородъ Омска въ 6 верстахъ отъ него) и съ недоумѣніемъ сообщилъ объ этомъ

Колчакомъ и Нац. Совѣтомъ — съ другой, Гайда и выдумалъ ссылку Съѣзда въ одинъ изъ указанныхъ городовъ, гдѣ арестъ членовъ У. С. могъ быть проведенъ безпрепятственно и вполне благополучно. Гайда находился между двухъ огней и изъ этого положенія рассчитывалъ выйти созданіемъ такой обстановки, при которой его нельзя было обвинять ни въ нарушеніи приказа Колчака, ни въ неисполненіи требованія Нац. Совѣта.

Брушвиту. Брушвить немедленно увѣдомилъ объ этомъ Исполнительный Комитетъ и Президіумъ Съѣзда. Сообщение не оставляло сомнѣній, что чья-то рука упорно тянется къ намъ и хочетъ насъ задушить, раздавить. Необходимо было немедленно провѣрить это свѣдѣніе и принять противъ плановъ врага рѣшительныя контрмѣры.

Для этого Брушвить, Фоминъ и Раковъ были делегированы къ чехамъ — къ членамъ Национальнаго Совѣта и представителямъ командованія. Изъ первыхъ въ Челябинскѣ оказались д-ръ Викторъ Свобода и полк. Медекъ. Вмѣстѣ съ докторомъ Свобода делегаты Съѣзда отправились къ квартирмейстеру чешскихъ войскъ г. Клецанда, у котораго нашли подтвержденіе сообщеннаго саперомъ. Однако, г. Клецанда заявилъ, что распоряженіе исходитъ отъ Начальника Штаба Главнокомандующаго чеховойскъ генерала Дитерихса *) и оно можетъ быть отмѣнено лишь Главнокомандующимъ.

Для встрѣчи съ послѣднимъ необходимо было видѣть полковника Медека, хорошаго знакомаго Брушвита, но отыскать и видѣть его стоило огромныхъ усилій. Все жъ онъ былъ найденъ, и наши делегаты вмѣстѣ съ нимъ и д-ромъ Свободой отправились къ генералу Сыровому. Здѣсь д-ру Свободѣ, горячо раздѣлявшему опасенія представителей Съѣзда и поддержанному полк. Медекъ, удалось добиться отмѣны установленнаго Начальникомъ Штаба маршрута и получить приказаніе отправить поѣздъ на Уфу.

Сѣти враговъ У. С., свившихъ себѣ гнѣздо даже въ Штабъ Главнокомандующаго чеховойскъ, благодаря бдительности саперъ, и на сей разъ были прорваны. Но только прорваны. Не оставалось мѣста для сомнѣній, что Съѣздъ, вырвавшись изъ этихъ сѣтей одинъ-два раза, подвергнется покушеніямъ въ третій, пятый или послѣдующій разъ.

Сомнѣній въ этомъ не было. Но что могли мы выставить противъ насаждающаго врага? Сумѣетъ ли разслабленная демократія собрать свои ослабѣвшія въ борьбѣ

*) Дитерихсъ и Гайда, дѣйствовали по телеграфному приказу Колчака арестовать членовъ У. С. и доставить ихъ въ Омскъ (см. проз.)

на два фронта силы и отразить обнаглѣвшаго врага? Или игра ея уже проиграна безнадежно и день окончательнаго ея разгрома неминуемъ и недалекъ? Съ такими мыслями, высказанными и невысказанными, прибыли мы 22 ноября въ Уфу.

С. Н. Николаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

U. S. E.?

Планъ, развитый въ нашумѣвшемъ меморандумѣ Бріана объ «организации режима федеральнаго европейскаго союза» на основѣ «абсолютнаго суверенитета» отдѣльныхъ европейскихъ «штатовъ», уже породилъ цѣлую литературу. Уже въ журналахъ, спеціального и общаго характера, печатаются даже проекты будущей панъ-европейской конституціи, разсматриваются вопросы, въ какія отношенія новая система станетъ къ Лигѣ Націй, къ Америкѣ, къ СССР, и т. д. Я имѣю намѣреніе говорить здѣсь объ этомъ планѣ не какъ публицистъ, не какъ политикъ, а какъ историкъ. То есть для меня планъ Бріана, въ данный моментъ, интересенъ, какъ показатель извѣстной общественной тенденціи въ развитіи нашей цивилизаціи, вѣрнѣе — какъ примѣръ того, какъ обычно подобныя тенденціи извращаются практическими политиками; такъ что, исходя изъ разбора политическихъ проектовъ, съ точки зрѣнія ихъ нежизненности, историкъ и можетъ придти къ пониманію истинной сущности движенія исторической жизни. Въ основѣ плана Бріана лежатъ двѣ идеи: идея солидарности европейскихъ народовъ и государствъ и идея независимости — «самоопредѣленія» — этихъ народовъ. Признакомъ-жѣ, по которому опредѣляется субъектъ этой независимости, служить — какъ и для создателей Лиги Націй, — фактъ обладанія суверенитетомъ. Общество, надѣленное суверенитетомъ, есть Нація. Какъ, однако, согласить это съ другимъ, — не подлежащимъ оспариванію — фактомъ, фактомъ, признаннымъ самими же практическими политиками — существованія, въ границахъ каждой европейской «націи» національныхъ меньшинствъ? Тотъ-же Бріанъ, впрочемъ, вышелъ изъ затрудненія легко: режимъ національныхъ меньшинствъ, заявилъ онъ недавно, имѣетъ назначеніемъ — облегчить этимъ меньшинствамъ «безболѣзненное сліяніе» съ господствующей націей. «Умопостигаемо» эти меньшинства «не существуютъ»: ихъ наличность въ «эмпирически» дан-

номъ бытіи соотвѣтствующаго Государства «не разумно», ибо противорѣчить «чистой идеѣ» Государства-Націи. А такъ какъ ни истребить ихъ поголовно, ни выселить невозможно (на Востокѣ Европы эти опыты, впрочемъ, дѣлаются), то — пусть себѣ они считаются «національными меньшинствами», помня, однако, что это ихъ состояніе только «моментъ», и что если Правительства, вопреки *status'u* о меньшинствахъ, закрываютъ, напримѣръ, ихъ школы, то это — въ ихъ же интересахъ, ибо — опять таки «умопостигаемо» — они сами этого хотятъ, должны хотѣть, — а имъ только кажется, что они хотятъ другого. Подобно тому, какъ *omnis anima naturaliter est christiana*, даже языческая, — такъ и каждый альзасскій нѣмецъ, фіуманскій словенецъ, русскій на Волини, болгаринъ въ Сербской Македоніи есть «по природѣ» французъ, итальянецъ, полякъ, сербъ. Такъ долго европейскіе народы боролись за національное самоопредѣленіе, что понятія Націи и Суверенитета въ концѣ концовъ сраслись и отождествились, — и то, что раньше было предметомъ домогательствъ Націй, стало, въ концѣ концовъ, ея признакомъ. Современные политики тѣмъ легче смѣшиваятъ понятія Націи и Государства, что въ самомъ языкѣ они не дифференцируются. Мы говоримъ, правильно замѣчаетъ одинъ германскій историкъ *): Національные цвѣта, національныя границы, національные доходы. подразумевая, на самомъ дѣлѣ государственныя границы, государственный флагъ, государственные доходы; говоримъ объ интернаціональныхъ отношеніяхъ, имѣя въ виду между-государственныя, и т. под.

Если практическіе политики — и теоретики, — довольные современной политической картой Европы, считаютъ нужнымъ только окончательное заполненіе уже существующихъ «національных» границъ соотвѣтствующими, «долженствующими реализоваться», націями, то недовольные думаютъ о другомъ: о новомъ размежеваніи уже существующихъ націй. Государства, изъ лже-національныхъ, изъ «Имперій», должны превратиться въ подлинно-національныя. Вильгельмъ Зауэръ, философъ и обществовѣдъ,

*) Hugo Preller, Internationalismus als Problem, «Archiv für Politik und Geschichte», 1928, S. 101-103. Рѣчь идетъ, конечно, о зап.-европейскомъ словоупотребленіи: Nationalgrenzen, Nationaleinkommen...

въ своей большой, весьма ученой, еще болѣе претенціозной и до крайности наивной книгѣ, Основы Общества *), разсуждаетъ: «Государство и Нація отнынѣ будутъ шествовать объединяясь, — Государство, какъ внѣшняя форма Націи. Государство и Нація, если только это допустить благопріятствующая историческая судьба (??), будутъ покрывать другъ друга. Если нѣтъ, — они будутъ непрестанно стремиться къ этому соединенію. Ибо Государство и Нація предназначены другъ для друга (?). Тамъ, гдѣ они соединены, они живутъ въ добромъ согласіи. Надо надѣяться, что навсегда миновало то время, когда Государство и Культура противостояли одно другому вполне чуждо и безучастно...» Съ этой маниловской романтикой справиться нетрудно. Въ исторіи нѣтъ «нормальныхъ» и «ненормальныхъ» величинъ и состояній. Чистый догматизмъ — что Государство непременно должно быть національнымъ и Нація непременно должна стремиться къ огосударствленію. Мы знаемъ Государство-орду, Государство-кланъ, Государство-городъ, Государство-націю, Государство-Имперію. Знаемъ также различныя формы національнаго бытія. Я уже говорилъ **), что единственнымъ постояннымъ признакомъ Націи является языкъ, — «душа» народа, ибо нація есть психическая величина. Для того, чтобы отстоять себя нація стремилась — и стремится — къ политическому «самоопредѣленію». Это — средство, а не цѣль. Нельзя утверждать, что иныхъ средствъ самоогражденія у Націи нѣтъ и быть не можетъ. Мыслимы самыя разнообразныя формы реализаціи Націи. Вопросъ о болѣе справедливомъ и цѣлесообразномъ устройствѣ европейскаго (а можетъ быть и не только европейскаго) челоѣчества; какъ совокупности Націй, можетъ быть рѣшаемъ и независимо отъ вопроса о національно-государственныхъ границахъ. Возможно и такое рѣшеніе перваго изъ этихъ вопросовъ, при которомъ второй утратитъ свою остроту, — просто отпадетъ.

Здѣсь требуется извѣстная, если можно такъ выразиться, теоретическая отвага. Историкъ долженъ имѣть смѣлость нарисовать утопію. Не нужно пугаться это-

*) W. Sauer, Grundlagen der Gesellschaft, 1924, S. 343 сл.

**) Нація и Языкъ, Совр. Зап. XL (1929); также Проблема Русско-украинскихъ отношеній въ свѣтѣ исторіи, Прага, 1930

го слова. Утопія есть мѣѡ, обращенный на будущее. Безъ мѣѡ же историкъ обойтись не можетъ. Мѣѡ есть не что иное, какъ выраженіе основныхъ тенденцій извѣстнаго момента, извѣстной стадіи историческаго развитія, ихъ «идей». Мѣѡ не непременно является художественнымъ воплощеніемъ этой Идеи, какъ въ Библии и у Гомера. Мѣѡ можетъ выразиться и въ системѣ понятій, — такъ же точно, какъ въ вереницѣ художественныхъ образовъ. Если критеріемъ достоинства мѣѡ художественнаго является его эстетическая убѣдительность, то критеріемъ годности мѣѡ научнаго должна быть его продуманность. Учитывая историческіе факты, надлежитъ идти, въ ихъ истолкованіи, до конца. Соблюдепо это условіе — мѣѡ научный такъ же правдивъ, какъ Гомеръ или Библия. И то же самое относится и къ «утопіи», то есть «картинѣ» или «плану» будущаго. Всякій планъ, всякая политическая программа всегда — «утопія», поскольку это есть именно планъ, т. е. проекція на одной плоскости того, что осуществляется въ извѣстной послѣдовательности и, осуществляясь, все время неминуемо перерождается. «Правдивость» утопіи поэтому — особаго рода. Фантастическое «будущее», изображаемое нами въ «разрѣзѣ», есть лишь общее мѣсто, на которое мы «проектируемъ» существующія въ томъ настоящемъ, въ которомъ мы сами движемся и живемъ, тенденции. Если эти тенденции учтены всѣ и если ихъ значеніе и смыслъ продуманы до конца, утопія годится, если нѣтъ — нѣтъ.

Примѣромъ негодной утопіи и можетъ служить планъ Бріана, — а еще болѣе нагляднымъ, ибо здѣсь та же самая утопія развита подробнѣе. Планъ «Панъ-Европы», принадлежащій графу Куденхове-Калерги. Авторъ плана исходитъ изъ признанія, что существуетъ, наряду со множествомъ отдѣльныхъ европейскихъ націй, — и надъ ними — еще Европейская Нація, и заключаетъ, что этой величинѣ должно быть подыскано соответствующее оформленіе, въ видѣ европейскихъ соединенныхъ штатовъ*). Онъ очевидно руководился аналогіей «большихъ націй» Европы и Америки, создавшихъ путемъ объединенія на федеративныхъ началахъ «малыхъ Націй», — германской, путемъ объединенія саксон-

*) Richard N. Coudenhove-Kalergi; Pan-Europa, 1923.

цевъ, баварцевъ, прусаковъ, вестфальцевъ и т. д.; американской, путемъ объединенія южныхъ, сѣверныхъ и западныхъ «штатовъ». Ошибка гр. Калерги прежде всего въ томъ, что онъ построилъ свою утопію, исходя не изъ учета живыхъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи, а изъ мифа о нихъ, который ихъ всегда такъ или иначе убиваетъ, замораживаетъ. Для него — «малыя» націи внутри большой, и самая эта «большая» Нація, очевидно, постоянныя, неизмѣнныя величины. Американскіе штаты еще недавно считались «націями», еще недавно, американцы, ревнивые къ суверенитету штатовъ, избѣгали называть свой Союзъ «Націей», но — что осталось теперь отъ былого суверенитета штатовъ? Немногимъ больше имени (state — Государство). Куда дѣвались прежнія притязанія отдѣльных штатовъ на право «нулификацій» постановленій Конгресса? «Суверенитетъ» штатовъ проявляется сейчасъ развѣ только въ томъ, что въ одномъ разрѣшеніи высказывать подозрѣнія насчетъ родства человѣка съ обезьяной, а въ другомъ такая ересь карается, какъ уголовное преступленіе; въ одномъ излишняя молчаливость супруга — или супруги — считается законнымъ поводомъ къ разводу, а въ другомъ, напротивъ, излишняя болтливость; въ одномъ преступниковъ вѣшаютъ, въ другомъ — предоставляютъ имъ комфортъ электрическаго стула. И германская Федерация все больше приближается къ типу унитарнаго Государства. Отношеніе «малыхъ» англосаксонскихъ или германскихъ націй къ «большимъ» существенно иное, нежели отношеніе историческихъ европейскихъ Націй къ выдуманной графомъ Калерги панъ-европейской, — хотя бы уже потому, что послѣдней недостаетъ того, что является признакомъ единства англосаксовъ съ одной стороны и германцевъ — съ другой: единства языка. Гр. Калерги, разумѣется, правъ, когда онъ указываетъ на единство европейской культуры. Но это указаніе — общее мѣсто. Надо поставить вопросъ о природѣ отношенія этой единой культуры къ историческимъ національнымъ культурамъ и о природѣ отношенія мѣстныхъ, «провинціальныхъ» культуръ въ предѣлахъ каждой исторической Націи къ ея національной культурѣ. Этотъ вопросъ у автора едва намѣченъ. Эта культура — х р и с т і а н с к а я. Вотъ отсюда автору и слѣдовало-бы двигаться. Вопросъ, поставленный нами, — вопросъ ф и л о с о ф с к о - историческій, т. е. вопросъ объ абсолютной цѣнности отдѣль-

ныхъ культуръ. Каждый изъ великихъ европейскихъ народовъ создалъ свой особенный культурный стиль, основанный на томъ или иномъ отношеніи къ христіанству, къ обще-христіанскому культурному фонду. Мы различаемъ культуры католическую, протестантскую, православную. Въ предѣлахъ этихъ культуръ существуютъ свои, имѣющіе собственную цѣнность и собственный смыслъ культурные типы, напр., кальвинистскій и лютеранскій, византійскій и русскій. И католичество Св. Франциска и Данте не то же самое, что католичество Паскаля или католичество Св. Терезы. Но можно-ли идти далѣе и придавать, съ этой точки зрѣнія, такое же значеніе областнымъ, «провинціальнымъ» культурамъ Каталоніи, Лангедока, Тюрингии и т. д., въ ихъ отношеніи къ культурамъ Испанской, Французской, Нѣмецкой и т. д., какое мы придаемъ этимъ послѣднимъ въ ихъ отношеніи къ обще-европейской? Очевидно — нѣтъ.

Вслѣдствіе этого, между тѣмъ какъ исторически сложившіяся Націи движутся въ сторону все возрастающаго духовнаго единства, «европейская Нація» такой тенденціи не проявляетъ. Вѣдь слишкомъ-же извѣстно, что Европа, какъ христіанскій міръ (*Europa oder die Christenheit* Новалиса), была въ Средніе вѣка несравненно болѣе единая, нежели впослѣдствіи. Тогда дѣйствительно существовала «федерация» христіанскихъ народовъ, объединившаяся учрежденіями, сложившимися на почвѣ христіанской культуры. Номинально, Папа и Императоръ — «*ces deux moitiés de Dieu*» (Гюго) — «представляли Европу, ея Государей и ея Народы, подобно тому какъ Императоръ Бисмарковской Германіи «представлялъ» Германію или Президентъ С. Штатовъ «представляетъ» Америку. Если отправляться отъ культуры — въ подлинномъ смыслѣ слова, т. е. отъ человѣческаго дѣланія, поскольку оно вдохновляется высшими запросами Духа, — то придется признать, что урегулированіе «Европы», какъ нѣкоторой системы международныхъ отношеній, которое исключало бы то состояніе перманентной, пусть и скрытой, войны между европейскими народами, въ какомъ они пребывають сейчасъ и пребывали и раньше — н е м ы с л и м о.

Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, если отправляться отъ опредѣленія европейской культуры, какъ христіанской, то какой смыслъ имѣетъ дѣлаемое авторомъ противопоставленіе «Панъ-Европы» всему внѣ-европейскому

миру? Въ «Панъ-Европу» слѣдовало бы включить не только Америку, но и — Абиссинію. Да и кому неизвѣстно, что «Европа», какъ культурная величина, давнымъ давно переросла границы «Европы», какъ величины географической? Авторъ и здѣсь исходитъ изъ нѣкотораго мнѣя. Антагонизмъ «Европы» и внѣ-европейскаго міра для него, какъ видно, есть фактъ, во-первыхъ, постоянный и неизбывный, а, во-вторыхъ, — всегда односмысленный и однозначущій. Между тѣмъ этотъ антагонизмъ имѣетъ теперь, во время борьбы англійскаго правительства съ Махатма-Ганди или съ египетскими націоналистами, совершенно иное значеніе и носить совершенно иной характеръ, чѣмъ во время Крестовыхъ походовъ или завоеванія Сѣв. Америки испанцами. Индійскій и египетскій націонализмы — чистѣйшіе продукты европеизаціи Египта и Индіи. Египетскія и индусскія броженія и возстанія нашихъ дней, точно такъ же, какъ младотурецкая революція и переворотъ Кемалъ-Паши — все это симптомы расширенія «Европы», а не борьбы противъ «Европы». Или, если угодно, это — борьба противъ Европы въ старомъ политико-географическомъ смыслѣ этого слова, но не — противъ «Европы» въ кавычкахъ, — точно такъ же, какъ и назрѣвающая уже и подмѣченная гениально-зоркимъ В. Зомбартомъ борьба внѣ-европейскаго капитализма съ европейскимъ. И пусть эта борьба сопровождается, поддерживается, даже вызывается религиозно-национальнымъ подъемомъ внѣ-европейскихъ народовъ, — все же не противъ «Панъ-Европы», какъ христіанскаго міра, и не противъ европейской цивилизаціи она направлена.

Это подводитъ насъ къ третьему — и самому важному — пункту всей проблемы. «Европеизмъ» — понятіе двусмысленное. Въ европейской культурѣ надо различать ея корни и ея плоды. Европейская культура — христіанская по своему происхожденію. По своей сущности въ настоящее время это культура — рационалистическая. Рационализація быта, политическаго строя, государственнаго хозяйства, военной техники, — вотъ что мы имѣемъ въ виду, когда мы говоримъ о европеизаціи Японіи или Турціи. И въ самой Европѣ, въ настоящее время, именно это является главнымъ историческимъ фактомъ общаго, повсемѣстнаго значенія.

Культурный кризисъ нашего времени, ощущаемый еще

до войны (*Der Untergang des Abendlandes* Шпенглер был задуман до Войны), обострившийся во время Войны и Революции, крушение стольких надежд и разрушение стольких ценностей, породили повсюду — и в России и в Зап. Европѣ — «апокалиптическія» настроенія, вызвали потребность въ какомъ-либо «Возрожденіи», реакцію противъ «Современности», противъ «европеизма», противъ «цивилизации», реакцію въ сторону «романтизма» съ его поисками «родного лона», «истоковъ», забытыхъ традицій. Появились пророки, возблаговѣстившіе о «Новомъ Средневѣковѣ». Было рѣшено, что «сатанинская» рационалистическая цивилизація дошла уже до своего предѣла и теперь, такъ сказать, съѣдается сама себя, и что теперь, стало быть, имѣются всѣ основанія ожидать наступленія «Новаго эона». Человѣческія умствованія рѣдко когда бываютъ чистой измыслицей. Только безумцу свойственно бредить, такъ сказать, «въ пустотѣ». «Лже-пророки» ничего не высасываютъ изъ пальца: они лишь извращаютъ истину, потому что плохо ее видятъ и превратно понимаютъ; но все же — в и д я т ъ, все-же — п о н и м а ю т ъ. Въ частности идея «Новаго Средневѣковья» должна быть сочтена очень плодотворной и очень цѣнной. Занимающемуся историко-философскими обобщеніями полезно постоянно возвращаться къ величайшему обновителю исторической мысли, Джамбатиста Вико. У Вико находимъ гениальную мысль о культурныхъ возвратахъ, но также и о томъ, какъ не слѣдуетъ понимать эти возвраты (*ricorsi*). Ничто никогда не повторяется буквально, и «прежнія» стадіи, къ которой культура возвратилась, уже не «та же самая», что была раньше. «Тѣ же самыя» явленія, характерныя, казалось бы, для изжитой стадіи культуры, повторяясь въ круговоротѣ исторіи, приобрѣтають н о в ы й смыслъ, выполняютъ н о в у ю функцию. Чѣмъ дальше эволюционируетъ современная цивилизація, тѣмъ сильнѣе проступаютъ въ ней нѣкоторыя чисто-средневѣковыя черты и чисто-средневѣковыя тенденціи — и все-же, — самъ Вико, впрочемъ, этого еще не осозналъ съ полной ясностью — эволюціонное движеніе н е о б р а т и м о. Необратимость эволюціоннаго процесса Вико скорѣе ощущалъ, нежели понималъ. Онъ говорилъ о движеніи человечества ввысь по спирали. Понятіе у него замѣнилось образомъ. Ему была еще чужда идея эволюціи какъ все-возрастающей, съ одной сторо-

ны, дифференціаціи, съ другой, интеграціи. Между тѣмъ, только помня объ этомъ, можно какъ слѣдуетъ понять историческое значеніе «повтореній» и «возвратовъ». Это — школьныя истины, однако, ихъ часто упускають изъ виду философы исторіи.

Одинъ изъ главныхъ факторовъ Средневѣковья, какъ соціологическаго понятія, это — корпоративный строй. Общественный Союзъ распадается на малые союзы, тяготящіе къ тому, чтобы стать индивидуальными и автономными величинами. Корпорация имѣетъ свое право, свой укладъ и бытъ, свою полицію и свой судъ, свое имущество и своихъ святыхъ. Именно потому, что корпорация тяготеетъ къ тому, чтобы реализоваться всецѣло и всесторонне, достигнуть предѣльной конкретности, она нерѣдко выходитъ за предѣлы того большаго союза, въ нѣдрахъ котораго она была зачата; а кромѣ того, рядъ корпораций по самому своему происхожденію носитъ внѣнаціональный, международный характеръ. Рыцари, стряпчіе и нотаріусы, медики, университетскіе магистры и доктора, монахи — образуютъ международныя, вселенскія братства. Въ новое время Національное Государство подчиняетъ себѣ Корпоративные Союзы, заставляетъ ихъ служить своимъ цѣлямъ, націонализуетъ ихъ, или — уничтожаетъ, если они сопротивляются ему. Національное Государство беретъ въ свои руки организацію международныхъ службъ и связей; съ универсальной, всеобъемлющей, вседѣющей и всевѣдущей корпорацией, Церковью, оно заключаетъ компромиссныя соглашенія, приводяція, въ конечномъ счетѣ, къ распаду единой Церкви на рядъ національныхъ церквей. Такъ Государство разраслось за счетъ какъ малыхъ союзовъ, федераціей которыхъ оно первоначально являлось, такъ и за счетъ тѣхъ корпораций, которыя возвышались надъ нимъ, Церкви и ея второй ипостаси — Имперіи. Въ настоящее время намѣчается обратный процессъ. Распыленное, атомизированное подъ прессомъ Государства Общество вновь кристаллизуется. Растетъ всякаго рода профессиональныхъ союзовъ, рабочихъ синдикатовъ, промышленныхъ трестовъ, — явленіе слишкомъ извѣстное. Параллельно — и въ связи съ этимъ — возрождается, въ новомъ видѣ, корпоративное ученіе о Государствѣ. Государство мыслится уже не какъ союзъ единичныхъ личностей, но какъ система, объединяющая общественные Союзы. Выѣстъ съ этимъ усиливается и другая

«средневѣковая» тенденція: къ интернаціональному, но внѣ-государственному общенію. Интернаціональ рабочихъ идетъ на смѣну Интернаціоналу клириковъ и магистровъ.

Вторая, не менѣ существенная, черта Средневѣковья это — единство культуры. При всей пестротѣ бытовыхъ особенностей, правовыхъ режимовъ, денежныхъ знаковъ, модъ и діалектовъ, существовалъ общій культурный стиль, общее міросозерцаніе и общій языкъ. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи Новѣйшее время приближается къ Средневѣковью. Бытовые различія сохраняются сейчасъ развѣ что въ селахъ. Въ городахъ же люди становятся повсемѣстно все болѣе и болѣе похожими другъ на друга. Общаго языка еще покуда нѣтъ, и коммунисты, при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ эсперанто, все же, кажется еще не объясняются на немъ между собою; но показательно то, что недавно никто другой, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ филологовъ, Іесперсенъ, объявилъ о изобрѣтеніи имъ универсальнаго языка.

Но тутъ и надлежитъ отмѣтить одно — существеннѣйшее — отличіе «Новаго Средневѣковья» отъ просто Средневѣковья. Въ эпоху Средневѣковья существовала единая культура. Всѣ безконечныя отличія какъ мѣстныя, такъ и сословныя, признавались и поддерживались какъ условія необходимаго многообразія въ общей гармоніи. Средневѣковый міръ представлялъ собою, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, въ идеалѣ, до мельчайшихъ подробностей расчлененное, іерархически устроенное цѣлое. Люди, вещи, союзы людей располагались въ одну іерархическую лѣстницу, начинавшуюся съ ничтожнѣйшихъ тварей и кончавшуюся ангелами и Богомъ. Каждая культурная цѣнность имѣла свое мѣсто и свое «достоинство». Всякая вещь была по своему необходимому въ общемъ цѣломъ символомъ Абсолютной Истины, всякая своимъ существованіемъ такъ или иначе «свидѣтельствовала» о Ней. Всѣ рѣшительно сферы человѣческой дѣятельности включались по степенямъ «совершенства» и «достоинства» одна въ другую и всѣ вмѣстѣ включались во всеохватывающую сферу мірозданія. Средневѣковая система была — на первый взглядъ — полнымъ торжествомъ принципа максимальной дифференціаціи при максимальной интеграціи. Культура европейскаго человѣчества, казалось, достигла тогда высшей точки эволюціоннаго развитія. Но

все это чудное здание держалось на одномъ устоѣ: подчиненія одной духовной способности другой (т. е. неразличенія ихъ природы), Разума — Интуиціи, Знанія — Вѣрѣ, или, что то же, Жизни дѣятельной — Жизни Созерцательной. Новая культура зарождается съ момента провозглашенія равноправія — каждой въ своей сферѣ — обѣихъ духовныхъ способностей и, соотвѣтственно, обѣихъ родовъ жизни. Съ этого момента начинается распадъ прежней цѣлостности культуры, эмансипація «цивилизаций» отъ «культуры». Отдѣльныя сферы человѣческой дѣятельности стремятся, каждая, къ автономіи, что, конечно, само по себѣ, не исключаетъ возможности ихъ координацій. Въ основѣ средневѣковой культуры лежалъ принципъ безусловной іерархичности. Всѣ явленія расцѣпывались — и символическое истолкованіе Мира облегчало это, открывая просторъ для самыхъ произвольныхъ сближеній — съ одной опредѣленной точки зрѣнія — ихъ отношенія къ Абсолютному. Скалъ безусловныхъ оцѣнокъ соотвѣтствовала, — должна была соотвѣтствовать, — и скала безусловныхъ «достоинствъ». Средневѣковье не знало, не могло знать, общаго права: оно знало только привилегіи, спеціальныя, присущія каждому «чину» права. Въ основѣ современной культуры лежитъ принципъ множественности оцѣнокъ и, соотвѣтственно, — относительной іерархичности. Съ извѣстной точки зрѣнія оперный теноръ можетъ быть «цѣннѣе» сапожника, съ другой — сапожникъ «цѣннѣе» тенора. Мастеръ имѣетъ право приказывать простому рабочему, но это не препятствуетъ рабочему, если онъ пожелаетъ, одѣться, въ воскресный день, лучше мастера. Множественность точекъ зрѣнія, обуславливаемая ихъ относительностью, и отсюда — множественность пересекающихся между собою іерархическихъ рядовъ, вмѣсто единой іерархической «лѣстницы», а отсюда — господство общаго права вмѣсто засилья неизблѣмыхъ привилегій, — такова основа структуры современной жизни, въ ея отличіе отъ средневѣковой. Демократизація коснулась всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности, всѣхъ сферъ культуры. Такъ, въ настоящее время, не существуетъ болѣе іерархіи наукъ по степени ихъ «достоинства», каждая станвится самодовлѣющей и самоцѣпной областью умственной дѣятельности — и только благодаря этому и была возможна выработ-

ка методологiи каждой науки, опредѣляемой свойствами ея матеріала и ея заданiй, — что не исключаетъ ихъ необходимаго сотрудничества. Такъ распалась іерархiя языковъ (высшій, универсальный языкъ, языкъ Церкви, — и «простонародныя» нарѣчiя, т. е. мѣстные, національные, мірскіе языки). Универсальный языкъ мыслимъ, и его необходимость съ каждымъ годомъ даетъ себя знать все болѣе и болѣе. Усилiя Іесперсена, конечно, отнюдь не праздная забава филолога-виртуоза. Какъ разъ на этомъ примѣрѣ, на примѣрѣ проблемы «всеобщаго», международнаго языка, всего легче понять въ чемъ состоитъ специфическая сущность «Новаго Средневѣковья» въ его основной тенденціи. Іесперсенъ *) стоитъ на точкѣ зрѣнiя существованiя прогресса языковъ. Всякій языкъ не просто постоянно мѣняется, — онъ еще и прогрессируетъ. Прогрессъ языка состоитъ въ его все возрастающей рационализациі. Въ чемъ она заключается? Я предложилъ бы такое общее опредѣленіе: степень совершенства cadaго высказыванiя опредѣляется количествомъ затраты умственной энергiи, потребной для его пониманiя. Чѣмъ меньше энергiи расходуется, тѣмъ, стало бытъ, высказываніе совершеннѣе. Но есть различные виды пониманiя мною другого говорящаго. Все зависитъ отъ того, что именно говорящій желаетъ мнѣ передать, свое-ли конкретное видѣніе міра, или свою собственную душу, или-же какую-либо мысль, въ ея «чистомъ» видѣ, въ ея «отвлеченности», т. е. мысль, которая является столь же его, какъ и мою, всеобщей и ничьею. «Искусство писателя, сказалъ Бергсонъ, состоитъ въ томъ, чтобы заставить насъ позабыть, что онъ пользуется словами». Это, однако, вовсе не значитъ, что писать — или говорить — надо всегда обязательно «просто». Сложнѣйшее и искусственнѣйшее построеніе рѣчи иной разъ необходимо для того, чтобы мы «забыли, что авторъ говоритъ словами». Попробуйте «упростить» пушкинскаго Пророка, выбросить, наприѣмъ, оттуда славянскіе слова, — и стихотвореніе какъ цѣлое пропадетъ. Вотъ тогда-то мы и услышимъ въ немъ отдѣльныя слова, тогда какъ въ подлинномъ Пророкѣ мы словъ въ отдѣльности не воспринимаемъ, какъ не воспринимаемъ нотъ

*) См. въ его книгѣ *The Language* специальную главу о прогрессѣ въ языкѣ

мелодіи, а слышимъ только ту изъ нихъ, которая прозвучала фальшиво. И какъ дороги намъ, въ близкомъ человѣкѣ, всѣ «недостатки» его рѣчи, — а рѣчь каждого человека имѣетъ свои «недостатки», — именно потому, что въ нихъ — онъ самъ, какъ во всѣхъ остальныхъ своихъ чертахъ, въ каждой особенностяхъ его походки, въ каждой морщинкѣ на лицѣ! Но когда мы объясняемъ «по службѣ», по «дѣлу», все то, что сообщаетъ языку его неповторимую индивидуальность, его конкретность, чѣмъ онъ выражаетъ всего человека, его собственную душу и собственное видѣніе міра, намъ мѣшаетъ, ибо въ данномъ случаѣ всего этого намъ — не нужно. И всѣ исторически сложившіеся языки обладаютъ извѣстными индивидуальными чертами, составляющими для каждого его собственную предельность, его богатство, его возможность передать то, что невыразимо ни на какомъ другомъ. Въ области поэтического языка нѣтъ и не можетъ быть никакого «прогресса». Ибо поэтический языкъ есть не что иное, какъ самообнаруженіе личности во всей полнотѣ ея конкретности: онъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ сама эта личность; онъ есть она. Возможенъ прогрессъ въ развитіи личнаго начала въ исторіи, но не въ ея выраженіи. Великій поэтъ всегда найдетъ свой языкъ. Прогрессъ мыслимъ только въ языкѣ абстрактномъ, языкѣ, который намъ нуженъ тогда, когда намъ нужно отвлечься отъ самихъ себя. Прогрессъ въ развитіи каждого исторического языка состоитъ въ выработкѣ средствъ, которыми и достигается эта возможность объясняться такъ, чтобы все, что находится между «чистой» мыслью и ея выраженіемъ, было по возможности устранено. Ни одинъ историческій языкъ не въ состояніи достигнуть этого предѣла, ибо онъ несетъ на себѣ все великое бремя богатства, свойственныхъ цѣлокупной «душѣ» Націи. Въ національномъ языкѣ раскрывается, во всей полнотѣ своей конкретности, самъ Народъ. Этотъ языкъ конкретенъ уже въ своемъ словарѣ и въ своемъ синтаксисѣ. Если Средневѣковье избрало въ качествѣ всеобщаго языка латинскій, то это потому, что основной тенденціей Средневѣковья была тенденція къ единой конкретной Культурѣ. И если Новѣйшее время выдвинуло проблему искусственного, подлинно мертвого, всеобщаго языка, то это потому, что онъ нуженъ для цѣлей цивилизаціи, т. е.

той сферы общенія, гдѣ личности взаимодействуютъ, отвлекаясь отъ самихъ себя, сферы насквозь рационализированной. Это рѣдко кѣмъ сознается. Находятся филологи, которыхъ возмущаетъ самая идея искусственного языка, — ибо они не отдаютъ себѣ отчета въ степени рационализации, достигнутой современной жизнью, и находятся слабоумные, занимающіеся переводами Пушкина и Шекспира на эсперанто. Но людямъ, вообще, свойственно не понимать смысла того историческаго момента, въ которомъ они живутъ. Средневѣковые стремились осуществить идею конкретнаго человѣчества, человѣчества, какъ нѣкоторой высшей индивидуальности, совершеннѣйшаго образа Бога на землѣ, Церкви, какъ мистическаго тѣла Христова. «Человѣчество» Нашего времени — не что иное, какъ система взаимодействующихъ личностей и группъ, взятыхъ въ ихъ отвлеченіи отъ того, что составляетъ ихъ индивидуальную сущность и цѣнность. Средневѣковое человѣчество реализовалось въ общей молитвѣ, областью общенія современнаго человѣчества является прежде всего — хозяйство. Господствующимъ типомъ отношеній между людьми былъ въ средніе вѣка обрядъ, въ наше время — сдѣлка. Средневѣковые не знали «чистой» сдѣлки. Всякое дѣйствіе было освящено религіей, всякое носило болѣе или менѣе культовой характеръ. Во всякомъ человѣкѣ такъ или иначе проявлять всего себя, свою расу, свой классъ, свою культуру, освященную традиціей, съ которой онъ былъ связанъ какъ христіанинъ, какъ рыцарь или вилланъ, какъ французъ или нѣмецъ. Современный человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дѣйствуетъ какъ «человѣкъ вообще», какъ единица, которую можно подмѣнить любую другою, «такою же самой», единицей. Дѣятельность, направленная на самыя обыденныя, самыя «низменныя» цѣли, въ Средніе вѣка все же всегда сверхъ того еще — по крайней мѣрѣ въ теоріи — символизировала собою нѣчто высшее: *vita activa* не отдѣлялась ничѣмъ отъ *vita contemplativa*. «Чистый» практицизмъ — явленіе Новаго времени.

Эту тенденцію нашего времени принято всячески хулить. Послѣ Шпенглера появилось уже немало книгъ, «бичующихъ» современную жизнь съ ея бездушіемъ, съ ея обезличивающимъ строемъ, съ ея удручающимъ однообразиемъ, съ ея равнодушіемъ къ человѣку и его судьбѣ.

Многое надо отнести насчетъ моды, а также насчетъ большой легкости, съ какою даются соотвѣтствующія наблюденія. Въдѣ дѣйствительно нивелирующее дѣйствіе современной цивилизаціи «большого города» бьетъ въ глаза, — и Дюгамелю, собственно говоря, незачѣмъ было ѣздить въ Америку для того, чтобы написать свои *scènes de la vie future*: онъ могъ бы сдѣлать это и сидя дома. Но всякая «мода» всегда отвѣчаетъ какой-то серьезной потребности. Фактъ появленія и даже размноженія пессимистической философско-исторической литературы самъ по себѣ уже свидѣтельствуетъ о томъ, что высшіе запросы духа еще не угасли въ современномъ человѣчествѣ. Можно также поставить вопросъ, насколько, методологически, правильны различныя оцѣнивающія параллели между современностью и минувшимъ, — начиная съ гениальнѣйшей изъ нихъ, Past and Present Карлайля. Сравненіе проводится, въ силу необходимости, между двумя — поскольку дѣло идетъ объ оцѣнкахъ — въ сущности, несравнимыми величинами, — миѳическимъ образомъ и повседневной реальностью. Здѣсь легко поддаться иллюзіи и вообразить, напримѣръ, что Средневѣковный міръ былъ сплошь населенъ Францисками Ассизскими и Людовиками святыми, а въ Новомъ, за милліонами «хозяйствующихъ» иксовъ, проглядѣть героевъ и праведниковъ, которые и вообще никогда не появляются на каждомъ шагу, но которыхъ намъ случается не замѣтить и тогда, когда они находятся бокъ-о-бокъ съ нами.

Дѣло, однако, не столько въ этомъ, сколько въ оцѣнкѣ самой структуры обѣихъ культурныхъ эпохъ. Средневѣковье, начиная съ де Мэстра. Сень-Симона и романтики, принято считать эпохой «органической», а Современность — «критической». Выражаясь въ терминахъ христіанской антропологии, можно сказать, что въ Средніе вѣка «плотскій» человѣкъ, «душевный» и «духовный» сочетались воедино, тогда какъ въ наше время сферы дѣятельности этихъ трехъ вѣпостасей человѣка разграничены и отъединены одна отъ другой. Въ Средніе вѣка возможно было, напримѣръ, возвеличеніе и освященіе физическаго труда; сапожникъ, который лично «проводилъ» сапогъ черезъ всѣ стадіи его выпарботки, зналъ непосредственно, что соучаствуетъ въ общей жизни и поэтому благоговѣйно, «религіозно» относился къ своей профессіи. Но у рабочаго на заводѣ Форда, выполняющаго ежеднев-

но и ежеминутно одну и ту же манипуляцію, соотвѣтствующую какой-нибудь 0,001 стадіи въ изготокѣ автомобиля, нѣтъ и не можетъ быть никакой связи съ этимъ автомобилемъ. Его трудъ безучастенъ, бездушенъ. Для него дѣло идетъ только о заработкѣ на кусокъ хлѣба. Работаетъ только «плоть». «Душа» и «духъ» остаются въ сторонѣ, атрофируются.

Это — общее мѣсто. Можно, однако, взглянуть на дѣло и иначе. Сколько есть дѣйствій, которыя всѣми людьми, испоконъ вѣку, выполняются «безучастно», «безсознательно», автоматически; между тѣмъ никто не станетъ утверждать, что то обстоятельство, что мы ходимъ и дышимъ безсознательно, убиваетъ въ насъ «духовнаго» чловѣка. Чѣмъ автоматичнѣе повседневная дѣятельность, тѣмъ большее количество духовной энергіи освобождается для высшей дѣятельности духа. Кто бы сказалъ, читая «Этику», что Спиноза былъ шлифовальщикомъ стеколъ? Надо полагать, что шлифовкой стеколъ онъ занимался столько же автоматически, какъ и рабочій Форда занимается своимъ дѣломъ. А кромѣ того: если у этого рабочаго есть хотя малая способность къ размышленію, ему не такъ ужъ трудно сообразить, что онъ, со своимъ трудомъ, такая же неотъемлемая часть автомобиля, какъ шины или втулки. Еще вопросъ, поэтому, точно-ли разграниченіе сферъ дѣятельности «плотскаго», «душевнаго» и «духовнаго» чловѣка отражается губительно на высшихъ способностяхъ духа. Скорѣе — наоборотъ.

Не такъ давно вышла книга, представляющая любопытное сочетаніе большой способности къ обобщенію, обширной начитанности, съ поразительной недодуманностью, — несмотря на то, что, судя по авторской помѣткѣ, она писалась въ теченіе трехъ лѣтъ: Julien Benda. *La trahison des cleres*. Весь кризисъ современной культуры Бенда объясняетъ «измѣной» интеллигенціи, начиная чуть-ли не съ эпохи Возрожденія: «интеллигенція возвеличила временное и единичное въ ущербъ вѣчному и абсолютно-му, непосредственный результатъ въ ущербъ высшей чѣли, практику въ ущербъ теоріи, жизнь дѣятельную въ ущербъ жизни созерцательной. Самое послѣднее и самое яркое проявленіе этой «измѣны» интеллигенціи своему призванію — прагматизмъ Джемса и Бергсона съ ихъ возвеличеніемъ «чловѣка-мастера», *homo faber* Бенда просто не понять Бергсона. Бергсонъ вовсе не «возвеличи-

ваетъ» «мастера»; онъ только констатируетъ фактъ, что интеллектъ связанъ съ практической стороною жизни и что, въ силу этого, наше дискурсивное мышленіе не есть органъ адекватнаго познаванія Мира. Тѣмъ самымъ онъ скорѣе «развѣнчиваетъ» интеллектъ, возвеличивая за его счетъ интуитивное, незаинтересованное въ результатъ, въ успѣхъ, познаніе. Вѣрнѣе — Бергсонъ и Джемсъ отводятъ интеллекту и интуиціи, разуму и Вѣрѣ, «душѣ» и «духу» собственные сферы компетенціи *).

Возможны два вида совмѣстнаго дѣланія. Возможно, при самой разработанной системѣ іерархическихъ взаимоотношеній, постоянное вмѣшательство старшихъ въ дѣла младшихъ — и даже наоборотъ. Фактически такъ и было въ средніе вѣка — и притомъ рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ жизни. Папство совалось въ дѣла Имперіи и Имперія въ дѣла Папства, Цехъ хотѣлъ законодательствовать за Городскую Общину, и «душа» никакъ не могла размежеваться полюбовно съ «тѣломъ». Возможна и другая форма, при которой люди, ихъ способности, учрежденія и союзы, дѣлаютъ, каждый, свое дѣло, не вмѣшиваясь въ чужія и только согласуя, координируя, свои дѣятельности. Это и является существеннѣйшей чертой современной культуры, и эта ея тенденція не могла не отразиться и на современной наукѣ о человѣкѣ. Всеобщая и доведенная до послѣднихъ мыслимыхъ предѣловъ рационализація всѣхъ тѣхъ сферъ дѣятельности, которыя, по самому своему существу, рационализаціи поддаются и, слѣдовательно, ея требуютъ, не убиваетъ, сама по себѣ, непременно «духовнаго человѣка». Напротивъ, можно утверждать, что это только способствуетъ освобожденію «духа» отъ «души» (интеллектъ) и отъ «плоти»; внутренняя жизнь становится сосредоточеннѣе, интенсивнѣе, дѣлается болѣе личной, болѣе своей; другими словами «духовный человѣкъ» достигаетъ большей конкретности, цѣльности, а тѣмъ самымъ и большей свободы. — между прочимъ и свободы отъ сложив-

*) Я уже не говорю о поразительномъ непониманіи авторомъ основной проблемы философіи настоящаго времени, начиная съ Лейбница, — проблемы конкретной индивидуальности, «представляющей» Всеобщее. Индивидуальное, по мнѣнію Бенда, исключаетъ Общее, и поэтому всю современную философію онъ тоже квалифицируетъ, какъ «измѣну».

шихся, традиционныхъ формъ проявленія духовной жизни, отъ ея ритуала и ея символики. Спиритуализація духовной жизни (Царство Божіе внутри васъ) влечетъ за собою распадъ конфессіональныхъ связей; церковь, какъ общеніе «духовныхъ человѣковъ», не умираетъ, но она становится невидимой — и это является, вѣроятно, одной изъ причинъ ходячаго мнѣнія о «безбожии» нашего времени.

Можетъ показаться, что я очень уклонился въ сторону. Напротивъ, мы подошли къ самому центру проблемы. Ибо теперь мы имѣемъ данныя для того, чтобы опредѣлить и оцѣнить историческое мѣсто національнаго Государства въ современной Культурѣ. Національное Государство выросло и оформилось въ процессѣ борьбы со Средневѣковой Системой, основанной на Господствѣ Церкви. Для того, чтобы побѣдить Церковь, оно должно было ее собою замѣнить. Оно приняло на себя всѣ функции, всѣ обязанности Церкви, и оно отчасти присвоило себѣ ея символику, ея ритуаль, ея «стиль», отчасти сохранило все то, чѣмъ, въ этой области, сама Церковь въ свое время его надѣлила. Разжиться за счетъ Церкви Государству было тѣмъ легче, что сама-же Церковь его вызвала къ жизни и, частично, отождествила съ собою, объявивъ его своимъ земнымъ воплощеніемъ. Государи были христіанѣйшими, апостолическими, католическими, защитниками вѣры, помазанниками. Естественно поэтому, что притязаніямъ Государства не было границъ и что, въ сущности, всякое неповиновеніе Государству, его Волѣ, было оскорбленіемъ Величества, а это послѣднее было равносильно оскорбленію Божества. Впослѣдствіи Государство секуляризовалось, сознательно и послѣдовательно отказавшись отъ своей первоначальной, сверхъестественной, «мистической» основы; сосредоточиваясь все болѣе и болѣе на своихъ хозяйственныхъ отправленіяхъ, оно тѣмъ самымъ поддавалось раціонализациі; оно раціонализировало весь свой аппаратъ, устройство Власти и устройство Управленія; но въ то же время оно удержало свою прежнюю символику и свой ритуаль, но только теперь они должны были выражать собою новую его «душю», новую «идею» — Націи. Его границы стали «національными» границами, его хозяйство «національнымъ», его Воля — «національной» Волей. Тѣмъ самымъ Государство явилось помѣхой, съ одной стороны, для окончатель-

ной рационализаціи тѣхъ сторонъ жизни, которыя рационализаціи поддаются и ея требуютъ, съ другой — для спиритуализаціи той сферы жизни духа, которая, какъ и религія, стремится по самому своему существу къ этому — для спиритуализаціи Націи. Нація, отождествляясь съ подданствомъ, тѣмъ самымъ не можетъ стать свободнымъ чисто-духовнымъ общеніемъ; она является принудительнымъ состояніемъ («Национальность — это согласие, Государство — это принужденіе», Амьель); она лишена своей собственной структуры; ея структура опредѣляется Государствомъ. Возникши, какъ средство огражденія и укрѣпленія Націи, Государство кончило тѣмъ, что обмѣнялось съ ней ролями: Нація, изъ самоцѣли, обратилась въ средство. Национальное Государство, съ его границами и таможенными, съ его паспортной системой, съ его общегосударственнымъ (= «национальнымъ») языкомъ, кажущееся намъ предѣломъ и вѣнцомъ національнаго развитія, -- на самомъ дѣлѣ является омертвѣвшимъ остаткомъ Средневѣковья, бременемъ, давящимъ Націю, и, во всякомъ случаѣ, не тою величиною, за которую оно себя, добросовѣстно заблуждаясь, выдаетъ. Въ рамкахъ Национальнаго Государства, Национальная идея, какъ совершенно правильно выразилъ одинъ новѣйшій авторъ*), обездушивается, другими словами, — перестаетъ быть Идеей, овеществляется, умираетъ.

Овеществляя свою «душу», Национальное Государство вмѣстѣ съ тѣмъ стремится какъ-то спиритуализировать свою «плоть», хозяйство. Здѣсь оно сталкивается съ силой, которая рано или поздно заставитъ его преклоняться передъ собою. Однако, покуда въ Союзѣ съ Государствомъ дѣйствуютъ здѣсь какъ разъ тѣ общественныя силы, которыя, казалось-бы, должны были быть ближе всѣхъ заинтересованы въ его отказѣ отъ вмѣшательства въ ихъ дѣятельность: но «хозяйствующему человѣку», въ огромномъ большинствѣ случаевъ, свойственно помогать ближайшихъ результатовъ и избѣгать риска. Рационализація хозяйственной жизни еще не достигла той степени, при которой выгодность перехода отъ національнаго хозяйства къ хозяйству въ болѣе широкомъ масштабѣ была бы

*) S. Hellman, Die Krisis des Nationalstaatgedankens, Archiv für Politik und Geschichte, 1927, S. 125. Ср. мон. Забѣчанія въ статьѣ Нація и Государство. Сов. Зап. XXXVIII (1929).

ясна всякому хозяйствующему человеку. И притомъ этотъ переходъ на первыхъ порахъ несомнѣнно сопровождался бы тяжелыми потрясеніями для многихъ изъ нихъ. Это-то и спасаетъ до поры до времени Національное Государство: оно держится союзомъ интересовъ и ложно-понятыхъ идеалистическихъ стремленій*). Ненормальность этого союза все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознание умѣющихъ наблюдать историческую жизнь людей. Но все же привычка считать Національное Государство послѣднимъ этапомъ политическаго развитія всего чаще мѣшаетъ даже самымъ зоркимъ историкамъ продумать смыслъ современнаго кризиса до конца. Примѣры такой недодуманности представляютъ разсужденія выдающагося французскаго историка Ромье, въ его книгѣ «Нація и Культура»**). Онъ говоритъ о значеніи національныхъ различій въ Европѣ и видитъ въ этомъ преимущество послѣдвоеннаго періода съ его размноженіемъ государствъ. Малые государства, разсуждаетъ Ромье, столь-же необходимы для Европы, какъ и большія: большія — для поддержанія общевропейской мощи, малые — «для обереганія самобытности и многообразія мѣстныхъ культуръ» (*génies locaux*, стр. 85 сл.). Но тутъ же онъ оговаривается, что размноженіе границъ губительно для Европы: «было бы полезнѣйшей услугой для европейской цивилизаци и для упроченія мира, если бы понятіе Границы сдѣлалось болѣе гибкимъ. Не абсурдно-ли, напримѣръ, что экономическія границы, которыя должны приспособляться къ международному обмѣну, строгаѣе совпадаютъ съ военными, проведенными по соображеніямъ чисто-стратегическимъ. И не прискорбно-ли, что политическія границы словно исключаютъ языковыя разнообразія?» (стр. 86 сл.). Но что стало бы съ «военными» и «политическими»

*) Говоря о современномъ капитализмѣ, перерастающемъ рамки націон. Государства. Otto Hinze (*Der Moderne Kapitalismus als historisches Individuum*, *Historische Zeitschrift*, т. 139, 1929 г. 501), мѣтко замѣчаетъ: «.ему (капитализму) все еще противостоятъ, подобно «*groscher de bronze*», массовый эгоизмъ современныхъ національныхъ государствъ, который именно потому представляется столь несокрушимымъ, что тутъ общеніе на почвѣ матеріальныхъ, хозяйственныхъ интересовъ сплавлено въ кажущійся нерасторжимымъ блокъ съ идеальными культурными цѣнностями и съ традиционнымъ стремленіемъ къ власти».

***) Lucien Romier. *Nation et Civilisation*.

границами современныхъ государствъ, главной дѣятельностью которыхъ становится все болѣе и болѣе хозяйствованіе, если бы эти государства отказались отъ своихъ «экономическихъ» границъ? И что тогда остается отъ самихъ Государствъ? Еще одинъ только шагъ — и Ромеи пришелъ бы къ той «утопіи», о которой мы говорили выше. Намѣчу вкратцѣ ея общія черты.

Національныя Государства сметены побѣдоноснымъ движеніемъ Капитализма. Что придетъ имъ на смѣну? Отто Гинце, въ цитированной выше статьѣ (стр. 509), различаетъ, вслѣдъ за Зомбартомъ, три главныхъ стадій въ развитіи капитализма и, соотвѣтственно, въ смѣнѣ типовъ Государства и политики: ранній капитализмъ (ему соотвѣтствуетъ династическій имперіализмъ); Капитализмъ эпохи расцвѣта (*Hochkapitalismus* — національный имперіализмъ). Капитализмъ поздней поры — *Spätkapitalismus*, когда европейскому капиталу приходится считаться съ внѣ-европейскимъ. Это приведетъ къ крушенію европейскихъ имперій, основанныхъ на господствѣ той или другой европейской Націи-Государства. На смѣну этимъ образованіямъ идутъ другія: федеративныя, типа Американскаго Союза, расширившагося до Панъ-Америки, Британской Имперіи, которая на дѣлѣ ужс. изъ «Имперіи», превратилась въ Федерацию автономныхъ и равноправныхъ государствъ. Далѣе онъ предвидитъ такое же переустройство Франціи съ ея Колоніями. По этому же пути пойдетъ и Россія. Что станетъ съ малыми европейскими національными, вѣрнѣе, псевдо-національными государствами? Гинце не ставитъ этого вопроса. Можно, однако, утверждать, что если державы-наслѣдницы восточныхъ имперій, Австріи и Россіи, пребудутъ еще нѣкоторое время въ своемъ нынѣшнемъ состояніи «Національныхъ Государствъ», то онѣ задохнутся экономически. И переустройство нынѣшнихъ «Имперій» на федеративныхъ началахъ врядъ-ли будетъ послѣднимъ этапомъ хозяйственно-политическаго развитія. Цивилизованный міръ представитъ собою въ тѣхъ конечномъ счетѣ систему взаимодействующихъ хозяйственныхъ зонъ, границы которыхъ будутъ очерчены внѣ всякаго отношенія къ ихъ историческому прошлому, или къ прошлому ихъ составныхъ частей, чисто «раціоналистически». Подобно хозяйству и вслѣдъ за нимъ, раціонализуется окончательно и гражданское право. Нивеллировка, въ результатѣ индустріализма и урба-

низма, бытовыхъ отношеній приведетъ — это уже поставлено на очередь — къ у н и ф и к а ц и и права. Въ правовомъ отношеніи цивилизованный міръ будетъ представлять одно цѣлое. Что же станется съ Націями? То, что представлялъ для Австро-Венгрии гениальный, но не услышанный въ свое время, политикъ — Реннеръ (Шпрингеръ) въ своей знаменитой книгѣ о національномъ вопросѣ. Къ національнымъ «большинствамъ» будетъ примѣненъ режимъ национальных «меньшинствъ». Націи построятся по типу вѣроисповѣдныхъ объединеній. Только тогда национальная идея реализуется во всей ея чистотѣ.

Пока люди живутъ въ примитивныхъ условіяхъ быта, разобщенными селеніями, вблизи природы и въ подчиненіи у природы, во власти «поэтическихъ» представленій до-рационалистическаго міросозерцанія — въ чемъ только не находятъ своего воплощенія Нація? Въ домашней утвари и въ народной пляскѣ, въ одеждѣ и въ оружіи, въ мельчайшихъ деталяхъ обихода и права. Лапти и бараній бокъ съ кашей являются ея символами, столь-же почтенными и, какъ кажется людямъ, непреложными и необходимыми, какъ и национальный языкъ. Рационализация быта несетъ этимъ символамъ смерть. За ними наступаетъ чередъ почтовымъ маркамъ и денежнымъ знакамъ, национальнымъ «цвѣтамъ» и национальнымъ таможнямъ. Въ концѣ концовъ только археологи знаютъ, какъ на самомъ дѣлѣ одѣвались и причесывались древніе греки и что они ѣли и пили. Да и объ аталкидовомъ мірѣ мы забываемъ, едва переступивъ порогъ школы. Но Платонъ и Гомеръ живы и по сей день. И они-то, вмѣстѣ съ Данте, Шекспиромъ и Достоевскимъ образуютъ подлинное «общество Націй». А то, что теперь носить это названіе, по всей вѣроятности, замѣнится рано или поздно федерацией «хлѣборобовъ», производителей автомобилей, добывателей нефти и т. д. Ихъ представители будутъ, можетъ быть, засѣдать, какъ и сейчасъ, въ Женевѣ, но единственной резиденціей «Общества Націй» будетъ книжная полка грамотнаго челоука.

Въ правильности набросанной здѣсь утопіи (въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ, вообще, только и возможно говорить о «правильности» всѣхъ утопій — т. е. въ смыслѣ соответствія ихъ, какъ нѣкоторой проекціи, господствующимъ тенденціямъ современности) убѣждаютъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о томъ, что

Нация, въ ея идеальной сущности, Нация, какъ особый видъ коллективной духовной энергіи, уже морально оторвалась отъ своего нынѣшняго внѣшняго оформленія — Государства. Давно не требовала Нация отъ своихъ сочленовъ такого напряженія всѣхъ духовныхъ силъ, давно цивилизованный міръ не былъ зрителемъ проявленій такого героизма, такого самоотверженія и самозабвенія въ интересахъ Національнаго Государства, какъ въ годы Мировой Войны. Какъ же этотъ массовый нравственный подъемъ отразился въ томъ, что принято считать высшимъ проявленіемъ духовной жизни Нации — въ ея литературѣ? Романомъ Ремарка. Правда, это — литература побѣжденного народа. Но какія произведенія литературъ народовъ-побѣдителей можно было-бы привести въ соотвѣстствіе Персамъ Эсхила, Энеидѣ, *Chansons de Geste*? Не говорю уже о «*Feu*» Барбюса; — самымъ показательнымъ и самымъ трагическимъ является то, что какъ разъ крупнѣйшія произведенія хотя бы французской послѣвоенной художественной литературы, *Le Temps retrouvé* Пруста, Ветиканскія Подземелья и Фальшивомонетчики Жида, загадочныя поэмы Валери, и какъ же не касаются событій эпохи, когда національно-государственное бытіе Франціи висѣло на волоскѣ. Если бы Нация и ея оформленіе въ Государствѣ были связаны дѣйствительно необходимой, неразрывной, самимъ ходомъ исторіи предначертанной разъ навсегда связью, это — во всякомъ случаѣ зловѣщее разъединеніе «духа» и «тѣла» слѣдовало бы считать самымъ страшнымъ признакомъ: оно свидѣтельствовало бы о томъ, что трагедія уже завершилась — и притомъ безъ *Katharsis'a*, безъ моральнаго оправданія ея «смысла».

Чувство тревоги, внутренняго безпокойства, безысходности положенія, ужаса отъ этой разобщенности важнѣйшихъ жизненныхъ сферъ, отъ страшнаго одиночества личности, угрожающаго самому ея бытію, — если судить по самымъ правдивымъ (ибо самымъ художественно-убѣдительнымъ) произведеніямъ послѣвоенной литературы — является господствующимъ одинаково среди побѣдителей, какъ и среди побѣжденныхъ. Безъ своей собственной сферы общенія Нация — социальнопсихическая величина — жить не можетъ. И разъ «Національное Государство», перегруженное атрибутами и задачами, которые, въ силу хода исторіи, все болѣе и болѣе «денационализуются», тѣмъ самымъ перестаетъ уже быть

національнимъ, разь оно такой сферой болѣе уже не является, — Нація вынуждена искать для себя новой структуры, которая бы опредѣлялась природою присущей ей сферы общенія. Поскольку будущій ходъ историческаго процесса не подлежитъ историческому предвидѣнію, допустимо только высказать предположеніе, что выработка такой структуры будетъ происходить столь-же медленно, столь-же внутренне-противорѣчиво, столь-же зачастую незамѣтно для современниковъ, какъ и выработка структуры національнаго Государства. Историкъ и здѣсь не смѣетъ сходить съ почвы «утопіи», т. е. онъ уполномоченъ единственно на то, чтобы изобразить нѣкоторый «планъ» того національнаго общества, которое замѣнитъ собою національное Государство. Ибо все то, что я говорилъ выше о спиритуализаціи Націи, о переходѣ ея, такъ сказать, «во внутрь» человѣческаго сознанія, о ея освобожденіи отъ всѣхъ тѣхъ ея символовъ, которые перестали быть таковыми, обратились въ лже-символы, — отнюдь не означаетъ простого отказа ея отъ всякаго внѣшняго оформленія. Но это оформленіе должно будетъ соответствовать тому, что составляетъ подлинную сущность Націи. Нація есть общеніе на почвѣ языка — и притомъ не всякаго языка, не языка любой сферы дѣятельности, но языка присущаго тѣмъ лишь изъ этихъ сферъ, въ которыхъ Нація, какъ индивидуумъ, т. е. какъ логически опредѣленныхъ творческихъ возможностей, въ состояніи объективироваться. Повторяю, что отъ Націи, какъ таковой, отпадутъ тѣ сферы, въ предѣлахъ которыхъ общеніе между людьми будетъ носить отвлеченный, безличный характеръ. Общеніе между французомъ, русскимъ, нѣмцемъ и т. д., на почвѣ хозяйства, будетъ совершаться безотносительно къ ихъ «качеству» француза, русскаго, нѣмца. Конфликты между ними будутъ разрѣшаться, быть можетъ, и силой, но этой силой будетъ уже не національная армія. Если у Національныхъ Государствъ были свои арміи, то почему и нефтянымъ или желѣзнодорожныхъ «королямъ» не имѣть своихъ? Но вѣроятнѣе, что «войны» между хозяйствующими сообществами и зонами будутъ происходить безъ примѣненія оружія. «Чистое» хозяйствованіе будетъ столь строго раціональнымъ, что никто не рискнетъ повергнуть судьбу своего треста, своего синдиката, своихъ рудниковъ и проч. на усмотрѣніе Его Величества Случая. Да притомъ-же, и поводы къ

этому вряд ли будутъ имѣть мѣсто. Зависимость каждой отдѣльной отрасли хозяйствованія отъ всѣхъ остальныхъ будетъ столь очевидна, что всѣ недоразумѣнія будутъ устраняться просто посредствомъ ихъ выясненія. Впрочемъ, въ настоящей связи, все это для насъ интересно лишь постольку, поскольку служить иллюстраціей общаго отрицательнаго тезиса о томъ, что къ Націи, какъ таковой, въ смѣнѣ ея судебъ и оформленій не относится, въ чемъ, слѣдовательно, Нація, какъ общеніе на почвѣ живого, вѣчно творимаго языка, не реализуется. Ибо въ этихъ сферахъ общеніе будетъ происходить по всей вѣроятности при помощи какого-либо чисто-интеллектуальнаго, насквозь рационализованнаго, общаго языка, — будетъ-ли то языкъ, изобрѣтенный Лесперсеномъ, или какой-нибудь языкъ условныхъ знаковъ вроде алгебраическихъ, языкъ іероглифовъ, въ разныхъ мѣстахъ произносимыхъ по разному, — а можетъ быть и не произносимыхъ никакъ: дѣловая личная бесѣда, — этотъ и сейчасъ еще могущественный способъ воздѣйствія челоуѣка на челоуѣка при помощи «ирраціональныхъ» пріемовъ, хотя-бы интонацій, тѣлодвиженій, кстати предложенной папироски и проч., — въ «Утопіи» замѣнятся болѣе рациональнымъ и экономичнымъ время средствомъ общенія — простой сигнализацией. Примѣненіе національнаго языка удержится въ тѣхъ сферахъ общенія, которыя, по самому своему существу, остаются внѣ рационализаций, или — перестаютъ быть. Пока будутъ существовать любовь и дружба, пока семья не превратится окончательно въ «рабочую ячейку», — будетъ существовать интимный языкъ, въ которомъ челоуѣкъ раскрывается весь, въ своей индивидуальности, а индивидуальности нѣтъ безъ живого языка. Наряду со сферой интимной, личной въ узкомъ смыслѣ этого слова, жизни, Нація будетъ реализоваться въ высшихъ сферахъ духовной дѣятельности, — Науки, литературы, философіи, религіи. Общеніе во всѣхъ этихъ сферахъ явится почвой, на которой организуется общество. Общество будетъ имѣть свое устройство и свое управленіе, свои органы власти и свое право, единственной санкціей котораго будетъ — отлученіе. Культъ національныхъ героевъ и національныхъ святыхъ очистится отъ всей той лжи и фальши, которыя въ настоящее время, когда онъ служитъ цѣлямъ государственной мощи, такъ приросли къ нему, что мы

ихъ уже почти не чувствуемъ. Гражданинъ «Утопіи» будетъ съ отвращеніемъ глядѣть на время — наше время, — когда не считали неприличнымъ и кощунственнымъ давать броненосцамъ названія «Эрнестъ Ренанъ», «Эдгаръ Кинэ», и даже «Санъ-Марко» или «Двѣнадцать Апостоловъ» — своеобразный «культъ», равнозначный глубочайшей деградации его объектовъ, унижающій ихъ въ людскомъ сознаниі, развращающій тѣхъ, кто въ этомъ культѣ, всегда болѣе или менѣе принудительно, участвуетъ.

Національное Государство античнаго міра совпадало съ церковью. Національно-государственное общеніе было вмѣстѣ и религіознымъ общеніемъ. Государство Среднихъ вѣковъ было подчиненной частью Государства-Церкви. Національное государство Новаго времени было секуляризованнымъ государствомъ-церковью. Въ современной демократіи Церковь отдѣлилась отъ Государства. Въ «утопіи» — отъ Государства отдѣлится Нація, которая сама превратится въ общество церковнаго типа. Такъ, въ круговоротѣ исторіи, замкнется циклъ развитія Націи. И такъ, вмѣстѣ съ этимъ, въ духовномъ общеніи Націй — ибо какое иное общеніе будетъ возможно между Націями-церковными общинами? — реализуется Человѣчество, какъ недѣлимое духовное цѣлое, единое въ своемъ многообразіи, какъ живой синтезъ національныхъ культуръ, -- Grand Etre Огюста Конта, — великій, всеохватывающій организмъ, возносящійся надъ механизмомъ отвлеченныхъ «хозяйственныхъ» единицъ и ихъ союзовъ, объединенныхъ въ міровомъ хозяйствѣ. Такъ въ Утопіи примиряются и совмѣщаются, путемъ размежеванія, все нивелирующая «цивилизация» съ требующей полноты индивидуальныхъ различій «Культурой». Въ защиту моей утопіи я могъ бы привести еще то, что ся порядки очень похожи на существующіе уже теперь въ той странѣ, куда европейцы ѣздятъ изучать «будущую» цивилизацію. Въ С. Америкѣ рационализація хозяйства и всѣхъ связанныхъ съ нимъ сторонъ человѣческой дѣятельности дошла уже до крайнихъ предѣловъ. Достаточно напомнить о системѣ Тэйлора, о широкомъ примѣненіи «tests» для «квалификации» каждой человѣческой особи, какъ трудовой единицы, объ увлеченіи «евгеникой» и т. д. Государство въ Америкѣ все болѣе и болѣе становится организаціей силы, направленной преимущественно на хозяйствованіе -- и притомъ въ П а н ѣ - а м е р и к а н

скомъ масштабѣ («политика доллара!»). Америка — вся Америка, весь Новый Свѣтъ, — все болѣе и болѣе становится единымъ хозяйственно-политическимъ міромъ. Параллельно этому хозяйствующее Государство («цивилизация») все болѣе обособляется отъ Общества («культуры»). Нельзя отрицать силы и жизненности американскаго націонализма, вѣры въ «американизмъ», какъ реализацию англосаксонской традиціи, постоянно проявляющейся ксенофобіи (различныя квоты для иммигрантовъ вычисляются сообразно съ тѣмъ, какія народности скорѣе и полнѣе ассимилируются въ Америкѣ). Эта черта была присуща Америкѣ съ самаго начала существованія Союза. Но наряду съ этимъ всегда была сильна и другая тенденція, другая идея: та, что Америка — «Новый Свѣтъ», открытый для всѣхъ людей, всѣхъ націй, всѣхъ культуръ, что американская демократія призвана осуществить ихъ синтезъ, не поглощая ихъ, не нивелируя, но открывая имъ пути къ свободному самобытному развитію. О жизненности этой идеи въ Америкѣ свидѣтельствуетъ недавно вышедшая книга Kallen'а, *Culture and Democracy*, авторъ которой не только даетъ убѣдительный теоретическій отпоръ «американизму» въ его узко-націоналистическомъ аспектѣ, но и приводитъ интереснѣйшіе факторы, говорящіе о томъ, что американскій «melting-pot» далеко не вездѣ и не всегда выполняетъ свое назначеніе: «сплавлять» отдѣльныя народности и ихъ культуры въ общую «американскую» массу. Онъ указываетъ, что какъ разъ въ Америкѣ нѣкоторые европейскіе народы обнаруживаютъ особенно интенсивную дѣятельность по поддержанію и развитію ихъ собственныхъ культуръ — и это подтверждается хотя бы фактомъ громаднаго количества газетъ чуть-ли не на всѣхъ языкахъ, выходящихъ въ Америкѣ. Особенно показателенъ въ этомъ отношеніи Нью-Йоркъ (ср. цѣннѣйшія, съ этой точки зрѣнія, наблюденія такого умнаго и проникательнаго писателя, какъ Paul Morand, въ его книгѣ «New-York»). Если, въ прогнозахъ относительно будущаго хода исторической эволюціи народовъ цивилизованнаго міра, исходить изъ примѣра С.-Американской федераціи, какъ прототипа, то надо признать, что набросанная здѣсь — пія жизненная Бріановской, ибо она ближе походитъ на U. S. A., нежели Бріановскіе U. S. E.

П. Бицилли.

Соціалізмъ противъ революціи

На состоявшемся въ іюлѣ 1930 года объединительномъ съѣздѣ итальянской соціалистической партіи секретарь соціалистическаго интернаціонала, Фридрихъ Адлеръ, произнесъ рѣчь во многихъ отношеніяхъ примѣчательную:

«Не слѣдуетъ ожидать, — говорилъ онъ, — что при помощи діалектическаго поворота крушеніе фашизма приведетъ насъ непосредственно къ соціализму. Крушеніе это приведетъ насъ сначала къ демократіи и затѣмъ лишь на ея основѣ будетъ воздвигнутъ соціализмъ. Важно только имѣть въ моментъ крушенія совершенно ясное представленіе о томъ, что въ первую очередь необходимо и возможно. Къ настоящему моменту споръ между реформизмомъ и революціонизмомъ въ основномъ уже вполне выясненъ. Пусть это звучитъ парадоксально, но наша борьба за демократію должна быть революціонной, въ то время какъ наша борьба за соціализмъ является эволюціонной, реформистской. Въ борьбѣ за демократію даже самые праны реформисты всегда проявляли себя революціонерами» *).

Эти заявленія Фридриха Адлера приобрѣтають весьма большое значеніе, такъ какъ сдѣланы онѣ однимъ изъ типичныхъ представителей такъ называемаго «революціоннаго соціализма» и притомъ въ весьма отвѣтственный моментъ и въ очень отвѣтственномъ мѣстѣ. И если та кой соціалистъ въ та кой обстановкѣ намъ говоритъ, что борьба за соціализмъ не есть борьба революціонная, а реформистская и эволюціонная, то это становится весьма симптоматичнымъ для того идеологическаго кризиса, который переживаетъ современный соціализмъ.

Никто иной какъ секретарь соціалистическаго интернаціонала, имѣющій опредѣленно лѣвую и революціонную репутацію, заявляетъ намъ, что споръ между реформизмомъ и революціонизмомъ выясненъ и притомъ такимъ

*) «Arbeiter Zeitung» 24-VII 1930.

образомъ, что нѣтъ революціонной борьбы за социализмъ, а есть только революціонная борьба за демократію. Тамъ, гдѣ революція полезна и необходима, тамъ ревизионисты и реформисты, согласно аттестаціи Фридриха Адлера, проявили себя съ самой лучшей стороны. Если же они все-таки были революціонерами, то по запоздалому разъясненію Ф. Адлера, какъ разъ тамъ, гдѣ и совсѣмъ не надо быть революціонеромъ, а именно: въ борьбѣ за социализмъ.

Фридрихъ Адлеръ не принадлежитъ къ числу авторитетныхъ теоретиковъ социализма. Но его показаніе имѣетъ не столько теоретическую, сколько психологическую цѣнность. Должно было что-то оборваться въ психологической традиціи революціонаризма, чтобы типичный представитель этой традиціи могъ выступить съ окончательнымъ ея отрицаніемъ. И этотъ психологическій разрывъ съ традиціей революціи имѣетъ гораздо большее значеніе для оцѣнки идеологическаго міра современнаго социализма, чѣмъ тѣ или иныя теоретическія схемы.

Нѣтъ однако въ современномъ социализмѣ недостатка и въ теоретическомъ отрицаніи его революціонности. Я возьму соотвѣтствующее авторитетное заявленіе, относящееся къ самому послѣднему времени. Въ своей послѣдней работѣ «Большевизмъ въ тупикѣ» К. Каутскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Крушеніе монархій и его послѣдствія въ корнѣ мѣняютъ политическія задачи пролетарскихъ партій. Государство, въ которомъ онѣ живутъ, — уже не военная монархія, а демократическая республика, угрожаемая реакціей, и находящая вѣрную защиту только въ пролетаріатѣ. Нашей задачей становится теперь оберегать республику, т. е. существующее государство, а не опрокидывать его. Въ этомъ смыслѣ социаль-демократія перестаетъ быть революціонной и становится консервативной. Не потому, что она отказывается отъ какой-либо части своей программы, а потому, что она одну изъ рѣшающихъ частей этой программы уже осуществила. Не она измѣнилась, измѣнилось государство. Послѣ политической революціи идея политической революціи теряетъ всякій смыслъ» *).

Конечно, чисто формально можно сказать, что всякій смыслъ потеряла только идея политической революціи, а

*) Цитирую по русскому переводу Ф. Дана, стр. 139. Курсивъ мой.

вовсе не соціальной, т. е. той, которая насъ должна непосредственно принести къ социализму. Но дѣло въ томъ, что никакой иной революціи кромѣ политической социализмъ по существу теперь не пріемлетъ и заявленія Адлера, которыя мы выше цитировали, достаточно въ этомъ отношеніи показательны. Послѣ случившихся революцій, въ которыхъ рабочія партіи играли такую выдающуюся роль, онѣ перестали быть революціонными, ибо революціонерами необходимо и полезно быть до революціи, для революціи и при революціи, и совершенно незачѣмъ быть послѣ революціи.

Произошла глубочайшая перемѣна въ самомъ политическомъ существѣ рабочихъ партій: изъ партій, свергшихъ существующій строй, онѣ превратились въ партіи, охраняющія существующій строй. Этотъ охраняемый социализмомъ существующій строй весьма далекъ отъ социалистическаго идеала и вообще отъ какого-либо совершенства и его надо къ социалистическому идеалу приближать и непрерывно его совершенствовать. Но такое отношеніе къ существующему строю радикально отличается отъ отношенія къ строю, который необходимо свергнуть. Если революція есть форма сверженія и уничтоженія существующаго строя, то революція никоимъ образомъ не можетъ быть формой сохраненія и развитія существующаго строя.

Эту разницу очень часто упускаютъ изъ виду, когда говорятъ, что у современнаго социализма возникаютъ весьма серьезныя и чисто революціонныя задачи въ связи съ угрожающимъ ростомъ фашизма. Несомнѣнно, что этотъ ростъ можетъ привести и къ чисто физическимъ столкновеніямъ массоваго типа, которыя по своимъ внѣшнимъ формамъ могутъ совпасть съ тѣмъ, что мы привыкли называть революціей. И все таки, поскольку въ этой драматической борьбѣ социалистическія партіи будутъ бороться или даже, скажемъ, сражаться за сохраненіе существующихъ, ими же добытыхъ республиканско-демократическихъ формъ, постольку это будетъ все таки не сверженіе, а сохраненіе существующаго строя, т. е. дѣйствіемъ не революціоннымъ, а консервативнымъ. При этомъ безразлично, будетъ ли рабочая партія стоять у власти или находится въ оппозиціи. Въ послѣднемъ случаѣ ея борьба за сохраненіе существующаго демократическаго строя будетъ имѣть еще большее принципиальное значеніе, такъ какъ здѣсь охра-

нительная задача будетъ выполняться въ значительной мѣрѣ «безкорыстно». Несмотря на то, что партія въ оппозиціи, что существующая власть — это не ея власть и даже ей враждебная, несмотря на все это, партія все таки выступаетъ во всей своей босвой готовности для защиты того строя, относительно котораго она не можетъ сказать, что онъ цѣликомъ отвѣчаетъ ея социально-политическимъ желаніямъ и упованіямъ. Стоитъ только представить себѣ современное положеніе германской социаль-демократической партіи, чтобы понять смыслъ этого сложнаго явленія: социалистическая партія, охраняющая рѣжимъ, во главѣ котораго стоятъ въ данный моментъ враждебныя партіи силы. Но развѣ это революціонно?

Не только русскому социалистическому сознанию, имѣющему дѣло съ еще не завершенной русской революціей, но и международному социалистическому сознанию, имѣющему завершенныя политическія революціи уже позади себя, чрезвычайно трудно разстаться съ ощущеніемъ, если можно такъ выразиться, своей революціонной дѣятельности, ушедшей уже въ прошлое. Вся социалистическая идеологія сложилась въ основныхъ своихъ чертахъ въ періодъ, когда политическія революціи были еще впереди и когда революціонныя задачи доминировали надъ всей текущей дѣятельностью социалистическихъ партій. Социализмъ былъ тогда революціонеръ не потому, что достиженіе социалистическаго строя возможно осуществить методами революціи, но потому, что ближайшая политическая задача движенія не могла быть разрѣшена иначе, какъ методами революціи. Социалисты не могли тогда не быть весьма рѣшительными революціонерами. Но не потому социалисты стали революціонерами, что социализмъ былъ революціоннымъ, а потому социализмъ сталъ революціоннымъ, что социалисты были революціонерами. Однако не трудно понять, что въ самомъ существѣ дѣла не социализмъ сталъ революціоннымъ, а только сами социалисты. И случилось это по неотвратимой исторической необходимости.

Но затѣмъ эта необходимость прошла, такъ какъ революціи совершились. И тутъ-то и оказалось, что сознаніе гораздо консервативнѣе бытія и поспѣшаетъ за нимъ весьма медленно. Социализмъ захотѣлъ остаться революціоннымъ уже и послѣ того, какъ необходимость въ революціяхъ миновала и изъ свергателя существующаго политическаго строя социализмъ превратился въ его охранителя и рефор-

матора. Здѣсь образовалось явное логическое и психологическое противорѣчіе между революціонной традиціей соціализма и реальнымъ содержаніемъ его текущей работы. Когда это противорѣчіе ужъ особенно наглядно выплывалось наружу, тогда пытались его устранить указаніемъ на то, что вотъ фашизмъ поднимаетъ голову, предстоитъ жестокіе бои и буржуазія ни за что не допуститъ, чтобы пролетаріатъ пришелъ и укрѣпился во власти мирными методами демократическаго востанія. Соображенія эти отнюдь, однако, противорѣчія не устраняли и такъ постепенно дѣло дошло до того, что отрицаніе революціоннаго характера современнаго соціализма стало достояніемъ не только злорадствующей коммунистической критики, но и самыхъ выдающихся представителей самаго соціалистическаго движенія. «Правый» Каутскій и «лѣвый» Адлеръ одинаково сошлись въ этомъ отрицаніи и революціоннаго факта и революціоннаго долженствованія. Соціализмъ не революціонеръ и соціализмъ и не можетъ быть революціонеръ. Революціонной можетъ быть демократія, соціализмъ долженъ быть эволюціоннымъ, реформистскимъ.

Въ этомъ отношеніи есть нѣчто символическое въ той обстановкѣ, въ какой Фридрихъ Адлеръ развивалъ свою ревизионистскую концепцію. На съѣздѣ итальянской соціалистической партіи присутствовали въ большемъ числѣ въ качествѣ гостей члены антифашистской концентраціи, принадлежащіе къ различнымъ буржуазно-радикальнымъ группировкамъ. Антифашистская концентрація, въ которой выдающуюся роль играетъ итальянская соціалистическая партія, является революціонной организаціей, стремящейся къ сверженію фашистской диктатуры. И вотъ, своеобразный идеологическій парадоксъ заключается въ томъ, что революціонерами, согласно совѣту Адлера, итальянскіе соціалисты должны быть только тамъ, гдѣ они стоятъ на одной почвѣ съ итальянскими буржуазными радикалами. Тамъ же, гдѣ они эту почву покидаютъ и возвращаются на пути соціализма, тамъ они должны перестать быть революціонерами. Не революціонность отдѣляетъ соціалистовъ отъ буржуазныхъ радикаловъ, а эволюционность, — тотъ видъ ея, который внушаетъ намъ увѣренность въ томъ, что развитіе соціальныхъ и экономическихъ отношеній современнаго общества неизбежно

ведеть и приведетъ къ торжеству социалистическихъ формъ общежитія.

Для этого кризиса революціоннаго сознанія въ современномъ социализмѣ чрезвычайно характерна участвующая въ социалистической литературѣ, въ особенности въ австрійской, замѣна возвышающаго термина: «Революція» отпугивающимъ терминомъ: «гражданская война». Если австрійская социаль-демократическая партія всю свою умную и осторожную политику послѣднихъ лѣтъ строить на стремленіи во что бы то ни стало избѣгнуть прямого физическаго столкновенія съ реакціей, то психологически эта политика ей облегчается тѣмъ, что это прямое физическое столкновение перестало именоваться революціей и именуется гражданской войной. Вести партію и рабочій классъ такъ и по такимъ дорогамъ, чтобы нигдѣ и никогда не встрѣтиться съ опасностью революціи, — вотъ принципиальная основа, на которой строится тактика австрійскаго социализма. Во имя этого принципа партія пошла уже на рядъ жертвъ, тяжкихъ компромиссовъ съ австрійской реакціей, лишь бы охранить основныя начала завоеваннаго въ революціи республиканско-демократическаго режима. Линія этого поведенія была принципиально обоснована еще на конгрессѣ партіи въ 1926 г. и нашла свое теоретическое выраженіе въ принятой тамъ же программѣ. Произнесенная Отто Бауэромъ рѣчь въ защиту этой программы была страстнымъ предупрежденіемъ противъ недооцѣнки губительныхъ послѣдствій гражданской войны, если бы даже въ ней побѣдилъ пролетаріатъ. Въ огнѣ гражданской войны погибнетъ демократія, независимо отъ того, кто изъ нея выйдетъ побѣдителемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія: австрійская социаль-демократическая партія держитъ порохъ сухимъ и готова будетъ встрѣтить физическій натискъ реакціи достойнымъ и, можно вѣрить, успѣшнымъ отпоромъ. Но съ точки зрѣнія партіи это тѣмъ не менѣе самый худой конецъ возможнаго развитія событій. Лично отъ себя партія предлагаетъ другой выходъ: добровольное взаимное разоруженіе реакціоннаго Геймвера и социалистическаго Шутибунда. Она пользуется каждымъ случаемъ, чтобы подчеркнуть передъ страной и передъ всѣмъ міромъ, что она въ любой моментъ готова сложить оружіе, если только на это согласятся буржуазныя партіи. «Миръ и трудъ» — вотъ лозунгъ того политическаго доклада, который отъ имени

центрального комитета партіи былъ прочитанъ Зейцомъ на послѣднемъ партійномъ конгрессѣ.

Мы понимаемъ хорошо практической смыслъ этой политики, направленной къ избѣжанію гражданской войны. Но намъ слѣдуетъ понять и ея принципиальный смыслъ: борьба съ призракомъ гражданской войны есть въ своемъ программномъ существѣ — борьба съ призракомъ революціи. Отъ слова не станется и отъ того, что прямое физическое столкновение двухъ враждебныхъ политическихъ силъ, именовавшееся раньше революціей, нынѣ именуется гражданской войной, — отъ этого смыслъ самого столкновения нисколько не мѣняется. Мы же въ этомъ терминологическомъ разжалованіи революціи въ гражданскую войну видимъ просто отраженіе глубокаго идеологическаго разочарованія современнаго социализма въ социологической и политической цѣнности революціи.

Это сказывается и въ потерѣ яснаго представленія о томъ, что же собственно такое революція. Когда то для социализма не было никакого сомнѣнія въ томъ, что такое революція и что такое контръ-революція. Теперь потеряно ясное представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ разница между ними. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучителенъ споръ о характерѣ современнаго русскаго большевизма. Что происходитъ въ Россіи — революція, контръ-революція? Методически очень осторожный К. Каутскій послѣ блестящей характеристики реакціонной сущности совѣтскаго режима и суровой критики позиціи Интернаціонала въ русскомъ вопросѣ въ концѣ концовъ все-таки отказывается отъ опредѣленія этого режима въ терминахъ революціи или контръ-революціи. Что это доподлинная и злостная реакція — въ этомъ нѣтъ для Каутскаго никакого сомнѣнія. Съ этой точки зрѣнія режимъ этотъ вполне заработалъ себѣ бубновый тузъ контръ-революціи на спину. И дѣйствительно, съ молодымъ жаромъ Каутскій настойчиво повторяетъ на всемъ протяжении своей работы: да какая же это революція? — это подлинная контръ-революція!

И все же къ концу своей работы онъ самъ вынужденъ признать, что терминъ революція сталъ слишкомъ неопредѣленнымъ и расплывчатымъ, чтобы правильно насъ ориентировать въ познаніи и опѣякѣ политическихъ событій. «Со времени большевистскаго переворота, — пишетъ онъ, слово это примѣняется къ столь многимъ и противорѣчи-

бымъ явленіямъ... стало такимъ неопредѣленнымъ, такимъ многосмысленнымъ или, если угодно, двусмысленнымъ, что тотъ, кто говоритъ о русской революціи... хорошо сдѣлаетъ, если будетъ точно указывать, какую же революцію онъ имѣетъ въ виду. Та русская революція, которая близка и дожна быть близка сердцу всѣхъ насъ, не можетъ быть никакой иной, какъ революціей демократической» *).

Изъ этого очевидно необходимо сдѣлать такой выводъ, что въ Россіи произошли двѣ революціи, изъ которыхъ одна близка нашему сердцу, а другая намъ отвратна. Если въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ социалистъ, говоря о революціи, долженъ указывать «какую же революцію онъ имѣетъ въ виду», то очевидно обозначеніе данного явленія революціей равно ничего намъ не говоритъ о томъ, какъ намъ къ нему относиться: враждебно или сочувственно. Замѣчательно, что Р. Абрамовичъ, рѣшительно поддизирующій съ Каутскимъ и отстаивающій за большевизмомъ политическое и социальное право на титулъ «революція» успокаиваетъ противниковъ диктатуры слѣдующимъ заявленіемъ: «Мы боремся и противъ революціи, если она идетъ ложными путями **). Слѣдовательно, есть такія революціи, съ которыми слѣдуетъ бороться. Р. Абрамовичъ даже увѣряетъ, что признаніе большевизма революціей ни на йоту не уменьшаетъ активности меньшевизма въ борьбѣ съ диктатурой. Но тутъ уже П. Гарви ***) показываетъ Р. Абрамовичу, что онъ ошибается. Активность меньшевизма въ борьбѣ съ диктатурой находится въ плѣну концепціи о революціонномъ характерѣ большевизма. Въ этой концепціи имѣются все-таки элементы какой-то индугенціи большевизму и народное возстаніе противъ него логически характеризуется какъ контръ-революція. А разъ это контръ-революція, то противъ нея надо самымъ рѣшительнымъ образомъ выступить. Отсюда мирно-обновленческій характеръ меньшевизма.

Однако, легко видѣть, что формула Р. Абрамовича о борьбѣ противъ революціи, идущей ложными путями, естественно приводитъ къ мысли о контръ-революціи, идущей правильными путями. Я очень хорошо понимаю всю

*) «Большевизмъ въ тупикѣ», стр. 160-161.

**) «Соц. Вѣстн.» № 20, 1930 г.

***) «Соц. Вѣстн.» № 24, 1930.

необычность и парадоксальность этого словоупотребления. Но по самому своему существу правильная контр-революція не болѣе парадоксальное понятіе, чѣмъ ложная революція. Тотъ, кто говоритъ, что бываютъ случаи, когда надо бороться съ революціей, тотъ тѣмъ самымъ признаетъ возможность случаевъ, когда надо поддержать контр-революцію. И если, напр., А. Потресовъ на основаніи историческихъ прецедентовъ находить соціологически мыслимыми реакціонныя революціи, то столь же соціологически мыслимыми надо признать и прогрессивныя контр-революціи *).

Но, если все это возможно, то тѣмъ самымъ очевидно становится невозможнымъ пользоваться этими терминами, способными только вогнать мысль въ тупикъ безысходныхъ парадоксовъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію: именно русскій большевизмъ сыгралъ рѣшающую роль въ этомъ смѣшеніи языковъ и въ этой глубокой компрометаціи какъ понятія, такъ и самаго явленія революціи. Но и всѣ случившіяся въ связи съ войной революціи были не тѣмъ, что о нихъ думали до ихъ рожденія. Если раньше съ образомъ революціи ассоціировались представленія о всенародномъ дружномъ подъемѣ противъ ничтожныхъ кучекъ враговъ, если раньше революція казалась праздникомъ, хотя и насыщеннымъ трагическимъ пафосомъ, то истинный ликъ революціи пришедшей былъ весьма далекъ отъ этихъ канунныхъ представленій. Революція стала ассоціироваться съ ужасомъ, мракомъ, братоубійствомъ въ слишкомъ конкретномъ смыслѣ этихъ словъ. Притомъ эти революціи, всѣ до единой, были связаны съ бѣдствіями военного разгрома, съ крушеніемъ хозяйственной жизни и съ невѣроятнымъ въ 20-мъ вѣкѣ культурнымъ одичаніемъ. Въ этихъ революціяхъ самыми драматическими страницами были все не страницы борьбы со старымъ строемъ, а страницы

*) «Исторія послѣднихъ трехъ вѣковъ европейскихъ народовъ приучила къ понятію прогрессивной революціи. Исторія же древности (напр., древней Эллады) могла бы съ такимъ же успѣхомъ, наоборотъ, насъ отучить отъ этого обязательнаго сочетанія понятія революціи съ понятіемъ прогресса». — «Дни» № 88. 1930 г.

Мнѣ думается, что отучиться отъ традиціоннаго сочетанія понятія революціи съ понятіемъ прогресса можно на основаніи гораздо болѣе свѣжаго матеріала, чѣмъ древняя Эллада. Большевизмъ и фашизмъ даютъ такой матеріалъ въ изобиліи.

кровавой борьбы внутри стана самой революціи. Больше всего революціи были революціонными междуусобицами, и ни въ одномъ социальномъ классѣ, ни въ одной идеологической группѣ внутренняя междуусобица не приняла такого яростнаго напряженія, какъ внутри рабочаго класса, какъ въ станѣ социализма. Расколъ въ революціи рабочаго класса многихъ странъ явился для социализма можетъ быть однимъ изъ самыхъ страшныхъ наслѣдій этой революціи, наслѣдіемъ, далеко не изжитымъ и сейчасъ еще, спустя 12 лѣтъ революціонныхъ взрывовъ. *

Случилось послѣ міровой войны такъ, что святому духу революціи стали поклоняться варвары и язычники, въ корни враждебные освободительнымъ идеаламъ социализма. Идеологическая монополія социализма на революцію была подорвана съ самой неожиданной для социализма стороны. Извѣстно, съ какой страстной ревнивостью отстаиваетъ для себя революціонный титулъ итальянскій фашизмъ. Въ пятую годовщину побѣды Муссолини реакціонная и умѣренно-буржуазная пресса всѣхъ странъ помѣстила его гимнъ революціи. Революція стала частой идеологической гостьей самыхъ подозрительныхъ реакціонныхъ логовищъ. Погромщики стали революціонерами и революціонеры стали погромщиками и въ военномъ и послѣвоенномъ политическомъ и моральномъ хаосѣ не всегда можно было быть увѣреннымъ, что погромщикъ, ставшій революціонеромъ, пересталъ быть погромщикомъ, а революціонеръ, ставшій погромщикомъ, пересталъ быть революціонеромъ.

Такъ исчезло прежнее обаяніе революціи.

Это можетъ показаться страннымъ, но это фактъ: самый ростъ социальной и политической мощи рабочаго социалистическаго движенія является одной изъ важнейшихъ причинъ вывѣтриванія и угасанія его революціоннаго настроенія. Социализмъ слишкомъ глубоко пускаетъ корни во всѣ отрасли современной жизни, чтобы быть склоннымъ къ какимъ-либо революціоннымъ взлетамъ и безумствамъ. Современный социализмъ обзаводится, если можно такъ выразиться, слишкомъ большимъ и грузнымъ хозяйствомъ, чтобы быть еще достаточно легкимъ на ре-

волюціонный подъемъ. Каждый шагъ впередъ на пути укрѣпленія рабочаго движенія связываетъ его все больше и больше съ окружающимъ міромъ соціально-политическихъ отношеній, приневоливая его тѣмъ самымъ все больше и больше къ эволюціоннымъ методамъ борьбы и дѣйствія, а слѣдовательно и къ эволюціонному типу соціально-политическаго мышленія. Если присмотрѣться къ тому, что собою представляетъ, на примѣръ, германское рабочее движеніе, то въ изумленіи передъ его матеріальной и организаціонной мощью невольно скажешь: нѣтъ, этакая машина на революцію не пойдетъ.

Даже чисто политическое ядро германскаго рабочаго движенія: соціалъ-демократическая партія становится громадной дѣловой и хозяйственной организаціей, вбирающей въ себя все болѣе значительные элементы громаднаго коммерческаго предпріятія. Капиталъ партіи составляетъ 10 милліоновъ долларовъ, ежегодно въ партійную кассу притекаетъ отъ 3 до 4 милліоновъ долларовъ. Партія издаетъ 200 газетъ, которыя печатаются въ собственныхъ типографіяхъ. Акціонерное общество, объединяющее всѣ издательскія предпріятія партіи, обладаетъ капиталомъ въ 12 милліоновъ долларовъ. Ужъ самый этотъ матеріальный размахъ партіи исключаетъ представленіе о революціонной настроенности. Партіи, готовящіяся къ революціи, такихъ капиталовъ не накапливаютъ и такими суммами не вращаются. Есть какое-то психологическое противорѣчіе между такимъ вотъ матеріальнымъ базисомъ и революціонной идеологической надстройкой.

Но партія все-таки является организмомъ политическимъ. Если же перейти въ другія отрасли германскаго рабочаго движенія, то тамъ матеріальный «вѣсъ» его организацій рисуется въ еще болѣе импонирующихъ и потому именно антиреволюціонныхъ чертахъ. Свободные профессиональные союзы, связанные съ соціалъ-демократической партіей, съ ихъ болѣе чѣмъ 5 милліонами членовъ, имѣютъ ежегодный приходъ въ 60 милліоновъ долларовъ. Въ огромной машинѣ союзовъ работаетъ 9 тысячъ служащихъ. Близкіе къ соц.-демократической партіи кооперативы имѣли за послѣдніе годы годичный оборотъ въ 250 милліоновъ долларовъ и до 13-ти милліоновъ долларовъ прибыли. Аппаратъ этой кооперации обслуживаетъ огромная армія въ 50 тысячъ человекъ. Громадные капиталы, проходящіе черезъ каналы германскаго рабочаго движенія,

распредѣляются въ значительной своей части спеціально созданнымъ рабочимъ банкомъ. Этотъ рабочій банкъ имѣетъ полумилліардный ежегодный оборотъ, отчасти при его помощи въ нѣдрахъ германскаго рабочаго движенія создано страховое общество съ капиталомъ въ 16 милліоновъ долларовъ и съ полутора милліонами полисовъ.

Но сказаннымъ не ограничивается степень востанія германской соц.-демократіи въ сложную ткань современнаго общества. Когда мы узнаемъ, что въ партіи имѣются 8 тысячъ муниципальных совѣтниковъ и 900 бюргермайстровъ, то одновременно съ этимъ мы узнаемъ и нѣчто весьма важное, а именно: социаль-демократическая партія въ значительной мѣрѣ теперь отвѣчаетъ за благосостояніе городского хозяйства, за всѣ тѣ громадныя экономическіе, социальные и культурные интересы, которые входятъ въ сферу современнаго городского самоуправления. Въ огромномъ числѣ случаевъ эти муниципальные дѣятели германской соц.-демократіи являются непосредственными распорядителями громадныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ богатую сѣть городскихъ предпріятій. Связь этихъ людей съ грѣшнымъ міромъ промышленнаго и финансоваго капитала является ихъ общественной обязанностью не только передъ своимъ городомъ, но и передъ своимъ классомъ и своей партіей. Въ партіи находятся тысячи людей, занятыхъ всякаго рода промышленными, финансовыми и торговыми дѣлами именно потому, что въ этомъ своемъ качествѣ они служатъ интересамъ партіи и партіей на это поставлены. Партія нуждается въ ихъ «дѣловыхъ» талантахъ и если въ юный періодъ социалистическаго движенія человѣкъ, входя въ партію, долженъ былъ у порога ея сбросить съ себя грѣшный нарядъ буржуазнаго міра, забыть, что онъ купецъ, фабрикантъ, директоръ, управляющій и т. п., то теперь очень часто партія цѣнитъ этого человѣка именно потому, что онъ приходитъ изъ того міра, гдѣ умѣютъ «вести дѣла». Партія нуждается въ его спеціальныхъ знаніяхъ и опытѣ, прибрѣтенныхъ въ мірѣ буржуазной практики.

Несомнѣнно, внутри партіи эти способности и дарованія направляются въ иныя русла и регулируются иными принципами, чѣмъ принципъ личнаго обогащенія. Тѣмъ не менѣе, самое это проникновеніе рабочаго движенія «дѣловыми элементами» не можетъ не дѣйствовать тормозя-

щимъ образомъ на революціонное сознаніе современнаго соціализма, поскольку оно еще живо.

Историческое развитіе рабочаго движенія привело его къ тому, что ростъ его силы, вліянія и значенія во всемъ строѣ современной жизни вмѣсто того, чтобы увеличить шансы его революціоннаго натиска, какъ это выходило по теоретическому расписанію, только уменьшилъ склонность къ такому революціонному способу дѣйствій. Казалось социалистическое движеніе дѣлается все сильнѣе для революціи, и оказалось, что чѣмъ оно вообще сильнѣе, тѣмъ оно менѣе революціонно. Движеніе приобрѣло такую внушительную политическую, соціальную и культурно-организационную «комплексію», которая уже сама по себѣ стоитъ въ психологическомъ и матеріальномъ противорѣчій съ революціонной идеологіей. Революціонны только слабыя и бѣдныя партіи, сильныя и богатая партіи рабочаго класса не революціонны — вотъ что въ общемъ и цѣломъ стало соціологическимъ закономъ современнаго соціализма.

Нужно отдать справедливость его лѣвымъ элементамъ: они скорѣе подмѣтили громадное значеніе этой все усиливающейся «матеріализаціи» соціалистическаго движенія, чѣмъ правые элементы, которые склонны были значеніе этого явленія беззаботно преуменьшать, какъ лѣвые панически его преувеличивали. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересна полемика, возникшая въ 1927 г. на страницахъ австрійскаго с.-д. журнала «Кампфъ». Лѣвая паническая точка зрѣнія была выражена въ статьѣ Эрнста Фишера, который писалъ:

«Мы являемся революціонной пролетарской партіей, мы должны быть безпощадно строги къ самимъ себѣ. Многое, что въ буржуазномъ обществѣ является вполнѣ допустимымъ, что признается безупречнымъ дѣломъ, является для насъ, соціалистовъ, абсолютно непріемлемымъ. Никогда мы не должны сравнивать наши формы жизни съ буржуазными: для насъ является безнравственнымъ многое изъ того, что въ буржуазномъ мірѣ морально вполнѣ допустимо. Какъ соціалисту не подобаетъ играть на биржѣ, такъ и намъ не подобаетъ заниматься коммерческими операціями, составляющими самое существо буржуазнаго общества. Мы являемся революціонной пролетарской партіей и должны быть нетерпимы къ самимъ себѣ. Эта нетерпимость является не только моральной, но и въ высокой

мѣръ политической силой. Мы приобретаемъ новыхъ приверженцевъ социализма не только при помощи проповѣдуемыхъ нами идей и проводимой нами работы, но также и чистотой, которая недостижимо насъ отдѣляетъ отъ всего, что принадлежитъ къ буржуазному міру. Всякая коммерція опасна для этой чистоты и если въ тысячахъ случаевъ социалистическая чистота не страдаетъ отъ капиталистической коммерціи, то во имя тысяча перваго случая, во имя массъ, которыя весьма чувствительны къ нашей чистотѣ, мы должны отказаться отъ всего, что можетъ быть истолковано, какъ приближеніе къ капиталистическому міру».

Эта точка зрѣнія встрѣтила рѣшительный отпоръ въ томъ же номерѣ журнала въ статьѣ А. Корпа. Авторъ подошелъ къ темѣ немного съ узко-кооперативной точки зрѣнія. Но тѣмъ не менѣе онъ очень отчетливо показалъ, что проблема «чистоты» относится не только къ сношеніямъ съ буржуазнымъ міромъ, но и къ внутреннему міру самого социалистическаго движенія. Для А. Корпа ясно, что, — «Тамъ, гдѣ въ наши руки переходитъ тотъ или иной отрѣзокъ хозяйственной жизни, тамъ заботу о рентабельности, о способности къ конкуренціи и о прочихъ «капиталистическихъ» качествахъ невозможно передать частному предпринимателю, что было бы значительно пріятнѣе, но нужно взять ее на самихъ себя. Уже такой онъ неудобный — путь къ социализму, что намъ не суждено довольствоваться ролью требующихъ; чѣмъ больше наше вліяніе въ государствѣ и въ экономикѣ, тѣмъ чаще вырастаетъ для насъ необходимость исполнять роль стѣкающихъ. Закрѣпить на это глаза, значить имѣть слишкомъ небесное представленіе о социализмѣ. Въ самой непосредственной близости отъ себя, въ типографіи «Форвертсъ»-а, Фишеръ могъ найти достаточно гримфровъ, это подтверждающихъ. Такъ что же, отказаться отъ этого, отъ собственныхъ типографій и печатать наши изданія въ капиталистическихъ предпріятіяхъ?» И дальше авторъ говорить о томъ, что и въ чисто партійныхъ предпріятіяхъ необходимо руководствоваться коммерческимъ принципомъ рентабельности и для этого вступать иногда въ конфликтъ даже съ рабочими собственныхъ партійныхъ предпріятій *).

*) См. «Der Kampf» № 9. 1927 г.

Въ мою тему сейчасъ не входитъ обрисовка и анализъ процесса «обуржуазенія» социалистическихъ партій. Эта тема особая и очень сложная. Но въ интересующей насъ сейчасъ связи содержаніе упомянутой выше полемики приобретаетъ особое значеніе. Для Фишера социалистическое движеніе нашихъ дней все еще движеніе революціонно-ниспровергательное и поэтому онъ воплотилъ послѣдователенъ въ своемъ требованіи «чистоты», означающей рѣшительную самоизоляцію отъ формъ экономической дѣятельности современной хозяйственной системы. Конечно, если Фишеръ хотѣлъ бы быть послѣдовательнымъ до конца, то ему пришлось бы свести партію изъ громаднаго развитѣннаго организма въ пропагандистскіе и проповѣдническіе кружки не марающихся объ жизнь праведниковъ. Ему пришлось бы закрыть всѣ предпріятія партіи, ибо всѣ онѣ безусловго далеки отъ проповѣдуемой ими «чистоты». И несомнѣнно, такой «чистой» социалистической партіи было бы легко въ современной обстановкѣ быть партіей революціонной. Но именно потому, что такой «чистой» она быть не можетъ, она и не можетъ быть революціонной. Она не можетъ быть революціонной не только въ томъ смыслѣ, что вотъ завтра во имя какой-нибудь насущной цѣли она поставитъ на карту все граціозное многообразіе своего матеріализованнаго существованія, — она не можетъ быть революціонной и въ томъ смыслѣ, что самое это многообразіе ея матеріализованнаго существованія дѣлаетъ все менѣе и менѣе психологически возможнымъ не только революціонное дѣйствіе, но и революціонное помысленіе. Нигдѣ, можетъ быть, такъ наглядно не оправдывался марксистскій тезисъ о бытіи, опредѣляющемъ сознаніе, какъ въ исторіи развитія и упадка революціонной идеи въ социалистическомъ движеніи.

**
*

Въ исторіи социализма случилось событіе, въ которомъ необходимо дать себѣ совершенно ясный отчетъ: социализмъ пересталъ быть, если не ученіемъ, то во всякомъ случаѣ движеніемъ самыхъ низшихъ классовъ современнаго общества. Съ появленіемъ на исторической сценѣ коммунизма создалась партія тѣхъ массъ, которая въ социальной пирамидѣ расположена еще ниже, чѣмъ массы со-

временнаго социализма. Конечно, и до войны и революціи социалистическое движеніе не представляло всего рабочаго класса, а только его наиболѣе передовые, культурно и профессионально квалифицированные слои. Самые низы пролетаріата стояли вдалекѣ отъ организующихъ центровъ рабочаго движенія и не входили въ расчетъ социальныхъ силъ по той простой причинѣ, что низы эти были пассивны, и когда социализмъ говорилъ и за нихъ, то они противъ этого не возражали, но на это и не претендовали. Социализмъ тогда имѣлъ право говорить за весь рабочій классъ просто въ той мѣрѣ, въ какой передовыя части рабочаго класса довѣряли ему это представительство вполне сознательно и активно, а отсталыя и темныя массы пролетаріата и вообще стояли внѣ политики. Правда, и до революціи имѣлись численно ничтожныя группы анархистовъ и тому подобныхъ теченій, которыя претендовали быть самыми непримиримыми, самыми революціонными и въ этомъ своемъ качествѣ представлять самые угнетенныя низы трудящихся массъ. Претензіи были большія и громкія, но организаціонныя достиженія совершенно ничтожныя. При этомъ часть этихъ достиженій фабриковалась въ тайной полиціи соответствующихъ странъ. Социализмъ по существу не имѣлъ политическихъ конкурентовъ лѣвѣ себя, революціоннѣ себя.

Все это радикально измѣнилось послѣ войны и революціи. Прежнія отсталыя и пассивныя массы остались еще достаточно отсталыми, но уже ни въ какой мѣрѣ не пассивными. Наоборотъ, активность ихъ, съ точки зрѣнія внѣшняго разряда энергіи, превосходила иногда активность сознательныхъ передовыхъ слоевъ пролетаріата изъ основныхъ кадровъ социализма. Знакъ равенства между отсталостью и пассивностью, бывшій правильнымъ до революціи, сталъ совершенно неправильнымъ послѣ революціи. Война и вообще многолѣтняя школа грубаго насилія внесли въ народныя массы колоссальный зарядъ неорганизованной буйной активности, а экономическія и социальныя бѣдствія, связанныя съ войной, слѣдали эти массы воинствующими революціонными, готовыми въ любой моментъ свергнуть, стереть съ лица земли то общество или то государство, которыя ихъ такъ жестоко обидѣли. Теперь социализмъ уже не могъ безъ возраженія съ ихъ стороны выпрашивать ихъ стремленія и страсти. Эти массы изъ низовъ заговорили сами и заговорили языкомъ, глубоко

враждебнымъ всему міросозерцанію соціалізма. Какъ ни пытались лѣвыя группы соціалистовъ родными счастьемъ съ этими массами, стать выразителями ихъ революціонныхъ настроеній, изъ этого большей частью получался сдѣнь только конфузъ. Даже въ лѣвѣйшихъ своихъ секторахъ соціализмъ не могъ приспособить къ себѣ, къ своему духовному міру, или самому приспособиться къ духовному міру проснувшихся для буйной активности темныхъ отсталыхъ массъ.

Эту задачу раздѣлили между собою коммунизмъ и фашизмъ и порою не худо ее выполняютъ. Но соціализмъ долженъ былъ болѣе точно очертить предѣлы своихъ соціальныхъ владѣній и здѣсь волей неволей пришлось констатировать то обстоятельство, что соціализмъ не является въ нынѣшнемъ своемъ положеніи партіей и движеніемъ самыхъ низовъ современнаго общества, а является партіей и движеніемъ такихъ его элементовъ, которые уже нѣсколько возвысились въ своемъ социальномъ уровнѣ надъ низшимъ предѣломъ современной соціальной пирамиды. Соціализмъ оказался партіей массъ, которыя выиграли въ революціи, которымъ удалось закрѣпить за собою цѣлый рядъ важныхъ соціально-политическихъ позицій, дѣлающихъ эти массы въ какой-то серьезной мѣрѣ соучастниками существующаго соціально - политическаго строя.

Мало того, самое развитіе рабочаго движенія привело къ тому, что десятки тысячъ людей, обреченныхъ до революціи на безпросвѣтную безконечность физическаго наемнаго труда, послѣ революціи и благодаря революціи получили возможность подняться вверхъ по соціальной лѣстницѣ и изъ обреченныхъ обитателей производственныхъ трюмовъ современнаго общества подняться на организующіе, «палубные», участки общественно-политической и соціальной жизни.

Десятки тысячъ людей устроились въ нѣдрахъ аппарата самаго рабочаго движенія, другіе десятки тысячъ получили доступъ къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ именно потому, что они были связаны въ той или иной степени съ рабочимъ движеніемъ. Постепенно образовались довольно обширные кадры своего рода соціалистической бюрократіи и аристократіи, людей возвышающихся по своему соціальному положенію надъ широкими массами ужъ хотя бы по одному только тому, что

они занимають мѣста и должности, менѣе подверженны разрушительному дѣйствию экономической конъюнктуры, и поэтому болѣе застрахованы отъ бѣдствій безработицы. Въ аппаратѣ партіи, профессиональных союзовъ, кооперации, мѣстнаго самоуправленія и государства членъ социалистической партіи имѣетъ возможность обезпечить основные элементы своего жизненнаго уровня въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ въ частномъ предпріятіи. Большое количество такихъ людей въ составѣ рабочей партіи не можетъ не вліять на все партійное міросозерцаніе. Почти неизбѣжно, что законы своего бытія эти элементы склонны будутъ разсматривать какъ законы социальнo-политическаго бытія вообще. И если въ ихъ положеніи представленіе о революціи неизбѣжно является представленіемъ о какомъ-то срывѣ съ уже однажды достигнутой высоты, послѣ котораго съ величайшимъ трудомъ придется опять подниматься вверхъ, то они склонны внести это представленіе въ идеологическій инвентарь партіи и по своей руководящей роли въ партійныхъ рядахъ они въ состояніи это осуществить.

Когда социализмъ заявляетъ, что онъ стремится охранить завоеванныя республиканско-демократическія формы, то этого не слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что здѣсь рѣчь идетъ объ охраненіи извѣстныхъ принциповъ или отвлеченныхъ благъ. Нѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ и объ охранѣ интересовъ живыхъ людей, что-то, весьма существенное, лично для себя въ революціи выигравшихъ. Въ революціи выиграла не только «нація», не только «народъ», но и въ своей социальной конкретности — рабочій классъ. А въ рабочемъ классѣ больше всего выиграли тѣ его части, которыя были организованы. А среди организованныхъ — тѣ ихъ части, которыя ближе всего стояли къ развѣтвленному аппарату рабочаго движенія. Вотъ настроянія и стремленія этихъ верховъ организованнаго рабочаго класса и опредѣляютъ въ значительной мѣрѣ ту консервативно-охранительную струю современнаго социализма, о которой мы говорили выше. Положеніе послѣ революціи создалось такое, что есть что терять у всего рабочаго класса. Но у его передовой руководящей части есть что терять въ неизмѣримо болѣе степени и въ совсѣмъ иномъ принципиальномъ разбѣзѣ. Здѣсь можно потерять новое социальное положеніе, самая возможность котораго создана революціей.

Въ идеологію современнаго соціализма врывается психика людей, десятилѣтіями ведшихъ ожесточенную борьбу со старымъ режимомъ и отдавшихъ всѣ свои силы дѣлу политической и соціальной организаціи рабочаго класса. Эти люди хорошо помнятъ, что было раньше и чѣмъ они сами были раньше въ до-революціонномъ общественно-политическомъ строѣ. У нихъ имѣется полная возможность сравнить настоящее съ прошлымъ и изъ этого сравненія каждодневно убѣждаться въ томъ, что борьба была не напрасной и что даже во мракѣ нынѣшнихъ дѣйствій достиженія революціи никоимъ образомъ не могутъ быть умалены. Тотъ, кто былъ ничѣмъ, «всѣмъ», конечно, не сталъ, но кое-чѣмъ, а иногда даже чѣмъ-то весьма существеннымъ, онъ все-таки сталъ. Въ современномъ по-революціонномъ обществѣ онъ получилъ формальныя возможности безпрестаннаго соціального и культурнаго возвышенія. А рабочая партія всей мощью своего аппарата можетъ ему на этомъ пути соціального возвышенія помочь такимъ образомъ, чтобы онъ сталъ бы исполнителемъ весьма ответственныхъ функцій либо въ аппаратѣ государства и мѣстнаго самоуправленія, либо въ аппаратѣ самого рабочаго движенія.

Для германскаго рабочаго, воспитавшагося въ своихъ соціалистическихъ убѣжденіяхъ еще до революціи, всѣмъ не безразличенъ тотъ фактъ, что изъ самыхъ выдающихся общественныхъ и политическихъ постахъ современной Германіи стояли и въ значительной части продолжаютъ еще стоять выходцы изъ рабочей среды, потомственные пролетаріи, подвергавшіеся въ императорской Германіи непрерывнымъ преслѣдованіямъ и обидамъ. И вотъ, для него соціализмъ не можетъ уже быть революціоннымъ, развѣ только этотъ рабочій пѣнитъ и чувствуетъ въ свои личныя и своего класса завоеванія въ революціи, которая уже была. Для него мысль о новой революціи является уже больше всего мыслью о какой-то катастрофѣ, въ которой можно все проиграть и мало что выиграть. Онъ охотно перекрещиваетъ революцію въ гражданскую войну и тутъ уже совершенно закононо въ полномъ соответствии даже со своими дореволюціонными представленіями, сопротивляется этой перспективѣ изъ всѣхъ силъ.

Въ рядѣ странъ соціалистическія партіи создаютъ свои боевыя организаціи, способныя въ случаѣ чего дѣйствовать и силой оружія. Но — странное дѣло — всѣ эти бое-

выя организаціи современнаго соціализма рѣшительно отвергаютъ задачи революціоннаго нагаденія на существующій политическій строй и ставятъ себѣ задачу чисто охранительную: защиту современнаго политическаго строя противъ его противниковъ, въ томъ числѣ и противъ тѣхъ частей рабочаго класса и вообще трудящихся массъ, которыя еще собираются подъ знаменами коммунизма и фашизма. И пусть коммунисты и фашисты сколько угодно говорятъ о революціи, связывая ее съ нѣкоторыми антикапиталистическими требованіями и лозунгами, которые дороги и соціаль-демократическимъ массамъ: все равно — никого эта революція даже съ самыми заманчивыми знаменами не соблазнитъ, и противъ всякихъ попытокъ насильственнаго сверженія существующаго строя организованные кадры современнаго соціализма выступятъ со всей доступной имъ рѣшительностью.

У этихъ людей есть что терять и терять то, что завоевано ими въ борьбѣ цѣлыхъ поколѣній, они не хотятъ.

Тутъ внутри самаго рабочаго класса проходитъ подвижная, но все же осязаемая граница между «верхами» и «низами». «Низы» — это неквалифицированные рабочие, недавніе выходцы изъ разореннаго крестьянства и деклассированнаго мѣщанства, не имѣющіе за собою ничего въ прошломъ организованнаго рабочаго движенія. Они вышли на арену соціально-политической активности слишкомъ поздно, изъ слишкомъ далекой среды, чтобы имѣть возможность и быть склонными къ сравненію того, что есть сейчасъ, съ тѣмъ, что было нѣкогда. Лишенные по самому своему соціальному существу возможности пользоваться сравнительнымъ методомъ въ своей общественно-политической оріентаціи, они тѣмъ самымъ очень легко могутъ пожертвовать всѣмъ, что имѣютъ, потому что въ извѣстномъ смыслѣ они это получили даромъ, цѣной усилій другого поколѣнія, которое за нихъ боролось и за нихъ страдало. Когда такому рабочему указываютъ на блага завоеванныя демократіей, то у него нѣтъ мѣрилы для ихъ оцѣнки, потому что его не было тогда, когда этой демократіи еще не было и когда за нее приходилось лишь бороться. Его революціонность — это просто выраженіе

того обстоятельства, что ему не жаль рисковать тѣмъ, что онъ въ значительной мѣрѣ получил даромъ и что онъ поэтому и не способенъ до конца оцѣнить.

Всякому наблюдателю западно-европейскаго рабочаго движенія бросается въ глаза то обстоятельство, что возрастной составъ кадровъ коммунизма, а въ Германіи и фашизма, замѣтно ниже средняго возрастнаго состава кадровъ социаль-демократіи. Это очень легко замѣтить на коммунистическихъ митингахъ и демонстраціяхъ, если ихъ сравнить съ соц.-демократическими *). Коммунизмъ и фашизмъ несомнѣнно моложе социализма и эта ихъ хронологическая молодость дѣлаетъ ихъ несомнѣнно болѣе подвижными, смѣлыми, героическими, напористыми, безразсудными и въ общемъ смыслѣ этого слова болѣе революціонными, чѣмъ кадры социализма. На этомъ основаніи и въ средѣ западно-европейской и въ средѣ русской эмигрантской интеллигенціи появляются то и дѣло преисполненные обитатели своихъ рабочихъ кабинетовъ, скорбно укоризненно глядящіе на прѣсный, поустоянный социализмъ и весьма оживляющіеся при видѣ того, какъ коммунизмъ и фашизмъ полны касаній мірамъ инымъ. Это, конечно, фактъ, что коммунизмъ и фашизмъ гораздо революціоннѣе современнаго социализма, но при этомъ никому не слѣдуетъ забывать, что этотъ новый типъ революціонера въ массѣ своей совершенно чуждъ героической борьбѣ социалистическихъ отрядовъ рабочаго класса, которые были революціонны въ то время, когда это было не такъ легко и безопасно, какъ это стало для юнцовъ коммунизма и фашизма въ обстановкѣ демократіи, завоеванной не ими, а тѣми, кого они сейчасъ ненавидятъ ненавистью лютой.

Однако этотъ возрастной разрывъ между социаль-демократіей и коммунизмомъ еще болѣе обостряетъ отношенія между верхомъ и низомъ рабочаго класса. Болѣе высокій возрастной цензъ социалистическихъ кадровъ не-

*) Возрастная разница германскаго социализма и коммунизма очень ярко обнаруживается и на составѣ соответствующихъ парламентскихъ фракцій. Такъ у с.-д. самая большая группа во фракціи — это люди въ возрастѣ между 50 и 60 лѣтъ. У коммунистовъ во фракціи эта группа совсѣмъ отсутствуетъ. Зато у нихъ имѣется относительно большая группа депутатовъ въ возрастѣ до 30 лѣтъ, которой въ свою очередь совсѣмъ нѣтъ у социаль-демократовъ. (См. Wl. Woytinsky, «Die Welt in Zahlen», т. VII, стр. 38).

избѣжно связанъ и съ лучшей ихъ профессиональной квалификаціей, а слѣдовательно и съ болѣе легкой возможностью получить работу, и съ лучшей оплатой труда. Оставляя въ сторонѣ случайныя колебанія, можно все-таки утверждать, что средній социаль-демократическій рабочий легче получить работу и дольше на ней удержится, чѣмъ при прочихъ равныхъ условіяхъ коммунистическій рабочий. Поэтому большая революціонность этого коммунистическаго рабочаго связана съ его юностью не только и даже не столько потому, что эта юность вообще болѣе горяча, смѣла, героична, но можетъ быть въ большей мѣрѣ потому, что эта юность хуже приспособлена къ борьбѣ за существованіе и занимаетъ въ жизни менѣе выгодныя и устойчивыя позиціи, чѣмъ зрѣлые кадры социаль-демократическаго движенія. Біологическій моментъ здѣсь явно отстываетъ передъ социальнымъ.

На послѣднихъ германскихъ выборахъ всѣхъ наблюдателей германской политической борьбы поражало то обстоятельство, какую громадную роль въ этой борьбѣ играли соображенія о матеріальныхъ дѣлахъ и матеріальномъ положеніи того или иного кандидата. На этомъ принципѣ особенно яростно выступали коммунисты и гитлеровцы. Частная жизнь соц.-демократическихъ кандидатовъ подвергалась самому тщательному и подробному публичному анализу и при томъ, конечно, здѣсь было болѣе чѣмъ достаточно дурацкой лжи и безсовѣстной клеветы. Но характерно, что этотъ мотивъ о матеріальномъ благополучіи социаль-демократическихъ кандидатовъ пользовался во многихъ случаяхъ большимъ успѣхомъ. Изъ всѣхъ видовъ демагогіи эта демагогія социальной зависти, а отсюда и социальной ненависти, давала наилучшіе результаты. Въ моментъ остраго кризиса и шаткости всѣхъ матеріальныхъ положеній передъ замордованной и омеряченной массой вырисовывался портретъ социаль-демократическаго «функціонера», аппаратчика, который не вѣдаетъ тревоги кризиса, который якишается на застѣданіяхъ и банкетахъ со всякаго рода буржуазными «кровопійцами», который наряжается въ смокингъ, фракъ и пиджакъ и «тамъ», на верхахъ государственнаго и общественнаго командованія, забывающъ о бѣдномъ простомъ человѣкѣ, о которомъ такъ трогательно заботятся коммунисты и фашисты. Выписки изъ личныхъ счетовъ нѣкоторыхъ социаль-демократическихъ дѣятелей, фотографическіе снимки въ-

которыхъ торжественныхъ официальныхъ засѣданій, гдѣ этимъ социаль-демократамъ приходилось присутствовать въ полной официальной формѣ; свѣдѣнія о томъ, въ какомъ ресторанѣ обѣдаетъ данный кандидатъ и какъ онъ разъѣзжаетъ на автомобиляхъ, — все это производило на разгоряченную массу огромное впечатлѣніе. И замѣчательно, что ненависть, смѣшанная со страхомъ, къ этимъ «буржуямъ» и составляетъ преимущественное содержаніе того «революціоннаго настроенія», которымъ къ соблазну многихъ бравировать коммунизмъ и фашизмъ. Не говоря уже о гитлеровцахъ, но даже у коммунистовъ энергія, съ которой они нападаютъ на социаль-демократію, значительно превосходитъ ихъ энергію въ критикѣ буржуазныхъ партій. И это нужно признать: та революціонность, которая существуетъ нынѣ въ народныхъ низахъ, это преимущественно антисоціалистическая революціонность, — революціонность, направленная противъ передовыхъ и лучшихъ отрядовъ рабочаго движенія, имѣющаго за собою рядъ поколѣній борцовъ за демократію и социализмъ.

Понятно, что въ такой социально-психологической атмосферѣ социализмъ не будетъ такъ безлечно относиться къ революціоннымъ концепціямъ и къ революціонной фразеологіи, какъ онъ это дѣлать до послѣднихъ революцій. Можно по различному оцѣнивать этотъ фактъ, но прежде всего его надо признать: современная революціонность стала антисоціалистической и современный социализмъ сталъ антиреволюціоннымъ.

Понимая всю социально-политическую и историческую обусловленность этого сложнаго явленія, соглашаясь, что въ прежней революціонной концепціи социализма было много безответственнаго и прекраснѣйшаго утопизма и оптимизма, мы тѣмъ не менѣе не должны закрывать глаза и на таящіяся въ его невои идеологіи опасности. Тутъ легко и незамѣтно могутъ угнѣздиться элементы духовной застойности, идеологическаго самодовольства, отмахивающагося отъ сложныхъ и трагическихъ проблемъ современности легкими рецептами всякихъ напѣвативовъ, не до-

ходящихъ до горькаго корня вещей. Не исключена возможность и того, что среди благоустроенныхъ элементовъ рабочаго движенія можетъ въ иныхъ случаяхъ пробиться стремленіе разсматривать всю тактику социалистическихъ партій подъ угломъ охраны приобрѣтенныхъ въ революціи личныхъ правъ и положеній. Возможно тутъ и кастовое замыканіе «аппаратчиковъ», за шумомъ своего блестящаго аппарата не воспринимающихъ уже звуковъ, доносящихся изъ глубины трудящихся массъ. На отдѣльныхъ участкахъ германскаго рабочаго движенія подобныя тенденціи замѣтны уже сейчасъ и о нихъ порою открыто говоритъ социаль-демократическая пресса. Характерно, какой успѣхъ приобрѣла въ соц.-дем. средѣ идея высокаго партійнаго обложенія на нужды безработныхъ членовъ партіи тѣхъ социаль-демократовъ, которые на партійной, общественной или государственной службѣ зарабатываютъ выше опредѣленнаго минимума. Въ средѣ самой партіи родилась какая-то тревога моральнаго типа и всѣмъ хочется что-то такое сдѣлать, чтобы сгладить матеріальное неравенство въ положеніи отдѣльных членовъ партіи, чтобы стереть съ лица пыль обыденщины демонстративнымъ порывомъ товарищеской солидарности. Какъ всегда бываетъ, среди появившихся предложеній имѣлось немало наивно-безпомощнаго. Была здѣсь и доля фракціонной демагогіи, но все это вмѣстѣ взятое все-таки говорить о томъ, что есть ощущеніе чего-то неладнаго и опаснаго для будущаго всего движенія, что партія духовно лихорадитъ...

Ошибочно думать, что это опасности такъ называемыхъ «правыхъ» социалистическихъ партій. Нѣтъ, и въ такой «лѣвой» соц. партіи, какъ австрійская, эта тема о психологическомъ перерожденіи движенія въ обстановкѣ, когда революціонная концепція неизбежно должна угаснуть, — эта тема тоже стоитъ во всей своей остротѣ. Австрійская партія десять лѣтъ стояла внѣ власти, властью преслѣдуемая и выживаемая изъ различныхъ государственныхъ органовъ. Тѣмъ не менѣе партія стала громаднымъ организмомъ, необычайно развѣтвленнымъ, охватывающимъ опять-таки десятки тысячъ людей на различныхъ постахъ обслуживанія многообразныхъ формъ экономической и политической самостоятельности рабочаго класса. Одинъ вѣнскій социалистическій муниципалитетъ съ громаднымъ развитіемъ его предприятий во всѣхъ отрасляхъ

соціального и культурнаго обслуживанія населенія, — уже одинъ этотъ мощный центръ австрійскаго практическаго социализма привелъ австрійскую партію въ таксе многообразное соприкосновеніе съ міромъ буржуазныхъ соблазновъ и буржуазнаго духа, что общее оппозиціонное положеніе партіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ не можетъ такъ сказать компенсировать опасности роста «въ тѣлѣ» австрійскаго социализма. Революціонной фразеологіи въ австрійской партіи гораздо больше, правда, чѣмъ въ германской, но зато въ ней, пропорціонально австрійскимъ масштабамъ, ведутъ не менѣе обширную практическую работу, приводящую вплотную къ проблемѣ «чистоты», чѣмъ въ германской партіи.

Здѣсь имѣется рядъ сложныхъ и трудныхъ проблемъ и напрасно думать, что онѣ «сами по себѣ» сойдутъ съ очереди въ результатъ исчезновенія экономическаго кризиса и безработицы, со стабилизацией международныхъ мирныхъ отношеній, когда задачи социализма значительно упростятся и массы отхлынутъ отъ ложныхъ пастырей коммунизма и фашизма. Независимо отъ того, правильна или неправильна эта концепція, въ ней чувствуется очень тяжкое признаніе: когда массамъ очень худо, когда бѣдствія капитализма обрушиваются на ихъ головы съ особой силой, тогда именно для социализма доступъ въ массы становится особенно затруднительнымъ и жатву начинаютъ пожинать коммунисты и фашисты...

Конечно, социализмъ никогда не стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше: чѣмъ хуже рабочимъ массамъ, тѣмъ лучше для процвѣтанія рабочей партіи. Спекуляціей на голодъ и отчаяніе социализмъ не занимался. Но не занимался онъ также спекуляціей и на сытость и благополучіе. Между тѣмъ въ этихъ надеждахъ на то, что вотъ минуетъ кризисъ, массамъ станетъ легче и тогда онѣ отвернутся отъ коммунистовъ и фашистовъ и будутъ слушать насъ, — въ этихъ разчетахъ есть все-таки нѣчто отъ спекуляціи на сытость и благополучіе. Это есть какой-то коммунистическій подходъ на-выворотъ. И это опасный психологическій симптомъ.

Социализмъ — это, конечно, не идеологія безпросвѣтнаго отчаянія, когда ничего не жалъ и нечего терять. Социализмъ можетъ подойти къ массѣ лишь тогда и тамъ, гдѣ и когда подобное состояніе уже преодолено и вступилъ въ свои права разумъ людей, хоть сколько нибудь

ориентирующихся въ социально-политической обстановкѣ. Но все-таки чрезвычайно опасно для социализма откладывать свой настоящій часъ на тотъ моментъ, когда пронесется буря и жизнь войдетъ въ свои обычные берега. Какъ и въ прошломъ, социализмъ долженъ умѣть сказать что-нибудь массамъ и тогда, когда имъ худо, когда имъ очень худо.

Социалистическая партія не можетъ и вѣроятно уже не будетъ спеціально партіей самаго низшаго класса общества. Можно думать, что партіей самаго низшаго класса общества будетъ партія коммунистическая или какая-нибудь вообще анти-социалистическая партія. Но социалистическая партія не можетъ не быть партіей съ хъ трудовыхъ элементовъ общества, угнетаемыхъ политическими, социальными и моральными условіями современнаго капитализма. Въ этомъ своемъ качествѣ социалистическая партія должна умѣть подойти къ массамъ и въ моменты экономическихъ конвульсій, подойти къ нимъ отчасти и для того, чтобы вывести ихъ изъ мрака отчаянія на пути организованной и культурной борьбы въ рамкахъ демократіи. Безъ революціи въ своей идеологіи социализмъ долженъ стать еще ближе къ массамъ и еще ближе массамъ, чѣмъ съ революціей въ своемъ идеологическомъ и тактическомъ инвентарѣ, потому что методъ революціи все-таки рассчитываетъ взять массы «на ура», когда «народъ валомъ валить» по первому зову удачливаго демагога, между тѣмъ какъ социализмъ, освобожденный отъ революціонной романтики, можетъ рассчитывать только на осознанные интересы и осознанную волю организованныхъ массъ.

Вопросъ сейчасъ стоитъ не о возрожденіи революціонной идеологіи и революціонной традиціи социализма. Это задача антиисторическая и неосуществимая. Но вопросъ идетъ о возрожденіи въ социализмѣ того морального паѳоса, который потрясаетъ умы и души массъ независимо отъ того, въ какую тактическую одежду этотъ паѳосъ облечется. Революціонная концепція можетъ умереть, моральный паѳосъ социализма можетъ и долженъ жить. И тактическимъ и идеологическимъ узколобіемъ будетъ думать, что революція — это и есть альфа и омега всего социалистическаго успѣха. Современное рабочее движеніе дастъ намъ примѣры громаднаго расцвѣта и роста партій, никогда не бывшей революціонной. Такова англійская

рабочая партія. За исключеніемъ краткаго періода чартистскаго движенія, англійскій пролетаріатъ вообще никогда не имѣлъ ни революціонной практики ни революціонной теоріи. И тѣмъ не менѣе онъ выросъ въ такую грандіозную силу. Не слѣдуетъ думать, что если революція не законъ для развитія англійскаго соціализма, то она зато законъ для континентальнаго. Фактически болѣе или менѣе законченную революціонную схему имѣли только соціалистическія партіи центральной Европы и романскихъ странъ. Сѣверныя страны съ очень сильнымъ рабочимъ движеніемъ весьма холодно относились къ средне-европейскимъ революціоннымъ концепціямъ. Поэтому исчезновеніе революціонной идеологіи въ современномъ соціализмѣ ведетъ по существу не къ ослабленію, а къ еще большому духовному и тактическому сдвигу всѣхъ партій соціалистическаго интернаціонала.

**
*

Сейчасъ обиходная рѣчь и обиходная агитация соціалистическихъ партій еще весьма насыщены революционными образами и революціонной фразеологіей. Но никогда все это не стояло въ такомъ явномъ противорѣчьи съ реальнымъ содержаниемъ соціалистической работы, какъ сейчасъ. И поэтому эта фразеологія кажется такой вымученной, такой искусственной. Толпѣ все еще показываютъ священную чашу, въ которой нѣкогда находилась живая горячая кровь революціи. Но нынѣ въ этой чашѣ болтается тепловатая жидкость революціонной фразеологіи. Только самыя экзальтированные и наивные думаютъ, что въ этой чашѣ находится прежняя священная кровь. Эти наивные и экзальтированные ошибаются. Но ихъ ошибки иногда бываютъ страшными. Въ нихъ просыпаются дребніе демоны разрушенія и тогда въ рабочемъ движеніи брать идетъ на брата и кровопролитное побоище разыгрывается въ чертогахъ самаго соціализма.

Эту вазу надо изъять изъ соціалистическаго арсенала и водворить ее по принадлежности — въ музей.

Ст. Ивановичъ.

Судьбы земельного крѣпостного строя въ Россіи *)

«Я смотрю на Россію можетъ быть со страшной точки: мы пережили татарское нашествіе, потомъ двухвѣковое рабство и ужъ, конечно, потому, что и то и другое намъ пришлось по вкусу. Теперь дали свободу и надо свободу пережить: сумѣемъ ли? Такъ же ли намъ по вкусу свобода окажется? Вотъ вопросъ».

Эти слова Достоевскаго, вложенныя имъ въ уста одного изъ героевъ, близкихъ писателю и часто передающихъ его заветныя мысли, необыкновенно ярко и выпукло формулируютъ, быть можетъ, основной вопросъ исторіософіи Россіи. Въ частности, особый и особо глубокий смыслъ пріобрѣтаетъ этотъ вопросъ примѣнительно къ русскому земельному строю. Въдѣ вопреки тому, что иногда думаютъ, такъ называемое освобожденіе крестьянъ, совершившееся въ 1861 г., было для нихъ лишь смѣной власти. Искусственно законсервировавъ нѣкоторыя исходныя начала, бытовые и экономическія, крѣпостного строя, освобожденіе наложило — въ значительной мѣрѣ, вопреки замысламъ его творцовъ — печать крѣпостничества на все дальнѣйшее развитіе Россіи.

Личную свободу, примѣнительно къ землѣ, — когда видѣлъ ее русскій народъ? На всемъ протяженіи многихъ вѣковъ было лишь два въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе свѣтлыхъ промежутка. Одинъ — это было яркое

*) Давая мѣсто статьѣ К. І. Зайцева, редакция предполагаетъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала вернуться къ обсужденію тѣхъ сторонъ земельной проблемы, въ освѣщеніи которыхъ она рѣшительно расходится съ авторомъ настоящей статьи.

и блистательное, но, примѣнительно къ деревнѣ, и смутное десятилѣтіе, предшествовавшее революціи 1917 года, десятилѣтіе сокращенное въ значительной мѣрѣ годами войны. Другой — нѣсколько неясныхъ, смутныхъ, колеблющихся лѣтъ господства НЭП-а. Эти годы НЭП-а были коротки; крестьянская свобода была неполна и постепенно все болѣе и болѣе урѣзываема. Сейчасъ уже нѣтъ и слѣда ея. Россія переживаетъ вновь возвратъ къ крѣпостному строю, осуществляемый съ такимъ громаднымъ организаціоннымъ размахомъ и съ такимъ исключительнымъ радикализмомъ, что это грозитъ, а въ извѣстномъ смыслѣ уже и сейчасъ предрѣшаетъ существенное измѣненіе всего хозяйственнаго лика страны...

Въ этихъ условіяхъ возникаетъ насущная потребность отдать себѣ ясный отчетъ: что же представлялъ собой русскій крѣпостной строй? И прежде всего здѣсь возникаетъ такой вопросъ: есть-ли русскій крѣпостной строй нѣчто, такъ сказать, сплошное и единое, или надо разсматривать его какъ смѣну явленій, сохраняющихъ извѣстную преемственность и опирающихся на нѣкоторую общую основу, но въ существенныхъ чертахъ различныхъ и даже, можетъ быть, антагонистическихъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить съ полной категоричностью. Для правильнаго пониманія судебъ русскаго земельного строя нужно отдать себѣ отчетъ, что исторія его развитія есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія его правового, моральнаго и хозяйственнаго исчерпанія, а потомъ и искаженія и разложенія. Между тѣмъ крѣпостнымъ строемъ, который слагался въ Московской Руси, и тѣмъ, который былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ отмѣненъ Великой Реформой, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, увы, перенесенъ и утвержденъ въ освобожденной Россіи, лежитъ цѣлая пропасть. Чтобы измѣрить ее, надо въ общихъ чертахъ познакомиться съ тѣмъ, что же представлялъ собой земельный крѣпостной строй Московской Руси, воспринятый и доведенный до логической полноты и ясности Петромъ Великимъ.

Ръ основѣ Московскаго крѣпостнаго строя лежитъ слѣдующій исходный и всеопредѣляющій объективный фактъ: огромный земельный избытокъ въ условіяхъ повелительной политической необходимости его осилить. Аграрная страна, страдающая рѣзкимъ аграрнымъ недонаселеніемъ, при-

нуждена была, такъ сказать, держать въ состояніи постоянной мобилизаціи свою трудовую армію, чтобы въ порядкѣ государственной повинности обезпечить максимальное напряженіе земледѣльческой энергіи, примѣняемой при томъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ являлись наиболѣе существенными. «Прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу, говоритъ Соловьевъ, это вопль отчаянія испущенный государствомъ, находящимся въ безвыходномъ экономическомъ положеніи». Въ глазахъ Соловьева, это прикрѣпленіе получало отчетливый морально-патріотическій смыслъ, и онъ считалъ своимъ долгомъ поднять свой голосъ въ защиту безропотнаго подневольнаго московскаго тяглена, противъ иногда не въ мѣру прославляемыхъ героев «тѣся и степи». Эта буйная вольница, которая, сбросивъ ямо тягла, уходила въ безбрежныя пространства русскихъ окраинъ, была часто цвѣтомъ русскаго коренного населенія въ смыслѣ энергіи и предприимчивости. Она выполняла къ тому же огромной важности государственную задачу. Въдь эти именно герои «тѣся и степи» были передовыми военными пикетами русской государственности и одновременно ея піонерами въ дѣлѣ хозяйственной колонизаціи неудержимо расширявшейся русской территоріи. И, тѣмъ не менѣе, симпатіи Соловьева въ данномъ случаѣ не на ихъ сторонѣ! «Прошедшее, настоящее и будущее, сурово обращается къ нимъ русскій національный историкъ, принадлежитъ не тѣмъ, которые уходятъ, но тѣмъ, которые остаются, остаются на своей землѣ, при своихъ братьяхъ, подъ своимъ народнымъ знаменемъ».

Но не только надо было задержать крестьянъ въ опредѣленныхъ районѣхъ, нужно было закрѣпить ихъ за опредѣленными владѣльцами: «Какъ ни углублять изслѣдованіе крестьянской задолженности и ея послѣдствій, говорилъ въ 1922 г. Платоновъ, какъ ни освѣщать тактику землевладѣльцевъ въ борьбѣ за рабочія руки въ ихъ стремленіи закрѣпить на мѣстахъ трудовую массу, — все равно смыслъ «крестьянскаго вопроса» той эпохи не будетъ вполне ясенъ, если не поставимъ его въ связь съ общимъ ходомъ политики и жизни. Потребность государственной обороны въ тяжелой вѣковой борьбѣ русскаго племени съ сосѣдними народами привела московское правительство къ помѣстной системѣ, съ образованіемъ служилого класса, обезпеченнаго землею и крестьянскимъ тру-

домъ. Система проводилась съ такой широтой и энергіей, что со второй половины 16-го вѣка исчерпала фондъ пригодныхъ для нея земель, сломала старыя формы феодальнаго землевладѣнія, уничтожила вездѣ, гдѣ вводилась, крестьянскую волостную организацію и создала личную зависимость крестьянина отъ мелкаго землевладѣльца.

Какъ бы же были основныя черты этого, политически и экономически вынужденнаго и, тѣмъ самымъ, морально-патрістически оправданнаго крѣпостнаго строя?

Можно установить три основныя параграфа неписаной конституціи этого строя, которые опредѣляли его существо примѣнительно къ землѣ и которые иногда съ существенными измѣненіями, а иногда и въ совершенно искаженной формѣ, въ какой то мѣрѣ продолжали существовать въ русскомъ земельномъ стрѣ во всѣхъ стадіяхъ его многообразной трансформации.

Первый пунктъ этой реписаной конституціи сводится къ краткой формулѣ: **з е м л я Ц а р е в а**.

Этотъ тезисъ лежалъ не только въ основѣ владѣнія той землей, на которой Цари вели свое хозяйство, не только быть характернымъ для помѣстичьяго землевладѣнія, но былъ примѣняемъ и къ землевладѣнію вотчинному и къ землевладѣнію тѣхъ крестьянъ, которые не были посредниковъ между собой и государственной властью, а непосредственно стояли на начатахъ мірскаго самоуправленія. Черносошныя крестьяне писали о своихъ земляхъ: «земля Божья и Государева, а распаши и ржи наши», или «земля Великаго Князя а отповское и мое поситъ». Власть разсматривала крестьянъ, сидѣвшихъ на землѣ, часто индивидуально или принадлежавшей, какъ на «жильцовъ», посаженныхъ на государственную землю, какъ на «дѣльныхъ крестьянъ», обрабатывающихъ отведенную имъ въ надѣлъ и обложенную тягломъ землю. Власть твердо стояла на этой точкѣ зрѣнія. Когда однажды нѣкій Можайскій посадскій сталъ говорить: «всѣ же мы государевы, и лошади государевы и луга на Москвѣ, а та земля наша оброчная», то эти слова признаны были «непригожими» и вѣчно было того посадскаго «бить батоги государю и посадить въ тюрьму на недѣлю, чтобы ему и инымъ впредь не повадно было такихъ словъ говорить». Власть и практически считала себя въ правѣ распоряжаться крестьянскими землями, не считаясь съ частно-правовыми титулами ихъ владѣнія и выдвигая на первый планъ принципъ обладанія

ими земель, какъ зависящей отъ государства основы несенія ими государственнаго тягла.

Вторымъ пунктомъ крѣпостной конституціи былъ принципъ крестьянской монополіи хлѣбопашества. Въ основѣ московскаго крѣпостного строя, какъ его единственная, за ничтожными исключеніями, агротехническая единица былъ крестьянскій дворъ, т. е. крестьянская семейно-трудоваѣ артель, обладающая усадьбой оѣдлостью, снабженная инвентаремъ и надѣленная землей. Правда еще во времена Посошкова рѣзко сохранилось различіе крестьянъ, обладателей полнаго крестьянскаго надѣла и лишь часть своего труда отдающихъ государству и помѣщику, рабовъ, находящихся въ полномъ хозяйственномъ распоряженіи господина, и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, связанныхъ съ нимъ нѣкими договорами, но практически, съ точки зрѣнія хозяйственной, эти три категоріи сливались въ одну. Сельскохозяйственнымъ рабочимъ при обиліи земли всего выгоднѣе было платить земель, отдаваемой имъ на прокормъ, а между рабами-землепашами и крестьянами, сидѣвшими на полномъ надѣлѣ, никакой экономической разницы не было, и правовое ихъ объединеніе, случившееся при Петрѣ I, лишь оформило давно сложившуюся жизненную реальность. Крестьянскій дворъ превратился въ монополиста землепашества, пашущаго землю въ порядкѣ сословной повинности съ тѣмъ, чтобы кормить себя, кормить помѣщика и кормить государство. Крестьянскій дворъ имѣлъ право на землю, необходимую для выполненія его землепашеской обязанности: право и обязанность примѣнительно къ землѣ сливались, причемъ въ ту эпоху земельного изобилія начало обязанности совершенно покрывало и вытѣсняло начало права.

Третьимъ пунктомъ конституціи московскаго земельного строя было признаніе крестьянъ зависимыми отъ власти, на обязанности которой лежалъ ближайшій надзоръ за правильнымъ выполненіемъ крестьянской землепашеской повинности, лежало хозяйственное руководство ими и хозяйственная помощь имъ. Это заведываніе крестьянами приняло характеръ неограниченной хозяйственной диктатуры. Тутъ мы подходимъ къ специфической особенностии русскаго крѣпостного строя, оправданной въ эпоху той героической борьбы съ землей, подъ знакомъ которой шло хозяйственное развитіе Россіи 16 и

17 вѣковъ и отъ результатовъ которой зависѣло въ сущности самое національно-политическое бытіе Россіи, и утрачивавшей постепенно и моральный и экономическій смыслъ въ эпохи позднѣйшія.

Въ чемъ состояла характернѣйшая особенность русскаго помѣщика?

Онъ былъ своего рода феодаломъ: онъ получалъ государеву землю и за это долженъ былъ нести государеву службу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сразу же получилъ и чрезвычайно серьезныя и въ условіяхъ того времени едва ли поддающіяся юридическому оформленію, хозяйственныя обязанности надъ крестьянами. Помѣщикъ не только вершилъ судъ и расправу надъ крестьянами, сидящими на подвластной ему землѣ, онъ сталъ, по знаменитымъ выраженіямъ Ключевского, «даровымъ инспекторомъ народнаго труда» и «отвѣтственнымъ сборщикомъ государственныхъ податей». Но и этого мало. Онъ сталъ чѣмъ-то гораздо болѣе значительнымъ, а именно организаторомъ сельскаго хозяйства. Въ составѣ той трудовой арміи, которая вела героическую борьбу съ землей, онъ сталъ какъ бы офицеромъ-диктаторомъ, поставленнымъ надъ отдѣльными ся отрядами. Процессъ развитія и утвержденія русскаго крѣпостного строя есть въ сущности процессъ очень быстро и радикальнаго превращенія помѣщика изъ царскаго слуги, получающаго землю въ качествѣ жалованья за службу, въ хозяина, заведующаго своими крестьянами въ интересахъ самихъ крестьянъ, своихъ собственныхъ и государственныхъ. Въ этомъ смыслѣ помѣщикъ слился съ вотчинникомъ, приобрѣтя его хозяйственныя черты и надѣлая его своими служивыми чертами.

Превращеніе помѣщика въ хозяина отнюдь не принимало формы хозяйственной конкуренціи съ крестьянскимъ дворомъ. У помѣщика не было другого способа вести хозяйство, какъ пользуясь тѣмъ же орудіемъ крестьянскаго двора. На какихъ путяхъ могло въ такихъ условіяхъ сложиться практическое хозяйствованіе помѣщика въ своемъ имѣніи? Тутъ мы подходимъ къ самой сердцевины экономической проблемы крѣпостного строя: къ вопросу барщины.

Поскольку крестьяне были на оброкѣ, хозяйственная диктатура обычно не могла принимать формъ слишкомъ радикальнаго вмѣшательства въ крестьянское хозяйство.

Крестьяне жили своей собственной хозяйственной жизнью. Ихъ опекали, тщательно должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы не ослабѣвала хозяйственная сила каждого двора — отсюда борьба съ имущественной дифференціаціей крестьянъ, происходившей въ формахъ частнохозяйственныхъ сдѣлокъ — но самостоятельности крестьянского хозяйствованія окончательно не подрывали. Хозяйственная диктатура помѣщика пріобрѣтаетъ свой полный реальный смыслъ лишь при переводѣ крестьянъ на барщину. Дѣйствительно, не было въ исторіи крестьянства болѣе знаменательнаго момента, чѣмъ этотъ переходъ съ оброка на барщину: это была форменная ихъ *capitis diminutio*. Крестьянинъ силой внешней переставалъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, а становился составной частью другого обременяющаго его хозяйства. Стѣны, отдѣляющія его хозяйство отъ другихъ, какъ бы снимались, и крестьянскій дворъ превращался въ совокупность трудовыхъ единицъ и инвентаря, которая подлежала исползованію. Крестьяне реально ощущали этотъ переходъ и часто бунтовали противъ введенія барщины. Для крѣпкихъ и развивающихся крестьянскихъ дворовъ это былъ въ извѣстномъ смыслѣ смертный приговоръ. Одно недавнее изслѣдованіе крупной вотчины 17 вѣка знакомитъ насъ съ эпизодомъ изъ исторіи вотчины, который схватываетъ именно этотъ, определяющій всю дальнѣйшую судьбу крестьянскаго предпринимательскаго хозяйства, моментъ. Когда въ вотчинѣ Безобразова въ концѣ 17 вѣка ввели поголовную барщину, богатые крестьяне отвѣтили рѣшительнымъ саботажемъ этой мѣры. Вотъ какъ писалъ объ этомъ своему господину прикащикъ: «И которые, господинъ, позавидистѣй и семьянистѣе и они, господинъ, кричатъ и такъ дѣлать не хотятъ и міромъ всѣмъ мутятъ: «я де на своего брата дѣлать не хочу, дай мнѣ въ раздѣлъ, я де свое дѣло сдѣлаю» и речючи, что велимъ ходить поголовно день на государя, день на себя, стали дѣтей и братьевъ отдавать на сторону въ наймы».

Уравнительность была вообще конститутивнымъ элементомъ крѣпостного строя. Она была прямымъ слѣдствіемъ и приложеніемъ того принципа монополіи хлѣбопашества, который распространялся на крестьянскіе дворы. Формулой этой уравнительности было неуклонное поддержаніе равновѣсія между силами двора, его земельнымъ обезпеченіемъ и налоговымъ и повинностнымъ бременемъ, причемъ

въ основѣ лежала «сила» двора: по ней равняли землю и тягло. Но своего полного и окончательнаго осуществленія, не въ формахъ уже административныхъ распоряженій, а въ обликѣ неотвратимаго хозяйственнаго уклада, уравнительность достигала въ системѣ барщины. Тутъ уже всякій дворъ, въ своей хозяйственной предприимчивости пытающийся выйти за желѣзныя рамки крестьянскаго домоводства, долженъ былъ прочесть какъ бы начертанную рукой помѣщика надпись: оставь всякую надежду. Примѣръ судорожнаго сопротивленія такого двора барщинному року и представляетъ собой вышеприведенная бытовая иллюстрація.

Барщина, конечно, угнетающе дѣйствовала на элементы рѣзко выдѣляющіеся изъ среды, но она была въ ту эпоху явленіемъ не только экономически оправданнымъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и прогрессивнымъ въ общемъ народно-хозяйственномъ аспектѣ: борьба съ землей, сохраненіе и максимальное увеличеніе запашки съ удержаніемъ въ строю всѣхъ дворовъ и съ доведеніемъ нагрузки ихъ хозяйственной силы до максимума, не колеблящаго ихъ хозяйственнаго быта (барщина въ ту эпоху отнюдь не была способомъ раззоренія крестьянъ). Лучшее всего осуществлялось именно при системѣ барщины.

Хозяйственная диктатура, какъ политическая и экономическая необходимость; помѣщичье землевладѣніе, какъ наиболѣе цѣлесообразное воплощеніе этой хозяйственной диктатуры; барщина, какъ наиболѣе цѣлесообразный ея хозяйственный пріемъ — вотъ основная характеристика экономической природы крѣпостного строя Московскои Руси.

Этотъ строй былъ оправданъ, поскольку онъ былъ повелительно вынужденъ; онъ терялъ свое оправданіе въ условіяхъ той хозяйственной демобилизаціи, которую мы наблюдаемъ на протяженіи 18 вѣка. Сохранять въ силѣ строй, въ которомъ не было элементовъ индивидуальнаго права, индивидуальной свободы и индивидуальной возможности выдвинуться, нельзя было, поскольку утрачивалась неустраимая его государственная необходимость.

Значить ли это, что нужно было уже въ 18 вѣкѣ «освободить» крестьянъ? Нѣтъ вопросъ стоитъ гораздо сложнее. «Освобожденіе» крестьянъ въ рамкахъ крѣпостного строя вообще было безпредметно. Въдѣ въ то время отпущенные на свободу люди не имѣли въ сущности друго-

го выхода, какъ искать себѣ новыхъ господъ, или на другихъ путяхъ возвращаться въ условія крѣпостного быта. Вопросъ нужно ставить иначе: почему въ условіяхъ хозяйственной демобилизаціи страны взаимоотношенія помѣщиковъ и крестьянъ не приобрѣли правового характера, а остались въ прежнихъ рамкахъ неограниченной хозяйственной диктатуры?

Тутъ прежде всего нужно отмѣтить роковую роль, которую сыграла несчастная мысль, укоренившаяся среди помѣщиковъ и неуклонно поддерживаемая государственной властью, будто помѣщикъ есть частный собственникъ владѣемой имъ земли. Это пониманіе покоилось на двойной ошибкѣ.

Почему помѣщикъ считалъ себя частнымъ собственникомъ? Прежде всего потому, что онъ могъ въ формахъ частнохозяйственного оборота свободно распоряжаться своей землей. Между тѣмъ, такой порядокъ распоряженія землей существовалъ и въ Московской Руси, но это не превращало московскаго вотчинника-феодала въ квинтэссенцію частнаго собственника! Частнохозяйственный порядокъ распоряженія можетъ примѣняться и къ объектамъ публичнаго права: то, что должности членовъ Парламента во Франціи покупались и продавались, еще не лишало ихъ характера публично-правной должности. Продажа помѣщикомъ своей земли была возмездной передачей другому помѣщику тѣхъ правъ и обязанностей, которыми онъ обладалъ по отношенію къ своей землѣ и сидящимъ на ней людямъ, а эти права и обязанности никакъ не исчерпываются и не покрываются частнымъ правомъ.

Во-вторыхъ, помѣщикъ истолковалъ свое освобожденіе отъ обязательной службы, какъ переводъ его, по его землевладѣнію, въ область частнаго права. Это тоже было невѣрно. Надѣленіе землей, какъ жалованьемъ за службу, совершаемую внѣ земли, было преходящимъ моментомъ въ крѣпостномъ строѣ. Очень быстро всѣ земли, и вотчинныя, и помѣщичьи были объединены по признаку другому, а именно по признаку службы, совершаемой на самихъ этихъ земляхъ. И главнымъ родомъ службы какъ разъ и являлось осуществленіе выше изложенной системы хозяйственной диктатуры. И законъ объ единонаслѣдіи Петра I, уравнившій вотчинниковъ и помѣщиковъ, не имѣлъ въ виду упразднить этого рода службу, а, наоборотъ, какъ бы дѣлилъ дворянскій классъ на двѣ основныя

группы: на сидящихъ на землѣ землевладѣльцевъ, несущихъ службу прежде всего на землѣ, и на уходящихъ окончательно отъ земли «мужей войны и совѣта»; и знаменитый указъ о вольности дворянства освобождалъ дворянъ лишь отъ ихъ внѣземельной службы и тѣмъ самымъ какъ бы раскрывалъ имъ еще болѣе широкія возможности для службы на землѣ. То, что дворянство воспринимало свой уходъ на землю, съ одной стороны, чуть ли ни какъ уходъ на пенсію, а, съ другой стороны, какъ предоставленіе имъ земель и крестьянъ въ частную собственность, было правовой несообразностью и моральнымъ искаженіемъ крѣпостного строя.

Эта собственническая, насквозь частнохозяйственная, точка зрѣнія на помѣщичье землевладѣніе и лежитъ въ корнѣ того трагическаго факта, что русское «крѣпостное право» оказалось лишь правомъ дворянъ (языкъ того времени подъ «крѣпостнымъ правомъ» понималъ исключительно лишь право дворянъ владѣть крестьянами), а для крестьянъ осталось лишь внѣправовымъ крѣпостнымъ состояніемъ.

Вредное вліяніе въ этомъ смыслѣ собственнической теоріи помѣщичьяго землевладѣнія было двоякимъ.

Во-первыхъ, оно, по своей юридической несостоятельности, не допускало распространительнаго толкованія приимчиво къ крестьянамъ: перевести крестьянъ на режимъ частнособственническій и тѣмъ ввести ихъ въ одинъ планъ, съ точки зрѣнія права, съ помѣщиками было невозможно. Дѣйствительно, что для этого нужно было сдѣлать? Освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости — ни больше, ни меньше. Частное право можетъ дѣйствовать лишь между людьми свободными и равными. Юридически несообразная мысль о частнохозяйственныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ землѣ могла держаться лишь потому, что она оставалась нѣкоей декларацией и декламацией, оторванной отъ жизни и покрывающей лишь нѣкое юридическое ничто, практически сводящееся къ неограниченному властвованію надъ территоріей съ населяющими ее людьми, т. е. къ той же, но уже не публично-правовой, какъ было раньше, а какъ бы внѣправовой хозяйственной диктатурѣ. Въ условіяхъ спокойнаго разсаживанія по землѣ помѣщичья диктатура утрачиваетъ характеръ военнаго командованія и пріобрѣтаетъ - - вопре-

ки своему частно-хозяйственному титулу — черты патріархально-отеческой опекающей власти.

Не находя никакого примѣненія къ крестьянамъ, частнохозяйственная доктрина помѣщичьяго землевладѣнія играла еще и ту пагубную роль (и это съ основной грѣхъ передъ Россіей), что она закрывала путь къ единственно возможному, диктуемому интересами и государства и крестьянъ, публично-правовому регулированію крѣпостныхъ отношеній. Что именно несообразная мысль о частной собственности помѣщиковъ на землю мѣшала правовому регулированію крѣпостного строя, это не только ясно теоретически, а это наглядно видно изъ исторіи дѣлавшихся въ этомъ направленіи попытокъ. Вся она есть ни громовое безплодное и безсильное поползновеніе примирить непримиримое. Особенно поучительнымъ въ этомъ смыслѣ является матеріалъ многочисленныхъ секретныхъ комитетовъ 19 вѣка.

А между тѣмъ программа правового регулированія крѣпостного строя уже была начертана вѣкомъ раньше! Она была въ необыкновенно яркихъ и острыхъ чертахъ формулирована гениальнымъ самоучкой петровскаго времени Иваномъ Посошковымъ въ его знаменитомъ трактатѣ «О скудости и богатствѣ».

Я не могу подробно излагать здѣсь Посошковской точки зрѣнія на крѣпостной строй и программы реформъ, имъ намѣченныхъ. Укажу лишь общую линію, имъ предугазанную. Посошковъ въ основу беретъ не вопросъ земли, онъ не задается цѣлью закрѣпить за крестьянами опредѣленные участки земли. Больше того, онъ даже не пытается оформить крестьянское право на землю, установить какія либо общія нормы ихъ надѣленія. Всѣ его разсужденія покоятся на базѣ земельного избытка и свободнаго разсаживанія крестьянъ въ этомъ избыткѣ. Посошковъ дѣлаетъ упоръ не на землю, а на налоги и повинности. Правовое регулированіе должно, по его убѣжденію, укорениться именно въ этой сферѣ отношеній помѣщика и крестьянина, причемъ укорениться уже въ формѣ окончательной, превращающей крестьянъ въ субъектовъ права, подлежащихъ защитѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Эта точка зрѣнія Посошкова, которая является особенно значительной и знаменательной, ибо исходитъ она отъ крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ государственнаго мужа, всецѣло стоящаго на почвѣ крѣпостного строя и въ част-

ности помѣщичьяго крѣпостного строя, была запечатлѣна въ документѣ, похороненномъ въ архивной пыли. Она осталась одинокимъ, но отъ этого не менѣе внушительнымъ особымъ мнѣніемъ русскаго крестьянства по вопросу о крѣпостномъ правѣ.

По пути Посошкова сдѣланъ былъ робкій шагъ лишь однимъ монархомъ, занимающимъ исключительное и одинокое мѣсто въ русской исторіи. Знаменитый указъ Павла I о трехдневной барщинѣ есть, въ сущности говоря, начальный этапъ исправленія крѣпостного строя въ стилѣ посошковскихъ проектовъ.

Указъ Павла I о трехдневной барщинѣ есть единственный актъ русскаго законодательства, который идетъ по пути публично-правового регулированія крѣпостного строя и превращенія крестьянъ въ субъектовъ права, способныхъ защищать свои интересы, обращаясь къ государственной власти. Если бы указъ 5-го апрѣля 1797 года укоренился въ русской дѣйствительности, весьма возможно, что судьбы Россіи пошли бы по другимъ путямъ. Въ этомъ указѣ, какъ правильно замѣчалъ Сперанскій, заключалась цѣлая программа. Сперанскій ошибался лишь въ одномъ. Программа эта не была ограничена тѣми тремя пунктами, на которые онъ указывалъ, а именно: «1) Что власть помѣщика надъ крестьяниномъ ограничена половиной силъ его; 2) что другая половина принадлежитъ ему, а не помѣщику; 3) что по сему крестьянинъ можетъ имѣть собственность и самъ ничѣй полной собственностью быть не можетъ». Указъ о трехдневной барщинѣ давалъ нѣчто большее. Онъ давалъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ вообще правовыхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Указъ бросаетъ свой свѣтъ и на почвенныя отношенія крестьянина къ землѣ. Разъ крестьянинъ обязанъ помѣщику лишь трехдневной барщиной, предполагающей примѣненіе остального крестьянскаго труда къ землѣ въ собственныхъ интересахъ, то несомнѣнно крестьянинъ имѣетъ право на эту землю — право, ограничивающее помѣщика. Тѣмъ самымъ указъ о трехдневной барщинѣ опрокидываетъ идею о неограниченной частной собственности помѣщика на землю.

Указъ о трехдневной барщинѣ, несмотря на крайнюю осторожную, какъ бы совѣтомъ сказанную форму его выраженія, не только былъ въ представленіи Павла дѣйствующимъ правомъ, но и знаменовалъ для крестьянъ новую

эру въ смыслѣ защиты ихъ правъ. Павелъ I вообще порвалъ съ традиціей правового игнорированія помѣщичьихъ крестьянъ, созданную его предшественниками. Онъ властно всталъ между помѣщиками и крестьянами, какъ непосредственно связанный съ послѣдними представитель государственнаго начала. Крестьяне были приведены къ вѣрноподданнической присягѣ. Указъ, изданный въ ограниченіе дворянскаго права подавать государю коллективные заявленія и предписывавшій на подаваемыхъ просьбахъ подписываться лишь однимъ именемъ, получилъ, съ одобренія государя, распространительное толкованіе, захватывая и крестьянъ.

Волною полились крестьянскія жалобы. Царь ихъ принималъ. Въ мѣстахъ его резиденціи были выставлены спеціальныя ящики (крестьяне называли ихъ «ковчегами»), куда проходящіе съ разныхъ концовъ Россіи ходоки благоговѣнно опускали свои просьбы. Сохранились трогательныя описанія этихъ путешествій, какъ ходоки, скрываясь по пригороднымъ деревнямъ (разрѣшенія на отлучку у нихъ не было!), искали какого нибудь писаря придворной конюшни, угощали его, диктовали ему свои слезницы и затѣмъ обернувъ ихъ въ тряпицу, торжественно погружали въ столь много обѣщавшій имъ ковчегъ. Толпа крестьянъ окружала эти ящики. Ихъ ожидалъ быстрый отвѣтъ. Крестьянъ отправляли обратно съ своего рода защитными грамотами, охранявшими ихъ отъ преслѣдованій мѣстныхъ властей и помѣщиковъ. Принципъ былъ такой: если жалобы не являются вздорными и подтверждаются разслѣдованіемъ, то жалобщики не подлежатъ карамъ, установленнымъ вообще за жалобы крестьянъ на помѣщиковъ. Разслѣдованія не всегда носили при Павлѣ тотъ характеръ секретности, который былъ типиченъ для прошлаго времени и сталъ обычнымъ для времени послѣдующаго. Это не всегда было негласное полицейское разслѣдованіе. Это былъ судъ. Не всегда такъ было, но было и такъ. Существуетъ одно рѣшеніе Петроградской Палаты, которое могло стать историческимъ прецедентомъ и въ буквальномъ смыслѣ сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго крѣпостного строя, если бы оно не осталось случайнымъ и забытымъ.

Крестьяне помѣщика Опица Петербургской губерніи, сдававшаго свое имѣніе въ аренду нѣкоему Теренбергу, отказали ему въ повиновеніи и послали жалобу государю

Крестьяне за сопротивление властямъ потерпѣли тяжелое наказаніе, но понесъ кару и Теренбергъ. Основаніемъ жалобы было притѣсненіе ихъ работами и несоблюденіе Теренбергомъ закона 5-го апрѣля. Крестьяне между прочимъ считали, что трехдневная барщина распространяется лишь на мужчинъ и не касается женщинъ. Имъ была разъяснена неправильность такого пониманія. Однако, слѣдствіе выяснило, что Теренбергъ въ другихъ отношеніяхъ не выполнялъ указа 5-го апрѣля. Теренбергъ былъ преданъ суду. Онъ ссылаясь на судъ, что указъ ему былъ неизвѣстенъ и что онъ дѣйствовалъ, точно опираясь на свои договорныя отношенія съ помѣщикомъ. Судъ не призналъ ни той, ни другой отговорки: «невѣдніемъ закона никто отговариваться не долженъ» сказалъ судъ, и тѣмъ паче нельзя арендный договоръ ставить выше царскаго повелѣнія. Теренбергъ былъ лишень чиновъ и предписано было «впредь его, яко оказавшагося въ притѣсненіи крестьянъ, ни до какой аренды не допускать и о томъ публиковать въ вѣдомостяхъ». Арендный договоръ съ Опицемъ былъ уничтоженъ, крестьяне возвращены владѣльцу и съ него взята подписка, чтобы онъ не принуждалъ крестьянъ къ работѣ больше трехъ дней въ недѣлю. Крестьянамъ было предложено сохранять послушаніе владѣльцу «дабы тѣмъ самымъ сохранено было съ обѣихъ сторонъ должное къ законамъ повиновеніе».

Это постановленіе петербургской палаты было, насколько я знаю, единственнымъ актомъ русской государственной практики, въ которой ясно и твердо былъ въ частномъ случаѣ примѣненъ принципъ подзаконности обѣихъ сторонъ крѣпостныхъ отношеній, помѣщика и крестьянъ, и признанія этихъ обѣихъ сторонъ равноправными субъектами права. Законъ Павла остался, однако, лишь слабымъ намекомъ, который не только не получилъ развитія, а, напротивъ, заглохъ въ чуждой для него правовой атмосферѣ. Когда въ началѣ царствованія Александра I въ эпоху его либеральныхъ мечтаній въ неоффиціальномъ комитетѣ горячо обсуждался вопросъ о крѣпостной зависимости и о мѣрахъ борьбы съ ней указъ Павла оказался въ достаточной мѣрѣ забытъ. Заблудившись въ юридическихъ тонкостяхъ, прикрывающихъ гнусный фактъ разрывающагося публичнаго чинства. Александръ I и его соотрудники безсильно опускали руки прелъ задачъ борьбы съ злоупотребленіями крѣпостного права. Эта борьба

виновъ и окончательно исреходила на пути негласно-полицейскаго воздѣйствія на отдѣльныхъ помѣщиковъ. Съ точки зрѣнія идеи права это было нѣчто, способное вызвать вспышку негодованія со стороны людей съ чувствомъ развитого правосозданія. Слѣды одной такой вспышки есть въ бумагахъ неофициальнаго комитета. Это докладъ графа П. А. Строганова Александру I по поводу проекта секретнаго циркуляра губернаторамъ, предписывающаго ограждать помѣщичьихъ крестьянъ отъ притѣсненій. Докладъ этотъ написанъ въ предѣльно рѣзкихъ выраженіяхъ. «Нельзя обезпечить того, что не существуетъ, заявляетъ графъ Строгановъ. У насъ крестьянское состояніе есть слово пустое, стало быть несуществительное. Надобно было напередъ опредѣлить его и тогда уже положить охранительныя правила». Что же дѣлается вмѣсто этого? Организуется шпионство на радость корыстолюбивымъ чиновникамъ. Преступленіе опредѣляется, какъ чрезвычайное злоупотребленіе. Но гдѣ же опредѣленіе соразмѣрности? Его нѣтъ, стало быть все предоставлено произволу. «Но умѣсто здѣсь упомянуть, продолжаетъ Строгановъ, что одинъ только манифестъ отъ 5-го апрѣля 1797 года, который существуетъ въ злищеніе правъ крестьянъ. О немъ здѣсь совершенно умолчено. Если бы хотѣли что нибудь слѣдять, то иначе бы оно не могло быть. какъ истолкованіе опаго».

Голосъ Строганова остался одинокимъ. Дальнѣйшія дѣйствія правительства по пути борьбы съ злоупотребленіемъ крѣпостнаго права свелись, если оставить въ сторонѣ такую мѣстную, еще, повидимому, недостаточно оффензивную мѣру, какъ «инвентари», либо къ оставшимся безплодными попыткамъ создать теоретически надуманные выходы изъ крѣпостного строя, либо къ несущественнымъ починкамъ его. Мѣрой практической оставалось именно и только это, исполненное произвола и опирающееся на негласное потопейское дознаніе, ограниченіе отдѣльныхъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Гипотизированное «собственнической» теоріей помѣщичьяго землевладѣнія, правительство уклонялось отъ прямого публично-правового регулированія крѣпостнаго состоянія. Оно было вынуждено придти къ тому же, но на кривыхъ путяхъ негласнаго разслѣдованія! Ибо что означать подобный надзоръ, все чаще приводившій къ взятію имѣній въ опеку, какъ не признаніе помѣщичьей диктатуры

надъ крестьянами публично-правовой, и какъ таковой, подлежащей оцѣнкѣ и контролю подъ угломъ зрѣнія цѣлей, во имя которыхъ она установлена? Николай I былъ глубоко проникнутъ пафосомъ публично-правовой осмысленности дворянскихъ привилегій, но, связанный собственнической теоріей, не могъ — да и поздно было! — облечь помѣщичью власть въ форму права. Право и крѣпостное состояніе такъ и остались явленіями несочетаемыми!

Что же практически получилось?

Поскольку крѣпостное хозяйство находилось въ состояніи своего рода равновѣсія, отсутствіе права слишкомъ остро не давало себя знать. 18-ый вѣкъ есть вѣкъ расцвѣта крѣпостного состоянія. Частнохозяйственная доктрина оставалась гдѣ-то на поверхности и нормальное помѣщичье домоводство, охватывающее множество маленькихъ крестьянскихъ домоводствъ, покоилось не на началахъ денежнохозяйственной эксплуатаціи крестьянской трудовой силы, а на началахъ споконнаго сосуществованія помѣщика и крестьянъ въ общемъ изобиліи и земельномъ достаткѣ. Практически помѣщики и крестьяне въ 18 вѣкѣ жили въ значительной мѣрѣ, такъ сказать, по Посошкову: власть помѣщика использовалась имъ не въ своихъ интересахъ, а въ интересахъ общихъ, его и его крестьянъ, а тѣмъ самымъ и государственныхъ. Въ этой жизни былъ свой стиль и своего рода красота: въ ней — вопреки мечтамъ Посошкова — не было лишь одного — п р а в а. Оно замѣнялось неутраченной еще бытовою близостью, патріархальноотеческимъ руководствомъ сверху, патріархально-лѣтскимъ подчиненіемъ снизу. Это могло быть идилліей. Это могло стать адомъ.

Картинку такого идиллическаго помѣщичьяго хозяйства 18 вѣка дѣлаетъ депевиенская жизнь Суворова. Онъ былъ образцовымъ помѣщикомъ, разсматривавшимъ свое дѣло помѣщика, какъ призваніе, какъ обязанность, какъ должность. Вставая съ пѣтухами, Суворовъ будилъ своихъ крестьянъ, требуя отъ нихъ, чтобы они работали «проворно» и время не теряли. Самъ, черезъ своихъ приказчиковъ и черезъ крестьянскій міръ, онъ наблюдалъ за каждымъ дворомъ, самымъ тщательнымъ образомъ и до мельчайшихъ подробностей опредѣляя его бытъ. Онъ смотрѣлъ и за тѣмъ, чтобы зря не рѣзали скотину, и чтобы вовремя женились и выходили замужъ, и чтобы заботливо

воспитывали дѣтей, и чтобы ходили аккуратно къ исповѣди и къ причастію, не впадая въ суевѣріе и въ расколъ, и чтобы не занимались мотовствомъ и пьянствомъ, — чтобы были крѣпки въ своемъ крестьянствѣ. Суворовъ помогалъ, когда это было нужно, поднять ослабѣвающіе дворы, бралъ на себя рядъ расходовъ по поддержанію слабыхъ, неимущихъ, инвалидовъ. Онъ былъ дѣйствительно отцомъ своихъ крестьянъ, милостивымъ, но суровымъ. Санкціей ихъ вразумленія была все та же неизмѣнная и универсальная порка. И уклоняющихся въ суевѣріе порол на сходѣ, «какъ глупыхъ ребятишекъ», и женъ, плохо воспитывающихъ своихъ дѣтей, возвращали на путь истины, тѣмъ, что грозили выпоротъ на сходѣ ихъ мужей. Пороли по приказу помѣщика. Пороли по приговору міра. Это было въ стилѣ эпохи, и крестьяне это принимали, какъ должное, и если роптали на барина, то не за эту «старину», а за нѣкоторыя заводимыя имъ новшества. Насколько крестьянамъ матеріально хорошо жилось у Суворова видно изъ одного факта. Онъ однажды жестоко разнесъ старосту за то, что онъ допустилъ опуститься нѣкоего Михайлу Иванова до одной коровы. Онъ штрафуеъ весь міръ, а самъ покупаетъ на свой счетъ Иванову новую корову. «Сіе дѣлаю не въ потворство, пишетъ онъ, и объявляю, чтобы впредь на то еще никому не надѣяться». Этотъ случай, кстати, иллюстрируетъ вообще матеріальный впопевъ тогдашняго крестьянскаго двора. Онъ можетъ быть сопоставленъ съ словами Татищева, отпосланными ко времени, многими десятилѣтіями болѣе ранними: «каждый крестьянинъ долженъ имѣть у себя пару лошадей, два вола, пять коровъ; десять овецъ, двѣ свиньи, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ десять, — кто пожелаетъ имѣть больше — дозволяется, а меньше вышеописаннаго положенія отнюдь не имѣть».

Все это благополучіе стало разрушаться по мѣрѣ роста населенія, уменьшенія земельныхъ избытковъ и втягиванія Россіи въ денежно-хозяйственный оборотъ.

Разложеніе крѣпостного строя шло по двумъ путямъ. Съ одной стороны, строй, который сложился въ условіяхъ ремесленнаго избытка, сталъ совершенно искажаться, въ условіяхъ наступающей и усиливающейся земельной тѣсноты. Искажющее вліяніе наступающаго земельнаго недостатка на крѣпостной строй сказалось необыкновенно ярко примѣнительно къ подушной подати. Въ своемъ

возникновеніи подушная подать, въ рамкахъ крѣпостного строя, созданнаго земельнымъ недостаткомъ, имѣла оправданіе не только въ фискальныхъ соображеніяхъ (удобство сбора податей и легкость контроля надъ счетомъ облагаемыхъ единицъ), но и въ отраженномъ дѣйствіи этого мѣропріятія на хозяйственную жизнь страны. Поскольку подать исчислялась по числу людей и исчислялась притомъ въ очень большомъ размѣрѣ и поскольку она оставалась неподвижной, независимо отъ размѣра запашки, создавалась премія для хозяина, увеличивающаго запашку путемъ болѣе интенсивнаго примѣненія труда своихъ людей къ землѣ. Радикально мѣняется роль подушной подати, когда сходитъ на нѣтъ земельный избытокъ. Теперь уже диктуется слѣдующее разсужденіе: подать исчисляется по числу душъ, взимается же она съ имущества, которымъ является земля, значить справедливо каждой душѣ дать земельный пай и тѣмъ дать возможность, въ порядкѣ земельного ея обезпеченія, оправдать эту подать. Въ итогѣ земля распределяется уже не по силѣ, а по душамъ. А что есть «душа»? «Душа» это ротъ, ѣдокъ, потребитель. Въмѣсто производственно-активнаго распределенія земли по силамъ, создается потребительно-пассивное распределеніе земли по ѣдокамъ.

Тенденція къ превращенію институтовъ, регулирующихъ распределеніе земельного избытка между трудящимися, въ органы по дробленію земельного недостатка между кормящимися столкнулась и переплелась съ волной денежно-хозяйственного воздѣйствія, которая захватила помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній. Если между крестьянами начинается возникать борьба за землю, то, съ другой стороны, появляются и первые признаки все болѣе и болѣе обостряющейся борьбы за землю между помѣщикомъ и его крестьянами.

Въ чемъ раньше была землеустроительная функція помѣщика? Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы земля находилась въ соотвѣтствіи съ силами отдѣльныхъ дворовъ; онъ наръзалъ землю новоприбылымъ тягламъ; онъ переселялъ при возникающей земельной тѣснотѣ своихъ крестьянъ въ ближнія и дальнія имѣнія; онъ прикупалъ иногда необходимую для этого землю или продавалъ крестьянъ на свозку; его землеустроительная дѣятельность не была связана границами отдѣльныхъ селеній: если было нужно, онъ производилъ и межселенное земельное верстаніе, ко-

торое иногда носило характерное названіе «чернодѣла». Барщина, какъ и въ 17 в., захватывала земли не въ конкуренцію, а въ дополненіе къ крестьянскимъ надѣламъ, связывая маленькія крестьянскія домоводства съ большимъ помѣщичьимъ домоводствомъ въ одно органическое цѣлое.

Теперь положеніе рѣзко мѣняется. Мало того, что земли дѣлается мало для верстанія между наличными дворами; что бываетъ нечѣмъ надѣлять прибылыя тягла, что приходится порой оставлять часть населенія за тягломъ, не нарѣзая ему земли. Въ связи съ требованіями рынка и съ постепеннымъ превращеніемъ помѣщика изъ домовладыки, отечески вѣдающаго своимъ порою огромнымъ домоводствомъ и лишь свободныя излишки, остающіеся за покрытіемъ щедро отмѣренныхъ потребностей всѣхъ членовъ этого домоводства, отчуждающаго на рынокъ, вырастаетъ постепенно хозяинъ-предприниматель, желающій получить прежде всего денежную прибыль и рассматривающій своихъ крестьянъ какъ безответный «капиталъ орудій», по терминологіи крѣпостной бухгалтеріи 19 вѣка. Такому помѣщику выгодно какъ можно больше увеличить барскую запашку, хотя бы за счетъ сокращенія крестьянскихъ надѣловъ и хотя бы цѣною непомѣрнаго эксплуатированія крестьянскаго труда. Принципъ частной собственности на землю и на крестьянъ, бывший сравнительно безобидной фразеологіей въ эпоху патріархально-отеческой крѣпостной диктатуры 18 вѣка, пріобрѣтаетъ весь свой жесткій реальный смыслъ въ эпоху «плантаторской» ея деградации въ 19 вѣкѣ.

Въ какомъ же положеніи находится въ эпоху, близкую къ освобожденію, основа крѣпостного строя, созданнаго Московской Русью -- крестьянскій домоводческій дворъ?

Онъ явно изживаетъ себя, теряетъ подъ собою почву, теряетъ свой народно-хозяйственный смыслъ и изъ опоры національно-государственнаго хозяйства имѣетъ тенденцію превратиться въ его обузу.

Обозначились два процесса нагляднаго распада крестьянскаго двора.

Съ ростомъ денежнаго хозяйства въ Россіи стали обрисовываться два взаимно дополняющихъ основныхъ района: районъ преимущественнаго производства хлѣба и районъ его сбыта, гдѣ крестьяне зарабатывали себѣ жизнь въ

значительной мѣрѣ вѣзмездѣльческимъ промысломъ и гдѣ не только рѣдко когда производили хлѣбъ на рынокъ, но нерѣдко даже прикупали его для собственного потребленія. Въ первомъ районѣ, поскольку помѣщичье хозяйство пріобрѣтало денежнохозяйственный характеръ, крестьянскій дворъ, въ его домоводственной природѣ, сталъ тяготить помѣщиковъ. Тѣ обязанности по отношенію къ крестьянамъ, которые были легкими и естественными въ прежнее время, теперь шли вразрѣзъ съ хозяйственнымъ интересомъ помѣщика. «Если бы крестьяне, живущіе на нашихъ земляхъ не были наши, мы были бы богаче», заявилъ однажды представитель того помѣщичьяго слоя, который былъ прогрессивнымъ съ точки зрѣнія хозяйственной техники, но который былъ глубоко реакционнымъ съ точки зрѣнія экономіи государства въ цѣломъ, ибо онъ низводилъ массу населенія на грань минимальнаго удовлетворенія его фізіологическихъ потребностей. Въ этомъ афоризмѣ отчетливо выражена мысль о ненужности и обременительности для крѣпостного помѣщичьяго хозяйства, дѣлающаго барщину основой своего денежнохозяйственного предпринимательства, домоводственного крестьянскаго двора, занимающаго значительную земельную площадь для своего потребленія. Отсюда иногда, правда пока еще эпизодически, дѣлался и соотвѣтственный организаціонный выводъ. Пользуясь неограниченностью своей хозяйственной диктатуры, помѣщикъ сгонялъ крестьянъ съ ихъ земли и, заставляя ихъ работать все ихъ рабочее время на барщинѣ, уплачивалъ имъ «мѣсячину», а иногда при этомъ и лишалъ ихъ даже всадельной осѣдлости, помѣщая въ особыхъ баракахъ. Этимъ упразднялся крестьянскій дворъ, вся земля переходила въ хозяйственное распоряженіе помѣщика, а крестьяне превращались въ рабочихъ рабовъ.

На другихъ путяхъ шелъ развалъ крестьянскаго двора въ губерніяхъ промышленныхъ. Тамъ крестьянинъ отрывался отъ земли, уходилъ на заработки и зарабатывалъ себѣ на жизнь, а иногда и дѣлалъ торговую или промышленную карьеру, совершенно вѣ связи съ его земельнымъ надѣломъ, то-есть и вѣ связи съ крестьянскимъ дворомъ-домоводствомъ. Если крестьянскій дворъ въ губерніяхъ производящихъ хлѣбъ мѣшалъ помѣщикамъ и тяготилъ ихъ, то въ губерніяхъ, потребляющихъ хлѣбъ, крестьянскій дворъ, въ его домоводственномъ обличій, если и не

всегда мѣшалъ, то становился ненужнымъ самимъ крестьянамъ.

Во всякомъ случаѣ неразрывная трехчленная формула московскаго крѣпостного строя: земля - - помѣщикъ — крестьянскій дворъ оказывалась разорванной и въ области производства хлѣба и въ области преимущественно промышленной. Въ первомъ районѣ эта публично-правовая трехчленная формула вытѣснялась частно-правовой двухчленной: земля есть собственность помѣщика, причемъ крестьянинъ либо оказывается лишнимъ (не даромъ въ эпоху, близкую къ освобожденію, стала приобрѣтать хожденіе не только въ плоскости либеральныхъ мечтаній, но и въ области практически дѣловыхъ мѣропріятій идея безземельнаго освобожденія крестьянъ), либо превращается въ безгласную вещь. Въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ на первый планъ выступаютъ отхожіе промыслы и оброкъ, не какъ плата, идущая помѣщику съ крестьянъ земледѣльцевъ, а какъ своего рода, по мѣткому выраженію П. Г. Струве, подходящий налогъ съ ихъ внѣ-земледѣльческихъ промысловъ, тамъ эта трехчленная формула тоже превращается въ двухчленную: выпадаетъ земля и остается личная зависимость крестьянъ къ помѣщику.

Таковымъ былъ крѣпостной строй къ моменту великой реформы. Можно сказать, что камня на камнѣ не оставалось въ немъ отъ прежняго московскаго крѣпостного строя. Трагизмъ положенія, при этомъ, состоялъ въ томъ, что, поскольку и помѣщики, и крестьяне держались за землю, слагались, въ условіяхъ правовой неупорядоченности ихъ взаимоотношеній и ихъ отношеній къ землѣ, два взаимно исключавшихъ максимализма. «Земля наша, а «крестьянскіе дворы» намъ не нужны», приучались думать помѣщики-предприниматели — и за этой точкой зрѣнія было будущее, поскольку денежно-хозяйственная реконструкция Россіи протекала бы въ условіяхъ помѣщичьей диктатуры надъ крестьянами. «Земля наша, а помѣщики намъ не нужны», думали крестьяне, мечтая занять своими дворами всю землю для себя и оказаться, въ своей натурально-хозяйственной стихіи, глазъ на глазъ со своимъ «мужичьимъ» царемъ. Одинъ максимализмъ стоялъ противъ другого, внѣ всякой возможности найти общій языкъ. Едва ли существуетъ въ исторіи другой примѣръ такого рѣзкаго расхожденія правосознанія правящихъ круговъ народа съ его массами, какой мы наблюдаемъ въ Россіи того

времени примѣнительно къ землѣ. «Если бы какимъ нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, писалъ Грибоѣдовъ въ своей «Загородной прогулкѣ», который бы не зналъ русской исторіи за цѣлос столѣтіе, онъ конечно заключилъ бы изъ русской противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которые не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами». Грибоѣдовъ имѣлъ здѣсь прежде всего въ виду дѣйствительно быстро развивающееся бытовое различіе утонченнаго помѣщичьяго класса «поврежденныхъ полудевропейцевъ» съ патріархальнымъ крестьянствомъ. Но это различіе гораздо менѣе важно, чѣмъ тотъ разрывъ правосознанія, о которомъ мы сейчасъ говоримъ. Этотъ разрывъ заходилъ такъ далеко, что не только круги, стоящіе на ригористически-твердомъ и жесткомъ примѣненіи крѣпостнаго права, не находили общаго языка съ крестьянствомъ, но въ такой же мѣрѣ чуждыми ему оставались и пламенные идеалисты, желавшіе послужить народу. Достаточно вспомнить такіе факты, какъ знаменитый отвѣтъ отпускаемыхъ въ жертвенномъ порывѣ на волю крестьянъ своему барину, будущему декабристу: «Пусть будетъ по старому: мы ваши, а земля наша»; или, можетъ быть еще болѣе краснорѣчивую реакцію крестьянъ другого будущаго декабриста, можно сказать, цѣль жизни видѣвшаго въ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ, которые въ отвѣтъ на рѣчи своего барина пошли сказать ему лишь слѣдующее: «Позвольте отдохнуть».

Великая реформа прошла подъ трагическимъ знакомъ взаимнаго непониманія русскаго общества, въ лицѣ лучшихъ его представителей, и русскаго крестьянства. Огромный идеалистическій порывъ передовой дворянской интеллигенціи, не только нашедшій откликъ и поддержку на высотѣ трона, а въ извѣстномъ смыслѣ и вызванный къ жизни царской волей, оказался обреченъ на неудачу: ибо чѣмъ больше вдумывались въ судьбы русскаго земельнаго строя и связанные съ ней судьбы Россіи, тѣмъ неотразимѣе становится мысль о глубокой и роковой ошибочности освобожденія крестьянъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно было произведено. Печать несообразности лежитъ и на экономическомъ эффектѣ реформы, отчасти сознательно вызванномъ къ жизни творцами реформы, отчасти явившимся ея естественнымъ, хотя и непредвидѣн-

нымъ, результатомъ. Печать несообразности лежитъ и надъ всей правовой конструкціей реформы.

Остановимся прежде всего на послѣднемъ вопросѣ. Тутъ сказалась опять роковымъ образомъ исконная ошибка официальной Россіи, — то по слову Ключевского, «недоразумѣніе», какимъ было частнопрововое истолкованіе помѣщичьихъ правъ на землю.

Дѣйствительно, каковымъ должно было быть, подъ угломъ зрѣнія публично-правовымъ, единственно возможное разрѣшеніе вопроса о ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній помѣщика и его крестьянъ? Тутъ не надо даже было бы обращаться къ историческимъ изысканіямъ и возстановлявать въ его первобытной чистотѣ московскій крѣпостной строй. Достаточно было обратить вниманіе на указъ Павла I о трехдневной барщинѣ и опереться на него, какъ на нѣкую юридическую конституцію существующихъ крѣпостныхъ отношеній. Строго дѣловое истолкованіе принципа, лежащаго въ основаніи этого указа, намѣтило бы путь, по которому можно было дѣйствительно притти къ освобожденію крестьянъ въ условіяхъ, открывающихъ свободное развитіе хозяйственныхъ отношеній между вновь создаваемыми гражданами свободнаго государства.

Изъ указа о трехдневной барщинѣ логически вытекали два положенія. Первое то, что помѣщикъ имѣлъ право лишь на опредѣленные со стороны его крестьянъ повинности. Второе было то, что крестьянинъ имѣлъ право на ту землю, къ которой онъ прилагалъ трудъ въ тѣ дни недѣли, которые онъ работалъ на себя. Поскольку разрывалась связь между помѣщикомъ и крестьяниномъ логически вытекало, что помѣщикъ могъ притязать со стороны крестьянъ лишь на выкупъ повинностей, отвѣчающихъ нормѣ установленныхъ указомъ 5-го апрѣля 1797 года, а крестьянинъ могъ притязать на сохраненіе за собой (конечно, безъ всякаго выкупа), обрабатываемой имъ на себя земли. Ликвидация крѣпостныхъ отношеній такимъ образомъ сводилась бы къ двумъ актамъ: къ закрѣпленію за крестьянами фактически владѣемой ими земли и къ наложенію на крестьянъ обязанностей по уплатѣ помѣщикамъ взносовъ по выкупу приведенныхъ къ нормальнымъ (въ соотвѣтствіи со смысломъ указа о трехдневной барщинѣ) повинностей. Это было бы строго юридическое разрѣшеніе вопроса о ликвидаціи крѣпостныхъ от-

ношеній. Роль правительства, какъ высшаго арбитра, свѣлась бы исключительно къ установленію размѣра правъ обѣихъ сторонъ. И помѣщики и крестьяне получили бы лишь то, на что они имѣли право. Мало это, много — все равно. Задача правительства была не въ томъ, чтобы на пустомъ мѣстѣ и свободными руками устраивать по существу быть помѣщиковъ и крестьянъ, а въ томъ, чтобы разрѣшить правовую тяжбу. Въ результатѣ обѣ стороны оказались бы разверстаны и стояли бы другъ противъ друга, какъ свободные и равноправные контрагенты, связанные на этотъ разъ и уже навсегда только и исключительно узами частнаго права.

Что произошло на самомъ дѣлѣ? Какъ непрерываемая аксіома былъ признанъ несообразный для отмѣняемаго публично-правового режима тезисъ частной собственности помѣщиковъ на всю землю; крестьянъ заставили выкупать эту землю. вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянъ не ввели въ область частнаго права, не освободили ихъ отъ крѣпости землѣ, а, напротивъ, сохранили для него укладъ связаннаго хозяйствованія, рожденный въ условіяхъ крѣпостного строя и теряющій всякій смыслъ въ условіяхъ его ликвидаціи.

Этимъ морально-юридическая неправда была осложнена величайшей экономической несообразностью, которая страшно затруднила исправленіе принятаго реформой пути ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній.

Дѣйствительно, мы видѣли, что крестьянскій дворъ въ своей домоводческой природѣ разлагался; что это разложеніе шло въ связи съ разложеніемъ и помѣщичьего домоводства и превращеніемъ его въ денежно-хозяйственное предпріятіе. Мы видѣли, что въ районахъ, производящихъ хлѣбъ, земли становилось мало для полного использованія крестьянской трудовой силы и что съдругой стороны значительная часть крестьянства въ процессѣ промышленнаго развитія Россіи отрывалась отъ земли въ губерніяхъ потребляющихъ.

Что же произошло въ результатѣ великой реформы?

Крестьянство черноземныхъ губерній было соспелоточено на земельной площади, которая отчасти сама по себѣ, отчасти въ итогѣ мѣропріятій по обезземеленію крестьянъ, примѣнявшихся помѣщиками еще до освобожденія, не отвѣчала ихъ домоводственнымъ потребностямъ и которая была количественно еще значительно уменьше-

на и качественно ухудшена при самомъ освобожденіи. Сведенное къ этой уменьшенной площади, крестьянство, вмѣстѣ съ тѣмъ, было разгорожено непроницаемыми переборками мѣстныхъ селенныхъ границъ и вдвинуто въ эти границы въ всякой возможности примѣненія тѣхъ мѣръ по разрѣженію населенія, которыя ранѣе примѣняла помѣщичья власть (переселеніе, внутриселенныя передвижки и т. д.). Крестьянство было лишено той помощи, на которую оно могло рассчитывать въ случаѣ неурожая и стихійныхъ бѣдствій отъ своихъ помѣщиковъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянство было прикрѣплено къ этой землѣ въ предположеніи, высказанномъ съ высоты Престола и тѣмъ самымъ принявшимъ характеръ обѣщанія, что оно съ его ближайшимъ потомствомъ, сохраняя свой домоводственный укладъ, будетъ безбѣдно кормиться отъ земли и получить возможность выполнять повинности по отношеніи къ государству и помѣщику.

Съ другой стороны, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ связь крестьянина съ землей стала слабѣть въ порядкѣ ухода его на промышленныя работы, крѣпость крестьянина землѣ не только не была устранена и мобилизація населенія не облегчена, а, напротивъ, крестьянство получить усиленные надѣлы и обложенное усиленными выкупами, было поставлено въ условія, затруднявшія начавшееся разложеніе крестьянскаго двора на почвѣ свободной дифференціаціи крестьянскаго населенія.

Такимъ образомъ, связь крестьянскаго двора съ землей не только не была порвана, но была усилена, причемъ въ порядкѣ чисто искусственномъ, никакими народно-хозяйственными соображеніями не оправданномъ.

Губительнымъ оказалось это рѣшеніе примѣнительно къ тѣмъ районамъ, которые дѣлались житницей Россіи. И злѣе нельзя даже утверждать, что отвѣтственность за результаты реформы падаетъ только на тѣхъ, кто вполнѣ стѣснилъ изъ компромиссной мѣры, имѣвшей задачей, такъ или иначе, но разрубить узелъ крѣпостного права, сдѣлали основу нѣкоего постоянного строя. Печать правовой несправды и экономической несообразности лежитъ на самой реформѣ.

Въ чемъ правовая несправда — мы уже говорили. Она заключается въ построеніи крестьянскаго освобожденія на морально-несообразномъ и юридически незащитимомъ, но всѣмъ раздѣляемомъ принципѣ частной собственности

помѣщиковъ на землю. Каждый самый либеральный помѣщикъ считалъ, что земля есть его частная собственность и мыслить «освобожденіе», какъ освобожденіе крестьянина отъ его власти, а вопросъ земли мыслить, какъ вопросъ, независимый отъ этого освобожденія и опирающийся на неколебимый принципъ принадлежности ея помѣщику. Каждый помѣщикъ зналъ, что для крестьянъ эта точка зрѣнія непонятна и неприемлема, но каждый считалъ ее блажью. Левъ Толстой въ этомъ смыслѣ былъ такимъ же помѣщикомъ, какъ и всѣ остальные. Въ 1856 году онъ писалъ Е. П. Ковалевскому: «Имѣя самое смутное понятіе о собственности земли и желая имѣть ее, народъ вслѣдъ рѣшилъ, что освобожденіе будетъ со всею землею. Это убѣжденіе выросло сильно, и ежели будетъ рѣзня съ нашимъ кроткимъ народомъ, это, только вслѣдствіе незнанія своихъ настоящихъ отношеній къ землѣ и помѣщику». Толстой торопилъ съ рѣшеніемъ вопроса. «Кончится тѣмъ, что насъ перерѣжутъ... Вопросъ вовсе не въ томъ, какъ полагаютъ умные: какъ рѣшить лучше, а какъ рѣшить скорѣе».

Даже Толстому, а на что онъ зналъ русскій народъ, не приходило въ голову, что вопросъ здѣсь не въ томъ, что крестьянинъ, «не знаетъ своихъ настоящихъ отношеній къ землѣ и помѣщику», а что можетъ быть поставленъ вопросъ иначе: правильно ли понимаетъ помѣщикъ свои отношенія къ землѣ и крестьянамъ? Во всякомъ случаѣ крестьянство исходило изъ точки зрѣнія, которая въ своемъ максимализмѣ была діаметрально противоположна помѣщичьей. Царь освобождаетъ ихъ отъ помѣщичьей власти, значитъ вся земля останется имъ а помѣщики перейдутъ на жалованье. Поговаривали крестьяне, что вмѣсто нихъ дадутъ помѣщикамъ казенныхъ крестьянъ или чувашей и мордву по два некрещеныхъ за одного крещенаго. Въ имѣніяхъ князя Куракина крестьяне серьезно обсуждали вопросъ, оставить ли за помѣщикомъ его садъ и слѣдуетъ ли дать ему какой нибудь участокъ пахотной земли въ надѣлѣ. Общее впечатлѣніе крестьянъ отъ реформы было недоумѣніе. Крестьяне реформы не поняли. Рѣшили, что отъ нихъ настоящая воля скрыта. Иногда приходилось принимать вооруженную силу, чтобы привести ихъ къ повиновенію. Поскольку они приняли реформу, они затаили въ себѣ недовѣріе и обиду. Самаринъ такъ переда-

еть свои впечатлѣнія о деревнѣ послѣ 19 февраля. «Общее настроеніе крестьянъ: «мы все вынесемъ, всему покоримся и ничего не примемъ, ничѣмъ не заявимъ своего согласія».

Одинъ максимализмъ взялъ верхъ надъ другимъ. Крестьянскій максимализмъ притаился, чтобы предъявить свой счетъ, когда настанутъ времена и сроки.

На комъ лежитъ вина?

Эта юридическая неправда, можно полагать, не имѣла бы трагическихъ послѣдствій и растворилась бы въ томъ благотворномъ дѣйствіи, которое можно и должно было ожидать отъ упраздненія крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Тотъ же Самаринъ въ изобылковенно яркихъ и сильныхъ, поражающихъ своей прозорливостью, наблюденіяхъ о настроеніяхъ послѣреформеннаго крестьянства подчеркиваетъ своеобразную двойственность крестьянскаго душевнаго уклада предъ фактомъ реформы: домоводственная психологія крестьянина перебивается какими-то новыми токами, въ которыхъ хозяйскій расчетъ приспосабливается къ новой обстановкѣ, ориентуется въ ней и намѣчаетъ новые пути хозяйственной жизни. Бѣда была, однако, въ томъ, что крестьянинъ былъ погруженъ снова въ атмосферу густого крѣпостничества въ условіяхъ и невозможности изъ нея выйти, и невозможности въ ней нормально жить. Тутъ мы подходимъ къ необходимости болѣе точно формулировать ту экономическую несообразность, которая, сочетаясь съ отмѣченной выше юридической неправдой, сплелась съ нею въ роковой узелъ, долгія десятилѣтія удушавшій русскую хозяйственную жизнь и въ значительной мѣрѣ подготовившій русскую катастрофу.

Обособить землевладѣніе помѣщиковъ и крестьянъ можно было лишь въ двухъ формахъ. Либо нужно было остаться въ планѣ крѣпостного строя, признающаго крестьянина монополистомъ землепашества, имѣющимъ и право и обязанность пахать землю. Тогда регулированіе земельныхъ отношеній, въ смыслѣ поддержанія соотвѣстствія между надѣломъ и трудовой силой (или ѣдоками), должно было лечь уже на государство. Либо нужно было разбить крѣпостной строй и открыть выходъ свободной мобилизаціи земли и свободной дифференціаціи крестьянства. Въдѣ одно изъ двухъ. Либо крестьянина прикрѣп-

ляютъ къ землѣ и лишаютъ его свободнаго распоряженія своей хозяйственной судьбой—тогда о немъ должны заботиться и должны его землей обезпечить. Либо отказываются отъ такой заботы и отъ такого обезпеченія — тогда его должны освободить и открыть ему правовую возможность самому отвѣчать за себя. Эта дилемма стояла при освобожденіи крестьянъ. И тутъ нужно было сдѣлать категорическій выборъ: если крестьянинъ остается въ связанномъ состояніи, земельное обезпеченіе должно быть ему дано и должно быть поддерживаемо государствомъ. Если государство этого взять на себя не можетъ — оно не имѣетъ права прикрѣплять его къ землѣ.

Основной экономической несообразностью великой реформы было то, что это непримиримое противопоставленіе не только не было учтено, но на его наличіи какъ бы строилось будущее зданіе новаго крестьянскаго строя. До сознанія самыхъ свѣтлыхъ и проницательныхъ дѣятелей реформы не доходило это противорѣчіе въ его роковой непримиримости. Экономическое здание реформы строилось на фундаментѣ надѣла, завѣдомо неспособнаго прокормить сидящаго на немъ крестьянина: то что крестьянинъ долженъ наниматься къ сосѣднему помѣщику (то есть къ своему бывшему барину) или арендовать у него землю, не только допускалось авторами реформы, но это было въ ихъ глазахъ прямымъ заданіемъ ея. Помѣщикъ долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи рабочія руки. Правительство довольно долгое время послѣ реформы даже боролось съ переселеніями, чтобъ не уменьшился этотъ рынокъ свободныхъ рукъ!

Князь Черкасскій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые возмущались предложеніями объ урѣзкѣ существующихъ надѣловъ. «Итакъ, восклицалъ онъ, намъ необходимо отнять отъ крестьянина даже ту степень вещественнаго обезпеченія, которой онъ пользовался до сихъ поръ; намъ нужно оставить его безоружнымъ въ предстоящей ему борьбѣ съ капиталомъ». Черкасскій считалъ, что урѣзка крестьянскаго надѣла является недопустимой, какъ разоряющая его. Онъ думалъ, однако, что

въ условіяхъ русскаго многоземелья, земельной тѣсноты не будетъ, поскольку устранены будутъ подобные отрѣзки. Какъ извѣстно, отрѣзки состоялись и значительно ухудшили имущественное положеніе крестьянъ, но извѣстно также — и есть въ этомъ смыслѣ вѣскія указанія помѣщиковъ-хозяевъ — что и существующіе надѣлы, даже если бы они были сохранены полностью, далеко не всегда способны были кормить и то крестьянское населеніе, которое было освобождено, — не говоря уже о прибывающемъ населеніи. А между тѣмъ у того же Черкаскаго мы находимъ однажды совершенно отчетливое выраженіе мысли, согласно которой крестьянство должно именно въ публично правовомъ порядкѣ, на прежнихъ характерныхъ для крѣпостного строя основаніяхъ, кормиться отъ надѣльной земли. Черкасскій выступаетъ противъ идеи Самарина о личномъ подворномъ выкупѣ мѣрской земли. Онъ не противъ личной собственности вообще, но пусть она развивается рядомъ, въ какомъ-то независимомъ планѣ. «На это есть много праздныхъ земель у помѣщиковъ и казны. Мѣрская земля — недвижимый и неприкосновенный фондъ, обезпечивающій среднее благосостояніе массы, а вовсе не поприще для личной предприимчивости».

Эти слова не были особымъ мнѣніемъ кн. Черкаскаго. Это была руководящая мысль реформы! Князь Черкасскій формулируя ее, формулировалъ съ необыкновенной отчетливостью и ясностью основную экономическую несостоятельность великой реформы. Крѣпостной строй разлагался въ главныхъ центрахъ земледѣлства въ условіяхъ надвигающейся земельной тѣсноты. Пусть даже это было мѣстное явленіе, оно неизбежно должно было развиваться, и съ нимъ можно было бороться либо плановымъ, либо стихійно-свободнымъ размѣщеніемъ населенія. Великая реформа исходила изъ предположенія, которое опровергалось ея же собственными данными, будто въ Россіи достаточно земли и для «обезпеченія средняго состоянія массъ» на надѣльной землѣ и для свободнаго сельско-хозяйственнаго предпринимательства на землѣ вѣннадѣльной. Она исходила изъ того, что въ Россіи можетъ существовать два параллельныхъ земельныхъ уклада. Это совершенно несостоятельное положеніе, къ сожалѣнію, не окі-

залось только мнѣніемъ нашедшимъ отраженіе въ сложномъ дѣлѣ освобожденія и съ нимъ вмѣстѣ уходящимъ въ исторію. Оно превратилось въ основу и руководящій принципъ послѣреформеннаго земельного строя.

К. Зайцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Письма изъ Германіи

(Националь-соціалисты).

Въ 1919 году — прославленный нынѣ вождь національ-соціалистовъ — Адольфъ Гитлеръ вступилъ седьмымъ членомъ въ «нѣмецкую рабочую партію». На первое открытое собраніе новой партіи пришли тѣ-же семь чело-вѣкъ, что разсылали рукописныя приглашенія: ни одного сочувствующаго, ни одного любопытствующаго гостя.

За одиннадцать лѣтъ картина измѣнилась до неузнаваемости. На сентябрьскихъ выборахъ въ Рейхстагъ національ-соціалисты собрали 6.400.000 голосовъ (изъ 35 милліоновъ). Это значитъ, что каждый пятый чело-вѣкъ въ Германіи — нынѣ національ-соціалистъ.

Чѣмъ объясняется этотъ небывалый, для большинства совершенно неожиданный успѣхъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо пристальнѣе всмотрѣться въ общій результатъ послѣднихъ выборовъ. Въ качествѣ наиболѣе характерной черты этихъ выборовъ нѣмецкая печать не разъ отмѣчала — полный разгромъ буржуазной демократіи; какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго толка. Изъ 35 милліоновъ выборщиковъ 20 милліоновъ голосовало за опредѣленно враждебныя буржуазному индивидуализму массовыя партіи соціалистовъ (с. д.), коммунистовъ и національ-соціалистовъ. Всѣ не католическія буржуазныя партіи собрали вмѣстѣ всего только 7 милліоновъ голосовъ. Изъ нихъ два съ половиною милліона отпадаютъ на безыдейныхъ и безпринципныхъ защитниковъ своихъ узкихъ хозяйственныхъ интересовъ — (Wirtschaftspartei, Landvolk: группа Schiele). За идею либерализма, въ томъ смыслѣ, который этому термину придавалъ 19-й вѣкъ, высказалось, такимъ образомъ, всего только 4½ милліона избирателей.

Итакъ, первое, что должно быть отмѣчено, это то, что національ-соціалисты пришли къ призовому столбу не одни, а въ очень большой и пестрой компаніи враждебныхъ либерализму и буржуазной демократіи силъ. Пораженіе это нельзя конечно отождествлять съ пораженьемъ демократіи, какъ формально-политическаго принципа. Но и раздѣляя оба начала, нельзя все-же не видѣть, что выборы 14-го сентября нанесли ударъ не только буржуазно-индивидуалистическому міросозерцанію либерализма, но и демократическому началу, какъ таковому. Максимальнаго успѣха среди побѣдителей добились враждебные демократіи національ-соціалисты и коммунисты.

Въ чемъ-же дѣло? Почему еще недавно вѣсущіе лозунги либерализма и демократіи, свободолюбіи и народоправства нынѣ не звучатъ; не вдохновляютъ прежде всего новаго, молодого, активнаго избирателя? Для каждаго, не совѣмъ ослѣпшаго наблюдателя европейской жизни ясно, что объясненіе надо искать въ томъ, что демократія перестала быть въ Европѣ живой революціонной идеей; превратилась въ борьбу интересовъ; превратила свободу борьбы за истину въ разнузданную борьбу всѣхъ мнѣній противъ истины, а идсю народа — въ общій всѣмъ группировкамъ защитный цвѣтъ партійныхъ домогательствъ.

Это скрытое обстояніе вещей и вывели на свѣтъ Божій выборы 14-го сентября. Побѣда въ борьбѣ партій осталась за міросозерцаніями. Влеченіе къ міросозерцанію, все равно какому: — католическому, коммунистическому, расистскому оказалось сильнѣе вѣры въ реальную политику достижимыхъ цѣлей. Безъ учета этого, въ концѣ концовъ все-таки идеалистическаго момента, т. е. безъ учета того факта, что національ-соціалисты шли въ бой съ твердою вѣрою въ непоколебимую вѣрность своей идеи, съ «лютой» (grimmig) рѣшимостью во что бы то ни стало побѣдить и съ повышеннымъ чувствомъ мессіанскихъ задачъ грядущаго нѣмецкаго государства, ихъ головокружительный успѣхъ необъяснимъ.

Для людей, чувствующихъ ту острую тему современности, что именуется «кризисомъ демократіи» и стремящихся обновить и защитить демократическую форму пу-

темъ заполнения ея міросозерцательнымъ исповѣданіемъ нѣкаго сверхполитического смысла исторіи, въ побѣдѣ національ-соціалистической идеократіи надъ буржуазно-демократическимъ интересодержавіемъ, могло бы быть на ряду со всѣмъ страшнымъ и жуткимъ, чѣмъ чреватъ выборы 14-го сентября и нѣчто положительное, если бы міросозерцаніе національ-соціалистовъ было нѣкой, пусть злой, но все же роковой, въ логикѣ исторіи укорененной. идеей. Но въ томъ то и дѣло, что «идея» національ-соціализма вовсе не исторически роковая идея, а произвольная выдумка людей, не чувствующихъ исторического смысла изживаемой нами эпохи. Съ этой точки зрѣнія между коммунизмомъ и національ-соціализмомъ существуетъ очень большая разница. Коммунизмъ и идеологически, и психологически и социальны вполнѣ понятенъ какъ въ своихъ истокахъ, такъ и въ своихъ устремленіяхъ. Тысячами крѣпкихъ нитей онъ связанъ съ изживаемой нами эпохой: съ безбожіемъ и науковѣріемъ буржуазіи, съ капиталистической формой товаропроизводства, съ головокружительнымъ развитіемъ техники, съ хозяйственнымъ кризисомъ послѣвоенной Европы. При всей практической нелѣпости и преступности коммунистической программы и тактики, коммунистическое міросозерцаніе представляетъ собою весьма точное описаніе душевнаго состоянія значительной части западно-европейскаго пролетаріата. Можно оспаривать его реализуемость, но нельзя отрицать, что онъ реальнъ и психологической и социальной реальностью стоящихъ за нимъ массъ. Это надстройка, у которой безусловно есть свой прочный базисъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ національ-соціализмомъ. Конечно, и онъ — реальность, но реальность совершенно другого порядка. Читая Гитлера не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія какой-то случайно-сложной и лично произвольной философски-политической комбинаціи. Не то чтобы всѣ мысли были безпочвенными выдумками; наоборотъ, — отдѣльные мысли вполнѣ понятны въ своихъ историческихъ истокахъ, но ихъ сплетенія и перестѣченія производятъ впечатлѣніе уже не мысли, а явной выдумки.

Основные положенія національ-соціалистической философіи сводятся къ слѣдующему *): тигръ живетъ съ тигрицей, синица съ синицей, мышъ съ мышью и т. д. Въ случаѣ скрещиванія представителей высшаго вида съ представителемъ низшаго, получаются убогодичныя, неприспособленныя къ жизни, склонныя къ вырожденію существа.

То, что въ животномъ мірѣ представляютъ собою виды, въ человѣческомъ мірѣ представляютъ собою расы.

Судить о томъ, какія расы были изначально носителями культуры — трудно и непродуктивно. Переходя къ современности, можно съ увѣренностью, однако, сказать, что вся современная и памятная намъ культура: искусство, наука, техника — все это почти исключительно результатъ арійскаго творчества. Аріецъ — прототипъ и вершина человѣчества. «Онъ тотъ Прометей, изъ лучезарнаго чела котораго споконъ вѣковъ высккаются божественныя искры». Аріицу, какъ высшему типу, противопоставляется еврей, какъ низшій. Смыслъ міровой исторіи въ борьбѣ аріиства съ еврействомъ. Аріецъ, спускающійся до «кровосмѣсительства» съ евреемъ, — преступникъ передъ закономъ природы. Но законъ природы — Божій законъ. Кровосмѣсительство есть такимъ образомъ грѣхъ противъ Духа Святого, преступленіе противъ воли Всевышняго. Ибо по образу и подобию Божьему былъ созданъ, конечно, не человѣкъ, а свѣтловолосый, голубоглазый, длинночерепной аріецъ.

Такова христіанско-коннозаводческая метафизика національ-соціализма. Въ своемъ обнаженномъ видѣ она рѣдко выдвигается національ-соціалистами на первый планъ. Расистское **) мышленіе гораздо охотнѣе движется въ плоскости историко-философской и культурно-политической, чѣмъ отвлеченно метафизической. Нельзя сказать, чтобы политическое мышленіе національ-соціалистовъ было много глубже и честнѣе ихъ метафизическихъ построеній. Все же оно настолько конкретнѣе и хватче, что производитъ, какъ часто приходится наблюдать, большое впе-

*) Излагаю главнымъ образомъ по двухтомному труду Гитлера «Mein Kampf». Первый томъ содержитъ политическую автобіографію, второй — ученіе.

**) Ради удобства я иногда называю національ-соціалистовъ расистами, хотя они представляютъ собою только одно изъ теченій расизма.

чатлѣніе и на тѣхъ людей, что опредѣленно отрицають коннозаводческую метафизику Гитлера.

Само собою разумѣется, что и культурно-философская концепція національ-соціализма представляет собою сплошную семитологию. Не стѣсняясь никакими преувеличеніями и искаженіями, ловко пользуясь безспорными фактами, что, во-первыхъ, еврейство сыграло громадную роль въ созданіи и укрѣпленіи социалистическаго ученія, что лучшія нѣмецкія буржуазныя газеты, поддерживающія социаль-демократію, редактируются нѣмецкими евреями и что очень большой процентъ финансоваго капитала находится въ еврейскихъ рукахъ, національ-соціалисты строятъ свое центральное ученіе о сознательномъ и глубоко продуманномъ сотрудничествѣ еврейскаго капитала и еврейскаго марксизма; стальныхъ банковыхъ камеръ, обирающихъ нѣмецкій народъ, и стального шага международнаго пролетаріата, разжигаемаго марксистскими прокламаціями.

Капитализмъ и марксизмъ борются другъ съ другомъ только для видимости, съ цѣлью обмануть притупленный инстинктъ семитизированнаго аріиства. На самомъ же дѣлѣ редакторъ любой марксистской газеты всегда окажется двоюроднымъ братомъ того промышленника или банкира, противъ котораго его листокъ ведетъ свою бѣшеную травлю. Въ случаѣ краха революціи — редакторъ переѣдетъ къ банкиру; въ случаѣ побѣды революціи — редакторъ спасетъ капиталы банкира. И это вполне понятно, ибо глубинная борьба идетъ въ мірѣ не между трудомъ и капиталомъ (эту очень убѣдительную теорію создали евреи для отвода глазъ), а между расами. Въ какомъ бы лагерѣ политическомъ и хозяйственномъ ни стоялъ еврей, онъ въ послѣднемъ счетѣ стоитъ въ одномъ и томъ же лагерѣ: борется за міровую гегемонію еврейства.

Изъ этого историко-философскаго лубка вырастаетъ вся политическая концепція національ-соціализма. Главная цѣль — борьба противъ двуединого зла: капитализма и марксизма, за двуединую истину — національ-соціализма.

Что національ-соціалисты подразумѣваютъ подъ націонализмомъ — вполне ясно. Нація есть государственная народность. Задача нѣмецкаго государства — блюсти аріискую чистоту нѣмецкой народности. Мистика національ-

соціалистическаго государства — это прежде всего біологическій мессіаниззмъ.

Отсюда цѣлая система государственнаго наблюденія за процессомъ размноженія. Запретъ размноженія для больныхъ, запретъ смѣшанныхъ браковъ, развитіе культа тѣла, мистическаго ощущенія своей крови.

Дабы все это было осуществимо, національ-соціалисты проводятъ принципиальное различіе между гражданами и подданными (Staatsbürger und Staatsangehörige). Рождаются всѣ только подданными. Инокровные остаются навсегда. Государство всячески оберегаетъ ихъ справедливые интересы, но лишаетъ ихъ какъ активнаго, такъ и пассивнаго выборнаго права. Своекровные же въ 19 лѣтъ присягаютъ государству и народу, клянутся блюсти чистоту своей крови. Эта клятва превращаетъ ихъ изъ подданныхъ въ гражданъ.

Таковы наиболѣе существенныя черты національ-соціалистическаго ученія о государствѣ. Надо признаться, что при всей своей дикости они очень точно опредѣляютъ сущность расистскаго націонализма.

Сложнѣе обстоитъ дѣло съ расистскимъ социализмомъ. Сложность этого вопроса заключается въ томъ, что поскольку ученіе о націи-расѣ, о націи-племени опредѣленно и единообразно развивается всѣми національ-соціалистами, постольку многообразно и разномысленно звучитъ у нихъ тема социализма. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что по линіи истолкованія социализма расизму придется пережить много бурь, а можетъ быть и расколовъ. Читая Гитлера опредѣленно чувствуешь, что онъ психологически фашистъ, т. е. человѣкъ соблазненный, «безуміемъ цезаризма» *). Читая Геббельса не сомнѣваешься, что онъ антисемитъ; спрашиваешь себя, — не коммунистъ-ли онъ? Но ясно чувствуешь, что онъ не фашистъ. Несмотря на то, что онъ все время съ изступленіемъ и восторгомъ привѣтствуетъ «нашего Гитлера», во многихъ его словахъ и оборотахъ слышится нѣчто враждебное гитлеріанству. Ему ясно, напримѣръ, что «идеи интернаціональны», національны-же только ихъ воплощенія. Онъ утверждаетъ и привѣтствуетъ «міровую идею»

*) Выраженіе виднаго нац.-соц. Д-ра Геббельса, автора многихъ брошюръ. Всѣ дальнѣйшія цитаты взяты изъ его книжечки: «Die zweite Revolution»

соціализма. Онъ съ подлиннымъ гнѣвомъ отвергаетъ «катаклическую безсмыслицу реакціоннаго цезаризма» и съ пролетарскимъ наѣсомъ утверждаетъ «диктатуру соціалистической идеи» въ государствѣ будущаго. Какъ и Гитлеръ, онъ кровно ненавидитъ «ноябрьскихъ преступниковъ» (соц.-демократію). Но въ то время, какъ Гитлеръ ненавидитъ ихъ за предательство славы нѣмецкаго оружія, Геббельсъ обрушивается на нихъ за то, что они не провели по большевицкому рецепту соціализаціи. Съ подлинно пролетарской озлобленностью говоритъ онъ о двусторонности классовой борьбы. Все это тона, которыхъ у Гитлера нѣтъ.

Это расхожденіе памѣчаетъ двѣ совершенно разныя политическія линіи по отношенію къ Россіи. Гитлеръ опредѣленный врагъ Россіи (не только Совѣтовъ, а и самой Россіи), врагъ Бисмарковской мысли союза съ ней. По его мнѣнію, Россія осуждена на гибель. Военный союзъ (другихъ союзовъ Гитлеръ не признаетъ) съ на смерть больной страной — верхъ безсмыслицы. Ни въ какое строительство большевиковъ Гитлеръ не вѣритъ. «Россія не построила еще ни одного мало-мальски годнаго автомобиля». Онъ подробно анализируетъ возможность русско-германской войны противъ Франціи и ея союзниковъ и заключаетъ этотъ анализъ вполне односмысленнымъ утвержденіемъ «такая война была бы окончательной гибелью Германіи». Близкой нѣкоторымъ націоналистическимъ кругамъ идея союза съ Россіей, Гитлеръ противопоставляетъ союзъ съ Англіей, въ незаходящую звѣзду которой (въ качествѣ міровой державы) онъ твердо вѣритъ, а также союзъ съ фашистской Италіей. Онъ опредѣленно заявляетъ, что «національ-соціалисты ставятъ крестъ надъ предвоенной внѣшней политикой Германіи и продолжаютъ ту линію, которая оборвалась шестьсотъ лѣтъ тому назадъ». «Германіи незачѣмъ стремиться на югъ и на западъ. Надо повернуть взоры на землю востока». Предвоенной колониальной и торговой политикѣ Вильгельма II національ-соціализмъ противопоставляетъ въ лицѣ Гитлера новую земельную политику. Это означаетъ распространеніе германской территоріи за счетъ умирающей Россіи. Распространенію этому Россія, по мнѣнію Гитлера, не сможетъ противопоставить ни силы, ни воли. Великая довоенная Россія была вѣдь создана не славянами, а германцами (варяги, балтійцы, нѣмецкая династія). Германскій пр.

ващій слой разложился и сдалъ свои позиціи еврейству. Но «еврейство сильно только силою разложенія, а не созиданія». Растлѣнная еврействомъ Россія не сможетъ по-мѣшать Германіи занять нужные ей просторы. Миссія національ-соціалистовъ — миролюбиво поучаетъ Гитлеръ — погасить въ подрастающемъ поколѣніи хмельную мечту новаго Македонскаго похода и внушить ему, что великое будущее Германіи таится въ прилежномъ трудѣ нѣмецкаго плуга, которому мечъ долженъ всего только предоставить нужную землю. «Разсчетъ» съ Франціей остается, конечно, и для Гитлера роковой необходимостью нѣмецкой политики. Но это музыка будущаго. «Националь-соціалисты сознательные враги вульгарнаго ура-націонализма». Этимъ, «мирнымъ» страницамъ противостоятъ, впрочемъ, и весьма инныя.

Въ главѣ, посвященной Версалию, Гитлеръ мечтаетъ о томъ, что несправедливость договора обернется скоро ничѣмъ не заглушимымъ требованіемъ всей Германіи: «мы хотимъ снова быть вооруженными». Онъ молится: «Всемогущій Господь, благослови наше оружіе; будь справедливъ, какимъ Ты былъ всегда; разсуди насъ; неужели мы не заслуживаемъ свободы. Господи, благослови нашу борьбу!» На вопросъ, не противорѣчатъ-ли эта молитва гимну пахаря, Гитлеръ, конечно, отвѣтитъ — нѣтъ: беззаботно пахать землю можетъ, по теоріи воинствующаго патріотизма, только тотъ народъ, трудъ котораго охраняется мечомъ.

Совѣтъ иное отношеніе къ Совѣтской Россіи и Россіи вообще звучитъ у Геббельса. Въ письмѣ, адресованномъ къ другу слѣва (изъ контекста письма выясняется, что къ коммунисту), Геббельсъ пишетъ: «ни одинъ царь еще не понималъ русскій народъ въ его глубинѣ, въ его страстяхъ, въ его національныхъ инстинктахъ такъ глубоко, какъ Ленинъ. Онъ далъ русскому крестьянину то, о чемъ этотъ крестьянинъ споконъ вѣковъ мечталъ: свободу и землю. Этимъ онъ превратилъ русскаго крестьянина въ подлиннаго носителя новой системы» Геббельсъ отзывается «вступать въ хоръ буржуазныхъ лжецовъ и невѣждъ, утверждающихъ, что большевизмъ стоитъ передъ крушеніемъ». Наоборотъ, Россія сейчасъ сильна и творчески напряжена, какъ никогда. На каждомъ совѣтскомъ рублѣ, работающемъ на коммунистическую партію, написано «не коммунизмъ, а Россія». Совѣтская Россія, по мнѣ-

нію Геббельса, потому только и поддерживаетъ сейчасъ нѣмецкій коммунизмъ, что правильно предчувствуетъ: этотъ антидемократическій социализмъ, преодолевъ въ себѣ ложь еврейскаго интернаціонализма, первый поддержитъ національную волю большевицкаго великодержавія.

Кончается письмо неожиданнымъ въ устахъ національ-соціалиста признаніемъ, что «хотя коммунисты и борятся съ національ-соціалистами, они другъ другу все-же не враги». Совѣтская Россія самую судьбою намѣчена въ союзицы Германіи въ ея страстной борьбѣ съ дьявольскимъ смрадомъ разлагающагося Запада. Кратчайшій путь національ-соціализма въ царство свободы ведетъ черезъ Совѣтскую Россію, въ которой «еврейское ученіе Карла Маркса» уже давно принесено въ жертву красному империализму, новой формѣ исконнаго русскаго «панславизма».

Таковъ второй вариантъ національ-соціалистскаго отношенія къ Совѣтской Россіи. Если бы этотъ второй, Геббельскій, вариантъ побѣдилъ Гитлеровскій, то не видно, что могло-бы помѣшать расистамъ искать самаго тѣснаго сближенія съ большевиками. О томъ, могли-ли бы они разсчитывать на взаимность, я сейчасъ не говорю. Это вопросъ очень темный и сложный. Но вернемся къ нашему вопросу: въ чемъ сущность расистскаго социализма? Какъ это ни странно — въ отождествленіи духа подлиннаго социализма съ духомъ прусской государственности. Мысль эта принадлежитъ, впрочемъ, не Гитлеру (у него вообще мало своихъ мыслей), а Освальду Шпенглеру. Развита она была знаменитымъ авторомъ «Заката Европы» въ небольшой брошюрѣ «Пруссія и социализмъ». Торганескому духу индивидуалистически-безгосударственного англійскаго общества Шпенглеръ противопоставляетъ идею прусской государственности основанной «на работѣ, долгѣ и службѣ».

Сущность подлиннаго социализма сводится Шпенглеромъ къ борьбѣ противъ хозяйственнаго индивидуализма. Всякій гражданинъ, начиная съ монарха и кончая послѣднимъ чернорабочимъ, начиная съ главы крупнѣйшаго предпріятія и кончая мелкими ремесленниками, долженъ работать не на себя, а на органическое цѣлое національнаго государства. Крайности богатства и бѣдности должны быть уничтожены, замѣнены природно обусловленными различіями въ работоспособности отдѣльных лицъ. Прусскій государственный социализмъ погибъ, пре-

давъ свою систему торгашескому духу манчестерства. Германія возродится на путяхъ возврата къ социализму прусскаго образца, не знающаго ни идеи классовой борьбы, ни идеи интернаціонала. Все дѣло въ борьбѣ противъ «тираніи процента» («Zinsknechtschaft»), въ борьбѣ за трудъ, все равно — физическій или духовный, какъ единственную основу государственнаго хозяйствованія.

Такова въ краткихъ чертахъ идеологія нѣмецкой національ-соціалистической рабочей партіи. Какова же ея социальная природа?

И не будучи марксистомъ, нельзя не видѣть, что идеи, въ особенности политическія, пробиваютъ себѣ дорогу въ жизнь только при условіи ихъ органической связи съ опредѣленными социальными слоями. Спрашивается: какіе социальные слои обслуживаетъ національ-соціалистическая идеологія. Кто по своему социальному положенію тѣ 6.400.000 людей, которые подали свои голоса за расистовъ? Какіе личные, хозяйственно-жизненные интересы защищали они 14-го сентября? Отвѣчая на этотъ вопросъ, де Маннъ, Вальтеръ Маннценъ и др. изслѣдователи національ-соціализма, опредѣляютъ партію національ-соціалистовъ какъ партію мелкой буржуазіи. Опредѣленіе это вѣрно, но, думается, недостаточно и односторонне. Безусловно мелкобуржуазный слой представляетъ собою основную массу партіи. Все-же главная сила національ-соціалистовъ въ томъ, что они по разному выражаютъ весьма разные интересы весьма разныхъ социальныхъ слоевъ.

Въ первую очередь за національ-соціалистовъ голосовали слабосильные ремесленники, мелкіе торговцы, тихіе кустари, служашіе, т. е. всѣ тѣ хозяйственные остатки деспотистической эпохи, которые, банкротясь и лищаясь мѣстъ, неудержимо скатываются въ ненавистныя имъ низины пролетарскаго быта. Националь-соціалистическая проповѣдь убѣдительна для этихъ социальныхъ слоевъ съ одной стороны, какъ проповѣдь противъ акціонерныхъ обществъ, все новыхъ и новыхъ машинъ, дороговизны современной рекламы, роскоши торговыхъ помѣщеній и т. д.; съ другой, какъ проповѣдь противъ очень дорогой социальной политики марксистской демократіи, опутывающей мелкаго ремесленника и предпринимателя крѣпкою сѣтью

обязательствъ по отношенію къ подмастерьямъ и служащимъ.

Второй социальный слой, голосовавшій за національ-соціалистовъ — крестьяне.

Уничтоживъ всѣ командныя высоты довоеннаго феодализма, отказавшись отъ принципиальной защиты интересовъ земельныхъ собственниковъ (путемъ покровительственной пошлины и податной системы) по-революціонная республика поставила какъ вельможныхъ, такъ и простонародныхъ землеробовъ въ очень трудное положеніе. Выбираются изъ этого положенія лишь тѣ хозяйства, которыя переходятъ къ капиталистической формѣ земледѣлческой обработки и сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Малосильные крестьяне въ этой переустройкѣ затираются, должны банкамъ и встрѣчаясь въ такую тяжелую минуту съ феодально-патріархальной проповѣдью національ-соціалистовъ естественно становятся заклятыми врагами капитализма и еврейства.

Третій контингентъ національ-соціалистическихъ избирателей — мелкіе служащіе и тѣ деклассированные рабочіе, которые, наскучивъ дальнимъ прицѣломъ социаль-демократическаго реформизма и разочаровавшись въ немедленности социальной революціи, стихійно и безсознательно отдались новой надеждѣ на спасеніе, надеждѣ на «вторую революцію» и «третье царство» національ-соціалистовъ.

За всею этою разношерстною массой мелкой буржуазіи стоитъ, однако, въ качествѣ главной базы національ-соціализма классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, не прощающихъ республикѣ гнуснаго предательства феодальныхъ формъ германской государственности разнузданности международного капитализма.

Реальность этой связи съ рѣдкой отчетливостью вскрываетъ Гитлеровская теорія «міровой державы», органически связанная съ разсмотрѣнною выше русской политикой. По мнѣнію Гитлера, «міровой» всякая держава становится не въ силу своей военной мощи и не въ силу господства своей промышленности на міровомъ рынкѣ, а исключительно въ силу «правильнаго, нормальнаго взаимоотношенія количества земли и народонаселенія». Если бы германская промышленность завоевала весь міръ и если бы Германія снова воссоздала свою армію, — все равно, великою державою она не стала бы. «Volk ohne Raum» (на-

родъ безъ простора) – великой, міровой державой быть не можетъ. Отсюда и вырастаетъ уже упомянутая задача новой земельной политики, стремящейся къ «міродержавности» Германіи. Ясно, что эта идеологія является прямымъ выраженіемъ земельно феодальныхъ вожделѣній нѣмецкихъ аграріевъ. Карта выборовъ 14-го сентября вполне подтверждаетъ это социологическое соображеніе.

Итакъ, социальной базой національ-соціализма является весьма пестрый союзъ крупныхъ землевладѣльцевъ, малосильныхъ крестьянъ, мелкой городской буржуазіи, мелкихъ служащихъ и случайныхъ массъ деклассированнаго пролетаріата. Главными же врагами національ-соціализма надо считать двѣ другъ другу враждебныя силы, крупный капиталъ и организованную социаль демократію.

Но такъ отчетливо дѣло обстоитъ въ сущности только съ точки зрѣнія статистики національ-соціалистической программы. Нац.-соціалистическая тактика весьма искусно преодолеваетъ ограниченность социальной базы своей партіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крупныя средства, которыми располагаетъ національ-соціалистическая партія, имѣютъ своимъ источникомъ не только добровольныя взносы членовъ партіи и сборы съ многочисленныхъ собраній и митинговъ, какъ то думаютъ боевые генералы стараго закала и равнодушныя къ національ-соціалистамъ офицерскія вдовы, но и матеріализованное сочувствіе весьма крупной промышленной буржуазіи.

Слѣдственный комитетъ баварскаго ландтага, занимавшийся въ 22/23 году національ-соціалистами въ связи съ ихъ сорвавшимся походомъ на Берлинъ, установилъ три источника партійныхъ средствъ: 1) нейтральныя государства *), 2) прекрасныя женщины и 3) тяжелая промышленность. Теоретической базой возможности національ-соціалистической аппеляціи къ капиталу является весьма смѣлое, но въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства 20-го вѣка и весьма фантастическое раздѣленіе капитала на созидательный, промышленный (онъ же и германскій) и хищническій, банковый (онъ же и еврейскій), подлежащій немедленной конфискаціи, по приходѣ нац.-соціали-

*) Комитету удалось установить, что жалованье гитлеровскимъ офицерамъ выплачивалось въ 23 г. въ швейцарскихъ франкахъ. Нац.-соц. удалось убѣдить швейцарскую буржуазію въ томъ, что вѣдь нац.-соціализма Германіи нѣтъ спасенія отъ большевизма

стовъ къ власти. Не сомнѣваясь въ искренности нац.-соціалистической вѣры въ свои теоріи, я все-же весьма сомнѣваюсь въ томъ, что крупная буржуазія давала расистамъ деньги въ расчетъ на то, что расистское правительство, націонализировавъ банки, будетъ оказывать фабрикамъ безпроцентный кредитъ. Ясно, что деньги давались въ расчетъ на національ-соціалистическую помощь въ борьбѣ капитала противъ «марксистскихъ силъ», т. е. по просту говоря, — противъ рабочаго класса. Такова въ общихъ чертахъ социальная природа національ-соціалистической партіи.

Представляя собою національ-соціализмъ всего только охарактеризованную партію, его побѣда была бы непонятна. Но въ томъ то и дѣло, что національ-соціализмъ не только реакціонная партія, но и очень сложное идейно-психологическое теченіе, вылившееся — въ этомъ его особенность, — въ своеобразную форму военной организациі.

Первая глава второго тома «Автобіографіи» Гитлера озаглавлена: «Міросозерцаніе и партія». Въ рѣчахъ Гитлера и другихъ вождей также постоянно встрѣчается все то же основное требованіе міросозерцательнаго обоснованія политической борьбы. Я уже отмѣчалъ, что побѣда національ-соціализма въ первую очередь означаетъ побѣду міросозерцательнаго теченія надъ интересократіей. Вѣрность этого положенія кажется мнѣ совершенно безспорною; но безспорность эта становится понятной только при выясненіи себѣ того обстоятельства, что міросозерцаніе, вѣрнѣе быть можетъ міроощущеніе національ-соціализма гораздо сложнѣе, неопредѣленнѣе, тоньше и глубже, чѣмъ тотъ идеологическій лубокъ и та основанная на немъ программа, о которыхъ рѣчь шла выше.

Вальтеръ Маниценъ *) безусловно правъ, подчеркивая, что идеологически-программную вульгарность національ-соціалистической публицистики надо отличать отъ зачастую гораздо болѣе глубокихъ теорій, стоящихъ за нею. Я лично знаю большое количество людей очень умныхъ, очень тонкихъ и высоко образованныхъ, которые подъ міросозерцаніемъ Гитлера никогда не подписались бы.

*) «Neue Blätter für den Sozialismus». 8 Heft. 1930.

какъ подѣ своимъ собственнымъ, но которые все же под-
писываются подѣ нимъ какъ передѣ тѣмъ «необходимымъ
упрощеніемъ» ихъ собственного міросозерцанія, безѣ ко-
торого невозможно привлеченіе на его сторону широкихъ
и активныхъ массѣ.

Вѣ октябрѣ, вѣ Берлинѣ, на сѣздѣ нѣмецкаго соціо-
логическаго общества я прослушалъ два реферата и двух-
дневныя пренія объ общественномъ мнѣніи, свободѣ печат-
ти и о тому подобныхъ вопросахъ. Конечно, я говорилъ
вѣ связи съ этими темами и еще свѣжими вѣ памяти вы-
борами со многими видными представителями германской
науки о національ-соціалистахъ. Долженъ сказать, я былъ
очень пораженъ тѣми національ-соціалистическими нота-
ми, которыя скрыто звучали не только вѣ рефератѣ гей-
дельбергскаго профессора фонъ Эккардта, выпустившаго
большую книжку о Россіи *), и вѣ «словѣ» знаменитаго
берлинскаго юриста Карла Шмидта, но главнымъ образомъ
во многихъ частныхъ бесѣдахъ. Вѣ этихъ бесѣдахъ мнѣ
выяснилось, что черезѣ безотвѣтственно измышленный ре-
волюціонный примитивъ національ-соціализма силятся
пробиться вѣ жизнь гораздо болѣе сложныя, вѣ своемъ
истокѣ гораздо болѣе благородныя мысли и настроенія. И
дѣйствительно, при желаніи и нѣкоторомъ мужествѣ Гит-
лера можно идеологически связать и съ основателемъ теоріи
прусскаго консерватизма Шталемъ **) и съ вѣнскимъ
философомъ, соціологомъ и экономистомъ Отомаръ-
Шпаномъ, любимымъ, къ слову сказать, теоретикомъ рус-
скихъ національ-соціалистовъ — раннихъ евразійцевъ и
даже съ ученіемъ о государствѣ гегельянца Фрейера. Дѣй-
ствительно, всѣ наиболѣе существенныя положенія Шта-
ля-Шпана вѣ весьма упрощенномъ и сниженномъ видѣ
встрѣчаются и у національ-соціалистовъ. Такъ, прежде
всего, защита органической теоріи государства противъ
механической. Требованіе, чтобы какъ интересы отдѣль-
ныхъ гражданъ, такъ и интересы всѣхъ хозяйственныхъ
корпораций безоговорочно подчинялись государству, мыс-
лимому вѣ формѣ реально-коллективной личности
(*reale Verbandsperson*), высшимъ атрибутомъ которой
является власть и авторитетъ. Старо-консервативному

*) Hans von Eckardt «Russland». Leipzig, 1930.

**) Интересно, что Шталь по происхожденію еврей фамилію
«Шталь» онъ принялъ при крещеніи

принципу «*Autorität, nicht Majorität*» соответствует у националь-социалистов положение: «диктатура — не парламентаризм», причем речь идет о диктатуре личности, а не партии или класса.

Кроме государственников-романтиков на националь-социалистов оказало безусловное влияние и Ницше, впрочем то атмосферическое ницшеанство, которое сейчас возрождается в Германии. Правда: Ницше был врагом всякой расистской «ерунды и выдумки», но все же в его идеале сверхчеловѣка своеобразно перекликающемся с проходящим через ряд его писаний образом «свѣтловолосой бестии» и ведущем свое начало от идеи дарвинизма (теорія подбора) нельзя не узнать прообраза цзяря вселенной: «чистаго арийца» националь-социалистической концепции. Еще яснѣе связь по другой, не столько теоретической, сколько моралистической линіи. Какъ и Ницше, националь-социалисты враги всякаго морализма. Какъ и Ницше, они чувствуютъ себя стоящими по ту сторону добра и зла и приветствуютъ всѣ положительные, жизнь утверждающіе аффекты Ницше: гордость, радость, здоровье, любовь половъ, вражду и войну, благоговѣніе, прекрасный жестъ, сильную волю, волю къ власти, вѣрность землѣ и жизни. Какъ и Ницше, националь-социалисты, правда въ рѣзкомъ несоответствіи со своею собственною мелко-буржуазною социальною базой, страстные враги духовнаго и бытового мѣщанства. Эта противоположность между героикою националь-социалистической идеологіи и мѣщанскими настроеніями объединяемыхъ ими социальныхъ слоевъ отчетливо сознается нѣкоторыми вождями националь-социализма. Подобно Ленину, неустанно боровшемуся со шкурникомъ въ рядахъ коммунистической партіи, борется, напримѣръ, Геббельсъ съ сырымъ обывателемъ въ расистскихъ рядахъ.

«Откуда. — спрашиваетъ онъ, — наша безконечная ненависть къ буржуазности нашей эпохи?» и отвѣчаетъ: «мы ненавидимъ въ современной буржуазности то мѣщанство, которымъ природа надѣлила всѣхъ подлинныхъ мѣщанъ. Какъ мы ни стараемся, мы все еще не можемъ преодолѣть буржуа. Онъ всюду среди насъ, вѣчно привередливый, всѣми недовольный, горластый типъ. безъ вѣры, безъ идеала. Ему нравится нашъ радикализмъ, но лишь постольку, поскольку онъ не мѣшаетъ здоровью и торговлѣ. Онъ рушаетъ вмѣстѣ съ нами всѣ гнусные порядки, но лишь ве-

черомъ, подвыливъ и зная твердо, что его не услышать тѣ, которымъ не надо знать, что онъ съ нами. Во всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ мѣстахъ онъ малюетъ наши черные кресты и подписываетъ подъ ними «Германія, проснись». Онъ сентименталенъ и любитъ хвастаться тѣмъ, что «принадлежалъ къ движенію» еще до войны, когда нынѣшніе вожди, зеленая молодежь, еще и не появлялась на горизонтѣ». Эта характеристика стариковъ-мѣщанъ, рыхлыхъ, безвольныхъ, политиканствующихъ крикуновъ очень вѣрна. Ее легко было бы распространить на всѣ примазавшіеся къ расистамъ круги мѣщанскаго общества. Вѣрна она прежде всего въ своей аппелляціи къ молодежи, какъ къ единственно прочной опорѣ національ-соціализма. Думаю, что въ успѣхѣ нац.-соціализма молодежь сыграла главную роль. Даже больше: она его подготовила. Для выясненія этого вопроса необходимо связать національ-соціализмъ съ тѣмъ очень интереснымъ, религіозно-правственнымъ и культурно-политическимъ движеніемъ «Jugendbewegung», которое захватило нѣмецкую молодежь еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

На первый взглядъ глубоко духовное по своимъ истокамъ и ифлямъ «младодвиженіе» такъ же далеко отъ расистской улипы, какъ далекъ отъ нея и геніально утонченный Ничше. Но въ томъ то и дѣло (національ-соціализмъ можно считать школьнымъ примѣромъ этой истины), что всякій, самый послѣдній уличный чертъ побѣждаетъ только въ качествѣ Люцифера, т. е. падшаго ангела. Если бы у національ-соціалистическаго черта не было своего ангела, онъ былъ бы совершенно безсиленъ.

Какъ Ничше, будучи врагомъ расизма, все-таки влился въ расистское движеніе, такъ и нѣмецкое «младодвиженіе», выросшее на отрипаніи всяческихъ авторитетовъ, влилось въ авторитарное движеніе національ-соціалистовъ. Я не могу подробно останавливаться на нѣмецкомъ младодвиженіи, начавшемся въ самомъ концѣ 19-го вѣка. Его двигателемъ было отчужденіе отъ стараго поколѣнія отцовъ и учителей и стремленіе къ новой, духовно болѣе реальной, душевно болѣе искренней, физически болѣе здоровой, природной, національно болѣе бытовой и живописной жизни. Началось оно въ Штеглицѣ подъ Берлиномъ, но быстро перекинулось и въ соціалистически-проектарскую среду. Несмотря на то, что съ одной стороны вѣроисповѣдныя, а съ другой стороны партійныя органи-

заціи пытались использовать младодвиженіе въ интересахъ культурныхъ формъ и теченій стараго міра, оно въ общемъ и цѣломъ осталось движеніемъ культурническимъ и этически реформистскимъ, чуждымъ конфессіональной узости и партійной нетерпимости. Центръ младодвиженія былъ не въ ученіи, а въ выработкѣ новыхъ формъ жизни и общенія. Главнымъ врагомъ ощущался 'бездушный индивидуализмъ буржуазнаго общества. Чванство и лицемеріе гостинныхъ, хамство конторъ и канцелярій, притворный интересъ ко всему высокому и прекрасному, безразственный морализмъ въ отношеніи между полами, одинаково крѣпкая вѣра въ красоту дѣвичьяго стыда и общественно гигиеническаго значенія проституціи. Къ этимъ моральнымъ мотивамъ присоединялось отталкиваніе отъ «удручающей безстыдности партійно-политической жизни», отъ городской цивилизаціи, отъ духовной непитательности школьнаго образованія, отъ лживости господствующихъ культурныхъ цѣнностей. Слившись воедино, всѣ эти чувства образовали въ нѣмецкомъ младодвиженіи нѣкое сложное, во многомъ очень родственное ранней романтикѣ ощущеніе нѣкоего кануна новой эпохи. Цѣлыми стаями стали слетаться мальчики и дѣвочки въ возрастѣ отъ 14-20 лѣтъ на городскія вокзальныя площади и разбредаться по рѣчкамъ, лѣсамъ и замкамъ заново обрѣтенной ими вѣчной природы и древней родины. Шли эти странныя толпы въ какихъ-то особыхъ антибуржуазныхъ костюмахъ (напоминающихъ форму желторубашечниковъ съ голыми шеями, со знаменами и штандартами, съ мандолинами и гитарами, со старинными народными пѣснями и плясками, съ лютой реформистской ненавистью къ оставленному городу, кинематографу, пыльной тапцулкѣ и всякой иной разлагающей лжи. Въ душахъ у всѣхъ горѣлъ обѣтъ — «творить новую жизнь подъ знакомъ личной отвѣтственности въ свободѣ и правдѣ». На этихъ странствіяхъ (не путешествіяхъ) принципиально аскетическихъ (часто безъ вина, безъ курева) завязывались знакомства съ простымъ народомъ, съ крестьянами, рѣже съ рабочими. На ночныхъ засидкахъ вокругъ костра обсуждались всѣ міровые вопросы: Богъ, родина, общество, любовь, но всѣ эти вопросы сливались въ одинъ — о новомъ человѣкѣ и новомъ органическомъ внутреннемъ взаимно отношеніи между людьми (Gemeinschaft). Изъ этихъ разговоровъ начали постепенно выкристаллизовываться новыя

формы общенія, часто связанныя съ нѣсколькими фантастическими представленіями о германскомъ средневѣковѣ. Постепенно дружескіе кружки стали слагаться въ союзы-содружества; во главу этихъ содружествъ стали выдвигаться вожди. Между вождями безъ выборовъ выбраннымъ и кругомъ друзей начали образовываться сложныя и своеобразныя отношенія. Вождь и наставникъ превращался въ друга и исповѣдника. Развитие шло съ одной стороны по линіи духовно орденской, съ другой — спортивно-военной, захватывая все болѣе и болѣе широкіе слои нѣмецкой молодежи. Разразившаяся война, закончившаяся революціей, не могла, конечно, не отразиться и на движеніи нѣмецкой молодежи. Насколько сильно и почвенно было это движеніе доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что событія 1914-18 г. г. отнюдь не смели его. Наоборотъ, обогатившись военно-революціоннымъ опытомъ, оно разлилось по всей Германіи и явно окрасило своей мыслью и волей культурную и политическую жизнь молодой республики. Безконечно осложнивъ младодвиженіе, война прежде всего развела его членовъ по тремъ разнымъ дорогамъ. Часть молодежи ушла въ религію, избрала ту внутреннюю линію, которую въ русскомъ движеніи принято называть исповѣдничествомъ. Другая страстно ринулась на защиту новой республики: — ушла въ социализмъ и, къ сожалѣнію, быстро подпала подъ вліяніе старшаго поколѣнія и его партійныхъ органовъ. Младосоціалисты (Jungsozialisten) съ трудомъ отстаиваютъ свою самостоятельность; лучшіе нѣмецкіе социалистическіе и коммунистическіе поэты и писатели издаются буржуазными издателями. Третьимъ путемъ энергично пошла національно настроенная буржуазная молодежь, создавшая сразу же послѣ войны союзъ младонѣмцевъ и сформулировавшая уже въ 1919 г. основные пункты своего міросозерцанія. Ядро младонѣмецкихъ организацій составилось изъ людей, которые пошли на войну зрѣлыми и сознательными членами первыхъ младодвиженческихъ организацій, людей, влюбленныхъ въ родину, но равнодушныхъ къ монархіи, людей, исполненныхъ пророческаго чаянія о преобразеніи народной жизни и враждебныхъ буржуазному оцѣпенѣнію, людей братски объединенныхъ вокругъ вольно избраннаго вождя, людей, не лишенныхъ романтической фантастики, но все же и исполненныхъ религіозно-этической серьезности. Война не разрушила ихъ, а, наобо-

ротъ, закалила; въ окопахъ обрѣли они вѣру въ реальность внѣклассовой, общенародной солидарности. Въ ночныхъ атакахъ они научились не опускать глазъ передъ судьбой; умирать — но не сдаваться. Слова о «жертвенной смерти», о «геніи войны» — не превратились для нихъ въ пустыя фразы. Отнюдь не тяготѣя къ старому, не сумѣвшему организовать защиту родины, они, вернувшись съ фронта, не приняли однако и революціи; не столько какъ новаго политическаго строя, сколько какъ тыловой психологіи, какъ отказа отъ тяжелой судьбы: «не желаемъ больше терпѣть». Что младодвиженцы фронтовики были настроены именно такъ, доказываетъ то обстоятельство, что они первыми откликнулись на призывъ правительства Эберта-Шейдеманна оказать вооруженный отпоръ коммунистамъ-спартаковцамъ. Республика, пожелавшая защитить единство нѣмецкаго народа отъ партійнаго сепаратизма, обрѣла въ младодвиженцахъ-фронтовикахъ наиболѣе активныхъ республиканцевъ. Но это единодушіе скоро распалось. По цѣлому ряду причинъ, анализъ которыхъ завелъ бы меня слишкомъ далеко, развитіе младодвиженцевъ фронтовиковъ пошло по линіи все нарастающей враждебности къ республиканско-демократической Германіи. Сущность этой враждебности надо искать не въ различіи политическихъ программъ, а въ различіи душевныхъ укладовъ и настроеній. Въ то время, какъ республиканско-демократическая Германія зачитывалась Ремаркомъ, младодвиженецъ-фронтовикъ съ «праведнымъ гнѣвомъ» отвергалъ эту «хулу на Духа Святого». Не то, чтобы онъ жаждалъ новой войны; нѣтъ, но его возмущало то, что борьба противъ возможности новой войны не гнушается никакими средствами, вплоть до заушенія солдатской доблести и національной чести. Не подлежить никакому сомнѣнію, что среди толпы, требовавшихъ запрещенія фильма Ремарка, было очень много младодвиженцевъ-фронтовиковъ. Утвержденіе большей части лѣвой нѣмецкой прессы, что противъ Ремарка горланила только «улица», конечно, не вѣрно. Улица — улицей; во всемъ, что происходитъ на улицѣ есть всегда доля «улицы». Но кромѣ того въ этомъ протестѣ была и святая святыхъ вѣчной памяти жертвамъ войны. Надо жить въ Германіи, чтобы видѣть до чего страстна и напряженна сейчасъ въ ней борьба между людьми готовыми предать метафизику войны — политикѣ и людьми, требующими отъ всякой политики за-

щиты метафизики войны, между людьми. для которых война бессмысленная бойня и людьми, для которых она, если и не Судь Божій - то все же великая и глубокая историческая судьба *).

Тутъ коренится и расхождение націоналистической молодежи съ республикой. Программа этой молодежи мало продумана и даже путана, но въ своихъ инстинктахъ очень опредѣленна и тверда. Уже въ 1919 г. на съѣздѣ въ Лауенштейнѣ авангардъ этой молодежи установилъ въ лицѣ союза «младонѣмцевъ» рядъ положеній, которые были впоследствии приняты и разными другими национальными организациями вплоть до «нѣмецкой національно-соціалистической рабочей партіи». Эти положенія суть: 1) борьба противъ порожденной революціей партійно-демократической государственности; 2) стремленіе къ преодолѣнію классовой розни въ пользу сверхклассоваго народно-національнаго единства (*wahre Volksgemeinschaft*); 3) созданіе «велико-германскаго», основаннаго на народно-племенномъ единствѣ государства со включеніемъ въ него австрійскихъ и судетскихъ нѣмцевъ; 4) преодоленіе розни между католиками и протестантами, единая народная церковь **).

Если въ нѣкоторыхъ университетахъ сейчасъ насчитывается до 80-90% національ-соціалистовъ, то причину этого надо искать не во вліяніи Гитлера на нѣмецкую академическую молодежь, а въ томъ, что политически-конкретный активизмъ національ-соціалистической партіи и внѣшне оформилъ рѣзко антибуржуазныя, національно-героическія настроенія нѣмецкаго пореволюціоннаго младодвиженства. Не Гитлеръ создалъ, такимъ образомъ, національ-соціалистическое теченіе среди нѣмецкой академической молодежи, а, наоборотъ: — своеобразное національ-народничество нѣмецкаго младодвиженства было одною изъ наиболѣе духовныхъ и благородныхъ силъ, способство-

*) Быть можетъ самый болѣзненный узелъ нѣмецкой трагедіи заключается въ томъ, что метафизически улупленные люди въ своемъ большинствѣ — политическіе слѣпцы, а политически зрячіе — въ своей массѣ пошляки

**) Психологія «младонѣмцевъ» ближе къ психологій лучшихъ представителей Галлиполиѣства, чѣмъ къ психологій младороссовъ, уже приближающихся, несмотря на свой легитимизмъ, къ фашизму и національ-соціализму.

вавшихъ побѣдъ вулгарнаго національ-соціализма. Не думаю, чтобы союзъ между національ-народничествомъ и партійнымъ національ-соціализмомъ былъ долготъ и прочистъ. Еще недавно слышалъ я, какъ очень юная студентка, блѣлая кофточка которой была заколота булавкой съ изображеніемъ расистскаго креста, со слезами на глазахъ и съ пылающими щеками негодовала на національ-соціалистовъ, за то, что они правое дѣло молодежи защищаютъ глупыми, старыми средствами. Рѣчь шла о дѣйствительно нелѣпомъ сообщеніи центральнаго національ-соціалистическаго органа, будто бы врачъ еврей отказался перевязать національ-соціалиста, раненаго въ схваткѣ съ коммунистами. То, что національ-народническое молододвиженіе частично, по крайней мѣрѣ, слитось съ національ-соціалистической демагогіей объясняется, кромѣ какъ общностью нѣкоторыхъ міросозерцательныхъ положеній, еще и тою напряженностью оскорбленнаго національнаго чувства, которая такъ велика и остра сейчасъ во многихъ кругахъ Германіи. Отставленные, не только раненыя, но и здоровые офицеры, старые чиновные служаки, профессора стараго закала, раззорившіеся помѣщики и ихъ вѣрные слуги, одними словомъ цѣлая армія старорежимныхъ людей, объединенныхъ, несмотря на всю разницу своего образовательнаго ценза и соціальнаго положенія весьма характернымъ для довоенной Германіи общимъ признакомъ «презрѣніе къ политикѣ», какъ къ грязному дѣлу, все еще не можетъ понять, какъ это могло случиться, что Германія все время выигрывала битвы и все-же оказалась разбитой наголову. Ихъ какъ каленымъ желѣзомъ жжетъ оскорбленіе за то, что святыни крови и духа, что творили военные подвиги, были въ концѣ концовъ загнаны въ непонятный имъ тупикъ политическаго конъюнктуризма и позорно умучены въ немъ. Интересно, что патріархальныя семьи, въ которыхъ дѣды и отцы волнуются такими чувствами, а дѣти носятъ національ-соціалистическіе значки, — самыя, въ своей внутренней жизни счастливыя нѣмецкія семьи, не знающія розни отцовъ и дѣтей. Они живутъ бѣдно, но порядливо; не потребляютъ никакихъ привозныхъ товаровъ, не покупаютъ ничего въ универсальныхъ магазинахъ («еврейскія акціонерныя общества»); презирая радіо и граммофонъ, составляютъ домашніе тріо и квартеты; читаютъ Бисмарка, Ранке, Шпенглера и Гитлера. Будучи антисемитами, они,

конечно, отклоняють всякое государственное насилие надъ еврействомъ, но требуютъ организованной самозащиты германскаго духа путемъ бойкота еврейскихъ газетъ и еврейской эстрады.

Таковы главныя силы того національ-соціалистическаго повѣтрія, которыя содѣйствовали побѣдѣ расистовъ на послѣднихъ выборахъ въ Рейхстагъ.

Разсмотрѣвъ идеологию и программу національ-соціалистической партіи и намѣтивъ тѣ многообразныя міросозерцательныя психологическія теченія, которыя поддерживали расистовъ 14-го сентября, намъ необходимо коснуться вопроса организаціи національ-соціалистическаго движенія. Надо сказать прямо: насколько Гитлеръ неумень, грубъ и произволенъ, какъ теоретикъ и идеологъ, настолько онъ чутокъ и талантливъ какъ организаторъ. Его основной организаціонный принципъ, развиваемый имъ въ его книгѣ, сводится къ положенію, что количество организованныхъ партійцевъ и количество сочувствующихъ партійной организаціи людей -- величинами обратно пропорціональныя. Чѣмъ больше партія, тѣмъ выше въ ней процентъ негодныхъ элементовъ, тѣмъ больше ея шансы на самоскомпрометтированіе. Отсюда стремленіе къ очень крѣпкой, военно-авторитарной организаціи, въ члены которой молодые люди принимаются по всестороннему испытыванію ихъ «личной годности». Съ утвержденіемъ строгой военной дисциплины національ-соціалистическая организація соединяетъ требованіе самостоятельности и находчивости. Съ большимъ умомъ использовалъ Гитлеръ въ своихъ организаціяхъ и въ организаціи воздѣйствія своихъ организацій на массы всѣ мотивы массовой и въ особенности пореволюціонной массовой психологій.

Съ хорошею зоркостью подмѣтилъ и въ нѣсколькихъ сатирическихъ главахъ своей книги талантливо описалъ онъ зеленую скуку всѣхъ политическихъ, въ особенности Гугенберговскихъ осюптученныхъ и омонокленныхъ собраний. Правильно услышалъ и ловко учелъ убыль идеалистическаго утопизма въ рядахъ социаль-демократической партіи. Даже такой убѣжденный социаль-демократъ, какъ де-Маннъ, подчеркиваетъ, что при всей наивности и непутевости политическихъ желаній стоя-

щихъ за національ-соціалистами массъ. въ желаніяхъ этихъ массъ таится правильное чувство уничтоженности личности въ парламентски-партийномъ механизмѣ современности. Надо отдать справедливость Гитлеру, что онъ, какъ никто сумѣлъ использовать тягу массы къ вождю, безличія къ личности. Подобравъ и воспитавъ рядъ близкихъ себѣ по духу вождей, окруживъ себя и ихъ кольцомъ преданныхъ друзей, на вербовавъ очень хорошо оплачиваемыхъ тѣлохранителей, одѣвъ своихъ отважныхъ, обученныхъ боксу и приемамъ японской борьбы «молодцовъ» (meine Jungens) въ ловкую походную форму и снабдивъ свое воинство знаменами и оркестрами, Гитлеръ двинулся въ избирательный походъ не только въ качествѣ вождя политической партіи, но и въ качествѣ главы какого-то массоваго народнаго дѣйства. Антреприза національ-соціалистовъ была самой богатой и безусловно самой талантливой. Во всѣхъ городахъ они снимали по нѣскольку, всегда самыхъ лучшихъ и самыхъ большихъ помѣщеній. У нихъ показывались самыя забавныя чучела — француза, капиталиста, еврея. Ихъ разукрашенные грузовики, перегруженные нарядною молодежью, летали, развѣвая знамена по всѣмъ улицамъ города. Стройные, подтянутые, живописные юноши всюду разбрасывали листовки. Гремѣла музыка.

Вечеромъ все это звонкое, тревожное и увлекающее волненіе перерождалось въ страстное напряженіе громадныхъ (до 6-7 тысячъ слушателей) митинговъ. Гитлеровскія рѣчи, не производящія въ чтеніи никакого впечатлѣнія, рѣшительно гипнотизировали массу. Достигалъ Гитлеръ такого вліянія своею исключительною медіумичностью. Его рѣчи захватывали массы потому, что обращаясь къ массамъ, онъ отдавался имъ, не боясь ни хаоса, ни бойни. Эта демагогическая самоотдача не была для него однако ложью: вѣдь исторію дѣлаютъ личности; задача же массы — вынести вождя на то мѣсто, съ котораго онъ сможетъ начать свой творческій путь. Предвыборная психологія Гитлера и его друзей была очевидно такова: лишь бы вынести, а тамъ осмотримся. Анализъ главныхъ національныхъ соціалистическихъ рѣчей въ Рейхстагѣ подтверждаетъ правильность этого утвержденія. Снисходя до скоморошества и часто гоняясь за политическимъ райкомъ, національ-соціалисты ни на минуту не переставали говорить объ «идеѣ», противопоставляя свою святую вѣ-

ру въ нее мелкотравчатой корысти всѣхъ остальныхъ партій. Каждое избіеніе національ-соціалиста коммунистомъ или полицейскимъ, они мастерски раздували въ громадное событіе, талантливо создавая вокругъ жертвъ своей предвыборной борьбы героическую атмосферу мученичества и исповѣдничества. Причемъ они въ своихъ газетахъ и листовкахъ не только озлобленно и трафаретно ругали враговъ, какъ то дѣлали коммунисты, но съ гнѣвною скорбью оплакивали павшихъ друзей, клянясь «отомстить и побѣдить». Все это продѣлывалось не безъ нѣкоторой пошловатой сентиментальности, но все это и свершалось съ подлиннымъ чувствомъ. Во всемъ было много сознательнаго разсчета, но во всемъ былъ и бессознательный самообманъ. Во время выборовъ національ-соціалисты безчинствовали не хуже коммунистовъ, но въ обществѣ часто слышалось: «бѣдные національ-соціалисты, какъ жестоко расправляется съ ними полиція». Думаю, что въ этомъ сочувствіи къ національ-соціалистамъ, борцамъ за свободу Германіи, своеобразно преломлялась жалость многихъ социальны и экономически сниженныхъ нѣмцевъ къ самимъ себѣ. Уже упоминавшійся де Маннъ вѣрно указываетъ на то, что внезапное обостреніе націоналистическихъ чувствъ въ мелкобуржуазной средѣ объясняется прежде всего быстрымъ и неудержимымъ сниженіемъ ея жизненнаго уровня; говоря языкомъ Маркса — ея пролетаризаціей. Человѣкъ не можетъ опускаться сразу во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы жить и дѣйствовать ему необходимо объективно неизбѣжное сниженіе своей жизни компенсировать представленіемъ о ея одновременномъ повышеніи въ какомъ либо другомъ направленіи. Та компенсація, которую создалъ для пролетаріата Марксъ своимъ ученіемъ о пролетаріатѣ, какъ объ избранномъ классѣ, которому суждено ввести человечество въ царство международной солидарности и внѣклассоваго государства для мелко-буржуазнаго сознанія, въ его нынѣшней стадіи, по крайней мѣрѣ, непріемлема. Потому было необходимо перенести компенсирующее представленіе о грядущемъ восходѣ изъ сферы социальной, въ сферу національную: «да, мы раззорены, мы съ каждымъ днемъ опускаемся все ниже и ниже, но мы все вынесемъ и вытерпимъ, дабы наши дѣти, расквитавшись съ врагами, могли-бы войти въ «царство свободы».

Надо отдать справедливость Гитлеру, что въ своей пред-

выборной агитаціи онъ съ большимъ мастерствомъ пользовалъ весьма сложную психологическую конъюнктуру современной Германіи.

Въ заключеніе нѣсколько словъ анализа и критики.

Расисты называютъ себя «нѣмецкой, національ-соціалистической рабочей партіей». Мнѣ кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эта партія и не нѣмецкая, и не національная, и не социалистическая, и не рабочая.

Типично-нѣмецкою партію національ-соціалистовъ нельзя считать потому, что отличительной чертой нѣмецкаго духа являются: метафизичность, философичность, музыкальность, очень большая (часто ложная) сложность, индивидуалистичность и главное — широкая открытость навстрѣчу всему чужому и инородному (съ этими чертами связанъ органическій гуманизмъ и космополитизмъ лучшихъ нѣмцевъ типа Лессинга и Гете). Вся эта Германія (болѣе близкая Греціи, чѣмъ Риму) національ-соціалистами не ощущается и за ними не стоитъ. Въ книгѣ Гитлера есть характерная фраза: «юноша, занимающійся сейчасъ философіей — не нѣмецкій юноша!» Вѣрно какъ разъ обратное: лучшие нѣмецкіе юноши занимаются сейчасъ философіей и богословіемъ, Гейдеккеромъ и Бартомъ. Духовный уровень Гитлера и всего созданнаго имъ движенія не по нѣмецки низокъ и убогъ. Существуетъ преданье, что, когда древніе германцы крестились, они высовывали изъ рѣки руку, въ кулакѣ которой былъ зажатъ мечъ, дабы эта рука осталась не крещеной. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что міросозерцаніе Гитлера родилось не въ нѣмецкой головѣ, а въ некрещенномъ германскомъ кулакѣ.

Зная, хотя бы только поверхностно Германію, нельзя не присоединиться къ мнѣнію Томаса Манна, что «изъ такого стараго, зрѣлаго, многоопытнаго и о многомъ взыскающаго культурнаго народа, какъ нѣмцы, у которыхъ за плечами сложнѣйшія духовныя и душевныя приключенія, которыя создали міровую, высокую классику, глубокую и утонченную романтику, Гете, Шопенгауэра, Ницше, и у которыхъ въ крови возвышенная бользнь Вагнеровскаго Тристана... никакими средствами нельзя создать примитивнаго, чистокровнаго, умою и сердцемъ незатѣй-

ливаго, голубоглазо-послушного, каблуками постукивающего народа» *).

Не лучше обстоит дѣло съ моментомъ націи. Своеобразие національ-соціалистическаго націонализма совершенно очевидно заключается въ отрицаніи идеи націи, и даже больше: въ отсутствіи ощущенія того весьма сложнаго единства, которое именуется націей. Вся сущность расистской концепціи сводится къ отрицанію націи въ пользу расы, рода, племени. Нац.-соціалисты просто на просто не видятъ, что тѣ образованія, которыя мы именуемъ европейскими націями, являются продуктами очень сложнаго взаимодействія весьма разныхъ расъ и племенъ; объединеніями, отнюдь не природными, но историческими, въ которыхъ языкъ, ликъ родившей тебя земли, образъ взлѣтѣвшей тебя культуры, играютъ гораздо большую роль, чѣмъ весьма проблематическое понятіе крови. Национализмъ національ-соціалистовъ подлинно зоологическій расизмъ, на которомъ никакой культуры и никакого государства никогда, конечно, не построить.

Еще очевиднѣе обстоит дѣло съ двумя послѣдними пунктами. Никакими ухищреніями націоналистической мысли изъ прусской государственности, основанной на работѣ, долгѣ и службѣ соціалистическаго строя не выгонишь. Главное, что мѣшаетъ національ-соціалистамъ понять проблему социализма это то, что они вмѣстѣ со Сталинымъ (но только не по окончательному коммунистическому отчаянью, а по изначальному націоналистическому чаянію) защищаютъ социализмъ въ одной странѣ (*wirtschaftliche Autarkie*), не понимая, что главная хозяйственная проблема социализма заключается въ разрѣшеніи проблемы мірового рынка, въ приуроченіи національнаго производства къ международному рынку.

О томъ, что національ-соціалисты не рабочая партія, не стоитъ и говорить; это уже достаточно выяснено въ главѣ о социальной природѣ расизма. Называть себя рабочею партіей національ-соціалисты могутъ лишь въ смыслѣ подчеркнутаго указанія на то, что они хотѣли бы таковыми стать, что они видятъ свое назначеніе въ борьбѣ противъ теоріи и практики классовой борьбы и въ націонализациі души нѣмецкаго рабочаго. Но и этого сво-

*) Deutsche Ansprache von Thomas Mann. S. Fischer Verlag. Berlin. 3v.

его назначенія національ-соціалистамъ не исполнить. Что касается ихъ борьбы противъ раздуванія классовой вражды, то нельзя не видѣть, что ее гораздо успѣшнѣе ведетъ социаль-демократія, которую національ-соціалисты заодно съ коммунистами злобно ругаютъ, «за предательство интересовъ рабочаго класса буржуазіи». Что же касается націонализации души нѣмецкаго рабочаго, то вѣдь на голомъ антисемитизмѣ и франкофобствѣ этой сложной задачи не разрѣшишь.

Но если дѣло національ-соціализма обстоитъ такъ печально, то чѣмъ же все-таки объяснить его успѣхъ? Большинство недоброжелателей объясняетъ его просто на просто психологіей «отчаянія», которая, разочаровавшись во всемъ извѣстномъ, хватается за все еще невѣдомое, неиспытанное. Объясненіе это вѣрно, но недостаточно. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Германія повернулась лицомъ къ національ-соціалистамъ на томъ же основаніи или такъ же неосновательно, какъ больной и его родственники, разочаровавшись во врачахъ, обращаются къ знахарямъ и гадалкамъ. Это вѣрно, но недостаточно. Нельзя не видѣть, какъ на то правильно указываетъ Юніусъ Альтеръ *), что за національ-соціалистовъ голосовало не только отчаяніе, не только страхъ за будущность, страхъ передъ безработицей и безработными, но и жажда широкихъ слоевъ нѣмецкаго народа, жажда массы — принять творческое участіе въ созиданіи духовно-культурнаго и политически соціального образа грядущей Германіи. Эту жажду уловилъ и удовлетворилъ національ-соціализмъ. При всей, только что подчеркнутой ложности расистскаго міросозерцанія, ему все же нельзя отказать въ цѣлостности, рельефности, широтѣ и смѣлости. Созданное для массы, оно массамъ видно издалека. Въ этомъ его громадное агитационное достоинство. Главная причина побѣды національ-соціализма безусловно заключается въ томъ, что это враждебное философіи и культурѣ теченіе облекло свою политическую проповѣдь въ форму философіи культуры, созвучной по своему смыслу кровотокащей, бредящей, неуравновѣсненной душѣ пореволюціонной Германіи.

*) Junius Alter: Nationalisten. Verlag von K. F. Rochler in Leipzig.

Одержатъ или не одержатъ побѣду національ-соціалисты — сказать трудно и гадать ни къ чему. Ясно одно. Побѣда эта была-бы величайшимъ несчастіемъ, которое вообще можетъ разразиться не только надъ Германіей, но и надъ всей Европой. Для ея предупрежденія необходимо пересмотрѣть Версальскаго договора, на предметъ экономическаго оздоровленія Германіи, но въ первую очередь отказъ союзниковъ отъ того нелѣпаго пункта Версальскаго договора, который возлагаетъ всю отвѣтственность за войну на одну Германію. Политически этотъ моралистическій пунктъ союзникамъ ничего не даетъ, агитаціонная же роль его въ Германіи весьма велика и вредна. «Лучшій залогъ мира», — говоритъ Томасъ Маннъ, — «душевное здоровье нѣмецкаго народа». Душевному же оздоровленію Германіи ничто такъ не мѣшаетъ, какъ утвержденіе ея какой-то особой и исключительной вины. Чтобы понять это, надо только вдуматься въ гениальную повѣсть Клейста «Michael Kohlhaas». Среди нѣмцевъ очень много Kohlhaas'овъ, т. е. людей на смерть раненыхъ неутолимой жадной абсолютной справедливости.

Но кромѣ этого необходимо еще и другое, необходимо, не уступая ни одного грамма подлиннаго народоправства цезарскимъ вождельніямъ диктаторскаго фантазерства, какъ-то обновить и углубить формы современнаго демократизма. Смертные грѣхи западно-европейской демократіи, о которыхъ сейчасъ такъ много говорятъ не худшіе изъ демократовъ и которые можно отрицать только по слѣпости, заключаются въ порванности тріединой связи между демократіей и идеей, демократіей и личностью, демократіей и массой. Всѣмъ демократамъ надо твердо помнить, что только черезъ возстановленіе этой связи возможна побѣда демократіи надъ соблазномъ диктатуры. Всѣмъ же врагамъ демократіи, склоннымъ защищать диктатуру, какъ единственно органическую связь идеи, личности и массы, хорошо бы понять, что внѣ того строгаго ограниченія воли каждаго общею волею, въ котсромъ въ послѣднемъ счетѣ и заключается принципъ демократіи, вообще невозможно создать политическаго міросозерцанія, чуждаго произволу, политическаго водительства, чуждаго демагогіи и массовой организаціи, не толкающей массы въ сторону бандитизма.

Всѣ эти вопросы касаются не только Германіи и національ-соціализма, но прежде всего Россіи и тѣхъ русскихъ идей и организацій, которыя тяготеютъ къ фашистски-націоналистическому переоформленію распадающагося коммунизма.

Н. Лугановъ.

Проблемы будущей Россіи

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.

1. Диктатура *).

Вся проблематичность конструкции власти въ будущей Россіи вытекаетъ изъ неясности ликвидаціонныхъ процессовъ революціи. Та сила, которая сыграетъ наиболѣе активную роль въ сверженіи коммунистической диктатуры, несомнѣнно, сохранитъ надолго руководящее значеніе въ судьбахъ страны. Выйдутъ ли ликвидаторы изъ нѣдръ самой партіи, проведя «спускъ на тормозахъ» и сохранивъ символику Октября? Закончится ли дѣло всероссійскимъ погромомъ большевиковъ и попутчиковъ? Вмѣшаются ли международныя силы, а черезъ ихъ голову — въ случаѣ войны — бѣлая эмиграція? Всѣ эти различныя рѣшенія кризиса до извѣстной степени предопредѣляютъ различныя системы по-революціонной власти. Впрочемъ, не единообразно и не длительно. Партійная диктатура перерождается въ личную, установленная для Европы демократическая монархія, весьма вѣроятно, переродится въ абсолютизмъ.

За хаосомъ бури историческая интуиція можетъ прозрѣвать формы наиболѣе устойчивыя и наиболѣе соответствующія народному сознанію сегодняшняго дня. Интуиція, конечно, обманываетъ. Въ прорѣхи рвущейся соціальной ткани глядится собственная политическая воля, не очищенная отъ страстей. Это неизбѣжно. Но горькій опытъ разбитыхъ иллюзій, но страданія родины требуютъ самоотреченія. Тамъ, гдѣ разуму ясенъ голосъ необходимости, предъ нимъ склоняется мечта. Для тѣхъ, кто не можетъ

*) Редакція, оговаривая свое несогласіе съ Г. Федотовымъ по вопросу о диктатурѣ, предполагаетъ вернуться къ этой темѣ въ ближайшей книжкѣ. **Ред.**

привести свою совѣсть въ согласіе съ необходимостью, долѣе требуетъ отказа отъ политической борьбы.

Наиболѣе общей чертой въ нашихъ гаданіяхъ о будущемъ является предпосылка неизбѣжности диктатуры. Одни желали бы увѣковѣчить эту форму, видя въ ней послѣднее слово политической мудрости. Другіе стремятся свести ее къ *minimum*у во времени и функціяхъ. На чемъ основана эта общая, нерѣдко молчаливая предпосылка?

Было время, когда идея диктатуры вызывалась призракомъ — или реальностью — анархіи. Пока народъ праздновалъ свою «дикую волю», казалось, нужна была желѣзная рука, чтобы ввести въ берега его половодье. Но эта рука нашлась не тамъ, гдѣ ея ждали. Ленинъ былъ злымъ смирителемъ народной воли. Съ тѣхъ поръ народъ показываетъ такую степень покорности, которая приводитъ въ отчаяніе всѣхъ друзей порядка. Конечно, анархія еще возможна — въ случаѣ насильственной развязки. Но не на ней строятся расчеты диктатуры. Они строятся теперь именно на этой безграничной покорности народа.

За 13 лѣтъ народъ явилъ разительныя доказательства безсилія защищать свою волю и свое право. Онъ не пошевелилъ пальцемъ, чтобы защитить избранное имъ Учредительное Собраніе. 13 лѣтъ онъ пассивно смотритъ, какъ воля его фальсифицируется въ избирательной системѣ Совѣтовъ, позволяя говорить отъ своего имени продажнымъ или враждебнымъ ему отщепенцамъ. Онъ живетъ въ режимѣ неслыханнаго террора, едва ли сознавая исключительность этого положенія. Онъ даетъ энергичному меньшинству мять себя, какъ глину, вить изъ себя веревки.

Эта пассивность массъ не можетъ не искушать людей, одаренныхъ волей къ власти и лишенныхъ правового сознанія. Она дѣлаетъ диктатуру неизбѣжной. Значитъ ли это, что она ее оправдываетъ? До извѣстной степени, дѣ. Если власть не можетъ опираться въ своей самозащитѣ на правовое чувство націи, она вынуждена опереться на силу. Иначе она будетъ сметена первымъ же авантюристомъ, достаточно безсовѣстнымъ, чтобы поставить свою похоть выше права. Другими словами, въ этомъ случаѣ почти стирается различіе въ методахъ управленія между властью легальной и властью тиранической, и ея социальная природа выразится именно въ методахъ управленія, а

не въ правовыхъ фикціяхъ. И демократія*) сейчасъ въ Россіи возможна лишь съ методами диктатуры.

Диктатура въ Россіи вызывается тѣми же причинами, которыя дѣлали необходимымъ въ теченіе столѣтій самодержавіе. Революція измѣнила здѣсь многое, но измѣнила недостаточно. Интеллектуальному росту народнаго сознанія не соотвѣтствуетъ уровень общественно-моральнаго воспитанія. Здѣсь большевики оказываются воспитателями и развратителями одновременно. Искушая призывомъ къ общественности, провоцируя социальную активность, они убиваютъ ее въ создаваемой ими атмосферѣ предательства, трусости, шкурничества. Поколѣніе, 13 лѣтъ пресмыкающееся передъ Че-Ка, никогда не будетъ свободнымъ. Свобода можетъ быть лишь надеждой его дѣтей.

Быть можетъ, въ царской Россіи массы представляли еще болѣе удобную почву для деспотизма. Но въ царской Россіи была вліятельная прослойка интеллигенціи, которая держала въ своихъ рукахъ прессу, самоуправленіе, общественное мнѣніе; держала подъ угрозой саму власть. И эта интеллигенція была одушевлена почти религіознымъ пафосомъ свободы. Въ новой Россіи классъ полуинтеллигенціи сталъ болѣе многочисленнымъ и еще болѣе вліятельнымъ. Но онъ пересталъ понимать, что такое свобода. Самое страшное, что произошло въ Россіи — это не истребленіе милліоновъ жизней и огромныхъ матеріальныхъ цѣнностей, — это вытравленіе чувства свободы. Отъ Радищева до Керенскаго три или четыре поколѣнія политической борьбы — все пошло на смарку. Мы вернулись, политически, — въ обстановку 17 вѣка. Что болѣе всего поражаетъ насъ въ молодежи, пріѣзжающей изъ Россіи? Ея неспособность цѣнить свободу. Съ недоумѣніемъ или презрѣніемъ смотритъ она на европейскія правительства, которыя, вмѣсто того, чтобы душить по тюрьмамъ своихъ враговъ, предоставляютъ къ ихъ услугамъ газеты, улицу, партійныя организаціи. О чемъ мечтаетъ она, ненавидя большевиковъ? О томъ, чтобы замѣнить ихъ болѣе пригодными людьми, марксизмъ — научной филосо-

*) Въ виду многозначности слова «демократія» приходится употреблять его въ трехъ смыслахъ: 1) существующаго въ Европѣ парламентарно-демократическаго режима; 2) свободнаго, правового государства; 3) народовластія вообще, во всемъ разнообразіи его историческихъ формъ.

фіей или истинной религіей. Свобода и для враговъ кажется ей безсмыслицей. Но эта молодежь, ея идеалы — будущее Россіи. У свободы въ Россіи, внѣ малаго круга старой интеллигенціи, нѣтъ никакихъ защитниковъ.

Есть одинъ — въ сущности только одинъ — фактъ, который причинную необходимость диктатуры можетъ превратить въ необходимость цѣлесообразную. Это спутанный узелъ національныхъ проблемъ. Русскому народу придется еще многіе годы вести отчаянную борьбу за сохраненіе единства Россіи. Въ этой борьбѣ побѣда возможна лишь при сохраненіи внутренняго единства націи. Вотъ почему Россія не можетъ въ ближайшіе годы позволить себѣ роскошь свободной политической борьбы, которая, на ея еще горячей почвѣ, всегда рискуетъ превратиться въ междоусобіе.

Итакъ, диктатура. Это значитъ, что власть въ Россіи будетъ принадлежать лицу или группѣ лицъ, которая будутъ править сю фактически независимо отъ выраженной народнои воли (хотя учитывая ея и, можетъ быть, даже облекаясь въ ея легальныя формы). Это лицо или лица будутъ указаны самимъ исходомъ борьбы за власть, устраняющимъ всѣхъ побѣжденныхъ конкурентовъ. Они не могутъ быть предъказаны, избраны, предложены странѣ. Здѣсь почти все принадлежитъ историческому счастью, року или Провидѣнію. Какъ монархія ставитъ судьбу государства въ зависимость отъ случайностей рожденія или наслѣдственности въ предѣлахъ одного рода, такъ революція ставитъ народъ передъ случайностью геніальныхъ или бездарныхъ вождей, отъ которыхъ зависитъ его судьба.

По своей структурѣ диктатура можетъ быть единоличной, партійной или монархической. Оставляя вопросъ о монархіи до слѣдующей главы, рассмотримъ диктатуру партійную.

Если подъ ней разумѣть диктатуру коммунистической партіи, то продолженіе ея въ Россіи, и при измѣнившихся социальныхъ тенденціяхъ, вполне возможно. Это будетъ, впрочемъ, уже псевдо-коммунистическая партія, для которой ся выплѣтшіе лозунги будутъ становиться все большей помѣхой. Долженъ настать день, когда они будутъ, наконецъ, убраны, и маскарадъ окончится. Но еще задолго до этого момента партійная диктатура превратится въ единоличную. Можетъ быть, этотъ моментъ уже на-

ступилъ въ Россіи. Все показываетъ, что партія уже износилась, какъ самостоятельная политическая форма, хотя функционируетъ, какъ политическій аппаратъ.

Но сейчасъ рѣчь идетъ о другой возможности: о новой партіи, о національной партіи, которая смѣнитъ коммунистовъ, сохранивъ ихъ политическую систему. Это проектъ русскаго фашизма, съ наибольшей яркостью выдвинутый евразійствомъ.

Фашистскій проектъ намъ представляется наиболѣе утопическимъ и наиболѣе вреднымъ вариантомъ русской диктатуры. Всюду, гдѣ удастся фашизмъ, онъ побѣждаетъ, какъ революція, несущая бурную пѣну радикальных и реакціонныхъ страстей. Огромное народное волненіе, потребность коренной ломки являются предпосылками фашизма. У него съ коммунизмомъ слишкомъ много общихъ корней. Въ фашизмѣ, въ его организаціяхъ молодежи, изживающей себя та же самая буйная, тираническая активность, что и въ русскомъ комсомолѣ. Возможно ли раздуть догорающій пепелъ революціи въ новый пожаръ? Ввергнуть въ новую революцію страну, едва живую отъ тринадцатилѣтней революціонной горячки? Это противорѣчило бы всѣмъ предпосылкамъ народной психологіи. Не только масса, но и активное меньшинство уже выдыхается, уже проситъ покоя, тянется къ личной жизни. Оно можетъ поддерживать деспотическую власть, но не власть революціонную, безъ передышки играющую на нервахъ. Не власть идеологовъ. Довольно политграмоты, довольно агитпросвѣтовъ. Для Россіи сейчасъ это кушаніе столь же питательно, какъ касторовое масло. Но для нея сейчасъ оно было бы и самымъ вреднымъ политическимъ блюдомъ. Власть идеологовъ означала бы новое удушье русскаго творчества. Клинь не всегда вышибается клиномъ, и послѣ марксистскаго отравленія отравляющая евразійская или иная, въ лошадиныхъ дозахъ, въ государственномъ масштабѣ, могла бы просто прикончить русскую культуру. Совершенно безотносительно къ % содержащейся въ ней истины, если бы даже этотъ % былъ доступенъ вычисленію. Самый фактъ огосударствленія мысли, науки, искусства означаетъ ихъ медленную смерть — поскольку рѣчь идетъ о высшихъ видахъ творчества, а не о декоративныхъ или утилитарныхъ его разновидностяхъ.

Но и единоличная диктатура можетъ имѣть самое различное политическое и социальное содержаніе. Ея социаль-

ное содержаніе довольно однозначно опредѣляется самыми противоположными теченіями современной Россіи. Но ея политическое лицо? Станетъ ли она мостомъ къ монархіи или къ демократіи, или же будетъ стремиться увѣковѣчить себя, какъ политическую форму?

Благо Россіи — какъ мы его понимаемъ — въ томъ, чтобы грядущая диктатура имѣла демократическое содержаніе. Это значитъ, поставила бы своей цѣлью привести народъ къ демократіи. Будетъ ли она дѣйствовать съ соблюденіемъ демократической легальности, не важно. Это, можетъ быть, и нежелательно, ибо легальность покупается цѣною лицемернаго извращенія института. Лучше не устраивать выборовъ, чѣмъ подтасовывать ихъ, лучше не имѣть парламента, чѣмъ имѣть подкупленный парламентъ. Демократическій характеръ диктатуры въ томъ, что ея цѣль (какъ римской легальной диктатуры) — сдѣлать себя ненужной. Она должна готовиться къ будущему, когда сможетъ передать власть народу. Но горе ей, если она швырнетъ эту власть въ пространство, и не найдетъ рукъ, способныхъ ее принять. Это значитъ, власть достанется новому диктатору, достаточно жадному до нея или нафанатизированному идеей, который не отдастъ ее никому добровольно. Тогда изживаніе диктатуры потребуетъ новой революціи.

2. Монархія или республика?

Съ извѣстной точки зрѣнія, мы будемъ правы, утверждая, что этотъ вопросъ для современной Россіи лишень актуальности. Принципіально онъ интересуеть лишь немногихъ доктринеровъ — или рыцарей идеи. Въ котлѣ революціи перекипѣли вѣковыя политическія страсти. Современное поколѣніе въ Россіи приметъ всякую власть, которая обезпечитъ ей минимумъ свободы — не политической, а гражданской: бытовой, хозяйственной, культурной. Если бы чудомъ Россіи свалилась съ неба монархія, обезпечившая ей этотъ минимумъ, она, вѣроятно, не встрѣтила бы сопротивленія. Честные люди всѣхъ отѣнковъ политической мысли объединились бы съ ней для сотрудничества въ общемъ національномъ дѣлѣ. Продолжая разсуждать теоретически, можно указать даже на нѣкоторые преимущества, связанныя съ монархической формой именно для по-революціонной Россіи.

Прежде всего, монархія облегчила бы, безспорно, труднѣйшую задачу построения Россійскаго Союза. Народы менѣе подозрительно относятся къ чужеземной династїи, чѣмъ къ гегемонїи чужого народа. Самолюбія окраинныхъ патріотовъ, которые оскорбляются зависимостью отъ Петербурга или Москвы, могли бы скорѣе примириться съ великимъ княземъ Кіевскимъ или ханомъ Азербейджанскимъ. Сама династія, въ личныхъ интересахъ, могла бы легче освободиться отъ ограниченнаго шовинизма господствующей народности, чѣмъ демократическіе политики, вышедшіе изъ среды этой народности. Династія всегда менѣе національна, чѣмъ народъ. Династіи новой Европы, вообще, отличаются большою долей космополитизма. Габсбургамъ было легче понять національныя требованія эпохи, чѣмъ нѣмецкимъ націоналистамъ Вѣны или Тироля.

Другое преимущество монархіи для Россіи заключалось бы въ ея возможной культурной роли: центра кристаллизаціи культурнаго меньшинства. Въ томъ демократическомъ разливѣ, который грозитъ затопить въ Россіи всѣ культурныя высоты, независимая монархія могла бы сдѣлаться спасительнымъ островкомъ не только для родовой, но и для духовной аристократіи. Многія формы культуры были бы спасены, какъ формы роскоши, необходимой для монархическаго престижа. Возникшіе изъ придворныхъ потребностей Эрмитажъ и балетъ вновь укрылись бы при дворѣ отъ угрожающаго духа времени. У дворцоваго вѣдомства могли бы найтись деньги не только на содержаніе конюшенъ, но и на пенсіи для поэтовъ.

Но все это мечты — во вкусъ 18 вѣка. Въ Россіи 20-го они неизбежно обернутся вредной или комической утопїей. Это станетъ яснымъ, если мы будемъ разсматривать не монархію, какъ абстрактную форму, а народъ, какъ носителя монархическаго сознанія, и династію, воплощающую монархическій принципъ.

Быстрое и почти безслѣдное исчезновеніе монархической идеи является однимъ изъ самыхъ разительныхъ фактовъ революціи. Россія не имѣла своей Вандеи. Ни одно изъ анти-большевицкихъ движеній, возглавляемыхъ монархистами, не рѣшилось поднять открыто монархическаго знамени. Даже обычныя въ первые годы, нелестныя для революціи сравненія николаевской свинины съ ленинской кониной окончательно замолкли со времени нэпа. О монархіи просто забыли, она оказалась никому не нужной, ея

идея совершенно пустой. Въ Россіи есть еще, конечно, многіе монархисты по убѣжденіямъ, но почти никто изъ нихъ не сохранилъ вѣры въ близкое торжество своихъ идей. Даже церковь поспѣшила отмежеваться отъ монархій, съ которой была связана тысячелѣтіями. Но монархія не можетъ жить безъ монархическаго сознанія. Въ этомъ ея коренное отличіе отъ республики, которая возможна и безъ республиканцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, власть одного человѣка или одной семьи надъ народомъ настолько противорѣчитъ современному рациональному понятію о государствѣ и вѣстѣ съ тѣмъ природѣ власти, какъ реальной силы что можетъ питаться только мистическимъ чувствомъ или глубокимъ уваженіемъ къ традиціи. Современные монархіи легко гибнуть, но съ трудомъ строятся. Ихъ шаткія постройки держатся уже не на вывѣтрившейся мистикѣ, а на расчетѣ политиковъ, эксплуатирующихъ еще не растроченный фондъ традиціи.

Современная Россія — страна воинствующихъ рационалистовъ или безбожниковъ. Традиціи сметены въ ней такъ радикально, какъ, можетъ быть, еще ни одной революціей въ мірѣ. Революція обнажила тотъ психологическій складъ въ народной душѣ, который опредѣляется «простотой», какъ высшимъ критеріемъ цѣнности. Всѣ мы знаемъ этотъ чисто русскій критерій въ примѣненіи къ искусству, къ этикѣ. Съ «простотой» прекрасно вяжется мужицкая республика, возглавляемая Калининымъ, но никакъ не вяжется мистика «помазаннаго» или наслѣдственнаго царя.

Съ другой стороны, династія. Говорить серьезно о монархіи въ Россіи — это значить говорить о реставраціи Романовыхъ. За годы революціонныхъ войнъ ни одно имя не завладѣло настолько народнымъ воображеніемъ, чтобы на немъ можно было основать надежды новой династіи. Только Ульяновъ могъ бы, если бы хотѣлъ, начать новую династію въ Россіи. Безличность революціонной эпопеи, отсутствіе кандидатовъ въ русскіе Наполеоны связаны именно съ этой стихіей «простоты», которая раскрывается въ русской революціи. Ни одинъ герой не выдержалъ бы мужицкой усмѣшки. Ни одинъ красный командиръ не посмѣлъ разрядиться, какъ Муссолини, въ золото и пѣтушиные перья. Русская революція органически не способна дать Наполеона. Остаются Бурбоны.

Но Бурбоны — т. е. Романовы — это уже не безразличная политическая форма. Это имя — можно утверждать

съ полной опредѣленностью — ненавистно огромному большинству русскаго народа. Два послѣднихъ царствованія крѣпко связали династію съ дворянствомъ и сословнымъ строемъ. Вся ненавистная народу классовая пирамида опиралась въ эту верхушку. Народъ, который вѣками старался отдѣлить цари отъ боярства, пересталъ дѣлать это различіе. Не республиканская ненависть къ «тирану», а мужицкая ненависть къ барину дѣлаетъ невозможнымъ для него возвращеніе «перваго дворянина» на тронъ.

Народъ столѣтіями лелѣялъ царскую легенду, въ жертву которой были принесены гекатомбы русской интеллигенціи. Теперь выросло поколѣніе, воспитанное уже на другой, анти-царской легендѣ. При полномъ отсутствіи историческаго образованія, современный юноша плохо отличаетъ вѣкъ Ивана Грознаго отъ времени Николая II. Онъ искренне убѣжденъ, что рубить головы собственной рукой составляло ежедневное развлеченіе русскихъ самодержцевъ. Съ эпохой Романовыхъ связались всѣ темныя, жестокія воспоминанія русскаго прошлаго. Никто изъ молодого поколѣнія не допускаетъ, чтобы въ Россіи при царяхъ было легче или лучше жить. Народъ — и старики и молодежь — не хотятъ Романовыхъ, потому что не хотятъ возвращенія стараго. Старая династія — символъ реставраціи.

И это уже не просто предразсудокъ, воспитанный новой, анти-исторической легендой. Это здоровая, реальная оцѣнка дѣйствительности.

Съ чѣмъ бы могли явиться Романовы въ Россію? на кого опереться? Допустимъ, что будущій императоръ не лишенъ сознанія потребностей эпохи, что онъ лично думаетъ не о реставраціи, а о примиреніи раздѣленныхъ революціей классовъ. Но при непопулярности монархической идеи, онъ вынужденъ будетъ окружить себя старыми слугами, доказавшими свою вѣрность былымъ самодержцамъ. Возвращеніе монарха означаетъ прежде всего возвращеніе монархистовъ. И не новыхъ, покаявшихся поклонниковъ свободы и права, а стопроцентныхъ, не измѣнившихъ бѣлому — вѣрнѣе, черному — знамени. Худшія традиціи Александра III и Николая II, которыя дѣлются въ этой средѣ, будутъ вынесены на свѣтъ Божій изъ подполья эмиграціи. И царь волей или неволей долженъ будетъ имъ покориться. Дворянская социальная реставрація будетъ неизбежнымъ послѣдствіемъ реставраціи полити-

ческой. Только древняя монархія, сильная неистраченнымъ авторитетомъ, можетъ вести политику социальныхъ реформъ, можетъ опираться на демократію. Послѣдшіи обречены жить и умереть со своимъ классомъ. Краткіе годы реставраціи, доставшіеся имъ чудомъ или иностранными штыками, они употребятъ для подготовки новой революціи — хотя бы для нея пришлось преодолѣть ту силу политической инерціи, которой до сихъ поръ не удастся пробить Сталину.

Младороссы — политическіе мечтатели, исходящіе изъ вѣры въ славянофильскій монархическій идеалъ русскаго народа. Не они, и не Струве, а Марковъ II будетъ править Россіей именемъ царя. Эта перспектива, въ связи съ вѣковой анти-культурной традиціей Романовыхъ, не сулитъ особенныхъ благъ ни Эмитажѣ, ни русской интеллигенціи. На пенсіи могутъ рассчитывать лишь сановныя жертвы революціи, а изъ поэтовъ — новые Демьяны Бѣдные.

Такъ монархія изъ нейтральной политической формы становится — какъ монархія Романовыхъ — огромной политической опасностью для Россіи.

Все, что дѣлаетъ монархію невозможной, укрѣпляетъ республику. Республика существуетъ. Это составляетъ ея огромное преимущество въ странѣ, взволнованной социаль-ной борьбой, но лишенной политическихъ страстей. Республика не требуетъ ломки въ народномъ сознаниі. Съ ней молодежь, не знавшая другого строя. За нее духъ простоты, владѣющій нынѣ народной душой. Духъ трезвости, расчетливости, хозяйственности, съ одной стороны, духъ эгалитарности съ другой — все, что составляетъ моральную атмосферу новой Россіи — говоритъ за республику. И это даже при отсутствіи настоящаго республиканскаго паюса. Въ комплексѣ идей и символовъ русской революціи, чисто политическая идея играла второстепенную роль. Марксизмъ не могъ создать никакой идеологической порфиры для народовластія. Онъ самъ подрывалъ его мистику, борясь съ идеей народной воли.

Эта духовная провѣха можетъ оказаться опасной въ другомъ поколѣніи, болѣе чуткомъ къ духовнымъ основамъ жизни и болѣе воспримчивомъ къ политической мечтѣ. Раціоналистическая концепція республики, какъ удобнѣйшей формы демократіи, дѣлаетъ ее идеологически слабой въ столкновениі съ мистикой монархической власти. Но раціонализмъ не связанъ съ республикой, какъ

мистика — съ монархіей. Погружаясь въ историческую традицію, создавая духовныя основы демократіи, будущія поколѣнія могутъ найти для народовластія религиозное освященіе — въ Библии, въ русскомъ прошломъ. Отработанный, изжитый въ Европѣ пафосъ *Contrat social* долженъ быть замѣненъ пафосомъ соборности Божьей воли, которая говоритъ въ исторіи столь же гласомъ народа, какъ и устами царей. Историческое воспитаніе должно фиксировать вниманіе на героическихъ республиканскихъ идеалахъ Греціи и Рима, на гвельфскихъ средневѣковыхъ идеалахъ демократіи (Флоренція), на православномъ народоправствѣ Новгорода. Тогда республика сдѣлается не пустой формой, не меньшимъ зломъ, а положительнымъ идеаломъ, освобожденнымъ отъ пошлаго утилитаризма, несущимъ въ себѣ всю полноту цвѣтенія національной религіозной культуры.

3.

.....
.....

4. Традиція и революція.

Возрожденіе Россіи зависитъ отъ того, удастся ли преодолѣть глубокій расколъ въ народномъ сознаниі, образованный доктриной и фактомъ революціи. Новое сознаніе должно воспринять и слить въ себѣ все жизненное и цѣнное въ старой и новой идеѣ Россіи. Это задача нынѣ живущаго и вступающаго въ жизнь поколѣнія. Это задача первой національной русской власти.

Но не будемъ обольщать себя иллюзіей. Страна, пережившая революцію и отъ нея ведущая свое новое бытіе, не можетъ долго (или никогда) обрѣсти утраченное единство. Старая жизнь не умираетъ совершенно, ибо живетъ вѣчно въ памятникахъ національной культуры. Печать художественнаго благородства, лежащая на этой культурѣ, великодушная патина времени преображаетъ и стираетъ зло въ «вѣчное золото» легенды. Легенда убитой красоты и правды сопровождаетъ новую жизнь, вышедшую изъ революціи, потускнѣвшей, опошленной самымъ фактомъ побѣды. Побѣда, какъ извѣстно — самое трудное испытаніе

для идеи. Противорѣчія, которыя вскрыетъ въ себѣ новая дѣйствительность, отвращеніе, даже ненависть, которыя она (какъ всякая дѣйствительность) будетъ раждать въ самыхъ чуткихъ, въ самыхъ нервныхъ современникахъ, обезпечиваетъ возрожденіе не только утопизма революціоннаго, но и утопизма реакціонно-романтическаго. Последний преимущественно соблазнитель для носителей высшей культуры, влюбленныхъ въ прошлое. Завоеваніе реакціей самыхъ отвѣтственныхъ духовныхъ постовъ націи — обычный удѣлъ общества, вышедшаго изъ революціи. Такова судьба Франціи. Вотъ уже полтора вѣка продолжается тяжба вокругъ «Великой» революціи. За малыми реставраціями и революціями 19 вѣка надо вглядѣться въ борьбу идей, доселѣ безнадежно раздѣляющихъ Францію. Два враждующихъ стана опредѣляютъ сами себя именами, которыя стоятъ въ заголовкѣ этой главы. «Традиція» и «революція» — традиція, которая революціонизируетъ, революція, которая охраняетъ, — нынѣ, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, ведутъ смертельную войну за душу Франціи. Точнѣе было бы говорить о двухъ традиціяхъ: традиціи революціи и традиціи реакціи. И въ нашъ историческій часъ на вѣсахъ духа перевѣсъ, несомнѣнно, склоняется на чашку послѣдней традиціи.

Это духовное междоусобіе, которое въ каждомъ поколѣніи готово вспыхнуть новой гражданской войной, подтачиваетъ силы націи. вмѣсто плодотворной борьбы идей, воздвигаются непроницаемыя перегородки между ними, со спертымъ воздухомъ внутри, съ культомъ окостенѣлыхъ предразсудковъ. Грозитъ ли Россіи та же судьба?

Старая Россія оказалась менѣе живуча, нежели старая Франція. Соціальныя корни дворянства подрѣзаны какъ будто навсегда. Тургеневская усадьба едва ли когда-нибудь воскреснетъ. Но не истребима живая память о быломъ величіи и славѣ. Не умретъ Пушкинъ, а съ нимъ очарованіе Александровской и Екатерининской эпохи. Надо надѣяться, останутся дворцы Петергофа, Царскаго Села, краснорѣчивые, но и лживые свидѣтели императорской славы. И для нея настанетъ время реабилитаціи.

На фонѣ слишкомъ простой и дѣловой жизни, грубо-ватой повседневности, техническихъ достижений — утонувшая имперія съ каждымъ годомъ будетъ подниматься со дна царскосельскихъ озеръ. Въ этотъ императорскій Китежъ будутъ жадно глядѣться тысячи юношей, мечта-

ющих о небывалой России. Одни ли малокровные потомки старых родов, для которых фамильная история сплетена неразрывно с историей России? Но Борисовъ-Мусатовъ былъ сыномъ полупролетарія. Уже теперь можно изрѣдка встрѣтить на фабрикахъ и въ деревняхъ романтиковъ прошлаго, дѣвушекъ, которыя за чтеніемъ Пушкина и Толстого ощущаютъ себя не крѣпостной рабой, а Татьяной, Наташей, Китти. 19 вѣкъ еще не такъ опазсень для республики. Но 18 можетъ ее убить. Что же сказать о 17? Старая славянофильская легенда о народномъ парѣ можетъ воскреснуть съ возрожденіемъ церковности и романтикой православнаго быта. Конечно, реализація этой мечты быстро убьетъ ее. Но въ ожиданіи республика будетъ страдать тѣмъ органическимъ порокомъ, который пока обезпечиваетъ ея стойкость въ нашемъ поколѣніи: она существуетъ. Это дѣлаетъ ее почти безоружной передъ призракомъ. Вотъ почему борьба между революціей и традиціей неизбежна — борьба серьезная, жестокая, длительная. Она можетъ стать главнымъ духовнымъ содержаніемъ русскаго 20 столѣтія. Если эта борьба не будетъ выражаться въ заговоры и полицейскій терроръ, она можетъ оплодотворить русскую мысль и культуру. Подготовить и углубить грядущій народный синтезъ.

Что можетъ революція противопоставить призраку своего врага? Я говорю не о жизненныхъ удобствахъ, о практической годности режима, но о его идеологическомъ освященіи, о его культурномъ помазаніи.

На первый взглядъ, очень немногое. Революція слишкомъ юное и не очень талантливое дитя старой Россіи. Вкладъ революціонной идеи въ великую русскую культуру мало замѣтенъ. Не остается ничего отъ народниковъ 60 и 70-хъ годовъ, отъ демократическихъ передвижниковъ. Въ сущности, адвокатами революціи будутъ только Герценъ и Некрасовъ. Быть можетъ, еще Глѣбъ Успенскій. Традиція будетъ опираться на Гоголя, Достоевскаго, Леонтьева. Разумѣется, не безъ натяжекъ. Но все же остается фактомъ, что самые мощные умы 19 вѣка прошли мимо революціонной эпопеи интеллигенціи. И революція не построила своихъ дворцовъ. На какомъ же языкѣ она будетъ говорить грядущимъ поколѣніямъ?

Революціонная эпопея должна говорить сама за себя, въ оголенности своего нравственнаго подвига. При всей культурной бѣдности революціоннаго стана, онъ одинъ

хранилъ въ упадочной Россіи 19 вѣка духъ героическаго подвижничества. Зрѣлище этой неравной борьбы, революціонный Плутархъ, революціонные святцы — долго будутъ воспитывать общественно-патріотическое сознание русскаго юношества: конечно, при условіи абстракціи отъ содержанія революціонныхъ доктринъ, стоявшихъ въ кричащемъ противорѣчій съ мученическимъ подвигомъ и идеаломъ. Наша великолѣпная реакція — даже въ Достоевскомъ и Леонтьевѣ — всегда несла въ себѣ разлагающее зерно моральнаго порока. Въ борьбѣ съ побѣдоносной революціей, она представляла партію декаданса противъ моральной чистоты и противъ жизненнаго христіанства. Имморализмъ реакціонной «традиціи» 19 и 20 вѣка обезцѣливаетъ ея воспитательное значеніе для будущей Россіи.

Но революція не только святцы декабристовъ и народолюбцевъ. Революція это также безуміе и злодѣйство большевиковъ. Изъ пѣсни слова не выкинешь; Россіи, какъ и Франціи, придется принять или отвергнуть революцію цѣликомъ.

Сейчасъ, въ разгарѣ борьбы, можно и должно противопологать февраль октябрю. Для будущаго это противоположеніе бессмысленно. Французскій радикалъ уже не судитъ тяжбу жирондистовъ и монтаньяровъ. Споръ Робеспьера съ Дантономъ интересуетъ лишь узкій кругъ историковъ. Такъ и будущая Россія будетъ стоять на распутии между Ленинымъ и царемъ.

Въ свѣтѣ большевизма въ русской революціонной традиціи вскрылись глубокія противорѣчія: Герценъ и Бакунинъ, Лавровъ и Нечаевъ, народники и марксисты. Начавъ политическую чистку, нельзя нигдѣ остановиться. Даже въ Герценѣ, даже въ Лавровѣ можно разглядѣть большевистскую гримасу. Какъ русская монархія влачитъ на своихъ плечахъ опричнину, бироновщину и позоръ послѣдняго царствованія, такъ революція не сможетъ сбросить бремени Нечаева и Ленина. Это бремя морально чрезвычайно отяготительно. Но романтика революціи всегда будетъ уравнивать романтику старинныхъ усадебъ. Злодѣяства нашей эпохи будутъ восприниматься такъ, какъ они должны восприниматься: какъ историческая трагедія, героемъ которой является народъ. Злодѣянiямъ нѣтъ мѣста въ житіяхъ святыхъ, но безъ нихъ не мыслимъ Плутархъ, не мыслимъ Шекспиръ. Если для моральнаго чувст-

ва народовольцы могут оправдать русскую революцію, то для исторического воображенія ея реабилитация дана лишь красной эпопеей ея побѣды.

Но и съ праведностью народовольцевъ и съ кровавымъ заревомъ Октября, революціи, т. е. ея идеѣ трудно уравнивать традицію, понятую, какъ консервативную идею всей тысячелѣтней исторіи Россіи. Столѣтіе — противъ тысячелѣтія всегда осуждено, какъ дерзкій бунтъ, беспочвенный и бесполезный.

Революція должна расширить свое содержаніе, вобрать въ себя максимумъ цѣнностей, созданныхъ національной исторіей, чтобы выдержать длительное состязаніе съ традиціей. Споръ идетъ о томъ, какая идея окажется болѣе емкой, болѣе гибкой, чтобы охватить національное содержаніе русской культуры. Подобно двумъ божественнымъ началамъ манихейской космогоніи, борьба двухъ идей состоитъ не столько въ отраженіи, въ исключеніи, въ истребленіи вражескихъ цѣнностей, сколько въ ихъ захватѣ, плѣненіи, ассимиляціи. Если для монархиста дѣло идетъ о томъ, чтобы надѣть на революціонера императорскую ливрею, сдѣлать изъ революціи побочный продуктъ имперской культуры, то для революціи важно наложить свою печать на самую монархію, отмѣтить революціоннымъ помазаніемъ все творческое въ наслѣдіи царей. Предстоитъ длительная борьба за тѣло Патрокла. Русская интеллигенція всегда притязала на революціонное осмысленіе дѣла Петра. Не трудно отвоевать для нея, — т. е. для идеи просвѣщенія — 18 вѣкъ, «дней Александровыхъ прекрасное начало». Остальное, т. е. сумерки имперіи (и здѣсь еще предметомъ спора можетъ быть «эпоха великихъ реформъ») можно предоставить врагу. Нужно выбирать между Николаемъ I и Герценомъ, между Александромъ II и Народной Волей.

Для революціи гораздо существеннѣе продвинуть свои рубежи вглубь прошлаго, освободить русскую традицію отъ оковъ Карамзинской монархической схемы. Национальный капонъ, установленный въ 19 вѣкѣ, явно себя исчерпалъ. Его эвристическая и конструктивная цѣнность ничтожны. Онъ давно уже звучитъ фальшью, и трудъ русской исторической науки подорвать, искрошилъ старую национальную схему. Новой, революціонной схемы не создано. Матеріалы для нея — груды камней — собраны поколѣніями русскихъ историковъ. Но нѣтъ архитектора,

нѣтъ плана, нѣтъ идеи. Революціонная мысль, въ плѣну у скудныхъ либерально-матеріалистическихъ идей, не имѣла вкуса къ древней Россіи, молчаливо уступая ее, какъ безобразную руину, своимъ врагамъ. Исключенія — Костомаровъ, Шаповъ — были рѣдки. А между тѣмъ задача новаго свободнаго построенія государства Россійскаго, въ которомъ пришлось бы нѣсколько потѣсниться московскому двухвѣковому царству, чтобы дать больше мѣста и простора пятивѣковой феодально-вѣчевой Руси, — эта задача диктуется и органическимъ ростомъ исторической науки и самой исторіей Россіи. Вполнѣ мыслима новая національная схема, которая оказалась бы менѣе тенденціозной, менѣе узкой, нежели схема Карамзинская, и въ которую фактъ русской революціи вошелъ бы не какъ непредвидѣнная катастрофа, а какъ отрицаніе отрицанія, возстановляющее древнюю правду.

Ясно, что для этого предстоитъ полное перерожденіе доктринальнаго наслѣдія революціи, ибо завѣщанныя ей героями доктрины не годятся ни на какое національное строительство. Однако, націонализація революціи — фактъ уже совершившійся въ нѣдрахъ Россіи. Необходимые идейные выводы изъ него будутъ сдѣланы, вѣроятно, не скоро, но они должны быть сдѣланы. Русское прошлое, русская культура откроются лишь для того, у кого есть глаза на духовныя основы этой культуры, этого національнаго прошлаго. Эта культура, это прошлое — плоть и цвѣтеніе христіанства. Безъ внутренняго пріобщенія христіанству невозможно никакое истолкованіе русской національной идеи. Безъ этого крещенія революціонная идея можетъ одерживать еще интернаціональныя побѣды, но она будетъ всегда бита «традиціей» на полѣ національнаго матча. И это пораженіе означаетъ, рано или поздно, гибель революціи и ея идеи. Безсильный, не существующій сегодня, ея противникъ будетъ крѣпнуть съ каждымъ новымъ успѣхомъ національнаго сознанія. Лишь христіанизація вольнолюбиваго и демократическаго идеала спасаетъ его національную цѣнность, какъ примиреніе съ Церковью дѣлаетъ прочными и даже незыблемыми основы новаго республиканскаго строя.

Г. Федотовъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Объ искусствѣ біографѣ

Есть книги, самый матеріалъ которыхъ такъ интересенъ, что онѣ не могутъ быть скучны, самая тема столь жива, что онѣ не въ состояніи быть мертвыми. Монтэнь говорилъ, что онъ такія книги читаетъ охотно, но не особенно чтитъ ихъ авторовъ. Акторовъ, въ болѣе глубокомъ и болѣе точномъ смыслѣ слова, у нихъ, собственно, и нѣтъ; есть только разсказчикъ, перелагатель, толкователь, а всѣ эти люди могутъ ожидать отъ насъ благодарности за свои услуги, но не славы за свой подвигъ или даръ. Подражать имъ можно безъ труда, ремеслу ихъ можно научиться. И Монтэнь ко- частъ мудрымъ изреченьемъ, еще болѣе вѣрнымъ въ наше время, чѣмъ оно было вѣрно въ его собственное: «*Tout fourmille de commentaires, d'auteurs il est grande cherté*».

Безчисленныя біографіи, выпущенныя въ Европѣ за послѣдніе три-четыре года, сперва заинтересовавшія многихъ, а теперь успѣвшія многимъ надоесть, чаще всего относятся къ тѣмъ книгамъ, а которыхъ говорить Монтэнь. Не то, чтобы онѣ были плохо скроены или некрасиво шиты: авторы ихъ большей частью закройщики превосходные и не менѣе ловкіе швеи; въ искус-

ствѣ кройки и шитья они проявляютъ умѣніе, даже чрезмѣрное. Зато кромѣ этого умѣнья у нихъ ничего и нѣтъ; что такое искусство біографіи вообще, какъ отнестись къ нимъ избранной особой темѣ, этого они не знаютъ и знать не хотятъ. Всѣ эти составители болѣе или менѣе удобочитаемыхъ книгъ о своихъ герояхъ ничего, въ сущности, не думаютъ, никакого мнѣнія не имѣютъ, ни съ какомъ отношеніи къ нимъ не находятся. Жизнь того, чьимъ жизнеописаніемъ занятъ біографъ, онъ представляетъ себѣ не въ видѣ органическаго цѣлаго — безъ чего ни художественная біографія, ни такая же автобіографія невозможны. — а лишь въ видѣ сцѣпленія событій, протекающихъ въ извѣстномъ порядкѣ и доступныхъ пересказу, въ который можно вложить немножко снисходительной прони, всегда столь подкупающей и ко всему идущей, и немножко не менѣе изящной грусти о бренности всего сущаго.

Неудивительно поэтому, что французскія издательства вздумавшія фабриковать серіями «жизни знаменитыхъ людей», чаще всего выпускаютъ пустыя и шаблонныя, хотя по своему матеріалу и занимательныя книжки. Неудивительно, что и біографическая ми-

стерская Эмилия Людвига могла бы сократить производство без вреда для литературы и человечества. Лучше ничего не читать о Гете, Рембрандт и Наполеон, чѣмъ удовлетвориться ходкимъ товаромъ этой знающей рынокъ мистерской. Сенсационные фельетоны (хоть и необычной для фельс-топовъ длины) о Бисмаркѣ или Вильгельмѣ II можно пробѣжать, — для того, чтобы къ нимъ болѣе не возвращаться; но ужъ съ отращиваніемъ сморщивъ на книжку, гдѣ столь же сенсационно, развязно и фельетонно повѣствуется о «Сынѣ Человѣческомъ».

Писаніе біографій, если принимать его въ серьезъ, — дѣло не легкое, требующее высокой культуры и рѣдкаго состава дарованія: «стандартизация» оно такъ же мало подлежитъ, какъ та творческая личность или та неповторимая судьба, ради которыхъ біографія только и существуетъ. Стандартизация, къ тому же, связана неразрывно съ угонженіемъ вкуса массового потребителя, а значитъ съ приближеніемъ къ эстетикѣ репортерской статьи или бульварнаго романа. Біографія не нѣсѣ всего способна перенести украшеніе произвольнымъ діалогомъ, вымышленными подробностями, гримировку подлѣ «беллетристику», подлѣ романъ. Гораздо лучше для нея, не заботясь ни о какомъ углубленіи въ свой предметъ, оставаться чисто документальной. Старинная біографія, типа классической въ англійской литературѣ «Жизни Джонсона», писанной Босвеллемъ, только и хотѣла исчерпать, хотя бы внешне, свою тему, сообщить о своемъ героѣ все, что могла о немъ сообщить. Талантомъ Босвелля

оживилась каждая страница толстыхъ его томовъ и незатѣйливое повѣствованіе его само собою сдѣлалось искусствомъ. Въ другихъ случаяхъ біографія оставалась сборникомъ матеріаловъ вроде Барсуковской «Жизни Погодина», результатомъ полезнаго и непріятнаго труда. Эрудитъ, историкъ литературы, чаще всего бравшіяся за такой трудъ, еще не оказывался въ непріятномъ положеніи новѣйшихъ своихъ соотечественниковъ, желающихъ написать, непременно «художественную» біографію и стремящихся поэтизмъ, въ манерѣ изложенія, въ замѣчанія въ сторону, въ самомъ языкѣ, проявить возможно болѣе непринужденности и кокетства. Удастся это имъ не всегда. Почтенный историкъ нѣтъ, нѣтъ, да и поскользнется на паркетѣ сальной болтовни; реверансы, улыбки и балетныя па онъ продѣлываетъ съ усердіемъ еще не ведущимъ къ совершенству. Легкость въ мысляхъ должна быть прирожденной, будь она добродѣтель или порокъ.

Впрочемъ, авторы «biographies romancées» и всѣхъ вообще переукрашенныхъ біографій не понимаютъ не только существа своей задачи, но и спроса, обращеннаго къ нимъ, по крайней мѣрѣ къ его серьезнымъ основаніямъ. Успѣхъ біографіи, какъ новаго, или обновленнаго, литературнаго жанра, литературный, а не вагонно-читательскій ея успѣхъ, иде въ разрывъ со всякой попыткой превратить жизнеописаніе въ полувывисель. Вымысла отъ жизнеописанія не ждутъ; интересъ къ нему питается его правдой. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что этотъ интересъ, этотъ успѣхъ связанъ съ

явленіемъ, гораздо болѣе или, какъ бы, слабѣе, чѣмъ: съ ослабленіемъ прежнихъ столь вліятельныхъ формъ прозы, какъ новелла и романъ, съ потерей вкуса ко всякому обусловленному вымысломъ способу повѣствованія. На первый планъ выдвигаются все болѣе формы прозы, нагруженные фактическимъ или разсудочнымъ матеріаломъ, формы, въ которыхъ повѣствованіе или другое внутреннее устройство именно этимъ матеріаломъ и обусловлено, какъ это имѣетъ мѣсто въ воспоминаніяхъ, біографіи, автобіографіи, критическомъ опытѣ, философскомъ діалогѣ. Романъ разлагается, потому что вымыселъ въ немъ соединенъ съ познаніемъ, а познаніе и вымыселъ въ наше время стремятся разойтись въ разные стороны. Противопологаются роману формы, какъ будто исключающія возможность всякаго вымысла, всякого созданія изъ ничего. Можно сомнѣваться, что онѣ исчерпываютъ собой всю литературу, но безцѣльно фальсифицировать ихъ, приправляя комедіей діалогъ и слабивая біографію романомъ.

Беллетристическая біографія ничѣмъ не оправдана и въ сущности никому не нужна; однако, умѣть обойтись безъ беллетристическихъ украшеній — необходимое, но не достаточное условіе для біографа. Какъ художественное произведеніе, какъ подлинное познаніе чужой жизни и души, біографія предполагаетъ рядъ другихъ условій, не всюду и не всегда осуществимыхъ. Важнѣйшее изъ нихъ — наличие извѣстной традиціи въ пониманіи человѣческой личности и судьбы, традиціи ослабѣвающей иногда и собственной скорѣй германскимъ,

чѣмъ латинскимъ странамъ. Нѣмецкая, англійская литература дѣйствительно изображаетъ человѣка какъ *«geprägte Form, die lebend sich entwickelt»*, а при такомъ изображеніи его жизнеописаніе дѣйствительно можетъ стать органической передачей постепеннаго созрѣванія, роста, становленія человѣческой личности. Такъ уже Гете разсказалъ собственную жизнь, такъ въ наши дни Литтонъ Стречи, обновитель англійской біографіи, мыслитъ своихъ героев, такъ и въ Россіи задумалъ Гершензонъ жизнь Чаадаева и Печерина. Но въ латинскихъ странахъ человѣкъ понимается чѣмъ всею не какъ организмъ, а какъ система и часть другой системы — общества. Для писателя онъ — или готовая форма, въ предѣлахъ которой нѣтъ развитія, характеръ (въ греческомъ смислѣ чекана на медали), или, какъ у Пруста, — развитіе безъ конца и края, вибрація «я», уже теряющая форму личности. Въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, когда развитіе все же изображено, каждая его ступень разсматривается, какъ логическое слѣдствіе изъ предыдущей, какъ нѣчто предусматриваемое заранее, какъ лишенная творчества нѣтъ выводовъ и послылокъ.

Во французской литературѣ, гдѣ писаніе біографій сейчасъ всего болѣе распространено, герой біографа, какъ и герой романа, данъ заранее, законченъ съ самаго начала и жизнеописаніе превращается въ описаніе сталкивающихся съ нимъ фактовъ и людей, въ изображеніе отношеній его, не къ собственному внутреннему ядру и заложеннымъ въ немъ возможностямъ, а къ семьѣ

школъ, «средѣ», обществу, традиціи, государству. Недаромъ лунія біографіи, появившіяся въ Франціи и въ Италіи за послѣдніе годы, написаны о людяхъ дѣйствія, о людяхъ не столько мѣняющихся, сколько стремящихся и мѣняющихъ міръ вокругъ себя: «Диккенсъ», Моруа, «Маккиавелли», Преццолини. И недаромъ тому же Моруа, въ его книжкахъ о Байронѣ и Шелли, то самое не удалось, что систематически не удавалось и другимъ французскимъ біографамъ. Латрону — тотъ основной узелъ творческой судьбы, которымъ жизнь приязана къ искусству.

Правда, это не удалось и другимъ. Эта задача жизнеописания — глубочайшая, но и труднѣйшая его задача. Мы чувствуемъ, что біографія художника, поэта по настоящему будетъ написана только тогда, когда біографъ сумѣетъ въ нее включить не одну лишь дѣйствительность его жизни, но и порожденный этой жизнью вымыселъ, не только реальности существованія, но и реальности воображенія. Истинной біографіей творческаго человѣка будетъ та, что и самую его жизнь покажетъ, какъ творчество и въ творествѣ увидитъ преображеніе его жизни. Для подлиннаго біографа не можетъ быть «Пушкина въ жизни» и другого Пушкина — въ стихахъ; для него есть только одинъ Пушкинъ, настоящая жизнь котораго — именно та, что могла воплотиться въ стихъ, изойти въ поэзію. Все это мы знаемъ; но какъ это знаніе осуществить, какъ найти формулу совмѣстнаго выраженія жизни и творчества, какъ избѣжать простого комментирования ихъ другъ

другомъ, на эти вопросы отвѣта нѣтъ. Мы догадываемся только, что, быть можетъ, не надо и искать разъ навсегда разрѣшающаго ихъ отвѣта.

Глубже всего, и всего смѣлѣе поставилъ вопросъ и разрѣшилъ его Фридрихъ Гундольфъ. Жизнь онъ просто отмечаетъ; авторская личность для него только и удивима въ творествѣ. «Памятники», по которымъ возстановляется она, лишь въ самой незначительной степени могутъ почитаться біографическіе факты, письма, свидѣтельства современниковъ и самого автора о себѣ; подлинными, прямыми свидѣтельствами могутъ быть только сами его творенія. Они даже не свидѣтельства о личности, о душѣ поэта, не изображенія его жизни, а ея вмѣстительство, содержащая ее въ себѣ тѣла. Творческій человѣкъ существуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ выражаетъ себя въ своемъ творествѣ. Книга Гундольфа о Гете, — какъ его же книги о Шекспирѣ, о Клейстѣ, какъ біографія Гинне, писанная Бертрамомъ, какъ и книги другихъ его друзей, вышедшихъ изъ круга Георга, и дѣ онъ воспитался самъ, — вообще не перечисляетъ событій и подробностей, не «описываетъ жизнь», хотя и слѣдуетъ ея естественному хронологическому ряду. И все же личность Гете, во всей сложности ея развитія, показана имъ полнѣе, чѣмъ это кому-либо удалось до сихъ поръ, показана воплощенной до конца въ явленіемъ тѣлѣ Гетевскихъ твореній. Жизни Гете, въ житейскомъ смыслѣ слова, жизни-смерти, у Гундольфа нѣтъ; есть только вопи-

тавшие эту жизнь, рожденное ей бессмертіе.

Однако, неправъ и Гундольфъ Неправъ, если считаетъ исчерпывающимъ и хочетъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ, методовъ, которымъ умѣть пользоваться самъ съ такой интуиціей, съ такими гениальнымъ тактомъ. Въ его начальной предпосылкѣ есть высокомѣріе. Живая жизнь, будничная, брешная, недостаточно личная, не совсѣмъ «моя собственная» жизнь остается въ своемъ правѣ. Не легко освободить ее отъ фактовъ, анекдотовъ; отъ случайности избавить и совсѣмъ нельзя. Или, если можно, то лишь силою творчества, тоже индивидуальнаго «каждымъ разъ», то использующаго самую живейшую подробность, то проникающую глубоко творений, чтобы вырвать тайну ихъ творчества. Всякое воззрѣніе личности есть второе творчество — отраженіе того перваго творчества, которымъ была создана сама личность. Второму, какъ и первому, можно только помѣшать слишкомъ точнымъ, слишкомъ тѣснымъ правиломъ. Понять другого можно только тѣми же сложными и тайными путями, какими мы творимъ самихъ себя.

Искусство біографа — настоя-

нее искусство и потому въ немъ всегда есть неизвѣстность, азартъ, и рискъ. Свести его къ формулѣ нельзя; наукой оно никогда не будетъ. Отъ искусства, болѣе чистаго, болѣе свободнаго, его отдѣляетъ только то, что и самый предметъ его — уже искусство, что творчество, необходимое и ему, — отраженное, вторичное творчество. «Судьба великаго человека — муза», сказалъ Шатобрианъ; и біографъ на вѣрномъ пути только если онъ ловится той же музѣ. Отраженное творчество — всегда служеніе; въ этомъ его заслуга, его достоинство и его смыслъ. Біографъ долженъ помнить, что матеріалъ, надъ которымъ онъ работаетъ, творчески преобразенъ и что этому матеріалу всегда будетъ подлинно собственное его искусство. Недаромъ, даже въ самомъ робкомъ пересказѣ, жизнь творческаго человека — его, и только его, жизнь. Даже въ самой неполной, самой случайной передачѣ великаго музы еще слышны; біографъ сбивается, лепечетъ, но мы уже слушаемъ, мы не можемъ огорчаться замороженные неизлечимымъ совершенствомъ отчаянья ея начертанныхъ судьбой.

В. Вейдле.

Новѣйшія изслѣдованія по соціальной исторіи Московского Государства

I.

За послѣднее время русская научно-историческая литература обогатилась нѣсколькими очень важными работами, опирающимися на новый архивный матеріалъ

и расширяющими наши свѣдѣнія о соціальномъ строѣ Московскаго государства.

Нельзя сказать, чтобы эти работы въ чемъ-либо измѣняли установившіяся въ наукѣ представленія общей картины этого

соціального строя. Никакого переворота въ эти устоявшіяся представленія новыхъ работы, насъ здѣсь интересующія, не вносить. Тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ большой интересъ, то озаряя новымъ свѣтомъ такіе уголки въ знакомой намъ картинѣ, которые доселѣ затеривались въ темнотѣ, то вводя въ научный оборотъ такіе неизвѣстные ранѣ данныя, въ виду которыхъ приходится перестроить заново нѣкоторыя весьма существенныя отдѣльныя части вѣкъ знакомой общей картины.

Читатель, интересующійся успехами русской исторической науки, не постыжется на насъ, если мы представимъ здѣсь его вниманію краткое изложеніе результатовъ этихъ новыхъ изслѣдованій.

Московское государство XVI-XVII в. в. строилось на основѣ принудительнаго прикрѣпленія всѣхъ частей населенія къ опредѣленнымъ вѣдамъ государственной службы и государева тягла. То было государство, закрѣпощенное снизу до-верху. Всѣ безъ изыятія, — первый бояринъ такъ же, какъ и последний холопъ, — почитались «хотопами великаго государя Московскаго». Современники считали очень удачный терминъ для обозначенія этой соціально-политической формации. Въ одной членовой группѣ служивыхъ людей конца XVII ст. челоубитчики выразительно именуютъ этотъ строй терминомъ: «великій государевъ крѣпостной уставъ» и отмѣчаютъ, что уставъ этотъ состоятъ въ строгомъ прикрѣпленіи каждой соціальной группѣ къ присвоенной ей специальной повинности. Въ самомъ дѣлѣ, все населеніе

согласно этому порядку было распределено по замкнутымъ служивымъ и податнымъ союзамъ. Всѣ люди Московскаго государства были разставлены по клѣткамъ и на каждой клѣткѣ висѣлъ замокъ, ибо никто не былъ воленъ въ своей судьбѣ, никто не могъ по собственному усмотрѣнію и влеченію избрать или перемѣнить свой жизненный жребій. Общественныя состоянія, установленныя тогдашнеемъ вѣствомъ, были наследственными и безвыходными; иначе говоря, — жизнь каждаго человѣка, отъ колыбели и до могилы была заранѣе предопределена неизмѣнными правилами этой общеобязательной организации, а выскользнуть изъ-подъ ея дѣйствія можно было, лишь выпрыгнувъ за бортъ нормальнаго, легальнаго общежитія, т. е. либо сбѣжавъ на окраины «дикаго поля», начавъ «скозаковать» въ дальнихъ степяхъ, или вступивъ въ среду «людей вольныхъ, гулящихъ», которые зато уже и не могли рассчитывать ни на какую легально признанную осядлость, которымъ оставалось лишь «межъ дворъ скитаться» съ ежеминутнымъ рискомъ быть схваченнымъ казенными приставами и опять-таки быть насильно втиснутымъ въ колодки того же «крѣпостного устава».

Этотъ строй всеобщаго закрѣпощенія сложился постепенно, по мѣрѣ того, какъ опредѣлялись и утверждались коренныя основы государственности Московскаго царства. Въ теченіе XVI ст. установленіе этого строя было почти завершено. Къ срединѣ XVII ст. онъ былъ готовъ уже во всѣхъ своихъ частяхъ. Уложеніе царя Алексея 1649 г. кодифицировало

его въ письменныхъ формулахъ, насколько это было возможно при тогдашнемъ уровнѣ юридической систематики. И съ этого момента начались уже разложение этого строя и его постепенная трансформация.

Наука давно установила и об- ній стиль этого «крѣпостного» устава» XVI-XVII ст., и основныя организациі каждого разряда населенія въ рамкахъ этого порядка — : и людей служилыхъ, и людей тяглыхъ, какъ посадскихъ, такъ и уѣздныхъ.

Но послѣднія изслѣдованія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы сейчасъ и приступимъ, показываютъ, что для оснѣженія весьма существенныхъ подробностей всей этой организациі остается еще сдѣлать немало.

Новыя работы касаются всѣхъ почти основныхъ разрядовъ населенія Московскаго государства. Начнемъ съ работъ, посвященныхъ «людямъ служилымъ».

II.

Когда въ 1922 г. я уѣзжалъ изъ Москвы, А. А. Новосельскій, — тогда еще совсѣмъ юный доцентъ, — только приступалъ къ систематическому изученію столбцовъ и книгъ Разряднаго Приказа, поставивъ своей задачей подробно изслѣдовать внутрѣнній строй поуѣздныхъ корпорацій служилыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ XVII ст. Работы, теперь имъ напечатанныя, показываютъ, что въ протекшія съ тѣхъ поръ восемь лѣтъ онъ трудился плодотворно и сдѣлалъ немало.

Общія контуры организаціи «людей служилыхъ» въ Московскомъ государствѣ были выяснены уже давно. Намъ было извѣстно, что эти «люди служилые» раздѣлялись на «московскихъ», т. е. служившихъ въ столицѣ и «городовыхъ», т. е. служившихъ въ провинціи*). Намъ было извѣстно далѣе, что служебное движеніе по столичнымъ «чинамъ» — жильцы, дворяне московскіе, стряпчие, стольники, дворяне думные, окольничіе, бояре, — совершалось по двумъ, казалось бы несомнѣннымъ основаніямъ: по личной выслугѣ и по отеческой чести, т. е. по породѣ. Степенью родовитости опредѣлялись начальный и возможный конечный предѣлы служебной карьеры даннаго чина, а отъ личной его выслуги зависѣло, насколько онъ дѣйствительно подвинется по службѣ въ предѣлахъ, обусловленныхъ его породой.

Что же касается людей служилыхъ «городовыхъ», то, — какъ это намъ давно было извѣстно, — они были сьорганизованы въ поуѣздныя корпораціи. Служилые помѣщики, владѣвшіе помѣстьемъ въ данномъ уѣздѣ, обязательно входили въ составъ поуѣздной корпораціи и распределялись по тремъ степенямъ. То были «дѣти боярскіе городовые», «дѣти бояр-

*) По технической администра- тивной терминологіи той эпохи слово **городъ** обозначало посадъ плюсъ уѣздъ и такимъ образомъ **городъ** въ этомъ смыслѣ почти- вопоставлялся не деревнѣ, а сто- личи; «городовой» значило «про- винциальный».

скіе дворовые*) и «дворяне выборные» или просто — «выборъ». Распределение по этимъчинамъ происходило на особыхъ смо-рахъ или «верстаніяхъ». Время отъ времени въ тотъ или иной уѣздъ изъ Москвы командировался особый «разборщикъ». Лишь только онъ пріѣзжалъ въ уѣздный городъ, во всѣ помѣщичьи усадьбы этого уѣзда скакали гонцы, вызывавшіе помѣщиковъ въ городъ на смотръ. Къ назначенному дню помѣщики должны были явиться на смотръ «коннымъ, люднымъ и оружіемъ», т. е. на походныхъ коняхъ, въ сопровожденіи походныхъ холоповъ и въ боевомъ вооруженіи. Разборщикъ осматривалъ каждого изъ нихъ, и производилъ то, что мы называли бы теперь анкетой, т. е. въ рядъ вопросовъ открывалъ всю полную картину относительно личной службы, физического состоянія, хозяйственного положенія, состава семьи, каждого помѣщика. Правильность отвѣтовъ удостоверяли такъ называемые «окладчики», которыхъ въ количествѣ пяти чело-вѣкъ избирали изъ своей среды помѣщики каждого уѣзда, разумѣется изъ числа такихъ лицъ, которымъ «вѣрить можно». Опредѣливъ такимъ способомъ степень служило-способности каждого помѣщика, разборщикъ и распределялъ ихъ впредъ до новаго «верстанія» по вышеуказаннымъ тремъ статьямъ: «дѣти боярскіе городовые» представляли

собою, какъ бы сказать, служилый бракъ, то были — израненные, престарѣлые, захудалые или — наоборотъ — еще не успѣвшіе опериться въ хозяйственномъ отношеніи, словомъ, всѣ такіе, кто не былъ бы въ силахъ нести ответственныя и тяжелыя службы. Они служили по городу, т. е. несли гарнизонную и караульную службу на мѣстѣ, не будучи посылаемы въ походы.

Въ спискахъ этихъ «дѣтей боярскихъ городовыхъ» встрѣчаемъ нѣрѣдко разительные примѣры протѣ слѣдующаго: у престарѣлаго чело-вѣка оторваны въ бояхъ одна рука и одна нога и прострѣленъ бокъ, а онъ все же несетъ государеву службу, не ходитъ уже въ походы, но сторожитъ какой нибудь казенный амбаръ, прислонившись къ нему здоровымъ бокомъ.

«Дѣти боярскіе дворовые» составляли средній слой по степени служило-способности, они ходили и въ походы, но въ ближніе. Наконецъ «дворяне выборные» представляли собою отборный элементъ, такъ сказать, — сливки мѣстнаго дворянскаго общества и несли наибольшее ответственныя службы.

Въ зависимости отъ служило-способности каждого чело-вѣка и отъ его фактическихъ служеб-ныхъ заслугъ ему назначался тотъ или иной окладъ помѣсть, который могъ быть увеличиваемъ или уменьшаемъ на послѣдствительныхъ верстаніяхъ въ связи съ наступившими измѣненіями въ положеніи данного служилаго чело-вѣка.

Вотъ что мы знали доселѣ объ организаціи этихъ поуѣздныхъ служилыхъ корпорацій, почерпая

*) Выраженіе «дѣти боярскіе» въ XVI — XVII ст. повсе не означало дѣтей бояръ.

То былъ условный техническій терминъ, которымъ обозначались низшіе слои «людей служилыхъ».

эти свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ *десятеи*, т. е. официальныхъ списковъ служивыхъ людей, составившихся на вышеописанныхъ *смотрахъ* и *верстаніяхъ*.

Какъ видитъ читатель, это — лишь общіе контуры устройства такихъ корпорацій. Какъ фактически слогались внутренняя жизнь этихъ корпорацій и взаимныя отношенія между отдѣльными группами ихъ членовъ, — объ этомъ десяти почти ничего не сообщается и по этой части наши свѣдѣнія отличались доселѣ большой неопредѣленностью.

Для пополненія этого пробѣла надлежало окунуться съ головой въ безбрежное бумажное море *дѣлопроизводства* Разряднаго Приказа, въ вѣдѣніи котораго находились тогда люди служилые, и Помѣстнаго Приказа, вѣдаващаго служилое землевладѣніе, и путемъ систематическаго подборки данныхъ, заключающихся въ *спискахъ* и *книгахъ* этихъ учреждений, лѣпить мозаичную картину внутреннего быта служивыхъ корпорацій.

Г-нъ Новосельскій и отважился на такой трудъ. Наблюденія и выводы, къ которымъ онъ пока пришелъ и которые изложилъ въ статьѣ «Правящія группы въ служиломъ *городѣ* XVII ст.» (Ученія Записки Института Исторіи т. V, М. 1929) очень интересны.

Онъ довольно ярко очерчиваетъ роль высшаго слоя провинціальныхъ служивыхъ людей, — дворянъ *выборныхъ*, — въ жизни служивыхъ *поуѣздныхъ* корпорацій.

Мы знали и ранѣе, что «выборъ» составлялъ переходную ступень отъ службы «по *городу*»

къ службѣ «по *Москвѣ*», ибо наиболѣе заслуженные «дворяне *выборные*» могли быть переведены въ низшій разрядъ *московскихъ* служивыхъ чиновъ и этимъ увѣнчивалась ихъ служебная карьера.

Г-нъ Новосельскій теперь выяснилъ, что и у себя въ *уѣздѣ* «дворяне *выборные*» находились въ положеніи, которому были свойственны нѣкоторыя черты службы столичной. Такъ, если положеніе «дѣтей боярскихъ» всецѣло обуславливалось только ихъ личной услугой и степенью ихъ личной служилое способности, то въ чинъ дворянина *выборнаго* верстали по *выслугѣ*, по хозяйственной состоятельности и по *отечеству*.

Авторъ приводитъ далѣе немало фактовъ, обрисовывающихъ первенствующую роль «выбора» во всемъ жизненномъ распорядкѣ «*города*», т. е., — что то же, — *уѣздной* служилой корпораціи.

Количественно «выборъ» составлялъ ничтожную кучку среди массы «дѣтей боярскихъ». Но эта кучка являлась своего рода властной *уѣздной* аристократіей. «Выборъ» лѣшилъ вертѣль и верховодилъ. Только изъ среды «выбора» избирали *окладчиковъ*. Роль *окладчиковъ* впервые освѣщена Новосельскимъ во всемъ за объемъ. Оказывается, что это все не были лишь эксперты при *смотрахъ* и *верстаніяхъ*. *Окладчики* составляли коллегію, которая фактически дѣйствовала за всю корпорацію, за весь «*городъ*» въ цѣломъ рядѣ случаевъ при безгласіи остальныхъ членовъ.

Потому то выборы *окладчиковъ* нерѣдко сопровождались страстной борьбою партій, а въ основѣ этой борьбы легко открывает-

ся соперничество нѣсколькихъ наиболѣе влиятельныхъ служилыхъ родовъ въ составѣ мѣстныхъ «дворянъ выборныхъ», — совершенно подобно тому, какъ нѣкогда въ вольномъ Новгородѣ при выборѣ посадника избирательная борьба сводилась къ соперничеству двухъ — трехъ боярскихъ фамилій, окруженныхъ своими клетьями. Г-нъ Новосельскій приводитъ по документамъ Разряднаго Приказа любопытные примѣры этой избирательной борьбы.

Далѣе. Только дворяне выборные попадали на должность сотенныхъ командировъ, когда при военной мобилизаціи каждая поуѣздная служилая корпорація входила отдѣльной соцею въ составъ выступавшихъ въ походъ полковъ.

Когда созымался земскій соборъ, то въ члены собора въ качествѣ избранныхъ представлялись отъ людей служилыхъ попадали только «дворяне выборные».

Словомъ, «выборъ» заслонялъ собою всю остальную корпорацію. Это — такая же картина, какую мы видимъ въ посадскихъ мірахъ, гдѣ кучка первостатейныхъ людей посадскихъ верховодила всѣми дѣлами посадского міра.

Такъ, служилыя корпораціи и посадскіе міры представляли собою своего рода маленькія олигархіи.

Тому же г-ну Новосельскому принадлежитъ прекрасная монографія: «Вотчинники XVII в. въ его хозяйствѣ». Стольникъ Безобразовъ по одному дѣлу былъ привлеченъ къ отвѣтственности на судѣ Разряднаго Приказа. Въ архивѣ названнаго приказа сохранилось слѣдственное производ-

ство по этому дѣлу и въ этомъ слѣдственномъ производствѣ оказались захваченныя у Безобразова бумаги, представляющія собою черновикъ Безобразова съ его приказщиками и старостами по дѣламъ управленія хозяйствомъ въ его имѣніяхъ. Опираясь на этотъ драгоценный матеріалъ и дополняя его нѣкоторыми другими источниками, г. Новосельскій и далъ подробную картину хозяйственнаго строя вотчинъ и помѣстій землевладѣльца средней руки конца XVII ст., какъ бы въ pendant къ извѣстной статьѣ Забѣлина о хозяйствѣ крупнаго земельного собственника той же эпохи, боярина Морозова.

Этой монографіей г. Новосельскаго неизбѣжно будутъ постоянно пользоваться историки, характеризующая хозяйственную жизнь Московской Руси конца XVII ст.

Здѣсь я лишь кратко отмѣчу нѣкоторыя наблюденія автора.

Стольникъ Безобразовъ владѣлъ и помѣстьями, и вотчинами. Очень характерно явственно выступающее у него стремленіе: во-первыхъ, добиваться обращенія своихъ помѣстій въ вотчины; во-вторыхъ, переводить своихъ крестьянъ съ помѣстій на вотчины. Все это показываетъ, что, хотя къ концу XVII ст. юридическая различія между помѣстьями и вотчинами почти стерлись, тѣмъ не менѣе землевладѣлецъ все еще имѣлъ основанія предпочитать хозяйствовать на вотчинахъ, а не на помѣстьяхъ. Это важно отмѣтить въ виду того, что исследователь склоненъ преувеличивать результаты смѣшенія помѣстій и вотчинъ во второй половинѣ XVII ст.

Интересно и другое наблюденіе. Земельныя владѣнія Безобразова

были разсыпаны по многим уездам отчасти в Замосковьи, отчасти на черноземном юге. И вот любопытно, что Безобразов стремится разными средствами сократить свои владения в Замосковьи на счет расширения своих южных владений и имется с тем постоянно переводить своих крестьян из северных волостей и поместий в южные. Черноземный юг становится все больше и больше притягательным центром устремлений землевладельческого класса.

В VI томѣ Ученыхъ Записокъ Института исторіи (М. 1928 г.) хочется отметить изслѣдованіе Б. М. Грекова, посвященное анализу помещичьего хозяйства в XVII ст. в Новгородской области. Помѣшники, хозяйства которыхъ анализируетъ проф. Грековъ, все сидѣли на помѣстьяхъ, полученныхъ имъ отъ Софійскаго Дома Новгородскаго. Но авторъ утверждаетъ, что устройство и состояніе ихъ хозяйствъ представляло полную аналогію съ теми явленіями, которыя наблюдались и у помѣшниковъ, хозяйничавшихъ на помѣстьяхъ государственныхъ. В 1653 г. митрополитіи старецъ Афанасій произвелъ дозоръ земельнымъ владѣніямъ Софійскаго дома, расположеннымъ въ Обонежской пятинѣ. Грековъ и подвергъ изученію дозорныя книги старца Афанасія, хранящіяся въ архивѣ Археологической Комиссіи. Я скажу передъ вами главнѣйшіе выводы, извлеченные авторомъ изъ этого изученія. Въ срединѣ XVII ст. все помѣшники стремятся жить в своихъ помѣстьяхъ. Уже во второй половинѣ XVI ст. у софійскихъ помѣшниковъ имѣется барская запашка и барщинная повинность

крестьянъ. В XVII ст. барская запашка растетъ и у многихъ помѣшниковъ фактическая пашня въ значительной степени превышаетъ ту, которая официально значится за ними по писцовымъ книгамъ. Помѣшники в XVII в. ведутъ хозяйство не только на себя, но и на сбытъ. Въ ихъ хозяйствахъ примѣняется кромѣ труда крестьянскаго и холопьяго также и трудъ вольнонаемный. Крестьянская масса на этихъ помѣстьяхъ уже значительно дифференцирована экономически. Барщина была весьма распространена, но и оброки, какъ натуральные такъ и денежные также примѣняются. Большею частью натуральныя и денежные оброки существовали одновременно. Иногда и барщина и натуральный оброкъ замѣнялись денежными сборами. Замѣтна тенденція сажать холоповъ на пашню и переводить ихъ въ крестьянство.

III.

На исторію торговыхъ классовъ русскаго общества XVII ст. много свѣта проливаютъ изслѣдованія проф. Бахрушина, прекраснаго знатока столбовъ и книгъ Сибирскаго Приказа. Не такъ давно я далъ на страницахъ «Соврем. Записокъ» довольно подробный отчетъ о книгѣ С. В. Бахрушина по исторіи колонизаціи Сибири. Изучая исторію сибирской торговли, названный изслѣдователь получаетъ возможность по документамъ Сибирскаго Приказа дѣлать интересные и важныя наблюденія и по исторіи русскаго торговаго класса вообще.

В V томѣ «Ученыхъ Записокъ Института исторіи» появится при-

мѣчательная работа Бахрушинъ, въ которой онъ сообщаетъ свои наблюдения надъ постепеннымъ обособленіемъ въ теченіе XVII ст. крупныхъ торговыхъ людей въ особую социальную группу и надъ широкимъ проникновеніемъ въ составъ посадскаго населенія торговыхъ крестьянъ черносошнаго сѣвера въ связи съ ихъ обогащеніемъ на участіи въ Сибирскихъ торгахъ.

Выдѣленіе такъ называемыхъ «торговыхъ людей» въ особую социальную группу въ XVII ст. начало пересѣкать и слутывать официальную іерархію чиновъ, т. е. признанныхъ закономъ общественныхъ группъ.

Въ актахъ таможеннаго дѣла производства помимо дѣленія на официальные **чины** (люди служилые, люди посадскіе, крестьяне) начинаютъ различаться «люди торговые» и «люди промышленные». Это — дѣленіе независимое отъ дѣленія на тяглые **чины**, каковы: гости, люди гостинной сотни, люди суконной сотни, люди посадскіе, крестьяне черносошные и частновладѣльческіе «Торговымъ человѣкомъ» могъ быть признанъ членъ любого изъ только что поименованныхъ тяглыхъ чиновъ.

Подъ «промышленнымъ человѣкомъ» разумѣлся человѣкъ, промышленный личнымъ трудомъ; подъ «торговымъ человѣкомъ» разумѣлся капиталистъ, торгующій въ Сибири привозными товарами. Между тѣми и другими проводится и юридическая граница. «торговые люди» въ противоположность «промышленнымъ» освобождаются отъ сбора съ нихъ «головщины» при проѣздѣ съ товарами въ Сибирь. Въ первой по-

ловинѣ XVII ст. это дѣленіе видимо только еще зарождается. Рѣшѣтъ нѣтъ устойчивости. И еще въ 1639 г. Туринскій воевода съ недоумѣніемъ запрашивалъ у своего начальства въ Сибирскомъ Приказѣ, какъ ему быть, когда въ Верхотурскую таможенную являются ѣдущіе въ Сибирь люди, «которые въ проѣзжихъ грамотахъ названы «промышленными людьми», а съ ними — много товара, а иные названы въ проѣзжихъ грамотахъ «торговыми» людьми, а товары съ ними малые, — съ кого брать государеву головщину, а съ кого не брать?»

Къ серединѣ столѣтія терминъ «торговые люди» какъ будто уже твердо закрѣпляется за крупными коммерсантами, торгующими большими отъѣзжими товарами. По Соборному Уложенію 1649 г. (глава XIX ст. 16 и ст. 34) на посадахъ другъ другу противопоставляются «торговые люди» и «посадскіе люди», при чемъ первые трактуются, какъ группа, равнозначная съ «первостатейными» или «многомочными» членами посада, изъ среды которыхъ назначаются члены суконной и гостинной сотни, этихъ высокихъ разрядовъ столичнаго купечества, выше которыхъ стоятъ только гости.

И все же разрядъ «торговыхъ людей», какъ крупнѣйшихъ капиталистовъ, продолжалъ выходить и за рамки посадской организаціи. Въ этотъ разрядъ втягивались и особенно разбогатѣвшие крестьяне, не переставая числиться крестьянами. Такихъ было не такъ мало среди черносошныхъ крестьянъ сѣвернаго Поморья, разжившихся на Сибирскихъ торгахъ. Бахрушинъ приводитъ много любопытнѣйшихъ тому примѣ-

ровъ. Такъ, извѣстные капиталисты XVII ст. Босые и Ревякины продолжали числиться крестьянами подгороднаго села Пятницкаго подъ городомъ Устюгомъ и въ то же время входили въ составъ гостинной сотни, а иные изъ нихъ получали и званіе гостя.

Подобные факты настолько любопытны и на нихъ доселѣ обращалось такъ мало вниманія въ исторической литературѣ, что я позволю себѣ привести здѣсь и еще нѣсколько такихъ примѣровъ. Во второй половинѣ XVII ст. намъ хорошо извѣстенъ крупный гость Федотовъ - Гусельниковъ. Его предки были крестьянами деревни Омеляновской Юрьева наволока, около Великаго Устюга. Они разбогатѣли всецѣло на Сибирскихъ торгахъ. Продолжая сидѣть на землѣ, они вели крупныя торговля операции, отправляли товары въ Мангазею. Въ 1630 г. Василій Гусельниковъ, оставаясь крестьяниномъ, былъ прямо включенъ въ гостинную сотню. А въ 1648 г. мы уже видимъ его въ званіи гостя и въ качествѣ гостя онъ въ этомъ году управлялъ таможенными сборами въ Архангельскѣ. Онъ умеръ въ 1654 г. и передъ смертью постригся въ монахи.

Эти Гусельниковы, связанные съ высшими разрядами торговаго класса — съ гостинной сотней и съ гостями, тѣмъ не менѣе продолжали жить въ деревнѣ и даже не имѣли въ Устюгѣ ни двора, ни лавокъ. Прямо изъ крестьянъ появлялись въ гости и другой очень извѣстный гость XVII ст. — Никитинъ. Будучи крестьяниномъ села Чаровды Вышеозерской волости, онъ поступилъ въ прикащики къ московскому гостю Филатьеву.

Въ 1674 г. онъ ѣздилъ съ торговыми порученіями въ Китай. Въ 1679 г. онъ уже состоялъ въ гостинной сотнѣ, а съ 1681 г. получалъ званіе гостя. Въ 1681 - 1698 годъ его торговля операциями охватывали всю Сибирь вплоть до Китая, гдѣ работали его прикащики. Между тѣмъ всѣ члены его семьи продолжали числиться крестьянами Вышеозерской волости. По смерти Гаврилы Никитина его семья раззорилась и внукъ его вновь уѣхалъ на Чаронду*).

Приблизительно такой же жизненный путь — изъ поморскихъ черносошныхъ крестьянъ прямо въ гостинную сотню и въ гости — продолжали Глотова, Шангины. Осколковы, а изъ нижегородскихъ монастырскихъ крестьянъ выдвинулись въ первые ряды торговыхъ дѣятелей XVII ст. Калмыковы и др.

Причины этого экономическаго возвышенія многихъ представителей сѣвернаго черносошнаго крестьянства Бахрушинъ усматриваетъ, во-первыхъ, въ томъ, что селенія, изъ которыхъ выходили эти богачи, были расположены на важныхъ торговыхъ путяхъ въ Сибирь и, во-вторыхъ, въ томъ, что эти торговые крестьяне получали на первыхъ порахъ материальную поддержку отъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ изъ новой знати начала XVII ст., близъ владѣній которыхъ жили эти предпримчивые и смѣливые сѣверные мужики.

Подмѣченные и выдвинутые проф. Бахрушинымъ факты очень

*) Экономической биографіи Гаврилы Никитина посвященъ особый очеркъ проф. Бахрушина: въ т. I т. Трудоваго Института Исторіи.

знаменательны также и въ томъ отношеніи, что по нимъ мы видимъ, какъ экономическіе процессы въ XVII ст. начали уже разрывать и перетасовывать официально установленную іерархическую последовательность общественныхъ состояній, открывая новому крестьянину прямой путь къ высшему разряду торговаго класса, къ званію гостя, тогда какъ по общепринятому тогда порядку въ гостиную согласно и въ гости принимали людей лишь изъ среды первостатейнаго или «мочнаго» посадскаго купечества.

IV.

Теперь я останавлиюсь на движеніи специальной литературы въ области исторіи крестьянства. Здѣсь наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, выдвинувшаяся за послѣднее время новая постановка вопроса о возникновеніи крестьянской крѣпостной зависимости.

Въ 80-хъ г. г. минувшаго столѣтія научная контроверза по этому вопросу сводилась къ тому, что Сергіевичъ отстаивалъ традиционную версію о закрѣпощеніи крестьянъ царскимъ указомъ 1592 года, который до насъ не дошелъ, но о существованіи котораго умозаключали по содержанию издѣльнаго указа 1597 г. о смыслѣ бывшихъ крестьянъ; а Кутневскій выдвинулъ новую богатую аргументацію для подкрѣпленія и развитія мысли Погодина о томъ, что крестьянское закрѣпощеніе возникло помимо какихъ-либо правительственныхъ указовъ, путемъ фактической эволюціи социальнаго — экономическихъ отношеній и правительственной вла-

сти оставалось санкціонировать назрѣвшій жизненный фактъ.

Теперь вопросъ ставится иначе. Прикрѣпленіе крестьянъ единовременнымъ актомъ правительственной власти, осуществившимся въ 1592 г., не признается и теперь. Но все же правительственнымъ указомъ въ процессъ закрѣпощенія теперь приходится ввести гораздо болѣе важную роль, нежели это выходило по теоріи Ключевского.

Уже въ началѣ XX ст. изслѣдователи (первый — М. А. Дьяконовъ) стали обращать вниманіе на какъ-то ускользавшіе ранѣе изъ поля зрѣнія специалисты указы о такъ называемыхъ «заповѣдныхъ годахъ», т. е. указы, которыми свобода крестьянскаго выхода воспрещалась не совсемъ, а лишь на опредѣленный срокъ. Однако, Дьяконовъ, впервые обратившій серьезное вниманіе на эти указы, смотрѣлъ на нихъ, какъ на мѣропріятія случайныя, частныя, относившіяся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ и не имѣвшія общаго значенія.

Теперь С. Б. Веселовскій собралъ обильный актовъ матеріалъ о «заповѣдныхъ годахъ» и на основаніи анализа этого матеріала пришелъ къ выводу, что, если крестьянское закрѣпощеніе и подготовлялось фактической эволюціей экономическихъ отношеній, то все же и власть вовсе не стояла въ сторонѣ отъ этого процесса, а, напротивъ того, рѣшительно подгоняла его своими мѣропріятіями*) Указы о заповѣдныхъ годахъ и составляли важнейшее

*) Слѣдуетъ, по отчетливое изложеніе своей схемы С. Б. Веселовскій далъ въ своей статьѣ: «Изъ

проявление правительственной политики в этом вопросе на рубеже XVI и XVII вв. и

Во-первых, актовый материал упоминается как таковой, что заповедные годы устанавливались царскими указами не для отдельных местностей, а для всего государства; во-вторых, самый ранний из известных нам досел указов о заповедных годах приходится отнести к 1581 г. Следовательно, не в царствование Федора, а еще в царствование Ивана IV началось правительственное вмешательство в подготовку крестьянского закрѣпощения.

Въ актахъ имѣется много указаний на то, что въ 1580 г. крестьянскій выходъ былъ еще всюду свободенъ. Поэтому можно полагать, что указъ 1581 г. о заповѣдныхъ годахъ (См. сборникъ Сомовскаго: «Архивный матеріалъ») былъ первымъ такимъ указомъ. По цѣлому ряду указаний разсыпанныхъ въ разныхъ актахъ, видно, что 1582 - 87 г. г. были заповѣдными, т. е. что крестьянскій выходъ въ эти годы былъ запрещенъ. Изъ одной грамоты на Двину (Русская Историческая Библия, томъ XIV стр. 135-138) усматривается, что 1592 г., а вѣроятно и предшествующіе ему годы также были заповѣдными. Возможно, что заповѣдь сохранялась и въ постѣдующіе годы, но что имѣются намеки въ актахъ.

Проф. Грековъ въ своей обстоятельной статьѣ (въ Сборникѣ «Крѣпостная Россія» М. 1930 г.) приводитъ любопытныя цитаты изъ актовъ, показывающія, что

исторіи закрѣпощенія крестьянъ въ г. V Записи Института Исторіи

послѣ 1581 г. власти стали отказывались признать статью Судебника о крестьянскомъ выходѣ, ссылаясь на указъ о заповѣдныхъ годахъ.

Все же заповѣдные годы перемежались «выходными» годами, когда выходъ крестьянскій возобновлялся. Такъ, несомнѣнно, выходными годами были 1602 - 1603 г. г. Это видно изъ известныхъ указовъ Бориса Годунова 1601 и 1602 г. г. Ноябрьскій указъ 1601 г. устанавливалъ для крестьянъ выходъ на одинъ годъ, но съ большими ограниченіями (совсѣмъ не разрешая вывозъ крестьянъ изъ Московскаго уѣзда и въ Московскій уѣздъ; повсемѣстно воспрещалось вывозить къ себѣ крестьянъ въ чужіе чины, а въ боярѣ до головъ стрѣльцовъ, а также духовнѣмъ властямъ и монастырямъ; всѣ прочіе землевладельцы могли вывозить другъ у друга не болѣе одного-двухъ крестьянъ). Въ 1602 г. выходъ на такихъ же основаніяхъ былъ продленъ еще на одинъ годъ, т. е. на 1603 г. *).

*) У изслѣдователей вызываето недоумѣніе то обстоятельство, что указъ 1601 г. говоритъ о **вывозѣ** крестьянъ, а указъ 1602 г., сначала повторяя предписанія указа 1601 г., потомъ, какъ бы сбываясь, говоритъ о **продленіи выхода** крестьянскаго, а не вывоза. Г-нъ Одиенъ полагаетъ, что тутъ подъ выходомъ тоже разумѣтся вывозъ. Однако, эти указы видимо относятся вообще и къ вывозу, и къ выходу. На практикѣ по силѣ этихъ указовъ крестьяне и вывозились и выходили. Факты — у Дьяконова: «Заповѣдные и выходные лѣта».

Эти то указы о выходѣ съ ограниченіями очевидно и имѣлись въ виду при составленіи доклада къ указу Василія Шуйскаго 1607 г., когда тамъ говорилось, что «царь Борисъ крестьянамъ выходъ далъ, да не совсѣмъ».

Указъ Шуйскаго 1607 г. исходить изъ полного отсутствія у крестьянъ права выхода и запрещаеъ и на будущее время выходъ на основаніи уже того общаго принципа, что крестьянинъ вообще долженъ быть крѣпокъ тому господину, за которымъ онъ записанъ по писцовой книгѣ. Такой крестьянинъ, если онъ уйдетъ отъ господина, долженъ былъ считаться бѣглымъ и за пристанодержательство его указъ 1607 г. устанавливалъ высокий штрафъ.

Послѣ изданія указа 1607 г. указовъ о заповѣдныхъ годахъ болѣе не издавалось. По крайней мѣрѣ пока таковыя неизвѣстны.

Итакъ, не правъ былъ и Сергѣевичъ, приурочивавшій прикрѣпленіе крестьянъ къ гипотетическому указу 1592 года (при свѣтѣ данныхъ о постановленіяхъ относившихся къ заповѣднымъ годамъ, можно предположить, что и въ 1592 г. могла послѣдовать подобная же мѣра, но во всякомъ случаѣ она не была первой), но не правы были и оппоненты Сергѣевича, полагавшіе, что правительство въ XVI ст. вообще не издавало никакихъ распоряженій, воспрещавшихъ крестьянскіе переходы. Оппоненты Сергѣевича основывались на томъ, что и послѣ 1592 г. у насъ имѣется рядъ извѣстій о легальныхъ крестьянскихъ выходахъ.

Все дѣло однако въ томъ, что издававшіеся правительствомъ, начиная съ 1581 г., указы о запо-

вѣдныхъ годахъ всегда разсматривались, какъ срочныя, временныя мѣры, дѣйствіе коихъ прерывалось «выходными годами». Даже и послѣ указа Шуйскаго 1607 года, даже еще въ 30-хъ г. г. XVII ст. крестьяне питали надежды на счастіе выхода и говаривали: «родился царевичъ, будетъ намъ выходъ». Отъ 20-хъ г. г. XVII ст. имѣемъ 11 порядныхъ, въ которыхъ крестьяне обязываются «жить за господиномъ и никогда не выходить до государевыхъ выходныхъ лѣтъ».

Съ подобными надеждами кончило повидимому Соборное Уложение 1649 г. Во второй половинѣ XVII ст. уже не встрѣчается воспоминаній о прежнемъ правѣ выхода.

Итакъ, мысль о пассивномъ отношеніи государственной власти къ процессу крестьянскаго закрѣпощенія приходится оставить. Власть указами о заповѣдныхъ годахъ начала крѣпить крестьянъ еще ранѣе, нежели это предполагали сторонники теоріи установленія крѣпостного права сверху, — не съ 1592 г., а не позднѣе, какъ съ 1581 г. Власть дѣлала это, идя навстрѣчу желаніямъ служилыхъ помѣщиковъ такъ же, какъ въ первой половинѣ XVII ст. настоячивыя челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ побуждали власть отмѣнить урочные годы для сыска бѣглыхъ.

Что же побуждало помѣщиковъ добиваться закрѣпощенія крестьянъ? Задолженность крестьянъ у помѣщиковъ, которую выдвигали на первый планъ Ключевскій и Ляконовъ, не отрицается, конечно, и новѣйшими изслѣдователями. Но большее значеніе придаетъ имъ явленіямъ иного порядка: на

чавшемуся съ середины XVI ст. расширенію господской запашки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и въ связи съ этимъ нуждѣ въ рабочихъ рукахъ и стремленію предупредить уходъ крестьянъ на земли крупныхъ землевладѣльцевъ— бояръ. Потому го дворяне и дѣти боярскія зывали къ власти о прикрѣпленіи крестьянъ и власть шла навстрѣчу этимъ домогательствамъ.

Отъ себя къ этому прибавимъ, что власть руководилась при этомъ и политическимъ мотивомъ. Въдѣ закрѣпощеніе крестьянъ завершало собою построение упомянутаго выше «великаго государственнаго крѣпостного устава», который состоялъ въ закрѣпощенности всѣхъ группъ населенія безъ изъятія.

И крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ помѣщику прежде всего потому, что самъ помѣщикъ былъ служилымъ человѣкомъ, прикрѣпленнымъ къ службѣ. Помѣщикъ былъ привинченъ на всю жизнь къ походному сѣдлу и къ приказной избѣ; посадскій человѣкъ былъ привинченъ на всю жизнь

къ торговому прилавку; крестьянинъ былъ привинченъ на всю жизнь къ господскому полю. Въ основѣ всѣхъ этихъ прикрѣпленій въ Московскомъ государствѣ лежалъ не чей-либо частный, а общегосударственный интересъ. Потому и крѣпостное право на крестьянъ получило тогда значеніе государственнаго, политическаго института. Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ работѣ на помѣщика для того, чтобы помѣщику «было, съ чего государеву службу служить». Крѣпостной крестьянинъ разсматривался такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ, не какъ частная собственность помѣщика, а какъ опорный столпъ всего государственнаго зданія.

Крестьянская закрѣпощенность вступила затѣмъ въ новую фазу и измѣнилась въ своемъ существѣ, когда въ XVIII ст. начался процессъ превращенія дворянина изъ служилаго человѣка въ свободнаго отъ обязательной службы привилегированнаго земле- и душевладѣльца.

А. Кизеветтеръ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Ант. Ладинскій: Черное и голубое (стихи). Изд. «Современныя Записки». Цѣна 9 франковъ.

Несомнѣнно есть прелесть въ стихахъ А. Ладинскаго, уже нѣсколько лѣтъ печатающихся въ зарубежныхъ газетахъ и журналахъ, но только теперь впервые собранныхъ имъ въ отдѣльную книгу. Есть въ нихъ налетъ романтики, немного стилизованной («Черное и Голубое» — два романтическихъ цвѣта). Ладинскій не боится рифмовать «роза — мороза», «розы — слезы», правда, не безъ улыбки

«Къ морозу рифма — роза
«Съ державинскихъ временъ».

Или:

«А время бы заняться намъ стихами
О розахъ, о любви и о лунѣ».

Но не притворна ли эта иронія надъ собой? Образы Ладинскаго часто смѣлы, но и приблизительны, чуть-чуть туманны, какъ въ фотографіи, въ которой не соблюдено разстояніе.

«Мы облакомъ соленой пыли
Дышали на зарѣ, впотѣмахъ,
Пробѣгая морскія мили
На вздыбленныхъ корабляхъ.»

Часто его образы чаруютъ своей своеобразной логикой или нелогичностью. Хорошо неожиданное сравненіе въ стихотвореніи «Дѣтство»:

Когда рояль прекрасный раскрывали
И чернымъ лакированнымъ крыломъ,
Огромной ласточкою въ бѣдомъ залѣ,
Онъ бился на паркетѣ восковомъ.

И есть все же какая-то правда въ опредѣленіи:

Роза, ты — охалка голубая
Воздуха и горсть земли.

Въ развѣртываніи образовъ и сравненій есть у Ладинскаго порою своеобразное остроуміе (правда, иногда и *reductio ad absurdum*). Иногда это — игра анахронизмами, какъ въ «Стихахъ о Москвитинѣ», или «Аргонавтахъ», въ прелестной «Готической Зимѣ», гдѣ

«Пришелъ конецъ телѣгамъ
И кредель золотой
Посыпать сладкимъ спѣгомъ
Надъ булочной ночной.

Въ этой «Готической Зимѣ» неожиданно появляется упоминаніе о скандинавской драмѣ, въ старинномъ Архангельскѣ поэтъ говоритъ о Донѣ Хозе, а въ средневѣковой Флоренціи оказываются серванты.

У Ладинскаго есть любимыя сравненія, къ которымъ онъ часто возвращается. Смерть онъ сравниваетъ то съ отплытіемъ корабля, то съ отходомъ каравана со стоянки, то съ переѣздомъ на новую квартиру. Музу съ лошадью на аренѣ, а поэта съ затравленнымъ звѣренышемъ или съ рыбкой, выброшенной на берегъ, гдѣ

...Воздухомъ голубоватымъ
Мы дышемъ тяжело, съ трудомъ.

Но рыбка хорошо въ водѣ, а для поэта и вѣтъ земли «сырая вѣчность», «ледяные океаны». Не сонѣмъ понятна послѣдняя, красивая строфа —

«О, Навзикая, ты купалась
На томъ песчаномъ берегу,
Гдѣ рыбка мертвая осталась
Лежать на золотомъ боку.

Собранные въ одну книгу стихи Ант. Ладинскаго очень выигрышны. Тѣхъ, кто любитъ поэзію, порадуетъ появленіе этого небольшого, изящно изданнаго сборника стиховъ подлиннаго поэта.

М. Цеглинъ.

Мих. Осоргинъ. Повѣсть о сестрѣ. — Издательство «Современныя Записки». Парижъ.

Близкіе и любящіе люди часто не понимаютъ происходящаго рядомъ съ ними и не умѣютъ помочь въ трудную минуту. Такими любящими и невидящими глазами брата пользуется Мих. Осоргинъ для описанія жизни героини своей новой повѣсти. Пріемъ этотъ очень остроумный и даетъ возможность изрисовать сложный и не вполне опредѣлившійся женскій образъ безъ всякихъ авторскихъ объясненій и подчеркиваній. Образъ остается живымъ и понятнымъ, сохраняя нѣжную неясность очертаній. Братъ, отъ имени котораго авторъ ведетъ свое повѣствованіе, былъ любящимъ и безвольнымъ свидѣ-

телемъ отдѣльныхъ моментовъ жизни сестры, но ни разу не участвовать активно въ ея судьбѣ, ни разу не быть ея наперсникомъ. Причина страданій молодой, красивой и разнообразно одаренной женщины до конца остается не вполне для него ясной. Такимъ образомъ внутрення жизнь героини раскрывается для читателя лишь въ отдѣльныхъ, еле уловимыхъ чертахъ, угадывается въ острые минуты душевныхъ конфликтовъ. Ни героиня, ни авторъ не даютъ никакихъ точныхъ объясненій, не раскрываютъ ея драмы въ точныхъ словахъ и не даютъ опредѣленнаго, навязчиваго толкованія. Именно это составляетъ прелесть повѣсти и ея значительность, такъ какъ, предоставляя читателю свободу пониманія, расширяетъ созданный образъ. Братья видятъ горе сестры въ неудачномъ замужествѣ, въ неудовлетворенной жаждѣ любви, въ томъ, что ей не удалось встрѣтить героя вмѣсто обидѣнныхъ «Иванъ-Иванычей». Авторъ молчитъ, но умѣло подставляетъ нѣкоторые штрихи и детали, которые помогаютъ читателю увидѣть, почему такъ безцѣльно и печально прошла жизнь женщины, имѣвшей какъ будто все для счастья.

Героиня повѣсти Мих. Осоргина — представляетъ собою женщину на рубежѣ двухъ эпохъ, двухъ столѣтій. Она уже не прежняя, покорная традиціи женщина, которая видитъ въ мужѣ даннаго ей Богомъ господина на всю жизнь. Такая прежняя женщина нашла бы въ себѣ силы простить мужу его случайную измѣлу, видѣла бы долгъ своей жизни въ созданіи уютнаго очага, въ заботахъ о дѣтяхъ и хозяйствѣ. Старинныя правила, учившія прошенію и покорности, постепенно сгладили бы боль обиды и разочарованія, а жизнь, полная заботъ о домѣ, казалась бы нужной и содержательной. Но Катя уже не была такою женщиной. Послѣ первой же измѣны мужа, несмотря на его раскаяніе, она навсегда вычеркнула его изъ своей жизни и, потребовавъ «взаимной свободы», сдѣлала семейный домъ пустынной гостиницей. Если она была несчастной, то по-своему несчастнѣе былъ и мужъ, всю долгую жизнь оставшійся чужимъ у себя въ домѣ и вынужденный искать дружбы на сторонѣ. Но если она не считала, подобно женщинамъ предыдущихъ поколѣній, семейныя узы священными и нерасторжимыми, то она еще не была новою женщиной, умѣющей въ случаѣ надобности ихъ разрывать. Такимъ образомъ она обречена была остаться на полпути: уничтоживъ семью, продолжать по вѣщности въ ней оставаться.

Такъ же какъ въ вопросахъ семейныхъ, она была обречена остаться на полпути и въ вопросахъ общественныхъ. Она уже не была женщиной, которая видитъ единственную цѣль въ семьѣ, но еще не была тою, которая всерьезъ умѣетъ найти цѣль въ работѣ внѣ семьи. Всѣ ея начинанія — музыка, архитектура — несмотря на прирожденные ея таланты, обречены на неудачу, такъ какъ для нея самой они не представляютъ серьезной жизненной задачи. Современная женщина, если личная жизнь ея неудачна, можетъ найти удовлетвореніе въ работѣ. Препятствіе же не искала удовлетворенія внѣ личной жизни. Героиня Осоргина — женщина промежуточной эпохи —

хочетъ найти удовлетвореніе внѣ дома, но роковымъ образомъ все бросаетъ, такъ какъ не можетъ ощутить серьезной потребности въ самостоятельной дѣятельности.

Но еще болѣе сказывается «промежуточность» эпохи въ отношеніи къ любви. Почему эта молодая, какъ будто исполненная нетронутыхъ душевныхъ силъ, женщина прошла всю жизнь, не зная радостей настоящей взаимной любви? Потому ли, на самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ ея любящій братъ, что на ея пути не встрѣтился достойный ея настоящий «герой», а все попадались «Иванъ-Иванычи»? Или потому, какъ грустно замѣчаетъ его устами авторъ, что «не всякій рожденный для любви, любовь свою находитъ»? Героиня повѣсти, по своему своему душевному складу «рожденная для любви», какъ ея мать и ея бабушка, уже не была способна къ воспріятію любви и въ этомъ ея основное несчастье. Любящая женщина не судить и не выбирать — ей не нужно «героя». Такою была женщина стараго поколѣнія и такою снова стала женщина новаго поколѣнія, которая вернулась къ прежнему «не по хорошему милу, а по милу хорошему». Но женщина конца прошлаго вѣка, женщина промежуточной эпохи еще не нашла примѣненія своей проснувшейся жаднѣ интеллектуальной жизни и вносила ее даже туда, гдѣ ей меньше всего слѣдовало бы быть — въ жизнь чувства. Прелестная милая Катя *хочетъ* любить и не можетъ. Она должна знать, *за что* она любить — но знать этого нельзя. Она навсегда отталкиваетъ мужа, потому что онъ невѣренъ. Она порываетъ знакомство съ правящимся ей, дававшимъ ей энергію жизни, архитекторомъ Власьевымъ, потому что онъ не «герой» и потому что онъ влюбленъ въ нее не такъ, какъ она считаетъ это нужнымъ. Она ищетъ той любви, которую рисуетъ ей интеллектуальное воображеніе, и проходитъ черезъ всю жизнь одинокой «королевой», королевой, которая *хочетъ* «быть пастушкой». Въ очень трогательной и нѣжно написанной сценѣ на волжскомъ пароходѣ авторъ на мгновеніе показываетъ намъ ея подлинную боль, когда, постарѣвшая, ослабѣвшая, она льетъ тихія неустойчивыя слезы на ладони въ сѣрой полутьмѣ ночи. Эта сцена одна изъ лучшихъ въ повѣсти и дѣлаетъ героиню близкой и любимой. Она быть можетъ въ эти мгновенія тихихъ слезъ, рядомъ съ непонимающимъ братомъ, сама сознавала роковую свою неспособность къ простой любви, свободной отъ интеллектуальныхъ предвзятыхъ «запросовъ», но «пастушкой» она стать не могла. — Влюбленные «мужскіе» взгляды ее оскорбляютъ, но почувствовать себя настоящимъ товарищемъ мужчины она еще не можетъ и работъ оживлена для нея только мыслью о любви — безъ нея она тотчасъ бросаетъ архитектуру, какъ раньше бросила музыку.

Съ большою тонкостью, на единичномъ стономъ не раскрывая своего намѣренія, авторъ даетъ еще одинъ штрихъ для уясненія основной неспособности героини къ инстинктивной, непосредственной любви. Съ своими дѣтьми она сближается лишь тогда, когда съ ними становится возможнымъ умственное общеніе. Пока они маленькіе, она чувствуетъ себя въ дѣтской чужою и лишнюю. Измѣна мужа, отравивъ вос-

поминание о первых годах брака, наложила тѣнь и на ихъ дѣтей, которые кажутся ей «его» дѣтьми, — хотя конечно ни одна непосредственно чувствующая мать не приняла бы такого объясненія. Но «его» дѣти становятся ей друзьями, близкими существами — хоть и безъ интуитивнаго материнскаго влеченія, — какъ только они могутъ вступити въ интересующую ее сферу «духовнаго общенія». Ихъ близость, забота о нихъ не могутъ все же восполнить основного пробѣла ея жизни — отсутствія настоящей любви. Авторъ мудро даетъ ей равную смерть для того, чтобы оставить ея образъ мягкимъ и не слишкомъ рѣзко очерченнымъ: въ старости человѣкъ опредѣляется и невольно подводитъ итоги. Катя умираетъ молодой, когда для нея еще возможно было всякое рѣшеніе основного вопроса ея жизни.

Образъ Кати, живой, умной, богато одаренной, разливающей во кругъ себя свѣтъ и ласку, казалось бы на все способной и въ то же время внутренне безплодной — написанъ безупречно. Нѣтъ ни одной лишней детали, и ни одного фальшиваго штриха. Это образъ женщины, обреченной съ рожденія — ибо она лишь предчувствіе будущаго, лишь отказъ отъ прошлаго, но не утвержденіе настоящаго. Обреченность прелестнаго существа всегда волнуетъ. Очарованіе Кати въ значительной степени объясняется ея роковымъ положеніемъ «между двухъ психологій», между двухъ эпохъ, положеніемъ слегка напоминающимъ «Разочарованныхъ» Пьера Лоти.

Женщина Катинаго типа очень рѣдко появляется въ русской литературѣ и такое толкованіе ея образа, какое даетъ повѣсть Мих. Осоргина, полно новизны и свѣжести. Окружающая ее старая Москва, студенческій бытъ написаны правдиво и просто. Особенно удалась фигура студента Мартынова.

Прекрасный языкъ повѣсти и нарисованныя съ искреннимъ чувствомъ картины русской природы составляютъ чудесную рамку для образа героини. Повѣсть волнуетъ читателя своей сосредоточенной тихой печалью и читается съ увлеченіемъ.

Ю. Сазонова.

Леонидъ Леоновъ. Соть. Романъ. Москва. 1930. Изд. «Зифъ».

Леонидъ Леоновъ долгое время находился и находится еще и теперь подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Достоевскаго. Но отличія формальныя, другая манера писать, другой способъ рассказывать дѣлаютъ это вліяніе менѣе подавляющимъ, чѣмъ могло бы оказаться. Леоновъ, какъ Достоевскій, всегда стремится своего героя судить. Его романы — какъ и романы Достоевскаго, — представляютъ собой въ сущности беллетристическую обработку нѣкаго «судебнаго процесса», куда авторъ врывается то какъ защитникъ, то какъ обвинитель, и гдѣ въ концѣ концовъ онъ произноситъ и приговоръ. Но по сравненію съ Достоевскимъ, Леонову въ построеніи, въ развитіи темы не достаетъ отчетливости, — и дѣло тутъ не только въ меншей одаренности его. Леоновъ несомнѣнно, человѣкъ очень одаренный, и если можно такъ

выразиться, одаренность его очень «серьезная», т. е. значительная и напряженная. Онъ еще молодъ, чего онъ достигнетъ — неизвѣстно. Однако, нѣкоторая неясность останется въ его творествѣ вѣроятно навсегда, и это одинаково можно считать качествомъ или порокомъ. Правильнѣе сказать, что это просто свойство, особенность.

Достоевскій говорить о человѣкѣ и, найдя «героя», слѣдить за нимъ чуть ли не на всемъ протяжении его существованія. Онъ какъ бы ходитъ за нимъ по пятамъ, и только тѣ частицы бытія попадаютъ въ его романъ, которыя ему на пути встрѣчаются. О «жизни вообще», въ ея внѣшнемъ обликѣ, Достоевскій молчитъ. Леоновъ же воспроизводитъ именно жизнь вообще: временный, пространственный, социальный «отрѣзокъ» ея. Начала и концы отдѣльныхъ судебъ остаются внѣ его вниманія. Только пока человѣкъ находится въ данномъ «отрѣзкѣ», только до тѣхъ поръ Леоновъ видитъ его, исчезнетъ онъ изъ этого отрѣзка, Леоновъ о немъ забываетъ. Оттого, ткань его романа чрезвычайно сложна, въ ней множество оборванныхъ, никому не ведущихъ нитей, нужныхъ только для того, чтобы ткань была тканью, — какъ въ отрѣзкѣ земли есть множество ручьевъ и рѣкъ, на которыхъ въ предѣлахъ даннаго отрѣзка упасть куда нельзя, но которые нужны для того, чтобы природа была природой. Если Леонову удастся все же во всемъ этомъ многообразіи выдѣлить главную тему повѣствованія, наметить героя и обликъ его, — указать, гдѣ просто ручеекъ и гдѣ будущая Волга, — то это лишь убѣждаетъ насъ въ силѣ его таланта. О замѣчательномъ романистѣ этомъ надо было бы поговорить подробнѣе, если бы читатели «Современныхъ Записокъ» не были бы уже съ нимъ знакомы по обстоятельному очерку Ю. Сазоновой.

«Соть», новый, только что вышедшій романъ Леонова, — съ узколитературной точки зрѣнія вещь не менѣе удачная, нежели предыдущія его произведенія. Пожалуй даже, только въ «Соти», по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ главахъ ея, Леоновъ достигъ подлинной художественной зрѣлости. Въ «Ворѣ», не говоря ужъ о «Барсукахъ», была нѣкоторая аляповатость, мелодраматичность, здѣсь исчезнувшая. Но «Соть» все же слабѣе «Вора». Нельзя же считать рѣшающимъ признакомъ достоинства художественнаго произведенія то, какъ оно написано. Какъ оно задумано? — хочется спросить себя прежде всего, и именно этотъ вопросъ сразу обнаруживаетъ сравнительную слабость «Соти». Леоновъ пошелъ въ ней на сдѣлку съ совѣстью, принося къ исполненію тѣ рецепты и указанія, которые даетъ сейчасъ совѣтской литературѣ «руководящая партійная критика». Отъ человѣка, отъ найденной у Достоевскаго темы грѣха и воздаянія, Леоновъ безъ особаго труда поднялся къ изображенію «производства», къ картинамъ столкновенія общественныхъ силъ безъ труда и, — добавимъ, — безъ вдохновенія. Правда, въ процессѣ творчества ему не разъ случалось забыться, стать опять самимъ собой. Правда, въ основѣ «Соти», какъ и всегда у Леонова, лежитъ мысль и тревога о Россіи, мало имѣющія общаго съ современными официально-совѣтскими на-

строениями. Но все-таки вялость плана, его внутренняя чуждость автору даетъ себя знать въ романѣ, и никакимъ мастерствомъ этого искупить нельзя.

Соть — рѣка на сѣверѣ Россіи. Дикій, пустынный край, по которому протекаетъ она, волею мѣстныхъ и центральныхъ властей долженъ быть «индустриализированъ». Энергія Соти должна быть обращена на созданіе грандіозныхъ бумажныхъ фабрикъ. Образуется «Сотьстрой». Новыя силы вступаютъ въ борьбу со старой, косной «толстозадой» — по Блоку, — Русью, и побѣждаютъ ее. Такова схема романа, — наименѣе интересное, что въ немъ есть. Эту схему оживляетъ огромное количество человѣческихъ образовъ, намѣченныхъ бѣгло, но порой очень глубоко. Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы знать, какъ «живутъ и работаютъ» люди въ теперешней Россіи, о чемъ они думаютъ, на что они надѣются, чего ждутъ, чего боятся, сочиненія Леонова — документъ перворазрядный. Въ «Соти» Леоновъ сталъ уклончивѣе, чѣмъ былъ въ «Ворѣ», онъ не рассказываетъ, а лишь даетъ возможность догадываться, но и намеки такого писателя цѣннѣе чѣмъ инныя прямые свидетельства.

Георгій Адамовичъ.

В. Сиринъ. «Защита Лужина». Изд. Слово, Берлинъ, 1930.

Говорить о «Защитѣ Лужина» — значитъ говорить вообще о прозѣ Сирина. Книга его лабораторныхъ разсказовъ ложится первой и необходимой ступенью въ просторность его творческой мастерской. Разказы эти умершвлены и гальванизированы, ихъ повѣствовательная ткань дана черезъ наглядное взаимодействіе матеріала и приѣмовъ оформления. Въ разказахъ Сирина писательская техника выставлена для всеобщаго обозрѣнія, и ихъ смыслъ и существованіе представляются иногда случайными и необязательными. Романы Сирина вбираютъ въ себя всю его писательскую опытность, но только для того, чтобы съ наибольшей полнотой выразить свой внутренний лабосъ. Отъ нѣсколько расплывчатой «Маленьки», черезъ непрочный, но четкій міръ «Короля, дамы, валета» къ прекрасной одушевленности Лужина — путь непрерывнаго роста и большихъ достижений. Отъ сюжетной психологичности Сиринъ пришелъ къ человѣческой образъ живого человѣка является для «Защиты Лужина» центральнымъ и организующимъ, и въ его убѣдительности основная удача романа.

Исторія Лужина въ ея вѣншиемъ біографическомъ выраженіи — обыкновенная исторія гибели человѣческой души отъ своей исключительности. Душа Лужина опустошена искусствомъ — шахматами. Шахматы входятъ въ жизнь маленькаго Лужина, какъ чужіе войска занимаютъ городъ — и пустое, трудное и тягостное дѣтство сразу спривкасается съ будущей зрѣлостью. Дѣтство Лужина, угрюмое и одинокое, не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшей традиционности — такого дѣтства въ русской литературѣ еще не было. Жестокость и, можетъ быть, античеловѣчность чувствуются въ той безошибочности писательско-

зрѣнія, съ которой Сиринъ вводитъ въ свой романъ нѣкоторыя детали характеристикъ. Маленькій Лужинъ и такъ достаточно непривлекателенъ, — но Сиринъ какъ будто не чувствуетъ къ нему никакой жалости: «Наплакавшись вдоволь, онъ поигралъ съ жукомъ, нервно поводящимъ усами, и потомъ долго его давилъ камнемъ, стараясь повторить первоначальный сдобный хрустъ». Ради подобныхъ, психологически обнаженныхъ моментовъ Сиринъ какъ будто забываетъ, что какая-то часть человѣческой отвѣтственности за выдуманнаго имъ героя остается на немъ. Но дальнѣйшее развитие романа показываетъ, что эта мнимая жестокость — недоразумѣніе, что она исходитъ изъ авторской добросовѣстности, и своеобразной психологической концентрации его стиля. Лужинъ не беззащитная жертва писательскаго вниискторства, а живой человѣкъ, дышащій, двигающійся и, пожалуй, уже независимо отъ автора, создающій свои личныя отношенія съ читателемъ. Эволюція образа Лужина, тема человѣческой души, интереснѣе и нагляднѣе, чѣмъ неясная тема «судьбы», которая ощущается въ романѣ, какъ слишкомъ очевидно «поставленная» проблема — или слишкомъ поспѣшно увидѣнная. Лужинъ гимназистъ, угрюмый Лужинъ, несущій въ себѣ еще нескрытуюся обреченность шахматнымъ силамъ, непріятенъ чрезвычайно. Но растворившій свою реальную жизнь, свои человѣческія желанія, свое тѣло — все личное — въ безвоздушной стихіи искусства, взрослый Лужинъ переживаетъ вдругъ возвращеніе на твердую землю, — и холодный, безжизненный Лужинъ становится трогательнымъ, смѣшнымъ, влюбленнымъ и живымъ. Женская любовь сталкивается съ безстрастностью искусства, человѣческая теплота противопоставляется опустошающему холоду творческихъ высотъ — Лужинъ утрачиваетъ сознание единства дѣйствительности. Лужинъ забываетъ, Лужинъ перестаетъ понимать жизнь.

Дѣтство Лужина сразу переходитъ въ шахматный бредъ. Есть какое-то цѣлостство въ томъ, что Лужинъ въ теченіе романа превращается во взрослого мгновенно — даже абзацемъ не отмѣченъ перерывъ въ шестнадцать лѣтъ. Но Лужинъ уже не жить въ шахматныхъ полней, его дѣтство тѣлкомъ подчинилось имъ. И какъ опережающій развитіе темы намекъ, какъ ключъ къ будущему безумію, звучатъ нѣсколько строчекъ о злобѣ ихъ измѣненіяхъ міра вокругъ него: «Аллея была вся пятнистая отъ солнца, и эти пятна принималъ, если прищуриться, видъ ровныхъ, свѣтлыхъ и темныхъ, квадратовъ.. Каменные слобзы съ крышами, стоявшіе на четырехъ углахъ садовой площадки, угрожали другъ другу по діагонали». Послѣ этого не нужно длинно и подробно рассказывать о цѣлостныхъ этапахъ жизни Лужина — шахматы вытѣсняють изъ нея все содержаніе. И гибель Лужина предопредѣлена воздухомъ его дѣтства.

Лужинъ въ дѣтствѣ вызываетъ въ насъ холодное удивленіе искусству автора. Къ взрослому Лужину, къ его неумѣльнымъ попыткамъ, нѣжности, къ громоздкому и витѣватому стилю его поведения мы относимся иначе. Лужинъ материализируется, Лужинъ дѣлается не то-

нимъ, но теплымъ, страннымъ, но живымъ, безпомощнымъ, но притягательнымъ. Мы не можемъ противиться трогательной и смѣшной суммѣ его чудачествъ, и Лужинъ, проходящій черезъ любовь, бѣдъ и бракъ, перестаетъ быть для насъ только выдуманнымъ литературнымъ героемъ. Вообще — высшее достиженіе сиринскаго творчества — это несомнѣнно образъ Лужина, одушевленный и убѣдительный. Отецъ Лужина обѣднень Сириннымъ, какъ обѣднены и остальные вторичныя роли романа — и даже новый вариантъ «русской дѣвушки», остается недовоплотившимся. Они все живы, но внѣшней наглядностью — Лужинъ же показанъ и изнутри. Но это не кажется недостаткомъ романа: законъ творческой воздущной перспективы отодвигаетъ весь человѣческій матеріалъ вглубь — вниманіе автора на Лужинѣ.

Вторая половина романа опредѣляется отклоненіемъ сюжета въ сторону наибольшаго сопротивленія. Даже женившись, Лужинъ, съ притаившимися въ немъ шахматными бѣсами, очевидно, не укладывается въ благополучныя рамки комнатнаго существованія. И не для того же мы слѣдили за волненіями его темной и избранной души, чтобы увидѣть ее въ прирученномъ и покорномъ видѣ? Лужинъ внозь замыкается въ кругъ своихъ сомнѣній. Страшная и безопытная комбинація, въ которой его смятенной человѣческой волѣ противопоставляется все существующее, грозитъ ему гибелью. И самоубійство оказывается не только простымъ и законнымъ концомъ его безумія, но и побѣдой надъ воображаемымъ противникомъ. Шахматы разсыпаны, искусство посрамлено, а торжествуетъ та дѣловая и спокойная озбоченность, съ которой Лужинъ выбиваетъ окно и выбрасываетъ въ него свое тѣло. И вотъ въ томъ, какъ эта обязательная и предопредѣленная смерть вдругъ придаетъ послѣднюю многозначительность, казалось, уже исчерпанной темѣ, побѣда Сирина надъ козностью сюжетной инерціи. Смерть рѣшаетъ только матеріальное содержаніе романа, и за этимъ рѣшеніемъ не пустота, не читательская разочарованность, а собранность внутреннихъ смысловъ. Самъ же Лужинъ — увя. — умираетъ раньше своей физической смерти: на послѣднихъ страницахъ онъ опять утрачиваетъ человѣческую теплоту и возвращается къ своему отправному небытію.

Сиринъ пишетъ свой романъ такъ, какъ будто у него нѣтъ никакихъ литературныхъ предшественниковъ. Исторія лужинскаго тѣла прерывается описательными отступленіями, расчетливо и не безъ кокетства обпакуются главныя нити сюжета, и все тѣ отрывки времени и части дѣйствія, которые могли бы зажать нарастаніе психологической темы, даются въ неожиданномъ и своеобразномъ аспектѣ. Война и революція не измѣнили и не могли измѣнить душевныхъ маршрутовъ Лужина — и они искусно исключаются изъ содѣйствія съ его душой. Недостающее біографическое звено замѣняется писательскими сомнѣніями его отца, призрачностью его писательскихъ воспоминаній — и этотъ пріемъ прекрасно и остроумно освобождаетъ романъ отъ многихъ излишнихъ погловательныхъ деталей. Но иногда

такія «разсчитанныя» мѣста книги одновременно и радуют своимъ мастерствомъ, и пугаютъ побѣдоносной убѣдительностью заведомо искусственного матеріала. И когда отепь Лужина, сыгравшій свою потезную роль въ романѣ, устраняется, потому что больше не обязательно для его развитія, рационализация творческаго матеріала представляется слишкомъ явной.

Все, что было характерно для прежнихъ книгъ Сирипа, находятъ въ «Защитѣ Лужина» свое законченное и окончательное выраженіе. Нѣсколько фальшиво звучащихъ, угловатыхъ словечекъ — тлетворный, пѣсговать, сирый, — подчеркиваютъ музыкальную разномѣрность его языка, два, три псудачныхъ отвлеченія въ юмористику единственно нарушаютъ внутреннюю стройность романа. Его эпитеты и образы, какъ бабочекъ, можно накалывать на булавки. Диалогъ «Защиты Лужина» — условный, просѣянный и экономный — прекрасное продолженіе реалистическаго многословія.

Ал. Новикъ.

Иванъ Лукашъ. Пожаръ Москвы. Изд. «Возрожденіе».

Романъ-хроника И. Лукаша развивается очень широко, включая въ себя не только событія 1812 года, пожаръ Москвы и отступленіе Наполеоновской арміи. Романъ начинается прологомъ — убійствомъ Павла и кончается возстаніемъ 14 декабря въ Петербургѣ. Эти событія представляются автору главными вѣтвями того трагическаго узла, который завязался въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка и былъ разрубленъ черезъ сто лѣтъ, катастрофой 17-го года. Ни Павелъ, ни Александръ Первый не сумѣли сочетать Имперію со свободой, не уничтожили рабство. Не удалась и попытка революціи на Сенатской площади. Это предопредѣлило будущую трагедію.

Но, разумеется, И. Лукаша, какъ художника, главнымъ образомъ привлекаютъ не тѣ или инныя «проблемы», а красочная живая ткань историческихъ событій. Лукашъ отыскалъ въ историческихъ источникахъ много интересныхъ чертъ и деталей той эпохи, онъ рисуетъ рядъ смѣняющихся другъ друга жуткихъ и трагическихъ эпизодовъ. Въ центрѣ ихъ молодой офицеръ Кошелевъ, чья судьба типична для образованнаго и свободолюбиваго челоѣка тѣхъ лѣтъ, вплоть до гибели его на Сенатской площади въ день 14-го декабря, которой заканчивается романъ. Но гораздо интереснѣе фигуры этого офицера у Лукаша солдаты. Недаромъ книга посвящена памяти отца автора, ефрейтора Финляндскаго полка. Въ ней сохранились и оживли солдатскія легенды, настроенія гвардейскихъ солдатъ начала девятнадцатаго вѣка. И это, можетъ быть, наиболѣе въ ней цѣнно и оригинально. Самыми лучшими страницами книги представляются намъ тѣ, которыя посвящены пребыванію русскихъ войскъ въ Парижѣ. Нѣсколько утомляющей своей однообразной напряженностью тонъ романа здѣсь смягчается юморомъ и улыбкой. «Воздухъ свѣтлаго тепла, дальняго дыма принесли съ собой въ Парижъ Россійскія войска: запахъ сукна и сѣна, здоровнаго мужицкаго тѣла, горячаго вина, табаку, хлѣба, кваса,

баннаго пара и березовыхъ вѣшниковъ, бодрый запахъ солдатъ Петровой Имперіи», — говорить И. Луканъ и онъ сумѣлъ дать намъ почувствовать этотъ «воздухъ свѣжей бодрости». Очень милъ эпизодъ женитьбы русскаго гренадера на французкѣхъ Сюзаннѣ, которую онъ увозитъ въ Россію. Въ этихъ страничкахъ чувствуется та внутренняя правда, которая не всегда достигается вѣрной цитатой изъ того или другаго историческаго источника.

Серьезно задуманная художественно историческая хроника И. Лукана не должна пройти незамѣченной въ русской зарубежной литературѣ.

М. Цетлинъ.

Баронъ Б. Э. Нольде. Далекое и близкое Историческіе очерки. Изд. «Современныя Записки» Парижъ, 1930 г.

Это очень хорошо, что Б. Э. Нольде собралъ въ книгу свои газетныя статьи. Всѣ статьи короткія, но каждая насыщена историко-политическимъ содержаніемъ, вотъ вродѣ того, какъ каждый коротенькій рассказъ Чехова насыщенъ содержаніемъ художественно-психологическимъ.

Б. Э. Нольде принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ читаешь съ удовольствіемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не вполне съ ними согласишься, ибо все имъ написанное носитъ печать какой-то подкупающей внутренней эlegantности. Б. Э. Нольде нерѣдко впадаетъ въ полемику. Его полемическій стиль изященъ и тонокъ и отъ этого тѣмъ болѣе остры его удары. Образцомъ изящной полемики, — въ одно и то же время и сдержанной и сокрушительной. — могутъ служить его разборы воспоминаній барона Таубе и Романа Тимовскаго.

На первый взглядъ можетъ показаться, что авторъ въ своихъ статьяхъ лишь излагаетъ привлечшія къ себѣ его вниманію новыя книги. На самомъ же дѣлѣ онъ всегда проводитъ собственную концепцію, очень твердо имъ для себя установленную и послѣдовательно развиваемую по разнымъ поводамъ.

Большинство статей посвящено вопросамъ русской международной политики, которые столь близко знакомы автору и по его научнымъ изслѣдованіямъ и по его прежней служебной дѣятельности. Много мѣста уделено исторіи того перелома въ ходѣ русской внѣшней политики, который выразился въ замѣнѣ «традиціонно-классическаго», по выраженію автора, тройственнаго союза Россіи, Германіи и Австріи, союзомъ русско-французскимъ. При всей осторожности, съ какою авторъ ведетъ свой анализъ, и при всей его готовности учитывать реальные факторы, вызвавшіе переходъ русской внѣшней политики на новые рельсы вопреки старымъ «несетеродовскимъ» традиціямъ, — чувствуется все-же извѣстное пристрастіе автора къ этой, какъ онъ выражается, «классической консервативной формулѣ русской внѣшней политики», которая была покинута въ 80-90-хъ г. г.

Быть может, это пристрастие играет некоторую роль и в том представлении автора, по которому перелом русской внешней политики в 80-90-х г. г. рисуется им, как результат легкомысленного решения Каприви порвать с Россией, внезапно толкнувшего Россию на совершенно новую международную ориентировку. На самом же деле тройственный союз был падломлен уже в конце 70-х годов, после Берлинского конгресса, и хотя по внешности старые отношения старались гальванизировать еще довольно долгое время, но то была в сущности уже элония русско-германской дружбы, хотя и затянувшаяся. В расстройстве русско-германского союза и в появлении русско-французского сближения при Александрѣ III было гораздо меньше элементов внезапности и гораздо больше элементов длительной инкубации, нежели представляется нашему автору.

Очень цѣннѣе авторъ и ту политику «замораживания» острыхъ вопросовъ, касавшихся Балканскаго полуострова, которой держался Гирсъ и его преемники, кончая Ламсдорфомъ, и съ которой порвалъ Извольскій. Намъ кажется, что неудача, постигшая Извольскаго, была въ значительной мѣрѣ подготовлена какъ разъ еще подъ покровомъ этого самаго предшествовавшаго «замораживания», приучившаго Австро-Венгрію къ мысли о необходимости присоединенія къ ней Босній и Герцеговины. Зато авторъ высоко ставитъ заслуги Извольскаго и Сазонова по подготовкѣ сближенія Россіи съ Англіей, явившагося столь цѣннымъ дополненіемъ къ русско-французскому союзу. По недостатку мѣста мы не можемъ долѣе остановиться здѣсь на всѣхъ этихъ интереснѣхъ вопросахъ дипломатической исторіи.

Не менѣе интересны статьи, касающіяся различныхъ эпизодовъ великой войны и революціи. Особенно отмѣтимъ сопоставленіе того, какъ рухнула подъ давленіемъ войны установившійся тогда въ Австро-Венгріи диктаторіальный режимъ, и какъ отлично справился съ своей задачей государственннй аппаратъ парламентарной Франціи, — поучительная иллюстрація къ толкамъ о «кризисѣ парламентаризма». Отмѣтимъ и высокоинтересную статью о В. Д. Набоковѣ, въ которой одинаково цѣлы и тонкая характеристика Набокова и личныя воспоминанія Б. Э. Нольде о нѣкоторыхъ знаменательныхъ моментахъ въ годы революціи. Заслуживаетъ всяческаго вниманія и обстоятельный юридико-политическій анализъ Локарнскихъ договоровъ.

А. Кизеветтеръ.

М. А. Алдановъ: Портреты. — Берлинъ. 1931. — Книгоиздательство «Слово».

Отдѣльное изданіе «Портретовъ» совпало по времени съ десятилѣтіемъ художественнаго творчества М. А. Алданова. Какъ беллетристъ, М. А. Алдановъ дебютировалъ въ январской книгѣ «Современныхъ Записокъ» за 1921 г. (№ 3) «Святой Еленой — маленькимъ островомъ». За истекшія десять лѣтъ молодой авторъ написалъ и на-

печатавъ еще три историческихъ романа, выдвинувшихъ его въ первые ряды не только русскихъ художниковъ слова. Достаточно сказать, что произведения М. А. Алданова уже переведены на 17 языковъ!.

«Портреты» — не беллетристика, но все же — *belles lettres*... Они принадлежатъ къ другому жанру творчества Алданова, списавшему ему не меньшую извѣстность и популярность, чѣмъ романы. Романистъ и эссеистъ, Алдановъ какъ писатель ранень себя, вѣренъ своему стилю и «фактурѣ» письма, исторической формѣ повѣствованія. Образы и жизнеописанія Падисудскаго, Бріана, Кайо, Пишегрю, Сперанскаго и Ольги Жеребцовой внутренне между собой не связаны ничѣмъ, — кромѣ творческаго воображенія автора. Но совершенно очевидно, что эти портреты — этюды и зарисовки могли бы войти и въ большое «полотно». Если бы Алдановъ продолжилъ серію своихъ романовъ, не остановился бы на «Заговорѣ» и убійствѣ Павла I и тетралогія выросла бы до «пенталогіи» (пятикнижія), — Сперанскій и Пишегрю могли бы оказаться дѣйствующими лицами романа, а не объектомъ только біографическаго очерка.

Впрочемъ, и сами по себѣ эти портреты очень интересны, какъ занимательный и поучительный рассказъ учнаго и много знающаго автора. Интересны они и съ художественной стороны, — въ частности тѣмъ, что въ нихъ раскрываются общіе приемы «портретирования», присутствіе Алданову, какъ историку и романисту.

Историческіе и современные политическіе дѣятели интересуютъ Алданова въ той мѣрѣ, въ какой исторія и политика, прошлое и настоящее связаны съ всегда равной себѣ челоуѣческой психологіей. Онъ любитъ устанавливать сходство и даже родство во внѣшне чуждомъ и далекомъ, слѣдить за «вѣчными возвращеніями» людскихъ страстей все къ тому же въ различные времена и на различныхъ должностяхъ. Духовное интересуетъ Алданова меньше, чѣмъ душевное. И за нимъ — или «подъ» нимъ — онъ всегда ищетъ механику психологическаго «комплекса».

Писательское вниманіе Алданова сосредоточено на «необыкновенныхъ», «выдающихся» и «страшныхъ» людяхъ «съ необычной судьбой». Его влекутъ къ себѣ «неразрѣшенные закладки исторіи», «психологическія драмы», «шекспировскія сцены», безысходныя положенія, неожиданныя встрѣчи, трагическіе повороты, безнадежныя разхожденія. Въ исторіи не раскрывается для Алданова никакой «мировой разумъ». Но жизненные «діалектическія противорѣчія» и большіе и малые историческіе курьезы находятъ въ фокусѣ его писательской пытливости Алдановъ не признаетъ никакого демонизма или «чертовщины». Но мелкій бѣсъ и всякая «передовщина» притягиваютъ его неудержимо.

Рисуя одинъ изъ своихъ портретовъ — Ольги Жеребцовой, — Алдановъ попутно приводитъ «поистинѣ поразительный» примѣръ того, какъ далеко могутъ иногда разойтись изображенія и оцѣнки разныхъ художниковъ, имѣющихъ передъ собою одинъ и тотъ же оригиналъ. Марья Дмитриевна Ахросимова «Войны и Мира» и Хлестова

«Горя отъ ума» писаны, какъ извѣстно съ одной «натуры». Но . Толстой **хотѣлъ найти** красоту и поэзію, — подчеркиваетъ Алдановъ, — **пашель Грибоѣдовъ хотѣлъ найти** пошлость и безобразіе, — тоже **пашель**».

М. А. Алдановъ тоже изображаетъ чаще всего пошлое и безобразное. Это не значитъ, однако что онъ оласть предпочтеніе художественной манерѣ Грибоѣдова передъ манерой Толстого. Не значитъ это и того, что Алдановъ непремѣнно «хочетъ» изображать только пошлое и безобразное. Тутъ неправъ Алдановъ и въ отношеніи къ себѣ, и въ отношеніи къ Грибоѣдову, и въ отношеніи ко всякому художественному изображенію. Алдановъ не упуститъ случая подгрुпить нодъ «человѣческой природой по всей ея красотѣ» или зю посылать-ся надъ «сладенькими восторгамн», «моральной чернью» и т. д. Но это, конечно, не равнозначно принципиальному нигилизму или равнодушному отношенію къ добру и злу. Въ этомъ пунктѣ гораздо болѣе правъ другой выдающийся историческій романистъ .І. С. Мережковский, много лѣтъ тому назадъ, въ прямое противорѣчіе съ М. А. Алдановымъ, высказавшій по поводу творчества Л. Андреева положеніе. Художникъ можетъ **изображать** уродливое, но художникъ не можетъ **желать** уродливаго...

Алдановъ чуждъ романтики и фантастики. Но изображаемая имъ безобразная и пошлая дѣйствительность имѣетъ обыкновенно драматическое окруженіе, — фабула развивается на фонѣ личной или общественной трагедіи. Даже прозаическіе банковскіе воротилы представляются Алданову «фантастическимъ міромъ, еще идущимъ свосіо Гофмана».

Это позволяетъ сблизить реалистическую манеру письма Алданова съ гоголевской традиціей и гоголевскимъ «реализмомъ».

Въ «Портретахъ» можно найти обычные приемы художественнаго изображенія Алданова. Въ нихъ, какъ и въ романахъ, встрѣчаются часто отступленія въ сторону отъ главной линіи разсказа (напримѣръ, исторія слатовства и женитьбы Георга IV или исторія покушенія на Платона Зубова) и излюбленные имъ «рогескые» контрасты и антитезы, напоминающіе афоризмы «Изъ Безданъ (полусталокъ), на которомъ будущій маршалъ Пилсудскій «экспроприировать» въ 1908 г. почтовую цѣнность) Аустерлица не сдѣлаешь»; «Наступательныхъ гоинъ въ исторіи никогда не было и не будетъ: всѣ войны дѣлается на оборонительныя и пресентивныя»; «Познаніи не такъ нужны государственному четовѣку, — гдѣ было бы иначе взять государственныхъ людей?»; «Въ Сперанскомъ былъ Ришелье и былъ Молчалинъ»; «Первой датой» дней Александровыхъ «прекраснаго начала» было 11-ое марта 1801 года»; «Въ однихъ странахъ берутъ пристава и не берутъ министры, въ другихъ происходитъ обратное»; «Философія Бональда въ немъ (въ французскомъ «партизанѣ» Кадулатѣ) сочеталась съ приемами Стеньки Разина»; «Локарискій духъ никогда не вѣялъ надъ Европой такъ шумно, какъ наканунѣ Наполеоновскихъ войнъ»; «Бріанъ очень долго проповѣдывалъ гражданскую войну, былъ гтѣ-

вой правительства въ пору невиданнаго въ исторіи Верденскаго кровопролитія, — онъ имѣетъ достаточно оснований служить дѣлу внутренняго и международнаго мира» и т. д. и т. п.

«Портреты» — книга талантливая, интересная и поучительная во многихъ отношеніяхъ и съ самыхъ разныхъ точекъ зрѣнія

М. В. Вишнякъ.

С. П. Мельгуновъ. Трагедія адм. Колчака ч. I и II. Изд. Русская Библиотека. Бѣлградъ, 1930.

Подъ этимъ «личнымъ» названіемъ С. П. Мельгуновъ стремится дать историческій очеркъ гражданской войны на Волгѣ, Уралѣ и Сибири, доведя его въ двухъ выпущенныхъ частяхъ до момента паденія Директоріи и подворненія диктатуры Колчака.

Писать сейчасъ исторію гражданской войны задача вообще чрезвычайно трудная, даже если рѣчь идетъ о какомъ-либо ограниченномъ уголкѣ Россіи. Особенно же трудна задача историка передъ такими сложными событіями, которыя разырались на просторахъ Запаволжья и Сибири.

Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо ощущается нестатокъ объективнаго, критически протрѣяннаго матеріала, которымъ могла бы оперировать «исторія стремящаяся быть объективной», по выраженію С. П. Мельгунова. Здѣсь, наоборотъ, такъ много субъективно-пристрастнаго въ видѣ мемуаровъ отдѣльныхъ участниковъ и наблюдателей пережитаго, но еще не изжитаго времени. Последнее обстоятельство очень важно, если принять во вниманіе, что антибольшевистская борьба на волжско-сибирскомъ фронтѣ сильно окрашена внутренней борьбой группъ, партій и лицъ за власть, за преобладаніе и, поэтому, историкъ рѣшающемуся окунуться въ эту пучину событий надо обладать или особыми данными или особымъ талантомъ объективности, чтобы благополучно оттуда выплыть.

«Трагедія» С. П. Мельгунова посвящена почти исключительно именно этой пучинѣ, внутренне политической борьбы за власть. И надо сказать роль объективнаго историка-судьи оказалась автору менѣе чѣмъ когда-либо по плечу.

Передъ нами не историческое повѣствованіе, а публицистическій очеркъ, приправленный солью полемики. Авторъ и не скрываетъ этого: «моя работа часто, очень часто будетъ носить полемическій характеръ» (предисл. къ I ч.). Нельзя не добавить, что эта полемика очень часто принимаетъ рѣзкій и недозволенный тонъ.

Среди печатныхъ источниковъ, которые цитируетъ авторъ, новыхъ не прибавилось, если не считать таковыми матеріалы, выпущенные подъ совѣтской цензурой (Светицкаго, Колосова, Болдырева, отчета о судѣ надъ Колчакомъ и т. д.) зато С. П. Мельгуновъ используетъ новый, не лишенный оригинальности «историческій» матеріалъ: частную свою переписку и бесѣды съ разными лицами (Ген. Ноксъ,

ген. Хорошкинъ, Старынкевичъ и др.), причемъ среди нихъ оказалось даже лицо, пожелавшее остаться анонимомъ.

Само собою разумѣется, что такой разнокачественный матеріалъ требуетъ очень осторожнаго обращенія особенно для автора, который, какъ С. П. Мельгуновъ, не былъ на театрѣ дѣйствія, не наблюдалъ и не участвовалъ непосредственно въ описываемыхъ событіяхъ. Въ предисловіяхъ и въ текстѣ авторъ неоднократно отмѣчаетъ трудность своего положенія; онъ даже не прочь иногда признать его безнадёжнымъ («историку» (ковычки автора) приходится вылавливать отдѣльные кусочки»). Но, подобныя признанія быстро забываются по мѣрѣ того, какъ развивается рассказъ и изъ вылавливаемыхъ кусочковъ начинается оформляться «заданіе», которое положено въ основу «Трагедіи».

Заданіе это можетъ быть сформулировано такъ: доказать, что виновниками крушенія сибирскаго антибольшевическаго фронта, гибели адм. Колчака и внутренней борьбы вплоть до Омскаго переворота 18 ноября являются «лѣвые» элементы, которыхъ авторъ беретъ всѣхъ за одну скобку, именуя то «такъ назыв. революціонной демократіей», то «представителями демократіи», подчеркивая каждый разъ свое отрицательное отношеніе язвительными ковычками.

По отношенію къ этой «демократіи» С. П. Мельгуновъ несдержанно суровъ, являясь одновременно очень сдержаннымъ, а часто и мягкимъ къ другой, не «лѣвой» сторонѣ.

Естественно поэтому, что подъ перомъ столь пристрастнаго изсѣдователя «правда-истина» должна сильно пострадать. Въ краткой библиографической замѣткѣ невозможно не только разобрать, но даже перечислить тѣ невѣрныя, неточныя и спорныя утвержденія, которыя въ изобиліи имѣются въ двухъ вышедшихъ частяхъ «Трагедіи».*).

Приходится ограничиться общей оцѣнкой работы С. П. Мельгунова, ея методовъ, сопроводить типическими примѣрами. Для этой цѣли наиболѣе подходяща недавно вышедшая вторая часть «Трагедіи», гдѣ трактуются острые моменты самаро-сибирской эпопеи, когда съ особой силой разгорается борьба «лѣвой» и «правой» общественности.

«Лѣвая» сторона, по отношенію къ которой, какъ уже сказано, С. П. Мельгуновъ очень суровъ, представлена здѣсь въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Печатныя и иныя свидѣтельства «революціонной демократіи» отдаются подъ подозрѣніе въ омыслѣ достоверности, а подчасъ сопровождаются такой аргументаціей *ad hominem*, что приходится лишь руками разводить.

*). Отвѣтъ С. П. Мельгунову будетъ, вѣроятно, данъ заинтересованными лицами, что касается пишущаго эти строки, то въ развитіе данныхъ опубликованныхъ въ 1919 г. въ брошюрѣ «Между двумя большевизмами» имъ подготавливается къ печати подробное изложеніе того, чему свидѣтелемъ и участникомъ онъ былъ въ періодъ волжско-сибирской борьбы. Тамъ, попутно, придется опровергнуть многое, разсказанное въ «Трагедіи».

«Слабохарактерный» Якушев, «неточная память мемуариста Зензинова, который стремится къ самооправданію въ запальчивости и раздраженіи», «слишкомъ подозрительный» Кроль, «нервный» Авксентьевъ («газетное интервью, характеръ котораго вѣроятно слѣдуетъ объяснить естественной тогда нервозностью Авксентьева») и т. д. Политическая «беспомощность» Директоріи и круговъ за ней стоящихъ иллюстрируется фактами, которые въ другихъ случаяхъ (въ отношеніи «правыхъ» круговъ) авторъ квалифицируетъ какъ «сплетни и легенды», какъ, напримеръ: «Слухъ членовъ Директоріи нервировали анекдоты» (объ атаманыхъ заговорщикахъ); «Изъ мухи дѣлали слона» (по поводу точно установленнаго факта попытки офицера погнать съ преступными нѣлыми адреса и списокъ членовъ ВУС); «Директорія имела титулированіе «Ваше Высочайшее» и т. д. для демократіи у власти это вообще характерная черта».

Директорія преувеличиваетъ опасность реакціонныхъ замысловъ, видя ихъ всюду и во всемъ. Даже «дебюти» съ пѣніемъ «Боже Царя храни» принимала за контр-революціонные акты. На самомъ дѣлѣ, китроумно разъясняетъ авторъ, императорскій гимнъ пѣли потому, что другого «національнаго» гимна не было *). Даже воистину трагическую судьбу члена «Союза Возрожденія» К. Н. Моисеенко, убитаго звѣрски въ Омскѣ, авторъ соответственно «гоголизуетъ», стремится представить это убійство какъ обычный актъ уголовной хроники въ пѣляхъ грабежа, а не какъ серьезный симптомъ наступающаго «предвѣрія» диктатуры.

Но если «бесильная», «беспомощная» демократія въ лицѣ Директоріи пытается проявлять твердую власть, С. П. Мельгуновъ немедленно объявляетъ ее властью «не во время проявленной» и «неумѣстной» (по поводу рѣшенія арестовать военную заговорщицкую группу во главѣ съ Красильниковымъ и др.)

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Стѣдовственная комиссія, образованная мною по порученію Директоріи изъ лицъ исключительно судебного вѣдомства (среди нихъ было много съ большимъ опытомъ и заслугами), сумѣла, вопреки бездоказательнымъ увѣреніямъ С. П. Мельгунова **), основательно обследовать дѣло объ убійствѣ мин. Новоселова и предшествовавшего ему насильственному захвату офицерами мин. Крутовскаго, Шатилова, Новоселова, предс. Сибобтдумы Якушева съ примѣненіемъ къ нимъ угрозы револьверной рас-

*) Невольно напрашивается вопросъ С. П. Мельгунову. Не отсутствіемъ ли національнаго гимна объясняется мелкій, но характерный фактъ, что увозимыхъ изъ подъ ареста членовъ Директоріи сопровождали также звуки императорскаго гимна, наигрываемого на граммофонѣ?

**) Предвзятость автора въ данномъ случаѣ совсѣмъ непонятна. По составу своему комиссія не подходила подъ категорію нелюбимой авторомъ «революціонной демократіи». Виновымъ въ принадлежностяхъ къ послѣдней былъ и остался только председатель комиссіи — А. Аргуновъ.

правы. Были выяснены виновные и были намѣченъ судъ надъ ними. (удъ не состоялся благодаря перевороту 18 ноября. Что касается мн. Михайлова, котораго беретъ подъ свою защиту авторъ «Трагедіи», то если данныя комисіи и не позволяли вчинить ему обвиненія въ прямомъ участіи въ указанныхъ преступныхъ дѣлахъ, то въ соучастіи-то въ извѣстной мѣрѣ Михайлова сомнѣній у комисіи не было. Роль и отвѣтственность полковника Волкова была также ясна, а что касается непосредственныхъ убійцъ Новоселова (офицеровъ Сѣмашко и Мефодьева), то они были наканунѣ ареста и только переворотъ 18 ноября спасъ этихъ преступниковъ и ихъ вдохновителей отъ руки правосудія.

С П. Мельгуновъ посвящаетъ много страницъ объясненію причинъ переворота 18 ноября, особенно горячо отстаивая тезисъ о неучастіи въ этомъ актѣ и въ подготовкѣ къ нему политическихъ круговъ съ дѣтелями быв. сибирскаго правительства въ центрѣ. Картина рисуется имъ такая. Переворотъ совершили офицеры Красильниковъ, Катанасевъ, Волковъ, ни съ кѣмъ не совѣщавъ, никѣмъ не руководимые; одни, — на свой политическій страхъ и рискъ. Арестовали часть членовъ Директоріи, упрятали ихъ въ неизвѣстномъ никому укромномъ мѣстѣ*), а затѣмъ черезъ день сообщили о содѣянномъ по гачальству. Последнее оказалось за это время уже успѣвшимъ переформироваться, упразднило Директорію, объявило себя верховною властью съ провозглашеніемъ верховнымъ правителемъ адм. Колчака.

Какъ ни недостаточно еще полно освѣщена фактическая обстановка переворота 18 ноября, но смыслъ его, т. е. характеръ и дѣли вдохновителей и роль атамановъ какъ лишь физическихъ исполнителей не вызываютъ уже никакого сомнѣнія ни у одного изъ мемуаристовъ — «лѣвыхъ» и «правыхъ» (вродѣ Гипса). Въ своей борьбѣ съ «революціонной демократіей» и въ роли страстного защитника «правыхъ», авторъ «Трагедіи» утекся тутъ выше мѣры «Участіе арестованныхъ, твердитъ онъ упрямо, была неизвѣстна членамъ сибирскаго правительства, которые собрались около 6 ч. утра, т. е. 4-5 час. спустя послѣ ареста. О мѣстѣ заключенія арестованныхъ, министры узнали на другой день

Удивительная неоскѣдомленность власти! Какая то, очевидно, специально омская особенность. Вѣдь, вотъ французскій посланникъ Реньо, наприимѣръ, былъ уже въ курсѣ дѣла. Когда къ нему обратилась жена одного изъ арестованныхъ, г. Реньо сообщилъ ей въ тотъ же день (18 ноября) точный адресъ загороднаго арестнаго помѣщенія и даже подѣлился соображеніями о предвѣщенной участи арестованныхъ (рѣчь идетъ о моей женѣ М. Е. Аргуновой).

*) Одна изъ многихъ неточностей «Трагедіи». Я не былъ раньше другихъ увезенъ за городъ въ помѣщеніе сел.-хоз. школы, гдѣ будто бы и «встрѣтился» съ другими арестованными. Встрѣтился съ ними я на самомъ дѣлѣ въ помѣщеніи отряда, въ домѣ Феттеръ на углу Люблинскаго пр., гдѣ насъ продержали нѣкоторое время, прежде чѣмъ увезти за городъ

Непосредственныхъ исполнителей переворота, какъ извѣстно, новая власть «судила» (нарочито въ день высылки членовъ Директоріи за предѣлы Сибири) ихъ оправдали и наградили. Среди нихъ Волковъ, признанный комиссіей (о которой упоминалось выше) виновнымъ въ дѣлѣ убійства Новоселова, въ аналогичномъ дѣлѣ убійства въ г. Петропавловскѣ былъ, несмотря на все это и за заслуги по участию въ переворотѣ 18 ноября декретомъ награжденъ чиномъ генерала. Авторъ «трагедіи» не задѣваетъ, не возмущаетъ картина этого «суда» и этой награды. Онъ даже не прочь предостеречь другихъ отъ возмущенія и оправдать «государственными соображеніями» эту пародію правосудія: «быть можетъ, подчеркнута пришлось пойти на награду оправданныхъ по суду, чтобы успокоить разгорѣвшіяся страсти». Зѣтѣмъ, на другой день по отъѣздѣ изъ Омска побѣда съ арестованными, появилось имъ вдогонку правительственное сообщеніе о переворотѣ 18 ноября съ тяжкими обвиненіями по адресу Директоріи. По выраженію С. П. Мельгунова, это сообщеніе было только «во многомъ неудачное». Вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ вскорѣ появилось еще нѣсколько такихъ же «неудачныхъ» официальныхъ актовъ по адресу той же Директоріи.

Подъ «неудачными» мѣстами были на самомъ дѣлѣ такіе возмутительныя по своей лживости и столь порочащія честь обвиненія (въ измѣнѣ родинѣ, въ большевицкихъ деньгахъ и пр. въ этомъ духѣ), — что, конечно, не могло не вызвать соответствующаго отпора. Еще изъ пути, на ст. Харбинѣ арестованнымъ членамъ Директоріи удалось нелегально передать въ редакцію газ. «Манчжурія» протестъ за своею подписью («быв. членовъ»), а затѣмъ, по прибытію въ Китай и Америку выступить публично, въ цѣляхъ самозащиты и выясненія своей точки зрѣнія на происшедшее.

Имѣли ли право высланные на такой отпоръ и протестъ? Не нарушили ли они какихъ либо обязательствъ передъ высланными ихъ? Тутъ всплываетъ на страницахъ «Трагедіи» и обосновывается «исторически» одна изъ тѣхъ «легендъ и сплетенъ», какъ ихъ мягко квалифицируетъ С. П. Мельгуновъ, которыми была полна хроника левыхъ дней омской диктатуры. «Сплетня» о томъ, что высланные дали будто бы подписку, въ коей обязались: не заниматься никакой политической дѣятельностью, не вести за границей никакой агитаціи противъ правительства Колчака и не возвращаться въ предѣлы Россіи.

Членамъ Директоріи и пишущему эти строки приходилось неоднократно опровергать эту ложь, распущенную (распускаемую и посеяную) съ опредѣленною, конечно, цѣлю. Авторъ «Трагедіи» не дастъ прямого отвѣта по данному вопросу. Сначала дѣлается имъ предположеніе «о крайней растерянности» арестованныхъ, способныхъ «под угрозой ультиматумовъ и сроковъ въ обстановкѣ революерной лавы любую (sic!) подписку». И только личная бесѣда автора (текста ея въ «Трагедіи» нѣтъ) съ г. г. Старинкевичемъ и Хорошкинымъ склоняетъ его окончательно къ выводу, что правда не на сторонѣ членовъ Директоріи. Всѣмъ намъ заинтересованнымъ остается только вновь

и вновь заявить о томъ, что инкриминируемаго обязательства не давалось, — несмотря на вынужденія съ револьверомъ, что если бы въ рукахъ правящихъ омскихъ сферъ былъ подобнаго рода «документъ», то онъ, конечно, былъ бы использованъ ими, въ своей тогдашней травлѣ Директоріи не стѣсняяшимися въ выборѣ средствъ, что все это клеветническая выдумка и по прежнему требовать отъ утверждающихъ обратное (въ томъ числѣ и отъ историка С. П. Мельгунова) документальныхъ доказательствъ.

Попутно объ одномъ свидѣтельскомъ показаніи. С. П. Мельгуновъ цитируетъ (безъ оговорки) слова адм. Колчака, будто бы сказанныя имъ для передачи мнѣ въ день коллективной высылки изъ Омска: «мы ему сказали, что черезъ нѣсколько времени онъ можетъ вернуться, но на первое время пускай выйдетъ хоть въ Шанхай». Ген. Хорошкинъ ябрютно не откажется подтвердить С. П. Мельгунову, что такого распоряженія адм. Колчака, какимъ оно цитируется въ «Трагедіи», онъ, ген. Хорошкинъ, провожавшій въ Омскъ выслаемыхъ, не передавалъ. Отъ него я услышалъ дѣйствительно слова утѣшенія съ выраженіемъ надежды на скорое возвращеніе, — слова меня не удивившія, ибо мы съ ген. Хорошкинымъ были знакомы до перелома 18 ноября и встрѣчались, по странной игрѣ судьбы, въ одной компаніи правыхъ эсеровъ, каковая компанія за свою правизну получила даже ироническую кличку «чайной союза русск. народа».

Пріявъ за правду ложь о данномъ нами обязательствѣ (какъ и другія выдумки вродѣ той, что держа подъ арестомъ и высылая подъ конвоемъ оберегали этимъ насъ отъ «гнѣва народнаго»), С. П. Мельгуновъ прѣмлетъ безъ возраженій и еще одну невѣрную черту: о размѣрѣ путевыхъ суммъ, выдаваемыхъ высылаемымъ. Имъ была выдана сумма приблизительно 75-100 тыс. руб. каждому. Въ примѣчаніи авторъ даетъ предупредительно даже такую справку: «золотой рубль въ это время равнялся въ среднемъ 5 рублямъ».

Не хочу строить догадокъ, для чего историкъ въ офисѣ Директоріи понадобилась справка о денежномъ довольствіи высылавшихся. Но ощущение неумѣстности подобной справки, скрытаго сквернаго смысла ея остается. Это ощущение тѣмъ болѣе естественно, что авторъ «Трагедіи» въ своей борьбѣ съ «революціонной демократіей» применяетъ и методъ, такъ сказать, «финансово-экономическій». Немало труда имъ положено на отысканіе и сводку цифровыхъ данныхъ о расходительномъ и незаконномъ расходованіи народныхъ средствъ «демократіей» въ Самарѣ, Уфѣ, на Уралѣ и Омскѣ. Все же, что касается расходовъ другой стороны, С. П. Мельгунова не интересуетъ. Онъ не допускаетъ мысли о возможности вчиненія къ этой сторонѣ такихъ же обвиненій, какія онъ вчиняетъ «демократіи», ибо, видите ли, «исторія пока такихъ матеріаловъ не обнаружила».

Не мѣшаетъ поэтому заявить еще разъ о томъ, о чемъ уже было однажды заявлено печатно (см. въ берл. изд. «Дни» замѣтку В. М. Зензинова): каждый изъ высланныхъ получалъ не 75-100 т. руб., а пятьдесятъ (50) тыс. руб. Что касается пишущаго эти строки, то имъ

было получено сверхъ 50 т. р. еще 25 т. (всего, значить, 75 т.), выданных его жёнѣ, вѣхавшей съ высылаемыми.

Размѣры библиографической замѣтки вынуждаютъ кончить съ фактами и иллюстраціями.

Два слова о политическихъ выводахъ автора. Его точка зрѣнія на самаро-уфимско-омскія событія не нова, и неоригинальна; точнѣе она цѣлкомъ укладывается въ сужденія, которыя высказывались противниками Комуча, Директоріи и «демократіи» вообще. Директорія пала, ибо была подточена «слѣва». Подточила и свалила ее... бумажка, та знаменитая прокламація П. К-та эсеровъ, которой С. П. Мельгуновъ придаетъ значеніе «важнаго момента, если не опредѣлившаго переворотъ, то его ускорившаго». Паденіе Директоріи привѣтствовалось «народомъ». Его ждали и желали «весь Омскъ», «широкіе круги», «к-закн» и, наконецъ, просто «всѣ». Воля народа, оказывается, широко участвовала въ дѣлѣ борьбы за власть — выводъ наперекоръ твердо установившемуся справедливому изгладу, что активновыступающаго «народа» то въ описываемыхъ перипетіяхъ эпохи не видно; народная масса настороженно молчала. Впрочемъ, авторъ «Трагедіи» не очень дорожитъ этимъ своимъ откровеніемъ. Народная воля понадобилась лишь для доказательства «изоляции» Директоріи и роста народныхъ чаяній въ сторону диктатуры. И стояло лишь одному изъ рядовъ «революціонной демократіи» Н. Авксентьеву сослаться на волю народную, указавъ, что «народный гнѣвъ», которымъ страшаютъ арестованныхъ направленъ не на Директорію, а на узурпаторовъ ея власти, какъ С. П. Мельгуновъ спѣшитъ убрать со сцены свой народъ: «ну, говорить онъ, до народа было далеко. Онъ просто отсутствовалъ во всемъ этомъ конфликтѣ».

Наступленіе диктатуры адм. Колчака рисуется авторомъ, естественно, въ тонахъ самыхъ благожелательныхъ. Смягчаются и оправдываются темныя стороны, почти незамѣтными дѣлаются акты жестокихъ расправъ, декреты о смертныхъ казняхъ, преслѣдованія и пр.

У кормила правленія становится по настоящему демократическая, государственно-настроенная и сильная власть съ адм. Колчакомъ во главѣ. Началась долгоожидаемая «народомъ» заря новой жизни... Мы знаемъ дальнѣйшую судьбу и этой сильной власти и судьбу дѣла, которое она насильственно вырвала изъ рукъ своей предшественницы.

Кончая отзывъ, подводя мысленно итогъ всему, что авторъ «Трагедіи» включилъ въ свое повѣствованіе, можно сказать это, конечно, не исторія гражданской войны, но это и не произведеніе въ духѣ небезызвѣстнаго «Генерала Бо» *). «Трагедія» С. П. Мельгунова — полемическо-публицистическій этюдъ (слишкомъ растянутый) на тему о негодности «революціонной демократіи».

*) Хотя отдѣльныя мѣста сильно напоминаютъ приемы автора этого романа. Возьмите, напримѣръ, заключительную страницу перваго тома «Трагедіи». Не надо быть сторонникомъ такъ назыв. Комуча,

Въ предисловіи къ первому тому С. П. Мелуновъ выдвигаетъ въ качествѣ основной задачи своей «Трагедіи» — показать огромность морально-политической фигуры адмирала Колчака, — къ которому онъ относится съ почительнымъ обожаніемъ. Отсюда становится понятнымъ (но для историка недопустимымъ) стремленіе создать соотвѣствующій фонъ для задуманнаго портрета, отсюда вольное и невольное искаженіе перспективы за счетъ приуменьшенія и очерченія рядовъ «революціонной демократіи».

А. Аргуновъ.

Гр. П. Бобринскій. Старчикъ Григорій Сковорода. Жизнь и ученіе. Парижъ, 1929. Стр. 84.

Появленіе брошюры графа Бобринскаго симптоматично. Не только одинъ «юбилейный» интересъ (двухсотлѣтіе со дня рожденія Сковороды исполнилось въ 1922 году) вызвалъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ публикацій о замѣчательномъ украинскомъ мыслителѣ XVIII вѣка. Интересъ къ Сковородѣ одинаково симптоматиченъ и для оживленія религіозной жизни въ славянскихъ странахъ, и для вниманія, съ которымъ стали теперь относиться къ славянской старинѣ. Неожиданно обнаружилось, что для изученія славянскаго прошлаго сдѣлано еще поразительно мало. Съ удивленіемъ мы замѣчаемъ, что уже при прошлой «встрѣчѣ» съ общеизвѣстными — по крайней мѣрѣ по имени «общеизвѣстными» — памятниками славянской старины, простомъ чтеніи памятниковъ письменности, созерцаніи памятниковъ изобразительнаго искусства мы на каждомъ шагѣ открываемъ цѣности, о существованіи которыхъ не подозрѣвали не только средній интеллигентъ, но и мнимо которыхъ до сихъ поръ почему-то проходили и ученые специалисты.

Такъ и со Сковородою. Взявъ въ руки его сочиненія, поражаешься, натываясь на каждомъ шагѣ то на мысли и образы, считающіеся лучшимъ украшеніемъ западной христіанской мистики, то на мысли и образы въ высшей степени оригинальные, но почему то до сихъ поръ незамѣченные и неогмѣченные.

Заслуга автора лежащей передо мной брошюры въ томъ, что онъ прочелъ сочиненія Сковороды, прекрасную біографію Сковороды, написанную его другомъ и ученикомъ Ковалевскимъ и составилъ, руководясь, главнымъ образомъ, книгою Ф. А. Эрна, прекрасный очеркъ жизни Сковороды. Въ біографію искусно вплетены нѣкоторыя данныя о мировоззрѣніи Сковороды. Поэзіи Сковороды также уделено нѣкоторое мѣсто, при чемъ авторъ очень удачно разбираетъ ходячее мнѣ-

чтобы испытать чувство законнаго протеста противъ историка, не нашедшаго другого матеріала для подведенія итога дѣятельности самаро-полюскаго фронта, кромѣ перепечатки «сочной картины» пьяной компаніи.

ние о незначительной художественной ценности поэтических произведений Сковороды, — мнение, основанное на приложении мѣрокъ нашей современности къ языку Сковороды, покоящемуся не на великорусской, а на украинской основѣ, къ формальнымъ элементамъ его поэзии, базирующейся на — чуждой для нашей современности — стихотворной традиции украинской поэзии XVII - XVIII в. в. и даже отчасти украинской народной пѣсни.

Прекрасной популяризацией нѣкоторыхъ мыслей Сковороды, къ сожалѣнію, и ограничивается авторъ. Ни сродство Сковороды съ неплатонизмомъ и нѣмецкой мистикой, ни своеобразие нѣкоторыхъ его идей не находятъ въ книгѣ освѣщенія. Авторъ, правда, самъ указываетъ, что онъ «не задается цѣлью выясненія, какія именно вліянія отразились въ ученіи Сковороды, полагая, что задача эта второстепенная». Но вѣдь дѣло отнюдь не только въ выясненіи «вліяній». Установленіе сходствъ и различій въ исторіи мысли есть не цѣль, а только средство изслѣдованія. Если не считать, что исторія мысли есть исторія случайностей, то сходства и различія идей — независимо отъ совершенно несущественнаго вопроса о причинной связи сходнаго — есть прежде всего основа для постановокъ вопросовъ, направляемыхъ нами къ изучаемому автору. Всякое изученіе исторіи мысли есть *sui generis* разговоръ, діалогъ. Вопросы въ немъ значатъ не меньше, чѣмъ отвѣты.

Отказавшись отъ исторической постановки вопросовъ, авторъ тѣмъ самымъ упростила и урѣзала свой разговоръ со Сковородою. Случайныя замѣчанія о сходствахъ мыслей Сковороды съ... восточною мистикой — только подчеркиваютъ въ какомъ отрывѣ отъ исторіи развивается философскій діалогъ въ книгѣ гр. Бобринскаго. Вѣроятно, въ силу этого именно обстоятельства книжка гр. Бобринскаго не даетъ, въ сущности, никакихъ новыхъ научныхъ результатовъ въ сравненіи съ книгою Ф. А. Эрна, появившейся вѣдь уже 20 лѣтъ назадъ! Это, впрочемъ, не мѣшаетъ книжкѣ быть прекрасной популяризацией и въ качествѣ таковой мы и желаемъ ей полного успѣха.

Въ случаѣ переизданія книги, необходимо исправить рядъ мелкихъ ошибокъ. «Культура Кіевской Академіи» отнюдь не «черпала свои идеи въ Платоновской традиціи», какъ то думаетъ авторъ, скорѣе ужъ можно говорить объ аристотелевской традиціи. Утвержденіе, что Сковорода «легко изъяснялся на нѣсколькихъ языкахъ и сверхъ современныхъ зналъ латинскій, греческій и древне-еврейскій» нуждается въ уточненіи. — Сковорода несомнѣнно зналъ нѣмецкій языкъ, возможно польскій и венгерскій, прекрасно владѣя латинскимъ и греческимъ, онъ врядъ ли хорошо зналъ древне-еврейскій. О «разсудочности» въ произведеніяхъ Сковороды авторъ говоритъ только согласно установившейся, но плохо обоснованной на фактахъ традиціи. «Рационалистическія» истолкованія Священнаго Писанія, а также и ученіе Сковороды о «безконечности тварнаго міра», могутъ быть правильно поняты только на почвѣ исторіи мистики (ср. мои замѣтки въ статьѣ «Г. С. Сковорода и нѣмецкая мистика» въ «Трудахъ Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ», томъ II, 1929 г.). Авторъ безъ достаточнаго основанія связываетъ ду-

шевный переворотъ, пережитый Сковородою съ полученіемъ имъ извѣстія о чумѣ въ Кіевѣ, — въ разсказѣ М. Ковалинскаго связь только хронологическая.

Списокъ литературы, приложенный къ книгѣ, поражаетъ своею неполнотою. Даже въ «краткой» библиографіи нѣкоторыя работы по слѣдующимъ лѣтамъ (Д. Багалій, В. Петровъ) заслуживали упоминанія. Книга Эрн (1912) — послѣдняя изъ названныхъ. Отмѣтимъ, какъ курьезъ, что авторъ ввелъ свою библиографію въ заблужденіе рецензента «Возрожденія» П. Рысса, который и распространился о ничтожномъ количествѣ работъ, посвященныхъ Сковородѣ (въ дѣйствительности ихъ сейчасъ навѣрное не меньше 250).

Пожелаемъ успѣха брошюрѣ г-ра. Бобринскаго, но пожалѣемъ, что она возвращаетъ насъ на 20 лѣтъ назадъ, къ прекрасной, но уже устарѣвшей книгѣ Эрн.

Дм. Чижевскій.

Russian Schools and Universities in the World War. Изъ серіи *Economic and Social History of the World War.* New Haven: Yale University Press. The Carnegie Endowment for International Peace. 1929. Стр. 239.

Этотъ новый томъ извѣстной серіи, публикуемой Институтомъ Карнеги, содержитъ въ себѣ двѣ работы: Д. М. Оди́нца о положеніи средняго и начатнаго образованія въ Россіи во время войны (стр. 1 - 129) и П. И. Новгородцева о положеніи высшей школы (стр. 130-239). Графъ П. Игнатьевъ, школьной реформѣ котораго оба автора естественно отводятъ центральное мѣсто въ своихъ очеркахъ, написалъ краткое (стр. XVII - XXV) введеніе ко всему тому, ярко характеризующее педагогическія намѣренія реформы, на симпатіи къ которой объединилось все русское общество въ эпоху, когда общія дѣятельность правительства вызывала къ себѣ столь же единодушное отрицаніе.

Совершенно правильно говоритъ графъ Игнатьевъ: «годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, останутся въ исторіи, какъ эпоха исключительнаго прогресса Россіи въ социальномъ и экономическомъ отношеніи». Безспорно, что въ области народнаго образованія прогрессъ этотъ былъ особенно значителенъ, открывая собою «новую эру въ исторіи русской школы». Пожалуй, можно даже сказать, что «волна энтузіазма заливала всю страну, земства, Думу», даже и правительственные круги (примѣромъ чего служить самъ г-р. Игнатьевъ), хотя врядъ ли она захлестывала такъ же и правительство, какъ это онъ, явно преувеличивая, замѣчаетъ.

По крайней мѣрѣ очеркъ Д. М. Оди́нца какъ бы специально посвященъ характеристикѣ «парализующей школьной политики правительства въ десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ». Вся первая глава его съ жгучей настоятельностью напоминаетъ русскому читателю печальную дѣятельность Министерства народнаго просвѣщенія въ эти

рѣшающіе годы русской исторіи, уже вытѣсненную сейчасъ изъ нашей памяти послѣдующими страшными событіями. Д. М. Одинецъ показываетъ, какъ тормозило правительство школьное законодательство Думы, направленное на введеніе всеобщаго обязательнаго обученія, какъ въ борьбѣ за послѣднее противъ правительства и Гос. Совѣта объединились всѣ круги общества, въ томъ числѣ и представители правыхъ политическихъ партій (Е. Ковалевскій и Крупенскій). Подробно описываетъ онъ и безчисленные препятствія, которыя центральная власть ставила земствамъ въ ихъ усиліяхъ повысить количество и качество школьной сѣти, роковыя послѣдствія обрусительной политики на окраинахъ, стѣсненіе частной инициативы въ области средней школы, безуспѣшную, но вызвавшую всеобщее раздраженіе попытку возобновленія министерствомъ Кассо Десянговской классовой политики въ школахъ, наконецъ — печальной памяти процентную норму для евреевъ, на вредныя послѣдствія которой неоднократно указывали правительству представители самой власти. Все это, увы, полностью соответствуетъ дѣйствительности, и не намъ защищать школьную политику царскаго режима. Русскому читателю, который въ поискахъ виновниковъ побѣды большевизма слишкомъ часто останавливается то на Керенскомъ, то на Милюковѣ и почему то не идетъ далѣе назадъ къ Ковалевскому и Крупенскому или, наконецъ... къ Кассо, напомнить всѣ эти недавніе факты русской исторіи безусловно полезно. Но для иностраннаго читателя, склоннаго несправедливо отождествлять современную Россію съ совѣтской властью и дореволюционную Россію съ царскимъ самодержавіемъ, думается, полезно было бы также указать на тотъ объективный громадный прогрессъ, который Россія совершила въ области народнаго образованія за десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ, совершила благодаря дружнымъ усиліямъ всего общества — вопреки парализующей политикѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Д. М. Одинецъ указываетъ на этотъ прогрессъ, но, къ сожалѣнію, характеризуетъ его слишкомъ суммарно и односторонне, останавливаясь преимущественно на частной инициативѣ и не касаясь дѣятельности земствъ и городовъ.

Превосходно охарактеризовавъ вліяніе міровой войны на начальную и среднюю школу и новую школьную политику графа П. Игнатьева, Д. М. Одинецъ опять таки слишкомъ кратко останавливается на школьной политикѣ Временнаго Правительства. Совершенно вѣрно, что «ни Мануйловъ ни Ольденбургъ не имѣли авторитета», но безспорно также, что именно они осуществили цѣлый рядъ мѣропріятій, намѣченныхъ пользовавшейся всеобщимъ сочувствіемъ политикой графа Игнатьева или изъ нея вытекавшихъ (введеніе системы единой школы, расширеніе полномочій земствъ за счетъ учебныхъ округовъ, отдѣльныя школы отъ церкви и т. д.) и опредѣлившихъ жизнь школы въ годы гражданской войны въ областяхъ, не занятыхъ совѣтской властью и даже отпавшихъ отъ Россіи (Латвія, Эстонія).

Очеркъ П. И. Новгородцева о русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ есть послѣдняя работа покойнаго мыслителя, бывшаго од-

нимъ изъ самыхъ яркихъ представителей и блюстителей русской академической традиции. Уже поэтому, какъ всегда, мастерски написанная характеристика П. И. Новгородцевымъ русскаго университета и русскаго студенчества въ одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ ихъ исторіи представляетъ выдающійся интересъ. Интересъ этотъ усугубляется тѣмъ, что авторъ, стоявшій въ центрѣ русской академической жизни, сообщаетъ множество фактовъ, доселѣ вообще не отмѣченныхъ въ печати. И онъ подробно останавливается на печальной университетской политикѣ правительства (Столыпина и Кассо), не шадя ея въ своемъ изложеніи. Очень интересна характеристика отношенія русскаго ученаго міра къ мировой войнѣ. Въ ней выразилось, по мнѣнію автора, критическое отношеніе къ европейской культурѣ, впервые высказанное славянофилами. «Русскіе ученые первые предвидѣли надвигающуюся катастрофу и первые также дали ясное выраженіе своему предвидѣнію». Подробно также излагаетъ П. Новгородцевъ участіе университетовъ въ оборонѣ страны и яркими штрихами рисуетъ смѣну настроеній студенчества за годы войны. Къ сожалѣнію, однако, въ очеркѣ, предназначенномъ для иностраннаго читателя, уже слишкомъ кратка характеристика внутренней организаціи, учебной стороны и правового положенія русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также совершенно отсутствуютъ точныя цифровыя матеріалы (число высшихъ учебныхъ заведеній и студентовъ, бюджеты, частныя высш. учебныя заведенія, число кафедръ, преподавательскаго персонала и т. п.), безъ котораго иностранному читателю трудно составить себѣ понятіе объ университетской жизни въ Россіи и представить себѣ процессъ ея безспорнаго роста за десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ. Обстоятельства, въ которыхъ П. И. Новгородцеву приходилось работать надъ очеркомъ, въ достаточной мѣрѣ оправдываютъ этотъ недостатокъ.

Въ общемъ превосходный переводъ съ рукописей грѣшитъ, однако, рядомъ досадныхъ упущеній. Терминъ «единая школа» переводится упорно «uniform school» (вмѣсто unified school system), что врядъ ли способно объяснить въ глазахъ англійскаго читателя притягательность этой идеи для русскаго общественнаго мнѣнія. Врядъ ли удачно переводить «высшее начальное училище» — «upper primary school», «попечительный совѣтъ» — «curators' council» въ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ какъ разъ объ ослабленіи власти попечителей («curators», стр. 101 сл.). Наконецъ, въ самомъ заглавіи книги П. И. Новгородцевъ досаднымъ образомъ названъ «профессоромъ политической экономіи Московскаго Университета».

С. I. Гессенъ.

Documents préparatoires et Procès Verbaux de la Conférence Intergouvernementale pour le statut juridique des Réfugiés 28-30 juin 1928. Arrangement et Accord du 30 juin 1928. (Série de Publications de la Société des Nations XIII Réfugiés 1930. XIII. 1).

Передъ нами изящная книжечка -- одна изъ серии столь цѣнныхъ изданій Лиги Наций по вопросамъ политическимъ, юридическимъ, социальнымъ и др. Но намъ она особенно дорога, ибо въ ней впервые секретариатъ Л. Н. посвятилъ вниманіе бѣженцамъ и ихъ положенію.

Несомнѣнно -- главною заботою Л-ра Нансена, когда въ 1921 г., по просьбѣ Совѣта Л. Н., онъ согласился стать Верховнымъ Комиссаромъ Л. Н. по дѣламъ бѣженцевъ, было снабженіе ихъ, утратившихъ силу національныхъ паспортовъ, документомъ, который позволилъ бы имъ безпрепятственно передвигаться по бѣлому свѣту. Удостовереніе о личности, вскорѣ получившее прозвище «Нансенскаго паспорта», отмѣчаетъ собою какъ бы исходную точку попеченія о личномъ статусѣ бѣженцевъ; послѣдняя ступень по пути его развитія достигнута заключенными 30 июня 1928 г. международными соглашениями, которымъ посвящено разсматриваемое здѣсь изданіе Л. Н.

Въ началѣ, Нансенскій паспортъ бытъ документомъ весьма несомнѣннымъ -- недромъ правительства, согласившагося вести его, имѣли главнымъ образомъ въ виду возможность «сплавлять» при помощи его въ инныя государства бѣженцевъ, оказавшихся въ ихъ предѣлахъ.

Въ маѣ 1926 г. представители бѣженскихъ организаций подали, въ застѣланную о ту пору въ Женевѣ межправительственную конференцію докладную записку, въ которой указали на улучшенія, только при введеніи коихъ, бѣженскій паспортъ могъ бы отвѣтить поставленной ему Нансеномъ цѣли. Записка была составлена осторожно, въ требованіяхъ своихъ была столь разумна и умѣрена, что произвела на членовъ Комиссін самое благопріятное впечатлѣніе. Она побудила къ продолженію дѣятельности лишь, взявшихъ на себя трудъ добиться какъ усовершенствованія Нансенскаго паспорта, такъ и оффціальной признанія за бѣженцами нѣкоторыхъ правъ, которыхъ они были лишены въ силу особаго своего положенія.

Осенью 1926 г. была произведена предварительная работа съ цѣлью ознакомленія Верховнаго Комиссаріата съ рядомъ нуждъ въ правовой области, удовлетвореніе коихъ не только улучшило бы существованіе бѣженцевъ, но одновременно облегчило бы задачи самихъ правительствъ, оказывающихъ имъ гостепріимство. Были чѣ. частности выяснены жетательныя въ общихъ интересахъ улучшенія Нансеновскаго паспорта. Опытъ доказать, напр., что запретительная формула, изображенная на Нансеновскомъ паспортѣ: «не дѣйствителенъ для возвращенія въ страну выдавшую его» -- не только не достигала поставленной правительствомъ цѣли, но прямо противорѣчила ей. Другія государства отказывались допускать къ себѣ людей, отъ которыхъ въ случаѣ нужды они не могли отдѣлаться, не имѣя во-

возможности высылать бѣженцевъ обратно въ страну, изъ которой они прибыли.

Соглашаясь съ тѣмъ, что нахождение въ Европѣ лицъ, лишенныхъ опредѣленнаго юридическаго статуса, — явленіе нежелательное и стѣснительное какъ для самихъ бѣженцевъ, такъ и для государствъ, Верховный Комиссариатъ охотно понелъ ходатайству русскихъ экспертовъ. По докладу Я. Л. Рубинштейна, Совѣтательный Комитетъ частныхъ организаций при Верховномъ Комиссарѣ вынесъ 7-IV 1927 г. постановленіе о желательности принятія ряда мѣръ въ цѣляхъ улучшенія правового положенія бѣженцевъ. Основываясь на этомъ постановленіи, Общее Собраніе Л. Н. 27 сентября того же года поручило Верховному Комиссару созвать межправительственную конференцію для выработки и представленія на утвержденіе Совѣта Л. Н. предложеній о юридическомъ статусѣ бѣженцевъ.

Осуществляя это заданіе, Верховный Комиссариатъ поддерживая все время самое тѣсное сотрудничество съ русскими экспертами. При ихъ участіи были выработаны вопросникъ, разосланный правительствамъ странъ, въ которыхъ находятся главные сосредоточенія бѣженцевъ. Вопросникъ этотъ оказался весьма полезнымъ не только потому, что такимъ путемъ были получены съ мѣсто требуемыя данныя. Анкета дала кромѣ того непредвидѣнный результатъ: отвѣчая на вопросы, нѣкоторые правительства предпочли изобразить все, что дѣлалось у нихъ по отношенію къ бѣженцамъ въ освѣщеніи, нужномъ для того, чтобы произвести наиболѣе благоприятное о себѣ впечатлѣніе въ Женевѣ. Отвѣты эти явились такимъ образомъ для этихъ правительствъ какъ бы векселемъ, который обязываетъ...

Межправительственная конференція застѣла съ 28 по 30 іюня 1928 г. и выработала два проекта соглашеній: 1) Accord, подписанный и ратификованный Бельгіей и Франціей относительно назначенія въ этихъ странахъ представителей Верховнаго Комиссара съ указаніемъ ихъ обязанностей и правомочій и 2) болѣе общее соглашеніе (agreement), подписанное 13 странами и ратификованное къ 1 января 1930 г. десятью изъ нихъ. Оно касается, помимо правъ и обязанностей указанныхъ выше представителей В. К., также личнаго статуса бѣженцевъ; — закона, которымъ таковой опредѣляется; различности имуществъ супруговъ; законовъ, на основаніи коихъ производится расторженія браковъ; предоставленія бѣженцамъ правъ, которыми пользуются въ странѣ, на основѣ взаимности, иностранцы; смягченія въ пользу бѣженцевъ правилъ, устанавливающихъ права иностранцевъ на трудъ; приравненія бѣженцевъ въ отношеніи налоговъ къ мѣстнымъ гражданамъ; непримѣненія къ бѣженцамъ безъ особыхъ исключительныхъ къ тому нововодовъ, административныхъ высылковъ, наконецъ, замѣны ограничительной формулы на Хансеновскихъ паспортахъ («не дѣйствителенъ для возврата» и т. д.), формулой ратификаторной — «дѣйствителенъ для возврата» и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что когда правительства, хотя бы только подписавшія соглашеніе, будутъ примѣнять его въ жизни, — усло-

вія существованія бѣженцевъ стануть болѣе сносными: такъ, напр., внесеніе единообразія въ юридическій статутъ бѣженца облегчать дѣловыя сношенія мѣстнаго населенія съ бѣженцами. Большимъ благомъ для бѣженцевъ явилось бы также смягченіе тяготящихся изъ нихъ, какъ иностранцахъ, ограниченій въ правахъ на трудъ: гоже въ отношеніи обезпеченія судебныхъ исковъ, платежа судебныхъ издержекъ и т. д. Для тѣхъ, кому приходится скитаться въ изгнаніи, каждое изъ помянутыхъ выше облегченій внесетъ ясность въ отношенія и обезпечитъ большую свободу дѣйствій и передвиженій.

Можно поэтому горячо пожелать самаго широкаго распространенія брошюры, ознакомленіе съ которой дастъ бѣженцу представленіе о его правахъ и можетъ вывести его во многихъ случаяхъ изъ сомнѣній со своими правами. Нѣкоторымъ препятствіемъ для широкаго распространенія ея явится, быть можетъ, высокая цѣна изданія (5 шв. франковъ), по Верх. Комиссаріату предоставляеть льготу малоимущимъ бѣженцамъ, уступая книжку за 2 шв. фр., при выпискѣ ея черезъ главнѣйшія бѣженскія организаціи.

К. Гуклевичъ.

С. И. Тхоржевскій. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне - октябре 1774 года. Издание Всеобщаго Общества политкаторжан и сс.-поселенцевъ Москва. 1930.

Въ представленіи современниковъ и въ памяти потомства Пугачевщина — эта трагическая вспышка протеста народныхъ массъ въ Россіи XVIII вѣка — запечатлѣлась по преимуществу въ образѣ крестьянскаго возстанія. Но такимъ она была въ сущности лишь въ послѣдній свой періодъ, когда Пугачевъ, много разъ уже разбитый правительственными войсками и по пятамъ преслѣдуемый ими, перебросился на правый берегъ Волги и свочимъ появленіемъ зажегъ здѣсь огонь крестьянскаго бунта. Ни самъ Пугачевъ, ни его ближайшіе помощники почти уже не руководили этимъ бунтомъ, но разлился онъ тѣмъ не менѣе очень широко и въ охваченномъ имъ обширномъ краѣ впечатленіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгрывалась, по выраженію современнаго изслѣдователя, «Пугачевщина безъ Пугачева». Это были наиболѣе стихійный и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее грозный періодъ возстанія, особенно поразившій воображеніе современниковъ и оставившій по себѣ особенно глубокой слѣдъ въ памяти потомковъ. Однако до послѣдняго времени онъ оставался наименѣе изученнымъ и обслѣдованнымъ періодомъ исторіи Пугачевщины.

Сейчасъ въ Москвѣ вышла книга, въ значительной мѣрѣ восполняющая этотъ пробѣлъ. Ея авторъ, С. И. Тхоржевскій, сравнительно недавно выступилъ въ литературѣ въ качествѣ историка, но уже первое его выступленіе было очень удачно. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ, опираясь на большой и тщательно изученный имъ печатный и архивный матеріалъ, даетъ чрезвычайно яркое и отчетливое изображеніе того, въ какой обстановкѣ возникло, какъ развивалось, росло и къ какимъ результатамъ привело крестьянское движеніе, шедшее

подъ знаменами Пугачева и выводы, къ которымъ приводитъ его это изображение, представляютъ большой интересъ. Вкратцѣ я отмѣчу здѣсь важнѣйшіе изъ нихъ.

Мѣстность на правомъ берегу Волги, явившаяся ареной пугачевскаго движенія, включала въ себя части трехъ тогдашнихъ губерній — Нижегородской, Казанской и Воронежской. На этой территоріи имѣлось довольно рѣдкое, но все же далеко не малочисленное населеніе, насчитывавшее въ себѣ, по приблизительнымъ вычисленіямъ, отъ 2 съ пол. до 3 милл. душъ обоого пола. Составъ этого населенія былъ въ значительной степени пестрымъ. Немалую часть его составляли старыя поселенцы края — черемисы, чуваша, мордва и татары. Власти и духовенство усердно обращали ихъ въ христіанство и это усердіе въ связи съ тѣми притѣсненіями, какія испытывала некрещеная часть различныхъ инородцевъ отъ своихъ же собратьевъ «новокрещеновъ», питало въ ея средѣ острое недовольство, постоянно готовое вырваться наружу. Въ русскомъ населеніи края видное мѣсто занимали многочисленные «однодворцы». Среди нихъ были и зажиточныя семьи, по большенству этихъ «дворянъ въ лохмотьяхъ» по условіямъ своей жизни стояло очень близко къ крестьянамъ и подобно имъ нерѣдко испытывало насилие со стороны администраціи и полноправныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Послѣднихъ здѣсь также было немало, но и въ ихъ средѣ рѣшительно преобладали мелкопомѣстные владѣльцы, крупныхъ же помѣщиковъ насчитывалось немного, да и тѣ, которые имѣлись, по большей части не жили въ своихъ имѣніяхъ. Крестьянское населеніе въ краѣ было представлено государственными, дворцовыми и помѣщичьими крестьянами, причемъ южнѣ Пензы послѣдніе составляли подавляющее большинство. Близость же края къ землямъ донскихъ казаковъ и къ слободскимъ полкамъ создавала благоприятныя условія для побѣговъ крестьянъ и такіе побѣги были здѣсь частымъ явленіемъ. Изъ этихъ бѣглыхъ крестьянъ нерѣдко составлялись затѣмъ разбойничьи шайки, наводившія ужасъ на помѣщиковъ. Но и сами мѣстные помѣщики часто позволяли себѣ разбойныя дѣйствія и по отношенію другъ къ другу, и по отношенію къ остальному населенію, привлекая подчасъ къ участію въ такихъ дѣйствіяхъ не только свою дворню, но и подвластныхъ имъ крестьянъ. Правительственныхъ же вооруженныхъ силъ въ краѣ было очень мало и вооружены онѣ были очень плохо, а администрація, въ иждѣніи которой находились громадные, часто весьма неудачно выкроенные территоріальные округа, была не въ состояніи услѣдить за порядкомъ въ нихъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи данный край не представлялъ собою однообразной картины. Центральная и южная часть его лежали въ области чернозема и основнымъ занятіемъ жителей было здѣсь земледѣліе и скотоводство. Но развитію крестьянскаго хозяйства препятствовала эксплуатація крестьянъ помѣщиками, использовавшими ихъ трудъ на барщинѣ. При этомъ и помѣщичьи хозяйства въ большинствѣ, благодаря своимъ ничтожнымъ размѣрамъ, являлись чисто потребительскими. Поэтому торговля въ данной мѣстности была ста-

бо развита и находилась главнымъ образомъ въ рукахъ прѣбывающихъ сѣвера торговцевъ. Въ сѣверной части края почва была значительно хуже, крестьяне вынуждены были здѣсь, помимо земледѣлія, заниматься разными промыслами и торговлей и въ ихъ средѣ, наряду съ бѣдняками, было немало крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ. Промышленность во всемъ краѣ была развита очень слабо, крупныхъ промышленныхъ предпріятій почти не было, преобладали вотчинные заводы и фабрики, по большей части очень мелкіе. Не было и крупныхъ городскихъ центровъ, а въ существовавшихъ городахъ было очень мало крупныхъ торговцевъ и немалая часть членовъ мѣстнаго «купеческаго» сословія была по своимъ занятіямъ земледѣльцами либо батраками.

Вся совокупность этихъ условій дѣлала данный край мѣстностью въ которой, по характеристикѣ С. И. Тхоржевскаго, было «очень трудно поднять возстаніе и очень трудно организовать его». Вспыхнуло возстаніе здѣсь, дѣйствительно, очень легко. Какъ только распространился вѣсть о изхожденіи Пугачева на правомъ берегу Волги, во всемъ обширномъ краѣ появились партіи «казаковъ императора Петра Федоровича». Партіи эти, почти всегда состоявшіяся изъ добровольцевъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣли и никакой связи съ Пугачевымъ и его «военной коллегіей» и дѣйствовали совершенно независимо отъ главной массы его войска, лишь изрѣдка соединяясь съ ней. Обычно же онѣ изъ свой страхъ объѣзжали села, деревни и города края и именемъ императора Петра III хозяйничали въ нихъ: грабили и разоряли, почти не встрѣчая сопротивленія, помѣщикамъ усадебъ, вѣшали застигнутыхъ дома помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ, истребляли въ государственныхъ и дворцовыхъ селахъ крестьянскихъ начальниковъ и въ городахъ чиновъ общей администраціи. По составу своему такіе партіи обыкновенно были очень немногочисленны, включая въ себя 5-10 человѣкъ, и шель въ нихъ главнымъ образомъ бездомный элементъ. Масса осѣдлага крестьянскаго населенія поставляла имъ, по ихъ требованіямъ, подводы и подводчиковъ, давала «понятыхъ», которымъ случалось иногда участвовать и въ сраженіяхъ съ правительственными войсками, но отъ участія въ сколько-нибудь дальнемъ походѣ воздерживалась и поэтому въ «казаки императора Петра III» не вступала. Однако послѣдніе пользовались полнымъ сочувствіемъ этой массы и это на время обезпечивало имъ успѣхъ.

Такое сочувствіе вполне объяснялось тѣми лозунгами, какіе являлись дѣйствующими отъ имени Пугачева «казаками» и сводились къ дарованію льготъ въ платежѣ податей и поставкѣ рекрутовъ, къ установленію въ селахъ и городахъ выборнаго самоуправленія и къ уничтоженію крѣпостнаго права. «Безпутный и безразсудный народъ», слыша такіе лозунги, неизмѣнно признавалъ, что онъ «служить тому радъ», когда же прѣбжіе «казаки» заявляли, что въ доказательство этой радости «надлежитъ», прежде всего, похѣсить военную, товарища, управителя и подъячихъ или же расправиться такимъ же образомъ съ помѣщикомъ либо его приказчикомъ, то «и пуще тотъ

необузданный народъ радовался» и охотно исполнялъ полученныя приказанія. Въ общемъ въ поднимавшемся такимъ путемъ движеніи рѣшительно стирались всѣ національныя, религіозныя и сословныя различія и оно цѣликомъ направлялось противъ господствующихъ классовъ, — прежде всего противъ помѣщиковъ и представителей власти, а затѣмъ и вообще противъ богатыхъ людей.

Соотвѣтственно этому жертвами возстанія явились люди различныхъ сословныхъ группъ. Наряду съ помѣщиками, ихъ приказчиками и различными чиновниками въ числѣ такихъ жертвъ были богатые однодворцы, и лица духовнаго званія, и купцы, и даже крестьяне-«міроѣды». И въ свою очередь въ рядахъ участниковъ возстанія и даже среди руководителей послѣднихъ, рядомъ съ помѣщичьими крестьянами и заводскими рабочими, встрѣчались однодворцы, причетники, священники, купцы, а изрѣдка и отставные офицеры. Иногда въ сутолокѣ возстанія сводились личные счеты. Извѣстную роль игралъ въ немъ и уголовный элементъ въ лицѣ освободившихся изъ тюремъ преступниковъ. Но въ общемъ возстаніе, охватившее край, носило рѣзко выраженный социальный характеръ и главную роль въ немъ играло крестьянство. И, когда послѣ двухмѣсячнаго разгрома возстанія оно усиліями прибывшихъ въ край правительственныхъ войскъ было подавлено и наиболѣе активные участники его либо бѣжали, либо попали въ плѣнъ, крестьянству же пришлось расплачиваться за него, нести на себѣ правительственныя репрессіи и возмѣщать помѣщикамъ понесенные ими убытки.

Таковыя наиболѣе общія очертанія «Пугачевщины безъ Пугачева», изображенной въ трудѣ С. И. Тхоржевскаго. Богатый фактическимъ содержаніемъ, цѣльный и стройный въ своемъ построении, талантливо изложенный, трудъ этотъ является цѣннымъ приобритеніемъ для нашей исторической литературы и знакомство съ нимъ даетъ большое удовольствіе всякому, кто интересуется русскимъ прошлымъ.

В. Мякотинъ.

«Теория равновесія и материалистическая диалектика». Сборникъ статей. Москва, 1930. Стр. 235.

Сборникъ статей, направленныхъ противъ «право-оппортунистической ревизіи марксистско-ленинской діалектики» представляетъ съ философской точки зрѣнія интересъ прежде всего какъ одинъ изъ симптомовъ того «кризиса совѣтской философіи», о которомъ мнѣ уже приходилось писать на этихъ страницахъ.

Объектомъ нападенія является та теорія діалектики, которая была развита въ знаменитомъ учебникѣ «Историческаго Материализма» Бухаринымъ. Учебникъ этотъ въ теченіе нѣкотораго времени пользовался официальнымъ признаніемъ, пока... Бухаринъ не оказался «политически неблагонадежнымъ». Уже пять лѣтъ тому назадъ я называлъ на этихъ страницахъ точку зрѣнія Бухарина «сопоптеннымъ до излѣзъ спенсеризмомъ». Бухаринъ развивалъ въ своей книгѣ подѣ ви-

домъ «диалектическаго метода» учение о борьбѣ вѣдѣющихся, направленныхъ одна противъ другой силъ. Эти силы то находятся между собою въ равновѣсїи, то одна побѣждаетъ другую, — отсюда возникаетъ движеніе колебанія, напряженія, — однимъ словомъ «динамика» мірового процесса. По существу — это тривиальнѣйшее утвержденіе о существованіи въ мірѣ разнообразія и движенія, обещенное въ псевдо-глубокомысленную форму изреченій Козьмы Пругкова, предвидѣннаго вѣдь и Сиенсера и Бухарина — «два человека одинаковой комплекціи дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого». Но тотъ вопросъ, съ котораго вообще только и начинается философія — почему одна сила «превозмогаетъ» другую, какъ возможно равновѣсїе и почему вообще оно можетъ быть нарушено — даже не ставились официальнымъ философомъ большевизма.

Конечно для совѣтской философіи показательно, что сомнѣнія въ «ортодоксальности» Бухарина нашли себѣ выходъ только въ связи съ политическими «уклонами» его. Но несомнѣнно характерно и то, что нашлись все же люди, почувствовавшіе и въ довольно членораздѣльной формѣ сумбурныя выводить свое отвращеніе къ философской пошлости и безвкусицѣ Бухаринскаго учебника, этого такъ сказать «философскаго официоза».

Философскій интересъ представляютъ, собственно говоря, три первыхъ статьи сборника — «Теорія равновѣсїа и матеріалистическая діалектика» А. Деборина, «Методологія праваго уклона» Н. Бобровникова и «Философскіе корни праваго уклона» Б. Гессена и И. Подволоцкаго.

Если достаточно обычными являются нападки на «механической матеріализмъ», то дальнѣйшимъ развитіемъ настроеній, проявляющихся въ нѣкоторыхъ кругахъ совѣтскихъ философовъ (см. нашу статью «Кризисъ совѣтской философіи» въ № 43 «Современныхъ Записокъ»), является крайне рѣшительное утвержденіе многообразія міра, отрицательное отношеніе ко всѣмъ попыткамъ суженія этого многообразія при помощи той или иной примитивизирующей теоріи — въ первую очередь противъ попытокъ свести всѣ отношенія бытія къ количественнымъ, пространственнымъ и временнымъ. «Въ конкретной дѣйствительности наряду съ самыми сложными явленіями существуютъ также и болѣе простые, элементарные процессы, которые не могутъ исчерпать собой все богатство объективно существующихъ формъ движенія, связей и опосредствованій. Поэтому механистическая «конкретизація» діалектическихъ категорій посредствомъ ихъ сведенія къ этимъ элементарнымъ процессамъ означаетъ вулгаризацію и упрощеніе діалектики» (Деборинъ, стр. 8). Бухаринъ-де «подмѣняетъ всѣ реальные виды и формы движенія наиболѣе простымъ и элементарнымъ его видомъ — простымъ перемѣщеніемъ въ пространствѣ и времени» (10). «Реальная дѣйствительность гораздо богаче связями, чѣмъ каузальная (причинная) связь. Переходъ отъ причины къ слѣдствію есть лишь одна изъ многихъ связей» (Бобров-

никовъ, 32). Возраженія направляются противъ Бухаринской теоріи равновѣсія, какъ «теоріи количества... Она исключаетъ качественную точку зрѣнія» (44). «Количество есть вообще абстракція» (47). Основанная на недоразумѣніи (какъ я имѣлъ случай указывать на этихъ же страницахъ) интерпретація діалектики, какъ ученія о «переходѣ количества въ качество», окончательно похоронена (характерно только, что авторы статей ведутъ себя такъ, какъ будто бы они никогда и не придерживались этой ошибочной и вздорной интерпретаціи! сравн. стр. 45 и др.). «Не можетъ существовать одного односторонняго перехода количества въ качество» (48), «нужно показать, какъ количество зависитъ отъ качества» (49).

Въ связи съ этимъ авторы требуютъ пониманія развитія, какъ развитія «системы». А нужно ли говорить, что тамъ, гдѣ «система», тамъ «механизмъ» и «количество» не могутъ играть существенной роли?! Структура системы должна быть внутренне, «имманентно» обусловлена (53). Поэтому ставится проблема «сущности», внутренней закономерности, которая при случаѣ формулируется (какъ задача) совершенно «феноменологически». Подчеркивается принципъ «самодвиженія» бытія. (12, 52 и др.).

Однако, характерно для совѣтской философін, что и въ этомъ новомъ продуктѣ кризиса философскаго сознанія, мы не находимъ ничего, кромѣ **программы**. Какъ ни отличается эта программа отъ предыдущей, но программа сама по себѣ еще не является философской работой. А возможна ли философія тамъ, гдѣ всѣ результаты изслѣдованія напередъ извѣстны и закрѣплены резолюціями, позволительно очень сомнѣваться! Несчастье совѣтской философін именно въ томъ, что сама формула «діалектической матеріализмъ» разъ навсегда закрѣпляетъ безперспективность философскаго изслѣдованія. «Діалектика», конечно, открываетъ двери лучшимъ традиціямъ философскаго прошлаго. Но съ меньшей рѣшительностью «матеріализмъ», обязательный и неизбѣжный, отрѣзываетъ, закрываетъ напередъ всякія перспективы дальнѣйшаго философскаго развитія.

Поэтому какъ ни интересны попытки преодоленія въ предѣлахъ совѣтской философін господствовавшаго тамъ философскаго примитивизма, во врядъ ли изъ всѣхъ этихъ попытокъ вырастетъ что-нибудь, кромѣ программъ, программъ и программъ.

П. Прокофьевъ.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМ. ЗАПИСОКЪ».

Ант. Ладинский: Черное и Голубое. — Изд-во «Соврем. Записки».

Материалы для библиографии русскихъ научныхъ трудовъ за рубежомъ (1920-1930). — Выпускъ I. Изд. Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. 1931.

Бюллетень Экономич. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича № 83.

Ревельскій Русскій Инвалидъ. — Ноябрь, 1930 г.

Философски Прегляды. № 3. София. 1930.

Вольная Сибирь № 9. — Прага. 1930.

Вѣстникъ Союза Русскихъ Просвѣдительныхъ и Благотворительныхъ обществъ въ Эстоніи. — № 10 - 11. Таллинъ. 1930.

Перекрестокъ № 2. — Парижъ. 1930.

Православный Церковно-Народный Календарь на 1931 годъ. — Изд. «Добро». Варшава.

Вѣстникъ Крестьянской Россіи № 7. — Прага. 1930.

Илья Эренбургъ: Единный фронтъ. Изд. «Петрополисъ».

Александръ Боддырь: Бессарабскій вопросъ. — Кишиневъ, 1930

Соціалистическій Вѣстникъ №-ра 21, 22 и № 1 за 1931 г.

Юрій Фельзенъ: Обманъ Библиотека «Современ. Писатели». Изд. 9 Поволоцкаго. Парижъ.

Б. Соколовъ: Гибель Симона. Изд. Я. Поволоцкаго. Парижъ.

А. Г. фонъ-Нидермиллеръ: Русскій Флотъ 1866-1906 г. — Отъ Севастополя до Цусимы. Воспоминанія. — Рига. 1930.

П. П. Петровъ: Отъ Волги до Тихаго океана. Въ рядахъ бѣлыхъ. Рига. 1930.

Д. Мережковский: Тайна Запада. — Атлантида - Европа. Бѣлградъ 1931.

Бюллетень Американской федерации Партіи социалистовъ-революционеровъ. № 4, 5-6.

К. Каутскій: Большевиизмъ въ тупикѣ. — Ф. Данъ: Проблемы ликвидации. — «Соціал. Вѣстникъ».

Н. Н. Алексѣевъ: Теорія государства. — Изд. евразійцевъ. 1931.

Г. А. Соломогъ: Среди красныхъ вождей. — Т. I и т. II. — Парижъ. Изд. «Мишень».

Русскій Альманахъ. — Справочникъ.

М. А. Алдановъ: Портреты. — Берлинъ. 1931.

Мих. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ. — Изд. «Совр. Записки».

- Василій Логиновъ:** Ялъ-Малъ. --- Харбинъ 1930.
- Воля Россіи.** X. — Прага. 1930.
- Саща Черный:** Румяная — Книжка — Рисунки Г. И. Самойлова. - Бѣлградъ 1931.
- А. Буровъ:** Юдъ небомъ Германіи — Изд. «Новая Литература». Берлинъ.
- Москва.** -- Октябрь. 1930. — Чикаго.
- С. П. Мельгуновъ:** Трагедія Адмирала Колчака. Ч. III. — Бѣлградъ 1931.
- Понедѣльникъ.** - Журналъ содружества работниковъ искусства. — Шанхай.
- Ген. Н. Н. Геловинъ:** Суворовъ и его «Наука побѣждать». — Книгоиздательство «Возрожденіе».
- А. П. Марковъ:** Самостійничество и хозяйственное развитіе Россіи. - Парижъ. 1930.
- Русскій Магазинъ** № 1. — Литературно-художественный журналъ. Таллинъ. 1930.
- Владимиръ Диксонъ:** Стихи и Проза. Съ предисловіемъ Алексѣя Ремизова Изд. Вольтъ Парижъ, 1930. Стр. 248.
- Festschrift Th. G. Masaryk zum 80 Geburtstag.** Zweiter Teil., Th. G. Masaryk als Denker. — 1930.
- Der Russische Gedanke.** II Jahrgang, I Heft. — 1930. Bonn.
- The Bulletin of the American Federation.** No 1 (7).
- Le Monde Slave.** No 1 et No 3. 1930.
- Leo Zaitzeff:** Das Strafrechtswesen im Sowjetstaate.
- Dr. E. Rabinovitch:** Die russisch-ukrainische Zuckerindustrie seit dem Weltkriege (1914-1930). — Ost-Europa Verlag.
- Orient und Occident.** Heft No 4.

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуковскимъ (+), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Д. Гребенщикова, Д. С. Мерзковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, Л. А. Матусевича, С. Р. Минилова, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова-Микитова, С. Соколя-Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софій Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амарі, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунинъ, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандлевской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Сергѣя Маковского, А. Несмѣлова, Мих. Осоргина, Н. Оцуца, В. Познера, Б. Поппавскаго, В. Сирина, П. С. Соловьевой (Аллегро), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой. — Дневники и воспоминанія: Е. К. Брешковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣтаевой, М. В. Щербакова. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философск., политич., экономич. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, А. А. Бема, Н. А. Бердяева, П. М. Бицилли, Е. Богданова, М. В. Брайкевича, В. Брейтвейга, Б. Бруцкуса, И. И. Буцакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Виноградова, М. В. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Ганца, М. О. Гершензона, С. I. Гессена, Б. Гейдинга, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошиллера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуковского (А. Стверова), К. Гулькевича, Г. Д. Гурвича, Ю. Н. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Діонео, С. П. Жабя, С. О. Загорскаго, П. Зернова, В. В. Зиньковского, Ст. Иванова (В. И. Талина), С. А. Иванова, Л. П. Карсавина, С. И. Карсевича, К. Р. Качаровскаго, А. Ф. Керенскаго, А. А. Кизеветтера, С. А. Кобякова, А. А. Койранскаго, В. Г. Короленко, С. А. Корфа, Ант. Крайняго, М. А. Кроля, Е. Д. Кусковой, В. Ладыженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловцкаго, Н. О. Лосскаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, В. А. Маклакова, А. Н. Мандельштама, С. П. Мельгунова, С. И. Метальникова, П. Н. Милюкова, Н. М. Минскаго, Б. С. Миркина-Гецевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Мякотина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, А. С. Орлова, М. А. Осоргина, Н. Ф. Мельниковой-Папоушекъ, А. Б. Петришева, С. Л. Полякова-Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пѣшехонова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Л. Святотополь-Мирскаго, М. Л. Слоима, Б. Ф. Соколова, Д. М. Сокольева, С. М. Соловейчика, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрина, А. Н. Ульянова, Г. В. Федотова, Г. В. Флоровскаго, Л. И. Чижевскаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Е. Шацкаго, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шлецера, Ив. Якушева и др.

Revue paraissant tous les 3 mois.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) — Téléphone: Trocadéro 31-66

Imp. Union, 13, rue Méchain.

Le gérant: Chailt.